Д.И. ФОНВИЗИН

1

Д.И. ФОНВИЗИН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Д. И. ФОНВИЗИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в двух томах

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1959 Ленинград

Д. И. ФОНВИЗИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

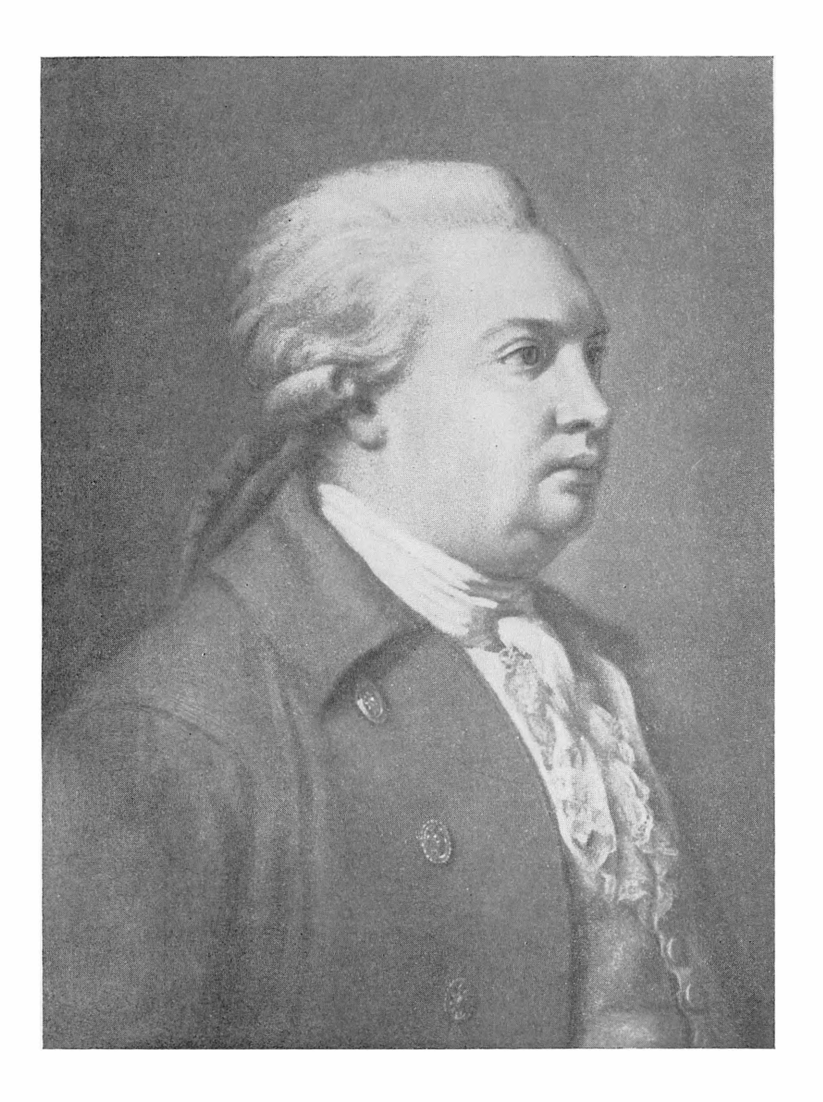
Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва 1959 Ленинград

*Составление, подготовка текстов,
вступительная статья и комментарии*

Г. П. МАКОГОНЕНКО

Оформление художника

В. В. ЗЕНЬКОВИЧ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО Д. И. ФОНВИЗИНА

Фонвизин широко известен как автор комедии «Недоросль», как смелый и блистательный сатирик. Но творец «Недоросля» был не только крупным и талантливым драматургом XVIII века. Он — один из основоположников русской прозы, замечательный политический писатель, воистину великий русский просветитель, бесстрашно, в течение четверти века, воевавший с самодержавием Екатерины II. Эта сторона творческой деятельности Фонвизина изучена недостаточно, и потому прежде всего, что до сих пор не собраны и не изданы все оригинальные и переводные сочинения Фонвизина. Тем самым не выяснен до конца воинствующе-просветительский характер его художественных произведений, их место в общественной жизни России в канун появления радищевской революционной книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790).

Пушкин первый указал, что Фонвизин не только «сатиры смелой властелин», но и «друг свободы». Оценка эта относится к 1823 году. Поэт в то время находился в ссылке на юге. Ненавистник рабства, он ждал революции, отлично понимая, что «политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян». Для Пушкина понятия просвещение и свобода — равнозначны. Только благодаря просвещению может быть достигнута свобода. И освобождение будет осуществлено просвещенными дворянами при «единодушии» всех сословий, которые «соединятся» «в желании лучшего» «противу общего зла». Пушкин записал эти мысли в 1822 году в «Заметках по русской истории XVIII века».

Тогда же ему открылась благородная и беззаветная деятельность русских писателей-просветителей XVIII столетия. В яростной схватке с екатерининским правлением мужественно погибли Новиков, «рассеявший первые лучи просвеще-

ния», Радищев — «рабства враг», Фонвизин — «друг свободы». Их сочинения — художественные и политические, печатные и рукописные — использовались современными деятелями. Пушкин неоднократно призывал участников декабристского движения помнить о своих предшественниках, — помнить, чтобы чувствовать опору и черпать силу в живой, давно уже начатой борьбе за свободу отечества.

Решительно встав на позиции просветительства уже в 60-е годы, Фонвизин все свое дарование художника подчинил служению великой цели. Идеология просвещения подняла его на гребень неукротимо возникавшего русского освободительного движения. Передовая идеология определила его эстетические искания, его художественные достижения, его решительное сближение литературы с действительностью.

Пушкинская оценка удивительно лаконична, исторически конкретна и точна. Гоголь отметил эту особенность художественного таланта Пушкина, его «необыкновенное искусство немногими чертами означить весь предмет: эпитет (Пушкина. — *Г. М.*) так отчетист и смел, — писал он, — что иногда один заменяет целое описание». Определение Фонвизина «другом свободы» «означило весь предмет». Оно и должно послужить основанием «целого описания» его жизни, его творчества, его деятельности.

1

Денис Иванович Фонвизин родился 3 апреля 1745 года.[1] Отец Фонвизина, помещик среднего достатка, был, по словам писателя, «человек добродетельный», «любил правду», «не терпел лжи», «ненавидел лихоимства», «в передних знатных вельмож никто его не видывал». Мать «имела разум тонкий и душевными очами видела далеко. Сердце ее было сострадательно и никакой злобы в себе не вмещало; жена была добродетельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная».

Первые десять лет Фонвизин провел в семье. Здесь он научился грамоте. Наставником его был отец, который «читал все русские книги», «древнюю и римскую историю, мнения Цицероновы и прочие хорошие переводы нравоучительных книг».

Открытие первого русского университета в 1755 году изменило судьбу Фонвизина. Отец писателя, не будучи в состоянии

[1] По другим сведениям — 3 апреля 1744 года.

нанимать учителей иностранных языков, как того требовала дворянская мода, воспользовался открывшейся возможностью дать своему сыну настоящее воспитание, «не мешкал, можно сказать, ни суток отдачею меня и брата моего в университет, как скоро он учрежден стал», — свидетельствует писатель. Фонвизин был зачислен в латинскую школу дворянской гимназии, которая готовила для поступления в университет. Окончив гимназию весной 1762 года, он был переведен в студенты.

В гимназические годы начал Фонвизин заниматься и литературными переводами. «Склонность моя к писанию являлась еще в младенчестве, — вспоминал писатель, — и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста». «Упражнения в переводах» проходили под руководством профессора Рейхеля (он преподавал всеобщую историю и немецкий язык). В 1762 году в университетском журнале «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствий» были напечатаны некоторые переводы: «Господина Менандра изыскание о зеркалах древних», «Торг семи муз». К тому же времени относится и начало работы над переводом трагедии Вольтера «Альзира».

Первой серьезной и самостоятельной литературной работой Фонвизина был перевод с немецкого в 1761 году басен датского писателя Гольберга. Несмотря на то, что переводчику минуло всего лишь 16 лет, он блестяще справился со своей задачей. Гольберг — крупнейший датский просветитель, «северный Вольтер». В его прозаических, драматических и поэтических сочинениях даны картины неравенства состояний, сатирически изображены буржуа-филистеры и дворяне, которые вели паразитический образ жизни, открыто высказано уважение к трудящимся сословиям, и прежде всего к крестьянству.

Юный Фонвизин, переводя сочинения Вольтера и Гольберга, усваивал идеи просвещения. Вот почему переводы интересны не только с литературной стороны. С наибольшей полнотой усвоение просветительских идей и творческое их применение демонстрирует работа над переводом Гольберга. Фонвизин не просто перевел предложенный ему сборник, а отобрал (из 251 басни — 182) то, что счел нужным и интересным для русского читателя. Перевод его точный, но не буквальный. Фонвизин сокращал некоторые басни, убирал из них все те бытовые подробности, которые могли помешать русскому читателю понять их содержание, вносил русский колорит. Басня

«Лошадь знатной породы», направленная против сословных предрассудков, учила ценить в человеке не знатность, а добродетель. Длинное нравоучение Гольберга Фонвизин заменил лаконичным пересказом, сохранив его дух: «Мы никогда не смотрели на знатность вашу, и нам дело не до прадеда твоего, а до тебя самой. Басня учит, что не должно предпочитать знатность добрым качествам, ибо она есть одна только химера». Басня «Юпитер посещает лес», посвященная той же теме, обогащена множеством художественных подробностей.

Еще более выразительна поправка, внесенная в басню «Молитва волков». В ней обличались чиновники, беззастенчиво грабившие население. Фонвизин, используя свои наблюдения над русскими подьячими, прибегает к народной пословице при характеристике морального кодекса чиновников. Народ говорит: «Вор слезлив, плут богомолен». Волк в басне изъясняется в полном соответствии с пословицей. Он говорит: нам, волкам, «совсем невозможно молиться с усердием, когда сперва не нагрешим много: и чем более злодейство, тем ревностнее покаяние». Через восемь лет в комедии «Бригадир» плут советник откровенно заявит: «Несть греха, иже не может быть очищен покаянием... Согрешим и покаемся».

Подготовленный Фонвизиным перевод басен Гольберга — это книга маленьких нравоучительных и сатирических рассказов, проникнутых гуманной идеей глубокого уважения к человеку, исполненных просветительского презрения к сословной спеси. Рассказы написаны живо, хорошим русским языком. Уже здесь проявилась особенность стилистической манеры будущего сатирика — лаконизм повествования, любовь к афористически четким фразам-формулам. Книга была быстро раскуплена.

В 1760 году директор университета повез в столицу лучших учеников для представления их куратору И. И. Шувалову. Среди лучших оказался и Фонвизин. Во время пребывания в Петербурге он попал на спектакль недавно (в 1756 году) созданного русского театра. «Действие, произведенное во мне театром, почти описать невозможно», — вспоминал впоследствии писатель. Первые впечатления определили судьбу Фонвизина. По возвращении в Москву он с большим интересом посещал спектакли театра Локателли, в котором играла университетская труппа. После переезда в Петербург в 1762 году Фонвизин навсегда связывает себя с русским театром.

28 июня 1762 года жена Петра III, Екатерина Алексеевна, опираясь на гвардейские полки, совершила переворот. Политическим вдохновителем переворота был воспитатель наследника Павла — Никита Панин. Требования дворянских либералов, лидером которых был Панин, сводились к установлению конституции. Русское самодержавие по своей форме было деспотией; власть монарха, ничем не ограниченная, превращала его в самовластного тирана. Нужны были «фундаментальные» законы, ограничивавшие власть императора, необходимо было и учреждение, которое бы контролировало действия самодержца и гарантировало неприкосновенность конституции. Несмотря на то, что все эти требования не меняли существа политического строя России, — он продолжал оставаться дворянской монархией, — в условиях того времени они носили прогрессивный характер. Некоторые группы дворянства, возглавленные братьями Орловыми (они осуществляли непосредственно дворцовый переворот и убили Петра III), не соглашались с требованиями Панина и его последователей ограничить самодержавную власть. Завязалась острая политическая борьба внутри дворянства, многое определявшая в общественной и литературной жизни 60—70-х годов. Екатерина ловко лавировала в этой борьбе — при вступлении на престол давала большие обещания, а по мере укрепления своей власти принимала меры к разгрому дворянских либералов, желавших ограничить ее самодержавие.

22 сентября в Москве в торжественной обстановке была проведена коронация. В древнюю столицу прибыл двор и правительственные учреждения из Петербурга, съехались крупные помещики со всей страны. Праздник коронации продолжался год, — только в июне 1763 года императрица вернулась в столицу. Именно в эту пору вдруг изменилась судьба Фонвизина, и он неожиданно оказался приближенным к политическим делам в государстве, ко двору, к той борьбе, которая кипела вокруг новой императрицы. Вице-канцлер Голицын решил студента Фонвизина, отлично владевшего иностранными языками, взять переводчиком в иностранную коллегию. В октябре 1762 года Фонвизин подает челобитную на имя Екатерины. При челобитной он прилагает образцы переводов с трех языков — латинского, французского и немецкого. Заслуживают внимания переводы с латинского — М. Туллия Цицерона «Речь за Мар-

цела» и с французского — «Политическое рассуждение о числе жителей у некоторых древних народов». Фонвизин выдержал испытание не только как переводчик. Выбранные им «материи» для переводов свидетельствовали о политических интересах студента. Даже перевод, представленный для образца, звучал актуально: Цицерон в речи за Марцела превозносил Цезаря за то, что он «умерял страсти свои, выдерживал гнев свой, в победах поступал великодушно». Проблема страстей государя была и оставалась центральной в политической жизни России XVIII века. Превозносить монарха, умеряющего свои страсти, значило выступить с уроком царям.[1]

Тогда же была написана Фонвизиным сатирическая басня «Лисица-казнодей» (проповедник). Басня — первое дошедшее до нас оригинальное произведение сатирика — посвящена острейшей политической теме. В Ливийской стороне, рассказывается в басне, умер царь лев. На «огромные похороны» собрались все звери. Лисица, «взмостясь на кафедру», «с смиренной харей» начала «вопить» льстивую хвалу умершему монарху. Стоявший тут же крот с возмущением шепчет собаке: «О лесть подлейшая! Я знал льва коротко, — он был пресущий скот». Поэт с презрением говорит о лисице, льстивом панегиристе царей. Но главным объектом сатирического изображения оказывается лев и его правление. Царь лев был не только скот, но и «зол и бестолков и силой вышней власти он только насыщал свои тирански страсти». Его трон был «сплочен» «из костей растерзанных зверей». «В его правление любимцы и вельможи сдирали без чинов с зверей невинных кожи». С гневом отвергает Фонвизин такого «мудрого царя правление». Несомненно, реальные политические события начала 60-х годов способствовали росту сознания молодого писателя. Смена монархов, приход

---

[1] В архиве МИДа в описи значится «Дело об определении в Коллегию переводчиком бывшего лейб-гвардии Семеновского полка сержанта Дениса Фонвизина». Дата заведения дела — 21 июля 1762 года. К сожалению, самого дела в архиве нет, оно значится как утраченное. Видимо, Фонвизин еще до приезда двора и Голицына подавал прошение о зачислении на службу в Коллегию иностранных дел. Оформлено же дело было в октябре в Москве. Н. С. Тихонравов, очевидно, знаком был с этим делом; во всяком случае, в его архиве сохранилась копия челобитной Фонвизина на имя Екатерины и копии представленных им в Коллегию переводов (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, рукописный отдел, Тих. 1, папка № 32, ед. хран. 3).

к власти Екатерины в результате дворцового переворота помогали Фонвизину понять пороки самодержавного правления вообще, увидеть и возненавидеть фаворитизм, произвол, «тирански страсти». Через несколько лет Фонвизин, внимательно следивший за политической жизнью России и Запада, в одном из писем подчеркнет мысль, что события, происходящие на его глазах, многому учат: «История нашего века будет интересна для потомков. Сколько великих перемен! Сколько странных приключений! Сей век есть прямое поучение царям и подданным».

Басня красноречиво говорит о том, что в Коллегию иностранных дел пришел не просто переводчик, но талантливый писатель, человек, начинавший самостоятельно разбираться в политических порядках самодержавного правления. Канцлер М. И. Воронцов, руководивший иностранной коллегией, заметил дарование юного переводчика и приблизил его к себе. Как вспоминал впоследствии Фонвизин, канцлер «важнейшие бумаги отдавал именно для перевода мне». Среди «важнейших» были и различные политические сочинения. Познакомившись с одним из таких французских произведений, Фонвизин сделал краткий реферат, озаглавив его «Сокращение о вольности французского дворянства и о пользе третьего чина».

Изложив содержание трактата, Фонвизин, глубоко понимая огромное значение «третьего чина» в экономической и общественной жизни страны, пишет, что «сей третий чин нетрудно учредить и в России». Далее он излагает свой план социального возрождения отечества. «Третий чин составляет одно с народом». Необходимо поощрять деятельность всех тех, кто «старается о мануфактурах, устанавливает промены вещей, оценивает товары», — всех купцов, художников и ремесленников. Им всем должна быть дана воля. Купцам и «славным художникам» «увольнение» продавать. В университет принимать детей крестьян, и кто обучится «вышним наукам», должен быть освобожден от крепостной зависимости по аттестату. «Когда, — утверждает Фонвизин, — всякий в состоянии будет упражняться в том, к чему имеет дарование, составят все нечувствительно корпус третьего чина с прочими освобожденными».

Важную часть плана социальных преобразований занимает вопрос о крестьянстве. Фонвизин против рабства. Но он считает, что освобождать крепостных немедленно нельзя. Сейчас необходимо ограничить крепостное право, увеличить права крестьян (разрешить учиться в университетах, позволить заниматься

любым делом с правом ухода из деревни и т. д.) и тем самым постепенно подготовить полное их освобождение. Фонвизин верит, что свободный крестьянин будет богаче и найдет больше способов к выплате оброка. В конце статьи Фонвизин лаконично изложил свой план: «Словом, в России надлежит быть: 1) дворянству, совсем вольному, 2) третьему чину, совершенно освобожденному, и 3) народу, упражняющемуся в земледельстве, — хотя не совсем свободному, но по крайней мере имеющему надежду быть вольным, когда будут они такими земледельцами или такими художниками (ремесленниками. — *Г. М.*), чтоб со временем могли привести в совершенство деревни или мануфактуры господ своих».

Программа социальных преобразований, выработанная Фонвизиным, носила буржуазно-освободительный характер. Как просветитель, он верит в возможность ее мирного осуществления. Вопрос о том, кто и как может осуществить эту программу, — им еще не решен. На него Фонвизин даст ответ через несколько лет.

3

В начале октября 1763 года указом Екатерины Фонвизину было велено, «числясь при иностранной коллегии», «быть для некоторых дел при нашем статс-советнике Елагине». И. П. Елагин состоял при кабинете императрицы «для принятия челобитен». Кроме того, он ведал театрами. Елагин был не только сановником, но и человеком образованным, дилетантски занимавшимся поэзией, драматургией, переводами, историей.

Служба у Елагина сблизила Фонвизина с кругом литераторов-драматургов, во главе которых стояли Елагин и Лукин. Фонвизинский интерес к театру приобрел благодаря этому практический характер. Лукин именно в эти годы пишет одну комедию за другой: «Мот, любовью исправленный», «Пустомеля», «Награжденное постоянство» и, наконец, «Щепетильник». В 1765 году эти комедии ставятся на сцене. Елагин создает комедию «Русский-француз». Все эти драматические сочинения, объединенные единством эстетической позиции, противостояли комедиям Сумарокова. Главным новшеством в них было принципиальное стремление авторов показать именно русскую действительность, изобразить жизнь и быт русских людей. Эта ориентация на сближение театра с жизнью несомненно была прогрессивной. Лукиным была поставлена задача

демократизации театра, создания своего национального репертуара. Но избранные пути решения этой задачи противоречили замыслу. И Лукин и Елагин, видя засилье в русском театре переводных пьес (что объяснялось как идеологической позицией дворянства, так и младенческим состоянием русского театра), выступили против этого явления и, ратуя за национальную драматургию, объявили необходимым «склонять их (чужие пьесы. — *Г. М.*) на русские нравы».

Так возникли комедии, переложенные на русские нравы. Переделка не была радикальной — вводились русские имена, названия русских городов, изображались отдельные русские обычаи, в других случаях осмеивались конкретные «русские пороки». Комедия Елагина «Русский-француз», например, являясь «склонением на русские нравы» комедии Гольберга, обличала галломанию русских дворян. Правда, сюжет гольберговской комедии очень подходил к этому, — молодой дворянин, побывав в Париже, возвращался на родину ярым французоманом.

Юный Фонвизин в период своих творческих исканий пытается пойти по пути, указанному Лукиным. Результатом явилось «склонение на русские нравы» драмы Грессе «Сидней». Как и «Альзира», это — стихотворное произведение. Фонвизин дал ему новое название — «Корион». «Склонение» началось с перенесения действия в Россию: события происходят в Подмосковье. Появились упоминания о русских делах — производство в чины, увеселения в Москве и т. д. Имена полностью не были русифицированы, только слуга имел русское имя Андрей.

Фонвизин, несомненно, уже в это время начинал понимать, как глубоко чужд русским условиям жизни и этот сюжет и этот вездесущий слуга-делец. Поэтому «склонение на русские нравы» не вызывало у Фонвизина никакого пафоса. Приступить к созданию оригинальных комедий драматург еще не мог. Но коечто сатирический, насмешливый дар писателя помог ему изменить и в этом сочинении. Прежде всего, сентиментальная драма Грессе превратилась у Фонвизина в легкую комедию. Условное страдание влюбленных, и в частности страдание Кориона, стало объектом едкой насмешки. Несомненной удачей явился образ слуги Андрея: он не столько предприимчив, в соответствии с традицией буржуазной драматургии, сколько по-фонвизински насмешлив и смышлен. Он снисходительно относится к своему барину, отлично понимая, что страдание его — игра, дань моде, которая, как всякая мода, заморского происхождения. Андрей, одно из

главных действующих лиц комедии, ведет действие, устраивает судьбу героев, произносит большие монологи, в которых высказывает свой взгляд на вещи. Он начинает и кончает комедию.

Насмешливость Андрея, его философствование, его ирония прямо ведут нас к другому, уже оригинальному сатирическому произведению Фонвизина «Послание к слугам моим — Шумилову, Ваньке и Петрушке».

В «Послании к слугам моим» дана широкая картина подлинно русской действительности. То, что только намечалось в «Корионе» (например, оригинальная вставка в комедию — разговор слуги Андрея с крестьянином о порядках в господских имениях), получило новое дальнейшее развитие в «Послании». Слуги в ответ на вопрос своего барина: зачем создан свет, — развертывают перед ним сатирическую картину порядков екатерининской России. И оказывается, что самодержавно-крепостнический режим, освященный церковью, рождает отвратительную, мерзкую жизнь, полную насилия, обмана, продажности. Любопытно при этом, что мысль автора высказывает кучер Ванька:

Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя.

Служба у Елагина была хлопотливой и отнимала много времени. Помимо непосредственных дел (исполнение поручений Елагина, писание служебных писем, приготовление переводов), Фонвизин, как состоящий на службе при дворе, обязан был посещать дворцовые куртаги, маскарады, присутствовать на официальных парадных приемах, на торжественных спектаклях. В зависимости от местопребывания Екатерины Фонвизин жил то в Петербурге, то в Царском Селе, то в Петергофе. Придворная жизнь свела его с крупными государственными деятелями, сановниками и фаворитами. К нему относились не как к чиновнику Елагина, а как к даровитому писателю. В 1763 году в придворных кругах широко распространялась в списках трагедия «Альзира». В 1764—1765 годах на сцене придворного театра с успехом шла комедия «Корион». Позже началось всеобщее увлечение «Бригадиром». Смелость суждений, глубокий ум, насмешливость и остроумие — все это создавало Фонвизину — поэту, драматургу, сатирику — особое, независимое положение. Его знакомства искали. Постоянное пребывание при дворе позво-

лило писателю хорошо узнать Екатерину, понять ее политику, увидеть многочисленные дворцовые интриги, от которых зависело положение подданных. Здесь же, при дворе, с 1762 по 1766 год был и Радищев, зачисленный на коронационных празднествах в Москве пажом Екатерины. Но Радищев был еще юноша, Фонвизин — уже известный писатель.

Придворная жизнь тяготила Фонвизина. Его письма к сестре в Москву наполнены жалобами: «Сегодня при дворе маскарад, и я в своей домине туда же поплетусь»; «скучно»; «вчера я был на куртаге, и, не знаю что, стало мне так грустно, что я, не дождавшись конца, уехал»; «с куртага приехал домой смущен»; «народу было преужасное множество, но клянусь тебе, что я, со всем тем, был в пустыне. Не было почти ни одного человека, с которым бы говорить почитал я хотя за малое удовольствие». Общий вывод категоричен: «В свете почти жить нельзя, а в Петербурге и совсем невозможно». В другом письме Фонвизин уточнил свою мысль: «Честному человеку жить нельзя в таких обстоятельствах, которые не на чести основаны».

Вот почему, вырвавшись из придворного круга, Фонвизин с удовольствием проводил время в кружке литераторов, в центре которого в ту пору были Федор Козловский, Иван Дмитревский — прославленный актер русского театра. Оба, так же как и Фонвизин, писали стихи и пьесы. Козловский отличался религиозным свободомыслием. По отзыву Фонвизина, «лучшее препровождение времени (кружка. — *Г. М.*) состояло в богохулении и кощунстве». Именно здесь Фонвизин читал свое «Послание к слугам моим», зло издеваясь над попами и церковью. В то же время были написаны им и многие другие стихотворные сатиры, которые, к сожалению, до нас не дошли.

Несмотря на хлопотливость придворной службы, Фонвизин в эти годы много и напряженно работал. Главным делом были переводы. Еще в Москве, по договоренности с университетским книготорговцем Вевером, он начал переводить большой роман Террасона «Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя египетского». Первая часть вышла в 1762 году, остальные три части выходили последовательно до 1768 года. Политико-нравоучительный роман Террасона преследовал цель под покровом авантюрного повествования давать поучения царям и вельможам.

В 1766 году вышел перевод книги Куайе «Торгующее дворянство, противуположенное дворянству военному, или Два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства,

чтобы дворянство вступало в купечество». Трактат Куайе разрабатывает близкие к работе Фонвизина «Сокращение о вольности дворянства и о пользе третьего чина» социально-политические вопросы.

Одновременно Фонвизин работал над переводом двух литературных произведений, которые издал в 1769 году. То были сентиментальная повесть Арно «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность» и лирическая поэма на библейскую тему «Иосиф», автор которой Битобе умиленно повествовал о своих добродетельных героях. В 1765 году Фонвизин выпустил второе издание басен Гольберга.

Учитывая успех первого издания, Фонвизин, готовя новое, дополнил книгу переводом 42 басен. Из них одна — «Пан делает учреждение» — представляет особый интерес. В басне зло высмеивалась претензия благородных зверей занимать господствующее положение в лесном царстве, провозглашался просветительский принцип, что не порода и происхождение, а лишь заслуга перед обществом отличает человека. Содержание басни таково: звери и птицы «самого знатного класса» — львы, барсы, слоны, орлы и ястребы — возмутились тем, что «самые малые» настаивают на равенстве с ними, и обратились к Пану с просьбой издать табель о рангах, из которого «малые звери» узнали бы, какие почести они обязаны воздавать «благородным тварям». Пан, выслушав благородных, не поддержал их, а взял сторону «нижайших» тварей и издал «учреждение» — закон, который устанавливал новый принцип разделения зверей и птиц на классы. В «учреждении» было записано: «Давать старшинство не по природе, а по внутреннему достоинству, добродетели и прилежанию, через что приносят они людям истинную пользу».

«Учреждение» осуществляло революцию в лесном государстве. В первый класс попали: пчелы, овцы, коровы, лошади, козы; во второй — верблюды, быки, потому что все они «великую приносят пользу» — «кормят и одевают человека», «работают». Кто же попал в пятый, последний класс? Во-первых, все «благородные» твари, доказывавшие свои права на господство, — львы, тигры, барсы, орлы, ястребы — и, во-вторых, крысы, мыши, змеи, клопы... Все эти звери, насекомые и птицы пятого класса уравнивались на том основании, что «проводят жизнь свою или совсем бесполезно, или еще и вредно».

Басня, включенная в сборник, который выходил накануне созыва Комиссии по составлению нового Уложения, станови-

лась, безусловно, актуальной. Фонвизин предлагал свое «учреждение», — в нем господствовало истинно просветительское отношение к человеку, записаны были требования улучшить положение тех, кто «работает», «великую приносит пользу», «кормит и одевает», решительно осуждено дворянство за паразитический образ жизни.

Следует отметить, что, точно переведя басню, Фонвизин коечто в ней переменил. Изменения эти примечательны. Приведу только некоторые из них. Прежде всего Фонвизин изменил заглавие: в немецком оригинале — «Пан определяет ранги», у Фонвизина — «Пан делает учреждение». В оригинале: «Так называемые благородные звери не могли вынести, что самые малые настаивают на равенстве с ними». Фонвизин перевел это место иначе: «Звери, приписывающие себе по силе своей первенство, не могли терпеть того, что нижайшие хотят с ними равняться». Как видим, поправка небольшая, но существенная. Она — свидетельство отличного понимания Фонвизиным происхождения прав дворянства. Права эти не есть награда за услуги отечеству, воздаяние почестей потомкам за славные дела предков. Первенство и права в обществе захвачены дворянством силой — вот чему учил Фонвизин своим переводом.

4

В XVIII веке в ряде стран Западной Европы, и прежде всего во Франции, развернулась борьба с феодализмом. Капитализм там наступал особенно решительно. В обществе зрели силы, которые должны были покончить с политическим и экономическим режимом господствующего класса — дворянства. Просвещение как идеология и сформировалось в эпоху борьбы с феодализмом. Французское буржуазное просветительство, сложившееся в 40—50-е годы XVIII века, было последовательной антифеодальной идеологией. Просветители подвергли уничтожающей критике религию, взгляды на общество; объявив все существовавшие государственные феодальные порядки неразумными, подлежащими уничтожению, они выступили против рабства. Самоотверженно отстаивая свободу человека, Просвещение оказывало возраставшее из десятилетия в десятилетие влияние на все области общественной жизни, и в том числе на искусство и литературу.

Важнейшей особенностью развития русской общественной мысли XVIII века было формирование просветительской идеоло-

гии. Своеобразие социально-исторического развития России обусловило особенности русской революции. Буржуазия не была тем классом, который определил хотя бы один из этапов русской революции. Первых революционеров дало дворянство. В дальнейшем освободительное движение шло по пути все большей демократизации. Декабризм опирался на замечательные традиции русского Просвещения XVIII века, начавшего борьбу с царизмом и крепостничеством. Русское Просвещение подняло впервые знамя антифеодальной борьбы. Не буржуазия, а дворянство выдвинуло из своей среды первых просветителей. Не буржуазным, а дворянским было это Просвещение, то есть прямым идейным предшественником дворянской революционности.

В 60-е годы XVIII века, в пору усилившегося крестьянского протеста, в канун пугачевского восстания, окончательно сложилась просветительская идеология. На общественную арену выступили такие просветители, как философ Яков Козельский, писатель и издатель Николай Новиков, популяризатор просветительской идеологии, профессор Николай Курганов. В то же десятилетие на позиции просветительства встал и Фонвизин.

Просвещению, как антифеодальной идеологии, присущи характерные и свойственные только ему определенные черты. Вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической областях, защита просвещения, свободы, всесторонней европеизации России и, наконец, отстаивание интересов народа — таковы главные черты просветительства.

Формирование русского Просвещения определялось реальными условиями политической жизни страны, обострением социально-политических противоречий крепостнического государства. «Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России».[1] Во второй половине XVIII века гнет крепостничества принял особо жесткие формы. Возраставшие из десятилетия в десятилетие права дворян были записаны в специальных самодержавных указах «о вольности дворянской». Крестьян полностью отдали на «милость и попечение» помещиков. Ответом на эту политику самодержавно-помещичьего государства явились крестьянские восстания. Умножавшиеся из года в год крестьянские бунты становились фактором

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 300.

внутренней политики, — их боялись уже не только помещики, но и правительство. Царствование Екатерины проходило в зареве больших и малых восстаний. Напряженный характер борьбы крестьянства за свои права в 60—70-е годы определил лицемерно-либеральную, полную фарисейских обещаний реформ, а на деле цинично-крепостническую политику Екатерины.

Просветители отстаивали концепцию просвещенного абсолютизма. Эти убеждения просветителей порождали и соответственную тактику. «Проводить свои цели при дворе, осуществлять их при помощи государей, — такая тактика характеризует определенную историческую и довольно продолжительную фазу развития буржуазного Просвещения. Государи и их дворы остаются всегда для этого Просвещения только средствами для осуществления их целей».[1] В России политическую теорию французских просветителей и решила использовать Екатерина в своих целях. Сознание, что эти «страшные вольнодумцы» — в сущности сторонники монархии, проповедующие мирный путь к общественному благу, определило отношение Екатерины к французским просветителям, возникновение ее личных связей с энциклопедистами, сделало ее изобретательной и дерзкой во всех затеваемых демонстративных действиях.

Созыв Комиссии по составлению Уложения летом 1767 года был одним из спекулятивных политических маневров Екатерины. Пушкин с полным основанием назвал эту затею «отвратительной фарсой». Она нужна была новой императрице для распространения легенды, что в ее лице взошел на русский престол «просвещенный монарх», желающий советоваться «с представителями нации» по поводу создания нового законодательства, жаждущий искоренить «злоупотребления и неустройства». На практике вся законодательная работа Комиссии была сведена правительством Екатерины к нулю, ее деятельность оказалась бесплодной. Но в то же время созыв и работа Большого собрания Комиссии были самым крупным политическим событием в жизни страны до восстания Пугачева.

Вопросы, обсуждавшиеся в Комиссии, были восприняты передовой русской литературой как первоочередные. Благодаря выступлениям демократических депутатов, громогласно с трибуны

---

[1] Ф. Меринг. Литературно-критические статьи, М. — Л., 1934, т. I, стр. 740—741.

заявивших о народных нуждах, «отягощениях» и чаяниях и подвергших, правда, лишь с моральных позиций, суду «благородное» сословие, рассказавших о его бесчеловечности, жестокости, дикости в отношениях с крепостными, осудивших дворянство за тунеядство и паразитизм, — литература смогла сделать решительный шаг к сближению с действительностью.

Литература услышала этот призыв. Многие литераторы служили в Комиссии или были тесно связаны с ее работой. Вот почему на творчество таких писателей, как Н. И. Новиков, В. И. Майков, М. И. Попов, А. А. Аблесимов и Д. И. Фонвизин, оказала прямое влияние идеологическая борьба, развернувшаяся в Комиссии.

Вопросы, поднятые в Комиссии, обсуждались в кругу начинающих писателей, недавних ее сотрудников. Желание откликнуться на события литературным словом еще более сплотило их. К 1769 году во главе этих писателей становится Новиков. С мая 1769 года Новиков приступит к изданию сатирического журнала «Трутень», привлекая к сотрудничеству в нем своих друзей. С первых же листов в журнале принимают активное участие Майков, Попов, Аблесимов. В 1770 году во втором своем журнале, «Пустомеля», Новиков перепечатает фонвизинское сатирическое сочинение «Послание к слугам моим». В 1772 году Новиков будет издавать лучший свой сатирический журнал «Живописец». На страницах «Трутня», «Адской почты» (издатель Ф. Эмин), а с 1772 года — «Живописца» была широко развернута борьба с бюрократией, паразитирующим дворянством и галломанией, с политикой Екатерины.

Просветители, потребовав от писателей резко критического, сатирического отношения к действительности, направляли внимание на самые больные стороны общественных отношений в России: положение крепостных, паразитическая жизнь дворянства, произвол и беззакония представителей местной и центральной власти, деспотические действия самодержавной императрицы. Развивать сатиру в тех конкретно-исторических обстоятельствах значило не только повышать общественную активность литературы, но и способствовать ее сближению с действительностью. Отстаивание интересов народа направляло внимание писателей на условия его жизни, на его быт, его культуру. Беспрестанно расширявшееся идейное содержание литературы не могло не вызвать обновления форм поэзии, драматургии и прозы, пересмотра правил классицизма.

В этой атмосфере и родился замысел «Бригадира». В комедии действуют две семьи провинциальных помещиков. Образ Ивана, сына бригадира, неистового галломана, занимает центральное место. Фонвизин показывает, как паразитические условия существования помещиков воспитывают не только тупого, невежественного и жестокого тунеядца, но и холодного, расчетливого эгоиста, циника и развратника, ярого ненавистника отечества, бездушное существо, не знающее рода и племени.

В «Бригадире» Фонвизин весело смеется над уродствами жизни. Иногда и мы улыбаемся, видя французоманию или идиотически бессмысленную жизнь бездельника. Но в большинстве случаев поведение Иванушки, его речь вызывают негодование и возмущение. Когда он, «дурачина» по словам отца, заявляет: «Я должен... французскому кучеру за любовь мою к Франции и за холодность к русским», или: «тело мое родилось в России, это правда, однако дух мой принадлежит короне французской», или: «я пренесчастливый человек. Живу уже двадцать пять лет и имею еще отца и мать», или когда он занимается грязным любовным ухаживанием за чужой женой, — не улыбка, а гнев возникает в душе зрителя и читателя. И в этом заслуга драматурга, — образ Ивана строится резко сатирически и обличительно. Иваны — молодое поколение русских дворян-крепостников — враги Фонвизина.

Общественный опыт Фонвизина помог углубить характеристику и других персонажей. Писателя интересовало не демонстрирование абстрактных пороков, понятых как уклонение от идеальных норм поведения человека, а раскрытие реальной практики, живой будничной жизни рядовых представителей «благородного сословия». И бригадир и советник — помещики. Хозяйство в доме бригадира ведет его жена. Глупая и невежественная, она управляет и дворовыми и деревенскими крепостными. Советник же все держит в своих руках. Оба скупы, властны и жадны до денег. За внешней благопристойностью скрывается хищный облик собственников, готовых перегрызть друг другу горло.

И бригадир и советник в прошлом служили. Бригадир, прослужив не один десяток лет, дотянулся наконец до маломальски значительного чина и вышел немедленно в отставку. Единственной целью службы была корысть. Получив чин, он не устает чваниться перед женой, советницей, сыном. Военный, призванный защищать свое отечество, он ни разу не вспоми-

нает ни одной кампании, где бы он отличился, где бы он действительно показал, что служил отечеству, а не своей корысти. От бригадира идет прямая родословная к Скалозубу, полковнику, ловко осуществляющему свою «паркетную» карьеру.

Советник — родня Фамусову. Дворянин-чиновник, взяточник, наглец, ханжа, он, не стыдясь, признается, что целью его службы было приобретательство, личное обогащение. «Меня благословил бог достаточком, который нажил я в силу указов». В разговоре с дочерью советник открыто заявляет, что смысл царской службы в наживе. «Я сам бывал судьею: виноватый, бывало, платит за вину свою, а правый — за свою правду, и так в мое время все довольны были: и судья, и истец, и ответчик».

Действие в «Бригадире» происходит главным образом в стане обличаемых. Их всех связывает любовный сюжет. Но любовь их «смешна, позорна и делает им бесчестие». Советник и бригадир, Иванушка и советница давно утратили человеческий облик, чувство личности стерто в них животным эгоизмом, скотским самодовольством. Они не способны на истинное человеческое чувство, в частности на любовь.

Иван заводит интригу с советницей, советник с приказной изворотливостью ухаживает за Акулиной Тимофеевной, Игнатий Андреевич приемами заправского солдафона «штурмует» советницу, решительно готовясь оттеснить конкурента-сына. Соперничество служит для Фонвизина ярким и убедительным средством показать идейное единство и моральную общность как невежественных, неграмотных крепостников, так и новомодных воспитанников иностранных учителей, поклонников французских мод и французской культуры. Отец и сын, перебивающие друг у друга право «махаться» с чужой женой, достойны равного презрения и вызывают равное негодование. Больше того, мы понимаем, что дело тут не в воспитании только, ибо оно у Иванушки и Игнатия Андреевича было крайне несходным, а в паразитическом характере их существования.

«Бригадир» — комедия, и первая комедия воистину русская, и первая комедия подлинно веселая. Пушкин очень высоко ценил веселость и крайне сожалел, что в русской литературе так мало истинно веселых сочинений. Вот почему он с любовью отметил эту особенность дарования Фонвизина, указав на прямую преемственность драматургии Фонвизина и Гоголя. Говоря о гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки», Пушкин

писал: «Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина».[1]

Сопоставление Пушкиным Гоголя и Фонвизина не случайно. Гоголь, создатель русской реалистической комедии, тесно связан с Фонвизиным. Фонвизин начинал то, что Гоголь завершил. В частности, Фонвизин первый сделал решительный шаг в сторону реализма и в области комической. «Бригадир» написан в период расцвета русского дворянского классицизма. Основатель школы и создатель русской трагедии и комедии, Сумароков в годы, предшествовавшие появлению «Бригадира» (1764—1768), написал шесть новых пьес. Сумароковские комедии составляли главный репертуар русского театра. Многочисленные переводы, появившиеся лукинские «склонения на русские нравы», а в дальнейшем комедии Княжнина и Николева — утверждали в основном принципы комического, определенные и выработанные классицизмом.

Поэтика классицизма игнорировала живую жизнь. И все же в комедию она врывалась более настойчиво и интенсивно, чем в трагедию. Появлялись имена русских героев, конкретная сатира «на лицо», «на личность», как тогда говорили. Осмеивавшиеся общие пороки таили в себе все больше намеков на реальные происшествия и события русской жизни, на практику дворянско-самодержавного общества. Но комическое менее всего оказывалось связанным с жизнью. Оно всегда определялось априорными правилами. Правилом стало введение в комедию, начиная с Мольера, приемов буффонады, фарса. Потасовка, как акт комического, вошла в комедийную практику Сумарокова и Княжнина. Смешное возникало и от приемов памфлета в комедиях «на личность». Сатирический образ в такой комедии лишался своего обобщенного, типического значения. Комическое возникало из угадывания в конкретном сатирическом облике реального прототипа. Традиционным приемом в поэтике комического являлось недоразумение, знаменитое qui pro quo. Эти недоразумения, вытекавшие из того, что одно принимали за другое, порождались не реальными жизненными обстоятельствами. Они были условны и привносились в действие, создавая живость и эффект несоответствия, этой основы комического.

Внимание Фонвизина к реальной действительности, желание вывести на сцену живые образы русских дворян, стремление показать их ничтожество, их убогость, их уродство и пара-

---

[1] «Современник», 1836, т. 1, стр. 312.

визм определили новаторство драматурга и в области комического. Главным отступлением писателя от правил классицизма был отказ от искусственного привнесения комических ситуаций в действия реальных лиц. Поэтому в комедии отсутствуют потасовка, недоразумения, переодевания, то есть условные комические эффекты, переходившие из пьесы в пьесу, чуждые духу и природе изображавшихся на сцене действующих лиц.

Отказывается Фонвизин и от сатиры «на личность», — его образы глубоко правдивы, и сила их — в типичности. Нет и традиционного в классицизме несоответствия в языке, — герои его говорят свойственным им языком, притом речь их социально дифференцирована. Чужда Фонвизину и насмешка над бытом простого народа.

Идея комедии — обличение русского дворянства. Принцип верности действительности в образах и сюжете определил и стремление драматурга сделать комическую ситуацию жизненной, вытекающей из поведения действующих лиц.

Так, объектом комического стал «дворянский корпус», не отдельные исключения, а типические образы дворян-помещиков. Содержание комического определялось идеей комедии — обнаружение ничтожности, паразитической жизни, скотской морали, духовного убожества тех, кто спесиво провозглашал себя «благородным сословием». Обнаруживалась эта ничтожность в ситуациях, рождавшихся из реальных, внутренне оправданных столкновений действующих лиц. Как уже говорилось, всех отрицательных персонажей связывает любовная интрига. Развитие интриги, определявшееся показом морального облика русских помещиков, и создавало комические ситуации, в которых комизм служит средством социального обличения.

5

Комедия «Бригадир» имела шумный успех в Петербурге. До того как она была поставлена, Фонвизин читал ее почти ежедневно и друзьям-единомышленникам, и знакомым, и различным высокопоставленным лицам, и даже самой Екатерине. Комедия сделала Фонвизина популярным писателем, она же сблизила его с Никитой Паниным. Панин сам попросил драматурга прочесть комедию своему воспитаннику, наследнику Павлу. Комедия понравилась и воспитателю и воспитаннику. Панин сказал: «Это в наших нравах первая комедия».

Откровенные беседы Н. Панина и Фонвизина позволили им близко узнать друг друга. Драматург, давно тяготившийся службой у Елагина, с радостью принял приглашение Панина перейти к нему. В декабре 1769 года состоялось назначение Фонвизина на должность секретаря Коллегии иностранных дел, фактического помощника министра. Знакомство с Паниным вскоре перешло в дружбу, которая продолжалась до самой смерти министра в 1783 году. Связь с Н. Паниным, с его братом Петром Ивановичем, с наследником Павлом обусловила участие Фонвизина в больших политических событиях 70-х годов.

Дело в том, что дворянские либералы не оставили надежды добиться исполнения своих планов ограничения русского самодержавия. При вступлении на престол Екатерины в 1762 году, как об этом уже говорилось, попытка Панина не привела к успеху. Теперь создавались новые благоприятные обстоятельства: в 1772 году Павлу исполнялось 18 лет, и, по закону о престолонаследовании, Екатерина должна была передать власть. Политические убеждения Фонвизина-просветителя определялись верой в возможность великих преобразований волей просвещенного монарха. Екатерина не была таким монархом. Ее политику обмана, лжи и лицемерия Фонвизин уже давно разгадал. Но таким государем мог стать Павел. Ведь рядом с ним в роли первого советчика оказывался Н. Панин, и можно было надеяться, что именно этот юный монарх станет осуществлять выработанную для него программу царствования. То обстоятельство, что он, Фонвизин, был связан с Паниным, да и сам лично знаком с Павлом, в дом которого он получил право приходить в любое время, только усиливало желание писателя принять самое активное участие в готовившихся политических событиях. Писатель-просветитель мог стать «советодателем государя» и тем быть полезным своему народу.

Первое политическое выступление Фонвизина относится к 1771 году. Павел тяжело заболел. Смерть его могла разрушить все планы партии Панина, надежды Фонвизина. Вот почему благополучный исход болезни наследника Фонвизин отметил специальным «Словом на выздоровление». Благополучный исход болезни давал отличный повод для политического возвеличения Павла, объявления его «отечества надеждой», с чьей жизнью «сопряжено истинное благо народа». Под покровом официальных комплиментов Екатерине, матери Павла, Фонвизин публично объявлял «гражданам России», что Павел обладает

истинными достоинствами государя, поскольку был воспитан «мужем истинного разума и честности» Н. Паниным. Он «вкоренил в душу» Павла те добродетели, «которые составляют счастие народа и должность государя». Он «просветил познанием его разум», воспитал в нем «человека». Павел поэтому есть истинный «просвещенный государь», и он совершенно подготовлен к царствованию и исполнен желания вступить на престол для того, чтобы сделать своих подданных счастливыми. В конце «Слова» Фонвизин обращается к будущему государю с наставлением, заговорив «гласом всех... сограждан». С полным пониманием величайшей политической ответственности он в печати сформулировал Павлу важнейшие «истины»: «Люби Россию», «буди правосуден, милосерд, чувствителен к бедствиям людей», «буди властелином над страстями своими и помни, что тот не может владеть другими с славою, кто собой владеть не может. Внимай единой истине и чти лесть изменою», «почитай достоинства прямые и награждай заслуги». Требования к Павлу звучали прямым обвинением Екатерине. Просветительская литература, прежде всего Новиков в «Трутне», Фонвизин в «Бригадире», заявляла, что именно при Екатерине правосудия нет, прямые достоинства не почитаются, заслуги не награждаются, а подлая лесть щедро оплачивается, и, главное, государыня не является «властелином своих страстей» и потому не имеет права «владеть другими».

«Слово» было напечатано в том же 1771 году. Через год, когда отмечалось совершеннолетие Павла, Новиков в новом журнале «Живописец» перепечатал фонвизинское «Слово», поскольку оно отлично выражало мнение передовых людей о екатерининском царствовании и о новом государе.

Период с июня 1772 по сентябрь 1773 года оказался бурным. Екатерина отложила торжества, связанные с совершеннолетием сына, на год, объявив, что необходимо прежде женить Павла. Императрица не собиралась уступать престол своему сыну. Она принимала самые энергичные меры, чтобы изолировать Павла от всех недовольных ее политикой. Совершеннолетие и женитьба Павла давали ей повод отстранить Панина от наследника: воспитание закончилось. Во дворце с новой силой закипели интриги. Положение было крайне напряженным — речь шла не о малом. Приход нового монарха мог круто изменить всю политику. В одном из писем к сестре, осторожно, без подробностей, но все же довольно красноречиво Фонвизин рас-

сказал о том, что происходило в Петербурге, во дворце. «Развращенность здешнюю описывать излишне. Ни в каком скаредном приказе нет таких стряпческих интриг, какие у нашего двора всеминутно происходят». «Мы в очень плачевном состоянии. Все интриги и все струны настроены, чтобы графа (Н. Панина. — *Г. М.*) отдалить от великого князя». «Ужасное состояние. Я ничего у бога не прошу, как чтоб вынес меня с честью из этого ада».

Екатерина оказалась сильнее оппозиции. Женив сына в сентябре 1773 года, она специальным указом отстранила Панина от наследника, щедро наградив его за воспитание. Вопрос о передаче власти Павлу был снят. Екатерина приблизила к себе сына, объявив, что сама будет посвящать его в дела по управлению империей. Планы Фонвизина рухнули. Но политические убеждения, вера, что только мирным путем и только волей просвещенного монарха можно проводить нужную всему народу политику, вновь и вновь заставляют Фонвизина принимать участие в опасных политических делах, вынуждают возлагать надежду все на того же Павла. Ведь должен же, казалось, наступить день, когда он займет по закону престол.

Осенью 1773 года на далеком Яике вспыхнуло восстание. С каждым месяцем оно ширилось и росло, распространяясь по России. Во главе его встал Емельян Пугачев. Через год восстание охватило уже центральные губернии. Армии Пугачева шли к Москве. Царские генералы терпели поражения от мужицких полководцев. В эту тревожную для Екатерины годину Н. Панин вновь повел активную борьбу за осуществление своих планов.

Позже Н. Панин заставил выступить Павла. Наследник потребовал от матери, чтобы его допустили к управлению империей. Он вручил Екатерине целую книгу проектов по реорганизации государственного управления. Начиналась книга «Рассуждением о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов». «Рассуждение о государстве вообще» в значительной мере посвящено военным делам. Но в вводной части давалась характеристика русского государства за годы царствования Екатерины: «Государство наше теперь в таком положении, что необходимо надобен ему покой. Война, продолжавшаяся пять лет, польские беспокойства одиннадцать лет, да к тому же и оренбургские замешательства, кои начало имеют от неспокойствия яицких казаков, уже несколько лет перед сим начавшегося, довольные

суть причины к помышлению о мире, ибо все сие изнуряет государство людьми, а через то и уменьшает хлебопашество, опустошая земли. Хотя в нашу пользу война сия была, но сколько мы потерпели в то самое время недородами, язвой, которая, конечно, следствием войны была, беспокойствами внутренними, а больше того еще рекрутскими наборами». Автор решительно требует «мира», «тишины» для народа: «Теперь остается только желать долгого мира».

Осторожно говорится о необходимости реформ «для обеспечения внутреннего спокойствия». «Когда сняты будут налоги, пресечены наряды с земли, то каждый, не лишаясь имения своего, отцы — детей, а господа — тех, коих трудами живут, не будут иметь причин негодования, и тогда-то пресекутся главные причины неудовольствия».[1]

Представленные Павлом проекты переполошили Екатерину. Они свидетельствовали о серьезных намерениях наследника и его группы. Именно в это время императрица приближает к себе Потемкина и, опираясь на него, начинает принимать крутые меры, чтобы, с одной стороны, укрепить свое влияние, а с другой — раз и навсегда пресечь попытки недовольных ее политикой возвести на престол законного монарха Павла.

В 1777 году Фонвизин печатает подготовленный им перевод политического сочинения французского просветителя Тома́ «Похвальное слово Марку Аврелию». Римский император Марк Аврелий был показан в просветительской литературе как идеальный монарх-философ. Книга являлась сводом политических требований просветителей к царствующим особам, в которой автор торжественно объявлял, что говорит «гласом вольности» перед императором-тираном. Перевод оказывался своеобразной школой гражданского воспитания. Читатель жадно воспринимал многочисленные политические суждения этого «Слова»: «О боже, не создал ты ни царей быть утеснителями, ни народы быть утесненными». Противник рабства, Фонвизин с удовлетворением приводил слова Марка Аврелия: «Я начинаю вольностию, римляне, ибо вольность есть первое право человека, право повиноваться единым законам и, кроме их, ничего не бояться. Горе рабу, страшащемуся произносить ее имя! Горе той стране, где изречение его вменяется в преступление».

---

[1] П. Лебедев. Опыт разработки новейшей русской истории по неизданным источникам. Графы Никита и Петр Панины. СПб., 1863, стр. 187, 188.

В сентябре 1777 года Фонвизин отправился во Францию. Секретарь Коллегии иностранных дел, помощник министра, он был всюду встречаем с уважением и почетом. Во время путешествия Фонвизин вел «журнал», который в виде писем к Петру Панину и сестре Федосье Ивановне регулярно отправлял в Москву. Плод точных и трезвых наблюдений, «Письма из Франции», пожалуй, впервые давали русскому читателю правдивую картину быта и нравов, политического и экономического положения, культуры и жизни французского общества накануне буржуазной революции. Белинский сразу уловил это: «Читая их, вы чувствуете уже начало французской революции в этой страшной картине французского общества, так мастерски нарисованной нашим путешественником».[1]

Фонвизин посещает фабрики и суды, церкви и больницы, библиотеки и музеи, читает книги по истории, экономике и коммерции Франции, изучает юриспруденцию, литературу, философию; он не стремится в Версаль, а встречается с учеными, администраторами, писателями, заводит разговоры со встречными людьми, расспрашивает обо всем, и — важнейшая черта фонвизинского путешествия — он рассказывает сам о своем отечестве, о русском народе, русской литературе, русском языке, русском климате, поражаясь всякий раз тому, как обидно мало знают во Франции о России.

В своих суждениях Фонвизин объективен. Только что въехав во Францию, он немедленно с радостью отмечает: «Дороги в сем государстве очень хороши». Посетив лионские «фабрики шелковых изделий», он приходит к выводу: «По справедливости сказать, сии мануфактуры в таком совершенстве, до которого другим землям доходить трудно». Приглядываясь к французскому дворянству, он, сам дворянин, обличавший невежество и паразитизм русского «благородного сословия», делает заключение — французское дворянство не лучше. «При невероятном множестве способов к просвещению, глубокое невежество весьма нередко. Оно сопровождается еще и ужасным суеверием. Попы, имея в своих руках воспитание, вселяют в людей, с одной стороны, рабскую привязанность к химерам, выгодным для духовенства, а с другой — сильное отвращение к здравому рассудку. Таково почти все дворянство».

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 205.

Фонвизин увидел Францию, изнывающую под тиранически режимом Людовика XVI, опутанную властью фаворитов, продажных воров-чиновников; его письма — это страстное обвинение деспотического правления французского короля.

6

По возвращении из путешествия Фонвизин приступил к работе над новой комедией, которую он назвал «Недоросль». Беседы с Н. Паниным о положении в России привели к решению готовить проект «фундаментальных законов» для будущего императора Павла. Екатерина так упрочила свою власть, Потемкин взял такую силу, что нечего было и думать о каких-либо активных действиях в пользу Павла сейчас. Оставалось ждать естественного хода событий. Только смерть Екатерины открывала дорогу Павлу к престолу. Именно для будущего и писались эти «фундаментальные законы». Панин был уже стар и болен, — ему шел седьмой десяток. Мало было надежды, что он доживет до того счастливого дня, когда сможет занять место первого советника у своего воспитанника. Гражданское чувство долга заставляло приступить к работе именно сейчас. Служба в коллегии отнимала много времени. В часы досуга Никита Панин и Фонвизин, а иногда и приезжавший Петр Панин в совместных беседах вырабатывали «фундаментальные права, не пременяемые на все времена никакою властию». Фонвизин взял на себя труд написать политическое введение к этим проектам — «Рассуждение о непременных государственных законах». По-прежнему возлагая надежду только на Павла, он все менее начинал верить в возможность его вступления на престол. Годы шли, тираническое правление Екатерины приносило все больше и больше бедствий стране, Павел все более отдалялся от власти... Фонвизин был практическим деятелем; когда он видел возможность прихода Павла к власти, он со всей страстью политического бойца способствовал этому. Когда воцарение Павла отодвигалось в далекое будущее, да и вообще становилось проблематичным, он все свои силы решил отдать борьбе с Екатериной и ее политикой. Новым в произведениях Фонвизина 80-х годов, художественных и политических, и была беспримерная по смелости, открытая борьба с екатерининским самовластием.

Фонвизин выступал с требованиями ограничить русское самодержавие законами, которые охраняли бы права граждан от

произвола царской власти и царских чиновников. С яростью обличал Фонвизин екатерининский фаворитизм, мужественно выступая против позорного явления русской политической жизни, возмущаясь тем, что отечество отдавалось во власть «случайным людям».

«Рассуждение о непременных государственных законах» — свидетельство глубокого усвоения Фонвизиным передовых в ту эпоху социологических учений. Ставя в сочинении вопрос о взаимоотношении народа, нации и государя, Фонвизин решал его с позиций теории о договорном происхождении власти. Он писал: «Кто не знает, что все человеческие общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между государем и подданным суть равным образом добровольные... В... гибельном положении нация, буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь вправе возвратить свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы».

«Недоросль» — центральное сочинение Фонвизина, вершина русской драматургии XVIII века — органически связан с идейной проблематикой «Рассуждения».

Для Пушкина «Недоросль» — «комедия народная». Белинский, выработавший к 40-м годам революционно-демократическое понимание народности, заявил, что «Недоросль», «Горе от ума» и «Ревизор» «в короткое время сделались народными драматическими пьесами». [1]

Главный конфликт социально-политической жизни России — произвол помещиков, поддержанный высшей властью, и бесправие крепостных — становится темой комедии. В драматическом сочинении тема с особой силой убедительности раскрывается в развитии сюжета, в действии, в борьбе. Единственным драматическим конфликтом «Недоросля» является борьба прогрессивно настроенных передовых дворян Правдина и Стародума с крепостниками — Простаковыми и Скотининым.

В комедии Фонвизин показывает пагубные следствия рабовладения, которые должны подтвердить зрителю моральную правоту Правдина, необходимость борьбы со Скотиниными и Простаковыми. Следствия же рабства воистину ужасны. Кре-

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 28.

стьяне Простаковых разорены вконец. Даже сама Простакова не знает, что можно делать дальше: «С тех пор, как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!»

Рабство превращает крестьян в холопов, начисто убивая в них все человеческие черты, все достоинство личности. С особой силой проступает это в дворовых. Фонвизин создал образ огромной силы — рабы Еремеевны. Старая женщина, нянька Митрофана, она живет жизнью собаки: оскорбления, пинки и побои — вот что выпало на ее долю. Она давно утратила даже человеческое имя, ее зовут только ругательными кличками: «бестия», «старая хрычовка», «собачья дочь», «каналья». Надругательства, поношения и унижения сделали из Еремеевны холопа, цепного пса своей госпожи, который униженно лижет руку побившего ее хозяина.

Но рабство развращает и растлевает самих помещиков, — делает второй вывод Фонвизин. Драматург сурово заявляет: русские помещики превращаются в Скотининых, утративших честь, достоинство, человечность, становятся жестокими палачами окружающих их людей, всесильными тиранами и паразитами только вследствие крепостного права. Отсюда демонстрация скотининской природы тех, кто именует себя «благородным сословием», — Простаковой, ее мужа, ее сына, ее брата. Рабовладельцы превратили не только своих крестьян в «тяглый скот», но и сами стали гнусными и презренными скотами.

В лице Правдина и Стародума впервые на сцене появились положительные герои, которые действуют, осуществляя свои идеалы на практике. Кто же такие Правдин и Стародум, отважно ведущие борьбу с крепостниками Простаковыми и Скотининым? Почему они оказались способными вмешаться не только в ход действия комедии, но, в сущности, и в политическую жизнь самодержавного государства?

Как произведение народное, комедия «Недоросль», естественно, отразила важнейшие и острейшие проблемы русской жизни. Бесправие русских крепостных, низведенных до положения рабов, отданных в полное владение помещикам, с особой силой проявилось именно в 80-е годы. Полный, безграничный, чудовищный по разнузданности произвол помещиков не мог не вызвать в среде передового дворянства чувства протеста. Не сочувствуя революционным способам действий, более того, отвергая их, они вместе с тем не могли не протестовать против

рабовладельческой и деспотической политики Екатерины II. Вот почему ответом на полицейский режим, установленный Екатериной и Потемкиным, явилось усиление общественной активности и подчинение творчества задачам политической сатиры таких дворянских просветителей, как Фонвизин, Новиков, Крылов, Кречетов. В конце десятилетия выступит со своими книгами революционер Радищев, прямо выразивший чаяния и настроения крепостных крестьян.

Второй темой «Недоросля» и явилась борьба дворянских просветителей с рабовладельцами и деспотическим правительством Екатерины II после разгрома пугачевского восстания.

Правдин, не желая ограничиваться возмущением, предпринимает реальные шаги к ограничению власти помещиков и, как мы знаем по финалу пьесы, достигает этого. Правдин действует так потому, что верит — его борьба с рабовладельцами, поддержанная наместником, есть «исполнение тем самым человеколюбивых видов вышней власти», то есть Правдин глубоко убежден в просвещенном характере екатерининского самодержавия. Он объявляет себя исполнителем его воли, — так обстоит дело в начале комедии. Вот почему Правдин, зная Стародума, требует от него, чтобы тот шел служить ко двору. «С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно». Стародум недоумевает: «Призывать? А зачем?» И Правдин, верный своим убеждениям, заявляет: «Затем, зачем к больным врача призывают». И тогда Стародум, политический деятель, уже понявший, что вера в Екатерину не только наивна, но и губительна, разъясняет Правдину: «Мой друг, ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно: тут врач не пособит, разве сам заразится».

Фонвизин заставляет Стародума разъяснять не только Правдину, но и зрителям, что вера в Екатерину бессмысленна, что легенда о ее просвещенном правлении лжива, что Екатерина утвердила деспотический образ правления, что именно благодаря ее политике может процветать в России рабство, могут хозяйничать жестокие Скотинины и Простаковы, которые прямо ссылаются на царские указы о вольности дворянства.

Правдин и Стародум по своему мировоззрению — воспитанники русского дворянского Просвещения. Два важнейших политических вопроса определяли программу дворянских просветителей в эту пору: а) необходимость уничтожения крепостного права мирным путем (реформа, воспитание и т. д.); б) Екате-

рина — не просвещенный монарх, а деспот и вдохновитель политики рабовладения, и потому с нею необходимо бороться.

Именно эта политическая мысль была положена в основание «Недоросля», — в преступлениях Скотининых и Простаковых виновата Екатерина. Вот почему борьбу с Простаковыми ведут частные люди, а не правительство (то обстоятельство, что Правдин служит, не меняет дела, так как он действует по своим убеждениям, а не по приказам начальства). Екатерининское же правительство благословляет крепостническую политику распоясавшихся дворян.

«Недоросль» был встречен откровенно враждебно правительством и идеологами дворянства. Комедия была завершена в 1781 году. Сразу же стало ясным, что поставить ее почти невозможно. Началась упорная, глухая борьба Фонвизина с правительством за постановку комедии. В борьбу был вовлечен Никита Панин, который, используя все свое влияние на наследника Павла, добился наконец постановки комедии через него. Двор демонстрировал свою неприязнь к «Недорослю», что выразилось, между прочим, и в стремлении не допустить его постановку на придворном театре. Премьеру всячески затягивали, и вместо мая, как вначале было намечено, она с трудом наконец состоялась 24 сентября 1782 года в деревянном театре на Царицыном лугу силами приглашенных актеров как придворного, так и частного театров.

Придавая комедии большое общественное значение, Фонвизин сам принял на себя режиссуру. Не без его влияния шло и распределение ролей. Естественным было желание писателя обеспечить сильными актерами прежде всего положительные роли. Стародума играл крупнейший русский актер Иван Дмитревский, Правдина — талантливый артист Плавильщиков. Премьера комедии явилась триумфом идей русского дворянского Просвещения. Публика шумно приветствовала спектакль. «Несравненно театр был наполнен, и публика аплодировала пьесу метанием кошельков».[1] В центре спектакля был Стародум. Его речи находили отклик. Спектакль превратился в своего рода общественную демонстрацию: «По окончании пьесы зрители бросили на сцену г. Дмитревскому кошелек, наполненный золотом и серебром... Дмитревский, подняв его, говорил речь к зрителям, в которой благодарил публику и прощался с ней».[2]

[1] «Драматический словарь», М., 1787.
[2] «Художественная газета», 1840, № 5, стр. 2.

7

7 марта 1782 года Фонвизин подал на имя Екатерины прошение «уволить со службы». Через три дня императрица подписала указ об отставке. Фонвизин демонстративно отказывался служить Екатерине, решив все силы посвятить литературной деятельности. После написания «Недоросля» его внимание все больше привлекает проза. Ему хочется писать небольшие по размеру сатирические прозаические произведения. Печатать их лучше всего было бы в периодическом издании. Так возникает мысль о собственном сатирическом журнале. Неожиданные обстоятельства, предоставившие возможность принимать участие во вновь открытом в столице журнале заставили на время отложить план организации собственного журнала.

С мая 1783 года начал выходить журнал «Собеседник любителей российского слова». Официальным редактором его была княгиня Е. Р. Дашкова. Негласно журналом занималась сама Екатерина, печатая в нем свои пространные исторические и сатирические сочинения. Фонвизин решил принять участие в журнале и напечатать в нем анонимно несколько сатирических произведений. Писатель давал бой императрице на ее же плацдарме.

В первом номере появился «Опыт российского сословника», отрывок словаря синонимов. С фонвизинским блеском написанные объяснения более ста слов в «Опыте» — это сатирические миниатюры, в которых подвергалась осмеянию дворянская знать. Читателю сообщалось, например: «Проманивать есть большое бар искусство», «Сумасброд — весьма опасен, когда в силе», «Глупцы — смешны в знати» и т. д. Как истый просветитель, Фонвизин выступил с протестом против дворянского толкования слова «подлый». «Человек бывает *низок* состоянием и *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низкость* принадлежит к состоянию, а *подлость* — к поведению».

В последующих номерах Фонвизин напечатал сатиру на вельмож — «Челобитная российской Минерве», на духовенство — «Поучение иерея Василия в духов день». Особый интерес представляет «Путешествие мнимого глухого и немого». Герой — рассказчик «Путешествия», по совету отца, чтобы лучше познать «сердца человеческие», притворяется глухим

и немым. Тем самым ему «обнажаются» «людские мысли и самые сокровенные чувства». С юмором и сарказмом рисует Фонвизин образы провинциальных помещиков Пимена Щелчкова и Варуха Язвина.

Из всех сочинений Фонвизина, напечатанных в «Собеседнике», наибольшее общественное значение имела своеобразная по форме политическая сатира: «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание». «Недоросль» уже поставил перед умными и честными людьми несколько важных вопросов, касающихся жизни русской нации и русского государства.

Получив «Несколько вопросов», Екатерина растерялась, почувствовав ловушку, и потому не хотела их печатать. Но затем изменила решение и надумала опубликовать вопросы вместе со своими ответами. В ответах Екатерине не удалось скрыть своего раздражения, в них были окрик и угрозы. Но и этим она не удовлетворилась. И в следующей, четвертой части журнала, в очередной статье «Былей и небылиц» появилась отповедь автору «Нескольких вопросов». Устами «дедушки» — персонажа фельетона, выразителя авторских мыслей, с раздражением заявлено: «Молокососы! Не знаете вы, что я знаю, в наши времена никто не любил вопросов; ибо с оными и мысленно соединены были неприятные обстоятельства; нам подобные обороты кажутся неуместны, шуточные ответы на подобные вопросы не суть нашего века; тогда каждый, поджав хвост, от оных бегал».[1] Четырнадцатый вопрос: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?» — особенно раздражил «дедушку»: «Отчего? отчего? — говорит он. — Ясно, оттого, что в прежние времена врать не смели, а паче письменно без... опасения».[2]

В 1783 году Фонвизин выиграл битву с Екатериной, которую он вел на страницах «Собеседника». Потерпевшая поражение императрица решила жестоко отомстить дерзкому сочинителю, и, узнав имя автора «свободоязычных» вопросов, она, как свидетельствуют факты, дала указание полиции больше не печатать новых произведений Фонвизина.

В марте того же 1783 года Фонвизин пережил большое горе — умер Н. Панин. Смерть Панина писатель использовал для

[1] «Собеседник», ч. IV, стр. 163—164.
[2] Там же, стр. 168.

нового политического выступления и подготовил «Жизнь Н. И. Панина». В «Жизни» «великий государственный муж» ставился в пример современникам. Стародум, «честный человек», твердых правил, отказавшийся служить при дворе, был литературным персонажем. Н. Панин — всем известный русский политический деятель. «Титло честного человека дано ему было гласом целой нации». Какие же черты характера Панина особенно ценит Фонвизин? Двадцать лет служил он у двора, и «в течение двадцати лет боролся он непрестанно то с невежеством, то с надменностью людей невоспитанных, захвативших всю ту силу и доверенность, которые следуют одним истинным достоинствам; отвращал он устремления и ухищрения сильных, руководствуемых пристрастными своими видами... с презрением сносил все коварства мелких душ». «Словом, всякий подвиг презрительной корысти и пристрастия, всякий обман, обольщающий очи государя или публики, всякое низкое действие душ, заматеревших в робости старинного рабства и возведенных слепым счастием на знаменитые степени, приводили в трепет добродетельную его душу».

Второй заслугой Н. Панина, по мысли Фонвизина, являлось воспитание наследника. Верный своим политическим взглядам, убежденный, что новый монарх будет лучше Екатерины, не желая критически взглянуть на уже выросшего Павла, исступленно идеализируя его, Фонвизин вновь заявил, что Павел имеет «просвещенный ум», «приличные знания», «истинные добродетели» — «основание народного блаженства». «Остается желать верным сынам отечества, — восклицает Фонвизин, — чтоб в грядущие времена питомец следовал искренним советам своего воспитателя и помнил бы его наставления... Тогда счастие государя и народа было бы взаимное и непоколебимое».

Чем большей становилась ненависть Фонвизина к деспотизму Екатерины, чем яростнее стремился он обличать ее правление, несущее бедствия народу и стране, тем решительнее идеализировал он ее антагониста и соперника Павла.

Летом 1784 года Фонвизин выехал в Италию. Посещая Флоренцию, Ливорно, Рим, Фонвизин изучал итальянский театр, музыку и особенно прославленную живопись Италии. Как и во время путешествия по Франции, он ведет журнал, который в виде писем отправляет по-прежнему в Москву сестре и Петру

Панину. Письма из Италии — великолепно написанные путевые очерки, живо повествующие о нравах и обычаях народа, о великом искусстве Италии, зло и беспощадно высмеивающие католическую церковь.

Возвращение в Россию в августе 1785 года было омрачено тяжелой болезнью. Добравшись до Москвы, Фонвизин слег надолго в постель, — его разбил паралич. Друг Фонвизина Клостерман, посетивший больного в Москве, рассказал в своих записках о тяжелом состоянии писателя: «В тусклых глазах его засветился луч радости, когда я подошел к его постели: он хотел, но не мог обнять меня, силился приветствовать меня словами, но язык не слушался и произносил невнятные звуки... Правая рука у него совсем отнялась, так что он и двигать ею не мог».[1]

Через год врачи потребовали отъезда Фонвизина на лечение в Карлсбад. Только в сентябре 1787 года Фонвизин вернулся в Петербург. Полностью восстановить здоровье не удалось, но все же после долгого лечения писатель чувствовал себя лучше, — он стал ходить, вернулась речь. Отдохнув после утомительной поездки, Фонвизин принялся за работу. Он решил издавать собственный сатирический журнал, назвав его «Друг честных людей, или Стародум». Перекличка с «Недорослем» была не случайна: больной писатель готовился к новому поединку со всемогущей императрицей.

Новый журнал с небывалой до тех пор категоричностью определял политическую роль русского писателя в общественной борьбе. В первых же двух письмах журнала — письме сочинителя «Недоросля» к Стародуму и в ответе Стародума была начертана целая программа для «российских писателей». Писатель, «человек с дарованием», есть «страж общего блага». Он обязан «смело обличать перед троном, перед отечеством, перед светом» знатных вельмож, «не терпящих» правды, «бесславных лихоимцев», дерзающих «подкапываться под законы и простирающих хищную руку на грабеж отечества и своих сограждан». Писатель «имеет долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству».

В письме Стародума от февраля 1788 года выдвигается требование: создать в России такое учреждение, где бы «честные люди», и прежде всего «люди с дарованием» — писатели, имели

---

[1] «Русский архив», 1881, кн. 3, вып. 2, стр. 295.

возможность «рассуждать о законах и податях и где (могли бы. — *Г. М.*) судить поведение министров, государственным рулем управляющих». Фонвизин последовательно добивался ограничения самодержавия Екатерины, требовал гласности, права общественных представителей судить законы, политику и все действия правительства. Раньше эти мысли высказывались в документах, подготавливаемых для будущего государя Павла. Ныне Фонвизин решил их высказать в печати, выдвинуть на всеобщее обсуждение, воодушевить ими русских писателей. Фонвизин отлично понимал, что ждать от Екатерины какого-либо изменения политики бесполезно. Вот почему, учитывая свой опыт борьбы с коронованным автором на страницах «Собеседника», он и решил журнал «Друг честных людей, или Стародум» превратить в «то место», где бы можно было уже сейчас рассуждать о законах и податях и судить поведение министров.

Для журнала Фонвизин подготовил сочинение — «Придворная грамматика», в котором зло и беспощадно судил двор, министров, любимцев государя. «Письмо надворного советника Взяткина его превосходительству» и «Ответ его превосходительства» — памфлеты на екатерининский суд. Наглый произвол, бесстыдное попирание законов, открытый грабеж казны и подданных процветают во всех судебных учреждениях, до самого «вышнего судьи», каким является живущий в Петербурге «его превосходительство», «слепым случаем произведенный в большой чин». В «Письме Тараса Скотинина родной сестре госпоже Простаковой» писатель вновь поднял тему крепостного права. Скотинин сообщает, что он «прилепился к нравоучению» и потому решил «нравы крепостных людей и крестьян» «исправлять березой». После смерти любимой свиньи Аксиньи Скотинин впал в отчаяние. Обезумевший в своем желании «несчастье над людьми выместить», он клялся сестре, что станет сечь крестьян «без пощады и жалости». Все сатирические произведения нового журнала, обличавшие помещиков и судейских чиновников, вельмож и государевых министров, являлись в то же время обвинением Екатерине, и прежде всего ей. Это при ее дворе торжествуют наглость, ложь, лицемерие. Это она приближает к себе любимцев, которые грабят отечество, и изгоняет «честных людей». Это благодаря ее покровительству орудуют в судах Взяткины, это она, «казанская помещица», является защитницей Простаковой и Скотинина, которые по-прежнему лютуют и звер-

ствуют в своих имениях, «сдирая три шкуры» со своих крепостных крестьян.

Такой журнал, конечно, не мог быть напечатан. Представленный в полицию, он был запрещен. Имя издателя было известно — это «сочинитель «Недоросля». После «Недоросля» и «Нескольких вопросов», напечатанных в «Собеседнике», после «Жизни Н. И. Панина» Екатерина решила покончить с деятельностью Фонвизина-писателя, запретив ему печататься. Но ненавистный Екатерине писатель не унимался и в новом журнале отважно взял на себя миссию быть «стражем общего блага». Несомненно, что полиция получила указание не допускать более к печати новых сочинений Фонвизина. Оттого и был запрещен «Друг честных людей, или Стародум».

Последние годы жизни Фонвизина прошли в жестокой и трагической борьбе с императрицей. Он самоотверженно и изобретательно искал пути к читателю. Вот почему немедленно после запрещения журнала Фонвизин решает издать полное собрание своих сочинений, куда бы вошли все произведения, предназначавшиеся для «Друга честных людей». Но и собрание сочинений было в том же 1788 году запрещено. Тогда Фонвизин задумал издавать новый журнал, уже в Москве, и не один, а в содружестве с другими писателями. Журнал должен был называться «Московские сочинения». Фонвизин уже выработал его программу, но света не увидел и этот журнал. Екатерина к этому времени решила прекратить деятельность не только Фонвизина, но и просветителя Новикова, с 1779 года развернувшего свою деятельность в Москве. В 1789 году у Новикова была отнята типография Московского университета, которую он арендовал десять лет. Не исключена возможность, что «Московские сочинения» нельзя было печатать в Москве именно в результате начавшихся активных преследований правительством Новикова.

В это же время Радищев, закончив свои революционные произведения — оду «Вольность», «Житие Ф. В. Ушакова», «Путешествие из Петербурга в Москву», начинает, как и Фонвизин, искать типографию для издания. Поиски в Петербурге и Москве не привели ни к чему. Тогда он решает создать типографию у себя дома, купив печатный станок для этого. Книгу он печатал сам, с помощью своих друзей. В мае 1790 года в книжной лавке купца Зотова, расположенной в Гостином дворе, уже продавалось «Путешествие из Петербурга в Москву». А 30 июня

того же года Радищева арестовали и посадили в Петропавловскую крепость. Екатерина открыто перешла к политике полной ликвидации деятельности русских просветителей.

Тогда же болезнь с новой силой обрушилась на Фонвизина. В течение 1791 года его четырежды поражал апоплексический удар. Тяжелобольной, затравленный Екатериной, лишенный возможности работать, Фонвизин испытывает временно приступ религиозного раскаяния. В таком состоянии он написал по случаю смерти Потемкина «Рассуждение о суетной жизни человеческой», в котором пытался объявить греховной всю свою прежнюю литературную деятельность. «Всем, знающим меня, известно, что я стражду сам от следствия удара апоплексического... Но господь... отвращал вознесшуюся на меня злобу смерти. Его святой воле угодно было лишить меня руки, ноги и части употребления языка... Всевидец, зная, что таланты мои могут быть более вредны, нежели полезны, отнял у меня самого способы изъясняться словесно и письменно».

В эту же пору, видимо, начато было последнее произведение — автобиографическая повесть «Чистосердечные признания в делах моих и помышлениях». Пример великого Руссо, написавшего свою автобиографию «Исповедь», вдохновлял его. Сохранившиеся отрывки «Чистосердечного признания» свидетельствуют, что когда большой писатель начинал подробно описывать дела своей юности, в нем вновь просыпался сатирик, который зло и беспощадно осмеивал нравы дворянского общества.

До самой смерти Фонвизин работал, жил деятельно, напряженно, в тесной связи с современными ему литераторами. В конце 80-х годов он устанавливает связь с молодым переводчиком и издателем Петром Богдановичем. Он договорился с ним об издании полного собрания своих сочинений. Несмотря на болезнь, писатель подготовил 5 томов этого собрания, включив вновь туда запрещенные статьи из «Друга честных людей». Это — лучшее свидетельство того, что Фонвизин ни в чем не раскаялся в конце своей жизни и по-прежнему желал своими сатирическими и политическими сочинениями бороться с Екатериной и служить своему отечеству. Когда это издание, почти доведенное до конца, было запрещено, Фонвизин, понимая, что дни его сочтены, передал все рукописи Петру Богдановичу для издания их в будущем.

И. И. Дмитриев сохранил в своих мемуарах рассказ о встрече с писателем в доме Державина 30 ноября 1792 года, за день до его смерти. «В шесть часов пополудни приехал Фонвизин. Увидя его в первый раз, я вздрогнул и почувствовал всю бедность и тщету человеческую. Он вступил в кабинет Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами... Уже он не мог владеть одною рукою, равно и одна нога одеревенела: обе поражены были параличом; говорил с крайним усилием и каждое слово произносил голосом охриплым и диким, но большие глаза его быстро сверкали».

На этот вечер Фонвизин привез свою последнюю комедию «Гофмейстер» («Выбор гувернера»), которая была прочтена одним из сопровождавших его офицеров. Он спрашивал Дмитриева, как нравятся ему его сочинения, с похвалой отозвался о поэме Богдановича «Душенька», говорил остроумно и увлеченно, хотя тяжелая болезнь заставляла произносить слова медленно и с большим усилием. «Игривость ума не оставляла его и при болезненном состоянии тела. Несмотря на трудность рассказа, он заставлял нас не однажды смеяться». Рассказанные в этот вечер истории — об уездном почтмейстере, почитателе Ломоносова, который не читал ни одной оды поэта, о молодом драматурге, читавшем ему трагедию «в новом вкусе», в которой героиня, в отличие от старых драм, умирает «не добровольной или насильственной смертью», но «естественной», — исполнены живых наблюдений, по-фонвизински остры, сатирически злы и насмешливы.

То была последняя встреча Фонвизина с писателями. «Мы расстались с ним, — заключает рассказ И. И. Дмитриев, — в одиннадцать часов вечера, а наутро он уже был в гробе».[1]

* * *

Фонвизин стоит в начале того периода русской литературы, когда она оказалась способной увидеть и открыть поэзию действительности. Классицизм, сыграв свою историческую роль, уже исчерпал себя. Он утверждал, что «искусство есть подражание природе, но что природа должна являться в искусстве украшенною и облагороженною. Вследствие такого взгляда из

[1] И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь, М., 1866, стр. 58—60.

искусства были изгнаны естественность и свобода, а следовательно, истина и жизнь, которые уступили место чудовищной искусственности, принужденности, лжи и мертвенности».[1] В произведениях Фонвизина, драматических и прозаических, жизнь начала являться «как бы на позор, во всей наготе, во всем ужасающем безобразии и во всей ее торжествующей красоте».[2]

Поэзия реальности, поэзия действительности, новая эстетика «действительной живописи», приуготовлявшая реализм, вырастали из сатирического отношения к действительности. Для русского классицизма характерно развитие сатиры. То «сатирическое направление», которое началось в русской литературе с Кантемира, возникло в недрах классицизма. Фонвизин в юности был тесным образом связан с литературой классицизма, и многое в его комедиях еще строилось по законам нормативной поэтики. И вместе с тем новое, связанное с иным, отличным от классицизма, пониманием человека и его места в общественно-социальной жизни, отчетливо и ясно побеждало и брало верх в творчестве Фонвизина. Просветительские убеждения писателя определили обоснование новых эстетических норм. Как просветитель, он видел, что жестокость и эгоизм помещиков, преступность дворян-чиновников, продажность судей, цинизм, ложь, обман и предательство, господствующее при дворе открытое хищение государственной казны, торжество наглых фаворитов — все это есть следствие социально-политической системы ничем не ограниченного самовластия и жестокого рабства, порождающего паразитизм. И тогда Фонвизин-драматург начинал бичевать не общечеловеческие пороки — стяжательство, неблагодарность, жестокость и т. д., а изображал хорошо известных ему дворян-чиновников, помещиков, военных, придворных, показывая, что их пороки обусловлены их жизнью. Показ социальной и исторической обусловленности человеческого характера был первым важным открытием Фонвизина на пути к реализму.

Новые эстетические искания драматурга определили и сюжет «Недоросля». Не традиционная, условно литературная любовная интрига завязывает комедию, а большие социально-политические события общественной жизни России. Это отлично понял и приветствовал Гоголь. Говоря о «Недоросле» и «Горе от

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 298.

[2] Там же, т. II, стр. 195.

ума», то есть о комедиях, предшествовавших его «Ревизору», из которого окончательно изгнана любовная интрига, он писал: «Содержанье, взятое в интригу, не завязано плотно, ни мастерски развязано. Кажется, сами комики о нем не много заботились, видя сквозь него другое, высшее содержание и соображая с ним выходы и уходы лиц своих». Этот новаторский характер сюжета привел к созданию нового типа комедий: «их можно назвать, — продолжал Гоголь, — истинно общественными комедиями, а подобного выраженья, сколько мне кажется, не принимала еще комедия ни у одного из народов».

Поэтому такой новый сюжет помог вскрыть глубоко и проникновенно важнейшие стороны социально-политического бытия России, «раны и болезни нашего общества, тяжелые злоупотребления внутренние, которые беспощадной силой иронии выставлены в очевидности потрясающей».[1]

Только писатель-реалист, утверждал Белинский, знает, что герой искусства и литературы «есть человек, а не барин и еще менее мужик».[2] Фонвизин не поднялся до подлинно революционного признания равенства людей, но значительно приблизился к этому пониманию. Для него невозможно, недопустимо и даже преступно угнетение человека человеком. Как истый просветитель, он утверждал, что крестьяне — подобные дворянам люди, что «вольность есть первый дар природы и что без нее народ мыслящий не может быть счастлив».

Писатель начисто разрывает с основами аристократически-дворянских воззрений на человека, с эстетикой классицизма. Для Сумарокова и его последователей нравственные качества людей определяются их социальной принадлежностью. В частности, благородство для них — черта, свойственная только дворянам. Фонвизин совершенно с иных, глубоко прогрессивных, истинно просветительских позиций подходит к оценке человека. Простаковы и Скотинин — с одной стороны, и Стародум с Правдиным, Милоном и Софьей — с другой, — социально равны; они дворяне, но между ними глубокая пропасть. Простаковы и Скотинин, в силу уклада своей жизни рабовладельцев, тиранства, паразитизма, помещичьего произвола, утратили все черты личности. По словам Гоголя, в их облике поражает именно это

[1] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. VIII, Л. — М., АН СССР, 1952, стр. 400, 396.

[2] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 306.

отсутствие черт человеческих, полное торжество «огрубелого зверства». Отсюда утрата и национального характера. Комедия, по словам Гоголя, «выставила так страшно эту кору огрубенья, что в ней почти не узнаешь русского человека. Кто может узнать чего-нибудь русское в этом злобном существе, исполненном тиранства, какова Простакова, мучительница крестьян, мужа и всего, кроме своего сына?» [1]

Положительные герои раскрыты именно в своих человеческих, а не сословно-типических чертах. И Стародуму, и Правдину, и Милону, и Софье свойственно прежде всего чувство личного достоинства. Стародум и Милон — патриоты, сердце Стародума, Правдина уязвлено страданием несчастных крепостных. В речах Стародума и Милона (действие IV, явл. 6) утверждается важнейшая и принципиальная мысль: храбрость, мужество, понимание долга, патриотизм не есть добродетели, свойственные только дворянам. Милон заявляет о том, что воин должен отличаться храбростью и неустрашимостью, умением жертвовать жизнью «для пользы отечества». Стародум, испытывая Милона, задает ему кардинальный вопрос, ответ на который должен был решить, в каком лагере находится Милон. «Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим сословиям?» Милон с достоинством выдерживает экзамен: «Она — добродетель, следственно, нет состояния, которое ею не могло бы отличиться... И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою, наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать». Этот ответ Милона заставляет Стародума признать его человеком своего круга и открыть ему свой нравственный кодекс, с поразительной точностью выраженный в формуле: «Я друг честных людей». Воинствующий характер этого утверждения внесословной ценности личности несомненен.

Для Простаковой Цыфиркин — раб, слуга; для Стародума он — человек, отделенный от него своим социальным положением. На этом и строится эстетика Фонвизина. Простакова — изверг, потому что она помещица, тиранка. Солдат Цыфиркин — добрый человек, потому что он трудится и не угнетает других.

---

[1] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 396.

При всей значительности художественных достижений Фонвизина в изображении положительных персонажей, его реализм исторически ограничен. Он помог, разрушая классицизм, оторваться от условных литературных штампов и послужил основанием для построения обобщенного типа передового деятеля. Он определил изображение человеческих черт и качеств в характерах, обусловленных общественными, социальными и историческими событиями русской жизни 70-х годов. Но Фонвизин еще не мог сделать своих положительных героев индивидуальными личностями. Каждый из них — Стародум, Правдин, Милон — не человек неповторимой индивидуальности, а представитель определенного типа, определенной категории людей. Стародум отличается от Правдина, а Правдин от Милона внешними чертами, фамилиями, биографией. Отсюда схематичность, риторичность образов положительных персонажей, вытекавшие из незрелости фонвизинского реализма.

Но все же, несмотря ни на что, характер Стародума — это удача, это крупный и исторически необходимый шаг вперед, без которого не мог бы появиться, например, образ Чацкого.

Те же черты фонвизинского реализма — его слабые и сильные стороны — проявились и в построении отрицательных персонажей. Та же правдивость и исторически-социальная конкретность — в образах Простакова, Митрофана, Скотинина. Та же обусловленность характеров их социальной практикой в образах помещиков-тиранов. И та же слабость в изображении индивидуального облика каждого из них.

Но в двух образах реализм Фонвизина одержал замечательную победу. Характеры Еремеевны и Простаковой не только социально и исторически верны, типичны, но индивидуально обусловлены. Еремеевна не только тип, представитель той категории крепостных, которые превратились в холопов, но и живая индивидуальность. Ее судьба — это одновременно судьба типичной для русской деревни дворовой женщины и индивидуальная горькая жизнь несчастной забитой мамки, у которой еще теплится где-то в тайниках души человеческое достоинство.

Простакова — натура деспотическая и одновременно трусливая, жадная и подлая, являя собой ярчайший тип русской помещицы, в то же время раскрыта и как индивидуальность: хитрая и жестокая сестра Скотинина, властолюбивая, расчетливая жена, тиранящая своего мужа, мать, любящая без ума своего Митрофанушку. И эта индивидуальная характеристика

раскрывает нам с особой силой нравственное растление крепостников. Все великие человеческие, святые чувства и отношения у нее изуродованы, искажены, оболганы. Вот почему даже любовь к сыну — самая сильная страсть Простаковой — не оказывается способной облагородить ее чувства, ибо она проявляется в низменных, животных формах, ее материнская любовь лишена человеческой красоты и одухотворенности. А такое изображение помогало писателю с новой стороны обличить преступность рабства, растлевающего человеческую природу и крепостных и господ. Тем самым реализм Фонвизина поднялся еще на одну ступень. Показ того, как паразитическая жизнь извращает и обезображивает человеческую личность, именно личность, раскрытую писателем даже в своем изуродованном виде как неповторимую индивидуальность, — ведет нас прямо к гениальным обобщениям Гоголя, его «старосветским помещикам», к Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу.

В 70—80-е годы XVIII столетия начнет бурно развиваться проза. Общественно-литературную жизнь будет определять журналистика. Просветители-прозаики — Новиков и Фонвизин, а затем Крылов — создадут в эти годы десятки резко обличительных сочинений. Они же определят главные темы сатиры, разработают различные жанры: очерк, повесть, письмо, путешествие, дневник, бытовую сценку, памфлет и т. д. В своих сочинениях они смело пошли на сближение языка литературы с разговорной речью широких разночинских слоев. Они отказываются от деления слов на высокие и низкие, благородные и подлые, характерного как для писателей-классиков, так и для новых писателей-сентименталистов, последователей школы Карамзина. Настойчиво добиваясь демократизации прозы, они широко включали в свои сочинения пословицы, поговорки и речения «низкого состояния людей», создавая по образу и подобию их новый, афористически четкий стиль повествования, отказываясь от старого латинизированного синтаксиса.

Яркий, глубоко оригинальный, «из перерусских русской», по определению Пушкина, талант Фонвизина с наибольшей силой проявился в языке. Фонвизин — блистательный мастер языка, великолепно чувствующий слово, создал беспримерную до него по сочности, свежести и смелости образную речь, проникнутую иронией и веселостью. Это мастерство сказалось и в комедии, и в прозаических сочинениях, и во многих письмах из Франции и Италии.

Говоря о состоянии молодой русской прозаической литературы начала XIX века, Пушкин писал, что она еще принуждена «создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных». На этом пути совершенно необходимо было преодолевать влияние Карамзина и его школы, оставивших в наследие «манерность, робость и бледность». В борьбе за «нагую простоту» русской прозы огромную, до сих пор еще не оцененную роль играли и драматические, и прозаические произведения Фонвизина, и особенно письма из-за границы. Именно здесь с удивительной легкостью и мастерством Фонвизин создавал обороты слов для изъяснения понятий и самых обыкновенных и самых сложных. Просто и деловито, конкретно и ярко, истинно русским слогом писал Фонвизин о быте чужих народов, о «политических материях», об искусстве и экономике, о русских дворянах за границей — их поведении, поступках, характерах, и о европейской философии, театральной жизни Парижа, и о дорогах, трактирах и народных гуляньях, о музеях, религиозных праздниках и театрализованной папской службе. Белинский справедливо называл эти письма «дельными», свидетельствуя, что Фонвизина «читать есть истинное наслаждение. В его лице русская литература как будто даже преждевременно сделала огромный шаг к сближению с действительностью: его сочинения — живая летопись той эпохи».[1]

Г. МАКОГОНЕНКО

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 392.

ДРАМАТУРГИЯ

КОРИОН

КОМЕДИЯ

В ТРЕХ АКТАХ

Переделанная в русскую
с французского языка

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Корион.

Менандр, друг его.

Зеновия, любовница Корионова.

Андрей, слуга Корионов.

Крестьянин.

Действие в подмосковной деревне Корионовой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Андрей

Уединенну жизнь как мне ни выхваляли,
Я вижу, что о том пустое мне болтали.
Возможно ли Москву с деревнею сравнять?
Там нет полей и рощ, а есть где погулять.
Вовеки не могу я к жизни сей привыкнуть,
Приятности ее не в силах я проникнуть.
Свирелей нежный глас не мил моим ушам:
В Москве я живучи, привык к колоколам.
Уж три дни, как я здесь, в угодность господину,
Скучаю, рвусь, бешусь, кляну мою судьбину,
Не ведая, зачем приехал он сюда.
Никак пришла ему взбеситься череда!
Не знаю, для какой приятной здесь награды
Оставил он Москву, где балы, маскарады
Имеют полну власть из ночи делать день,
Из солнечных лучей ночную делать тень.
Что сделалося с ним? Что сделалось со мною?
Неужель мы навек расстанемся с Москвою?
Тому, кто так, как он, беспечно жизнь ведет,
Казалось бы, на ум деревня не пойдет:
Он молод, и богат, и счастлив в нежном поле —
Чего ж ему еще желать осталось боле?
Но нет!.. Он прежде сам веселу жизнь любил,
Теперь стал весь не тот: печален и уныл;

Жестокая тоска его тревожить стала;
Она одна сюда на почте нас примчала.
В деревню отроду приехав в первый раз,
За целые сто лет считаю всякий час...
Пойду теперь, пойду, спрошу я господина:
Какая бы его тоски была причина?
Пойду, пойду к нему... Но что ж я оробел?

(Воротясь.)

Он мне к себе входить без спросу не велел...
Однако ж я пойду... Иль он лишен рассудка?..
Нет... нет... Останусь здесь!.. Теперь некстати
шутка:
С сердитыми шутить, я знаю, каково.

(Помолчав.)

Кроме меня, с собой он не взял никого;
За службу верную, в награду, для покою,
По милости своей меня он взял с собою.
Что десять делали, я делаю один:
Худая жизнь слуге, коль бешен господин!
Собачья жизнь моя! Терпения не стало!
Да что за чудо мне в глаза теперь попало?
Какое странное и глупое лицо?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Андрей и крестьянин.

Крестьянин

С Москвы-ста к барину прислали письмецо.

Андрей

Подай! Не знаю я, что б это за причина!..
Скажи мне: ради ль вы приезду господина?

Крестьянин

Как вашей милости не радим-ста нам быть!

(Хочет идти.)

Андрей

Постой, мне нужда есть с тобой поговорить.
Скажи мне: здесь не всё ль живут одни
медведи
И есть ли кроме их другие вам соседи?

Крестьянин

Оборони-ста бог! Здесь мало ли людей?
Да что же то?.. Никак-ста милости твоей
Пришла зде вотцына боярска не по нраву?

Андрей

По правде, я нашел худую здесь забаву:
Я должен или здесь с ума сходить один,
Иль видеть, как грустит и рвется господин.
Так время проводить несносно человеку.

Крестьянин

Да также-сто и здесь, от нас неподалеку,
Тому уж года три бояриня живет:
Все плацыт да грустит, не взмилил ей и свет.
И господи спаси от едакой крупцыны!
А отцево? Никто не ведает притцины.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Корион (читая письмо), Андрей.

Андрей

Не прогневлю ли я вас смелостью такою,
Прося, чтоб молвили два слова вы с слугою?
О чем грустите вы? Дозвольте доложить.
И долго ль будет нам в такой пустыне жить?
Коль здесь останемся еще на долго время,
Я вижу, мне не снесть такого скуки бремя:
Оставил в городе в злой грусти я одну
Любезную мою и верную жену.
Хоть приращения мой лоб не ожидает,
Однако сатана жен верных искушает;

Такою хитростью пресильного врага
Нечаянно носить случается рога.
Дождусь ли я от вас приятного ответа?
Молчанье для меня недобрая примета.

Корион

Чернил, перо!

Андрей

К чему ж?..

Корион

То делай, что велят.

Андрей

Его слова — меня, мои — его вздурят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Корион

(сидя)

С тех пор как я к тому все мысли обращаю,
В лютейшей горести отраду ощущаю.
Для твердых душ оков судьбою не дано:
Коль бедству зрим конец, не страшно нам оно.

(Написав несколько строк.)

«О ты, чьей горести я злобный был содетель,
Которой обожать я должен добродетель,
Которой за любовь изменой заплатил,
Которой счастие в напасти превратил!
Коль ты еще жива, тронись моей тоскою,
Как ныне тронут я твоею стал судьбою!
Зеновия! тебе, кончая жизнь мою,
Я все мое теперь богатство отдаю.
Менандр, мой друг, тебе вручит его, конечно;
А мне противен свет и с ним расстанусь вечно:
Отрады для меня нигде не может быть».

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Корион и Андрей.

Андрей

(в сторону)

С такой тоски весь свет не трудно позабыть!
Что я держу в руках, и то позабываю;
Последуя ему, последний ум теряю.

(Кладет письмо на стол.)

Письмо, которое забыл отдать я вам.

(В сторону.)

Однако он теперь писать изволит сам.
Конечно, он в Москву послать кого намерен,
Да только не меня, я твердо в том уверен.

(Взяв перо, чинит.)

Корион

Что хочешь делать ты?

Андрей

Писать письмо к жене,
И к братьям, и к друзьям, и всей моей родне;
Мне должно им сказать, куда я преселился:
Из бездны ль вышел бед иль в бездну провалился.
Друзья не ведают, куда их скрылся друг;
Жена не ведает, где кроется супруг.
Скажите, для чего б не пользоваться веком
И, в свете живучи, быть мертвым человеком?
В деревню должно тем навек переезжать,
Кто хочет жителям деревни подражать,
У коих, — если кто моей поверит справке, —
Подобно как они, и разумы в отставке.
Размножился у нас таких невежей род:
Тут нельзя разобрать с крестьянами господ!
Иной из них, служа и телеси и духу,
Во здравие свое до смерти гнет сивуху;
Иной и день и ночь, пролив струями пот,
Гоняясь за скотом, и сам бывает скот,
И лучшие из них равняются со пнями;
Кто много хвастает своими деревнями,

Считая то за верх блаженства своего,
Чтоб ночь проспать, а днем не делать ничего.

Корион

Будь весел: завтра ты увидишься с Москвою.

Андрей

Как? Мне, воскреснуть мне назначено судьбою?

Корион

Иль не мило тебе со мной в деревне жить?

Андрей

Веселым господам охотнее служить.
Я знаю, что Москва свои имеет нравы,
Где сердце веселят различные забавы.
Какое множество в Москве прекрасных лиц!
Там всякий найдет рай в собрании девиц.
Не вы ли прежде там весельем восхищались?
Не вы ль прелестными московскими прельщались?
Я сам в Москве, я сам в окошко видел рай,
А здесь в окно один лишь вижу я сарай.
Вы только лишь теперь меня и воскресили,
Сказавши мне, что те минуты наступили,
В которы выедет со мною господин...

Корион

Нет, нет! Я буду здесь, поедешь ты один.

Андрей

Неужель должно мне без вас Москву увидеть?
С чего вы вздумали весь свет возненавидеть?
Какой вы вкус нашли жить в скуке одному?
Могу ль я ведать, что причиною тому?
Неужель к тем сердцам, которы вам вручились,
Безвременно еще наследники явились?
Неужель вечный жар красавицы какой,
Погаснув сам, пожрал с собою ваш покой?
Иль та, которая, взяв в плен свой, вас сковала,
Оковы расковав, в деревню вас прогнала?
Но как бы то ни есть, я чем виновен в том?
За что был должен я остаться здесь скотом?

Корион

Теперь тебя с письмом к Менандру отправляю.

Андрей

А я вам от него письмо теперь вручаю:
Мне можно было то по надписи узнать.

Корион

Но кто б из вас ему осмелился сказать,
Что я в деревне здесь?

(Распечатав письма, читает одно, оставя приложенные на столе.)

Он быть ко мне намерен,
Да мне его приезд не нужен: я уверен,
Что можешь ты его в Москве еще застать.

Андрей

Оставя вас грустить, и рваться, и вздыхать?
По крайней мере вы задумчивым не будьте
И этого еще прочесть не позабудьте.

(Подает ему достальные.)

Корион

(прочитав)

Изрядно: я теперь полковник...

Андрей

Вам дан чин!
Теперь-то к радости довольно мне причин!
Не правду ль я сказал? Хоть нет от вас ответу,
Однако я велю закладывать карету.
Иль долгу своего не можете понять?
Не должно ль нам в Москву как можно поспешать?
Хоть сами вы себя немного приневольте!
Оттуда в Питербурх отправиться извольте,
Вам счастья своего недолго будет ждать,
Коль станете во всем вы знатным угождать:
Известны вам самим больших господ законы,
Что жалуют они нижайшие поклоны;

Умножьте вы число особою своей
Стоящих с трепетом в передней их людей.
И если за чины не велено дарить,
Так должно вам хотя за то благодарить,
Что милость сделали и вас не обошли,
Что, живши в отпуску, вы чин себе нашли...
Да что ж!.. Никак и та вам милость неприятна?
Клянусь, что ваша мне холодность непонятна!

Корион

Андрей, возьми письмо!..

Андрей

Не знаю, что зачать
И что на это вам мне должно отвечать.
Смущение, тоска, печальны разговоры,
А более всего отчаянные взоры
Смущают и меня, усердного слугу;
И если доложить о том я вам могу,
Скажите: для чего, когда вас грусть терзает,
Вы пишете к тому, кто важно рассуждает?
Неужель вам Менандр один остался друг?
В Москве у вас друзей бывало по сту вдруг.

Корион

Тех временных друзей всегда превратны нравы:
Не грусть они делят, делят одни забавы;
Хоть, кажется, они усердием горят,
Однако их сердца иное говорят,
И дружба такова преходит скоротечно;
Менандр, один Менандр мне другом будет вечно.

Андрей

По крайней мере я хочу оставить вас
В хорошем обществе: я сам почти сей час
Услышал, что живет красавица в соседстве
В отчаянье, в тоске, и горести, и бедстве.
Я слышал, что она всечасно слезы льет:
Подобно, как и вам, противен стал ей свет.
Не должно ли подать вам помощи ей руку?
Вот способ прогонять свою тоску и скуку;

Прекрасной госпожи плач в радость превмени,
Оставьте вы тогда служанку для меня.

Корион

Какой прескучный вздор!

Андрей

На вздор ли то походит,
Когда случай сюда красавицу приводит?
Коль вздором кажется вам этот разговор,
Так посему и все у вас на свете вздор!
Да если б с вами я и в том не думал розно,
За этот взяться вздор вам все еще не поздно.
Послушайте того, кто хочет вам добра,
Которое для вас получше серебра:
Богатства вы теперь имеете довольно;
Но весело ли с ним тому, чье сердце вольно?
И если для того, чтобы спокойно жить,
На сердце должно вам оковы наложить,
Мне кажется, что те пречудные оковы
В соседстве здесь давно для вас уже готовы.
Когда угодно вам, пойду и полечу...

Корион

Останься! Никого я видеть не хочу.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Андрей

Его уже ничто на разум не приводит,
И больше от часу с ума мой барин сходит.
Когда ж судьба ему велит с ума сойти,
То трудно будет здесь умней меня найти.
Но в самом деле все, что он ни начинает,
Меня и самого чрезмерно огорчает.
Хоть много я теперь расхвастался умом,
Однако делать я не знаю что с письмом.
Отчаянье его отъезд мой усугубит:
Оставшись здесь один, он сам себя погубит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Андрей, крестьянин.

Крестьянин

Да та-ста бараня зовет тебя к себе,
Об коей преж сего я сказывал тебе:
Перед себя она меня призвавши, бает,
Цто будто-сто она и вашу милость знает.

Андрей

Теперь не до того. Мой друг, ты должен знать,
Что велено тебе сей час в Москву скакать.

Крестьянин

Помилуй-ста, не дай вконец мне разориться!

Андрей

Не плачь! Поездка та не может долго длиться:
К Менандру должен ты отвезть письмо туда.

Крестьянин

Теперь-ста не за мной осталась череда —
Обидно, батюшко!

Андрей

Уж ты, брат, мне и скучишь!
Одной поездкою себя ты не измучишь:
Какая тягость та?

Крестьянин

Да мы разорены.

Андрей

Скажи мне, отчего вы в то приведены?

Крестьянин

Платя-ста барину оброк в указны сроки,
Бывают-ста еще другие с нас оброки,
От коих уже мы погибли-сто вконец.
Нередко ездит к нам из города гонец,
И в город старосту с собою он таскает,

Которого-сто мир, сложившись, выкупает.
Слух есть, что сделан вновь в приказе приговор,
Чтоб цасце был такой во всем уезде сбор.
Не мало и того сбирается в народе,
Цем кланяемся мы поцасту воеводе,
К тому жа сборщики драгуны ездят к нам
И без посцады бьют кнутами по спинам,
Коль денег-ста когда даем мы им немного.

Андрей

О, о! Мне кажется, уж это слишком строго!
Какую бедную крестьяне жизнь ведут,
Коль грабят их и те, которым предан суд!..
Однако должен ты, что велено, исполнить.

Крестьянин

Пожалуй-ста, хоть впредь изволь словцо
замолвить;
А мы готовы вам и сами отслужить...

Андрей

Изрядно; перестань о том теперь тужить,
Поди скорее ты к отъезду убираться.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Корион и Андрей.

Корион

Готов ли ехать ты?

Андрей

Готов я здесь остаться.

Корион

Как!.. Что это?..

Андрей

Так... Я... раздумал ехать сам:
Зачем же ехать мне, коль вас не будет там?

Корион

Что значит это все?..

Андрей

Что я о вас жалею,
И одного я вас оставить здесь не смею.
Вы скоро с жизнию поссоритесь своей:
Без вашей жизни мне что будет и в моей?
И для того боюсь отселе удалиться,
Хотя б я должен был от скуки здесь взбеситься.

Корион

Кто сказывал тебе?..

Андрей

Никто, никто... А так
Мне показалось то затем, что я дурак
И легче всех могу во всем я прошибаться.
Однако нет вреда во всем остерегаться;
Я жизнию шутить ничьею не могу,
И с жизнию моей я вашу берегу.

Корион

Еще тебе сей свет, я вижу, не противен?

Андрей

Кому такой вопрос покажется не дивен?
Мое намеренье, коль бог благословит,
Не в важности какой, в безделке состоит;
И ежели мне в том не помешают черти,
Так весело прожить желаю я до смерти:
На свете сем никто два раза не живет —
Вот мнение мое и вот вам мой ответ.
То правда, что у всех бывают разны вкусы:
Хоть много храбрых есть, однако есть и трусы.
В числе последних был и прадед мой и дед,
Которым, как и мне, любезен был сей свет;
И если от меня мои родятся детки,
Так будут таковы ж, как их отец и предки,
И временный сей свет полюбят и они,
Хотя и не всегда бывают красны дни.

Корион

Ты скучишь. Не тебе ль скорее ехать должно?

Андрей

Что ж делать мне? Никак быть этому не можно.

Корион

Уж больше от тебя терпеть моих нет сил!
Довольно ты меня, мне кажется, бесил,
И я с тобой мое терпение теряю.

Андрей

Ужли я вам моим усердьем досаждаю?
Себе ли в пользу я остаться здесь хочу?

Корион

Ты будешь ли молчать?

Андрей

Извольте, я молчу.

Корион

(в сторону)

Сегодни целый день передо мной он бредит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Корион, Андрей и крестьянин.

Крестьянин

(к Андрею)

Готов-сто, батюшко!

Корион

Куда?

Андрей

В Москву он едет.

Корион

Бездельник! Так ты с ним письмо хотел послать
И все мои слова ты стал пренебрегать?
Так ты теперь уж сам быть хочешь господином?

Андрей

Не льстился я вовек таким великим чином.
Я знаю, что всегда я должен быть слугой;
Однако... иногда совет бывает мой...
Извольте бить меня, замучьте, притаскайте,
Лишь только от себя меня не отпускайте.

Корион

(крестьянину)

Изрядно, ты в Москву немедля поезжай.

(К Андрею.)

А ты по крайней мере то хотя теперь узнай,
Что я не буду век терпеть слуги такого
И что тебе давно отпускная готова.

(Уходит.)

Андрей

Хоть он отпускную изволит обещать,
Однако век ему меня не отпущать.
Хоть много на меня изволит он сердиться,
Однако без меня не может обойтиться.
Подобно без него и мне не можно жить:
Я сам привык ему с усердием служить.
Счастливы господа усердными слугами,
А слуги добрыми счастливы господами.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Менандр, Андрей.

Андрей

Насилу мог того дождаться я часа,
В который вас сюда прислали небеса!
А если б вы еще помедлили подоле,
То б должно было мне взбеситься поневоле.
Спросите у него, зачем он здесь живет
И отчего ему противен стал весь свет.
Недавно к вам с письмом крестьянин
отправлялся;
Я думаю, что он навстречу вам попался.

Менандр

Письма отсюда я еще не получал;
Но здесь вблизи я сам двух женщин обогнал,
Которых рассмотреть не можно было точно.
Не знаешь ли ты, кто?

Андрей

Я сам пойду нарочно
Узнать, зачем они изволят ехать к нам:
В таком случае я проворен очень сам.

Менандр

Неужель Корион еще того не знает.
Что я...

Андрей

От вас-то он теперь и убегает,
И более узнать не можно вам его:
Он стал совсем не тот...

Менандр

Скажи мне: отчего
Он начал так грустить, печалиться и рваться?

Андрей

Причины я и сам не мог тому добраться,
И, сколько мыслями моими ни брожу,
Однако я ее нигде не нахожу.

Менандр

Какая б быть могла поездки сей причина?

Андрей

Слуга не ведает; спросите господина,
Который, весь свой век намерясь промолчать,
Мне кажется, и вам не будет отвечать.
Досаден иногда и жалок он бывает:
Что сделать сам велит, то тотчас забывает.
Такая на него была еще пора,
Что вздумал и меня гнать в шею со двора!
А, обошедшися со мною так сурово,
Чрез полчаса забыл сдержать свое в том слово.
И если не был он сперва кому знаком,
Так тот сочтет его, конечно, дураком.
Хоть дерзко я сказал, да вы не осердитесь:
Я знаю, что тому вы сами удивитесь,
Увидя, как себе он голову вскружил.
Когда б он болен был, я б менее тужил:
Тогда б помочь ему нашлось какое средство;
А это злее всех болезней в свете бедство,
Чтоб чувствовать тоску и слезы проливать
И самому причин тоски своей не знать...
Да вот он сам идет. Побудьте с ним подоле,
Заставьте вы его открыться поневоле;
Старайтесь от него узнать всю тайну вдруг.
Я вас оставлю здесь одних...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Корион, Менандр.

Менандр

Любезный друг!
(Обнимает.)
С какою радостью тебя я обнимаю!
Поверь, что счастие твое своим считаю.
Хотя старался то в письме изобразить,
Однако я письмом не мог доволен быть,
И сам приехал я с тобою повидаться...

Корион

Дозволь мне искренно, мой друг, тебе признаться,
Что если б ты приезд дни на два отложил,
То б тем меня еще ты больше одолжил.
Недавно я и сам письмо послал отселе,
В котором я просил тебя о важном деле.
Ах! если б на себя ты труд хотел принять,
И обстоятельствы...

Менандр

Я не могу понять,
Зачем ты здесь живешь. Что сделалось с тобою?
Спеши скорей отсель ты выехать со мною:
Не должно ли тебе за чин благодарить?..

Корион

За чин!.. Но он меня не может веселить.
От дружбы я твоей того не сокрываю,
Что к прежней жизни я весь вкус уже теряю:
Противен город мне, и двор, и весь сей свет:
Они наполнены премножеством сует.
Я отвращенье к ним жестокое имею;
Доволен буду я судьбиною моею,
Когда останусь здесь в спокойствии весь век
И буду от сует свободный человек.

Менандр

Я должен твоему намеренью дивиться:
Прилично ли тебе от света удалиться,

Когда уже нашел ты счастие свое?..
Не безрассудно ли намеренье сие?
Все те, которые его предпринимают,
Нередко со стыдом его уничтожают:
Оставя свет, сперва скучают мыслью сей;
За скукой идет грусть, раскаянье за ней —
И после в свет вступить желаньи вновь родятся,
А возвратясь, они смешными становятся.
Скорее всех того свет может позабыть,
Который в нем ничем не мог доволен быть.
Доверенность его и счастье пропадает:
Он — свет, а свет его оставить предпримает,
Тогда он отстает от места своего,
Где могут обойтись легко и без него;
Потом занять его хоть мысль опять приходит,
Но место прежнее он занятым находит.
Скажи мне: чтоб покой снискать душе своей,
Оставить должно ль свет и бегать от людей?
Разумный человек, которому природа
Велела в обществе для пользы быть народа,
Оставить должности не хочет никогда,
И, где велит долг жить, он там живет всегда:
Хоть при дворе жить век судьба его приводит,
Уединенье он среди двора находит;
И если иногда он так захочет жить,
На тот час может он всю пышность отложить,
Не помышлять о том, что важно и полезно,
И видеть только то, что есть ему любезно.
Но ты мне искренно скажи, любезный друг:
Какая темна мысль тебя объяла вдруг?
И ежели тебя о том спросить я смею,
Печаль?..

Корион

Я никакой печали не имею,
И мне еще к тому причин нималых нет.

Менандр

Так для чего ж тебе противен ныне свет?
Хоть нравы у людей и стали повреждённы,
Однако мы наш век жить с ними принужденны.
Мы должны завсегда покорны быть судьбе —

Последовать сему советую тебе,
И убегать людей причины я не вижу.

Корион

Я их, любезный друг, и сам не ненавижу;
Современникам я могу ли быть злодей?
Могу ль я быть в числе превратных тех людей,
Которые без вин, без права, без причины
Злословят весь сей свет до самой их кончины?
Хулитель таковой с излишеством суров:
Развратны люди есть; но всякий ли таков?
Я много раз бывал и сам тому свидетель,
Что многими еще хранится добродетель.
Имел причину я людей не презирать
И узы общества усердно почитать;
И никогда не знал таких веселий злобных,
Чтоб огорчать, язвить и гнать себе подобных.

Менандр

К чему же убегать ты света принужден?

Корион

Но что б ты сделал сам? Я к скуке осужден,
Тоскою поражен, страдаю и крушуся,
И уже сам себе я в тягость становлюся:
Хочу от света скрыть навеки я того,
Который в нем лишен спокойства своего.
Не будь встревожен ты, мой друг, моим ответом:
Скучает мною свет, а я скучаю светом.
Пришло то время, чтоб я тех забав бежал,
Которы я любил, которы обожал.
Их жизни нашея считал я красотою,
И их же я теперь считаю суетою:
Они стремятся нас спокойствия лишать,
Но оного опять не могут возвращать.
Течение сует на колесо похоже,
Которое глазам всегда представит то же.
Обманом, хитростью и лестью полон свет,
Убежища от них нигде нам больше нет!
Мне самым опытом то все известно стало,
И в свете ко всему желание пропало,

Я в пышной суете всю жизнь мою провел;
Все видел, все вкусил, узнал, пересмотрел:
Уже ничто меня на свете не прельщает;
Ничто опять меня в него не возвращает;
Ничем от мыслей сих не буду отведен
И здесь останусь жить, от света удален...

Менандр

Питая грусть, тоску, отчаянье презлое?
Ты хочешь оправдать намеренье такое?
Но все ли ты вкусил блаженствы жизни сей?
Достигнуть их и знать во власти есть твоей —
Старайся их вкусить и ими наслаждаться.
К чему тебе грустить? К чему тебе терзаться?
И не в отчаянье ль ты мне теперь сказал,
Что ты на свете все веселии узнал?
Но только ль то одно блаженство составляет,
Во что нас молодость слепая привлекает?
Иль кроме тех страстей, что́ свойство юных лет,
Другого счастия на свете смертным нет?
Но если будем мы рассудка слушать боле,
Другое мы найдем своим желаньям поле;
Не будут наши в том старании вотще.
Поверь, любезный друг: мы не жили еще.
Как скоро обществу служить нам время стало,
С тех пор и жизни мы должны считать начало.
Кто к общей пользе все стараньи приложил
И к славе своего отечества служил,
Тот в жизнь свою вкусил веселие прямое:
Веселье для него не может быть иное,
Как то, о коем он старался весь свой век,
Чтоб жить и умереть, как честный человек...
Не внемлешь слов моих и очи отвращаешь?

Корион

Ты с здравым разумом согласно мне вещаешь;
Но чувство победить уже не может он;
Рассудок чувствию не делает препон.
Ступай ты тем путем, по коем за тобою
Идти было и мне назначено судьбою.
Но, ах! мне больше жить уже надежды нет!

Ты тщетный мне даешь, любезный друг, совет;
Ты тщетно нову жизнь представить мне желаешь
И счастье новое ты мне изображаешь:
Нет больше для меня веселья и забав,
И стал совсем не тот, как прежде был, мой нрав.

Менандр

Сколь много мысль твоя от истины далека!
Погрешность такова бесславит человека.
Но если б света ты и должен был бежать,
Так нужно ль для того и жизнь свою скончать?
Кто знает рассуждать, тот сам собой доволен,
Жить может, от сует собою сам уволен,
И, отвращение имея к жизни сей,
Не скучит никогда он долею своей.
А чтобы всякий быть доволен мог судьбою,
То надобно уметь довольным быть собою.
Желание сие имея, человек
В уединенье жить не должен весь свой век;
Он должен разделить свой вкус попеременно:
То жить во обществе, то жить уединенно.
И ежели ты здесь побольше поживешь,
Желанье видеть свет ты сам в себе найдешь.
Премена такова бывает часто нравам:
Отдыхновение должно быть и забавам:
Они становятся нередко в тягость нам.
Примером быть сему теперь ты можешь сам:
Ты должен всех забав на несколько лишиться,
Чтоб к ним желание опять могло родиться.
И только оттого несчастливым ты стал,
Что ты уже и сам быть счастливым устал.
Ты хочешь повторить слова свои конечно,
Что нельзя победить нам чувствие сердечно?
Но я такую мысль советую забыть:
Какими хочем мы, такими можем быть,
Рассудок чувствие свободно одолеет;
Над сердцем человек власть полную имеет.
Прошу тебя, мой друг, скажи мне: отчего
Не хочешь слушать слов ты друга своего,
Которого к тебе усердье непременно?
Скажи мне наконец, скажи мне откровенно:

Чего недостает к спокойству твоему
И чем могу служить я другу своему?
Я разделю мое имение с тобою.

Корион

Я искренностию обязан таковою;
Но ты узнаешь сам, что я не расточил
Того, что я себе в наследство получил.

Менандр

Ты более меня в смущение приводишь.
Какую же грустить причину ты находишь?

Корион

Чтоб отогнать скорей печальны мысли прочь,
Уединение в том может мне помочь:
Прошу тебя, мой друг, сокройся ты отселе
И помоги мне в том начатом мною деле,
О чем ты из письма узнаешь моего:
Спокойство состоит в том друга твоего.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Менандр

(один)

Мне подозрительно спокойствие такое.
Конечно, принял он намерение злое.
В отчаянье, тоске, вздыхая и стеня,
Он, тайны не открыв, сокрылся от меня.
Я сам в смущении жестоком здесь оставлен.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Менандр, крестьянин.

Крестьянин

Я к вашей милости с письмом в Москву отправлен,
Однако здесь вблизи, по щастью моему,
Сказали мужики на первом мне яму,
Что ты-сто мимо их к нам ехать торопился,
Так для того и я назад-сто воротился.

Менандр

Подай скорей письмо. Поди отсюда вон.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Менандр

(один)

Узнаю, отчего несчастлив Корион.

(Читает.)

«Ты жизни был моей, любезный друг, свидетель;
Ты знал Зеновии любовь и добродетель;
Ты знаешь, наконец, пред ней мою вину,
За что я сам себя в раскаянье кляну.
Я к смерти подал ей неверностью причину.
Но если рок ее остановил кончину
И если ты найдешь еще в живых ее,
Вручи ты ей, мой друг, богатство все мое;
Уверь ее, что я в раскаянье страдаю
И что с любовью к ней я душу испускаю.
Приходит время мне оковы разорвать...
Как станешь ты, мой друг, письмо сие читать,
Уже тогда мой дух от тела отлучится».
Он сам себе, увы! убийцей становится!
Удар сей должен быть скорее отвращен.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Менандр, Корион (выходит со смущенным видом).

Менандр

(обняв его)

Возьми ты сей залог, чем дух мой возмущен.
Жестокий! Все твое притворство мне открылось.

Корион

Когда же от тебя ничто не утаилось,
Жалей меня, мой друг! О, как стал беден я!
Уже несносна мне несчастна жизнь моя.

Хоть то я от тебя скрывал и притворялся,
Однако внутренно я более терзался.
Весь свет, к которому привязан я судьбой,
Возненавидел я, гнушаясь сам собой.
Отчаянье во мне столь сильно вкоренилось,
Что больше в свете жить желанье истребилось:
Рассудок, чувствие и сердце мне мое
Велят скорей скончать несчастно бытие.
Не должно ль нам желать скорей своей кончины,
Когда даны судьбой нам слабости едины?
Когда и жизнь сама нам скукой может быть,
Не должно ль нам хотеть скорей ее избыть?
Мне кажется, что те чрезмерно малодушны,
Которые во всем судьбе своей послушны,
Которые оков не смеют разорвать:
Несчастный должен знать, как должно умирать.

Менандр

Тебя твоя тоска в безумие ввергает,
Которое мой дух мятет и ужасает.
Иль создан ты на свет лишь только для себя
И общество еще не требует тебя?
Богатство, время, жизнь, что ты своим считаешь,
Тебе не надлежит, ты мыслью погрешаешь:
Ты должен посвятить отечеству свой век,
Коль хочешь навсегда быть честный человек.
Иль никуды тебя твой долг не призывает?
Молчание твое сильней меня терзает.

Корион

Поняти не могу я долгу своего:
Я в обществе совсем не значу ничего;
Когда часть слабая захочет отделиться,
Так может ли чрез то вред целому случиться?
Не буду никакой подвержен я вине...
Что было до меня, то будет и по мне.
И многих таковых намерение строго —
Окончить жизнь свою, — свет трогает немного.

Менандр

Жестокий! продолжай так ложно рассуждать
И истины в своих погрешностях искать!

Но если в свет тебя ничто не привлекает,
Неужели твой дух и дружбу презирает?

Корион

О гневная судьба! К чему я приведен!
От света я всего желаю быть забвен!

Менандр

Когда же дружество мое с тобой презренно,
Когда оно твоей взаимности лишенно,
По крайней мере та нежнейшая любовь,
Которая в тебе усилилася вновь,
Остановит твое намерение злое.
Должна ль любовь вселять отчаянье такое?
Или не хочешь ты Зеновии искать?..

Корион

Ты хочешь более еще мой дух терзать?
Не говори ты мне о сей нежнейшей страсти!
Я сам причиною был общия напасти:
Любовь ее к себе изменой заплатил
И счастие ее в злу горесть превратил.
Теперь я сам себя за то возненавидел,
И, если б я ее, любезный друг, увидел,
Возможно ль мне еще достойным быть ее?
Прерву, прерву скорей несчастно бытие!
Ах! можешь ли, мой друг, ты то себе представить,
Как мог я нежную любовницу оставить?
Но знаю ль я то сам? Я век в пороках жил
И счастия того ничем не заслужил,
Которо нам дает любовь и добродетель.
О мой любезный друг! ты был тому свидетель,
Как ею был любим, как я ее любил,
Как я ее своей изменой погубил;
Как добродетелью я строгой огорчился
И как от прелестей Зеновьи удалился.
Я оскорбил чрез то и самую любовь,
Которая теперь меня терзает вновь.
Забыв Зеновию, я выехал спокоен:
Ах! мог ли я тогда быть слез ее достоен.

Которы обо мне несчастная лила?
Любовь награждена изменою была!
Зеновия чрез то так много огорчилась,
Что скоро из Москвы сама она сокрылась,
И, может быть, мой друг, на свете нет ее:
Вот вся моя напасть! Вот бедствие мое!
Но как уже опять я в город возвратился,
Объяла мною грусть и дух мой возмутился.
И, не нашед ее, страдаю и грущу,
Кляну судьбу мою и смерти я ищу.
Лишь тем вину хочу лишь несколько поправить,
Что я намерен ей богатство все оставить.
Что делать мне еще? Скажи мне, научи...

Менандр

Сыскать ее ты мне старанье поручи.

Корион

Старание твое все будет бесполезно.
Не буду зреть тебя, сокровище любезно!
Надежду всю мою лютейший рок пресек!
Не буду зреть тебя, Зеновия, вовек!
Меня с тобою все на свете разлучает...
Я вижу, что ко мне смерть люта приступает,
Готовит мне удар, стремится поразить!
Ах! можешь ли ты то себе вообразить,
Что представляется мне в разум расточенный?
Какую казнь сулит мне рок ожесточенный!
Терзают томный дух ужасные мечты!
Зеновия, увы! куды сокрылась ты?
Почувствуй скорбь мою и сжалься надо мною!..
Но сжалился ли я, жестокий, над тобою,
Когда слез горьких ток из глаз твоих был лит?

Менандр

Она твою вину, любезный друг, простит,
Как скоро о твоем раскаянье узнает:
Погрешности такой всегда любовь прощает.
Ты можешь провести спокойно с нею век...

Андрей входит.

Корион

Презлополучный я на свете человек!..
Оставь несчастного самим собой стыдиться,
Который вдруг тебя и любит и боится.

Менандр

Оставить можно ли мне друга своего?

(Хочет идти.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Менандр, Андрей.

Андрей
(останавливая Менандра)

Постойте...

Менандр

Я иду...

Андрей

Не бойтесь ничего.
Не страшны нам его грозящие ответы:
Я шпагу взял к себе и прибрал пистолеты,
И, словом, от него я все то отобрал,
Что он себе к своей погибели искал.
Осталось одного лишь только нам желати,
Чтоб не продлилася его тоска... А, кстати!
Мы должны поскорей наш кончить разговор:
Теперь та взъехала карета к нам на двор,
Которую вы здесь недавно обогнали.
Конечно, небеса нарочно их прислали,
Чтоб чудо славное над нами здесь явить
И чтоб покойника скорее воскресить.
Надеюсь, кажется, того не без причины,
Что прежде своея воскреснет он кончины,
Идут... Вы видите, что я не обманул...
А я теперь пойду на прежний караул.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Зеновия, Менандр.

Менандр

Что вижу? О судьба! не льстишь ли мне мечтою?
Зеновия! тебя ль я вижу пред собою?

Зеновия

Сей радостный восторг, скажи, Менандр, к чему
В тот час, как жду конца я року моему?
Какую я, увы! премену обретаю!
Насилу на тебя я взор свой обращаю!
Но прежде, нежели мне рок мой злобен стал,
Я знаю, что меня ты много почитал.
Еще ль в тебе, Менандр, те мысли обитают?
Нередко без вины несчастных обвиняют,
И, может быть, меня готов ты обвинить?

Менандр

Ах, нет, Зеновия! Престань ты слезы лить:
Награда сей любви назначена судьбиной —
Сей день быть должен вам веселия причиной.

Зеновия

Что слышу я теперь?

Менандр

Раскаясь, Корион...

Зеновия

Ах! можно ль, чтоб еще был страстен мною он?
Прелестная мечта!..

Менандр

Ты кончишь все напасти:
Мой друг сильней еще подвержен нежной страсти.

Зеновия

Дай в чувство мне приттить! Ты жизнь мне возвратил.
Какое слабый дух веселье ощутил!
Вся жизнь моя была подобна смерти лютой;

Казался всякий день последней мне минутой.
Не льстишь ли ты, Менандр?

Менандр

Верь сердцу моему.
Тобою он любим, и ты мила ему...
Но чем в сии места ты стала привлеченна?

Зеновия

Влекла меня сюда судьбина раздраженна.
Хотя уже меня надежды он лишил,
Однако тем во мне любви не уменьшил:
Лишась надежды, я его еще любила
И только для того себя не погубила,
Что не могла его изгнать из сердца вон.
Ты помнишь, как меня оставил Корион:
Оставил он меня злым горестям на жертву,
Терзаему тоской, почти оставил мертву;
Сокрылся, погасив любви нежнейшей жар.
Но скоро мне другой готовился удар:
В то время самое я матери лишилась —
Вот для чего, Менандр, сюда я удалилась.
В уединенье здесь я с сродницей моей
Провесть оставши дни хотела жизни сей;
Но, ах! и тут нашла спокойствию препону:
Соседние места подвластны Кориону.
Они, сильней еще мой дух терзая вновь,
Представили на мысль мне прежнюю любовь.
Я часто по полям здесь в горести ходила —
Везде его, везде я образ находила!
А чтоб тоску мою хоть мало утолить,
Я сколько раз места хотела пременить;
Но некая тому противилася сила,
Котора в сих местах меня остановила.
Три года я жила здесь, плача и стеня...
Но вдруг смущение объяло вновь меня:
Терзался томный дух и сердце трепетало,
Как мне прибытие его известно стало.
Еще неверному желаю я предстать,
В последний раз «навек прости!» ему сказать,
И если не могу тронуть его слезами.

То мертвую меня он узрит пред глазами.
Но что мы медлим здесь? Пойдем скорей к нему,
Чтоб возвратил покой он сердцу моему.

Менандр

Ты будешь счастлива, — останься в сей надежде!
С горячностью тебя он любит так, как прежде,
Но должно наперед мне то ему сказать,
Что хочет пред него любезная предстать!
Отчаянье его так сильно поразило!..
Я после расскажу все, что происходило.
Теперь уже тебе причины нет тужить:
Любовью он свой век спокойно будет жить...
Свиданье ваше я с досадой отлагаю.

Зеновия

Я медленность сию довольно понимаю...
Жестокий! ты мне льстишь: еще не верен он!..

Менандр

Но если то сказать, что делал Корион
Для утверждения спокойства твоего,
Не будешь обвинять ты более его...
Оставь меня спешить желанною минутой.

Зеновия

Не мучь меня, Менандр, сей медленностью лютой!
Тебе вручаю я все счастие мое,
Надежду положив на дружество твое.
Я буду жизнь мою так долго ненавидеть,
Покамест не могу любовника увидеть.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Корион

Свершилось все теперь: час смерти мне настал!
Тот яд, который я без ужасу приял,
Спокойной смертию все чувствы покрывает
И брение сие в сон вечный повергает.
Ни совесть, ни печаль мой разум не мятет:
Невольник винен ли, когда оковы рвет?
Судью, что днесь меня в нощь мрачну ожидает,
И другом и отцом природа вся считает.
Бессмертная душа, его щедротой льстясь,
В объятье отчее стремится, не страшась.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Корион, Менандр.

Менандр

Мой друг, ты все мои стараньи презираешь.
К чему ты от меня, к чему ты убегаешь?
Я тщетно целый час везде тебя искал;
Нашед тебя, опять мой дух спокоен стал.
Ты больше чувствовать не будешь грусти бремя:
Теперь способное к тому настало время,
Чтоб сердцу твоему спокойство принести.

Корион

Прости, любезный друг! В последний раз прости!

Менандр

Что слышу я еще? Твой дух опять мятется?

Корион

Как скоро от меня душа моя возьмется,
И если зрит еще Зеновия сей свет,
Исполнь, о чем просил...

Менандр

Она еще живет.
Не презри дружества, не презри страсть нежнейшу,
Старайся утолить ты горесть прелютейшу!
Скажи мне: если вдруг предстанет пред тебя
Любезная твоя, еще тебя любя,
В том образе, как ты пленился прежде ею,
Как верным быть клялся ты жизнию своею, —
Скажи мне: если ты теперь увидишь ту,
Которой обожал любовь и красоту,
И ежели она вину твою забудет
И с равною к тебе любовию пребудет, —
Что в случае таком ты думаешь начать?
Еще ль не отменишь ты жизнь свою скончать?
И следуя опять намерению злому,
Противиться ль начнешь ты счастию такому,
Чтоб страстию сердца взаимно наполнять,
Желанье, счастье, жизнь с любезной разделять?

Корион

Ты знаешь, чем вину намерен я исправить,
Когда бы рок хотел в живых ее оставить.
Престань, любезный друг, престань о мне жалеть:
Хотя она жива, мне должно умереть!
Мне должно умереть! Я тверд в своем обете.
Не верю, чтоб была Зеновия на свете.

Менандр

Теперь поверишь ты, мой друг, моим речам:
Предстань, Зеновия, предстань его очам!

Корион

Зеновия!.. Что зрю!.. Не сон ли льстит мне ложно?
Я зрю Зеновию... Как быть тому возможно?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зеновия, Корион, Менандр.

Зеновия

Возможно быть тому, когда, в своей вине
Признаясь, отдаешь опять ты сердце мне.
Еще тебе судьба велела ту увидеть,
Котора не могла тебя возненавидеть...
Не внемлешь слов моих и очи отвратил?
Менандр! ты, сердцу льстя, сильней меня сразил.

Корион

К прощению вины надежду тот теряет,
Кого на свете все согласно обвиняет.
Хотя бы ты, мою свирепость извиня,
Помыслила простить, дражайшая, меня,
Я сам себе того злодейства не прощаю,
Я казни за него лютейшей ожидаю.
Уже готов конец жестокостям моим;
Я стою ли того, чтоб быть когда твоим?

Зеновия

Жестокости твои хотя меня крушили,
Но, ах! они во мне любви не уменьшили.

Корион

Престань о мне жалеть для счастья твоего!
Узнала страсти все ты сердца моего.
Когда б судьба моя с твоей соединилась,
Печальный бы мой нрав ты видя, сокрушилась.

Зеновия

Кто тем любим, к кому питает в сердце страсть,
Того не устрашит и самая напасть.
В печали бы тебя утешить я старалась,

Веселием сама твоим бы утешалась.
А если грусть твою не можно победить,
Я стала бы сама с тобой ее делить;
Желания твои считала б за уставы
И презрила бы я на свете все забавы.
Зеновия с тобой счастлива может быть.

Корион

Надежду сладкую мне должно истребить!
В тот час, когда б я мог быть счастлив
несравненно,
Мне жизнь мою скончать судьбой определенно;
Как должно радостью наполнить нам сердца,
Я жду себе тогда лютейшего конца.

Зеновия

Какое варварство еще ты предпримаешь?
Какие лютости ты мне приготовляешь?
Что слышу от тебя?.. Жестокий, утуши
Смущение моей прискорбныя души!
Когда б тобой любовь не так владела мало,
Намеренье твое меня б не возмущало:
Тогда бы жизнь свою ты более любил,
Смертельную б тоску из сердца истребил.
Блаженство наших дней любовь определяет
И новую совсем в нас душу полагает.
Ты знаешь, что двоих согласие сердец
Судьбиною на тот устроено конец,
Чтоб смертные чрез то все бедствы услаждали,
Страдании свои весельем награждали,
Чтоб тем себе могли спокойствие принесть,
Украсить жизнь свою и счастье приобресть.

Корион

Как сердце горестным отчаяньем терзалось,
Тогда мне счастия сего не представлялось.
Но, ах! когда тебя в последний вижу раз,
Какая вдруг теперь завеса спала с глаз!
Все в свете мрак скрывал; все нову жизнь примает
И в ту же бездну все возвратно упадает!
Любовью, ужасом мой дух наполнен стал:

Я чувствую, что мне лютейший час настал.
Что сделал я, увы! что сделал я с собою!
Зеновия, навек расстанусь я с тобою!
Беги ты варвара!..

Зеновия

За всю нежнейшу страсть,
Жестокий, ты одну готовишь мне напасть!
И ненависть твоя ко мне не утаилась:
Ты хочешь, чтобы я от глаз твоих сокрылась!

(Выходя.)

А ты к чему, Менандр, к чему несчастной льстил?

Корион

(останавливая ее и бросаясь на колени)

Постой, дражайшая! Он правду говорил:
Как я тебя люблю, сильней любить не можно.
Коль клялся он о том, то клялся он не ложно.
Прости, Зеновия, прости мою вину!
Злодейство то теперь у ног твоих кляну,
Которо от тебя к несчастью удаляло
То сердце, что тебе навек принадлежало.
Но если я еще в глазах твоих злодей,
Так ведай, что отмстил я лютости моей.
Любовь сего часа к отмщенью ожидала...

Зеновия

Какая темна мысль еще тебя объяла?

Корион

Ах, что тебе, ах, что, жестокий, говорю!
Я в счастии моем отчаяние зрю!
Возобновила жар любовь во мне напрасно:
Терзает грудь мою раскаянье ужасно.
Открылось поздно мне пространство той мечты,
В которую меня повергли суеты.
Ах! где скрывалась ты? Куда мой разум скрылся?
Какою злобою мой лютый рок свершился?

Зеновия

Престань прошедшее несчастье вспоминать.
Могу ли я тебя виновным почитать,
Когда в раскаянье страдаешь предо мною
И хочешь съединить мою с своей судьбою?
Но, ах! когда тебе в том счастье нет препон,
К чему ты слезы льешь, любезный Корион?

Корион

О счастье суетно! ты с ужасом смешенно.
О сердце бедное! надежды ты лишенно.
Забудь ты варвара, драгая, навсегда!
Я больше зреть тебя не буду никогда:
Рок лютый разлучит меня с тобою грозно!..
Увидел я тебя, но, ах! увидел поздно!
Не знаешь ты всех бедств... В сию лютейшу ночь
Навеки от меня мой дух возьмется прочь...
Узнай отчаянья лютейшего причину!
Оплачь, оплачь мою несчастную кончину,
К чему привел себя я лютостию сам!
Несносен я земле, противен небесам!

(Отдавая Зеновии письмо, писанное к Менандру.)

Вот что любовь моя тебе приготовляла,
Когда моя душа в раскаянье страдала.

Зеновия
(читает)

Что вижу я? Умерь ты грусть мою, умерь!
Что сделать ты хотел?

Корион

Свершилось все теперь,
И помощи нигде найти уже не чаю:
Я выпил лютый яд и смерти ожидаю.

Зеновия

Увы!..

Менандр

Несчастный друг!

Зеновия

Спасай ты жизнь его!
Беги, спеши, спасай ты друга своего!
И ежели еще надежда в нем приметна...

Менандр

Останься ты здесь с ним.

Корион

Уже надежда тщетна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Корион, Зеновия.

Зеновия

Жестокий! вот как ты хранил ко мне любовь!

Корион

При смерти ты моей меня терзаешь вновь!
Ах! если ты меня еще подозреваешь,
Ты тем лютейшую мне смерть предускоряешь.
Не должно ль было мне карать за то себя,
Что в свете должен был я жить не для тебя?
Свидания сего мне в мысль не представлялось.
Мне в свете больше жить причин не оставалось;
И, видя, что собой я к смерти осужден,
Хотел, чтоб был ее удар предупрежден.
Хотел увидеть я, расставшись с суетою,
Вселенну новую, украшенну тобою.
Открылось поздно мне, что я обманут стал!
Я вижу смерть мою, и ужас мной объял!
За то, что был я так в печали малодушен,
Что власти вышнего я стал уже преслушен,
Что погубить я сам отважился себя,
Лишаюся навек и жизни и тебя.
Карать меня за то готова адска злоба.
Я вижу вечну ночь! Отверзлись двери гроба!
Немеют члены все... Кровь стынет...Меркнет свет...
Трепещет сердце... Дух из тела вон идет...
Терзаюсь, мучусь, рвусь лютейшею тоскою...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Корион, Зеновия, Менандр, Андрей.

Менандр

(Андрею)

Чем хочешь ты помочь?

Андрей

Лекарство есть со мною.

Вы счастливы...

Корион

К чему безумный приведен?

Андрей

На этот случай я довольно был умен.
Болезни вашей я принес теперь свободу:
Вы выпили не яд, а выпили вы воду.
В тот час, когда ваш дух отчаянием рвался,
Я в спальню к вам тогда тихохонько пробрался,
И, видя на столе в стакане яд готовый —
Желудку нашему напиток нездоровый,
Я знал, что делать мне с находкою такой:
Яд вылевши, стакан наполнил я водой,
Которой вы потом изволили напиться.
Вы живы так, как я, мне можно в том божиться.

Зеновия

Что слышу я?..

Менандр

Мой друг!..

Корион

Иль вижу то во сне?..
Зеновия!.. Менандр!.. А ты, который мне
Причиной стал теперь и жизни и отрады!..
Чем можно заплатить?..

Андрей

Не требую награды.
Я вам из одного усердия служу

И в том одном свое веселье нахожу.
Я жизни счастливой усердно вам желаю
И с днем рождения нижайше поздравляю.

Корион

О ты, которая украсишь жизнь мою,
Которой сердце я навеки отдаю!
Забудь вину мою, забудь ее, драгая!
Судьбиною на то дана мне жизнь другая,
Чтоб счастие мое с тобою разделять,
Чтоб мне тебя по смерть любить и обожать!

Андрей

Не должно никогда так светом нам гнушаться:
Мы видим, каково со светом расставаться.
Хоть в жизни много нам случается тужить,
Однако хочется подолее пожить.

КОНЕЦ КОМЕДИИ,

БРИГАДИР

КОМЕДИЯ

В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бригадир.

Иванушка, сын его.

Бригадирша.

Советник.

Советница, жена его.

Софья, дочь советничья.

Добролюбов, любовник Софьи.

Слуга советничий.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобеняся, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит советница в дезабилье и корнете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьет в тамбуре.

Советник *(смотря в календарь)*. Так ежели бог благословит, то двадцать шестое число быть свадьбе.

Сын. Hélas! [1]

Бригадир. Очень изрядно, добрый сосед. Мы хотя друг друга и недавно узнали, однако это не помешало мне, проезжая из Петербурга домой, заехать к вам в деревню с женою и сыном. Такой советник, как ты, достоин быть другом от армии бригадиру, и я начал уже со всеми вами обходиться без чинов.

Советница. Для нас, сударь, фасоны не нужны. Мы сами в деревне обходимся со всеми без церемонии.

Бригадирша. Ах, мать моя! Да какая церемония меж нами, когда *(указывая на советника)* хочет он выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, с божиим благословением? А чтоб лучше на него, господа, положиться было можно, то даете вы ей

[1] Увы!

и родительское свое награждение. На что тут церемония?

Советница. Ах, сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, который был в Париже. Ах, радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был.

Сын *(вслушавшись, приподнимает шишку колпака)*. Madame! я благодарю вас за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотел бы иметь и сам такую жену, с которою бы я говорить не мог иным языком, кроме французского. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливее.

Бригадирша. О Иванушка! Бог милостив. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава богу, в военной службе не служил, и жена твоя не будет ни таскаться по походам без жалованья, ни отвечать дома за то, чем в строю мужа раздразнили. Мой Игнатий Андреевич вымещал на мне вину каждого рядового.

Бригадир. Жена, не все ври, что знаешь.

Советник. Полно, соседушка. Не греши, ради бога. Не гневи господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имеешь? Она годится быть коллегии президентом. Вот как премудра Акулина Тимофеевна.

Бригадир. Премудра! Вот-на, соседушка! Ты, жалуя нас, так говорить изволишь, а мне кажется, будто премудрость ее очень на глупость походит. Иное дело твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, в глаза и за глаза, что ума у нее целая палата. Я мужчина и бригадир, однако ей-ей рад бы потерять все мои патенты на чины, которые купил я кровию моею, лишь бы только иметь разум ее высокородия.

Сын. Dieu![1] Сколько прекрасных комплиментов, батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умов, голова головы лучше.

Советник. А я могу и о тебе также сказать, дорогой зятюшка, что в тебе путь будет. Прилежи только к делам, читай больше.

Сын. К каким делам? Что читать?

Бригадир. Читать? Артикул и устав военный; не

[1] Боже!

худо прочесть также инструкцию межевую молодому человеку.

Советник. Паче всего изволь читать уложение и указы. Кто их, будучи судьею, толковать умеет, тот, друг мой зятюшка, нищим быть не может.

Бригадирша. Не худо пробежать также и мои расходные тетрадки. Лучше плуты-люди тебя не обманут. Ты тамо не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой.

Советница. Боже тебя сохрани от того, чтоб голова твоя наполнена была иным чем, кроме любезных романов! Кинь, душа моя, все на свете науки. Не поверишь, как такие книги просвещают. Я, не читав их, рисковала бы остаться навеки дурою.

Сын. Madame, вы говорите правду. О! Vous avez raison.[1] Я сам, кроме романов, ничего не читывал, и для того-то я таков, как вы меня видите.

Софья *(в сторону)*. Для того-то ты и дурак.

Сын. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о вас думаю.

Сын. А что бы это было? Je vous prie,[2] не льстите мне.

Советник. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю о чем-то, с ума сходит.

Бригадир. О! это пройдет. У меня жена перед свадьбою недели полторы без ума шаталась; однако после того лет десятка с три в таком совершенном благоразумии здравствует, что никто того и приметить не может, чтоб она когда-нибудь была умнее.

Бригадирша. Дай бог тебе, батюшка, здоровье. Продли бог долгие твои веки; а я, с тобой живучи, ума не потеряла.

Советник. Всеконечно, и мне весьма приятно, что дочь моя иметь будет такую благоразумную свекровь.

Советница *(вздыхает)*. Для чего моей падчерице и не быть вашею снохой? Мы все дворяне. Мы все равны.

---

[1] Вы правы.
[2] Прошу вас.

Советник. Она правду говорит. Мы равны почти во всем. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской. Тебе еще до бригадирства распроломали голову, а я до советничества в Москве ослеп в коллегии. В утешение осталось только то, что меня благословил бог достаточком, который нажил я в силу указов. Может быть, я имел бы свой кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетов, манжет и прочих вздоров, не служащих ни к временному, ни к вечному блаженству.

Советница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна[1] с тобою развестись, ежели ты еще меня так шпетить станешь.

Советник. Без власти создателя и святейшего синода развестись нам невозможно. Вот мое мнение. Бог сочетает, человек не разлучает.

Сын. Разве в России бог в такие дела мешается? По крайней мере, государи мои, во Франции он оставил на людское произволение — любить, изменять, жениться и разводиться.

Советник. Да то во Франции, а не у нас, правоверных. Нет, дорогой зять, как мы, так и жены наши, все в руце создателя. У него все власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. Вить вот, Игнатий Андреевич, ты меня часто ругаешь, что я то и дело деньги да деньги считаю. Как же это? Сам господь волоски наши считать изволит, а мы, рабы его, мы и деньги считать ленимся, — деньги, которые так редки, что целый парик изочтенных волосов насилу алтын за тридцать достать можно.

Бригадир. Враки. Я не верю, чтоб волосы были у всех считаны. Не диво, что наши сочтены. Я — бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их ему?

Бригадирша. Не греши, мой батюшка, ради бога. У него генералитет, штаб и обер-офицеры в одном ранге.

---

[1] Искаженное французское слово capable — способна. В дальнейшем, не оговаривая искажения, даем только перевод.

Бригадир. Ай, жена! Я тебе говорю, не вступайся. Или я скоро сделаю то, что и впрямь на твоей голове нечего считать будет. Как бы ты бога-то узнала побольше, так бы ты такой пустоши и не болтала. Как можно подумать, что богу, который всё знает, неизвестен будто наш табель о рангах? Стыдное дело.

Советница. Оставьте такие разговоры. Разве нельзя о другом дискюрировать?[1] Выбрали такую сурьезную материю, которую я не понимаю.

Бригадир. Я и сам, матушка, не говорю того, чтоб забавно было спорить о такой материи, которая не принадлежит ни до экзерциции, ни до баталий, и ничего такого, что бы...

Советник. Что бы по крайней мере хотя служило к должности судьи, истца или ответчика. Я сам, правду сказать, неохотно говорю о том, о чем разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложенье.

Бригадирша. Мне самой скучны те речи, от которых нет никакого барыша. *(К советнице.)* Переменим, свет мой, речь. Пожалуй, скажи мне, что у вас идет людям, застольное или деньгами? Свой ли овес едят лошади или купленный?

Сын. C'est plus intéressant.[2]

Советница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина?

Советник *(к жене)*. Не стыди меня! Матушка Акулина Тимофеевна, люди наши едят застольное. Не прогневайся на жену мою. Ей до того дела нет: хлеб и овес я сам выдаю.

Бригадирша. Так-то у меня мой Игнатий Андреич: ему ни до чего дела нет. Я одна хожу в анбары.

Советник *(в сторону)*. Сокровище, а не женщина! Какие у нее медоточивые уста! Послушать ее только, так раб греха и будешь: нельзя не прельститься.

Бригадир. Что ты это говоришь, сват? *(В сторону.)* Здешняя хозяйка не моей бабе чета.

Советник. Хвалю разумное попечение твоей супруги о домашней экономии.

---

[1] Разговаривать.
[2] Это более интересно.

Бригадир. Благодарен я за ее экономию. Она для нее больше думает о домашнем скоте, нежели обо мне.

Бригадирша. Да как же, мой батюшка? Вить скот сам о себе думать не может. Так не надобно ли мне о нем подумать? Ты, кажется, и поумнее его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала.

Бригадир. Слушай, жена, мне все равно, сдуру ли ты врешь или из ума, только я тебе при всей честной компании сказываю, чтобы ты больше рта не отворяла. Ей-ей, будет худо!

Сын. Mon père![1] Не горячитесь.

Бригадир. Что, не горячитесь?

Сын. Mon père, я говорю, не горячитесь.

Бригадир. Да первого-то слова, черт те знает, я не разумею.

Сын. Ха-ха-ха-ха, теперь я стал виноват в том, что вы по-французски не знаете!

Бригадир. Эк он горло-то распустил. Да ты, смысля по-русски, для чего мелешь то, чего здесь не разумеют?

Советница. Полно, сударь. Разве ваш сын должен говорить с вами только тем языком, который вы знаете?

Бригадирша. Батюшка, Игнатий Андреевич, пусть Иванушка говорит как хочет. По мне все равно. Иное говорит он, кажется, по-русски, а я, как умереть, ни слова не разумею. Что и говорить, ученье свет, неученье тьма.

Советник. Конечно, матушка! Кому бог открыл грамоту, так над тем и сияет благодать его. Ныне, слава богу, не прежни времена. Сколько грамотей у нас развелось: и то-то, вить кому господь откроет. Прежде, бывало, кто писывали хорошо по-русски, так те знавали грамматику; а ныне никто ее не знает, а все пишут. Сколько у нас исправных секретарей, которые экстракты сочиняют без грамматики, любо-дорого смотреть! У меня на примете есть один, который что когда напишет, так иной ученый и с грамматикою вовеки того разуметь не может.

[1] Отец!

Бригадир. На что, сват, грамматика? Я без нее дожил почти до шестидесяти лет, да и детей взвел. Вот уже Иванушке гораздо за двадцать, а он — в добрый час молвить, в худой помолчать — и не слыхивал о грамматике.

Бригадирша. Конечно, грамматика не надобна. Прежде нежели ее учить станешь, так вить ее купить еще надобно. Заплатишь за нее гривен восемь, а выучишь ли, нет ли — бог знает.

Советница. Черт меня возьми, ежели грамматика к чему-нибудь нужна, а особливо в деревне. В городе по крайней мере изорвала я одну на папильоты.

Сын. J'en suis d'accord,[1] на что грамматика! Я сам писывал тысячу бильеду,[2] и мне кажется, что свет мой, душа моя, adieu, ma reine[3] можно сказать, не заглядывая в грамматику.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и слуга.

Слуга. Господин Добролюбов приехать изволил.

Софья *(в сторону)*. Боже мой! Он приехал, а я невеста другому.

Советник. Пойдем же навстречу сына друга моего и погуляем с ним по саду.

Бригадир *(к советнице)*. Не изволите ли и вы проходиться?

Советница. Нет, сударь, я останусь здесь. Мне сын ваш сделает компанию.

Сын. De tout mon coeur,[4] я с вами наедине быть рад.

Советник *(к бригадирше)*. Вы, матушка, не изволите ли также прогуляться?

Бригадирша. Изволь, изволь, мой батюшка.

Советница *(Софье)*. А ты по крайней мере сделай компанию своей свекрови.

---

[1] Я с вами согласен.
[2] Любовных записок.
[3] Прощайте, моя королева.
[4] От всего сердца,

ЯВЛЕНИЕ III

Советница, сын.

Сын *(садится очень близко советницы)*. Мне кажется, сударыня, что ваш сожитель не больше свету знает, сколько для отставного советника надобно.

Советница. Вы правду сказали: он ни с кем в жизнь свою не обходился, как с секретарями и подьячими.

Сын. Он, я вижу, походит на моего батюшку, который во свой век разумных людей бегал.

Советница. Ах, радость моя! Мне мило твое чистосердечие. Ты не щадишь отца своего! Вот прямая добродетель нашего века.

Сын. Черт меня возьми, ежели я помышляю его менажировать. [1]

Советница. В самом деле, жизнь моя, мне кажется, он не умнее моего мужа, которого глупее на свете и бывают, однако очень редко.

Сын. Ваш резонеман [2] справедлив. Скажите ж, сударыня, что вы думаете о моей матери?

Советница. Как, радость! В глаза мне это тебе сказать совестно.

Сын. Пожалуй, говори, что изволишь. Я индиферан [3] во всем том, что надлежит до моего отца и матери.

Советница. Не правда ли, что она свет знает столько же, сколько ваш батюшка?

Сын. Dieu! Какой вы знаток в людях! Вы, можно сказать, людей насквозь проницаете. Я вижу, что надобно об этом говорить безо всякой дессимюлации. [4] *(Вздохнув.)* Итак, вы знаете, что я пренесчастливый человек. Живу уже двадцать пять лет и имею еще отца и мать. Вы знаете, каково жить и с добрыми отцами, а я, черт меня возьми, я живу с животными.

Советница. Я сама стражду, душа моя, от моего урода. Муж мой — прямая приказная строка. Я живу несколько лет с ним здесь в деревне и клянусь тебе, что

---

[1] Считаться с ним.
[2] Рассуждение.
[3] Безразличен.
[4] Без всякого притворства.

все способы к отмщению до сего времени у меня отняты были. Все соседи наши такие неучи, такие скоты, которые сидят по домам, обнявшись с женами. А жены их — ха-ха-ха-ха! — жены их не знают еще и до сих пор, чтó это — дезабилье, и думают, что будто можно прожить на сем свете в полшлафроке. Они, душа моя, ни о чем больше не думают, как о столовых припасах; прямые свиньи...

Сын. Pardieu![1] Поэтому мать моя годится в число ваших соседок; а давно ли вы живете с такою тварью?

Советница. Муж мой пошел в отставку в том году, как вышел указ о лихоимстве. Он увидел, что ему в коллегии делать стало нечего, и для того повез меня мучить в деревню.

Сын. Которую, конечно, нажил до указа.

Советница. При всем том он скуп и тверд, как кремень.

Сын. Или как моя матушка. Я без лести могу сказать о ней, что она за рубль рада вытерпеть горячку с пятнами.

Советница. Мой урод при всем том ужасная ханжа: не пропускает ни обедни, ни завтрени и думает, радость моя, что будто бог столько комплезан,[2] что он за всенощною простит ему то, что днем наворовано.

Сын. Напротив того, мой отец, кроме зари, никогда не маливался. Он, сказывают, до женитьбы не верил, что и черт есть; однако, женяся на моей матушке, скоро поверил, что нечистый дух экзистирует.[3]

Советница. Переменим речь, je vous en prie;[4] мои уши терпеть не могут слышать о чертях и о тех людях, которые столь много на них походят.

Сын. Madame! Скажите мне, как вы ваше время проводите?

Советница. Ах, душа моя, умираю с скуки. И если бы поутру не сидела я часов трех у туалета, то могу сказать, умереть бы все равно для меня было;

---

[1] Черт возьми!
[2] Снисходителен.
[3] Существует.
[4] Я прошу вас.

я тем только и дышу, что из Москвы присылают ко мне нередко головные уборы, которые я то и дело надеваю на голову.

Сын. По моему мнению, кружева и блонды составляют голове наилучшее украшение. Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Черт ли видит то, что скрыто, а наружное всяк видит.

Советница. Так, душа моя: я сама с тобою одних сентиментов;[1] я вижу, что у тебя на голове пудра, а есть ли что в голове, того, черт меня возьми, приметить не могу.

Сын. Pardieu! Конечно, этого и никто приметить не может.

Советница. После туалета лучшее мое препровождение в том, что я загадываю в карты.

Сын. Вы знаете загадывать, grand dieu![2] Я сам могу назваться пророком. Хотите ли, чтоб показал я вам мое искусство?

Советница. Ах, душа моя! Ты одолжишь меня чрезвычайно.

Сын *(придвинув столик с картами)*. Сперва вы мне отгадайте, а там я вам.

Советница. С радостью. Изволь загадывать короля и даму.

Сын *(подумав)*. Загадал.

Советница *(раскладывает карты)*. Ах, что я вижу! Свадьба! *(Вздыхает.)* Король женится.

Сын. Боже мой! Он женится! Что мне этого несноснее!

Советница. А дама его не любит...

Сын. Черт меня возьми, ежели и я люблю. Нет, нет сил более терпеть. Я загадал о себе. Ah, madame! Или вы не видите того, что я жениться не хочу?

Советница *(вздыхая и жеманяся)*. Вы жениться не хотите? Разве падчерица моя не довольно пленила ваше сердце? Она столько постоянна!

Сын. Она постоянна!.. О, верх моего несчастья!

---

[1] Одних чувств, одного мнения.
[2] Великий боже!

Она еще и постоянна! Клянусь вам, что ежели я это в ней, женяся, примечу, то ту же минуту разведусь с нею. Постоянная жена во мне ужас производит. Ah, madame! Ежели б вы были жена моя, я бы век не развелся с вами.

Советница. Ах, жизнь моя! Чего не может быть, на что о том терзаться? Я думаю, что и ты не наскучил бы мне лишними претензиями.

Сын. Позволь теперь, madame, отгадать мне что-нибудь вам. Задумайте и вы короля и даму.

Советница. Очень хорошо. Король трефовый и керовая дама.

Сын *(разложив карты)*. Король смертно влюблен в даму.

Советница. Ах, что я слышу! Я в восхищении. Я вне себя с радости.

Сын *(посмотрев на нее с нежностью)*. И дама к нему не без склонности.

Советница. Ах, душа моя, не без склонности! Скажи лучше, влюблена до безумия.

Сын. Я бы жизнь свою, я бы тысячи жизней отдал за то, чтоб сведать, кто эта керовая дама. Вы краснеете, вы бледнеете. Конечно, это...

Советница. Ах, как несносно признаваться в своей пассии!

Сын *(с торопливостью)*. Так это вы...

Советница *(притворяясь, будто последнее слово дорого ей стоит)*. Я, я сама.

Сын *(вздохнув)*. А кто этот преблагополучный трефовый король, который возмог пронзить сердце керовой дамы?

Советница. Ты хочешь, чтоб я все вдруг тебе сказала.

Сын *(встав)*. Так, madame, так. Я этого хочу, и ежели не я тот преблагополучный трефовый король, так пламень мой к вам худо награжден.

Советница. Как! И ты ко мне пылаешь?

Сын *(кинувшись на колени)*. Ты керовая дама!

Советница *(поднимая его)*. Ты трефовый король!

Сын *(в восхищении)*. О счастье! О bonheur![1]

Советница. Может быть, ты, душа моя, и не ведаешь того, что невеста твоя влюблена в Добролюбова и что он сам в нее влюблен смертно.

Сын. St... St... Они идут. Ежели это правда, oh, que nous sommes heureux![2] Нам надобно непременно оставить их в покое, чтоб они со временем в покое нас оставили.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Добролюбов и Софья.

Софья. Вы изволили здесь остаться одни, матушка; я нарочно пришла к вам для того, чтоб вам одним не было скучно.

Добролюбов. А я, сударыня, взял смелость проводить ее к вам.

Советница. Нам очень здесь нескучно. Мы загадывали в карты.

Сын. Мне кажется, mademoiselle, что вы как нарочно сюда, сведать о вашей свадьбе.

Софья. Что это значит?

Советница. Мы загадывали о тебе, и если верить картам, которые, впрочем, никогда солгать не могут, то брак твой не очень удачен.

Софья. Я это знаю и без карт, матушка.

Сын. Вы это знаете, на что ж вы рискуете?

Софья. Тут никакого риску нет, а есть очевидная моя погибель, в которую ведут меня батюшка и матушка.

Советница. Пожалуй, сударыня, на меня вины не полагай. Ты сама знаешь, что я отроду того не хотела, чего отец твой хочет.

Сын. На что такие изъяснения? *(К советнице.)* Madame, мы друг друга довольно разумеем; не хотите ли вы сойтиться с компаниею?

---

[1] Счастье!

[2] О, как мы счастливы!

Советница. Для меня нет ничего комоднее[1] свободы. Я знаю, что все равно, иметь ли мужа или быть связанной.

Сын *(дает ей знаки, чтоб она Софью и Добролюбова оставила)*. Да разве вы никогда отсюда вытти не намерены...

Советница. Изволь, душа моя.

ЯВЛЕНИЕ V

Добролюбов, Софья.

Добролюбов. Они нас оставили одних. Что это значит?

Софья. Это значит то, что мой жених ко мне нимало не ревнует.

Добролюбов. А мне кажется, что и мачехе твоей не противно б было, если б твоя свадьба чем-нибудь разорвалась.

Софья. Это гораздо приметно. Мне кажется, что мы очень некстати к ним взошли.

Добролюбов. Тем лучше, ежели этот дурак в нее влюбился, да и ей простительно им плениться.

Софья. В рассуждении ее кокетства очень простительно, и она лучшего себе любовника найти, конечно, не может; однако я жалею о батюшке.

Добролюбов. О, пожалуй, о нем не тужите. Батюшка ваш, кажется мне, с отменною нежностью глядит на бригадиршу.

Софья. Нет. Этого я не думаю. Батюшка мой, конечно, и для того мачехе моей не изменит, чтоб не прогневить бога.

Добролюбов. Однако он ведает и то, что бог долготерпелив.

Софья. Ежели ж это правда, то кроме бригадирши, кажется мне, будто здесь влюблены все до единого.

Добролюбов. Правда, только разница состоит в том, что их любовь смешна, позорна и делает им

---

[1] Удобнее.

босчестие. Наша же любовь основана на честном намерении и достойна того, чтоб всякий пожелал нашего счастия. Ты знаешь, что ежели б мой малый достаток не отвратил отца твоего иметь меня своим, то бы я давно уже был тобою благополучен.

Софья. Я тебя уверяла и теперь уверяю, что любовь моя к тебе кончится с жизнию моею. Я все предпринять готова, лишь бы только быть твоей женою. Малый твой достаток меня не устрашает. Я все на свете для тебя снести рада.

Добролюбов. Может быть, и достаток мой скоро умножится. Дело мое приходит к концу. Оно давно б уже и кончилось, только большая часть судей нынче взяток хотя и не берут, да и дел не делают. Вот для чего до сих пор бедное мое состояние не переменяется.

Софья. Мы долго заговорились. Нам надобно идти к ним для избежания подозрения.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Советник и Софья.

Советник. Поди сюда, Софьюшка. Мне о многом с тобою поговорить надобно.

Софья. О чем изволите, батюшка?

Советник. Во-первых, о чем ты печалишься?

Софья. О том, батюшка, что ваша воля с моим желанием несогласна.

Советник. Да разве дети могут желать того, чего не хотят родители? Ведаешь ли ты, что отец и дети должны думать одинаково? Я не говорю о нынешних временах: ныне все пошло новое, а в мое время, когда отец виноват бывал, тогда дерут сына, а когда сын виноват, тогда отец за него отвечает; вот как в старину бывало.

Софья. Слава богу, что в наши времена этого нет.

Советник. Тем хуже. Ныне кто виноват, тот и отвечай, а с иного что ты содрать изволишь? На что и приказы заведены, ежели виноват только один виноватый. Бывало...

Софья. А правому, батюшка, для чего ж быть виноватым?

Советник. Для того, что все грешны человецы. Я сам бывал судьею: виноватый, бывало, платит за вину свою, а правый за свою правду; и так в мое время все довольны были: и судья, и истец, и ответчик.

Софья. Позвольте мне, батюшка, усумниться; я думаю, что правый, конечно, оставался тогда виноватым, когда он обвинен был.

Советник. Пустое. Когда правый по приговору судейскому обвинен, тогда он уже стал не правый, а виноватый; так ему нечего тут умничать. У нас указы потверже, нежели у челобитчиков. Челобитчик толкует указ на один манер, то есть на свой, а наш брат, судья, для общей пользы, маперов на двадцать один указ толковать может.

Софья. Чего ж, наконец, батюшка, вы от меня желаете?

Советник. Того, чтобы ты мой указ, идти замуж, толковала не по нашему судейскому обычаю и шла бы за того, за кого я тебе велю.

Софья. Я вам должна повиноваться; только представьте себе мое несчастие: я женою буду такого дурака, который набит одними французскими глупостьми, который не имеет ко мне не только любви, ни малейшего почтения.

Советник. Да какого ты почтения от него изволишь? Мне кажется, ты его почитать должна, а не он тебя. Он будет главою твоею, а не ты его головою. Ты, я вижу, девочка молодая и не читывала священного писания.

Софья. По крайней мере, батюшка, будьте вы в том уверены, что он и вас почитать не будет.

Советник. Знаю, все знаю; однако твой жених имеет хорошее достоинство.

Софья. Какое, батюшка?

Советник. Деревеньки у него изрядные. А если зять мой не станет рачить о своей экономии, то я примусь за правление деревень его.

Софья. Я не думаю, чтоб будущий мой свекор захотел вас трудить присмотром за деревнями его сына. Свекровь моя также хозяйничать охотница; впрочем, я ни чрез то, ни чрез другое не выигрываю. Я привыкла быть свидетельницею доброй экономии.

Советник. Тем лучше. Ты своего не растеряешь; а это разве малое тебе счастье, что ты иметь будешь

такую свекровь, которая, мне кажется, превосходит всякую тварь своими добротами.

Софья. Я, по несчастию моему, их в ней приметить еще не могла.

Советник. Это все-таки оттого же, что ты девочка молодая и не знаешь, в чем состоят прямые добродетели. Ты не ведаешь, я вижу, ни своей свекрови, ни прямого пути к своему спасению.

Софья. Я удивляюсь, батюшка, какое участие свекровь может иметь в пути моего спасения.

Советник. А вот какое: вышед замуж, почитай свекровь свою; она будет тебе и мать, и друг, и наставница. А ты ее первую по бозе, угождай во всем быстропроницательным очам ее и перенимай у нее все доброе. О таковом вашем согласии и люди на земле возвеселятся, и ангели на небесах возрадуются.

Софья. Как, батюшка, неужели ангелам на небесах так много дела до моей свекрови, что они тогда радоваться будут, ежели я ей угождать стану?

Советник. Конечно, так. Или думаешь ты, что у господа в книге животных Акулина Тимофеевна не написана?

Софья. Батюшка! Я не ведаю, есть ли в ней она.

Советник. А я верую, что есть. Поди ж ты, друг мой, к гостям и как будто от себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я, я наставляю тебя угождать ей.

Софья. Позвольте мне вам доложить, батюшка, на что это? Не довольно ли того, если я угождать ей буду без всякого высказывания?

Советник. Я велю тебе ей высказывать, а не меня выспрашивать. Вот тебе мой ответ. Пошла!

ЯВЛЕНИЕ II

Советник *(один)*. Она не дура, однако со всем ее умом догадаться не может, что я привязан к ее свекрови, привязан очами, помышлениями и всеми моими чувствы. Не знаю, как объявить ей о моем окаянстве. Вижу, что гублю я душу мою, желая соблазнить

неблазную. О, грехов моих тяжести! Да хотя бы и она согласилась на мое моление, что́ сотворит со мною Игнатий Андреевич, который столько же хранит свою супругу, сколько я свою, хотя, впрочем, и не проходило у нас сряду двух часов бессорно? Вот до чего доводит к чужой жене любовь. Выдаю дочь мою против желания за ее сына, для того только, чтоб чаще возмог я по родству видеться с возлюбленною сватьею. В ней нахожу я нечто отменно разумное, которое другие приметить в ней не могут. Я не говорю о ее муже. Он хотя и всегда слыл мужиком разумным, однако военный человек, а притом и кавалерист, не столько иногда любит жену свою, сколько свою лошадь... А! да вот она и идет.

ЯВЛЕНИЕ III

Советник и бригадирша.

Советник. Ох!

Бригадирша. О чем ты, мой батюшка, вздыхаешь?

Советник. О своем окаянстве.

Бригадирша. Ты уже и так, мой батюшка, с поста и молитвы скоро на усопшего походить будешь, и долго ли тебе изнурять свое тело?

Советник. Ох, моя матушка! Тело мое еще не изнурено. Дал бы бог, чтоб я довел его грешным моим молением и пощением до того, чтоб избавилося оно от дьявольского искушения: не грешил бы я тогда ни на небо, ни пред тобою.

Бригадирша. Передо мною? А чем ты, батюшка, грешишь предо мною?

Советник. Оком и помышлением.

Бригадирша. Да как это грешат оком?

Советник. Я грешу пред тобою, взирая на тебя оком...

Бригадирша. Да я на тебя смотрю и обем. Неужели это грешно?

Советник. Так-то грешно для меня, что если хочу я избавиться вечныя муки на том свете, то должен я

на здешнем походить с одним глазом до последнего издыхания. Око мое меня соблазняет, и мне исткнуть его необходимо должно, для душевного спасения.

Бригадирша. Так ты и вправду, мой батюшка, глазок себе выколоть хочешь?

Советник. Когда все грешное мое тело заповедям супротивляется, так, конечно, и руки мои не столь праведны, чтоб они одни взялися исполнять писание; да я страшусь теплыя веры твоего сожителя, страшусь, чтоб он, узрев грех мой, не совершил на мне заповеди божией.

Бригадирша. Да какой грех?

Советник. Грех, ему же вси смертные поработилися. Каждый человек имеет дух и тело. Дух хотя бодр, да плоть немощна. К тому же, несть греха, иже не может быти очищен покаянием... *(С нежностию.)* Согрешим и покаемся.

Бригадирша. Как не согрешить, батюшка! Един бог без греха.

Советник. Так, моя матушка. И ты сама теперь исповедуешь, что ты причастна греху сему.

Бригадирша. Я исповедуюся, батюшка, всегда в великий пост на первой. Да скажи мне, пожалуй, что тебе до грехов моих нужды?

Советник. До грехов твоих мне такая же нужда, как и до спасения. Я хочу, чтоб твои грехи и мои были одни и те же и чтоб ничто не могло разрушити совокупления душ и телес наших.

Бригадирша. А что это, батюшка, совокупление? Я церковного-то языка столько же мало смышлю, как и французского. Вить кого как господь миловать захочет. Иному откроет он и французскую, и немецкую, и всякую грамоту, а я, грешная, и по-русски-то худо смышлю. Вот с тобою не теперь уже говорю, а больше половины речей твоих не разумею. Иванушку и твою сожительницу почти головою не разумею. Коли чью я речь больше всех разберу, так это своего Игнатья Андреевича. Все слова выговаривает он так чисто, так речисто, как попугай... Да видал ли ты, мой батюшка, попугаев?

Советник. Не о птицах предлежит нам дело, дело идет о разумной твари. Неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотения?

Бригадирша. Не понимаю, мой батюшка. Да чего ты хочешь?

Советник. Могу ли я просить...

Бригадирша. Да чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денег, то я всем ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы ныне деньги: ими никто даром не ссужает, а для них ни в чем не отказывают.

Здесь входит сын, а они его не видят.

Советник. Не о деньгах речь идет: я сам для денег на все могу согласиться. *(Становится на колени.)* Я люблю тебя, моя матушка...

В самое то время, увидев советник сына, вскочил, а сын хохочет и аплодирует.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и сын.

Сын. Bravissimo! Bravissimo!

Бригадирша. Что ты, Иванушка, так прыгаешь? Мы говорили о деле. Ты помешал Артамону Власьичу: он не знаю чего-то у меня просить хотел.

Сын. Да он, матушка, делает тебе déclaration en forme.[1]

Советник. Не осуждай, не осужден будеши. *(Оторопев, выходит.)*

Бригадирша. Иванушка! Вытолкуй ты мне лучше, что ты теперь сказал?

Сын. Матушка, он с тобою амурится! Разумеешь ли ты хотя это?

Бригадирша. Он амурится! И, мой батюшка, что у тебя же на уме!

Сын. Черт меня возьми, ежели это не правда.

---

[1] Формальное предложение.

Бригадирша. Перекрестись. Какой божбой ты божишься, опомнись! Вить чертом не шутят. Сложи ручку, Иванушка, да перекрестись хорошенько.

Сын. Матушка, я вижу, ты этому не веришь. Да на что он становился на колени?

Бригадирша. Я почем знаю, Иванушка. Неужели это для амуру? Ах, он проклятый сын! Да что он это вздумал?

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и советница.

Сын. Madame, я теперь был свидетелем пресмешныя сцены. J'ai pensé crever de rire.[1] Твой муж объявил любовь свою моей матушке! Ха-ха-ха-ха!

Советница. Не вправду ли? *(Во время речи бригадиршиной отводит сына и нечто шепчет ему.)*

Бригадирша *(в сердцах)*. Ах он, собака! Да что он и вправду затеял? Разве у меня бог язык отнял? Я теперь же все расскажу Игнатью Андреичу. Пускай-ка он ему лоб раскроит по-свойски. Что он это вздумал? Вить я бригадирша! Нет, он плут! Не думай того, чтоб он нашел на дуру!.. Мне, слава богу, ума не занимать! Я тотчас пойду...

Сын и советница ухватили ее за полы.

Сын. Матушка, постой, постой...

Советница. Постой, сударыня!

Сын. Да разве ты, матушка, не приметила, что я шутил?

Бригадирша. Какая шутка! Вить я слышала, как ты божился.

Советница. Он, сударыня, конечно, шутил.

Сын. Черт меня возьми, ежели это была не шутка!

Бригадирша. Как, ты и теперь так же, батюшка! Что за дьявольщина! Да чему же верить?

Советница. Как, сударыня! Вы не можете шутки отделить от сурьезного?

---

[1] Я думал, что лопну со смеху.

Бригадирша. Да нельзя, мать моя: вить он так божится, что мой язык этого и выговорить не поворотится.

Советница. Да он, конечно, в шутку и побожился.

Сын. Конечно, в шутку. Я знавал в Париже, да и здесь, превеликое множество разумных людей, et même fort honnêtes gens, [1] которые божбу ни во что ставят.

Бригадирша. Так ты и заправду, Иванушка, шутил?

Сын. Хотите ли вы, чтоб я еще вам побожился?

Бригадирша. Да ты, может быть, опять шутить станешь! То-то, ради бога, не введи ты меня в дуры.

Советница. Кстати ли, радость моя! Будь спокойна. Я знаю своего мужа; ежели б это была правда, я сама капабельна взбеситься.

Бригадирша. Ну, слава богу, что это шутка. Теперь душа моя на месте. *(Отходит.)*

ЯВЛЕНИЕ VI

Сын и советница.

Советница. Ты было все дело испортил. Ну ежели бы матушка твоя нажаловалася отцу твоему, вить бы он взбесился и ту минуту увез отсюда и тебя с нею.

Сын. Madame! Ты меня в этом простить можешь. Признаюсь, что мне этурдери [2] свойственно; а инако худо подражал бы я французам.

Советница. Мы должны, душа моя, о том молчать, и нескромность твою я ничем бы не могла экскюзовать, [3] если б осторожность не смешна была в молодом человеке, а особливо в том, который был в Париже.

Сын. О, vous avez raison! [4] Осторожность, постоянство, терпеливость похвальны были тогда, когда люди не знали, как должно жить в свете; а мы, которые знаем,

---

[1] И даже очень порядочных людей.
[2] Легкомыслие.
[3] Извинить.
[4] Вы правы!

что это такое, que de vivre dans le grand monde,[1] мы, конечно, были бы с постоянством очень смешны в глазах всех таких же разумных людей, как мы.

Советница. Вот прямые правила жизни, душа моя. Я не была в Париже, однако чувствует сердце мое, что ты говоришь самую истину. Сердце человеческое есть всегда сердце, и в Париже и в России: оно обмануть не может.

Сын. Madame, ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое же тонкое понятие имеешь о сердце, как я о разуме. Mon dieu! Как судьбина милосердна! Она старается соединить людей одного ума, одного вкуса, одного нрава; мы созданы друг для друга.

Советница. Без сумнения, мы рождены под одною кометою.

Сын. Все несчастие мое состоит в том только, что ты русская.

Советница. Это, ангел мой, конечно, для меня ужасная погибель.

Сын. Это такой défaut,[2] которого ничем загладить уже нельзя.

Советница. Что ж мне делать?

Сын. Дай мне в себе волю. Я не намерен в России умереть. Я сыщу occasion favorable[3] увезти тебя в Париж. Тамо остатки дней наших, les restes de nos jours,[4] будем иметь утешение проводить с французами; тамо увидишь ты, что есть между прочими и такие люди, с которыми я могу иметь société.[5]

Советница. Верно, душа моя! Только, я думаю, отец твой не согласится отпустить тебя в другой раз во Францию.

Сын. А я думаю, что и его увезу туда с собою. Просвещаться никогда не поздно; а я за то порукою, что он, съездя в Париж, по крайней мере хотя сколько-нибудь на человека походить будет.

---

[1] Жить в большом свете.
[2] Недостаток.
[3] Благоприятный случай.
[4] Остатки наших дней.
[5] Общество.

Советница. Не то на уме у отца твоего. Я очень уверена, что он нашу деревню предпочтет и раю и Парижу. Словом, он мне делает свой кур.

Сын. Как? Он мой риваль? [1]

Советница. Я примечаю, что он смертно влюблен в меня.

Сын. Да знает ли он право честных людей? Да ведает ли он, что за это дерутся?

Советница. Как, душа моя, ты и с отцом подраться хочешь?

Сын. Et pourquoi non? [2] Я читал в прекрасной книге, как бишь ее зовут... le nom m'est échappé, [3] да... в книге «Les sottises du temps», [4] что один сын в Париже вызывал отца своего на дуэль... а я, или я скот, чтоб не последовать тому, что хотя один раз случилося в Париже?

Советница. Твой отец очень смешон... такие дураки... Ах! как он легок на помине-то... вот он и идет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и бригадир.

Бригадир. Я уж начал здесь хозяйничать. Пришел вас звать к столу. Да что ты, матушка, разговорилась с моим повесою? А ты что здесь делаешь? Ты должен быть с своею невестою.

Сын. Батюшка, я здесь быть хочу.

Бригадир. Да я не хочу.

Советница. Да вам, сударь, какое до того дело?

Бригадир. Мне не хочется, матушка, чтоб он тебе болтаньем своим наскучил. Я лучше бы хотел сам с тобою поговорить о деле.

Советница. Говорите, что вам угодно.

Бригадир. Мне угодно, чтоб сын мой был от вас подале: он вам наскучит.

---

[1] Соперник.
[2] А почему нет?
[3] Название я позабыл.
[4] «Ошибки времени».

С о в е т н и ц а. Нет, сударь, мы очень весело без вас время проводили.

Б р и г а д и р. Да я без тебя скучно. *(Взглянув на сына.)* Поди ты вон, повеса.

С о в е т н и ц а *(к сыну)*. Когда время идти к столу, так пойдем. *(Подает ему руку, он ведет ее жеманяся; а бригадир, идучи за ними, говорит.)*

Б р и г а д и р. Добро, Иван! Будет то время, что ты и не так кобениться станешь.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Бригадир и сын.

Бригадир. Слушай, Иван. Я редко смолоду краснелся, однако теперь от тебя, при старости, сгорел было.

Сын. Mon cher père! [1] Или сносно мне слышать, что хотят женить меня на русской?

Бригадир. Да ты что за француз? Мне кажется, ты на Руси родился.

Сын. Тело мое родилося в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской.

Бригадир. Однако ты все-таки России больше обязан, нежели Франции. Вить в теле твоем гораздо больше связи, нежели в уме.

Сын. Вот, батюшка, теперь вы уже и льстить мне начинаете, когда увидели, что строгость вам не удалася.

Бригадир. Ну, не прямой ли ты болван? Я тебя назвал дураком, а ты думаешь, что я льщу тебе: эдакой осел!

Сын. Эдакой осел! *(В сторону.)* Il ne me flatte pas... [2] Я вам еще сказываю, батюшка, je vous le répète, [3] что мои уши к таким терминам не привыкли. Я вас прошу, je vous en prie, [4] не обходиться со мною

---

[1] Мой дорогой отец!
[2] Он не льстит мне.
[3] Я вам повторяю.
[4] Я вас прошу.

так, как вы с вашим ефрейтором обходились. Я такой же дворянин, как и вы, monsieur.

Бригадир. Дурачина, дурачина! Что ты ни скажешь, так все врешь, как лошадь. Ну кстати ли отцу с сыном считаться в дворянстве? Да хотя бы ты мне и чужой был, так тебе забывать того по крайней мере не надобно, что я от армии бригадир.

Сын. Je m'en moque.[1]

Бригадир. Что это за манмок?

Сын. То, что мне до вашего бригадирства дела нет. Я его забываю; а вы забудьте то, что сын ваш знает свет, что он был в Париже.

Бригадир. О, ежели б это забыть можно было! Да нет, друг мой! Ты сам об этом напоминаешь каждую минуту новыми дурачествами, из которых за самое малое надлежит, по нашему военному уставу, прогнать тебя спицрутеном.

Сын. Батюшка, вам все кажется, будто вы стоите пред фрунтом и командуете. К чему так шуметь?

Бригадир. Твоя правда, не к чему; а вперед как ты что-нибудь соврешь, то влеплю тебе в спину сотни две русских палок. Понимаешь ли?

Сын. Понимаю, а вы сами поймете ли меня? Всякий галантом,[2] а особливо кто был во Франции, не может парировать, чтоб он в жизнь свою не имел никогда дела с таким человеком, как вы; следовательно, не может парировать и о том, чтоб он никогда бит не был. А вы, ежели вы зайдете в лес и удастся вам наскочить на медведя, то он с вами так же поступит, как вы меня трактовать хотите.

Бригадир. Эдакий урод! Отца применил к медведю: разве я на него похож?

Сын. Тут нет разве. Я сказал вам то, что я думаю: voilà mon caractère.[3] Да какое право имеете вы надо мною властвовать?

Бригадир. Дуралей! Я твой отец.

---

[1] Мне все равно, наплевать.
[2] Светский человек.
[3] Таков мой характер.

Сын. Скажите мне, батюшка, не все ли животные, les animaux,[1] одинаковы?

Бригадир. Это к чему? Конечно, все. От человека до скота. Да что за вздор ты мне молоть хочешь?

Сын. Послушайте, ежели все животные одинаковы, то вить и я могу тут же включить себя?

Бригадир. Для чего нет? Я сказал тебе: от человека до скота; так для чего тебе не поместить себя тут же?

Сын. Очень хорошо; а когда щенок не обязан респектовать[2] того пса, кто был его отец, то должен ли я вам хотя малейшим респектом?

Бригадир. Что ты щенок, так в том никто не сомневается; однако я тебе, Иван, как присяжный человек, клянусь, что ежели ты меня еще применишь к собаке, то скоро сам с рожи на человека походить не будешь. Я тебя научу, как с отцом и заслуженным человеком говорить должно. Жаль, что нет со мною палки, эдакой скосырь выехал!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и бригадирша.

Бригадирша. Что за шум? Что ты, мой батюшка, так гневаться изволишь? Не сделал ли ты, Иванушка, какого нам убытку? Не потерял ли ты чего-нибудь?

Бригадир. И очень много. Пропажа не мала.

Бригадирша *(запыхалася)*. Что за беда? Что такое?

Бригадир. Он потерял ум, ежели он у него был.

Бригадирша *(отдыхая)*. Тьфу, какая пропасть! Слава богу. Я было обмерла, испугалась: думала, что и впрямь не пропало ль что-нибудь.

Бригадир. А разве ум-от ничто?

Бригадирша. Как ничто! Кто тебе это сказывал, батюшка? Без ума жить худо; что ты наживешь без него?

---

[1] Животные.

[2] Уважать.

Бригадир. Без него! А без него нажила ты вот этого урода; не говаривал ли я тебе: жена! не балуй ребенка; запишем его в полк; пусть он, служа в полку, ума набирается, как то и я делывал; а ты всегда изволила болтать: ах, батюшка! нет, мой батюшка! что ты с младенцем делать хочешь? не умори его, свет мой! — Вот, мать моя, вот он здравствует! Вот за минуту применил меня к кобелю: не изволишь ли и ты послушать?

Сын *(зевает)*. Quelles espèces! [1]

Бригадир. Вот, говори ты с ним, пожалуй, а он лишь только рот дерет. Иван, не беси меня. Ты знаешь, что я разом ребра два у тебя выхвачу. Ты знаешь, каков я.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и советница.

Советница. Что ты, сударь, затеял? Возможно ль, чтоб я стерпела здесь такое barbarie? [2]

Бригадир. Я, матушка, хочу поучить немного своего Ивана.

Советница. Как! Вы хотите поучить немного вашего сына, выломя у него два ребра?

Бригадир. Да вить, матушка, у него не только что два ребра: ежели я их и выломлю, так с него еще останется. А для меня все ровно, будут ли у него те два ребра или не будут.

Бригадирша. Вот, матушка, как он о рождении своем говорить изволит.

Сын *(к советнице)*. C'est l'homme le plus bourru, que je connais. [3]

Советница. Знаете ли вы, сударь, что грубость ваша к сыну вашему меня беспокоит?

Бригадир. А я, матушка, думал, что грубость его ко мне вас беспокоит.

Советница. Нимало. Я не могу терпеть пристра-

---

[1] Что за уроды!
[2] Варварство.
[3] Это самый ворчливый человек, какого я знаю.

стия. Мериты[1] должны быть всегда респектованы: конечно, вы не видите достоинств в вашем сыне.

Бригадир. Не вижу, да скажите же вы мне, какие достоинствы вы в нем видите?

Советница. Да разве вы не знаете, что он был в Париже?

Бригадирша. Только ль, матушка, что в Париже он был! Еще во Франции. Шутка ль это!

Бригадир. Жена, не полно ль тебе врать?

Бригадирша. Вот, батюшка, правды не говори тебе.

Бригадир. Говори, да не ври.

Советница *(к бригадиру)*. Вы, конечно, не слыхивали, как он был в Париже принят.

Бригадир. Он этого сказать мне до сих пор еще не смел, матушка.

Советница. Скажи лучше, что не хотел; а ежели я вас, monsieur, попрошу теперь, чтоб вы о своем вояже что-нибудь поговорили, согласитесь ли вы меня контантировать?[2]

Сын. De tout mon coeur, madame;[3] только в присутствии батюшки мне неспособно исполнить вашу волю. Он зашумит, помешает, остановит...

Советница. Он для меня этого, конечно, не сделает.

Бригадир. Для вас, а не для кого больше на свете, я молчать соглашаюсь, и то, пока мочь будет. Говори, Иван.

Сын. С чего же начать? Par où commencer?[4]

Советница. Начните с того, чем вам Париж понравился и чем вы, monsieur, понравились Парижу.

Сын. Париж понравился мне, во-первых, тем, что всякий отличается в нем своими достоинствами.

Бригадир. Постой, постой, Иван! Ежели это правда, то как же ты понравился Парижу?

Советница. Вы обещали, сударь, не мешать ему.

---

[1] Достоинства.
[2] Удовольствовать.
[3] От всего сердца, мадам.
[4] С чего начать?

По крайней мере вы должны учтивостию дамам, которые хотят слушать его, а не вас.

Бригадир. Я виноват, матушка, и для вас, а не для кого более, молчать буду.

Советница *(к сыну)*. Продолжайте, monsieur, continuez.[1]

Сын. В Париже все почитали меня так, как я заслуживаю. Куда бы я ни приходил, везде или я один говорил, или все обо мне говорили. Все моим разговором восхищались. Где меня ни видали, везде у всех радость являлася на лицах, и часто, не могши ее скрыть, декларировали ее таким чрезвычайным смехом, который прямо показывал, что́ они обо мне думают.

Советница *(бригадиру)*. Не должны ли вы прийти в восхищение? Я, ничем не будучи обязана, я от слов его в восторге.

Бригадирша *(плача)*. Я без ума от радости. Бог привел на старости видеть Иванушку с таким разумом.

Советница *(бригадиру)*. Что ж вы ничего не говорите?

Бригадир. Я, матушка, боюся вас прогневать, а без того бы я, конечно, или засмеялся, или заплакал.

Советница. Continuez, душа моя.

Сын. Во Франции люди совсем не таковы, как вы, то есть не русские.

Советница. Смотри, радость моя, я там не была, однако я о Франции получила уже от тебя изрядную идею. Не правда ли, что во Франции живут по большей части французы?

Сын *(с восторгом)*. Vous avez le don de déviner.[2]

Бригадирша. Как же, Иванушка! Неужели там люди-то не такие, как мы все русские?

Сын. Не такие, как вы, а не как я.

Бригадирша. Для чего же! Вить и ты мое рождение.

Сын. N'importe![3] Всякий, кто был в Париже, имеет уже право, говоря про русских, не включать

---

[1] Сударь, продолжайте.
[2] У вас дар отгадывать.
[3] Все равно!

себя в число тех, затем что он уже стал больше француз, нежели русский.

Советница. Скажи мне, жизнь моя: можно ль тем из наших, кто был в Париже, забыть совершенно то, что они русские?

Сын. Totalement[1] нельзя. Это не такое несчастье, которое бы скоро в мыслях могло быть заглажено. Однако нельзя и того сказать, чтоб оно живо было в нашей памяти. Оно представляется нам, как сон, как illusion.[2]

Бригадир *(к советнице)*. Матушка, позволь мне одно словцо на все ему сказать.

Сын *(к советнице)*. Cela m'excède, je me retire.[3] *(Выходит.)*

Бригадирша *(к советнице)*. Что он, матушка, это выговорил? Не занемог ли Иванушка, что он так опрометью отсюда кинулся? Пойти посмотреть было.

ЯВЛЕНИЕ IV

Бригадир, советница.

Советница. Вот что вы сделали. Вы лишили меня удовольствия слышать историю вашего сына и целого Парижа.

Бригадир. А я бы думал, что я избавил тебя от неудовольствия слышать дурачествы. Разве, матушка, тебе угодно шутить над моим сыном?

Советница. Разве вам, сударь, угодно шутить надо мною?

Бригадир. Над тобою! Боже меня избави. Я хочу, чтоб меня ту минуту аркибузировали, в которую помышлю я о тебе худо.

Советница. Благодарствую, сударь, за вашу эстиму.[4]

Бригадир. Не за что, матушка.

---

[1] Совсем.
[2] Мечта.
[3] Это выводит меня из себя, я удаляюсь.
[4] Почтительность.

Советница. Ваш сын, я вижу, страждет от ваших грубостей.

Бригадир. Теперь для вас ему спускаю; однако рано или поздно я из него французский дух вышибу; я вижу, что он и вам уже скучен.

Советница. Вы ошиблись; перестаньте грубить вашему сыну. Ведаете ли вы, что я его словами восхищаюсь?

Бригадир. Какими?

Советница. Разве вы глухи? Разве вы бесчувственны были, когда он рассказывал о себе и о Париже?

Бригадир. Я бы хотел так быть на этот раз, матушка; я вижу, что вы теперь шутить изволите; рассказы его — пустошь. Он хотя и мой сын, однако таить нечего; где он был? в каких походах? на которой акции? А ежели ты охотница слушать и впрямь что-нибудь приятное, то прикажи мне, я тебе в один миг расскажу, как мы турков наповал положили, я не жалел басурманской крови. И сколь тогда ни шумно было, однако все не так опасно, как теперь.

Советница. Как теперь? Что это такое?

Бригадир. Это то, о чем я, матушка, с тобой давно уже поговорить хотел, да проклятый сын мой с безделками своими мешал мне всякий раз; и ежели тебе угодно, то я его завтра же за это без живота сделаю.

Советница. За что, сударь, хотите вы его так изувечить?

Бригадир. За то, что, может быть, без него я давно бы тебе сказал мой секрет и взял бы от тебя ответ.

Советница. Какой секрет? Какой ответ?

Бригадир. Я чинов не люблю, я хочу одного из двух: да или нет.

Советница. Да чего вы хотите? Что вы так переменились?

Бригадир. О, ежели бы ты знала, какая теперь во мне тревога, когда смотрю я на твои бодрые очи.

Советница. Что это за тревога?

Бригадир. Тревога, которой я гораздо больше

опасаюсь, нежели идучи против целой неприятельской армии. Глаза твои мне страшнее всех пуль, ядер и картечей. Один первый их выстрел прострелил уже навылет мое сердце, и прежде, нежели они меня ухлопают, сдаюся я твоим военнопленным.

Советница. Я, сударь, дискуру[1] твоего вовсе не понимаю и для того, с позволения вашего, я вас оставляю.

Бригадир. Постой, матушка. Я тебе вытолкую все гораздо яснее. Представь себе фортецию, которую хочет взять храбрый генерал. Что он тогда в себе чувствует? Точно то теперь и я. Я как храбрый полководец, а ты моя фортеция, которая как ни крепка, однако все брешу в нее сделать можно.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, советник, Добролюбов.

Советник *(к Добролюбову)*. Так дело твое уже решено?

Добролюбов. Решено, сударь.

Бригадир. О! Черт их побери! Который раз принимаюсь, да не дадут кончить!

Советница. Что ж вы, сударь?

Бригадир. Матушка! Это не такое дело, о котором бы я говорил при вашем сожителе. *(Выходя.)* Я с досады тресну.

ЯВЛЕНИЕ VI

Советник, Добролюбов, советница.

Советник. Да ты как рано о деле своем сведал?

Добролюбов. Сейчас.

Советница. Как? Вы ваш процесс выиграли?

Добролюбов. Так, сударыня; состояние мое гораздо поправилось. Я имею две тысячи душ.

Советник. Две тысячи душ! О создатель мой, гос-

[1] Разговора.

поди! И при твоих достоинствах! Ах, как же ты теперь почтения достоин!

Советница. Да не были ли вы притом и в Париже?

Добролюбов. Нет, сударыня.

Советница. Жаль: это одно все мериты[1] помрачить может.

Советник. Однако ежели у кого есть две тысячи душ, то, мне кажется, они все пороки наградить могут. Две тысячи душ и без помещичьих достоинств всегда две тысячи душ, а достоинствы без них — какие к черту достоинствы; однако, про нас слово, чудно мне, что ты мог так скоро выходить свое дело и, погнавшись за ним, не растерял и достальное.

Добролюбов. Ваша правда. Корыстолюбие наших лихоимцев перешло все пределы. Кажется, что нет таких запрещений, которые их унять бы могли.

Советник. А я так всегда говорил, что взятки и запрещать невозможно. Как решить дело даром, за одно свое жалованье? Этого мы как родились и не слыхивали! Это против натуры человеческой... Как же ты дошел до того, что наконец дело твое решено стало?

Добролюбов. Мы счастливы тем, что всякий, кто не находит в учрежденных местах своего права, может идти, наконец, прямо к вышнему правосудию; я принял смелость к оному прибегнуть, и судьи мои принуждены были строгим повелением решить мое дело.

Советник. Хорошо, что твое дело право, так ты и мог идти далее; ну, а ежели бы оно было не таково, как бы ты далее-то с ним пошел?

Добролюбов. Я бы не только не пошел тогда далее, да и не стал бы трудить судебное место.

Советник. Так хорошее ли это дело? А в мое время всякий и с правым и неправым делом шел в приказ и мог, подружась с судьею, получить милостивую резолюцию. В мое время дале не совались. У нас была пословица: до бога высоко, до царя далеко.

Советница *(к Добролюбову)*. Мне кажется, что вам время уже себя этаблировать,[2] время жениться.

---

[1] Достоинства.
[2] Устроить.

Добролюбов. Я ни на ком жениться не хочу, когда вы не соглашаетесь за меня отдать дочь вашу.

Советник. Друг мой сердечный, ты был недостаточен, да к тому же и мои обстоятельствы не таковы.

Советница. Я с моей стороны никогда в вашем сватовстве не препятствовала.

Добролюбов. Однако я уже льститься могу...

Советник. Теперь мне ни того, ни другого сказать нельзя. Пойдем-ка лучше да выпьем по чашке чаю. После обеда о делах говорить неловко. Я всегда интересные дела решал по утрам.

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Добролюбов, Софья.

Добролюбов. Я великую надежду имею к совершению нашего желания.

Софья. А я не смею еще ласкаться ею. С тобою я могу говорить откровенно. Если это правда, что батюшка мой изменяет моей мачехе, то и перемена состояния твоего не может переменить его намерения.

Добролюбов. Однако я видел, с каким чувствием услышал он весть о решении дела моего в пользу мою. Я также мыслей своих от тебя скрывать не могу. Ты знаешь сама, что отец твой любит богатство; а корыстолюбие делает из человека такие же чудеса, как и любовь.

Софья. Со всем тем корыстолюбие редко любовь побеждает. Я не знаю, буду ли я столько счастлива, чтоб судьба твоя с моей соединилась; я, однако, и тем одним уже утешаюсь, что твое состояние поправилось.

Добролюбов. Мое состояние до тех пор несчастно будет, пока не исполнится мое главнейшее желание. Ты знаешь, в чем состоит оно. Тебе известно мое сердце...

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и бригадирша.

Добролюбов *(видя, что бригадирша слезы отирает)*. О чем вы плакали, сударыня?

Бригадирша. Я, мой батюшка, не первый раз на веку плачу. Один господь видит, каково мое житье!

Софья. Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу и ворогу идти замуж.

Софья. Как, сударыня? Можете ли вы говорить это в самое то время, когда хотите вы того, чтоб я женою была вашего сына?

Бригадирша. Тебе, матушка, для чего за него нейти? Я сказала так про себя.

Добролюбов. Нет, вы про всех теперь сказать изволили.

Бригадирша. И ведомо.

Софья. Как же это: то про себя, то про всех? Скажите, матушка, что-нибудь одно.

Бригадирша. Ты изволь говорить; а мне что?

Добролюбов. Что же вам угодно?

Бригадирша. Ничего. Я пришла сюда так, поплакать в свою волю.

Софья. Да о чем же?

Бригадирша *(плача)*. О том, что мне грустно. Теперь Игнатий Андреевич напади на меня ни за что, ни про что. Ругал, ругал, а господь ведает за что. Уж я у него стала и свинья, и дура; а вы сами видите, дура ли я?

Добролюбов. Конечно, видим, сударыня.

Софья. Да за что он так на вас теперь напал?

Бригадирша. Так, слово за слово. Он же такого крутого нраву, что упаси господи; того и смотрю, что резнет меня чем ни попало; рассуди ж, моя матушка, вить долго ль до беды: раскроит череп разом. После и спохватится, да не что сделаешь.

Добролюбов. Поэтому ваша жизнь всякую минуту в опасности?

Бригадирша. До лихого часу долго ли?

Софья. Неужели он с вами столько варварски поступал, что вы от него уже и терпели на это похожее?

Бригадирша. То нет, моя матушка. Этого еще не бывало, чтоб он убил меня до смерти. Нет, нет еще.

Добролюбов. Об этом, сударыня, вас никто и не спрашивает.

Софья. Довольно, ежели он имел варварство пользоваться правом сильного.

Бригадирша. То он силен, матушка. Однажды,

и то без сердцов, знаешь, в шутку, потолкнул он меня в грудь, так веришь ли, мать моя, господу богу, что я насилу вздохнула: так глазки под лоб и закатились, не взвидела света божьего.

Софья. И это было в шутку!

Бригадирша. Насилу отдохнула; а он, мой батюшка, хохочет да тешится.

Добролюбов. Изрядный смех!

Бригадирша. Недель через пять-шесть и я тому смеялась, а тогда, мать моя, чуть было чуть богу души не отдала без покаяния.

Добролюбов. Да как же вы с ним жить можете, когда он и в шутку чуть было вас на тот свет не отправил?

Бригадирша. Так и жить. Вить я, мать моя, не одна замужем. Мое житье-то худо-худо, а все не так, как, бывало, наших офицершей. Я всего нагляделась. У нас был нашего полку первой роты капитан, по прозванью Гвоздилов; жена у него была такая изрядная, изрядная молодка. Так, бывало, он рассерчает за что-нибудь, а больше хмельной: так, веришь ли богу, мать моя, что гвоздит он, гвоздит ее, бывало, в чем душа останется, а ни дай ни вынеси за что. Ну, мы, наше сторона дело, а ино наплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о том, что возмущает человечество.

Бригадирша. Вот, матушка, ты и слушать об этом не хочешь, каково же было терпеть капитанше?

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, сын и советница.

[Советница *(сыну)*. Не угодно ли сыграть партию в карты?]

Сын. С великой охотою, avec plaisir.[1]

Советница. Так велеть подать карты. Лакей, стол и карты. *(К Добролюбову.)* Не изволите ли вы здесь партию в кадриль?

---

[1] С удовольствием.

Добролюбов. Ежели вам угодно.

Между тем подают стол и карты ставят.

Сын *(разбирает карты и подает каждому по карте для мест. К советнице)*. Madame! *(К бригадирше.)* Madame!

Бригадирша. Это на что, Иванушка? Да коли играть, так все раздай. Разве, мой батюшка, ныне по одной карточке играют?

Сын. Это для мест.

Бригадирша. И! Мне и так, по милости хозяйской, место будет.

Сын. Матушка, берите же.

Бригадирша. Да что мне, батюшка, в одной карточке?

Советница. Играете ли вы в кадриль, сударыня?

Бригадирша. И, мать моя, я и слухом не слыхала, что это.

Советница *(к Софье)*. Так возьмите вы.

Сын. Mademoiselle! *(Подает, и все садятся, между тем как сын сдает карты.)*

Бригадирша. А я сяду, матушка, да посмотрю на вас, как вы забавляетесь.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, бригадир и советник.

Бригадир. Ба! здесь и картеж завели!

Советник. А ты не изволишь ли со мною игорку в шахматы, в большую?

Бригадир. Давай, бери.

Садятся в другом конце. Между тем как советник с бригадиром выступают и один другому говорит: «Я так», а тот ему: «А я так».

Советница. В кёрах волю.

Сын. Passe.

И все пасуют.

Советница. Они и они.

Бригадирша. Что за околесица — они и они? Кто это они?

Советник *(услышав ее вопрос)*. Ныне, матушка, всех игор и не разберешь, в которые люди тешиться изволят.

Бригадирша. Так, мой батюшка, уж чего ныне не выдумают. Они и они! Куды мудрен народ! *(Заглянув к сыну в карты.)* Ах, Иванушка, как на руках-то у тебя жлудей, жлудей!

Сын. Матушка, я брошу карты; je les jette par terre.[1]

Советница. И впрямь, сударыня, вы бы могли это держать только на уме... Рекиз.

Бригадир *(вслушавшись в речь советницы)*. На уме? Было бы на чем!.. Шах!

Советник. Плохо, плохо мне приходит.

Бригадир. Не шути, сватушка.

Сын *(показав карты)*. Санпрандер шесть матедоров.

Бригадирша. Что, мой батюшка, что ты сказал, мададуры? Вот нынче стали играть и в дуры, а, бывало, так все в дураки игрывали.

Советник. Так, матушка моя, мало ли чего бывало и чего нет, — чего не бывало и что есть.

Бригадирша. Так, мой батюшка. Бывала и я в людях; а ныне — что уж и говорить — старость пришла; уж и памяти нет.

Бригадир. А ума не бывало.

Сын *(поет французскую песню; советница пристает к нему. К советнице)*. Madame! мы оба беты.[2] Матушка, пропойте-ка вы нам какую-нибудь эр.[3]

Бригадирша. Что пропеть? И, мой батюшка, голосу нет. Дух занимает... Да что это у вас за игра идет? Я не разберу, хоть ты меня зарежь. Бывало, как мы заведем игру, так или в марьяж, или в дураки; а всего веселей, бывало, в хрюшки. Раздадут по три карточки; у кого пигус, тот и вышел; а кто останется, так дранье такое подымут, что животики надорвешь.

---

[1] Я брошу их наземь.
[2] В дураках.
[3] Арию.

Советник *(смеется с нежностию)*. Ха-ха-ха! Я сам игрывал, бывало, и, помнится мне, при всякой карте разные забавы.

Добролюбов. Медиатор.

Бригадирша. Так, мой батюшка! *(Схватила одни карты и подбежала к советнику.)* Вот, бывало, коли кто виноват, так и скажут: с той стороны не проси вот этого, а с этой этого; а потом *(держа в одной руке карты, одним пальцем шмыгает, между тем советник остановляет игру в шахматы и смотрит на нее с нежностию)* тот и выглядывает карточку; а там до этой карты и пойдет за всякую дранье; там розно: краля по щеке, холоп за ухо волок.

Бригадир. Жена, давай-ка со мною в хрюшки! *(Встает.)* Воля твоя, мы эдак век не кончим.

Сын. Pardieu! Матушка, куда ты карты девала?

Бригадирша. Здесь, Иванушка.

Сын *(вскоча)*. Il est impossible de jouer.[1]

Все встают.

Бригадирша. Да я вам что, мой батюшка, помешала? Вить у вас есть карты, да еще и с тройками.

Бригадир. Слушай, жена! Ты куда ни придешь, везде напроказишь.

Бригадирша. Да тебе, мой батюшка, чем я помешала? Ты бы знал выступал своей игрой. Вить я к нему подошла *(указывая на советника)*, а не к тебе.

Бригадир. У кого нет ума, тот, подошедши к одному, всем помешать может.

Бригадирша. Вот так; я же виновата стала.

Сын. Матушка, да разве я виноват? *(Указывая на Добролюбова.)* Ou ce monsieur?[2] *(Указывая на женщин)*. Ou ces dames?[3]

Советник. Полно, зятюшка: тебе бы и грешно было упрекать рождшую.

Советница. А вам стыдно, сударь, не в ваши дела вступаться.

---

[1] Невозможно играть.
[2] Или этот господин?
[3] Или эти дамы?

Бригадир. Я, сват, тебя люблю; а с женою моей, пожалуй, ты не мири меня. Разве ты, сват, не ведаешь пословицы: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Сын. Так, батюшка, все пословицы справедливы, а особливо французские. Не правда *(к Добролюбову)*, monsieur?

Добролюбов. Я знаю много и русских очень справедливых; не правда ли, сударыня *(к Софье)*?

Софья. Правда.

Сын *(к Софье)*. А какие ж?

Софья. Например, сударь: ври дурак, что хочешь, со вранья пошлин не берут.

Бригадир. Так, матушка, ай люблю! Вот тебе пословица и загадка. А ежели хочешь ты, Иван, чтоб я отгадал ее, так дурак-от выйдешь ты.

Сын. Par quelle raison? [1]

Советница. По какому резону?

Бригадир. По такому, матушка, что он врет беспошлинно.

Бригадирша. Слава богу, милость божия, что на вранье-то пошлин нет. Вить куда бы какое всем нам было разорение!

Бригадир. Ништо тебе: ты бы часов в пять-шесть пошла по миру.

Советник. Не гневайся, матушка, на своего супруга, на него сегодня худой стих нашел.

Бригадирша. И, мой батюшка, мне ль сердиться, когда он гневается; мое дело убираться теперь дале. *(Отходит.)*

ЯВЛЕНИЕ V

Бригадир, советник, советница, Добролюбов, сын, Софья.

Бригадир. Дело и сделала.

Советница *(к Софье)*. Поди ж, сударыня, к своей свекрови. Ведь ей не одной сидеть тамо.

Софья. Иду, сударыня. *(Отходит.)*

---

[1] На каком основании?

ЯВЛЕНИЕ VI

Бригадир, советник, советница, Добролюбов, сын.

Советник. Воля твоя, братец. Ты весьма худо поступаешь с своею супругою.

Бригадир. А она весьма худо со мной.

Советница. Чем же, сударь?

Бригадир. Тем, матушка, что она не к месту печальна, не к добру весела, зажилась, греха много, некстати.

Советник. Как некстати? Что ж ты и заправду, сватушка? Дай бог ей многолетное здоровье и долгие веки. С умом ли ты? Кому ты желаешь смерти?

Сын. Желать смерти никому не надобно, mon cher père, ниже собаке, не только моей матушке.

Бригадир. Иван, не учи ты меня. Я хотя это и молвил, однако все больше ей хочу добра, нежели ты нам обоим.

Сын. Я вас не учу, а говорю правду.

Бригадир. Говори ее тогда, когда спрашивают.

Советница. Для чего же вы говорите ему тогда, когда он вас не спрашивает?

Бригадир. Для того, матушка, что он мой сын; каково же мне будет, когда люди станут говорить, что у эдакого-то бригадира, человека заслуженного, есть сын негодница?

Сын. Батюшка, я негодница! Je vous demande pardon;[1] я такой сын, по которому свет узнает вас больше, нежели по вашем бригадирстве! Вы, monsieur *(к Добролюбову)*, конечно, знаете сами много детей, которые делают честь своим отцам.

Добролюбов. А еще больше таких, которые им делают бесчестье. Правда и то, что всему причиной воспитание.

Бригадир. Так, государь мой, это правда. Дура мать его, а моя жена, причиною тому, что он сделался повесою, и тем хуже, что сделался он повесою французскою. Худы русские, а французские еще гаже.

---

[1] Я прошу прощенья.

Советник. Э! Господа бога не боишься ты, сватушка; за что ругаешь ты так свою супругу, которая может назваться вместилищем человеческих добродетелей?

Бригадир. Каких?

Советник. Она смиренна, яко агнец, трудолюбива, яко пчела, прекрасна, яко райская птица *(вздыхая)*, и верна, яко горлица.

Бригадир. Разве умна, как корова, прекрасна, как бы и то... как сова.

Советник. Как дерзаешь ты применить свою супругу к ночной птице?

Бригадир. Денную дуру к ночной птице применить, кажется, можно.

Советник *(вздыхая)*. Однако она все тебе верна пребывает.

Советница. В самом деле, много в ней добродетели, если она вас любит.

Бригадир. Да кого же ей любить-то, ежели не меня? Мне дурно самому хвастать; а, право, я, кажется, благодаря бога, заслужил мой чин верой и правдой, то есть она по мне стала бригадиршей, а не я по жене бригадир; это в нынешнем свете приметить надобно. Так как же ей другого-то и полюбить можно? А кабы я не таков был, тогда посмотрел бы ее добродетель; а особливо когда бы поискал в ней кто-нибудь также из нашей братьи первых пяти классов.

Советник. Нет, братец, не говори того: супруга твоя воистину не такова. Да не похвалится всяка плоть пред богом; а хотя бы достойный и предостойный человек поискал в ней, право бы ничего не нашел. Вить это, мой друг, не город, — штурмом не возьмешь.

Бригадир. Ты говоришь это, а я знаю, каков я.

Сын. Что ж вы, батюшка? Ха-ха-ха-ха! Неужели вы думаете сердце взять штурмом?

Бригадир. Иван, мне кажется, нет ли теперь штурмы в твоей головушке? Не можно ли потише?

Советница. Вы сами шуметь больше всех любите. Я не знаю, для чего вы хотите, чтоб сын ваш не говорил того, что он думает? Вы ужесь как бизарны![1] *(К сыну*

---

[1] Странны.

и Добролюбову.) Messieurs![1] я хочу оставить их продолжать важные их дискуры и вас прошу сделать то же.

Сын. Я иду за вами. Adieu, messieurs![2].

Добролюбов. Я воле вашей повинуюсь.

ЯВЛЕНИЕ VII

Бригадир и советник.

Советник. И жена моя уже приметила, что ты на свою супругу нападаешь.

Бригадир. Нет, а я приметил, что она слишком горячо вступается за моего сына.

Советник. Я того не примечаю.

Бригадир. Тем хуже.

Советник. А что же?

Бригадир. Ничего, сват; однако я моей жене не советовал бы за чужого детину так при мне вступаться.

Советник. Ты думаешь, братец, что и я спустил бы жене моей, ежели б усмотрел я что-нибудь у нее блажное на уме... Слава богу, у меня глаза-то есть; я не из тех мужей, которые смотрят, да не видят.

Бригадир. Я, с моей стороны, спокоен; жена моя другого не полюбит.

Советник. Целомудрие ее известно тому, кто, по несчастию, ослеплен ее прелестьми.

Бригадир. Однако такого дурака нет на свете, которому бы вспало на мысль за нею волочиться.

Советник. Да за что же ты бранишься?

Бригадир. Кого? Нет, братец. Я говорю, что этакого скота еще не родилось, который бы вздумал искать в моей жене.

Советник. Да за что же ты бранишься?

Бригадир. Будто я бранюсь, когда я говорю, что надобно быть великому скареду, ежели прельститься моею женою.

Советник. Будто ты и не бранишься? *(С серд-*

---

[1] Господа!

[2] До свиданья, господа!

цем.) Почему же тот дурак, который бы пленился Акулиной Тимофеевной?

Бригадир. Потому что она дура.

Советник. А она так разумна, что все ее слова напечатать можно.

Бригадир. Для чего не напечатать? Я слыхал, сват, что в нонешних печатных книгах врут не умнее жены моей.

Советник. Возможно ли тому статься, чтоб в книгах врали? Да ведаешь ли ты, братец, что печатному-то надлежит верить всем нам православным? Видно, вера-то у нас пошатнулась. Еретиков стало больше.

Бригадир. А мне кажется, что много печатного вздору у нас не оттого, что больше стало еретиков, а разве оттого, что больше стало дураков. Вить я, говоря о жене моей, не говорю того, чтоб она всех была глупее.

Советник. А я говорю о твоей супруге и всегда скажу, что нет ее разумнее.

Бригадир. Хотя бы мне с досады треснуть случилось, однако не отопрусь, что твоя хозяйка весьма разумна.

Советник. Всякому, братец, в чужой руке ломоть больше кажется. Я в своей жене много вижу, чего ты не видишь.

Бригадир. Положим, что это правда; однако и то не ложь, что я в супруге твоей также много теперь вижу, чего ты не видишь.

Советник. А что бы такое?

Бригадир. То, что ты, может быть, увидишь, да поздно.

Советник. Я знаю, братец, к чему ты пригибаешь! Ты думаешь, что я мало смотрю за моею женою; однако для счастия мужей, дай, господи боже, чтоб все жены таковы целомудренны были, как моя.

Бригадир. Женщины обыкновенно бывают целомудренны с людьми заслуженными, а с повесами редко.

Советник. Мудрено, братец Игнатий Андреевич, меня обмануть.

Бригадир. А всего мудренее, ежели я в этом обманываюсь.

Советник. Мы оба, кажется, не таковы, чтоб

наши жены могли от нас полюбить чужого мужика. Я с первою женою жил лет с пятнадцать и могу, благодаря бога, сказать, что она так же жила, как и эта. Я в женах не бессчастен.

Бригадир. Разумею.

Советник. Жена какая бы ни была, да только ежели у доброго мужа, то ей и на ум не вспадет полюбить другого.

Бригадир. Не говори, братец. Со мною служил в одном полку секунд-майором — до имени нужды нет — мужик не дурак и на взгляд детина добр. Ростом чуть не вдвое меня выше...

Советник. Этому статься нельзя, братец...

Бригадир. Однако я не лгу. В мое время, когда я еще был помоложе, народ был гораздо крупнее.

Советник. Только все не так крупен, как ты сказываешь. Правда, что и в нашей коллегии был канцелярист один, чуть не впятеро меня толще...

Бригадир. Этому статься нельзя, братец...

Советник. Конечно, так. Когда я был в коллегии, тогда, от президента до сторожа, все были люди дородные.

Бригадир. Ты, братец, перебил только речь мою. Да о чем бишь я тебе хотел сказывать?

Советник. Право, не знаю.

Бригадир. И я не ведаю... о чем бишь... да, о секунд-майоре. Он был мужик предорогой; целый полк знал, что жена его любила нашего полковника, подполковника, премьер-майора, или, лучше сказать, все ведали, что из наших штаб- и обер-офицеров не любила она одного его; а он, собачий сын, и мыслить не хотел, чтоб она кроме его кого-нибудь полюбить могла.

Советник. Что ж мы так долго одни заговорились?

Бригадир. О деле я говорить нескучлив; однако пойдем туда, где все. *(Выходя.)* Впрямь, ежели не переставая сказывать о том, как люди ошибаются, то мы не сойдем с места и до скончания нашей жизни.

Советник. Пойдем же, пойдем.

Конец четвертого действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Бригадирша и сын.

Бригадирша. Не упрямься, Иванушка. Для чего тебе не жениться?

Сын. Матушка, довольно видеть вас с батюшкою, чтоб получить совершенную аверсию[1] к женитьбе.

Бригадирша. А что ж бы такое, друг мой? Разве мы спустя рукава живем? То правда, что деньжонок у нас немного, однако ж они не переводятся.

Сын. Мало иль ничего, c'est la même chose,[2] для меня все равно.

Бригадирша. Как все равно, батюшка! Случится иногда и в десяти копейках нужда, так и тех из земли не выроешь. Уж куда, право, ноне вы прихотливы стали! У вас вот и десять копеек за помёт, а того и не помнишь, что гривною в день можно быть сыту.

Сын. Матушка! Я хочу быть лучше голоден, нежели сыт за гривну.

Бригадирша. Куда больно, Иванушка! Не покорми-ка тебя сегодня, не покорми-тко завтре, так ты небось и нашим сухарям рад будешь.

Сын. В случае голода, осмеливаюсь думать, что и природный француз унизил бы себя кушать наши

---

[1] Отвращение.
[2] Это одно и то же.

сухари... Матушка, когда вы говорите о чем-нибудь русском, тогда желал бы я от вас быть на сто миль французских, а особливо когда дело идет до моей женитьбы.

Бригадирша. Как же, Иванушка? Вить мы уж на слове положили.

Сын. Да я нет.

Бригадирша. Да что нам до этого? Наше дело сыскать тебе невесту, а твое дело жениться. Ты уж не в свое дело и не вступайся.

Сын. Как, ma mère,[1] я женюсь, и мне нужды нет до выбору невесты?

Бригадирша. И ведомо. А как отец твой женился? А как я за него вышла? Мы друг о друге и слухом не слыхали. Я с ним до свадьбы отроду слова не говорила и начала уже мало-помалу кое-как заговаривать с ним недели две спустя после свадьбы.

Сын. Зато после слишком вы друг с другом говорили.

Бригадирша. Дай-то господи, чтоб и тебе так же удалось жить, как нам.

Сын. Dieu m'en préserve![2]

Бригадирша. Буди с вами милость божия и мое благословение.

Сын. Très obligé.[3]

Бригадирша. Или я глуха стала, или ты нем.

Сын. Ni l'un, ni l'autre.[4].

Бригадирша. Чтой-то мне с тобою будет, Иванушка? Да по-каковски ты со мною говорить можешь?

Сын. Виноват. Я и забыл, что мне надобно говорить с вами по-русски.

Бригадирша. Иванушка, друг мой, или ты выучи меня по-французскому, или сам разучись. Я вижу, что мне никак нельзя ни слушать тебя, ни самой говорить. *(Отходит.)*

Сын. Как изволишь.

---

[1] Матушка.
[2] Боже меня сохрани!
[3] Премного обязан.
[4] Ни то, ни другое.

ЯВЛЕНИЕ II

Сын и советница.

Советница. Знаешь ли что, душа моя? Мне кажется, будто твой отец очень ревнует, нам как возможно стараться надобно скрывать любовь нашу.

Сын. Madame, возможно ли скрыть пожар? И такой сильный, car je brûle-moi. [1]

Советница. Я боюсь того, чтоб, сведав о нашем пламени, твой отец и дурак муж мой не пришли его тушить.

Сын. Так, vous avez raison: [2] это такие люди, которые не в свои дела вступаться любят.

Советница. А особливо муж мой. Ему ничего нет приятнее, как быть замешану маль а пропо [3] в такое дело, которое до него не принадлежит, и чем меньше ему нужды до нашего пламени, тем больше он в том интересоваться будет.

Сын. Vous avez raison. И какая бы ему тут была нужда?

Советница. Вот какая: он говорит, жизнь моя, что будто муж и жена составляют одного человека.

Сын. Тем лучше: par consequent, [4] ежели тебе приятно любить меня, так и ему должно то быть приятно, что ты меня любишь.

Советница. Конечно, он сам себе контрадирует. [5]

Сын. Madame, ты не была в Париже, а знаешь все французские слова. *(Садятся оба.)* Avouez [6] *(с веселым видом),* не имела ли ты коннесансу [7] с каким французом?

Советница *(застыдясь).* Нет, душа моя. Мне нельзя было ни с кем, живучи в Москве, познакомиться.

---

[1] Ведь я пылаю.
[2] Вы правы.
[3] Некстати.
[4] Следовательно.
[5] Противоречит.
[6] Признайтесь.
[7] Знакомства.

Сын. Et pourquoi?[1] Там разве мало французов?

Советница. Я никого не знала *(с презрением)*, кроме учителей.

Сын. Да знаешь ли ты, каковы наши французские учители? Даром, что большая из них половина грамоте не знает, однако для воспитания они предорогие люди; ведаешь ли ты, что я, — я, которого ты видишь, — я до отъезду моего в Париж был здесь на пансионе у французского кучера.

Советница. Ежели это правда, душа моя, je vous demande pardon.[2] С сего часа буду я в сердце моем сохранять истинное почтение к французским кучерам.

Сын. Я советую. Я одному из них должен за любовь мою к французам и за холодность мою к русским. Молодой человек подобен воску. Ежели б malheureusement[3] я попался к русскому, который бы любил свою нацию, я, может быть, и не был бы таков.

Советница. Счастье твое и мое, душа моя, что ты попался к французскому кучеру.

Сын. Однако оставим кучера и поговорим об отце моем и о твоем муже.

Советница. Возможно ли, душа моя, с такой высокой материи перейти вдруг в такую низкую?

Сын. Для разумных людей нет невозможного.

Советница. Говори же.

Сын. Нам надобно взять свои меры; prendre nos mesures.[4]

Входят: с одного конца бригадир, с другого советник. А они, не видя их, продолжают.

Советница. Я, любя тебя, на все соглашаюсь.

Сын. На все! *(Кидается на колени.)* Idole de mon âme![5]

---

[1] А почему?
[2] Прошу прощенья.
[3] По несчастью.
[4] Принять меры.
[5] Кумир души моей!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, бригадир и советник.

Бригадир. Ба! Это что? Наяву или во сне?

Советник. С нами бог! Уж не обморочен ли я?

Сын *(вскоча и оторопев)*. Serviteur très humble.[1]

Бригадир. Теперь я с тобой, Иван, по-русски поговорить хочу.

Советница *(к советнику)*. Ты, мой батюшка, вне себя. Что тебе сделалось?

Советник *(с яростью)*. Что мне сделалось, проклятая! А разве не ты, говоря с этой повесою, на все соглашалась?

Сын. Да вы за что меня браните! Пусть изволит меня бранить батюшка.

Бригадир. Нет, друг мой. Я тебя поколотить сбираюсь.

Советница. Как! Вы его за то бить хотите, что он из политесу[2] стал передо мною на колени?

Бригадир. Так, моя матушка. Видел я, видел. Поздравляю тебя, братец, переменив зятя на свояка.

Советник. О создатель мой господи! Приходило ль на мое помышление видеть такое богомерзкое дело!

Бригадир. Я, братец, тебе, помнишь, говорил: береги жену, не давай ей воли; вот что и вышло. Мы с тобою породнились, да не с той стороны. Ты обижен, дочь твоя тоже *(в сторону)*, да и я не меньше.

Сын *(к советнику)*. Не все ли равно, monsieur: вы хотите иметь меня своим свойственником: я охотно...

Советник. О злодейка! ты лишила меня чести — моего последнего сокровища.

Бригадир *(осердясь)*. Ежели у тебя, сват, только сокровища и оставалось, то не слишком же ты богат: не за чем и гнаться.

Советник. Рассуди ж, ты сам разумный человек, и это малое сокровище вверил я вот в какие руки *(указывая на жену свою)*.

---

[1] Ваш покорнейший слуга.

[2] Из вежливости.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, бригадирша, Софья, Добролюбов.

Бригадирша. Сокровище! Что за сокровище? Никак вы клад нашли! Дай-то господи!

Бригадир. Клад не клад, а кой-что нашли, чего и не чаяли.

Бригадирша. Что такое?

Бригадир *(указывая на советника)*. Вот он в прибылях.

Советник *(к бригадирше)*. Проклятая жена моя, не убояся бога, не устыдясь добрых людей, полюбила сына твоего, а моего нареченного зятя!

Бригадирша. Ха-ха-ха! Какая околесица, мой батюшка. У Иванушки есть невеста, так как ему полюбить ее! Это не водится.

Сын. Конечно, не водится; да хотя бы и водилось, то за такую безделицу, pour une bagatelle,[1] честным людям сердиться невозможно. Между людьми, знающими свет, этому смеются.

Бригадир. Кабы кто-нибудь за моей старухой имел дурачество поволочиться, я бы не стал от него ждать дальних разговоров: отсочил бы я ему бока, где ни встретился.

Советник. Нет, государь мой; я знаю, что с сыном вашим делать. Он меня обесчестил; а сколько мне бесчестья положено по указам, об этом я ведаю.

Бригадирша. Как! Нам платить бесчестье! Напомни бога, за что?

Советник. За то, моя матушка, что мне всего дороже честь... Я все денежки, определенные мне по чину, возьму с него и не уступлю ни полушки.

Бригадир. Слушай, брат: коли впрямь дойдет дело до платежа, то сыну моему должно будет платить одну половину, а другую пусть заплатит тебе жена твоя. Ведь они обесчестили тебя заодно.

Бригадирша. И ведомо, грех пополам.

Советница *(к мужу)*. Разве вы не хотите иметь его своим зятем?

---

[1] За пустяк.

Советник. Загради уста твои, проклятая!

Софья. Батюшка, после такого поступка, который сделал мой жених, позвольте мне уверить вас, что я в жизнь мою за него не выйду.

Советник. Я на это согласен.

Добролюбов *(к Софье)*. Надежда мне льстит от часу более.

Бригадир. И я не хочу того, чтоб сын мой имел такую целомудренную тещу; а с тобой, Иван, я разделаюсь вот чем *(указывает палкою)*.

Советник. Так, государь мой, ты палкой, а я монетою.

Сын. Батюшка, вы не слушайте его: он недостоин иметь ее женою.

Советница. Изменник! варвар! тиран!

Советник *(оторопев)*. Что, что такое?

Сын *(к советнику)*. Разве не я видел, как вы становились на колени перед матушкою?

Бригадир. Кто на колени? Ба! Перед кем?

Сын. Он перед моей матушкой.

Бригадир. Слышишь ли, друг мой? А? Что это?

Советник. Не смею воззрети на небо.

Бригадир *(к бригадирше)*. Он за тобою волочился, а ты мне этого, дурища, и не сказала!

Бригадирша. Батюшка мой, Игнатий Андреевич, как перед богом сказать, я сама об этом не ведала; мне после сказали добрые люди.

Бригадир. Брат, с Иваном-то я разделаюсь; а тебе, я вижу, и на меня тоже челобитную подавать приходит, только не в бесчестье, а в увечье.

Советник *(иструсясь)*. Ваше высокородие! И господь кающегося приемлет. Прости меня, согреших пред тобою.

Сын. Mon père! Из благопристойности...

Бригадир. Не учи ты меня, Иван, не забудь того, что я тебя бить сбираюсь.

Советница. Что ж ты и вправду затеял? *(Приступя к нему.)* Разве не ты объявлял мне здесь, на этом месте, любовь свою?

Советник. Как? Что такое, государь мой?..

Бригадир *(тише)*. Чего изволишь?

Советник. О ком она сказывает?

Бригадир. Обо мне.

Советник. Так ты, государь мой, приехал в дом мой затем разве, чтоб искушать жену мою?

Бригадир. Коли так, то я и назад поеду.

Советник. Не мешкав ни часа.

Бригадир. Ни минуты. Видно, что я к честным и заслуженным людям в руки попался. Иван, вели скорей подать коляску. Жена! Сей минуты выедем вон из такого дому, где я, честный человек, чуть было не сделался бездельником.

Бригадирша. Батюшка мой, дай мне хоть прибрать кое-что.

Бригадир. В чем стоишь, в том со двора долой!

Советник. А что останется, то мое.

Сын *(к советнице кинувшись)*. Прости, la moitié de mon âme! [1]

Советница *(кинувшись к сыну)*. Adieu, [2] полдуши моей!

Бригадир и советник кидаются разнимать их.

Бригадир. Куды, собака!

Советник. Куды, проклятая! О господи!

Бригадир *(передразнивая его)*. О господи! Нет, брат, я вижу по этому, что у кого чаще всех господь на языке, у того черт на сердце... Вон, все мои!

Советник *(вслед за бригадиршей, всплеснув руками)*. Прости, Акулина Тимофеевна!

ЯВЛЕНИЕ V

Советник, советница, Софья, Добролюбов.

Советник. О господи! Наказуешь нас по делам нашим. А ты, Софьюшка, за что ты лишилась жениха своего?

Добролюбов. Если ваша воля согласится с же-

---

[1] Половина души моей!

[2] Прощай.

лацием нашим, то я, став женихом ее, почту себя за преблагополучного человека.

Советник. Как? Ты, получив уже две тысячи душ, не переменяешь своего намерения?

Добролюбов. Меня ничто на свете не привлечет переменить его.

Советник. И ты, Софьюшка, идти за него согласна?

Софья. Если ваше и матушкино желание не препятствуют тому, то я с радостию хочу быть его женою.

Советница. Я вашему счастию никогда не препятствовала.

Советник. Ежели так, то будьте вы жених и невеста.

Добролюбов *(Софье)*. Желание наше совершается; сколь много я благополучен!

Софья. Я одним тобою могу на свете быть счастлива.

Советник. Будьте вы благополучны, а я, за все мои грехи, довольно господом наказан: вот моя геенна!

Советница. Я желаю вам счастливой фортуны, а я до смерти страдать осуждена: вот мой тартар!

Советник *(к партеру)*. Говорят, что с совестью жить худо: а я сам теперь узнал, что жить без совести всего на свете хуже.

КОНЕЦ КОМЕДИИ.

НЕДОРОСЛЬ

КОМЕДИЯ

В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Простаков.

Г-жа Простакова, жена его.

Митрофан, сын их, недоросль.

Еремеевна, мама Митрофанова.

Правдин.

Стародум.

Софья, племянница Стародума.

Милон.

Скотинин, брат г-жи Простаковой.

Кутейкин, семинарист.

Цыфиркин, отставной сержант.

Вральман, учитель.

Тришка, портной.

Слуга Простакова.

Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(осматривая кафтан на Митрофане)*. Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. *(Еремеевна отходит.)* Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова *(Тришке)*. А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Ища он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан *(вбегает)*. Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Простаков.

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков *(от робости запинаясь)*. Ме... мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтрева; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты так прогневалась?

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднехонько.

Г-жа Простакова *(Тришке)*. Выйди вон, скот. *(Еремеевне.)* Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать робенку. Вить, я чаю, скоро и учители придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, бестия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я вить сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, мати божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужинал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая ж дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков *(в сторону)*. Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан *(разнежась)*. Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова *(с досадою)*. Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердечный! Вот сынок, одно мое утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин!

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя и от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегу-тка теперь на голубятню, так авось-либо...

Г-жа Простакова. Так авось-либо господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевною отходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин.

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Ввечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают ее замуж?

Г-жа Простакова. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако я ей свойственница; а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

Простаков *(Скотинину)*. Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сущею сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьюшке, сделался удар...

Г-жа Простакова *(показывая, будто крестит сердце)*. С нами сила крестная.

Простаков. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка ее, господин Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нем ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее в нашу деревеньку и надзираем над ее имением, как над своим.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня так разоврался, мой батюшка? Ища братец может подумать, что мы для интересу ее к себе взяли.

Простаков. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простаков. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простакова. Хотя бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь жените меня на Софьюшке.

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, котора, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может. Митрофанушка наш весь в дядю. И он до свиней сызмала такой же охотник, как и ты. Как был еще трех лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиней для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да отчего же я к свиньям-то так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство, я так рассуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Софья.

Софья вошла, держа письмо в руке и имея веселый вид.

Г-жа Простакова *(Софье)*. Что так весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова *(испугавшись, с злобою)*. Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застращать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну да коли он не умирал?

Простаков. Избави боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова *(к мужу)*. Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто таки и грешные-то мои молитвы не доходили! *(К Софье.)* Письмецо-то мне пожалуй. *(Почти вырывает.)* Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдает тебе письма! Я доберусь. Вот до чего дожили. К деушкам письма пишут! деушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. *(К мужу.)* Читай.

Простаков *(долго смотря)*. Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я отроду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придет. Ему велю...

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы

не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Вить от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робенка не неволит. Вить, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Правдин.

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! А как по фамилии, я не дослышал.

Правдин. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой, — имени и отчества не знаю, — в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свиньях-то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. *(К Правдину.)* Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудись, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

Правдин. Если вы приказываете. *(Читает.)* «Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известии. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностию состояние свое сделать можно. Сими средствами, с помощию счастия, нажил я десять тысяч рублей доходу...»

Скотинин и оба Простаковы. Десять тысяч!

Правдин *(читает)*. «...которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею...»

Г-жа Простакова. Тебя наследницею!
Простаков. Софью наследницею! *(Вместе.)*
Скотинин. Ее наследницею!

Г-жа Простакова *(бросаясь обнимать Софью)*. Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя от радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама все-таки думала, что бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин *(протянув руку)*. Ну, сестрица, скоряй же по рукам.

Г-жа Простакова *(тихо Скотинину)*. Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя вытти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позволите ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова *(к Софье)*. Софьюшка, душа моя! пойдем ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. *(Увела Софью.)*

Скотинин. Ба! так я вижу, что сегодни сговору-то вряд и быть ли.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Правдин, Простаков, Скотинин, слуга.

Слуга *(к Простакову, запыхавшись)*. Барин! барин! солдаты пришли, остановились в нашей деревне.

Простаков. Какая беда! Ну, разорят нас до конца!

Правдин. Чего вы испугались?

Простаков. Ах ты, отец родной! Мы уж видали виды. Я к ним и появиться не смею.

Правдин. Не бойтесь. Их, конечно, ведет офицер, который не допустит ни до какой наглости. Пойдем к нему со мною. Я уверен, что вы робеете напрасно.

Правдин, Простаков и слуга отходят.

Скотинин. Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный двор.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин, Милон.

Милон. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобою! Скажи, каким случаем...

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определен членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника. С какою ревностию помогает он страждующему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении, там благосостояние обитателей верно и надежно. Я живу здесь уже три дни. Нашел помещика дурака бессчетного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останесся?

Милон. Через несколько часов иду отсюда.

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено и солдат вести без замедления... да, сверх того, я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблен и имею счастие быть любим. Больше полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что еще горестнее, ничего не слыхал я о ней во все это время. Часто, приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти ее матери, какая-то дальняя родня увезла ее в свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Может быть, она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством ее, содержат ее в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

Правдин. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь, однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сумневаюсь, что унять их возьмутся меры.

Милон. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчать судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моем положении.

Правдин. Позволь мне спросить об ее имени.

Милон *(в восторге)*. А! вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья *(в восхищении)*. Милон! тебя ли я вижу?

Правдин. Какое счастие!

Милон. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники...

Правдин. Мой друг! не спрашивай о том, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь от меня, какие грубости...

Милон. Недостойные люди!

Софья. Сегодня, однако же, в первый раз здешняя хозяйка переменила со мною свой поступок. Услыша, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой и бранчивой сделалась ласковою до самой низкости, и я по всем ее обинякам вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

Милон *(с нетерпением)*. И ты не изъявила ей тот же час совершенного презрения?..

Софья. Нет...

Милон. И не сказала ей, что ты имеешь сердечные обязательства, что...

Софья. Нет...

Милон. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нем всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещен, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб...

Софья *(усмехаясь)*. Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

Милон *(с негодованием)*. Я воображаю все его достоинствы.

Софья. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдет.

Правдин. Как дале не пойдет, сударыня? Он доучивает часослов; а там, думать надобно, примутся и за псалтырь.

Милон. Как! Таков-то мой соперник! А, любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, как легко страстный человек огорчается и малейшим подозрением.

Софья. Подумай же, как несчастно мое состояние! Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть мое чувство.

Милон. Что ж ты ей отвечала?

Здесь Скотинин идет по театру, задумавшись, и никто его не видит.

Софья. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дядюшкиной, что он сам сюда приехать обещал

в письме своем, которого *(к Правдину)* не позволил вам дочитать господин Скотинин.

Милон. Скотинин!

Скотинин. Я!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Скотинин.

Правдин. Как вы подкрались, господин Скотинин! Этого бы я от вас и не чаял.

Скотинин. Я проходил мимо вас. Услышал, что меня кличут, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнет — Скотинин! А я ему: я! Что вы, братцы, и заправду? Я сам служивал в гвардии и отставлен капралом. Бывало, на съезжей в перекличке как закричат: Тарас Скотинин! А я во все горло: я!

Правдин. Мы вас теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотинин. Я никуда не шел, а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, как что заберу в голову, то из нее гвоздем не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло в ум, тут и засело. О том вся и дума, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.

Правдин. Что ж бы вас так теперь занимало?

Скотинин. Ох, братец, друг ты мой сердешный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро из моей деревни в свою, а коли так же проворно вывезет меня из своей деревни в мою, то могу пред целым светом по чистой совести сказать: ездил я ни по что, привез ничего.

Правдин. Какая жалость, господин Скотинин! Сестрица ваша играет вами, как мячиком.

Скотинин *(озлобясь)*. Как мячиком? Оборони бог! Да я и сам зашвырну ее так, что целой деревней в неделю не отыщут.

Софья. Ах, как вы рассердились!

Милон. Что с вами сделалось?

Скотинин. Сам ты, умный человек, порассуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же

подъехала с отводом: «Что-де тебе, братец, в жене; была бы-де у тебя, братец, хорошая свинья». Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведешь.

Правдин. Мне самому кажется, господин Скотинин, что сестрица ваша помышляет о свадьбе, только не о вашей.

Скотинин. Эка притча! Я другому не помеха. Всякий женись на своей невесте. Я чужу не трону, и мою чужой не тронь же. *(Софье.)* Ты не бось, душенька. Тебя у меня никто не перебьет.

Софья. Это что значит? Вот еще новое!

Милон *(вскричал)*. Какая дерзость!

Скотинин *(к Софье)*. Чего ж ты испугалась?

Правдин *(к Милону)*. Как ты можешь осердиться на Скотинина!

Софья *(Скотинину)*. Неужели суждено мне быть вашею женою?

Милон. Я насилу могу удержаться!

Скотинин. Суженого конем не объедешь, душенька! Тебе на свое счастье грех пенять. Ты будешь жить со мною припеваючи. Десять тысяч твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывал; да я на них всех свиней со бела света выкуплю; да я, слышь ты, то сделаю, что все затрубят: в здешнем-де околотке и житье одним свиньям.

Правдин. Когда же у вас могут быть счастливы одни только скоты, то жене вашей от них и от вас будет худой покой.

Скотинин. Худой покой! ба! ба! ба! да разве светлиц у меня мало? Для нее одной отдам угольную с лежанкой. Друг ты мой сердешный! коли у меня теперь, ничего не видя, для каждой свинки клевок особливый, то жене найду светелку.

Милон. Какое скотское сравнение!

Правдин *(Скотинину)*. Ничему не бывать, господин Скотинин! Я скажу вам, что сестрица ваша прочит ее за сынка своего.

Скотинин. Как! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрече, как черта, изломаю. Ну, будь я свиной сын, если я не буду ее мужем или Митрофан уродом.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Еремеевна и Митрофан.

Еремеевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофан. Ну, еще слово молви, стара хрычовка! Уж я те отделаю; я опять нажалуюсь матушке, так она тебе изволит дать таску по-вчерашнему.

Скотинин. Подойди сюда, дружочек.

Еремеевна. Изволь подойти к дядюшке.

Митрофан. Здорово, дядюшка! Что ты так ощетиниться изволил?

Скотинин. Митрофан! Гляди на меня прямее.

Еремеевна. Погляди, батюшка.

Митрофан *(Еремеевне)*. Да дядюшка что за невидальщина? Что на нем увидишь?

Скотинин. Еще раз: гляди на меня прямее.

Еремеевна. Да не гневи дядюшку. Вон, изволь посмотреть, батюшка, как он глазки-то вытаращил, и ты свои изволь так же вытаращить.

Скотинин и Митрофан, выпуча глаза, друг на друга смотрят.

Милон. Вот изрядное объяснение!

Правдин. Чем-то оно кончится?

Скотинин. Митрофан! Ты теперь от смерти на волоску. Скажи всю правду; если б я греха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги да об угол. Да не хочу губить души, не найдя виноватого.

Еремеевна *(задрожала)*. Ах, уходит он его! Куда моей голове деваться?

Митрофан. Что ты, дядюшка, белены объелся? Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволил.

Скотинин. Смотри ж, не отпирайся, чтоб я в сердцах с одного разу не вышиб из тебя духу. Тут уж руки не подставишь. Мой грех. Виноват богу и государю. Смотри, не клепли ж и на себя, чтоб напрасных побой не принять.

Еремеевна. Избави бог напраслины!

Скотинин. Хочешь ли ты жениться?

Митрофан *(разнежась)*. Уж давно, дядюшка, берет охота...

Скотинин *(бросаясь на Митрофана)*. Ох ты чушка проклятая!..

Правдин *(не допуская Скотинина)*. Господин Скотинин! Рукам воли не давай.

Митрофан. Мамушка, заслони меня!

Еремеевна *(заслоня Митрофана, остервенясь и подняв кулаки)*. Издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапаю.

Скотинин *(задрожав и грозя, отходит)*. Я вас доеду!

Еремеевна *(задрожав, вслед)*. У меня и свои зацепы востры!

Митрофан *(вслед Скотинину)*. Убирайся, дядюшка, проваливай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова *(мужу, идучи)*. Тут перевирать нечего. Весь век, сударь, ходишь, развеся уши.

Простаков. Да он сам с Правдиным из глаз у меня сгиб да пропал. Я чем виноват?

Г-жа Простакова *(к Милону)*. А, мой батюшка! Господин офицер! Я вас теперь искала по всей деревне; мужа с ног сбила, чтоб принести вам, батюшка, нижайшее благодарение за добрую команду.

Милон. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Как за что, мой батюшка! Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул. Не прогневайся, мой батюшка, что урод мой вас прозевал. Отроду никого угостить не смыслит. Уж так рохлею родился, мой батюшка.

Милон. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находит такой, по-здешнему сказать, столбняк. Иногда, выпуча глаза, стоит битый час как вкопанный. Уж чего-то я с ним не делала; чего только он у меня не вытерпел! Ничем не проймешь. Ежели столбняк и попрой-

дет, то занесет, мой батюшка, такую дичь, что у бога просишь опять столбняка.

Правдин. По крайней мере, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его прав. Он смирен...

Г-жа Простакова. Как теленок, мой батюшка; оттого-то у нас в доме все и избаловано. Вить у него нет того смыслу, чтоб в доме была строгость, чтоб наказать путем виноватого. Все сама управляюсь, батюшка. С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится, мой батюшка!

Правдин *(в сторону)*. Скоро будет он держаться иным образом.

Митрофан. И сегодни матушка все утро изволила провозиться с холопями.

Г-жа Простакова *(к Софье)*. Убирала покои для твоего любезного дядюшки. Умираю, хочу видеть этого почтенного старичка. Я об нем много наслышалась. И злодеи его говорят только, что он немножечко угрюм, а такой-де преразумный, да коли-де кого уж и полюбит, так прямо полюбит.

Правдин. А кого он невзлюбит, тот дурной человек. *(К Софье.)* Я и сам имею честь знать вашего дядюшку. А, сверх того, от многих слышал об нем то, что вселило в душу мою истинное к нему почтение. Что называют в нем угрюмостью, грубостью, то есть одно действие его прямодушия. Отроду язык его не говорил *да*, когда душа его чувствовала *нет*.

Софья. Зато и счастье свое должен он был доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость божия к нам, что удалось. Ничего так не желаю, как отеческой его милости к Митрофанушке. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты?

Софья отходит.

Г-жа Простакова *(к Простакову)*. Опять зазевался, мой батюшка; да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаков *(отходя)*. Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова *(к гостям)*. Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой век проходит. Его готовлю в люди.

Здесь появляются Кутейкин с часословом, а Цыфиркин с аспидной доскою и грифелем. Оба они знаками спрашивают Еремеевну: входить ли? Она их манит, а Митрофан отмахивает.

Г-жа Простакова *(не видя их, продолжает)*. Авось-либо господь милостив, и счастье на роду ему написано.

Правдин. Оглянитесь, сударыня, что за вами делается?

Г-жа Простакова. А! Это, батюшка, Митрофанушкины учители, Сидорыч Кутейкин...

Еремеевна. И Пафнутьич Цыфиркин.

Митрофан *(в сторону)*. Пострел их побери и с Еремеевной.

Кутейкин. Дому владыке мир и многая лета с чады и домочадцы.

Цыфиркин. Желаем вашему благородию здравствовать сто лет, да двадцать, да еще пятнадцать. Несчетны годы.

Милон. Ба! Это наш брат служивый! Откуда взялся, друг мой?

Цыфиркин. Был гарнизонный, ваше благородие! А ныне пошел в чистую.

Милон. Чем же ты питаешься?

Цыфиркин. Да кое-как, ваше благородие! Малу толику арихметике маракую, так питаюсь в городе около приказных служителей у счетных дел. Не всякому открыл господь науку: так кто сам не смыслит, меня нанимает то счетец поверить, то итоги подвести. Тем и питаюсь; праздно жить не люблю. На досуге ребят обучаю. Вот и у их благородия с парнем третий год над ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся; ну, и то правда, человек на человека не приходит.

Г-жа Простакова. Что? Что ты это, Пафнутьич, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркин. Так. Я его благородию докладывал, что в иного пня в десять лет не вдолбишь того, что другой ловит на полете.

Правдин *(к Кутейкину)*. А ты, господин Кутейкин, не из ученых ли?

Кутейкин. Из ученых, ваше высокородие! Семинарии здешния епархии. Ходил до риторики, да богу изволившу, назад воротился. Подавал в консисторию челобитье, в котором прописал: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убояся бездны премудрости, просит от нея об увольнении». На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала, с отметкою: «Такого-то-де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиниями, да не попрут его ногами».

Г-жа Простакова. Да где наш Адам Адамыч?

Еремеевна. Я и к нему было толкнулась, да насилу унесла ноги. Дым столбом, моя матушка! Задушил, проклятый, табачищем. Такой греховодник.

Кутейкин. Пустое, Еремеевна! Несть греха в курении табака.

Правдин *(в сторону)*. Кутейкин еще и умничает!

Кутейкин. Во многих книгах разрешается: во псалтире именно напечатано: «И злак на службу человеком».

Правдин. Ну, а еще где?

Кутейкин. И в другой псалтире напечатано то же. У нашего протопопа маленька в осьмушку, и в той то же.

Правдин *(к г-же Простаковой)*. Я не хочу мешать упражнениям сына вашего; слуга покорный.

Милон. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда ж вы, государи мои?..

Правдин. Я поведу его в мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многом говорить имеют.

Г-жа Простакова. А кушать где изволите, с нами или в своей комнате? У нас за столом только что своя семья, с Софьюшкой...

Милон. С вами, с вами, сударыня.

Правдин. Мы оба эту честь иметь будем.

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан, Кутейкин и Цыфиркин.

Г-жа Простакова. Ну, так теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешный! Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдет на ум ученье. Ты б еще навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки таска; а там с его кулаков да за часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова *(испугавшись)*. Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Вить здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

Г-жа Простакова *(вне себя)*. Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Все дядюшка напугал. Чуть было в волоски ему не вцепился. А ни за что... ни про что...

Г-жа Простакова *(в злобе)*. Ну...

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?..

Г-жа Простакова. Ну...

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берет. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!..

Г-жа Простакова *(дрожа)*. Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестия! По тебе робенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту ж минуту отойти не изволил, то б я с ним поломалась. Вот что б бог не поставил. Притупились бы эти *(указывая на ногти)*, я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле...

Еремеевна *(заплакав)*. Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота не жалеешь... а все не угодно.

Кутейкин. Нам восвояси повелите? } *(Вместе.)*
Цыфиркин. Нам куда поход, ваше благородие? }

Г-жа Простакова. Ты ж еще, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. *(К Митрофану.)* Пойдем со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещечко, так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря бога, столько уже смыслишь, что и сам взведешь деточек. *(К Еремеевне.)* С братцем переведаюсь не по-твоему. Пусть же все добрые люди увидят, что мама и что мать родная. *(Отходит с Митрофаном.)*

Кутейкин. Житье твое, Еремеевна, яко тьма кромешная. Пойдем-ка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку...

Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье.

Еремеевна *(в слезах)*. Нелегкая меня не приберет! Сорок лет служу, а милость все та же...

Кутейкин. А велика ль благостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят ее под руки.

Цыфиркин. Смекнем же за столом, что тебе доходу в круглый год.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин.

Правдин. Лишь только из-за стола встали, и я, подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Мое к вам душевное почтение...

Стародум. Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин. Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не можете иметь ее к другим, кроме таких...

Стародум. Каков ты. Я говорю без чинов. Начинаются чины — перестает искренность.

Правдин. Ваше обхождение...

Стародум. Ему многие смеются. Я это знаю. Быть так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался *ты*, а не *вы*. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нонче многие не стоят одного. Отец мой у двора Петра Великого...

Правдин. А я слышал, что он в военной службе...

Стародум. В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову.

Правдин. Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах...

Стародум. В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знании мода, как на пряжки, на пуговицы.

Правдин. Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа...

Стародум. Без нее просвещеннейшая умница — жалкая тварь. *(С чувством.)* Невежда без души — зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришел я свободить...

Правдин. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдем...

Стародум. Постой. Сердце мое кипит еще негодованием на недостойный поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня правило: в первом движении ничего не начинать.

Правдин. Редкие правило ваше наблюдать умеют.

Стародум. Опыты жизни моей меня к тому приучили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

Правдин. Каким же образом? Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете...

Стародум. Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу. Он был по службе меня моложе, сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особливый случай научиться тому, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостию. «Любезный граф! вот случай нам отличить себя. Пой-

дем тотчас в армию и сделаемся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Вдруг мой граф сильно наморщился и, обняв меня, сухо: «Счастливый тебе путь, — сказал мне, — а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту ж минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду.

Правдин. Сущая истина.

Стародум. Оставя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличить себя. Раны мои доказывают, что я их и не пропускал. Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежний мой знакомец, о котором я гнушался вспоминать, произведен чином, а обойден я, я, лежавший тогда от ран в тяжкой болезни. Такое неправосудие растерзало мое сердце, и я тотчас взял отставку.

Правдин. Что ж бы иное и делать надлежало?

Стародум. Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздраженного моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану.

Правдин. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

Стародум. В одном только: когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

Правдин. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

Стародум. Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завел меня в такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

Правдин. Куда же?

Стародум. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Как ты об этом думаешь?

Правдин. Как же вам эта сторона показалась?

Стародум. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

Правдин. Хоть крюком, да просторна ли дорога?

Стародум. А такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтиться не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земи.

Правдин. Так поэтому тут самолюбие...

Стародум. Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдин. Но те достойные люди, которые у двора служат государству...

Стародум. О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

Правдин. Вас, конечно, у двора не узнали?

Стародум. Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот, а то бы выжили ж меня одним из двух манеров.

Правдин. Каких?

Стародум. От двора, мой друг, выживают двумя манерами. Либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

Правдин. Итак, вы отошли от двора ни с чем? *(Открывает свою табакерку.)*

Стародум *(берет у Правдина табак)*. Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублев. Пришли к купцу

двое. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублев целы. Я отошел от двора без деревень, без ленты, без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правилы.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. Затем, зачем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья *(к Правдину)*. Сил моих не стало от их шуму.

Стародум *(в сторону)*. Вот черты лица ее матери. Вот моя Софья.

Софья *(смотря на Стародума)*. Боже мой! Он меня назвал. Сердце мое меня не обманывает...

Стародум *(обняв ее)*. Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья *(бросаясь в его объятия)*. Дядюшка! Я вне себя с радости.

Стародум. Любезная Софья! Я узнал в Москве, что ты живешь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздраженным, иногда быть собой довольным. Ничто так не терзало мое сердце, как невинность в сетях коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случалось из рук вырвать добычь от порока.

Правдин. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

Софья. Дядюшка! ваши ко мне милости...

Стародум. Ты знаешь, что я одной тобой при-

вязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечении твое счастье. Пошед в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния, как разлучась с твоей матерью и с тобою.

Софья. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

Стародум *(к Правдину)*. Чтоб оградить ее жизнь от недостатку в нужном, решился я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицеприятия не знает, а платит одни труды верно и щедро.

Правдин. Вы могли б обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

Стародум. А на что?

Правдин. Чтоб быть богату, как другие.

Стародум. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

Софья. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

Стародум. Я нажил столько, чтоб при твоем замужестве не останавливала нас бедность жениха достойного.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

Правдин. Но, выдав ее, не лишнее было бы оставить и детям...

Стародум. Детям? Оставлять богатство детям? В голове нет. Умны будут — без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван — все болван.

Правдин. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатным оказывается почтение.

Стародум. Почтение! Одно почтение должно

быть лестно человеку — душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Правдин. Заключение ваше неоспоримо.

Стародум. Ба! Это что за шум!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, г-жа Простакова, Скотинин, Милон. Милон разнимает г-жу Простакову со Скотининым.

Г-жа Простакова. Пусти! Пусти, батюшка! Дай мне до рожи, до рожи...

Милон. Не пущу, сударыня. Не прогневайся!

Скотинин *(в запальчивости, оправляя парик)*. Отвяжись, сестра! Дойдет дело до ломки, погну, так затрещишь.

Милон *(г-же Простаковой)*. И вы забыли, что он вам брат!

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Сердце взяло, дай додраться!

Милон *(Скотинину)*. Разве она вам не сестра?

Скотинин. Что греха таить, одного помету, да вишь как развизжалась.

Стародум *(не могши удержаться от смеха, к Правдину)*. Я боялся рассердиться. Теперь смех меня берет.

Г-жа Простакова. Кого-то, над кем-то? Это что за выезжий?

Стародум. Не прогневайся, сударыня. Я народу ничего смешнее не видывал.

Скотинин *(держась за шею)*. Кому смех, а мне и полсмеха нет.

Милон. Да не ушибла ль она вас?

Скотинин. Перед-от заслонял обеими, так вцепилась в зашеину...

Правдин. И больно?..

Скотинин. Загривок немного пронозила.

В следующую речь г-жи Простаковой Софья сказывает взорами Милону, что перед ним Стародум. Милон ее понимает.

Г-жа Простакова. Пронозила!.. Нет, братец, ты должен образ выменить господина офицера; а кабы не он, то б ты от меня не заслонился. За сына вступлюсь. Не спущу отцу родному. *(Стародуму.)* Это, сударь, ничего и не смешно. Не прогневайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала? Изволил пожаловать неведомо к кому, неведомо кто.

Стародум *(указывая на Софью)*. Приехал к ней, ее дядя, Стародум.

Г-жа Простакова *(обробев и иструсясь)*. Как! Это ты! Ты, батюшка! Гость наш бесценный! Ах, я дура бессчетная! Да так ли бы надобно было встретить отца родного, на которого вся надежда, который у нас один, как порох в глазе. Батюшка! Прости меня. Я дура. Образумиться не могу. Где муж? Где сын? Как в пустой дом приехал! Наказание божие! Все обезумели. Девка! Девка! Палашка! Девка!

Скотинин *(в сторону)*. Тот-то, он-то, дядюшка-то!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Еремеевна.

Еремеевна. Чего изволишь?

Г-жа Простакова. А ты разве девка, собачья ты дочь? Разве у меня в доме, кроме твоей скверной хари, и служанок нет? Палашка где?

Еремеевна. Захворала, матушка, лежит с утра.

Г-жа Простакова. Лежит! Ах, она бестия! Лежит! Как будто благородная!

Еремеевна. Такой жар розлял, матушка, без умолку бредит...

Г-жа Простакова. Бредит, бестия! Как будто благородная! Зови же ты мужа, сына. Скажи им, что, по милости божией, дождались мы дядюшку любезной нашей Софьюшки; что второй наш родитель к нам теперь пожаловал, по милости божией. Ну, беги, переваливайся!

Стародум. К чему так суетиться, сударыня?

По милости божией, я ваш не родитель; по милости же божией, я вам и незнаком.

Г-жа Простакова. Нечаянный твой приезд, батюшка, ум у меня отнял; да дай хотя обнять тебя хорошенько, благодетель наш!..

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Простаков, Митрофан и Еремеевна.

В следующую речь Стародума Простаков с сыном, вышедшие из средней двери, стали позади Стародума. Отец готов его обнять, как скоро дойдет очередь, а сын подойти к руке. Еремеевна взяла место к стороне и, сложа руки, стала как вкопанная, выпяля глаза на Стародума, с рабским подобострастием.

Стародум *(обнимая неохотно г-жу Простакову)*. Милость совсем лишняя, сударыня! Без нее мог бы я весьма легко обойтиться. *(Вырвавшись из рук ее, обертывается на другую сторону, где Скотинин, стоящий уже с распростертыми руками, тотчас его схватывает.)* Это к кому я попался?

Скотинин. Это я, сестрин брат.

Стародум *(увидя еще двух, с нетерпением)*. А это кто еще?

Простаков *(обнимая)*. Я женин муж.
Митрофан *(ловя руку)*. А я матушкин сынок. } *(Вместе.)*

Милон *(Правдину)*. Теперь я не представлюсь.

Правдин *(Милону)*. Я найду случай представить тебя после.

Стародум *(не давая руки Митрофану)*. Этот ловит целовать руку. Видно, что готовят в него большую душу.

Г-жа Простакова. Говори, Митрофанушка. Как-де, сударь, мне не целовать твоей ручки? Ты мой второй отец.

Митрофан. Как не целовать, дядюшка, твоей ручки. Ты мой отец... *(К матери.)* Который бишь?

Г-жа Простакова. Второй.

Митрофан. Второй? Второй отец, дядюшка.

Стародум. Я, сударь, тебе ни отец, ни дядюшка.

Г-жа Простакова. Батюшка, вить робенок, может быть, свое счастье прорекает: авось-либо сподобит бог быть ему и впрямь твоим племянничком.

Скотинин. Право! А я чем не племянник? Ай, сестра!

Г-жа Простакова. Я, братец, с тобою лаяться не стану. *(К Стародуму.)* Отроду, батюшка, ни с кем не бранивалась. У меня такой нрав. Хоть разругай, век слова не скажу. Пусть же, себе на уме, бог тому заплатит, кто меня, бедную, обижает.

Стародум. Я это приметил, как скоро ты, сударыня, из дверей показалась.

Правдин. А я уже три дни свидетелем ее добронравия.

Стародум. Этой забавы я так долго иметь не могу. Софьюшка, друг мой, завтра же поутру еду с тобой в Москву.

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! За что такой гнев?

Простаков. За что немилость?

Г-жа Простакова. Как! Нам расстаться с Софьюшкой! С сердечным нашим другом! Я с одной тоски хлеба отстану.

Простаков. А я уже тут сгиб да пропал.

Стародум. О! Когда же вы так ее любите, то должен я вас обрадовать. Я везу ее в Москву для того, чтоб сделать ее счастье. Мне представлен в женихи ее некто молодой человек больших достоинств. За него ее и выдам.

Г-жа Простакова. Ах, уморил!

Милон. Что я слышу!

Софья кажется пораженною.

Скотинин. Вот те раз!

Простаков всплеснул руками.

Митрофан. Вот тебе на!

Еремеевна печально кивнула головою. Правдин показывает вид огорченного удивления.

(Все вместе.)

Стародум *(приметя всех смятение)*. Что это значит? *(К Софье.)* Софьюшка, друг мой, и ты мне кажешься в смущении? Неужель мое намерение тебя огорчило? Я заступаю место отца твоего. Поверь мне, что я знаю его права. Они нейдут далее, как отвращать несчастную склонность дочери, а выбор достойного человека зависит совершенно от ее сердца. Будь спокойна, друг мой! Твой муж, тебя достойный, кто б он ни был, будет иметь во мне истинного друга. Поди за кого хочешь.

Все принимают веселый вид.

Софья. Дядюшка! Не сумневайтесь в моем повиновении.

Милон *(в сторону)*. Почтенный человек!

Г-жа Простакова *(с веселым видом)*. Вот отец! Вот послушать! Поди за кого хочешь, лишь бы человек ее стоил. Так, мой батюшка, так. Тут лишь только женихов пропускать не надобно. Коль есть в глазах дворянин, малый молодой...

Скотинин. Из ребят давно уж вышел...

Г-жа Простакова. У кого достаточек, хоть и небольшой...

Скотинин. Да свиной завод не плох...

Г-жа Простакова. Так и в добрый час в архангельский.

Скотинин. Так веселым пирком, ды за свадебку. *(Вместе.)*

Стародум. Советы ваши беспристрастны. Я это вижу.

Скотинин. То ль еще увидишь, как опознаешь меня покороче. Вишь ты, здесь содомно. Через час место приду к тебе один. Тут дело и сладим. Скажу, не похвалясь: каков я, право таких мало. *(Отходит.)*

Стародум. Это всего вероятнее.

Г-жа Простакова. Ты, мой батюшка, не диви на братца...

Стародум. А он ваш братец?

Г-жа Простакова. Родной, батюшка. Вить и я по отце Скотининых. Покойник батюшка женился

на покойнице матушке. Она была по прозванию Приплодиных. Нас, детей, было с них восемнадцать человек; да, кроме меня с братцем, все, по власти господней, примерли. Иных из бани мертвых вытащили. Трое, похлебав молочка из медного котлика, скончались. Двое о святой неделе с колокольни свалились; а достальные сами не стояли, батюшка.

Стародум. Вижу, каковы были и родители ваши.

Г-жа Простакова. Старинные люди, мой отец! Не нынешний был век. Нас ничему не учили. Бывало, добры люди приступят к батюшке, ублажают, ублажают, чтоб хоть братца отдать в школу. К статью ли, покойник-свет и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало, изволит закричать: прокляну робенка, который что-нибудь переймет у басурманов, и не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет.

Правдин. Вы, однако ж, своего сынка кое-чему обучаете.

Г-жа Простакова *(к Правдину)*. Да ныне век другой, батюшка! *(К Стародуму.)* Последних крох не жалеем, лишь бы сына всему выучить. Мой Митрофанушка из-за книги не встает по суткам. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: зато будет и детина хоть куда. Вить вот уж ему, батюшка, шестнадцать лет исполнится около зимнего Николы. Жених хоть кому, а все-таки учители ходят, часа не теряет, и теперь двое в сенях дожидаются. *(Мигнула Еремеевне, чтоб их позвать.)* В Москве же приняли иноземца на пять лет и, чтоб другие не сманили, контракт в полиции заявили. Подрядился учить, чему мы хотим, а по нас учи, чему сам умеешь. Мы весь родительский долг исполнили, немца приняли и деньги по третям наперед ему платим. Желала б я душевно, чтоб ты сам, батюшка, полюбовался на Митрофанушку и посмотрел бы, что он выучил.

Стародум. Я худой тому судья, сударыня.

Г-жа Простакова *(увидя Кутейкина и Цыфиркина)*. Вот и учители! Митрофанушка мой ни днем, ни ночью покою не имеет. Свое дитя хвалить дурно,

а куда не бессчастна будет та, которую приведет бог быть его женою.

Правдин. Это все хорошо; не забудьте, однако ж, сударыня, что гость ваш теперь только из Москвы приехал и что ему покой гораздо нужнее похвал вашего сына.

Стародум. Признаюсь, что я рад бы отдохнуть и от дороги и от всего того, что слышал и что видел.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Все готово. Сама для тебя комнату убирала.

Стародум. Благодарен. Софьюшка, проводи же меня.

Г-жа Простакова. А мы-то что? Позволь, мой батюшка, проводить себя и мне, и сыну, и мужу. Мы все за твое здоровье в Киев пешком обещаемся, лишь бы дельце наше сладить.

Стародум *(к Правдину)*. Когда же мы увидимся? Отдохнув, я сюда приду.

Правдин. Так я здесь и буду иметь честь вас видеть.

Стародум. Рад душою. *(Увидя Милона, который ему с почтением поклонился, откланивается и ему учтиво.)*

Г-жа Простакова. Так милости просим.

Кроме учителей, все отходят. Правдин с Милоном в сторону, а прочие в другую.

ЯВЛЕНИЕ VI

Кутейкин и Цыфиркин.

Кутейкин. Что за бесовщина! С самого утра толку не добьешься. Здесь каждое утро процветет и погибнет.

Цыфиркин. А наш брат и век так живет. Дела не делай, от дела не бегай. Вот беда нашему брату, как кормят плохо, как сегодни к здешнему обеду провианту не стало...

Кутейкин. Да кабы не умудрил и меня владыко,

шедши сюда, забрести на перепутье к нашей просвирне, взалках бы, яко пес ко вечеру.

Цыфиркин. Здешни господа добры командеры!..

Кутейкин. Слыхал ли ты, братец, каково житье-то здешним челядинцам; даром, что ты служивый, бывал на баталиях, страх и трепет приидет на тя...

Цыфиркин. Вот на! Слыхал ли? Я сам видал здесь беглый огонь в сутки сряду часа по три. *(Вздохнув.)* Охти мне! Грусть берет.

Кутейкин *(вздохнув)*. О, горе мне грешному!

Цыфиркин. О чем вздохнул, Сидорыч?

Кутейкин. И в тебе смятеся сердце твое, Пафнутьевич?

Цыфиркин. За неволю призадумаешься... Дал мне бог ученичка, боярского сынка. Бьюсь с ним третий год: трех перечесть не умеет.

Кутейкин. Так у нас одна кручина. Четвертый год мучу свой живот. По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет; да и зады мямлит, прости господи, без складу по складам, без толку по толкам.

Цыфиркин. А кто виноват? Лишь он грифель в руки, а немец в двери. Ему шабаш из-за доски, а меня ради в толчки.

Кутейкин. Тут мой ли грех? Лишь указку в персты, басурман в глаза. Ученичка по головке, а меня по шее.

Цыфиркин *(с жаром)*. Я дал бы себе ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

Кутейкин. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы выю грешничу путем накостылять.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, г-жа Простакова и Митрофан.

Г-жа Простакова. Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудишься, Митрофанушка.

Митрофан. Ну! А там что?

Г-жа Простакова. А там и женисся.

Митрофан. Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь; только чтоб это был последний раз и чтоб сегодни ж быть сговору.

Г-жа Простакова. Придет час воли божией!

Митрофан. Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взманила, пеняй на себя. Вот я сел.

Цыфиркин очинивает грифель.

Г-жа Простакова. А я тут же присяду. Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денежки было б куды класть.

Митрофан. Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Цыфиркин. Ваше благородие, завсегда без дела лаяться изволите.

Г-жа Простакова *(работая)*. Ах, господи боже мой! Уж робенок не смей и избранить Пафнутьича! Уж и разгневался!

Цыфиркин. За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская пословица: собака лает, ветер носит.

Митрофан. Задавай же зады, поворачивайся.

Цыфиркин. Всё зады, ваше благородие. Вить с задами-то век назади останесся.

Г-жа Простакова. Не твое дело, Пафнутьич. Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и боже избави!

Цыфиркин. Задача. Изволил ты, на приклад, идти по дороге со мною. Ну, хоть возьмем с собою Сидорыча. Нашли мы трое...

Митрофан *(пишет)*. Трое.

Цыфиркин. На дороге, на приклад же, триста рублев.

Митрофан *(пишет)*. Триста.

Цыфиркин. Дошло дело до дележа. Смекни-тко, по чему на брата?

Митрофан *(вычисляя, шепчет)*. Единожды три — три. Единожды ноль — ноль. Единожды ноль — ноль.

Г-жа Простакова. Что, что до дележа?

Митрофан. Вишь, триста рублев, что нашли, троим разделить.

Г-жа Простакова. Врет он, друг мой сердечный! Нашел деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

Митрофан. Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

Цыфиркин. Пиши, ваше благородие. За ученье жалуете мне в год десять рублев.

Митрофан. Десять.

Цыфиркин. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и еще прибавить десять.

Митрофан *(пишет)*. Ну, ну, десять.

Цыфиркин. Сколько ж бы на год?

Митрофан *(вычисляя, шепчет)*. Нуль да нуль — нуль. Один да один... *(Задумался.)*

Г-жа Простакова. Не трудись по-пустому, друг мой! Гроша не прибавлю; да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе мученье, а все, вижу, пустота. Денег нет — что считать? Деньги есть — сочтем и без Пафнутьича хорошохонько.

Кутейкин. Шабашь, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Вить на поверку приводить не станут.

Митрофан. Не бось, брат. Матушка тут сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее.

Кутейкин *(открывает часослов, Митрофан берет указку)*. Начнем благословясь. За мною, со вниманием. «Аз же есмь червь...»

Митрофан. «Аз же есмь червь...»

Кутейкин. Червь, сиречь животина, скот. Сиречь: «аз есмь скот».

Митрофан. «Аз есмь скот».

Кутейкин *(учебным голосом)*. «А не человек».

Митрофан *(так же)*. «А не человек».

Кутейкин. «Поношение человеков».

Митрофан. «Поношение человеков».

Кутейкин. «И уни...»

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Вральман.

Вральман. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарит хатят репенка! Матушка ты мая! Сшальься нат сфаей утропой, катора тефять месесоф таскала, — так скасать, асмое тифа ф сфете. Тай фолю этим преклятым слатеям. Ис такой калафы толго ль палфан? Уш диспозисион,[1] уш фсё есть.

Г-жа Простакова. Правда. Правда твоя, Адам Адамыч! Митрофанушка, друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань.

Митрофан. А по мне и подавно.

Кутейкин *(затворяя часослов)*. Конец и богу слава.

Вральман. Матушка мая! Што тепе надопно? Што? Сынок, какоф ест, да тал бог старовье, или сынок премудрый, так скасать, Аристотелис, да в могилу.

Г-жа Простакова. Ах, какая страсть, Адам Адамыч! Он же и так вчера небережно поужинал.

Вральман. Рассути ш, мать мая, напил прюхо лишне: педа. А фить калоушка-то у нефо караздо слапе прюха; напить ее лишне да и захрани поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адам Адамыч; да что ты станешь делать? Робенок, не выучась, поезжай-ка в тот же Петербург; скажут, дурак. Умниц-то ныне завелось много. Их-то я боюсь.

Вральман. Чефо паяться, мая матушка? Расумнай шеловек никахта ефо не сатерет, никахта з ним не саспорит; а он с умными лютьми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие пожие!

Г-жа Простакова. Вот как надобно тебе на свете жить, Митрофанушка!

Митрофан. Я и сам, матушка, до умниц-то не охотник. Свой брат завсегда лучше.

Вральман. Сфая кампания то ли тело!

Г-жа Простакова. Адам Адамыч! Да из кого ж ты ее выберешь?

Вральман. Не крушинься, мая матушка, не

---

[1] Предрасположение.

крушинься; какоф тфой тражайший сын, таких на сфете миллионы, миллионы. Как ему не фыпрать сепе кампаний?

Г-жа Простакова. То даром, что мой сын. Малый острый, проворный.

Вральман. То ли пы тело, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска крамат! Арихметика! Ах, хоспоти поже мой, как туша ф теле остаёса! Как путто пы россиски тфорянин уш и не мог ф сфете аванзировать пез россиской крамат!

Кутейкин *(в сторону)*. Под язык бы тебе труд и болезнь.

Вральман. Как путто пы до арихметики пыли люти тураки несчетные!

Цыфиркин *(в сторону)*. Я те ребра-то пересчитаю. Попадесся ко мне.

Вральман. Ему потрепно снать, как шить ф сфете. Я снаю сфет наизусть. Я сам терта калашь.

Г-жа Простакова. Как тебе не знать большого свету, Адам Адамыч? Я чай, и в одном Петербурге ты всего нагляделся.

Вральман. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотник пыл смотреть публик. Пыфало, о праснике съетутца в Катрингоф кареты с хоспотам. Я фсё на них сматру. Пыфало, не сойту ни на минуту с косел.

Г-жа Простакова. С каких козел?

Вральман *(в сторону)*. Ай! ай! ай! ай! Што я зафрал! *(Вслух.)* Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лофче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету и сасел, та и сматру польшой сфет с косел.

Г-жа Простакова. Конечно, виднее. Умный человек знает, куда взлезть.

Вральман. Ваш трашайший сын также на сфете как-нипудь фсмаститца, лютей пасматреть и сепя покасать. Уталец!

Митрофан, стоя на месте, перевертывается.

Вральман. Уталец! Не постоит на месте, как тикой конь пез усды. Ступай! Форт!

Митрофан убегает.

Г-жа Простакова *(усмехаясь радостно)*. Ребенок, право, хоть и жених. Пойти за ним, однако ж, чтоб он с резвости без умыслу чем-нибудь гостя не прогневал.

Вральман. Поти, мая матушка! Салётна птиса! С ним тфои гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адам Адамыч! *(Отходит.)*

ЯВЛЕНИЕ IX

Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Цыфиркин *(насмехаясь)*. Эка образина!

Кутейкин *(насмехаясь)*. Притча во языцех!

Вральман. Чему фы супы-то скалите, нефежи?

Цыфиркин *(ударив по плечу)*. А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова?

Вральман. Ой! ой! шелесны лапы!

Кутейкин *(ударив по плечу)*. Филин треклятый! Что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральман *(тихо)*. Пропаль я. *(Вслух.)* Што фы истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркин. Сам праздно хлеб ешь и другим ничего делать не даешь; да ты ж еще и рожи не уставишь.

Кутейкин. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый.

Вральман *(оправляясь от робости)*. Как фы терсаете нефешничать перед ушоной персоной? Я накраул сакричу.

Цыфиркин. А мы те и честь отдадим. Я доскою...

Кутейкин. А я часословом.

Вральман. Я хоспоже на фас пошалаюсь.

Цыфиркин, замахиваясь доскою, а Кутейкин часословом.

Цыфиркин. Раскрою тебе рожу напятеро.
Кутейкин. Зубы грешника сокрушу.
} *(Вместе)*.

Вральман бежит.

Цыфиркин. Ага! Поднял трус ноги!

Кутейкин. Направи стопы своя, окаянный!

Вральман *(в дверях)*. Што фсяли, бестия? Сюта сунтесь.

Цыфиркин. Уплел! Мы бы дали тебе таску!

Вральман. Лих не паюсь теперь, не паюсь.

Кутейкин. Засел пребеззаконный! Много ль там вас, басурманов-то? Всех высылай!

Вральман. С атним не слатили! Эх, прат, фсяли!

Цыфиркин. Один десятерых уберу!

Кутейкин. Во утрие избию вся грешныя земли!

(Все вдруг кричат.)

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Софья.

Софья *(одна, глядя на часы)*. Дядюшка скоро должен вытти. *(Садясь.)* Я его здесь подожду. *(Вынимает книжку и прочитав несколько.)* Это правда. Как не быть довольну сердцу, когда спокойна совесть! *(Прочитав опять несколько.)* Нельзя не любить правил добродетели. Они — способы к счастью. *(Прочитав еще несколько, взглянула и, увидев Стародума, к нему подбегает.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Софья и Стародум.

Стародум. А! ты уже здесь, друг мой сердечный!

Софья. Я вас дожидалась, дядюшка. Читала теперь книжку.

Стародум. Какую?

Софья. Французскую. Фенелона, о воспитании девиц.

Стародум. Фенелона? Автора Телемака? Хорошо. Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет. Я боюсь для вас нынешних мудрецов. Мне случилось читать из них все то, что переведено

по-русски. Они, правда, искореняют сильно предрассудки, да воротят с корню добродетель. Сядем. *(Оба сели.)* Мое сердечное желание видеть тебя столько счастливу, сколько в свете быть возможно.

Софья. Ваши наставления, дядюшка, составят все мое благополучие. Дайте мне правила, которым я последовать должна. Руководствуйте сердцем моим. Оно готово вам повиноваться.

Стародум. Мне приятно расположение души твоей. С радостью подам тебе мои советы. Слушай меня с таким вниманием, с какою искренностию я говорить буду. Поближе.

Софья подвигает стул свой.

Софья. Дядюшка! Всякое слово ваше врезано будет в сердце мое.

Стародум *(с важным чистосердечием)*. Ты теперь в тех летах, в которых душа наслаждаться хочет всем бытием своим, разум хочет знать, а сердце чувствовать. Ты входишь теперь в свет, где первый шаг решит часто судьбу целой жизни, где всего чаще первая встреча бывает: умы, развращенные в своих понятиях, сердца, развращенные в своих чувствиях. О мой друг! Умей различить, умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была б надежною порукою за твой разум и сердце.

Софья. Все мое старание употреблю заслужить доброе мнение людей достойных. Да как мне избежать, чтоб те, которые увидят, как от них я удаляюсь, не стали на меня злобиться? Не можно ль, дядюшка, найти такое средство, чтоб мне никто на свете зла не пожелал?

Стародум. Дурное расположение людей, не достойных почтения, не должно быть огорчительно. Знай, что зла никогда не желают тем, кого презирают; а обыкновенно желают зла тем, кто имеет право презирать. Люди не одному богатству, не одной знатности завидуют: и добродетель также своих завистников имеет.

Софья. Возможно ль, дядюшка, чтоб были в свете такие жалкие люди, в которых дурное чувство родится

точно оттого, что есть в других хорошее. Добродетельный человек сжалиться должен над такими несчастными.

Стародум. Они жалки, это правда; однако для этого добродетельный человек не перестает идти своей дорогой. Подумай ты сама, какое было бы несчастье, ежели б солнце перестало светить для того, чтоб слабых глаз не ослепить.

Софья. Да скажите ж мне, пожалуйста, виноваты ли они? Всякий ли человек может быть добродетелен?

Стародум. Поверь мне, всякий найдет в себе довольно сил, чтоб быть добродетельну. Надобно захотеть решительно, а там всего будет легче не делать того, за что б совесть угрызала.

Софья. Кто ж остережет человека, кто не допустит до того, за что после мучит его совесть?

Стародум. Кто остережет? Та же совесть. Ведай, что совесть всегда, как друг, остерегает прежде, нежели как судья наказывает.

Софья. Так поэтому надобно, чтоб всякий порочный человек был действительно презрения достоин, когда делает он дурно, знав, что́ делает. Надобно, чтоб душа его очень была низка, когда она не выше дурного дела.

Стародум. И надобно, чтоб разум его был не прямой разум, когда он полагает свое счастье не в том, в чем надобно.

Софья. Мне казалось, дядюшка, что все люди согласились, в чем полагать свое счастье. Знатность, богатство...

Стародум. Так, мой друг! И я согласен назвать счастливым знатного и богатого. Да сперва согласимся, кто знатен и кто богат. У меня мой расчет. Степени знатности рассчитаю я по числу дел, которые большой господин сделал для отечества, а не по числу дел, которые нахватал на себя из высокомерия; не по числу людей, которые шатаются в его передней, а по числу людей, довольных его поведением и делами. Мой знатный человек, конечно, счастлив. Богач мой тоже. По моему расчету, не тот богат, который отсчитывает деньги,

чтоб прятать их в сундук, а тот, который отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного.

Софья. Как это справедливо! Как наружность нас ослепляет! Мне самой случалось видеть множество раз, как завидуют тому, кто у двора ищет и значит...

Стародум. А того не знают, что у двора всякая тварь что-нибудь да значит и чего-нибудь да ищет; того не знают, что у двора все придворные и у всех придворные. Нет, тут завидовать нечему: без знатных дел знатное состояние ничто.

Софья. Конечно, дядюшка! И такой знатный никого счастливым не сделает, кроме себя одного.

Стародум. Как! А разве тот счастлив, кто счастлив один? Знай, что, как бы он знатен ни был, душа его прямого удовольствия не вкушает. Вообрази себе человека, который бы всю свою знатность устремил на то только, чтоб ему одному было хорошо, который бы и достиг уже до того, чтоб самому ему ничего желать не оставалось. Ведь тогда вся душа его занялась бы одним чувством, одною боязнию: рано или поздно сверзиться. Скажи ж, мой друг, счастлив ли тот, кому нечего желать, а лишь есть чего бояться?

Софья. Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне это непонятно, дядюшка, как можно человеку все помнить одного себя? Неужели не рассуждают, чем один обязан другому? Где ж ум, которым так величаются?

Стародум. Чем умом величаться, друг мой! Ум, коль он только что ум, самая безделица. С пребеглыми умами видим мы худых мужей, худых отцов, худых граждан. Прямую цену уму дает благонравие. Без него умный человек — чудовище. Оно неизмеримо выше всей беглости ума. Это легко понять всякому, кто хорошенько подумает. Умов много, и много разных. Умного человека легко извинить можно, если он какого-нибудь качества ума и не имеет. Честному человеку никак простить нельзя, ежели недостает в нем какого-нибудь качества сердца. Ему необходимо все иметь надобно. Достоинство сердца неразделимо.

Честный человек должен быть совершенно честный человек.

Софья. Ваше изъяснение, дядюшка, сходно с моим внутренним чувством, которого я изъяснить не могла. Я теперь живо чувствую и достоинство честного человека и его должность.

Стародум. Должность! А, мой друг! Как это слово у всех на языке, и как мало его понимают! Всечасное употребление этого слова так нас с ним ознакомило, что, выговоря его, человек ничего уже не мыслит, ничего не чувствует, когда, если б люди понимали его важность, никто не мог бы вымолвить его без душевного почтения. Подумай, что такое должность. Это тот священный обет, которым обязаны мы всем тем, с кем живем и от кого зависим. Если б так должность исполняли, как об ней твердят, всякое состояние людей оставалось бы при своем любочестии и было б совершенно счастливо. Дворянин, например, считал бы за первое бесчестие не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было б таких дворян, которых благородство, можно сказать, погребено с их предками. Дворянин, недостойный быть дворянином! Подлее его ничего на свете не знаю.

Софья. Возможно ль так себя унизить?

Стародум. Друг мой! Что сказал я о дворянине, распространим теперь вообще на человека. У каждого свои должности. Посмотрим, как они исполняются, каковы, например, большею частию мужья нынешнего света, не забудем, каковы и жены. О мой сердечный друг! Теперь мне все твое внимание потребно. Возьмем в пример несчастный дом, каковых множество, где жена не имеет никакой сердечной дружбы к мужу, ни он к жене доверенности; где каждый с своей стороны своротили с пути добродетели. Вместо искреннего и снисходительного друга, жена видит в муже своем грубого и развращенного тирана. С другой стороны, вместо кротости, чистосердечия, свойств жены добродетельной, муж видит в душе своей жены одну своенравную наглость, а наглость в женщине есть вывеска порочного поведения. Оба стали друг другу в несносную тягость.

Оба ни во что уже ставят доброе имя, потому что у обоих оно потеряно. Можно ль быть ужаснее их состояния? Дом брошен. Люди забывают долг повиновения, видя в самом господине своем раба гнусных страстей его. Имение растощается: оно сделалось ничье, когда хозяин его сам не свой. Дети, несчастные их дети, при жизни отца и матери уже осиротели. Отец, не имея почтения к жене своей, едва смеет их обнять, едва смеет отдаться нежнейшим чувствованиям человеческого сердца. Невинные младенцы лишены также и горячности матери. Она, недостойная иметь детей, уклоняется их ласки, видя в них или причины беспокойств своих, или упрек своего развращения. И какого воспитания ожидать детям от матери, потерявшей добродетель? Как ей учить их благонравию, которого в ней нет? В минуты, когда мысль их обращается на их состояние, какому аду должно быть в душах и мужа и жены!

Софья. Ах, как я ужасаюсь этого примера!

Стародум. И не дивлюся: он должен привести в трепет добродетельную душу. Я еще той веры, что человек не может быть и развращен столько, чтоб мог спокойно смотреть на то, что видим.

Софья. Боже мой! Отчего такие страшные несчастии!..

Стародум. Оттого, мой друг, что при нынешних супружествах редко с сердцем советуют. Дело о том, знатен ли, богат ли жених? Хороша ли, богата ли невеста? О благонравии вопросу нет. Никому и в голову не входит, что в глазах мыслящих людей честный человек без большого чина — презнатная особа; что добродетель все заменяет, а добродетели ничто заменить не может. Признаюсь тебе, что сердце мое тогда только будет спокойно, когда увижу тебя за мужем, достойным твоего сердца, когда взаимная любовь ваша...

Софья. Да как достойного мужа не любить дружески?

Стародум. Так. Только, пожалуй, не имей ты к мужу своему любви, которая на дружбу походила б. Имей к нему дружбу, которая на любовь бы походила.

Это будет гораздо прочнее. Тогда после двадцати лет женитьбы найдете в сердцах ваших прежнюю друг к другу привязанность. Муж благоразумный! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может! Надобно, мой друг, чтоб муж твой повиновался рассудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны.

Софья. Все, что вы ни говорите, трогает сердце мое...

Стародум *(с нежнейшею горячностию).* И мое восхищается, видя твою чувствительность. От тебя зависит твое счастье. Бог дал тебе все приятности твоего пола. Вижу в тебе сердце честного человека. Ты, мой сердечный друг, ты соединяешь в себе обоих полов совершенства. Ласкаюсь, что горячность моя меня не обманывает, что добродетель...

Софья. Ты ею наполнил все мои чувства. *(Бросаясь целовать его руки.)* Где она?..

Стародум *(целуя сам ее руки).* Она в твоей душе. Благодарю бога, что в самой тебе нахожу твердое основание твоего счастия. Оно не будет зависеть ни от знатности, ни от богатства. Все это прийти к тебе может; однако для тебя есть счастье всего этого больше. Это то, чтоб чувствовать себя достойною всех благ, которыми ты можешь наслаждаться...

Софья. Дядюшка! Истинное мое счастье то, что ты у меня есть. Я знаю цену...

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и камердинер.
Камердинер подает письмо Стародуму.

Стародум. Откуда?

Камердинер. Из Москвы, с нарочным. *(Отходит.)*

Стародум *(распечатав и смотря на подпись).* Граф Честан. А! *(Начиная читать, показывает вид, что глаза разобрать не могут.)* Софьюшка! Очки мои на столе, в книге.

Софья *(отходя).* Тотчас, дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ IV

Стародум.

Стародум *(один)*. Он, конечно, пишет ко мне о том же, о чем в Москве сделал предложение. Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный друг, когда вся публика считает его честным и достойным человеком... Если свободно ее сердце...

ЯВЛЕНИЕ V

Стародум и Софья.

Софья *(подавая очки)*. Нашла, дядюшка.

Стародум *(читает)*. «...Я теперь только узнал... ведет в Москву свою команду... Он с вами должен встретиться... Сердечно буду рад, если он увидится с вами... Возьмите труд узнать образ мыслей его». *(В сторону.)* Конечно. Без того ее не выдам... «Вы найдете... Ваш истинный друг...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежит. Я сказывал тебе, что молодой человек, похвальных свойств, представлен... Слова мои тебя смущают, друг мой сердечный. Я это и давеча приметил и теперь вижу. Доверенность твоя ко мне...

Софья. Могу ли я иметь на сердце что-нибудь от вас скрытое? Нет, дядюшка. Я чистосердечно скажу вам...

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Правдин и Милон.

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум *(в сторону)*. Милон!

Милон. Я почту за истинное счастие, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей...

Стародум. Граф Честан не свойственник ли ваш?

Милон. Он мне дядя.

Стародум. Мне очень приятно быть знакому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил.

Он отдает вам всю справедливость. Особливые достоинствы...

Милон. Это его ко мне милость. В мои лета и в моем положении было бы непростительное высокомерие считать все то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди.

Правдин. Я наперед уверен, что друг мой приобретет вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Он бывал часто в доме покойной сестрицы вашей...

Стародум оглядывается на Софью.

Софья *(тихо Стародуму и в большой робости)*. И матушка любила его, как сына.

Стародум *(Софье)*. Мне это очень приятно. *(Милону.)* Я слышал, что вы были в армии. Неустрашимость ваша...

Милон. Я делал мою должность. Ни леты мои, ни чин, ни положение еще не позволили мне показать прямой неустрашимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! Будучи в сражениях и подвергая жизнь свою...

Милон. Я подвергал ее, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой неустрашимости не имел я еще никакого случая, испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чем же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце. В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодною кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоит, следственно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он ее никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в военачальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следственно, нет состояния, которое ею не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать. Судья, который, не убояся ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделицу вызовет на дуэль, перед тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нем клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так...

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обойми меня, друг мой! Извини мое простосердечие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в мое воспитание. В твоем вижу и почитаю добродетель, украшенную рассудком просвещенным.

Милон. Душа благородная!.. Нет... не могу скрывать более моего сердечного чувства... Нет. Добродетель твоя извлекает силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливо, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародум *(к Софье, с радостью)*. Как! Сердце твое умело отличить того, кого я сам предлагал тебе? Вот мой тебе жених...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. *(В восхищении соединяя их руки.)* От всей души моей даю вам мое согласие.

Милон *(обнимая Стародума)*. Мое счастье несравненно!

Софья *(целуя руки Стародумовы)*. Кто может быть счастливее меня!

(Вместе.)

Правдин. Как искренно я рад!

Стародум. Мое удовольствие неизреченно!

Милон *(целуя руку Софьи)*. Вот минута нашего благополучия!

Софья. Сердце мое вечно любить тебя будет.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Скотинин.

Скотинин. И я здесь.

Стародум. Зачем пожаловал?

Скотинин. За своей нуждой.

Стародум. А чем я могу служить?

Скотинин. Двумя словами.

Стародум. Какими это?

Скотинин. Обняв меня покрепче, скажи: Софьюшка твоя.

Стародум. Не пустое ль затевать изволишь? Подумай-ко хорошенько.

Скотинин. Я никогда не думаю и наперед уверен, что коли и ты думать не станешь, то Софьюшка моя.

Стародум. Это странное дело! Человек ты, как вижу, не без ума, а хочешь, чтоб я отдал мою племянницу, за кого — не знаю.

Скотинин. Не знаешь, так скажу. Я Тарас Скотинин, в роде своем не последний. Род Скотининых великий и старинный. Пращура нашего ни в какой герольдии не отыщешь.

Правдин *(смеючись)*. Эдак вы нас уверите, что он старее Адама.

Скотинин. А что ты думаешь? Хоть немногим...

Стародум *(смеючись.)* То есть пращур твой создан хоть в шестой же день, да немного попрежде Адама?

Скотинин. Нет, право? Так ты доброго мнения о старине моего рода?

Стародум. О! такого-то доброго, что я удивляюсь,

как на твоем месте можно выбирать жену из другого рода, как из Скотининых?

Скотинин. Рассуди же, какое счастье Софьюшке быть за мною. Она дворянка...

Стародум. Экой человек! Да для того-то ты ей и не жених.

Скотинин. Уж я на то пошел. Пусть болтают, что Скотинин женился на дворяночке. Для меня все равно.

Стародум. Да для нее не все равно, когда скажут, что дворянка вышла за Скотинина.

Милон. Такое неравенство сделало б несчастье вас обоих.

Скотинин. Ба! Да этот что тут равняется? *(Тихо Стародуму.)* А не отбивает ли?

Стародум *(тихо Скотинину)*. Мне так кажется.

Скотинин *(тем же тоном)*. Да где черту!

Стародум *(тем же тоном)*. Тяжело.

Скотинин *(громко, указывая на Милона)*. Кто ж из нас смешон? Ха-ха-ха-ха!

Стародум *(смеется)*. Вижу, кто смешон.

Софья. Дядюшка! Как мне мило, что вы веселы.

Скотинин *(Стародуму)*. Ба! Да ты весельчак. Давеча я думал, что к тебе приступу нет. Мне слова не сказал, а теперь все со мной смеешься.

Стародум. Таков человек, мой друг! Час на час не приходит.

Скотинин. Это и видно. Вить и давеча был я тот же Скотинин, а ты сердился.

Стародум. Была причина.

Скотинин. Я ее и знаю. Я и сам в этом таков же. Дома, когда зайду в клева да найду их не в порядке, досада и возьмет. И ты, не в пронос слово, заехав сюда, нашел сестрин дом не лучше клевов, тебе и досадно.

Стародум. Ты меня счастливее. Меня трогают люди.

Скотинин. А меня так свиньи.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан и Еремеевна.

Г-жа Простакова *(входя)*. Всё ль с тобою, друг мой?

Митрофан. Ну, да уж не заботься.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Хорошо ли отдохнуть изволил, батюшка? Мы все в четвертой комнате на цыпочках ходили, чтоб тебя не обеспокоить; не смели в дверь заглянуть; послышим, ан уж ты давно и сюда вытти изволил. Не взыщи, батюшка...

Стародум. О сударыня, мне очень было бы досадно, ежели б вы сюда пожаловали ране.

Скотинин. Ты, сестра, как на смех, все за мною по пятам. Я пришел сюда за своею нуждою.

Г-жа Простакова. А я так за своею. *(Стародуму.)* Позволь же, мой батюшка, потрудить вас теперь общею нашею просьбою. *(Мужу и сыну.)* Кланяйтесь.

Стародум. Какою, сударыня?

Г-жа Простакова. Во-первых, прошу милости всех садиться.

Все садятся, кроме Митрофана и Еремеевны.

Вот в чем дело, батюшка. За молитвы родителей наших, — нам, грешным, где б и умолить, — даровал нам господь Митрофанушку. Мы все делали, чтоб он у нас стал таков, как изволишь его видеть. Не угодно ль, мой батюшка, взять на себя труд и посмотреть, как он у нас выучен?

Стародум. О сударыня! До моих ушей уже дошло, что он теперь только и отучиться изволил. Я слышал об его учителях и вижу наперед, какому грамотею ему быть надобно, учася у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(К Правдину.)* Любопытен бы я был послушать, чему немец-то его выучил.

Г-жа Простакова. Всем наукам, батюшка.

Простаков. Всему, мой отец.

Митрофан. Всему, чему изволишь.

(Вместе.)

Правдин *(Митрофану)*. Чему ж бы, например?

Митрофан *(подает ему книгу)*. Вот, грамматике.

Правдин *(взяв книгу)*. Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?

Митрофан. Много. Существительна да прилагательна...

Правдин. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

Митрофан. Дверь, котора дверь?

Правдин. Котора дверь! Вот эта.

Митрофан. Эта? Прилагательна.

Правдин. Почему же?

Митрофан. Потому что она приложена к своему месту. Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще не навешена: так та покамест существительна.

Стародум. Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

Митрофан. И ведомо.

Г-жа Простакова. Что, каково, мой батюшка?

Простаков. Каково, мой отец?

Правдин. Нельзя лучше. В грамматике он силен.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтоб выборный не рассказывал мне историй. Мастер, собачий сын, откуда что берется!

Г-жа Простакова. Однако все-таки не придет против Адама Адамыча.

Правдин *(Митрофану)*. А далеко ли вы в истории?

Митрофан. Далеко ль? Какова история. В иной залетишь за тридевять земель, за тридесято царство.

Правдин. А! так этой-то истории учит вас Вральман?

Стародум. Вральман? Имя что-то знакомое.

Митрофан. Нет, наш Адам Адамыч истории не рассказывает; он, что я же, сам охотник слушать.

Г-жа Простакова. Они оба заставляют себе рассказывать истории скотницу Хавронью.

Правдин. Да не у ней ли оба вы учились и географии?

Г-жа Простакова (*сыну*). Слышишь, друг мой сердечный? Это что за наука?

Митрофан (*тихо матери*). А я почем знаю.

Г-жа Простакова (*тихо Митрофану*). Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать.

Митрофан (*тихо матери*). Да я не возьму в толк, о чем спрашивают.

Г-жа Простакова (*Правдину*). Как, батюшка, назвал ты науку-то?

Правдин. География.

Г-жа Простакова (*Митрофану*). Слышишь, еоргафия.

Митрофан. Да что такое! Господи боже мой! Пристали с ножом к горлу.

Г-жа Простакова (*Правдину*). И ведомо, батюшка. Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то, он ее и расскажет.

Правдин. Описание земли.

Г-жа Простакова (*Стародуму*). А к чему бы это служило на первый случай?

Стародум. На первый случай сгодилось бы и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа Простакова. Ах, мой батюшка! Да извозчики-то на что ж? Это их дело. Это таки и наука-то не дворянская. Дворянин только скажи: повези меня туда, — свезут, куда изволишь. Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

Стародум. О, конечно, сударыня. В человеческом невежестве весьма утешительно считать все то за вздор, чего не знаешь.

Г-жа Простакова. Без наук люди живут и жили. Покойник батюшка воеводою был пятнадцать лет, а с тем и скончаться изволил, что не умел грамоте, а умел достаточек нажить и сохранить. Челобитчиков принимал всегда, бывало, сидя на железном сундуке. После всякого сундук отворит и что-нибудь положит. То-то эконом был! Жизни не жалел, чтоб из сундука ничего не вынуть. Перед другим не похвалюсь, от вас

не потаю: покойник-свет, лежа на сундуке с деньгами, умер, так сказать, с голоду. А! каково это?

Стародум. Препохвально. Надобно быть Скотинину, чтоб вкусить такую блаженную кончину.

Скотинин. Да коль доказывать, что ученье вздор, так возьмем дядю Вавилу Фалелеича. О грамоте никто от него и не слыхивал, ни он ни от кого слышать не хотел: а какова была голоушка!

Правдин. Что ж такое?

Скотинин. Да с ним на роду вот что случилось. Верхом на борзом иноходце разбежался он хмельной в каменны ворота. Мужик был рослый, ворота низки, забыл наклониться. Как хватит себя лбом о притолоку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею, и бодрый конь вынес его из ворот к крыльцу навзничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете ученый лоб, который бы от такого тумака не развалился; а дядя, вечная ему память, протрезвясь, спросил только, целы ли ворота?

Милон. Вы, господин Скотинин, сами признаете себя неученым человеком; однако, я думаю, в этом случае и ваш лоб был бы не крепче ученого.

Стародум *(Милону)*. Об заклад не бейся. Я думаю, что Скотинины все родом крепколобы.

Г-жа Простакова. Батюшка мой! Да что за радость и выучиться? Мы это видим своими глазами и в нашем краю. Кто посмышленее, того свои же братья тотчас выберут еще в какую-нибудь должность.

Стародум. А кто посмышленее, тот и не откажет быть полезным своим согражданам.

Г-жа Простакова. Бог вас знает, как вы нынче судите. У нас, бывало, всякий того и смотрит, что на покой. *(Правдину.)* Ты сам, батюшка, других посмышленее, так сколько трудисся! Вот и теперь, сюда шедши, я видела, что к тебе несут какой-то пакет.

Правдин. Ко мне пакет? И мне никто этого не скажет! *(Вставая.)* Я прошу извинить меня, что вас оставлю. Может быть, есть ко мне какие-нибудь повеления от наместника.

Стародум *(встает и все встают)*. Поди, мой друг; однако я с тобою не прощаюсь.

Правдин. Я еще увижусь с вами. Вы завтре едете поутру?

Стародум. Часов в семь.

Правдин отходит.

Милон. А я завтре же, проводя вас, поведу мою команду. Теперь пойду сделать к тому распоряжение.

Милон отходит, прощаясь с Софьею взорами.

ЯВЛЕНИЕ IX

Г-жа Простакова, Митрофан, Простаков, Скотинин, Еремеевна, Стародум, Софья.

Г-жа Простакова *(Стародуму)*. Ну, мой батюшка! Ты довольно видел, каков Митрофанушка?

Скотинин. Ну, мой друг сердечный? Ты видишь, каков я?

Стародум. Узнал обоих, нельзя короче.

Скотинин. Быть ли ж за мною Софьюшке?

Стародум. Не бывать.

Г-жа Простакова. Жених ли ей Митрофанушка?

Стародум. Не жених.

Г-жа Простакова. А что б помешало? } *(Вместе.)*
Скотинин. За чем дело стало? }

Стародум *(сведя обоих)*. Вам одним за секрет сказать можно. Она сговорена. *(Отходит и дает знак Софье, чтоб шла за ним.)*

Г-жа Простакова. Ах, злодей!

Скотинин. Да он рехнулся.

Г-жа Простакова *(с нетерпением)*. Когда они выедут?

Скотинин. Вить ты слышала, поутру в семь часов.

Г-жа Простакова. В семь часов.

Скотинин. Завтре и я проснусь с светом вдруг. Будь он умен, как изволит, а и с Скотининым развяжешься не скоро. *(Отходит.)*

Г-жа Простакова *(бегая по театру в злобе и в мыслях)*. В семь часов!.. Мы встанем поранс... Что захотела, поставлю на своем... Все ко мне.

Все подбегают.

Г-жа Простакова *(к мужу)*. Завтре в шесть часов, чтоб карета подвезена была к заднему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозевай.

Простаков. Слушаю, мать моя.

Г-жа Простакова *(к Еремеевне)*. Ты во всю ночь не смей вздремать у Софьиных дверей. Лишь она проснется, беги ко мне.

Еремеевна. Не промигну, моя матушка.

Г-жа Простакова *(сыну)*. Ты, мой друг сердечный, сам в шесть часов будь совсем готов и поставь троих слуг в Софьиной предспальней, да двоих в сенях на подмогу.

Митрофан. Все будет сделано.

Г-жа Простакова. Подите ж с богом. *(Все отходят.)* А я уж знаю, что делать. Где гнев, тут и милость. Старик погневается да простит и за неволю. А мы свое возьмем.

Конец четвертого действия,

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин

Правдин. Это был тот пакет, о котором при вас сама здешняя хозяйка вчера меня уведомила.

Стародум. Итак, ты имеешь теперь способ прекратить бесчеловечие злой помещицы?

Правдин. Мне поручено взять под опеку дом и деревни при первом бешенстве, от которого могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародум. Благодарение богу, что человечество найти защиту может! Поверь мне, друг мой, где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права. Там все скоро ощутят, что каждый должен искать своего счастья и выгод в том одном, что законно... и что угнетать рабством себе подобных беззаконно.

Правдин. Я в этом согласен с вами; да как мудрено истреблять закоренелые предрассудки, в которых низкие души находят свои выгоды!

Стародум. Слушай, друг мой! Великий государь есть государь премудрый. Его дело показать людям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости. Крестьянин, который плоше всех в деревне, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола

государь стремится возвысить души своих подданных. Мы это видим своими глазами.

П р а в д и н. Удовольствие, которым государи наслаждаются, владея свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какие побуждения могли бы отвлекать...

С т а р о д у м. А! Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека, имеющего в руках своих судьбу себе подобных! И во-первых, толпа скаредных льстецов...

П р а в д и н. Без душевного презрения нельзя себе вообразить, что такое льстец.

С т а р о д у м. Льстец есть тварь, которая не только о других, ниже о себе хорошего мнения не имеет. Все его стремление к тому, чтоб сперва ослепить ум у человека, а потом делать из него, что ему надобно. Он ночной вор, который сперва свечу погасит, а потом красть станет.

П р а в д и н. Несчастиям людским, конечно, причиною собственное их развращение; но способы сделать людей добрыми...

С т а р о д у м. Они в руках государя. Как скоро все видят, что без благонравия никто не может вытти в люди; что ни подлой выслугой и ни за какие деньги нельзя купить того, чем награждается заслуга; что люди выбираются для мест, а не места похищаются людьми, — тогда всякий находит свою выгоду быть благонравным и всякий хорош становится.

П р а в д и н. Справедливо. Великий государь дает...

С т а р о д у м. Милость и дружбу тем, кому изволит; места и чины тем, кто достоин.

П р а в д и н. Чтоб в достойных людях не было недостатку, прилагается ныне особливое старание о воспитании...

С т а р о д у м. Оно и должно быть залогом благосостояния государства. Мы видим все несчастные следствия дурного воспитания. Ну, что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько

дворян-отцов, которые нравственное воспитание сынка своего поручают своему рабу крепостному! Лет через пятнадцать и выходят вместо одного раба двое, старый дядька да молодой барин.

Правдин. Но особы высшего состояния просвещают детей своих...

Стародум. Так, мой друг; да я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих, благонравие. Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу. Я хотел бы, например, чтоб при воспитании сына знатного господина наставник его всякий день разогнул ему Историю и указал ему в ней два места: в одном, как великие люди способствовали благу своего отечества; в другом, как вельможа недостойный, употребивший во зло свою доверенность и силу, с высоты пышной своей знатности низвергся в бездну презрения и поношения.

Правдин. Надобно действительно, чтоб всякое состояние людей имело приличное себе воспитание; тогда можно быть уверену... Что за шум?

Стародум. Что такое сделалось?

ЯВЛЕНИЕ II

Те же, Милон, Софья, Еремеевна.

Милон *(отталкивая от Софьи Еремеевну, которая за нее было уцепилась, кричит к людям, имея в руке обнаженную шпагу)*. Не смей никто подойти ко мне!

Софья *(бросаясь к Стародуму)*. Ах, дядюшка! Защити меня!

Стародум. Друг мой! Что такое?
Правдин. Какое злодеяние!
Софья. Сердце мое трепещет!
Еремеевна. Пропала моя головушка!
(Вместе.)

Милон. Злодеи! Идучи сюда, вижу множество людей, которые, подхватя ее под руки, несмотря на сопротивление и крик, сводят уже с крыльца к карете.

Софья. Вот мой избавитель!

Стародум *(к Милону)*. Друг мой!

Правдин *(Еремеевне)*. Сейчас скажи, куда везти хотели, или как с злодейкой...

Еремеевна. Венчаться, мой батюшка, венчаться!

Г-жа Простакова *(за кулисами)*. Плуты! Воры! Мошенники! Всех прибить велю до смерти!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа в доме! *(Указывая на Милона)*. Чужой погрозит, приказ мой ни во что.

Простаков. Я ли виноват?
Митрофан. За людей приниматься?
Г-жа Простакова. Жива быть не хочу.
(Вместе.)

Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель, дает право вам, как дяде, а вам, как жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!
Простаков. Хороши мы!
Митрофан. Всё к черту!
(Вместе.)

Правдин. Требовать от правительства, чтоб сделанная ей обида наказана была всею строгостью законов. Сейчас представлю ее перед суд, как нарушительницу гражданского спокойства.

Г-жа Простакова *(бросаясь на колени)*. Батюшки, виновата!

Правдин. Муж и сын не могли не иметь участия в злодеянии...

Простаков. Без вины виноват!
Митрофан. Виноват, дядюшка!
(Вместе, бросаясь на колени.)

Г-жа Простакова. Ах я, собачья дочь! Что я наделала!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! Что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова *(стоя на коленях)*. Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не губите меня. *(К Софье.)* Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись надо мною *(указывая на мужа и сына)* и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своем ли ты уме?

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

Софья *(Стародуму)*. Дядюшка! Я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова *(подняв руки к Стародуму)*. Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Вить я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом. Да и не надобно быть и чертом.

Милон. И преступление и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин *(Стародуму)*. Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово пред правительством... и уж спасти ее нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с коленей.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то дам я зорю канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

Правдин. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?

Стародум. Мастерица толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмехаться, а я теперь же всех с головы на голову... *(Порывается идти.)*

Правдин *(останавливая ее)*. Поостановитесь, сударыня. *(Вынув бумагу и важным голосом Простакову.)* Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.

Простаков. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простакова. Как! Новая беда! За что? За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа...

Правдин. Госпожа бесчеловечная, которой злонравие в благоучрежденном государстве терпимо быть не может. *(Простакову.)* Подите.

Простаков *(отходит, всплеснув руками)*. От кого это, матушка?

Г-жа Простакова *(тоскуя)*. О, горе взяло! О, грустно!

Скотинин. Ба! ба! ба! Да эдак и до меня доберутся. Да эдак и всякий Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда подобру-поздорову.

Г-жа Простакова. Все теряю! Совсем погибаю!

Скотинин *(Стародуму)*. Я шел было к тебе добиться толку. Жених...

Стародум *(указывая на Милона)*. Вот он.

Скотинин. Ага! так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и...

Правдин. Да и ступай к своим свиньям. Не за-

будь, однако ж, повестить всем Скотининым, чему они подвержены..

Скотинин. Как друзей не остеречь! Повещу им, чтоб они людей...

Правдин. Побольше любили или б по крайней мере...

Скотинин. Ну?..

Правдин. Хоть не трогали.

Скотинин *(отходя)*. Хоть не трогали.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин, Митрофан, Софья, Еремеевна.

Г-жа Простакова *(Правдину)*. Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли? Не возможно ль как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

Правдин. Я от должности никак не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мне сроку хотя на три дни. *(В сторону.)* Я дала бы себя знать...

Правдин. Ни на три часа.

Стародум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не пособишь.

Г-жа Простакова. Да как вам, батюшка, самому входить в мелочи?

Правдин. Это мое дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а...

Г-жа Простакова. А с долгами-то разделаться?.. Недоплачено учителям...

Правдин. Учителям? *(Еремеевне.)* Здесь ли они? Введи их сюда.

Еремеевна. Чай, что прибрели. А немца-то, мой батюшка?..

Правдин. Всех позови.

Еремеевна отходит.

Правдин. Не заботься ни о чем, сударыня, я всех удовольствую.

Стародум *(видя в тоске г-жу Простакову)*. Суда-

рыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Еремеевна, Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Еремеевна *(введя учителей, к Правдину)*. Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральман *(к Правдину)*. Фаше фысоко-и-плахоротие. Исфолили меня к сепе прасить?..

Кутейкин *(к Правдину)*. Зван бых и приидох.

Цыфиркин *(к Правдину)*. Что приказу будет, ваше благородие?

Стародум *(с приходу Вральмана в него вглядывается)*. Ба! Это ты, Вральман?

Вральман *(узнав Стародума)*. Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хосподин! *(Целуя полу Стародума.)* Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь?

Правдин. Как? Он вам знаком?

Стародум. Как не знаком? Он три года у меня был кучером.

Все показывают удивление.

Правдин. Изрядный учитель!

Стародум. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за свое не возьмешься.

Вральман. Та што телать, мой патюшка? Не я перфый, не я послетний. Три месеса ф Москфе шатался пез мест, кутшер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, липо ушитель...

Правдин *(к учителям)*. По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Цыфиркин. Лучше не надо.

Кутейкин. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

Правдин. А что тебе надобно?

Кутейкин. Нет, милосливый господин, мой счётец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, по-пустому, за...

Г-жа Простакова. Непасытная душа! Кутейкин! За что это?

Правдин. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

Кутейкин. Это его дело. Не мое.

Правдин *(Кутейкину)*. Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину.)* Тебе много ль заплатить?

Цыфиркин. Мне? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а еще за год ни полушки не заплачено.

Цыфиркин. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

Правдин. А за ученье?

Цыфиркин. Ничего.

Стародум. Как ничего?

Цыфиркин. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Цыфиркин. Не за что. Я государю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, по-пустому не бирал и не возьму.

Стародум. Вот прямо добрый человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

Правдин. Тебе не стыдно, Кутейкин?

Кутейкин *(потупя голову)*. Посрамихся, окаянный.

Стародум *(Цыфиркину)*. Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Цыфиркин. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам, не заслужа, век не потребую.

Милон *(давая ему деньги)*. Вот еще тебе, друг мой!

Ц ы ф и р к и н. И еще спасибо.

Правдин дает также ему деньги.

Ц ы ф и р к и н. Да за что, ваше благородие, жалуете?

П р а в д и н. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Ц ы ф и р к и н. И! Ваше благородие. Я солдат.

П р а в д и н *(Цыфиркину)*. Поди ж, мой друг, с богом.

Цыфиркин отходит.

П р а в д и н. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтре да потрудись расчесться с самой госпожою.

К у т е й к и н *(выбегая)*. С самою! Ото всего отступаюсь.

В р а л ь м а н *(Стародуму)*. Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротие. Фосмите меня апять к сепе.

С т а р о д у м. Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от лошадей?

В р а л ь м а н. Эй, нет, мой патюшка! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсе с лошатками.

ЯВЛЕНИЕ VII

Т е ж е и к а м е р д и н е р.

К а м е р д и н е р *(Стародуму)*. Карета ваша готова.

В р а л ь м а н. Прикашишь мне дофести сепя?

С т а р о д у м. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа П р о с т а к о в а, С т а р о д у м, М и л о н, С о ф ь я, П р а в д и н, М и т р о ф а н, Е р е м е е в н а.

С т а р о д у м *(к Правдину, держа руки Софьи и Милона)*. Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

П р а в д и н. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала в обморок.*)

Софья (*подбежав к ней*). Боже мой! Она без памяти.

Стародум (*Софье*). Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин (*Митрофану*). Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Ды она как будто неведомо...

Правдин. Грубиян!

Стародум (*Еремеевне*). Что она теперь? Что?

Еремеевна (*посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин (*Митрофану*). С тобой, дружок, знаю что делать. Пошел-ко служить...

Митрофан (*махнув рукою*). По мне, куда велят.

Г-жа Простакова (*очнувшись в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот злонравия достойные плоды!

КОНЕЦ КОМЕДИИ.

ДОБРЫЙ НАСТАВНИК

КОМЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Княгиня.

Марья, ее служанка.

Сорванцов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Княгиня сидит на канапе, на которой стоит картон с лентами. Служанка выбирает.

Марья. Не это ль прикажете?

Княгиня. Ах нет! Да пора, пора мне одеваться, Машенька! Князь будет сюда обедать.

Марья. Молодой Честон? *(Показывает ей ленты.)*

Княгиня *(смотря на ленты)*. Не правда ли, что он хорош, как ангел?

Марья. Красавец! И какой с ним ездит почтенный старичок!..

Княгиня. Которого я терпеть не могу.

Марья. За что, княгиня? Господин Праводум такой умный...

Княгиня. Он тебе кажется затем умен, что ты дура. *(Указывая на ленты.)* Вот хороши!

Марья *(убирая шляпу)*. Может быть, ваше сиятельство. Однако не мне одной этот старичок нравится. Братец ваш родной, господин Прямиков, человек, конечно, разумный, сам большого об нем мнения.

Княгиня *(указывая служанке, как лучше убрать шляпу)*. Братец мой родной, даром что он мне большой, что я у него живу и что много им обязана, братец мой — мужик бешеный. В разборе умов я ему не верю. Он часто меня называет дурою, и с таким

чистосердечным видом, как будто бы в самом деле была я превеликая дурища. После этого ты сама рассуди, есть ли толк в моем братце?

Марья. После этого я, конечно, знаю, что думать о вашем братце.

Княгиня. A propos. Братец мой, я думаю, сегодни с дачи воротится, куда изволил он вчера повезти твоего почтенного старичка. Слава богу, что они, хотя на одни сутки, оставили нас в покое. Я расскажу тебе, как без них проводила я вчерашний вечер, чтоб ты порадовалась веселью госпожи своей.

Марья. Расскажите, сударыня.

Княгиня. Ты знаешь, что я недавно сговорила Аннушку, мою племянницу, за унтер-офицера Дурашкина?

Марья. Знаю, сударыня, и очень об ней жалею. Она такая милая, а вы выдаете ее по неволе и за кого? За Дурашкина!

Княгиня *(садится за туалет)*. Ах, боже мой! Это что такое? Он малый молодой, не убог. Выдаете по неволе! Да что это значит? Я сама была за тремя мужьями: за первым по воле, за другим по неволе, за третьим ни так ни сяк, а грешна перед всеми. Это все не потому, Марьюшка, а говорится как кому по натуре. Всего хуже не быть ни за кем. Вот теперь я третий раз вдовею, а за четвертого вытти нельзя. Стала, как рак на мели, *(очень печально)* признаться искренно. Я женщина слабая. Истинно, как век доживать, не знаю.

Марья. Это подлинно жалко, ваше сиятельство, да вы и позабыли рассказать мне...

Княгиня. Да, да, да, я вчера вечер провела у родной тетки Дурашкина, у генеральши Халдиной. Гостей было множество. Мне бы только не спускать глаз с моего ангела. Просидела до двух часов за полночь. Я осталась бы и доле, да все дамы разъехались: и я принуждена была оставить князя тут за картами. Он играл в макко с Сорванцовым.

Марья. Да князек-ат отвечает ли вам?

Княгиня. Ах, Марьюшка, он так молод, так нов, что я прихожу в отчаяние. Я бросаю на него страстные взоры прямо, а он глядит в сторону. Сколько раз вчера,

сидя подле него, наступала я ему тихонько на ногу, а он всякий раз извинялся вслух, что своей ногой меня обеспокоил. Истинно боюсь, чтоб вдруг не обезуметь и при всей публике не потерять благопристойности.

Марья. Ст... княгиня!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Сорванцов.

Княгиня. А! Сорванцов, голубчик, здравствуй! Садись возле меня. Откуда?

Сорванцов. Из присутствия, княгиня. Я там так заспался, что насилу очнуться могу. Часа четыре читали дело. Ты знаешь, что я судья. Всю эту пропасть читали при мне, а как законом не запрещено судье спать когда и где захочет, то я, сидя за судейским столом, предпочел лучше во сне увидеть бред, нежели наяву услышать вздор.

Княгиня. Не понимаю, как мог ты с твоим характером сделаться судьею. Знаешь ли что? Пока я за туалетом, расскажи мне всю свою историю. Девка! Румяны!

Сорванцов. Она коротехонька. Я нарисую всю картину моей жизни, как ты, княгиня, полщеки разрисовать не успеешь. Мне за тридцать лет. Первые осьмнадцать, сидя дома, служил я отечеству гвардии унтер-офицером. Покойный батюшка и покойница матушка выхаживали мне всякий год паспорт для продолжения наук, которые я, слава богу, никогда не начинал. Как теперь помню, что просительное письмо в Петербург о паспорте посылали они обыкновенно по ямской почте, потому что при письме следовала посылочка с куском штофа, адресованного на имя не знаю какой тетки секретаря полкового. Как бы то ни было, я не знал, не ведал, как вдруг очутился я в отставке капитаном. С тех пор жил я в Москве благополучно, потому что батюшка и матушка скончались и я остался один господином трех тысяч душ. Недели две спустя после их кончины жестокое несчастие лишило меня вдруг целой тысячи душ.

Княгиня. Боже мой, какое это несчастие?

Сорванцов. Несчастие, которому, я думаю, в свете примера не бывало и не будет. Полтораста карт убили у меня в один вечер, из которых девяносто семь загнуты были сетелева.

Княгиня. Ах, это слышать страшно!

Сорванцов. После этого несчастия хватился я за разум. Перестал ставить большие куши, а маленькими в полгода проставил я еще пятьсот душ в Кашире.

Княгиня. Как?! Ты проиграл и каширскую, где лежат твои родители?

Сорванцов. Я им тут лежать не помешал, княгиня! Сверх того, не из подлой корысти продал я деревню, где погребены мои родители. За то, что тела их тут опочивают, мне ни полушки не прибавили.

Княгиня. И подлинно ты перед ними чист в своей совести.

Сорванцов. Итак, с полутора тысячью душ принялся я за экономию: вошел в коммерцию. Стал помаленьку продавать людей на службу отечеству, стал заводить в подмосковной псовую охоту, стал покупать бегунов, чтоб сделать себе в Москве некоторую репутацию. Ямской цуг был у меня по Москве из первых, как вдруг поражен я был лютейшим ударом, какой только в жизни мог приключиться моему честолюбию.

Княгиня. Ах, боже мой! Какое это новое несчастие?

Сорванцов. Я не знал, не ведал, как вдруг из моего цуга выпрягли четверню и велели ездить на паре. Этот удар так меня сразил, что я тотчас ускакал в деревню. Жил в ней долго, как человек отчаянный. Наконец очнулся. Я дворянин, сказал я сам себе, я не создан терпеть унижении. Я решился или умереть, или по-прежнему ездить шестерней.

Княгиня. Молодые люди, молодые люди! Вот как вам всем думать надобно.

Сорванцов. Я кинулся в Петербург, где через шесть недель из капитанов преобразился в надворные советники. Я странный человек. Чтоб найти, чего ищу, ничего не пожалею. Следствие этого образа мыслей было то, что меньше нежели через год из надворных

советников перебросили меня в коллежские. Теперь я накануне быть статским, а назавтра этого челобитную в отставку да в Москву, в которой, первые визиты сделав шестернею, докажу публике, что я умел удовлетворить моему любочестию.

Княгиня. О, если бы все дворяне мыслили так благородно, и лошадям было бы гораздо легче.

[Не окончено.]

ВЫБОР ГУВЕРНЕРА

КОМЕДИЯ

В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Князь Слабоумов.

Княгиня, жена его.

Князь Василий, сын их.

Г-н Сеум, дворянский предводитель.

Г-н Нельстецов, штаб-офицер.

Графиня Самодурова.

Пеликан, француз, гувернер.

Слуга князя Слабоумова.

Девка княгини Слабоумовой.

Няни князь Василья.

Действие в деревне Слабоумовых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Князь Слабоумов и княгиня.

Княгиня *(взглянув на часы)*. Лишь только восемь било. Что ты, князь, так рано встал?

Князь. В деревне не худо вставать поранее.

Княгиня. Да не князю. Ваше сиятельство должны жить по-княжески; хозяйничать нам нужды нет; за нами, слава богу, три тысячи душ, так с наш век станет; да я и сама не так воспитана, чтоб быть доброю хозяйкой.

Князь. Правда, княгиня; я и сам из роду отца твоего не знаю никого, кто бы разумел хозяйство. Род Вертушкиных дворянский, я не спорю; однако ни одного Вертушкина хозяина нет.

Княгиня. Конечно; я хотя не урожденная княжна, однако из хорошей дворянской фамилии, и думаю, что мой род не делает бесчестия роду князей Слабоумовых.

Князь. Княгиня, друг мой, я сегодня встал рано для того, что у меня с ума нейдет воспитание нашего князь Василья. Все мне говорят, что к нему надобен теперь гувернер; где его здесь в деревне сыщешь?

Княгиня. Мне кажется, не худо об этом посоветоваться с нашим предводителем. Он хотя с дамами не очень ловок, однако я для князь Василья сама с ним говорить стану; боюсь того только, чтобы он в наставники сыну нашему не дал такого же хомяка, каков сам. Я до смерти не люблю серьезных рож.

Князь. Сомневаюсь, чтоб господин Сеум способен был выбрать наставника сыну князя Слабоумова и княгини его, урожденной госпожи Вертушкиной.

Княгиня. Как бы то ни было, я уже за ним послала. Думаю, что наш господин Сеум не поспесивится посетить князя Слабоумова. Да вот он уже и приехал.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Сеум.

Сеум. Вы изволили присылать за мною, и я, считая, что вы, может быть, по званию моему имеете до меня какое дело, не умедлил к вам приехать.

Княгиня. Милости прошу садиться и побеседовать с нами о весьма важном деле.

Сеум *(садясь)*. Что вам угодно?

Князь. Мы имеем сына десяти лет: хотим дать ему гувернера. Вы наш предводитель; сделайте милость, подайте нам совет.

Сеум. Дело, конечно, важное, когда касается оно до воспитания и, следственно, до благосостояния молодого дворянина; однако дело не такое, за коим бы я должен был к вам сам приехать.

Князь. Чувствую, что мой долг был к вам приехать самому; но моя княгиня безрассудно и не спросясь меня послала за вами; извините княгинино нетерпение.

Сеум. Я его за обиду себе и не считаю; напротив того, я доволен, что кстати вы ко мне в сем случае прибегли. По званию моему знаю я всех наших дворян. На сих днях познакомился я с купившим недавно в нашем уезде маленькую деревеньку штаб-офицером, господином Нельстецовым. Мы в первое знакомство наше подружились, и я нашел в нем человека умного, честных правил и заслуженного. Он смолоду хорошо учился, путешествовал; потом служил в войне с великою похвалою; а как он враг праздности, то открылся мне, что охотно взял бы на свои руки благородного младенца, чтоб быть ему наставником и учить его тому,

чему сам смолоду выучился. Ежели бы он согласился воспитывать вашего сына, довольны ли б вы были?

Князь *(помолчал немного)*. Княгиня, говори!

Княгиня. Гувернера русского! Это что-то мне не нравится.

Князь. Да знает ли он по-французски?

Сеум. Лучше многих тех французов, коих бы вы с радостью к себе принять согласились.

Князь. Какого он характера?

Сеум. Его зовут Нельстецов, и он сего названия совершенно достоин.

Княгиня *(про себя)*. Верно, какой-нибудь грубиян.

Сеум. Неужли тот грубит, кто не льстит?

Княгиня. Почти так.

Сеум. Позвольте вас уверить, что от той особы, которую в наставники сыну вашему я представляю, не услышите вы ни грубости, ни лести.

Князь. Мы, с нашей стороны, не оставим ничего, чтоб показать ему нашу учтивость и всегда называть его будем: ваше высокоблагородие.

Сеум. То есть вы требуете, чтоб он поминутно звал вас: ваше сиятельство.

Княгиня. Мне кажется, всякому должно отдавать ему принадлежащее.

Сеум. Но вы соглашаетесь называть его высокоблагородием из другого подвига.

Князь. Из какого?

Сеум. Из того, чтоб все знали, что у сына вашего наставник штаб-офицер.

Княгиня. Разве это много? Сын мой — князь, так мне кажется, штаб-офицер не унизится, приняв на себя его воспитание.

Сеум. Господин Нельстецов, конечно, за особливую честь не почтет быть при сыне вашем наставником; а ежели он и согласится принять на себя это звание, то, конечно, для того только, чтоб быть полезным своему брату, дворянину.

Княгиня. Я думаю, однако, что порода есть достоинство.

Сеум. Самое меньшее из всех человеческих до-

стоинств. Родиться князем не мудрено, и можно по праву породы называться сиятельством, не сияя почтенными качествами, как-то: ревностию быть полезным отечеству. *(Оборотясь к князю.)* Ваше сиятельство! Чем вы отечеству служили?

Князь. Гвардии сержантом и отставлен капитаном.

Сеум. Не сами ль вы доказываете собою тщету княжеского титла? Я об заклад бьюсь, что сын ваш, если воспитается господином Нельстецовым, будет иметь совсем другой образ мыслей и будет достоин тех почестей, к коим отворяет ему путь порода.

Князь. Я служил несчастливо: не мог добиться до штаб-офицерства и принужден теперь таскаться парою.

Княгиня *(про себя)*. Это-то меня и терзает! Когда господин Нельстецов добился до штаб-офицерства, то, я думаю, он научит и сына моего достигнуть до того же.

Сеум. В этом не имейте никакого сомнения: он научит сына вашего получать чины, служа отечеству, а не выкланивая их в передних знатных господ.

Княгиня. Девка! позови сюда князь Василья.

Девка. Не изволит идти.

Князь. Проси его от нас.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, молодой князь и няни.

Няня. Войдите, князь батюшка!

Другая няня. Пожалуйте сюда, ваше сиятельство!

Третья няня *(стоя возле княгини)*. Пожалуйте мне ручку, ваше сиятельство!

Молодой князь *(подбегает к ней и дает руку)*. На, целуй!

Княгиня. Князь Василий, друг мой, обойми меня.

Молодой князь *(протянув к ней руку)*. На, матушка! *(Сеум жмет плечами. Молодой князь подбегает к Сеуму и протянув к нему руку.)* На!

Сеум. Я, мой друг, лапку твою целовать не намерен; подай ее князю, батюшке вашему.

Князь. И я не хочу.

Молодой князь. А для чего? Ведь ты, батюшка, вчера целовал же.

Князь. Стыдно при постороннем человеке.

Княгиня. Стыдно любить сына!

Сеум. Стыдно баловать сына.

Княгиня. Вы, сударь, видите, что мы воспитываем сына, кажется, как надобно.

Сеум. Я вижу только, что вы голову его набиваете одним сиятельством.

Княгиня. Да ведь надобно же ему знать, кто он.

Сеум. Он ребенок.

Княгиня. Да какого рода?

Сеум. Слабоумова.

Княгиня. Я надеюсь, что в нем много есть отцовского.

Сеум. То есть слабоумовского.

Княгиня. А материнского? *(Молодой князь вертится.)*

Сеум. Вот это вашего рода, вертушкинского.

Княгиня. Не правда ли, что князь Василий очень любезен?

Сеум. Не знаю, любезен ли; но вижу, что он очень вами любим.

Князь. Я любопытен познакомиться с господином Нельстецовым. Когда бы это быть могло?

Сеум. Хоть теперь.

Княгиня. Вы нас очень тем одолжите.

Сеум *(отходя)*. Я тотчас за ним съезжу.

ЯВЛЕНИЕ IV

Князь и княгиня.

Князь. Я думаю, что господин предводитель привезет к нам скоро господина Нельстецова.

Княгиня. Я тут ничего доброго не воображаю и взбесилась бы с досады отдать князь Василья на руки русскому пентюху, каков, верно, Нельстецов.

Князь. В нашей воле будет, принять ли Нельстецова или не принять.

Княгиня. Князь, друг мой, пойдем к себе в покои, чтобы ожидаемые гости подождали нас с полчаса и увидели, что они приехали к вашему сиятельству.

Князь. Бога ради этого мне не советуй, если не хочешь овдоветь скоро.

Княгиня. Как это, за что?

Князь. Господин Нельстецов, как я вижу, человек заслуженный и, конечно, будучи штаб-офицером, не захочет дожидаться у капитана в передней: он взбесится и меня изрубит.

Княгиня. При лице предводителя он этого сделать не посмеет.

Князь. Ведь ты видишь, матушка, что ныне одна порода не весьма уважается и кто ее ставит в великую цену, тех дураками считают; так станет ли Нельстецов удерживать себя для предводителя, когда сам Сеум мне говорит: дуракам-де и в алтаре не спускают.

Княгиня. Я ласкаюсь надеждою, что мы и без Нельстецова обойдемся. Я сегодня получила письмо от графини Самодуровой. Она рекомендует мне гувернера француза, господина Пеликана; его мы и возьмем.

Князь. Однако прежде посмотрим и Нельстецова.

Княгиня. Пожалуй, я и на это согласна.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и слуга.

Слуга. Докладываю вашему сиятельству, что господин предводитель, не знаю с кем-то, приехал.

Князь. Пойду к ним навстречу; а ты, княгиня, прими их здесь.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Князь, княгиня, Сеум и Нельстецов.

Князь. Княгиня, вот господин Нельстецов! *(К Нельстецову.)* Это жена моя.

Нельстецов *(подходя к руке княгининой)*. Рекомендую себя в милость вашего сиятельства как сосед и здешний дворянин.

Князь. Милости прошу садиться. *(Все садятся. К Нельстецову.)* Почтенный наш предводитель, без сомнения, предварил вас о нашем желании, — так как и мы от него слышали о вашем расположении иметь под надзором вашим молодого благородного человека.

Нельстецов. Я от него обо всем уведомлен; но прежде я должен от вас самих слышать, какое воспитание вы дать намерены сыну вашему: чему учить хотите и к какой службе его готовить?

Князь. Я обо всем этом от вас хотел бы слышать.

Нельстецов. Я бы думал образовать душу его, как надлежит дворянина.

Княгиня. Княжеской породы.

Нельстецов. Я не понимаю, какую разницу находите вы между дворянскою и княжескою породою.

Княгиня. Я нахожу, сударь, ту разницу, что князь более дворянина рачить должен, чтобы ему никто не манкировал.

К н я з ь. Князь должен быть на пункте своей чести деликатнее дворянина.[1]

. . . .

К н я г и н я. А я думала, что природа и порода — все одно.

С е у м. Вы слышите, сударыня, что породный князь может быть природный дурак.

К н я г и н я. Итак, господину Нельстецову не угодно, чтоб сын наш знал, что он князь, и не хочет удостоить его титлом сиятельства.

Н е л ь с т е ц о в. Я не беру на себя греха, не погневайтесь, такому мальчишке, каков ваш сын, вертеть голову возмечтанием о его княжестве, сиятельстве и прочем дурачестве, но весьма стараться буду поселить в его голову и сердце, что он, будучи благородно рожденный, должен иметь и благородную душу.

К н я г и н я. И это не худо. *(К князю.)* Что ж ты, князь, так задумался?

К н я з ь. Думаю о том, что слышу, да ничего сам придумать не могу; а признаюсь, что обедать пора, и потому прошу вас, господин предводитель, *(к Нельстецову)* и вас, государь мой, у меня откушать.

Н е л ь с т е ц о в. Как вам угодно.

С л у г а. Стол готов.

К н я з ь. Пойдем же.

Сеум повел княгиню, а князь пошел за Нельстецовым.

Конец второго действия.

---

[1] В этом месте в оригинале недостает одного листа. *(Прим. ред.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Княгиня *(одна)*. Слава богу, что из-за стола встали. Я пришла сюда отдохнуть от беседы господина предводителя и Нельстецова; развяжи нас бог с такими ругателями! Во время стола получила я письмецо от графини Самодуровой; я его и прочесть не успела; теперь прочту на досуге. *(Читает.)*

«Любезная княгиня!

Если вам угодно, вы можете взять теперь господина Пеликана в гувернеры к князь Василью. Сей француз наполнен достоинствами: рвет зубы мастерски и вырезывает мозоли...»

Княгиня *(про себя)*. Ах, какое счастье! Он же еще и мозольный оператор, а мне в этом такая нужда!

«Цену возьмет умеренную, и вас, княгиня, так, как и князя, звать будет: votre altesse!» [1]

ЯВЛЕНИЕ II

Княгиня и князь.

Княгиня. А, мой любезный князь! Графиня Самодурова делает нам великое благодеяние: она сыскала князь Василью гувернера, который и зубы рвет

[1] Ваше сиятельство! *(франц.)*

и мозоли вырезывает; а что всего важнее, он давать нам будет титла: votre altesse!

Князь. На что этого лучше!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Сеум и Нельстецов.

Князь *(к Нельстецову)*. Чему ж вы сына моего учить хотели?

Нельстецов. Прежде всего правилам веры, в которой он родился.

Княгиня. А танцевать?

Нельстецов. Вы шутить изволите.

Князь. А каким чужестранным языкам?

Нельстецов. Начну с латинского.

Княгиня. Да разве ему попом быть?

Нельстецов. А разве латинский язык для попов только годен?

Князь. Я не знаю, для чего сыну княжескому учиться по-латыни.

Нельстецов. Для того, что этот язык есть коренной многим языкам.

Княгиня. Вот еще на!

Князь *(к княгине)*. Не забудь же отправить поскорее с ответом к графине Самодуровой.

Княгиня. Сейчас иду. *(К гостям.)* Мы теперь же к вам придем. Извините нас, что мы должны отправить человека к почтенной нашей соседке.

Сеум. Как изволите.

ЯВЛЕНИЕ IV

Сеум и Нельстецов.

Сеум. Так ли вы нашли княжеский дом, как я вам описывал?

Нельстецов. Точно так. Но мне кажется, я уже им в тягость быть начинаю.

Сеум. Да и мне, кажется, не очень рады. *(Вошедшему слуге.)* Друг мой, вели подавать мою карету. *(К Нельстецову.)* Мы сейчас можем ехать.

Нельстецов. Очень хорошо.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, князь и княгиня.

Княгиня *(идучи)*. Я пригласила сюда самое графиню и с Пеликаном; авось-либо у князь Василья будет гувернер по сердцу нашему.

Князь *(гостям)*. Вот мы здесь, милостивые государи. Мы поспешили сюда, чтоб насладиться вашею беседою.

Нельстецов. Много чести.

Княгиня *(Сеуму)*. Я хотела вас спросить, почитаете ли вы за полезное, если мы сына отправим во Францию лет через десяток?

Сеум. Вы далеко видите, сударыня; лет через десяток неизвестно еще, будет ли кого и будет ли кому отправлять.

Нельстецов. А я в прибавок скажу, что и того еще предвидеть нельзя, что лет чрез десяток будет и с самою Франциею, ежели господа французы колобродить не скоро перестанут.

Сеум. Вот до чего дошло то государство, которому целая Европа столько лет во всем подражать хотела! Читая в газетах описания гибельного состояния Франции, желал бы я знать, против какого политического правила грешат французы, заводя равенство состояний?

Князь. Я этого не понимаю.

Сеум *(к Нельстецову)*. Мне не случалось с вами об этом говорить, а, право, желал бы знать ваше о том мнение.

Нельстецов. Я никак не беру на себя решить ваш вопрос; однако готов отдать на суд ваш мое о том мнение; вот оно: нигде и никогда не бывали и быть не могут такие законы, кои бы каждого частного человека счастливым делали. Необходимо надобно, чтоб одна

часть подданных для блага целого государства чем-нибудь жертвовала; следственно, равенство состояний и быть не может. Оно есть вымысел ложных философов, кои красноречивыми своими умствованиями довели французов до настоящего их положения. Они, желая отвратить злоупотребление власти, стараются истребить тот образ правления, коим Франция всей славы своей достигла. Со всем тем, сколько им покушение сие ни много стоит и стоить будет, но равенства состояний никогда достигнуть не могут, какие бы законы они ни сделали, ибо всегда одна часть подданных будет принесена на жертву другой. Вот что я думаю о нынешнем законодательстве французском.

Сеум. Но когда не могут быть законы, кои бы всякого частного человека делали благополучным, то что же остается делать законодателю?

Нельстецов. Остается расчислить так, чтоб число жертвуемых соразмерно было числу тех, для благополучия коих жертвуется.

Сеум. Так законодателю надобно быть великому исчислителю.

Нельстецов. Но сие политическое расчисление требует ума гораздо превосходнейшего, нежели надобно для вычисления математического. Можно полагать сто Эйлеров на одного Кольберта и тысячу Кольбертов на одного Монтескье.

Сеум. Для чего же?

Нельстецов. Для того, что в математике от одной известности идут к другой, так сказать, машинально, и математик имеет пред собою все откровения предшественников своих; ему надобно иметь только терпение и уметь ими пользоваться; но политика прежние откровения не поведут верною дорогою. Математик исчисляет числа, политик страсти; словом, ум политический есть и должен быть несравненно больше и гораздо реже встречается, нежели математический.

Сеум. О, сколь блаженна та страна, где таковой редкий законодательный ум сидит на престоле!

Нельстецов. И сколь счастливы те, кои таковую страну отечеством имеют! *(К князю.)* Вы, князь, о чем задумались?

Князь. Что вы оба ни говорили, я ничего не понимаю.

Сеум. Да слышали ль вы, что во Франции уже князей нет?

Княгиня. Это почти невероятно; я что-то и сама слышала, да не могу верить.

Сеум. Неужели вы не имеете понятия о французских замешательствах!

Князь. Я верю, что они велики, когда и князей поставили на одну доску со всеми.

Нельстецов. Ваш сын, приехав во Францию, не будет уже князь.

Княгиня. Так я его не пошлю туда ни из чего.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и слуга.

Слуга. Графиня Самодурова, не знаю с кем-то, приехать изволила.

Княгиня. Выйду навстречу благодетельнице дома нашего.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и графиня с Пеликаном.

Княгиня в дверях встречается с графинею и друг другу кричат:

Ваше сиятельство!

Князь подходит к графининой руке.

Графиня. Представляю вам господина Пеликана.

Пеликан *(ужимаясь)*. Votre altesse!..

Графиня *(княгине)*. Вот гувернер сыну вашему, любезная княгиня!

Пеликан *(ужимаясь)*. Votre altesse!..

Сеум *(подошед к Пеликану и смотря на него пристально)*. Эта рожа мне знакома.

Пеликан *(узнав Сеума, бежит вон, крича изо всей силы)*. Не хошу сдес, не хошу!

Графиня. Что с ним сделалось?

Сеум. Я вам развяжу эту загадку. Сей пустоголовый француз был во Франции в какой-нибудь богадельне подлекарем; умеет рвать зубы и вырезывать мозоли, — но больше ничего. Он приехал в Россию, и я в другом наместничестве, где у меня есть деревня, увидев его в учителях у детей благородных, за долг счел доложить о том наместнику, который, считая таких побродяг зловредными отечеству, выгнал его вон по моему представлению, и для того он, увидя меня, отсюда выбежал, видно боясь, чтоб я его в другой раз не погнал по шее. Как бы то ни было, я завтра же, увидя наместника, постараюсь выпроводить его из нашего уезда в двадцать четыре часа.

Княгиня. Господин предводитель, умерьте вашу строгость для нашей просьбы.

Сеум. Вы, княгиня, вольны следовать или не следовать моему совету в препоручении сына вашего тому, кого я представлял; но я, дворянский предводитель, никак не потерплю, чтоб в уезде нашем внедрилась негодница, приехавшая развращать сердца и головы благородных юношей.

Княгиня *(про себя)*. Думала ль я, чтоб мы, призвав предводителя для сыскания сыну нашему наставника, лишились чрез него достойного гувернера, который, вступя в комнату, начал тем, что отдал нам должное, именовав меня и мужа моего: votre altesse.

Графиня *(княгине)*. Да зачем у вас господин предводитель?

Княгиня. Ах, ваше сиятельство! Мы призвали его для совета.

Графиня. Вот таково-то жить чужим умом! Я, будучи Самодурова, отроду ни у кого ни в чем совета не спрашиваю, а живу как хочу и делаю что изволю. Могу сказать, что я своим устьем в море впала. Я на вашем месте отблагодарила бы его за совет, да тем бы дело и кончилось.

Нельстецов. Я приехал сюда по приглашению господина предводителя, усердствующего пользе благородного общества; но теперь ни за что в свете не согла-

шусь быть наставником у молодого человека, имеющего родителей, зараженных одним мечтанием породы.

Сеум *(к князю и к княгине)*. Слуга покорный! Вперед меня к себе не ждите.

Князь. Воля ваша.

Княгиня. Графиня, пойдем в наши комнаты.

Князь повел графиню, за которою уходит и княгиня.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Сеум и Нельстецов.

Нельстецов. Странные люди! Скажите, что руководствует их мыслями и делами?

Сеум. Что руководствует? Глупая спесь.

П О Э З И Я

ЛИСИЦА-КОЗНОДЕЙ

Басня

В Ливийской стороне правдивый слух промчался,
Что Лев, звериный царь, в большом лесу скончался.
Стекалися туда скоты со всех сторон
Свидетелями быть огромных похорон.
Лисица-Козиодей, при мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде,
Взмостясь на кафедру, с восторгом вопиет:
«О рок! лютейший рок! кого лишился свет!
Кончиной кроткого владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, зверей собор почтенный!
Се царь, премудрейший из всех лесных царей,
Достойный вечных слез, достойный алтарей,
Своим рабам отец, своим врагам ужасен,
Пред нами распростерт, бесчувствен и безгласен!
Чей ум постигнуть мог число его доброт?
Пучину благости, величия, щедрот?
В его правление невинность не страдала
И правда на суде бесстрашно председала;
Он скотолюбие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал;
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель».
«О лесть подлейшая! — шепнул Собаке Крот. —
Я знал Льва коротко: он был пресущий скот,

И зол, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти.
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.
Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся,
Домостроитель Бобр от пошлин разорился,
И Пифик слабоум, списатель зверских лиц,
Служивший у двора честнее всех Лисиц,
Который, посвятя работе дни и ночи,
Искусной кистию прельщая зверски очи,
Портретов написал с царя зверей лесных
Пятнадцать в целый рост и двадцать поясных;
Да сверх того еще, по новому манеру,
Альфреско росписал монаршую пещеру, —
За то, что в жизнь свою трудился сколько мог,
С тоски и с голоду третьего дни издох.
Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда же то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастию бредет презренными путьми, —
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми».

ПОСЛАНИЕ К СЛУГАМ МОИМ

ШУМИЛОВУ, ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ

Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
Любезный дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!
Боишься бога ты, боишься сатаны,
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты создан сам? Скажи, Шумилов, мне!
На то ли, чтоб свой век провел ты в крепком сне?
О таинство, от нас сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумилов, ты седой своей главою;
«Не знаю, — говоришь, — не знаю я того,
Мы созданы на свет и кем и для чего.
Я знаю то, что нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами;
Что должен я смотреть за всей твоей казной,
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки;
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки».
К тебе я обращу теперь мои слова,
Широкие плеча, большая голова,
Малейшего ума пространная столица!

Во области твоей кони и колесница,[1]
И стало наконец угодно небесам,
Чтоб слушался тебя извозчик мой и сам.
На светску суету вседневно ты взираешь
И, стоя назади, Петрополь[2] обтекаешь;
Готовься на вопрос премудрый дать ответ,
Вещай, великий муж, на что сей создан свет?
Как тучи ясный день внезапно помрачают,
Так Ванькин ясный взор слова мои смущают.
Сомнение его тревожить начало,
Наморщились его и харя и чело.
Вещает с гневом мне: «На все твои затеи
Не могут отвечать и сами грамотеи.
И мне ль о том судить, когда мои глаза
Не могут различить от ижицы аза!
С утра до вечера держася на карете,
Мне тряско рассуждать о боге и о свете;
Неловко помышлять о том и во дворце,
Где часто я стою смиренно на крыльце,
Откуда каждый час друзей моих гоняют
И палочьем гостей к каретам провожают;
Но если на вопрос мне должно дать ответ,
Так слушайте ж, каков мне кажется сей свет.
Москва и Петербург довольно мне знакомы,
Я знаю в них почти все улицы и домы.
Шатаясь по свету и вдоль и поперек,
Что́ мог увидеть я, того не простерег.
Видал и трусов я, видал я и нахалов,
Видал простых господ, видал и генералов;
А чтоб не завести напрасный с вами спор,
Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.
Довольно на веку я свой живот помучил,
И ездить назади я истинно наскучил.
Извозчик, лошади, карета, хомуты
И все, мне кажется, на свете суеты.
Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.

---

[1] Ваньке поручено было смотрение над каретою и лошадьми. *(Прим. Фонвизина.)*

[2] Сие послание писано в Петербурге. *(Прим. Фонвизина.)*

Да, сверх того, еще приметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кащеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри притом карманы набивают.
За деньги чистые прощают всякий грех,
За деньги множество в раю сулят утех.
Но если говорить на свете правду можно,
То мнение мое скажу я вам неложно:
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь и овца!
Что дурен здешний свет, то всякий понимает.
Да для чего он есть, того никто не знает.
Довольно я молол, пора и помолчать;
Петрушка, может быть, вам станет отвечать».
«Я мысль мою скажу, — вещает мне
Петрушка, —
Весь свет, мне кажется, ребятская игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Как лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потом и возьмут душу черти,
Лишь только б удалось получше жить до смерти!
На что молиться нам, чтоб дал бог видеть рай?
Жить весело и здесь, лишь ближними играй.
Играй, хоть от игры и плакать ближний будет,
Щечи его казну, — твоя казна прибудет;
А чтоб приятнее еще казался свет,
Бери, лови, хватай все, что ни попадет.
Всяк должен своему последовать рассудку:
Что ставишь в дело ты, другой то ставит в шутку.

Не часто ль от того родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа,
Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят нами?
Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
Вот как вертится свет! А для чего он так,
Не ведает того ни умный, ни дурак.
Однако, ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите нам ее...» Сим речь окончил он,
За речию его последовал поклон.
Шумилов с Ванькою, хваля догадку ону,
Отвесили за ним мне также по поклону;
И трое все они, возвыся громкий глас,
Вещали: «Не скрывай ты таинства от нас;
Яви ты нам свою в решениях удачу,
Реши ты нам свою премудрую задачу!»
    А вы внемлите мой, друзья мои, ответ:
«И сам не знаю я, на что сей создан свет!»

ПОСЛАНИЕ К ЯМЩИКОВУ

Натуры пасынок, проказ ее пример,
Пиита, философ и унтер-офицер!
Ограблен мачехой, обиженный судьбою,
Имеешь редкий дар — довольным быть собою.
Простри ко мне глагол, скажи мне свой секрет:
Как то нашлось в тебе, чего и в умных нет?
Доволен ты своей и прозой и стихами,
Доволен ты своим рассудком и делами,
И, цену чувствуя своих душевных сил,
Ты зависти к себе ни в ком не возбудил.
О чудо странное! Блаженна та утроба,
Котора некогда тобой была жерёба!
Как погреб начинен и пивом и вином,
И днем и нощию объятый крепким сном,
Набивший нос себе багровый, лучезарный,
Блажен родитель твой, советник титулярный!
Он, бывши умными очами близорук,
Не ищет проницать во глубину наук,

. . . .

. . . .

Не ищет различать и весить колких слов.
Без грамоты пиит, без мыслей философ,

Он, не читав Руссо, с пим тотчас согласился,
Что чрез науки свет лишь только развратился,
И мнит, что . . . .
Блаженна, что от них такой родился плод,
Который в свете сем восстановит их род...
. . . .
. . . .

[*Не окончено.*]

ЭПИГРАММА

О Клим! дела твои велики!
Но кто хвалил тебя? Родня и два заики.

К УМУ МОЕМУ

К тебе, о разум мой, я слово обращаю;
Я более тебя уже не защищаю.
Хоть в свете больше всех я сам себя люблю,
Но склонностей твоих я больше не терплю.
К чему ты глупости людские примечаешь?
Иль ты исправить их собой предпринимаешь?
Но льзя ль успеху быть в намеренье таком?
Останется дурак навеки дураком.
Скажи, какие ты к тому имеешь правы,
Чтоб прочих исправлять и разумы и нравы?
Все склонности твои прилежно разобрав,
Увидел ясно я, что ты и сам неправ.
Ты хочешь здешние обычаи исправить;
Ты хочешь дураков в России поубавить,
И хочешь убавлять ты их в такие дни,
Когда со всех сторон стекаются они,
Когда без твоего полезного совета
Возами их везут со всех пределов света.
Отвсюду сей товар без пошлины идет
И прибыли казне нималой не дает.
Когда бы с дураков здесь пошлина сходила,
Одна бы Франция казну обогатила.
Сколь много тысячей сбиралося бы в год!
Таможенный бы сбор был первый здесь доход!

Но, видно, мы за то с них пошлин не сбираем,
Что сами сей товар к французам отправляем.
Казалось бы, что сей взаимный договор
Французам доставлял такой же малый сбор;
Но нет: у нас о том совсем не помышляют,
Что подати там с нас другие собирают.
Во Франции тариф известен нам каков:
Чтоб быть французскими из русских дураков!..
. . . .
. . . .

[*Не окончено.*]

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ

РАБОТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[К ПЕРЕВОДУ РОМАНА «ГЕРОЙСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ, ИЛИ ЖИЗНЬ СИФА, ЦАРЯ ЕГИПЕТСКОГО»]

Благосклонный читатель!

Я за первое почитаю объявить, кто был книги сея автор. Французский переводчик представляет оную переводом с греческого оригиналу, но, спустя несколько времени, найдено, что он сам ее сочинитель и называется аббат Террасон, природный француз и Королевской академии член. Надлежит думать, что первая причина, которая привлекла его трудиться над сим сочинением, была не что иное, как доброе намерение о пользе общества.

В том нет нималого сомнения, чтоб книга сия не была роман. Предприятия, кои имеют желаемые окончания, и известные особы, которые, будучи совсем в отчаянии друг друга увидеть, являются вместе, а особливо множество речей, кои они между собою имели, показывают, что автор не всегда полагал справедливую историю, но поступал так, как велели собственные мысли.

Сие сочинение, разделенное на десять книг, в рассуждении исправления нравов есть весьма полезно. Египетский Сиф представлен здесь героем, почерпшим премудрость от нравоучения, чрез которое он, будучи еще в цветущей юности, в состоянии уже был делать другим наставления. Потом, пришед в совершенные лета

и находясь, по случаю, в долговременном плене, употребил сие время в изыскании неизвестных стран, кои освободил от ужасных суеверий. При возвращении своем, побуждаем будучи геройскою добродетелию, избавил знатнейшую республику от неприятелей, приступивших уже к вратам градским. Но, пришед в отечество, сделался он благодетелем тех, коих имел причину почитать себе злодеями; наконец, посвятил геройство благополучию общества.

Впрочем, автор, представляя Сифа не иначе как идолопоклонника, содержит первее о исправлении одних только нравов к пользе человеческого рода. Потом старается наполнить книгу свою учеными примечаниями, надлежащими до египетского народа. Сверх того, собирает здесь известия древней географии, доказывая справедливость оных книгами славных историков.

Что же надлежит до моего перевода, то я главное имел старание не отступить по возможности от автора и изображать все его мысли, которыми он старается сделать полезное нравоучение. Впрочем, нижайше прошу, благосклонный читатель, простить мне все погрешности, которые найдешь в моем переводе.

ОПЫТ
РОССИЙСКОГО СОСЛОВНИКА

Старый, давный, старинный, ветхий, древний, заматерелый

Старо то, что давно было ново: *старинным* называется то, что ведется издавна. *Давно* то, чему много времени прошло. В настоящем употреблении *ветхим* называем то, что от старости истлело или обвалилось. *Древне* то, что происходило в отдаленнейших веках. *Заматерело* то, что временем сильно окоренело и огрубело.

Старый человек обыкновенно любит вспоминать *давные* происшествия и рассказывать о *старинных* обычаях; а если он скуп, то в сундуках его найдешь много *ветхого;* нередко бывает он *заматерел* в своих привычках. Сих примеров столько ныне, сколько бывало и в *древние* времена.

Обманывать, проманивать, проводить

Все сии слова значат ложь представлять истиною. *Обманывают* те, кои умышленно облекают ложь всею наружностию правды. *Проманивать* есть не делать обещаемого, питая тщетною надеждою; *проводить* значит брать притворно участие в чью-нибудь пользу, действуя во вред.

Кто не любит истины, тот часто *обманут* бывает. *Проманивать* есть больших бояр искусство. Стряпчие обыкновенно *проводят* челобитчиков.

Чувство, чувствование, чувственность, чувствительность, ощущение

Чувства суть способности, коими животное приемлет впечатления внешних вещей; *чувствованиями* называются душевные движения и страсти; *чувственность* есть прилепление к удовольствиям чувств своих; *чувствительность* есть качество, коим тело или душа стремительно проницаются; *ощущение* есть то самое впечатление, которое душа от внешних вещей приемлет.

Счастлив, кто в старости сохраняет все свои *чувства*. Благороден, кто имеет великодушные *чувствования*. Благоразумный всего своего удовольствия в одной *чувственности* не полагает; честный человек принимает с особливою *чувствительностию* все, что честь его трогает; дурная музыка и всякое дурное действие производят в нас неприятное *ощущение*.

Робкий, трусливый

Робкий бежит назад, *трусливый* нейдет вперед; *робкий* не защищается, *трусливый* не нападает. Нельзя надеяться ни на сопротивление *робкого*, ни на помощь *трусливого*.

Основать, учредить, установить, устроить

Основать значит положить чему-нибудь прочное начало; *учредить* значит привести вещи в такой порядок, чтоб каждая была на своей чреде; *установить* есть не что иное, как определить уставы или правила, по коим в деле следовать; *устроить* разумеется распорядить вещи так стройно, чтоб развращение до них не прикоснулось.

В России Екатерина II *основала* общество благородных девиц, *учредила* наместничества, *установила* совестный суд и *устроила* благочиние.

Понятие, мысль, мнение

Понятие есть то спознание, которое разум имеет о какой-нибудь вещи или деле. *Мысль* есть действие существа разумного. *Мнение* есть следствие размышлений.

Нельзя иметь *понятия* о вещи, если не обратишь к ней *мыслей* своих; *поняв* же ее ясным образом, нельзя ошибиться в своем об ней *мнении.*

Сколько судей, которые, не имев о делах ясного *понятия,* подавали на своем роду весьма много *мнений,* в которых весьма мало *мыслей.*

Обида, притеснение

Обида есть вред, приключаемый чести или имуществу. *Притеснение* есть недопущение пользоваться правом своим.

Не действуют законы тамо, где *обиженный притесняется.*

Сумасброд, шаль, невежда, глупец, дурак

Сумасброд никогда не следует рассудку, с которого сбрел, а руководствуется во всех своих делах одним воображением. *Шаль* притворяется обыкновенно глупее, нежели он есть, для того что без сего притворства не стало бы природного ума его возбудить на себя внимания. *Невежда* называется человек без просвещения. *Глупец* тот, которого ум весьма ограничен. *Дурак,* который ума вовсе не имеет.

Сумасброд весьма опасен, когда в силе. *Шаль* часто дурачеством досаждает. *Невежда* обыкновенно в своих мнениях упрям. *Глупцы* смешны в знати. *Дураку* закон не писан.

Несчастие, напасть, беда, бедствие

Все сии слова возвещают и знаменуют злоключения; но *несчастие* называется всякое злое происшествие; *напасть* же есть злоключение нечаянное. *Беда* также есть нечаянное зло, но грозящее еще лютейшими следствиями. *Бедствие* значит то же самое, но в обширнейшем смысле употребляется.

Потерять друга есть *несчастие;* лишиться разбойниками всего имения есть *напасть; беда* ручаться за мотов; голод и язва суть народное *бедствие.*

Полно, довольно

Оба сии наречия принадлежат до количества, с тою разностию, что *полно* имеет большее отношение к тому количеству, которое иметь желаешь, а *довольно* к тому, которое употреблять хочешь.

Скупому сколько денег ни давай, никогда не скажет *полно.* Для мота не *довольно* миллионов. Если наливают в рюмку через край, то и пьяница скажет: *полно,* хотя ему и не *довольно.* Многие, имея посредственный доход, говорят: для нас его *довольно,* но редкий скажет: *полно* желать больше.

Проступок, вина, преступление, злодеяние, грех

Проступок есть меньшая степень погрешения. *Виною* называется ненаблюдение предписанных должностию правил. Тяжкая *вина,* то есть важное нарушение закона, именуется *преступлением. Злодеяния* происходят от безмерного развращения сердца. Злодей обыкновенно бесчеловечен, вероломен и враг общия безопасности. *Грех* есть действие противу гласа совести.

Проступок свойствен слабости человеческой и легко бывает извиняем. Не всякая *вина* заслуживает наказания. Надлежит *преступление* исследовать весьма осторожно, прежде нежели осудить преступника к наказанию. *Злодеяние* достойно казни. *Грехам* судия бог.

Худо понять приказ начальника есть *проступок.* Забвением не исполнить повеления начальника — *вина.* Ослушание начальству — *преступление.* Умысел противу начальства — *злодеяние.* Пред начальством благодетельствующим *грех* быть неблагодарну.

Низкий, подлый

Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низкость* принадлежит

к состоянию, а *подлость* к поведению, ибо нет состояния *подлого,* кроме бездельников. В *низкое* состояние приходит человек иногда поневоле, а *подлым* становится всегда добровольно. Презрение знатного *подлеца* к добрым людям *низкого* состояния есть зрелище, унижающее человечество.

Помогать, пособлять, вспомоществовать, давать помочь

В нужде *помогают;* в труде *пособляют*; в недостатке *вспомоществуют;* для обороны *дают помочь.*

Сострадание велит *помогать* бедным; великодушие влечет *пособлять* бессильным; щедрый человек своим излишком *вспомоществует* другим в недостатках. Человечество заставляет *подавать помочь* беззащитным.

Беспорочность, добродетель, честь

Часто без разбору говорится: он ведет жизнь *беспорочную, добродетельную, честную;* но чтоб узнать, все ли сии выражения единообразно употреблять можно, надлежит определить разум каждого.

Беспорочность поставляет себе правилом не делать того другому, чего бы не пожелал себе. *Добродетель* распространяет сие правило гораздо далее и велит делать тó другим, чего бы пожелал себе. *Беспорочность* обыкновенно меньше заслуживает похвалы, нежели *добродетель.* Первая может происходить и от страха наказания, но последняя есть великодушное стремление человека жертвовать другому своим благосостоянием. Чем таковая жертва важнее, тем славнее *добродетель.*

Состояния людей так многообразны, что при различении *добродетели* от *беспорочности* необходимо надобно рассмотреть внимательно, какой человек, в какое время и в каких обстоятельствах сделал доброе дело.

Иногда *беспорочность* достойна похвалы гораздо больше, нежели самая *добродетель.* Богатый человек, не расстроивая нимало своего состояния, помог бедному некоторым подаянием. Угнетенный нищетою возвратил отданную ему на сохранение вещь, о которой никто

не знал, что она у него в сохранении. Один изъявил *добродетель*, другой *беспорочность;* но которая должна большего почтения? Можно сказать, что *беспорочность* бедного есть уже *добродетель*, а *добродетель* богатого есть только что *беспорочность*.

Сверх сих качеств, долженствующих руководствовать нашими делами, есть третье, весьма достойное внимания: *честь*.

Беспорочный бывает таковым по воспитанию, для собственных выгод и повинуяся законам; *добродетельный* следует часто в делах своих рассуждению; но *честный* человек не закону повинуется, не рассуждению следует, не примерам подражает; в душе его есть нечто величавое, влекущее его мыслить и действовать благородно. Он кажется сам себе законодателем. В нем нет робости, подавляющей в слабых душах самую *добродетель*. Он никогда не бывает орудием порока. Он в своей *добродетели* сам на себя твердо полагается.

Ленивый, праздный

Ленивый бывает, кажется, таковым больше от расположения тела, а *праздный* больше от расположения души. *Ленивый* боится при деле труда, а *праздный* не терпит самого дела. Трудолюбивый становится иногда *ленивым*, но не *праздным*, ибо *праздный* отроду не бывал трудолюбивым. *Ленивый*, побеждая свой порок любочестием, может быть отечеству весьма полезен своею службою; *праздный* шатается обыкновенно или без дела у двора, или в непрестанных отпусках, или не служа в отставке, и исчезает с именем презрительного тунеядца.

Запамятовать, забыть, предать забвению

Запамятовал тот, кто не может вспомнить. *Забыл*, кто совсем потерял память о какой-нибудь вещи или деле. *Предать забвению* есть никогда не вспоминать.

Можно *запамятовать* имя судьи, который грабит, но трудно *забыть*, что он грабитель, и само правосудие обязано преступление его не *предавать забвению*.

Власть может повелеть такое-то дело *предать забвению,* но нет на свете власти, которая могла бы повелеть то же самое дело не только *забыть,* ниже *запамятовать.*

Совершить, окончить, прекратить

Совершить есть доделать то, чего много уже сделано. *Оканчивают* начатое, продолжая работу. *Прекращают* те, кои недоконченное прерывают или вовсе уничтожают.

Чтоб написанная купчая имела свое действие, необходимо надобно оную *совершить.* Тяжбу начать легко, да *окончить* трудно. Совестный суд преклоняет судимых *прекращать* распри примирением.

Звание, чин, сан

Звание есть должность, в службе отправляемая, или место, в службе занимаемое. *Чины* суть степени чести, на которые государь достойных людей возводит. *Сан* есть верховное достоинство, сопряженное с важнейшим государственным служением. *Звание,* например, заседателя, председателя, предводителя. *Чин* прапорщика, майора, бригадира. *Сан* наместника, военачальника, градоначальника и проч.

Можно иметь *звание* без *чину,* но стыдно брать *чины* без *звания.* Кто в большом *сане* не имеет большой души, тот не возбудит никогда к себе внутреннего почтения.

В *звание* определяют, *чином* жалуют, *саном* облекают.

Не можно сказать: он пожалован заседателем, ибо в одном месте может заседать и поручик и генерал-поручик. Не можно сказать: он определен бригадиром, ибо, будучи пожалован в сей *чин,* может оставаться при том же *звании,* в которое определен был в прежнем своем *чине. Саном* обыкновенно облекаются больших чинов особы; но не всякий большой *чин* есть *сан,* ибо не всякий большой *чин* налагает важное государственное служение. Есть большие *чины,* в которых нет

никакой нужды иметь больших достоинств, а достигают до них иногда одною знатностию породы, которая есть самое меньшее из всех человеческих достоинств.

Правота, правосудие

Правота есть добродетель, влекущая нас отдавать каждому справедливость. *Правосудие,* кажется, определено награждать и наказывать сходственно с законом. Судья не властен внимать *правоте* своей, а повинен следовать *правосудию,* то есть закону. *Правосудие* есть главное достоинство судьи; но *правота* должна быть главная добродетель государя, ибо он своею *правотою* властен умягчать излишнюю строгость *правосудия.*

Суевер, ханжа, пустосвят, святоша, лицемер

Суевер есть тот, которого вера противна рассудку и здравым понятиям о вышнем существе. *Ханжа* считает в душе своей угодить богу наблюдением всех мелочей, изобретенных суеверием. *Пустосвят* полагает святость в одной пустоте, то есть в действиях, не составляющих никакого истинного богу угождения. *Святоша* выдает себя всенародно за человека, прилепленного к единой святости. Притворно набожный называется *лицемер.*

Ханжа таскается вседневно по церквам, поет молебны не святым, но образам, ибо к одному образу святого имеет всю теплую веру, а к другому того же святого никакой. *Пустосвят* почти никогда к обедне не поспевает. Он бежит в церковь отнюдь не затем, чтоб с умилением сердечным богу помолиться, но чтоб перецеловать все иконы, которые губами достать может. *Святоша* бродит босиком, в волосяной рубашке, иногда и в веригах. *Суевер* есть несчастнейшее создание. Он всеминутно боится бога, не как судию праведного, но как судию грозного. Все кажется ему предвещанием божеского гнева. Он трепещет днем от примет, ночью от сновидений. Он считает себя всегда пред богом без вины виноватым. Подкреплять и распространять суеверие есть ремесло *лицемеров.*

В, во, на

Некоторые писатели почитают правилом *в* писать пред словом, начинающимся с гласной буквы, напр.: *в* опасности, *в* естестве, *в* Очакове; а *во* пред словом, начинающимся с согласной, напр.: *во* Франции, *во* славе, *во* гневе; но мне кажется, что обычай и слух делают такое множество исключений из сего правила, что оного и правилом назвать нельзя.

Смешно было бы говорить и писать: *во* Москве, *во* пороке, *во* глине. Напротив того, мы в самых важных сочинениях читаем: *во* услышание, *во* Апостолах, *во* Израили и проч.

Обычай иногда позволяет *на* употреблять вместо *в* и *во*; напр., вместо: живу *в* Москве, *в* Кубани, *в* Луговой, идем *в* рынок, *в* поле, — говорится: живу *на* Москве, *на* Кубани, *на* Луговой, идем *на* рынок, *на* поле и проч.

Ум, разум, разумение, смысл, рассудок, рассуждение, дарование, понятие, воображение, толк

Все сии названия, изображающие качества души, не имеют никакого определенного знаменования. Всякий произносит оные, как сам понимает. Один *умом* называет *дарование*; другой чрез *дарование* разумеет *понятие*; иной *смысл* мешает с *толком*; иной *толк* именует *разумением*. Словом, надобно из содержания всей речи распознавать, в каком означении употреблено таковое название. Сие неудобство происходит не от недостатков нашего языка, но от человеческого о душе незнания, ибо как можно понимать ясно качества такого существа, которое само собою для нас непостижимо? Часто, как будто в доказательство превосходства французского языка пред нашим, спрашивают: как перевести по-русски esprit? Но прежде, нежели сие слово переводить, надлежит узнать, что́ чрез оное сами французы разумеют. Гельвеций, прославившийся сочинением своим по сей материи, начинает свою книгу точно сими словами: «On dispute tous les jours sur ce qu'on doit appeller esprit: chacun dit son mot;

personne n'attache les mêmes idées à ce mot; et tout le monde parle sans s'entendre».[1] После сего можно ли требовать, чтоб сие слово на какой-нибудь язык переведено быть могло?

Читая наши духовные книги и лучших писателей, старался я приметить, в каком знаменовании в них сии названия приняты. Здесь сообщаю мои примечания.

Из всех изображенных качеств души *ум* кажется главнейшим, ибо содержит в себе все пространство понятия, всю силу воображения и всю действительность души. Апостол Павел, говоря о боге, вопрошает: кто разуме *ум* господень? Небесные духи названы в священном писании: небесные *умы.*

Разум, кажется, применить можно к зрению. Он есть душевное наше око. Об нем судить надобно как о телесном, то есть по его ясности, быстроте или объемлемому им пространству.

Некоторые думают, что *разум* превосходнее *ума* для того, что частица *раз* значит будто усугубление; но мне кажется сие мнение несправедливым, ибо частица *раз* иногда вместо усугубления значит уничтожение, напр.: *расстроить* не значит больше строить, но, напротив того, значит построенное разрушить. Впрочем, производимые от *ума* и *разума* глаголы, кажется, могут решить, которое из сих слов важнее. Кто *умеет,* тот всеконечно *разумеет,* но не всякий тот *умеет,* кто лишь только *разумеет.*

Разумением называется способность примечать бесчисленные отношения во всеобщей стройности вещей. *Смысл* есть первая и самая меньшая степень познания, или первое впечатление души, действием чувств производимое. *Рассудок* есть та естественная способность, коею люди одарены от бога для познания истины. *Рассуждением* называется действие души, судящее о пристойности и непристойности идей человеческих. *Дарованием* именуем отменную к чему-нибудь способ-

---

[1] Вседневно о том спорят, что должно называть словом esprit. Всякий о нем по-своему толкует; никто не присвояет одинаких к нему понятий. Все говорят о нем, не разумея друг друга. *(Перевод Фонвизина.)*

ность, естественную или приобретенную. *Понятие* есть душевная способность мыслить или получать идеи. Чрез *воображение* разумеем ту силу, которою всякое чувствительное существо имеет представлять в разуме своем вещи, чувствам подверженные. *Толк* есть способность вникать.

К объяснению сих названий, может быть, послужит история известного Глупона. С самого младенчества ничего он не обещал. Будучи трех лет, едва имел он *смысл* годового младенца. Учился грамоте так плохо, что не оставалось никакого сумнения о худом его *понятии*. Начали было учить его и рисовать, но бросили, увидя, что не имеет он ни малейшего *разумения;* а как многие Глупоны охотники писать стихи, то и наш напутал превеликую оду, в которой не было ниже искры *воображения*. Словом, во всю свою молодость за что ни принимался, все доказывало, что природа не дала ему никакого *дарования*. Вышед из училища, сделался он господином своих поступок и повел себя так дурно, что ни одной своей страсти не хотел или, паче сказать, не умел подчинить *рассудку*. Вошед в службу, выпросил себе судейское место, но чрез несколько дней все приказные служители, даже до последнего подьячего, смеяться стали *рассуждению* своего начальника. В обществах с ним также странное случалось. Те слова, кои в устах людей острых казались наполненными *разума*, те же самые слова в устах Глупона казались величайшим дурачеством. Счастлив бы он был, если б остался в посредственном состоянии. Никому не было бы нужды обращать на него особливого внимания, но слепой случай сделал Глупона знатным господином, и он впутался в дела. Тут уже вся публика скоро усмотрела и единогласно заключила, что в нем *толку* мало, *ума* не бывало.

Всегда, непрестанно

Всегда значит во всякое время, при всяких случаях, во всяком положении. *Непрестанно* значит без остановки, без прерывания. Не тот писатель хорош, кто пишет *непрестанно*, но тот, кто пишет *всегда* хорошо.

Писец, писатель, сочинитель, творец

Писец называется тот, кто сочиняет свое или чужое переписывает. *Писатель* — кто сочиняет прозою. *Сочинитель* — кто пишет стихами и прозою. *Творец* — кто написал знаменитое сочинение стихами или прозою.

Говорится: *писец* исправный, *писатель* древний или новый, *сочинитель* знаменитый, *творец* славный.

У нас в древности *писцов* было мало; из них отличился Нестор, *писатель* российской истории. Между *сочинителями* нынешнего века славен Ломоносов, *творец* лучших од на российском языке.

Намерение, предприятие, замысел, умысел

Положенное на мере достижение какого-нибудь вида или цели называется *намерение;* когда оно взято и расположено, бывает *предприятие;* когда оно хитро, именуется *замыслом*; когда исполнение оного почитается преступлением, есть *умысел. Намерение* и *предприятие* так в своем знаменовании разнятся, что весьма правильно и нередко употребляем выражение: я *предприял намерение.*

Честный человек никогда не *предприемлет* бесчестного *намерения,* ибо для исполнения оного ум его ни к каким *замыслам* не обратится, и в душе его всякий *умысел* ужас производит.

Письмо, грамота, послание

Под сими именами разумеется всякая переписка между людьми разных состояний. Чрез *письма* сообщают мысли свои люди всякого звания: и государь к подданному, и подданный к государю посылают *письма;* но *грамоты* пишут одни государи. *Письма* древних называются *посланиями.*

Волтеровы *письма* наполнены остротою; *грамота* Филиппова к Аристотелю внимания достойна; *послания* святого Павла богодухновенны.

Стихотворные сочинения, под именем эпистол, недавно начали называть *посланиями.*

Влюбленный, любовник, любитель

Тот *влюблен,* кто в сердце своем страсть любви ощущает; но *любовник* только тот, кто в своей страсти изъяснился. Часто случается видеть *влюбленных,* которые не смеют казаться *любовниками;* но не реже видим *любовников,* которые никогда *влюблены* не бывали. Слово *любитель* не принадлежит до любовной страсти. Так же смешно было бы сказать: он ее *любитель,* как: он *любовник* наук и художеств.

Животное, скот

Все то создание, которое имеет душу живу, называется *животное.* Следственно, человек и *скот* под сие название подходят. Но если человек называется в добром смысле *животным,* то *скотом* иначе не именуется, как в дурном смысле, то есть когда рассудок управляет им не больше как *скотом.*

Люди и *скоты,* составляющие род *животных,* имеют между собою ту разницу, что *скот* никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится *скотом.* «Человек в чести сый, не разуме; приложися *скотом* несмысленным, и уподобися им».

Милый, любезный

Мил, кто любим; *любезен,* кто любви достоин. *Любезный* человек может быть не *мил* и *милый* не *любезен.* Впрочем, слово *любезный* относится к одним людям, а *милый* и к вещам неодушевленным. Говорится: ему не *милы* ни чины, ни деньги, но нельзя сказать: ему ни деньги, ни чины не *любезны.*

Ревность, ревнование

Ревность есть душевное страдание, происходящее от того, когда видим благо, желаемое для самих нас, в обладании у другого. Сие слово употребляется более всего, когда речь идет о любви. *Ревнование* есть род *ревности,* возбуждающее нас с кем-нибудь поравняться

или кого превзойтить в чем ни есть похвалы достойном. Человек, которого сердце растерзано *ревностию,* не может в то ж самое время удобен быть к *ревнованию* в делах великих.

Дом, двор

Дом есть здание для обитания. *Двор* есть место, окруженное стенами или зданиями, составляющее часть дома. Нередко случается, что у большого *дома двор* весьма малый. *Двор* также значит придворных господ и служителей, а *дом* — знаменитое поколение. В немецкой земле княжеские *дома* свои *дворы* имеют.

Мир, тишина, покой

Все сии слова знаменуют состояние, никакому волнению не подверженное; но *мир* означает оное относительно ко внешним неприятелям; *тишина* — к будущему или прошедшему приключению; *покой* изображает сие состояние без всякого отношения.

Худой *мир* лучше доброй брани. Исцеля себя от ложного любочестия, пошел в отставку и живу в *покое.* *Тишина* часто бурю предвещает.

В церковных книгах нередко находим выражения: *мир* ти, евангелие *мира,* князь *мира,* успе в *мире;* следственно, берется за союз, согласие, добрую совесть, блаженство. Давид, раздробляя понятия свои о добром правлении, говорит, что в нем «милость и истина сретостася, правда и *мир* облобызастася».

ПРИМЕЧАНИЕ НА КРИТИКУ, НАПЕЧАТАННУЮ НА 113 и 114 СТРАНИЦАХ II ЧАСТИ «СОБЕСЕДНИКА», КАСАЮЩУЮСЯ ДО ОПЫТА РОССИЙСКОГО СОСЛОВНИКА

126 стр. «*Ветхий* (vetus), *древний и старый,* — говорит г. критик, — одинакое имеют значение и в одинаком берутся смысле; наприм.: *ветхий, древний* и *старый* завет. Но только в том разнятся, что ветхий относится к тленной материи, *древний* ко времени, а *старый* к гниючему или разрушающемуся существу».

Не понимаю, что значит сие примечание и какую разность находит критик между тленною материею и гниючим или разрушающимся существом.

127 стр. «*Проманивать* по этимологическому разбору то же, что и *проводить*. Но к значению, какое дано первому, лучше подходит *обольщать»*.

Г. критик не сказывает того только, по какому этимологическому разбору *проманивать* значит то же, что и *проводить,* и почему к значению, которое дано первому, лучше подходит *обольщать.*

128. «*Учредить, установить, устроить* в одинаком принимаются смысле; напр., можно сказать: *учредить, установить, устроить* порядок».

Не спорю, что в некоторых местах сии глаголы можно употреблять без разбору; но гораздо больше случаев, а особливо в важных и рассуждением наполненных сочинениях, где сии глаголы один вместо другого употреблены быть не могут. Господину критику

думается, что буде надобно цвет зеленый, то всякий зеленый цвет хорош. Нет, часто бывает весьма нужно подобрать тени оного, чтоб удовольствовать глаза приятным видом; но разум, душевное наше око, может ли быть доволен, когда мысль изображена словами, не выражающими всю ее тонкость?

«Синонимы изобретены на тот конец, чтоб попеременно употреблять в пространных сочинениях одно и то же значащие слова, а не для превращения оных в другой смысл».

Сие рассуждение госп[одина] критика жалко слышать. Уже давно решено философами, что одно и то же значащих слов нет на свете. Как же быть им изобретенными на тот конец, чтоб в пространных сочинениях употреблять их попеременно? Если станем рассматривать, в чем состоит сходство синонимов, то найдем, что одно слово не объемлет никогда всего пространства и всей силы знаменования другого слова и что все сходство между ними состоит только в главной идее. Неужели многословие составляет изобилие языка? И какое было бы его дурацкое богатство, если б десять или больше слов изображали в нем одну только идею? Тут память бы лишь тщетно обременялась. Тут один бы слух чувствовал разность в звуке слов, но разум не вкушал бы никакого удовольствия, не ощущая ни силы, ни точности, ни пространства, ни тонкости, каковые могут иметь человеческие мысли. Судя по такой критике, я думаю, что если б г. критик был повар, то б, конечно, в большой обед поставил он с одним кушаньем блюд тридцать.

130. «*Шаль* может быть и весьма умный человек, но, по многокровному и пылкому сложению своему, трогаясь мелочью, выступает из границ благопристойности».

Шаль, конечно, не дурак, но не могу без добрых порук поверить критику, чтоб *шаль* мог быть *весьма* умный человек; напротив того, мне кажется, что *весьма* умный человек никогда не унизит себя быть *шалью*. Я также думаю, что кто, по многокровному и пылкому сложению своему, трогаясь мелочью, как напр. маленькими грамматическими ошибками, выступает из гра-

ниц благопристойности, критикуя то, чего не понимает, тот отнюдь не может назваться *шалью:* надлежит приискать для него в синонимах другое имя.

«Глупец тот, который не соображает действий с последствиями, а не тот, которого ум ограничен».

Издатель Опыта российского сословника никогда не сказывал, чтоб *глупец* был тот, которого ум ограничен. Он сказал, что *глупец* тот, которого ум *весьма* ограничен. Слово *весьма* критик или не прочитал, или с намерением пропустил. В первом случае дурно критиковать, не выучась читать; в другом же умышленное пропущение такого слова, которое содержит в себе всю важность и смысл периода, не доказывало бы доброй его совести. От пропущения слова *весьма* вышло не только великое дурачество, но еще выведено критиком глупейшее заключение. «Потому и все мы, — говорит он, — должны назваться *глупцами,* имея от природы ограниченные умы».

Всего смешнее, что сие нелепое заключение выходит необходимо из объяснения, которое сам критик дает слову *глупец.* Он говорит, что *глупец* тот, который не соображает действий с последствиями, но как от сего точно несоображения все люди делают ошибки, то из мнения г. критика выходит необходимо, что и все люди должны назваться глупцами.

«Для исследования ж таких речений нужно знать философию».

Сие напоминание весьма забавно в устах такого критика, который не умел и прочитать того, что критикует.

Желательно, чтоб из сих примечаний почерпнул критик внутреннее себе убеждение, что для истинной критики не довольно поучиться в гимназии логике школьной, но надлежит иметь природную, без которой первая не стоит ничего.

НАЧЕРТАНИЕ
ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНО-РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА

Толковый словарь славяно-российского языка должен содержать в себе по алфавиту, порядком этимологическим, все известные славяно-российского языка слова и речения, с истолкованием оных употребления и знаменования.

Из сего явствует, что в составлении Толкового словаря надлежит принять во уважение: 1-е, выбор слов и речений; 2-е, грамматическое оных употребление; 3-е, объяснение их знаменования; 4-е, порядок алфавитный. Здесь на каждую из сих четырех статей представляется особенное положение.

СТАТЬЯ 1-я
О ВЫБОРЕ СЛОВ И РЕЧЕНИЙ, ДОЛЖЕНСТВУЮЩИХ ВОЙТИ В ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНО-РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА

Судя по существу слов и речений, составляющих собственно язык славяно-российский, не должны иметь в словаре места:

1-е) Собственные имена людей, городов, морей и проч.

2-е) Все те названия технические наук, художеств и ремесл, кои, не находясь в собственном употребле-

нии, мало известны и одним только ученым, художникам и ремесленникам сведомы.

3-е) Все неблагопристойные слова и речения.

4-е) Все те иностранные слова, кои не вошли еще в такое употребление, чтоб объяснение их в российском словаре необходимо было нужно.

5-е) Как *московское наречие,* не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты, прочим справедливо предпочитается,[1] то провинциальные неизвестные в столицах слова и речения не должны иметь в словаре места, ибо величина книги была бы безмерная и для большей части россиян бесплодна. Из сего правила исключаются те провинциальные слова и речения, кои силою и красотою могут служить к обогащению российского языка.

6-е) Все *длинные* пословицы и присловицы, ибо оные особливый словарь составить могут.

СТАТЬЯ 2-я

О ГРАММАТИЧЕСКОМ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ

По учинении выбора слову надлежит поставить оное в словарь тем правописанием, каковым пишется в церковных книгах и у лучших наших писателей. Сохранение правописания весьма нужно для того, чтоб не закрылись совсем следы произведения и сложения слов; в прочем полезно и потому, что некоторые слова весьма различного знаменования произносятся одинаково и только по правописанию распознаются, например: слово *мир*, когда пишется чрез *ми,* значит тишину, когда пишется чрез *мі,* значит вселенную, когда пишется чрез *мѵ*, значит масть благоуханную.

По написании слова правильным образом надлежит поставить ударение над долгим его слогом. Сие служит к правильному произношению, тем наипаче, что ударения часто составляют разность в самом знаменовании слова: например: *образа́, обра́за; по́лон, поло́н;*

---

[1] См. «Грамматику» Ломоносова. *(Прим. Фонвизина.)*

му́ка, мука́. При *й* кратком надлежит ставить обыкновенную скобку, дабы *мой* не произносить, как *мои.*

Потом, при каждом слове надлежит означить, какую часть речи оно составляет.

При имени отметить существительное или прилагательное, также падеж родительный; при первых означить род и число, при вторых, равно как и при наречиях, буде сравнение неправильное, надлежит представить оное во всех степенях.

При местоимениях означать, какое то есть: личное или возносительное и проч.

Глаголы ставить *во всех* неопределенных наклонениях и означить залог, первое и второе лицо настоящего, изъявительного, прошедшее простое того же наклонения; например: *бросать, бросить, брасывать;* действительное: *бросаю, ешь;* прошедшее: *бросил.* Равным образом замечать и все роды глаголов, как-то: возвратительный, безличный и проч.; или каким глагол падежом управляет.

При наречии, предлоге или междометии надлежит означить, какой падеж принимают.

При союзе примечать, буде он после положительныя, увеличительныя и уменьшительныя, яко производныя, имеет место после своих коренных, и препровождается грамматическими примечаниями.

После сих частных наблюдений остается при каждом слове различить:

1-е) Славянское ли оно, например: *вещати;* или российское, например: *говорить.*

2-е) Буде слово чужестранное, то какое, например: *аминь* еврейское, *философия* греческое, *карандаш* татарское и проч.

3-е) Буде оно сложное и упущением одной или нескольких букв первообразное его так скрытно, что не всякий добраться может, то надлежит сказать, из чего оно сложено; например: *полтора* сложено из *пол* и *второй;* надлежало б выговаривать *полвтора,* но буква *в* опущена для удобности выговора.

4-е) Все грамматические примечания должны препровождаемы быть примерами, нарочно сочиненными или взятыми из церковных и лучших наших писателей.

СТАТЬЯ 3-я

О ЗНАМЕНОВАНИИ СЛОВ И РЕЧЕНИЙ

По совершении над словом всех грамматических примечаний, предписанных вторую статьею, надлежит приступить к объяснению его знаменования.

Удобнейший к сему способ составляют сослова (sinonim). Надлежит к каждому слову приписать столько сослов, сколько найти можно; но при сем примечается, что сослова не заключают в себе с точностию одинакого смысла и что не всегда одно за другое употребляться может. После сослов следует объяснение (definito); но как сии объяснения состоят в истолковании одного слова чрез другое, то и следует, что [объяснение] должно быть необходимо таким словом, которого никогда объяснять не надлежит, ибо иначе объяснения составили бы круг, в котором одно слово было бы толкуемо другим, коему оно само равным же образом служило бы толкованием. Но какие же те слова, кои не могут и не должны быть объясняемы? На сие правило делать невозможно, ибо от иных те слова почитаются могущими быть объясняемы, но таковыми от других не почитаются; например: *душа, расстояние* и проч. Со всем тем, много слов есть таких, коим, по общему всех согласию, не надлежит делать объяснения. Такие слова по большей части бывают те, кои означают всеобщие существ собственности, например: *бытие, пространство, время* и проч.

Итак, буде рассуждено будет придать слову объяснение, то надлежит сделать оное внятно, точно и сколь возможно кратко, ибо тут краткость помогает ясности. Когда необходимость велит изъяснить идею посредством других сторонних, то стараться надобно, чтоб число сих последних было как можно меньше. Не краткость темноту производит, но худой выбор в идеях и худой в оных порядок. Тот кратко и внятно изъясняется, кто сказывает что одним словом и таким образом, каким сказать должно. Хорошие математические объяснения неоспоримо свидетельствуют, что краткость не только ясности не уменьшает, но весьма ей способствует. Надлежит принять за правило, чтоб объяснение слова упадало, во-первых, на точный его смысл, а не на смысл

распространенный. Слово *скорбь,* например, относится в нашем языке к болезненному *телочувству* и к душевному страданию, но точный смысл сего слова означает телесную болезнь, а отсюда распространен оный и до страдания души. Надобно, чтоб сие в объяснении весьма внятно изображено было.

Что сказано здесь о точном смысле, относительно до смысла распространенного, должно сказать и о смысле собственном. Относительно до смысла метафорического объяснения, должно упадать всегда на один собственный смысл, а метафорический присовокупляется, яко следствие и зависимость от первого. Надлежит великое приложить старание к объяснению сего метафорического смысла, составляющего главное обилие языков, которое без размножения слов достигнуто. Однако ж до изображения толь великого числа идей можно приметить, а особливо в стихотворных и витийственных сочинениях, что весьма многие слова употребляются в них в метафорическом смысле и что собственный разум сих слов почти всегда означает нечто чувствительное. Есть еще слова, например: *ослепление,* кои в *одном* только метафорическом смысле употребляются; но хотя они и не поставляются нигде в собственном смысле, однако объяснение должно упадать всегда на смысл собственный, с примечанием притом, что обычай не позволяет употреблять сего слова иначе, как в смысле фигуральном. Впрочем, как метафорическое знаменование слова не всегда столько определено и ограничено, чтоб не могло оно получить некоторого распространения по мере ума и воображения сочинительства, то из сего следует, что на словарь строго взыскивать не можно. Всех знаменований и присвоений метафорических довольно, если в нем больше употребительных. По объяснении точного распространенного метафорического смысла надлежит различить слова, употребляемые в разговорах, от слов, в писании только употребляемых; слова, слышимые в благородных беседах, от тех, кои язык черни составляют; слова, начинающие стареться, от слов, вновь вводимых, и проч.

Краткие пословицы должны иметь в словаре слов и речений объяснения; но, с другой стороны, сей самый

порядок неудобен для приискания, ибо кто не знает, что, например, слово *отповедь,* яко сложное из предлогов *от* и *по* и из глагола *ведать,* имеет место свое в букве *в,* под глаголом *ведать;* для такового этимологический словарь был бы бесполезен; ради отвращения сего неудобства надлежит непременно приобщить к словарю, по примеру Целляриева лексикона, таблицу аналогическую, т. е. список всех находящихся в словаре слов и речений по алфавиту, с означением листов, на которых в словаре каждое слово отыскать можно.

В порядке этимологическом следующее наблюдать надлежит:

1) Коренное слово имеет первое место и отличается большими буквами. За ним его производные с своими сложными. За ними сложные с своими производными, за коими следуют их сложные, и так далее, до тех пор, пока все от коренного происходящие и сложные слова помещены будут.

2) После каждого слова следует грамматическое место с истолкованием; например: *рука руку моет,* т. е. один другому пособляет взаимно.

3) Все различные употребительные выражения и присловицы должны быть так же истолкованы, например: *ни дать ни взять,* т. е. точно; *любить красное словцо,* то есть любить лгать. При именах, от глаголов и при глаголах от имен происходящих, для избежания повторения никаких сослов и объяснений прибавлять не надобно, разве смысл производимых бывает больше или меньше распространен, нежели смысл первообразного, или же и вовсе в различном с ним разуме употребляется.

Нужно также упомянуть, что в славяно-российском языке есть слова, совершенно между собою в знаменовании сходствующие, но в разных смыслах употребляются; например, *чело,* лоб; *око,* глаз; *щека,* ланита. При слове *око,* в лит[ере] *о,* надобно, приписав слово *глаз,* сказать, которое в каком смысле употребляется; но при слове *глаз,* в лит[ере] *г,* надлежит сделать примечания грамматические без всякого объяснения; а в таблице аналогической должно означить цифры обоих листов словаря, где найти слова *глаз* и *око.*

При словах иностранных стараться ставить равносильные нашему языку, доселе известные или вновь сделанные.

После объяснения обыкновенно следует пример или же несколько примеров для большей внятности.

Буде слово, посредством своих сослов и примеров, кажется довольно истолковано, то нет нужды прибавлять к нему объяснения; но буде при ином слове не токмо объяснение показалось бы нужно, или нашлось бы невозможным, да и сослов его отыскать не было б удобности, то в таком случае можно довольствоваться одним примером с означением книги и листа, откуда оный почерпнут.

СТАТЬЯ 4-я

О ПОРЯДКЕ АЛФАВИТНОМ

В самом начале сего начертания сказано, что Толковый словарь славяно-российского языка должен быть составлен порядком этимологическим. Сей порядок весьма полезен для определения языка, ибо чрез оный открывается первообразность, происхождение и сложение [слов][1] . . . .

. . . .

примечания, за ними сословы, потом объяснения и, наконец, примеры.

После сего то же самое слово, буде нужно, повторяется в новой строке, и распространенный смысл объясняется и примерами препровождается.

4-е) После сего то же самое слово, буде нужно, паки повторяется в новой строке, и метафорический его смысл объясняется с прибавлением одного или нескольких примеров.

5-е) По сем следуют пословицы, присловицы и принятые выражения с объяснениями.

6-е) Буде то самое слово есть название техническое, то повторяется еще в новой строке, и прибавляется к сему объяснение.

[1] Видимо, здесь пропущено несколько строк текста.

7-е) Грамматические примечания должны быть написаны сокращенно; например: *сущ.* значить будет существительное, *действ.* — действительное. Истолкование сих сокращений может быть в начале словаря напечатано на особливом листе. Для прочих же отличений можно определить знаки, например: * будет значить, что слово происходит от греческого, а ** — от латинского, и так далее.

8-е) Для текста словаря четырех шрифтов довольно: один крупный, для коренных слов; другой мельче, для повторения слов в новых строках; третий еще мельче, для грамматических примечаний, для сослов и объяснений; четвертый курсив, для пословиц, присловиц, разных выражений и примеров.

СПОСОБ,
КОИМ РАБОТА ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНО-РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА СКОРЕЕ И УДОБНЕЕ ПРОИЗВОДИТЬСЯ МОЖЕТ

Главная работа в сочинении словаря должна быть поручена тем из господ членов, кои имеют знания и удобности к принятию на себя сего важного труда и которых число не должно быть менее пятнадцати; прочие же господа члены не оставят, по долгу знания своего, им способствовать и быть полезными их сотрудниками.

Во-первых, надлежит собрать все те печатные и рукописные книги, кои словарю материалами служить могут; печатные суть: Целляриев лексикон, Трехъязычный словарь Поликарпова, Симфония на Новый завет, Симфония на псалтырь, Словарь церковный.

Из рукописных, сколько известно, способствовать могут: труд покойного Тауберта и Кондратовича, также Симфония на Ветхий завет иеромонаха Иллариона.

Собрание сих материалов должно быть разделено поровну на 15 частей и отдано по одной части на каждого из помянутых пятнадцати особ для выписывания из сих материалов всех слов и речений по алфавиту, аналогическим порядком. Раздача должна быть разделена по буквам, размеряя труды так, что если у которого буква мала, то придать часть другой (перемена двух печатных листов большого труда не составляет), и если каждый из 15 членов возьмет на себя выписывать четыре тысячи

слов, кои обыкновенно не более как на двух печатных листах помещаются, то в несколько дней будет иметь аналогическую таблицу шестидесяти тысяч слов коренных, производимых и сложных. Основание словарю весьма достаточное, но не составляющее, однако ж, и половинного числа слов и речений лексикона Французской академии.

По выписании сего количества слов и речений по алфавиту надлежит прочитать сию аналогическую таблицу в Академии, по рассмотрении которой исключаются из таблицы все те слова и речения, коих предписано в первой статье начертания сей таблицы. Должно напечатать не менее ста экземпляров для вручения господам членам и некоторым из знающих российский язык особам, дабы каждый мог прибавить те слова и речения, кои в таблицах найдет опущенными. Сии дополнения доставляются господам секретарям Академии, и, дабы словарь был сколь возможно полнее, весьма было бы полезно, чтобы господа члены, желающие споспешествовать восприявшим главную работу пятнадцати особам, поделили между собой прочтение наших церковных книг и лучших писателей; из них заслуживают особливого примечания: Маргарит Ирмолог, Октоих, Триодь постная, Триодь цветная, Минея праздничная, книга Назианзина, Беседы Златоустовы на Новый завет; Несторов летописец, Летописцы Архангелогородский и Новогородский; сочинения: господ Ломоносова и Сумарокова, древняя Вивлиофика, «Трудолюбивая пчела», «Труды Вольного российского собрания», «Собеседник любителей российского слова».

Если б при чтении был принят труд выписывать с означением книжной страницы все те слова и речения, коих нет в таблице и кои достойны иметь в словаре место, то словарь содержал бы в себе действительно истинные сокровища нашего языка.

Между тем как сие способствование производится, помянутые 15 особ разделят между собою аналогическую таблицу, дабы из оной составить порядок этимологический, наблюдая все то, что предписано первым пунктом четвертой статьи начертания. Сия работа многого времени не востребует, тем наипаче, что число

сотрудников может быть умножено и отсутствующими членами, ибо всякий, кто хочет, может, получа аналогическую печатную таблицу, взять букву и привести ее в порядок этимологически; в разделении букв наблюдать должно то только, чтоб двое не взяли одинаковой буквы, ибо здесь двойная работа была бы совершенно бесполезна.

Как скоро приведение всех слов и речений в этимологический порядок совершится, то помянутые пятнадцать особ разделяют между собою обработывание каждого слова и речения на три части следующим образом: пять человек отделяются для исполнения по второй статье начертания, и сей отдел называться будет *Грамматикальным;* пять человек, исполняющие предписанное третьею статьею начертания, будут составлять *Отдел объясняющий;* наконец, пять человек, исполняющие четвертую статью начертания, составят *Отдел издателей.*

Как работа отделов первого и второго независимо одна от другой производиться может, то по обработывании каждой буквы и тот и другой отдел доставляют свои работы к издателям, кои, приведя все слова и речения в порядок, предписанный четвертою статьею начертания, приносят всю трех отделов работу на рассмотрение в общее собрание Академии, после чего возвращается она к издателям для печатания.

Остается сделать положение относительно до технических названий. Довольно, если в Российском словаре будет оных столько, сколько, например, в лексиконе Французской академии. Но как наша Академия никаких материалов к составлению технических названий, сколько известно, не имеет и оным аналогической таблицы сделать не из чего, то наилучший способ к собранию их состоит, кажется, в том, чтоб поручить двум или трем из господ членов выписывание таковых названий из лексикона Французской академии на особенных листах, то есть: богословские особливо, математические особливо и проч. Потом каждый член Академии, по мере знания своего в науках и художествах, по охоте своей к ремеслам и по удобности своего времени, берет выписанные на особенном листу слова и речения той науки

или художества, в чем более имеет знания, и, переведя оные на российский язык, придаст к ним довольное объяснение; труды же свои отсылает к господам секретарям для доставления к издателям, кои объясненное техническое название вносят в надлежащее в словаре место и представляют потом Академии на рассмотрение.

Сверх тех названий технических, кои находятся в лексиконе Французской академии, необходимо должны иметь в словаре место и те, кои употребляемы были в древнем российском законодательстве и в разных грамотах. Объяснение таковых слов для разбирательства разных случаев и дел, получивших основание свое и право в древности, весьма может быть полезно в рассуждении провинциальных слов, употребляемых в промыслах, рукоделиях и проч. Отсутствующие члены не оставят в местах своего пребывания таковые слова собирать и сообщать Академии. Для других же мест, где она своих членов не имеет, может просить тамошних господ начальников, чтоб препоручили они знающим людям сделать собрание техническим словам по представлению Академии. Сим образом, кажется, работа Толкового славяно-российского словаря пройдет с успехом, и всякий член, по мере знания и удобностей своих, может способствовать тем своим сочленам, кои главный труд на себя принять благоволят. Польза своих сограждан и чувство их признательности за труды, бескорыстно для них подъемлемые, есть достойная награда всем подвигам граждан благомыслящих.

[В ЗАЩИТУ «НАЧЕРТАНИЯ»]

Москва, 1784 года.

Мучительная головная боль целые две недели меня не покидала и препятствовала мне отвечать на дружеское письмо ваше от 7-го сего месяца. Позвольте вас искренно поздравить как с табакеркою, так и со всеобщею похвалою вашему переводу, которого экземпляр, получив от вас, читал я с большим удовольствием.

Теперь лежат у меня перед глазами примечания Ивана Никитича Болтина на «Начертание» нашего словаря. Я в сие дело не мешаюсь, потому что Академия представления его почти все уже приняла, «Начертание» переменено, и, следственно, все дело кончено. Почитаю решение Академии; но чтоб иметь удовольствие с вами более побеседовать, хочу сообщить здесь мнение мое о сих переменах. Посвящаю вам целое утро. Боюсь только, чтоб материя моя не завела меня далеко и чтоб письмо мое не сделалось тетрадью. В таком случае прошу вас дружески его не дочитывать: я лучше хочу не быть читан, нежели быть скучен. А всего более прошу вас не делать из сего письма никакого употребления, в чем на скромность вашу совершенно полагаюсь.

Как *примечания*, так и *резоны*, для которых Академия решилась их принять и апробованное «Начертание» переменить, не произвели во мне, признаюсь вам, никакого убеждения. Чтоб меня удобнее понять, пожалуйте, прочтите наперед те *примечания* и письмо, при котором г. секретарь Академии препроводил оные к Ивану Ива-

новичу Мелиссино, а потом уже продолжайте, если вам угодно, читать то, что теперь писать стану.

Собственные имена отнюдь не составляют существа языка, а *уменьшительные* их еще меньше, и если *Ивану* нет места в лексиконе, тем менее *Ваньке* такая претензия прилична. Что ж касается до *увеличивательных*, будто духовными особами употребляемых, то я отроду не слыхивал, чтоб собственные имена имели когда-нибудь *увеличивательные*. Знаю, что бывают они полные и сокращенные, наприм.: *Иоанн, Иван;* но не думаю, чтоб какой-нибудь архиерей назвал себя когда-нибудь *смиренный Иоаннище*. Буде имя *Иоанн* для того *увеличивательное*, что содержит больше слогов и букв, нежели *Иван*, то по сему правилу *Василиса* было б увеличивательнее *Вассы*. Я не стану говорить об *Акулине*, которая титло имени *увеличивательного* никогда не согласится из доброй воли уступить *Акилине*, имея с нею равное число букв и слогов.

Если б полагать, что *уменьшительные* имен собственных принадлежат к нашему словарю, то, без сомнения, принадлежат к нему и происходящие от собственных *прилагательные*, напр.: от *Петра* — *Петров*, от *Никиты* — *Никитин;* равным образом и отчества, напр.: *Кузьмич, Матвеич, Кузьминишна, Матвеевна*. Рассудите, не грешно ли терять время на такие бесплодные упражнения?

Академия положила принять в словарь из собственных имен только самые употребительные; но как можно определить, которое имя есть самое употребительное и которое нет? — Всякий за свое имя вступится. В вашем доме *Осип*, в моем *Денис* весьма употребительны, и мне кажется, что всякое имя нарекается христианину при святом крещении точно для того, чтоб оно было употребительно. Верьте мне, что буде в лексиконе нашем поместятся и одни те, кои признаны будут самыми употребительными, то они с своими *уменьшительными*, *приветственными*, *уничижительными* и проч. составят в словаре нашем одних *Петрушек, Ванюшек, Анюток, Марфуток* по крайней мере не меньше тридцати тысяч душ. Тридцать тысяч душ иметь хорошо, но не в лексиконе!

Что некоторые собственные имена употребляются в пословицах, то не составляет причины к помещению их в словарь нашей Академии. Все такие пословицы, где есть *Сенюшки* и *Фили,* весьма низки и умом и выражением; желательно, чтоб они вовсе были забыты. И в самой лучшей пословице, которая в примечаниях написана и которая начинается: *как у Сенюшки есть денежки,* сказано бедному Семену не меньше как...

Между резонами для принятия в словарь имен собственных Академия уважила, что «в древних наших челобитных и производствах просители употребляли имена уменьшительные». Но, уважив сей резон, приняла совсем, коли смею сказать, противоречащее ему правило: *внесть в словарь собственные имена только самые употребительные.* Неужели в нашей древности мог подавать челобитье тот только, кто назывался, напр., Иваном или Петром? Я уверен, что *Гурий* и *Варсонофий* равное с ними имели право; а по сему резону, если собственные имена в словарь принимать, то принимать все: в каковом случае бесплодное приращение словаря, простираясь еще на несколько фолиантов, отдалило бы благополучное оного окончание на бесконечные веки.

Имена: *Филя, Федора,* конечно, в словарь наш внесены быть должны, но не как имена собственные, а как имена, употребляющиеся в метафорическом смысле. Я желал бы еще, чтоб помещены были все содержащие метафорический смысл собственные имена особ, прославившихся в истории как добродетелями, так и пороками. Я желал бы, например, чтоб в словаре нашем было истолковано, что имя *Нерон* заключает в себе идею лютого тирана, *Тит* — государя милосердого, *Сарданапал* — тирана сладострастного; что *Зоилом* именуется злобный и презрительный критик; что имя *Катилина* сделалось титлом высокомерного врага отечеству. Сим образом потомство судит деяния своих предков. Таковой суд есть достойное возмездие порока, достойная награда добродетели. Сие нечувствительно обращает мысль мою на счастие нашего времени, ибо нет сомнения, что, когда отдаленнейшие потомки станут читать новые грядущих времен издания нашего Толкового сло-

варя, уже найдут они в нем имя Екатерины в разуме слова, знаменующего премудрую монархиню.

Г. сочинитель *примечаний* в одном месте говорит, что «нынешний лексикон Французской академии признается от всех вообще лучшим словарем». Я сам того же мнения и весьма согласен держаться всего, что в нем наблюдаемо. Тогда бы в нашем словаре не было ничего лишнего; в нем не найдете вы ни *Anne,* ни *Annette,* ни *Pierre,* ни *Pierrot.*

Вследствие *примечаний* Академия определила внесть в словарь названия государств, столиц и знатнейших российских городов. Если б я случился тогда с вами, то взял бы смелость поспорить. Теперь в словарь наш войдет, например, *Франция.* Сделаем ей дефиницию кратчайшую: «Франция есть большое европейское государство, окруженное Нидерландами, Германиею, Швейцариею, Савойскою Землею, Средиземным морем, Пиринейскими горами и океаном. Оно находится между 13 и 26 градусами долготы и между 42 и 51 градусами широты». Пожалуйте, скажите, положение Франции, счет градусов долготы и широты ее составляет ли существо славяно-российского языка? Мне кажется, что, нашед в нашем словаре сию дефиницию, я так же бы удивился, как если б в словаре географическом нашел, что «Франция есть имя собственное, число единственное, рода женского». Г. сочинитель *примечаний* говорит, что знание положения земель весьма полезно. Без сомнения; но я уверен, что он также признает полезным и знание грамматики: следует ли же из того, чтоб в географию заехала грамматика, а в грамматику география? Мне кажется, всякая вещь должна быть в своем месте. Всего бы лучше держаться и в сем случае лексикона Французской академии. В нем не найдете вы ни *France,* ни *Français,* ни *Anglais.* Найдете *Juif,* но с следующим примечанием: Juif, subst. masc. On ne met pas ici ce mot comme le nom d'une nation, mais parce qu'il s'emploit figurement en quelques phrases de la langue. Ainsi on appelle Juif un homme qui prête à usure etc.[1]

---

[1] Жид, существительное мужского рода. Это слово не обозначает здесь национальности, но употребляется в некоторых

Я весьма согласен дать в сем разуме *жиду* место и в нашем словаре, но не пускать в него *иудеянина.*

В рассуждении технических терминов, г. сочинитель *примечаний,* кажется, весьма недоволен нашим «Начертанием». Он «воображает себе россиянина, который, ухватясь за наш словарь, ищет в нем слов: *аберрация, перигей, эпакта, архитрава;* представляем себе досаду его, когда он, рывшись по всему, не найдет в нем искомых слов; какое справедливое будет его негодование на сочинителей! Как они в вине своей останутся безмолвны!» Если б сия несчастная сцена при мне приключилась, я не дал бы ей долго продолжаться: раскрыл бы при нем наш словарь, указал бы ему в нем *аберрацию, перигея* и спросил бы его без чинов: «да за что же ты бранишься?» И действительно, ежели словарь делан будет по начертанию, то каждое из сих слов в своем месте найдется. В «Начертании» исключаются те только названия технические, кои одним ученым известны; но как многим неастрономам известны *аберрация* и *перигей,* многим нехронологам знакома *эпакта,* многие неархитекторы знают, чтó *архитрава,* то в силу «Начертания» все сии слова должны непременно иметь место в нашем словаре. Буде же кто захочет искать в нем названий, напр., каждой корабельной веревочки, и, не нашед их, изволит рассердиться, — пусть его гневается! Мы не виноваты, если кто в словаре нашем не найдет того, чего искать в нем не должно.

Je reviens toujours à mes moutons.[1] Станем держаться лексикона Французской академии; в нем есть aberration, périgée, épacte, architrave; но со всем тем сочинители наблюдали строго правило: de n'admettre dans leur dictionnaire que les termes élémentaires des sciences, des arts et même ceux des métiers, qu'un homme de lettres est dans le cas de trouver dans des ouvrages, où l'on ne traite pas expressément des matières aux quelles ces termes appartiennent.[2]

случаях в переносном смысле. Так, жидом называют человека, который ссужает деньги под проценты, и т. д. *(франц.).*

[1] Я снова возвращаюсь к моим баранам *(франц.).*

[2] Помещать в словарь только такие термины наук, искусств и даже ремесл, которые могут встретиться в сочинениях, не

Далее в *примечаниях* нашел я следующее, совсем излишнее рассуждение: «Провинциальные слова, неизвестные или не употребляемые в столицах, напрасно изгонять из словаря, ибо некоторые из них послужат к обогащению языка, каковы суть: *луда, тундра* и проч.». Правда, что если б в «Начертании» таковое изгнание предписано было, может быть, в словаре нашем не было б ни *луды,* ни *тундры.* Воля господня! И тут беда была б невелика; но как именно сказано в «Начертании», что «должны иметь в словаре место все те провинциальные слова, кои служат к обогащению нашего языка», то буде *луда* и *тундра* очень хороши, найдут и они место в нашем словаре.

Академия ныне решилась «ставить глаголы, *как то и должно было,* в первом лице настоящего времени, ибо многие разное знаменование имеющие глаголы одинаково пишутся в неопределенном, напр., *жну, жать* и *жму, жать*». Не понимаю, почему глаголы так ставить должно было; уверен я, напротив того, что в нашем языке весьма мало сыщется глаголов подобных *жну, жать* и *жму, жать.* Против каждого из них берусь выставить другой, который, имея разное знаменование, пишется в первом лице одинаково, напр., *лазить, лажу* и *ладить, лажу; петь, пою* и *поить, пою.* Есть хорошие лексиконы, где глаголы ставятся в первом лице; есть очень же хорошие, где они ставятся в неопределенном. В сей перемене не вижу никакой выгоды, но вижу замешательство, и весьма великое, ибо наша аналогическая таблица, которая уже и печатается, чаятельно вся содержит глаголы в неопределенном. Теперь надобно переводить их на новые квартиры: *быть* из литеры Б отправить в литеру Е — *есмь; слать* из литеры С в литеру Ш — *шлю* и проч.

Г. сочинитель *примечаний* делает в одном месте дефиницию Толкового словаря и, вмещая в него все то, что только может вместиться в пространнейшую энциклопедию, выводит заключение, «что словарь наш наименован толковым, а в «Начертании» не видит он

посвященных исключительно тому знанию, из которого эти термины заимствованы *(франц.)*.

намерения, чтоб таковым его делать». На сие скажу, что Российская академия поручила комитету сделать «Начертание» Толкового словаря не наук и художеств, но *славяно-российского языка;* а чтоб сие наименование не произвело о нем такого понятия, какое г-н сочинитель *примечаний* имеет о существе Толкового словаря, то комитет в самом начале «Начертания» сделал своему словарю точную дефиницию. Следственно, и остается судить теперь единственно о том, содержит ли в себе «Начертание» все то, чего требует сделанная комитетом дефиниция. Монтескье говорит: quand un écrivain a défini un mot dans son ouvrage, quand il a donne, pour ainsi dire, son dictionnaire, il faut entendre ses paroles suivant la signification qu'il leur a donnée.[1]

В *примечаниях* раскритикован употребляемый мною термин *сослово* и преображен в *сослов.* Может быть, я и виноват. Но мне кажется, буде наш язык терпит такие составные слова, как *сотоварищ, соучастник, соправитель,* для чего ж бы не сказать и *сослово?* Г. критик говорит, что «оно, будучи похоже на *сословие,* приводит мысль в замешательство». Сей резон не весьма убедителен. Поэтому надобно тем наипаче исключить из языка нашего слово *баба,* ибо оно может приводить мысль в замешательство больше *сослова.* Оно напоминает *женщину, птицу* и ту *бабу,* которою сваи набивают. Впрочем, если Академия отвергнет мой термин, я повиноваться буду ее решению. Не стану употреблять *сослово* и, покинув перо, пишущее *Сословник,* охотно скажу: «конец, и богу слава!»

Главнейшее *примечание* осталось, как слышу, без решения, то есть: расположить словарь аналогическим ли порядком или этимологическим? Резоны против «Начертания» кажутся мне нимало не основательны. Таблица аналогическая отнюдь не есть второй словарь, но есть истинная и полезная table des matières (оглавление) нашего Толкового словаря. Неужель состоящая в двух томах подобная таблица словаря энциклопеди-

---

[1] Когда писатель определил значение слова, им употребленного, когда он, так сказать, дал свой словарь, то нужно понимать его речи в том самом смысле, какой он придает им *(франц.).*

ческого есть вторая энциклопедия? Г. сочинитель *примечаний* говорит, что «в этимологическом лексиконе, нашед *иногда* указанную страницу, не прежде сыщешь в ней слово, как по прочтении ее с начала до конца». Сие *иногда* случается не реже и с лексиконом аналогическим; но и в том и в другом нет, конечно, нужды читать страницу с начала до конца, а надобно ее обозреть, потому что не в естестве вещей в один миг попадать глазами на искомое слово. Что же надлежит до первого издания лексикона Французской академии, который был этимологический, то, конечно, неудобности его были весьма велики, ибо не было при нем той таблицы, которая все неудобства отвращает и которая будет при нашем словаре. Впрочем, я то знаю, что из словаря *этимологического* шестьдесят подьячих в один год сделают словарь *аналогический*, а из словаря *аналогического* шестьдесят членов Российской академии ни в пять лет не сделают словаря *этимологического*.

Письмо мое несносно длинно. Чувствую, что нет в нем ни складу, ни ладу; но я пишу к другу.[1] Надеюсь от него такого снисхождения, с каким искренним почтением и преданностию пребываю...

---

[1] О. П. Козодавлеву.

ПЕРЕВОДЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

БАСНИ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ С ИЗЪЯСНЕНИЯМИ ГОСПОДИНА БАРОНА ГОЛБЕРГА

БАСНЬ 1

ПУТЕШЕСТВИЕ ГОЛУБЯ В ЧУЖИЕ КРАИ

Голубь, будучи в крайней опасности от ястреба и других хищных птиц, предприял наконец оставить свое отечество и искать такого места, где б остаток жизни мог препроводить спокойно и избавиться от опасности, которой был он подвержен в своем отечестве. Потом простился с своими приятелями и начал путешествие. По долговременном летании прибыл в весьма отдаленный город, где рассудил остаться; однако не прошло еще получаса, как увидел ястреба на башне.

— Так ты и здесь еще? — сказал он в крайней досаде. — Если б я это знал, то б, конечно, все равно мне было и в моем отечестве остаться.

Баснь сия учит, что в свете будучи, нигде несчастия избежать не можно; оскорбления могут быть, хотя и под разным видом, равно чувствительны.

БАСНЬ 2

КРЕСТЬЯНИН И СОБАКА

Богатый крестьянин увидел в лесу собаку, которая остерегала его от разбойников, сказывая ему, что они уже близко и чтоб он, как возможно, спасался бегом.

Мужик просил ее остаться с ним для защищения; на то ответствовала она ему, что собственная жизнь ей еще мила и невозможно ей противиться столь многим вооруженным людям. Наконец мужик убедил ее просьбой, обещая свободный доступ в свою поварню, на что она согласилась, и он положился на ее сильное защищение. Скоро потом появилися разбойники. Собака встретила их с такою яростию, что двоих умертвила, а третий принужден был спасаться бегом. После сей победы напоминала она ему о его обещании, которое подтверждал он сильным обнадеживанием. Но как скоро мужик пришел домой и сказал о сем своей жене, то ругала она его до тех пор, пока принужден был отменить свое слово. Собака, уверена будучи заключенным договором, пошла прямо в поварню, откуда прогнали ее дубиною, так что от ударов насилу могла опамятоваться.

Баснь доказывает, что великие благодеяния часто весьма худо награждаются.

БАСНЬ 3

КОТ СДЕЛАЛСЯ ПУСТЫННИКОМ

Кот, приметив, что не может более находить себе добычи и что мыши, вызнав все его искусство, обыкновенно имели великую осторожность, предприял быть пустынником, чтоб тем способнее обманывать под видом лицемерия. Он пришел к красильщику и велел себя вычернить, будто желает уже оставить свет и надеть черное пустынническое платье. Мыши, сие услыша, весьма обрадовались, думая, что избавились совсем страху и опасности и уверены будучи, что пустынники не едят мяса. Таким образом, не только не убегали они своего неприятеля, но еще и старались завести с ним знакомство. Кот продолжал такой поступок несколько времени, чтоб тем более пользоваться их чистосердечием. Наконец, когда собралось уже великое множество мышей, то отложил он притворство, так что от когтей его избавилась только одна

мышь, которая сказала ему, как жестокому своему неприятелю:

— Злодейство твое было и в мире живучи весьма велико, но с тех пор, как стал ты пустынником, то совсем пришел уже в свирепость.

Басню сия учит, сколь много должно опасаться лицемерия.

БАСНЬ 4

ЛИСИЦА ПОКАЗЫВАЕТ ОПЫТ СВОЕГО ЛУКАВСТВА

Лисица, проведав, что крестьянин поедет в город с товаром, которым и она пользоваться желала, начала искать способ произвесть в действо свое предприятие. Она довольно видела, сколь много в том затруднений; хотя и делала себе воображение о преодолении оных, однако опасалась немало, чтоб не потерять притом и жизнь свою. Наконец она отважилась, рассуждая, что, будучи в таком промысле, не должно быть столь много робкой. Итак, легла она на дороге, притворяясь мертвою. Мужик, увидев ее так лежащую, не мог утерпеть, чтоб не пожелать кожи мертвой лисицы; однако он ведал, сколь велико лукавство сего зверя; таким образом, ударил он ее трижды плетью весьма жестоко, чтоб узнать, подлинно ли она мертва. Лисица вытерпела удары с геройскою твердостию, так что мужик, не сумневаясь более, кинул ее на свой воз и продолжал путь свой. Между тем, лисица выбрала себе лучшее кушанье изо всего товару и, наевшись столь много, сколько хотела, выскочила из телеги; а мужик, приехав на рынок, не только не нашел лисицы, да и увидел еще, что большая часть лучших его товаров были объедены.

Басню сия показывает, что бывают в свете люди, кои охотно подвергают опасности жизнь, только б исполнить свое желание.

БАСНЬ 5

ОБ ОСЛЕ, КОТОРЫЙ ПРИНЯЛ НА СЕБЯ ДОКТОРСКУЮ ДОЛЖНОСТЬ

Волк занемог горячкою и требовал доктора. Осел, услышав то, представил ему услугу и был скоро принят в сию должность; однако следствие показало, что болезнь, несмотря на ословы лекарства, усилилась еще более и волк чувствовал уже в себе крайнюю слабость, чего ради не пропустил он осла вести в суд, обвиняя его убивством. Оба они пришли ко льву, так, как к главному судье. В суде нашлось, что осел принял на себя такое дело, которого не разумел нимало. И сие то было причиною строгого решения для волка, которое состояло в том, что не дано ему никакого удовольствия и велено всю вину приписывать самому себе, для того что выбрал он осла доктором, знав уже, сколь велико было его искусство в медицине.

Баснь сия учит, что не должно полагать дела на такого, который их не разумеет. В противном же случае должно будет жаловаться самому на себя.

БАСНЬ 6

О ТЕРНОВНИКЕ

Терновник жаловался Юпитеру, для чего дал он ему столь дурной вид, на что Юпитер так ему ответствовал: — Ты для терновника создан довольно хорошо.

Баснь сия доказывает, что всякая тварь в своем роде совершенна. Человек не может жаловаться, для чего он не так создан, как ангел, ибо он для того и создан, чтоб быть человеком. Лошадь не может негодовать на то, для чего не имеет крылья и не летает так, как птица, потому что она создана быть лошадью, и свинья в своем роде довольно хороша.

БАСНЬ 7

КОЗЕЛ ФИЛОСОФ

Козел, которому наскучил свет печальными приключениями, принял намерение философствовать. Он, не зная, собственно, что надлежит до философа, спрашивал о том кошку, которая сделала ему тотчас описание общенародного мнения о философе. Она говорила:

— Философ должен иметь длинную бороду.

— В ней нет у меня недостатку, — отвечал козел, — я ее имею, да еще такую, какую имеют редкие звери.

— Философ должен иметь рога во лбу, — продолжала кошка, — которыми бы встречал он всякого, кто не согласен с философскими его мнениями.

— Ты видишь, — ответствовал козел, — сколь они у меня велики.

— Философ, — говорила еще кошка, — должен непременно самые бездельные свои мнения защищать с жестокою яростию.

— Это я и делаю, — сказал козел, — ты знаешь, сколь много рога мои востры за самую безделицу.

— Наконец, — говорила кошка, — надлежит быть весьма спесиву.

— Что надлежит до спеси, — отвечал козел, — то в ней недостатку у меня также нет.

— Итак, ты имеешь все те свойства, которые надлежат до совершенного философа, — говорила кошка, — теперь недостает тебе одной только епанчи.

— О! — сказал козел. — Этому пособить можно, ибо знаю я в лесу такое место, где лежит медвежья кожа, — в которую он и обернулся.

Все звери, увидевши козлов наряд и постоянный вид и услышав, что он более не козел, а философ, оказывали ему великое почтение. Как скоро пронесся о том далее слух, то вознамерился богатый господин, который жил близко лесу, взять его в учители к своему сыну. Козлу понравилось сие предложение, и он на то согласился. Домашние люди не могли, увидя его, удержаться от смеху, однако говорил им господин:

— Не смейтесь: Диоген имел вид не лучше его, а им все были весьма довольны.

Потом повели козла в залу, на стене которой поставлено было большое зеркало. Как скоро козел увидел себя в зеркале, то подумал, что стоит его соперник, который хочет иметь тут равное ему место. Он рассердился жестоко и, посмотрев на него сурово, увидел, что и в зеркале ему то же отвечает. Сие привело козла в пущее сердце. Он вспомнил совет кошкин, то есть что философ должен встречать соперника рогами, и для того, разбежавшись, сильно ударил в зеркало и разбил его. Через сие весь дом приведен был в смятение и козла повели в суд. Но как скоро услышали все сие приключение, то сделался великий смех. В наказание отрезали козлу бороду, так что не имел он уже никакого философского знака.

Баснь сия доказывает справедливость пословицы: Barbam video, fed Philosophum non video — вижу бороду, но не вижу философа.

БАСНЬ 8

НРАВОУЧЕНИЕ ЖАВОРОНКА

Жаворонок, который имел гнездо в арженом поле, приказывал детям, в отсутствие свое, примечать все то, что будут видеть и слышать; потом оставил он их и полетел искать для них корму. Между тем, услышали они, что хозяин поля того велел сыну своему звать своих друзей, чтоб помогли назавтра ему сжать рожь. Сие рассказали молодые жаворонки своей матери с великим страхом. Но она совсем того не испужалась и просила их также не бояться.

— Когда хозяин послал только к одним своим друзьям, — говорила она, — то будьте уверены, что желание его завтра не исполнится.

Следующего утра оставила она их опять тут же, повторяя им прежнее свое приказание. Хозяин пришел

на поле и дожидался тут своих друзей, но напрасно; он, приметив то, сказал своему сыну:

— Я вижу, что друзей моих дожидаюсь я напрасно; поди к моим родственникам и проси назавтра их ко мне, сделать помощь в моей работе.

Молодые жаворонки рассказывали сие с большим еще страхом своей матери, которая, утешая их, говорила, что он делает столько же глупо, как и прежде, полагаясь на своих родственников; итак, не надлежит опасаться, чтоб и завтра рожь была сжата. На третий день полетела она от них опять. Хозяин пришел на поле и, подождав своих родственников, у которых и на уме не было к нему идти, сказал своему сыну:

— Слушай, сын мой! Ты видишь теперь, что во время нужды нет ни друзей, ни родственников; итак, завтра примемся сами за работу.

Сие рассказали молодые жаворонки опять своей матери, на что она им отвечала:

— Теперь пришло уже время искать другого места, ибо рожь, конечно, завтра будет сжата.

Она увела оттуда детей своих, а на другой день сжата была рожь хозяйскими руками.

Баснь сия учит, сколь мало должно полагаться на друзей и родственников.

БАСНЬ 9

ХАМЕЛЕОН И КОШКА

Кошка встретилась некогда в лесу с хамелеоном, который был в великой печали и казался недовольным. Она спрашивала его о причине, на что хамелеон так ей ответствовал:

— Мне по крайней мере на себя пенять причины нет: я делаю то по возможности, что способствовать может к содержанию моему, но натура была мне неблагосклонна и лишила меня своей милости, так что я со всею моею прилежностью и трудами не могу быть

способным ни к какой должности. Я о всех тех науках, которым учили меня родители, старание имел, но неспособность противилась моим желаниям. Последняя моя должность была учительская, к которой родители мои, а особливо мать, меня назначили для того, что отец ее и дед были все педанты; но не был я двух месяцев в сей должности, как медведь, который имел в школе главную дирекцию, отпустил меня за мою неспособность. Меня более всего при сем огорчило то, что козла определили на мое место, которым уже все становятся довольны.

Кошка, выслушав сие, говорила хамелеону:

— Друг мой! не обвиняй натуру, ибо, может быть, она столько же милостива ко всем, как к тебе. Это великое несчастие, что родители, не зная склонности своих детей, посвящают их такой должности, к которой не имеют нималой способности и чрез то обижают натуру. Итак, я спорю, что ты, если возьмешь на себя должность по своей склонности, будешь в столь великой славе, сколь теперь в презрении. Я знаю для тебя совет, по которому поступая, можешь ты достигнуть счастия. Ты в состоянии иметь разные виды, так что всякий час бываешь сам себе неподобен, и для того имеешь ты главные свойства придворного человека — переменяться, как другой Протей, по всем обстоятельствам двора. Думай только теперь, как бы добиться хотя малой при дворе должности, а я знаю, конечно, что в скорости достигнешь великой степени счастия.

Хамелеон благодарил кошку за ее совет и пошел ко двору львову, который состоял из разных родов тварей. Он подбился в милость к любимцам львовым, которые чрез силу свою произвели его в гофмейстеры молодого слона, фаворита королевского. Словом, хамелеон сделался в скором времени знатным министром. Сие произвождение прославилось во всем лесу, и дошел слух до кошки. Она пришла в неописанную радость, ибо думала найти в сем новом министре великого милостивца, который может ей на старости быть утешением. Итак, пошла прямо во дворец ко льву и велела о себе сказать хамелеону, что желает его видеть. Хамелеон, который надут был гордостию, велел ей сказать, что она ему

совсем незнакома. Кошка, наморщившись, заплакала с горести:

— Теперь по всем обстоятельствам вижу я, — говорила она, — что он совершенно придворная тварь.

Потом, спустя несколько времени, встретилась опять с ним в лесу кошка. Он был в таком же бедном состоянии, как и сперва, ибо пришел, между тем, в немилость и так лишился всех чинов своих и имения, и не велено ему было более являться ко двору.

— Любезный друг! — говорил он тогда кошке. — Какой совет дашь ты мне теперь в моем бедном состоянии?

Но кошка отвечала ему, оборотясь спиною:

— Я тебя не знаю.

И так они разошлись.

Баснь сия содержит разные нравоучения: во-первых, показывает она, что несправедливо иногда обвиняют натуру и что многие, кои кажутся быть совсем негодны, могут быть великими людьми, если будут иметь должность по своей склонности. Потом описывает состояние придворное и что великолепие, которое притом соединено, подобно ветру. Наконец, изображает гордость тех, которые из бедного состояния достигают великих достоинств.

БАСНЬ 10

ВОЕННЫЙ СУД НАД ЗАЙЦЕМ

После великого сражения, которое было некогда в лесу, учредили военный суд на тех, кои имели при том случае худой поступок; тогда обвиняли зайца за то, что еще до начатия сражения взял ретираду. Бык, который в том уезде, где заяц имел жилище, был воеводою, получил приказание решить сие дело. Лисица доказывала зайцев побег явными уликами, и заяц совсем от того не отпирался, а старался только доказать, что побег его невиновен.

— Мое намерение было, — говорил он, — оказать мои услуги более одного разу, и всякий, кто имеет справедливый рассудок, извинит меня. Если б я был убит на сражении, то б в другой раз не в состоянии уже был оказывать услуги.

Судья, приняв оправдание за справедливое, освободил зайца. Никакое решение не производило еще такого смеху в зверях и птицах, как сие.

— Нечему дивиться, — говорила тогда лисица, — когда бык был судьею.

Баснь показывает, что слова лисицыны весьма справедливы.

БАСНЬ 11

ЛИСИЦА ТРЕБУЕТ ОСЛА В СУД

Лисица требовала в суд осла, обвиняя его в учиненной ей им обиде. Все тому чрезмерно дивились, как разумная лисица далась в обман глупому ослу. Судьею была кошка, которая говорила, что и ей то непонятно. Но как лисица начала доказывать справедливость своего прошения, а осел, напротив того, стоял, повеся уши, задумавшись, то не знал судья, что сделать должно, ибо, с одной стороны, были довольные доказательства, которых опровергнуть было невозможно, а с другой — ослова глупость была явным знаком, что лисицына просьба несправедлива. Наконец судья нашел средство. После того как суд приходил к решению, велел он призвать и осла и лисицу, потом объявил им, что дело отложено для дальнейшего изыскания на десять лет и что они по прошествии оных должны явиться к суду, ибо судья уверен был, что ни один из них десяти лет не проживет. Сказывают, что лев столь много доволен был сим решением, что дал кошке великое за то награждение.

Баснь сия показывает, что во всех таких делах есть лучшее средство поступать таким образом.

БАСНЬ 12

ВОЙНА У БАРСА С ТИГРОМ

Некогда торжествован был в лесу праздник в честь лесному богу Пану. В сей день собрано было там великое множество зверей всех родов. Знатнейшие из них были барс и тигр. Оба сии звери находились тогда в глубокой печали, ибо барс лишился жены своей, а тигр сына. Посреди радостного торжества померкло солнце. Как скоро то было примечено и звери пришли в страх, то тигр просил их всех успокоиться.

— Ибо, — говорил он, — что солнце померкло от одной только печали, которую имеет он о смерти его сына.

Барс, напротив того, думал, что затмение произошло по причине смерти жены его. Сие не мог терпеть тигр, и для того спросил он барса, что он о том думает? Барс, который не уступал ему в гордости, не хотел инако думать и отвечал тигру сурово, — словом, дело дошло до драки. Все собрание зверей разбежалось, а спорящие войну друг другу объявили, которая скоро потом и началась. Множество зверей разных родов получили повеление явиться на поле. Птицы, напротив того, не хотели мешаться в сие дело, ибо хотя орла обе партии о помощи просили, однако он ни одной птице ни за кого вступаться не позволил. Из пресмыкающихся же выдра и тюлень не хотели быть на сражении, объявляя, что они надлежат к флоту. Потом, как долгое время баталия продолжалась с великим жаром, то по многом кровопролитии заключен был мирный договор таким образом: барс и тигр должны остаться всякий при своем мнении, как и прежде.

Баснь сия учит, что великие брани часто происходят от самых малостей и оканчиваются тем, что было прежде кровопролития.

БАСНЬ 13

О КОЗЛЕ, КОТОРЫЙ ВЕЛЕЛ ВЫБРИТЬ СЕБЕ БОРОДУ

Козел был несколько времени в городе, где видел он, что все жители брили бороды, кроме одного старого мещанина, который ходил отрастивши великую бороду и не хотел следовать прочим, ибо он думал, что борода есть великое украшение мужчине, хотя все своенравию его смеялись. Козел, увидев то, предприял следовать моде и велел выбрить себе бороду, но как в скором времени оставил он город и пришел в лес бритый, смеялись ему все звери весьма много, а особливо козлы не хотели его называть уже своим товарищем. В таком состоянии рассказал он козе о том, что принудило его к такой перемене, на что она так ему отвечала:

— Ты и тот мещанин, о котором ты сказываешь, сущие дураки; он для того, что один только небритый из граждан, а ты — что один бритый козел.

Баснь учит, что тот, который первее всех принимает моды, и тот, который держится старины, — оба равные дураки.

БАСНЬ 14

МНЕНИЕ КОЗЛА СЕГО О СВАДЬБЕ СТАРОГО МЕЩАНИНА

Все звери не дали козлу жить в лесу от ругательств; итак, принужден он был возвратиться в город. Между тем, тот мещанин, который один только в городе бороды не брил, женился на молодой девке. Козел встретился с ним на улице и назвал его братом. Мещанин смеялся козловым словам и спрашивал, почему он ему брат?

— Как! — говорил козел, — ведь мы друг друга всегда называем братьями.

— Разве я козел? — отвечал мещанин.

— Конечно, — сказал козел, — ты теперь с бородою, а может быть, скоро будешь и с рогами.

Басня учит не употреблять того, чему все смеются.

БАСНЬ 15

КОТОРАЯ ТВАРЬ ПРЕД ВСЕМИ ИМЕЕТ ПРЕИМУЩЕСТВО

Некогда зашел в лесу спор о том, которая тварь имеет пред всеми преимущество? Лев думал, что ему надлежит сия слава, ибо приводил зверей и людей он в ужас; слон хвалился также столь многочисленными победами, которые получены его помощию. Всякий зверь и всякая птица говорили с похвалою о делах своих; итак, чрез сие те, которые определены в сем деле судьями, не знали, кому приписать пред всеми преимущество. Тогда прилетела муха и требовала аудиенции. Прочие звери и птицы, услышав сие, весьма много смеялись, и как велели они к себе допустить ее, то она начала речь свою:

— Когда короли, принцы и прелаты подходят с почтением к папскому трону, чтоб целовать его ногу, тогда без всякой опасности сажусь ему я на нос.

Звери не могли опровергнуть справедливости слов ее и дали ей преимущество.

Баснь признает решение сие справедливым; Гомер говорит о некоем греческом герое, которого боги одарили смелостию и храбростию мухи.

БАСНЬ 16

ВОЙНА ЗВЕРЕЙ ПРОТИВ ЛЮДЕЙ

В лесу пронесся слух, что несколько сот львов и тигров умерщвлены были на позорищах только для препровождения времени людей; тогда собрались не-

сколько зверей к богу Пану и требовали у него защищения против жестокости, которую употребляют люди к прочей твари. Пан говорил им на то, что сие несчастие должны приписывать они отчасти своему нерадению, когда не хотят употреблять силы, данной им от натуры, а отчасти несогласию. Итак, советовал он им оставить все ссоры и соединиться против общих неприятелей, которых соединенными силами легко победить могут, ибо человеческая над зверьми власть основана только на их несогласии и боязливости. Один из знатнейших львов назначил день, в который все звери должны собраться в одно место, чтоб советовать о делах, касающихся до общей пользы. В собрании дал знать лев чрез пространную речь причину, для чего они призваны, то есть чтоб определить способ, которым бы могли защититься против человеческой власти. Он говорил, что может сие исполниться легко, когда они собственную только силу употребят против общих неприятелей. Он представлял им ужасные убивства, которые люди против зверей употребляют только для препровождения времени. Потом, как окончал лев свою речь, начала говорить лошадь:

— Не думайте, чтоб люди имели такой тиранский поступок против одних только львов и медведей. Нет, они то же делают и с тою тварью, которая оказывала им услуги и коих хороший поступок награждают неблагодарностию. Я служила, — продолжала лошадь, — господину моему как в военное, так и мирное время; не жалела для него ни здравия, ни жизни, чтоб избавлять его от опасностей; но со всем тем, как я состарелась, то продал он меня на мельницу, где хозяин мучил старость мою многотрудною работою, а наконец принял намерение застрелить меня. Итак, принуждена я была бежать сюда в лес, чтоб избавиться безвременной смерти.

Потом прибежала тут собака, которая имела на шее своей цепь. Она столь много осипла, что насилу произнесть могла следующие слова:

— Я целые восемь лет была прикована у ворот, чтоб защищать от воров двор и чрез лаяние мое объявлять приход людей незнакомых. С какою ревностию исправляла я сию службу, то видно по моей груди,

ибо я наконец оттого точно получила хрипоту; однако я сносила сие терпеливо до тех пор, как услышала, что хозяйка дому говорила о мне, что я уже стала им бесполезна, а хозяин согласен был убить меня назавтрее; как скоро я сие услышала, то трудилась всю ночь, чтоб сорваться с цепи. Сие мне удалося, и так прибежала я сюда от неблагодарного господина.

После того козел с долгою философскою бородою приносил на людей свои жалобы:

— Я, — говорил он, — с женою моею служил у богатого крестьянина; жена моя довольствовала дом молоком, которое служило не только для кушанья, но и для лекарства; но как пред несколькими днями молока она лишилась, то неблагодарный крестьянин велел ее убить, а я спасся бегом.

Старая корова, которая подле козла стояла, говорила тогда:

— Я, с моей стороны, очень много причины имею жаловаться на человеческую неблагодарность. Меня лишили они трех детей, которых, хотя несколько лет и кормили, однако было то на пущую беду, ибо для того только и кормили, чтоб после их убить.

Сии жалобы выслушаны были от всех зверей с великим огорчением, и объявление войны против людей утверждено было всеми зверями и птицами; одни только легавые собаки и мопсы на то были не согласны. Кошки не подавали своего голосу, но и не опровергали того. Из птиц один бусел не хотел вступить в договор сей, ибо говорил он, что не имеет причины на людей жаловаться. На сие сказал ему лев:

— Мы никого не принуждаем, ибо и без других зверей и птиц имеем довольную силу.

Тогда они приготовлялись на войну всеми силами. Звери и птицы сходилися со всех сторон, и слух о том дошел уже до Юпитера. Сие привело его в рассуждении человеческого рода в великий страх, и он немедленно собрал богов и богинь для совету. Как скоро он их о том уведомил, то пришли они в сожаление о погибели человеческой. Мом один только тому смеялся.

— Я очень дивлюсь, — говорил он, — что боги и богини столь малодушны. Мы видим ежедневно, сколь

мало продолжаются такие договоры, которые определяют различные нации. Оставьте напрасный страх, ибо договор рушится, конечно, еще до начатия войны.

Следствие показало действительно, что Момовы слова справедливы, ибо как скоро собралось войско, то пошли великие ссоры за преимущество; и хотя большая часть голосов льву оное отдавали, однако недовольны были тем тигры, леопарды, медведи и слоны, а особливо сии последние хвалились многими победами, которые одержаны были их помощию. Таким образом, сие было первою причиною их несогласия; однако, успокоясь несколько, сделали они нападение на первую деревню. Тут получили они великую добычу; но в разделе оной стали опять ужасные ссоры. Птицы, приметя, что произойдет, конечно, внутренняя война, дезертировали ночью с большею частию добычи, в чем пресмыкающиеся не могли им препятствовать. Половина войска поступили равно так, как и птицы, а прочие между собою начали драться, что не иным чем, как великим уроном окончалось. Таким образом, окончена была война еще до начатия, и тем человеческий род избавился от несчастия, которое ему грозило.

Баснь сия доказывает, что великие договоры между различными народами недолго продолжаются. Сверх того, учит она, что звери, конечно, имеют причину жаловаться на человеческую к ним жестокость. Весьма было бы то опасно, если б они нам отмстить за то предприяли, ибо тысяча невооруженных человек не может, конечно, противиться одному льву.

БАСНЬ 17

УТЕШЕНИЕ В НЕСЧАСТИИ

Некоторый человек по случаю лишился носу. Друзья его пришли к нему увещевать, чтоб сносил он терпеливо приключившееся несчастие. Всякий старался сыскивать разные причины к его утешению, но один

из них выдумал средство, которое, по мнению его, будет иметь большее действие.

— Нет еще такого несчастия, — говорил он, — которое бы не могло произвесть полезного следствия. Не тужи столько много, ибо по крайней мере избавился ты теперь тех расходов, которые должен бы ты иметь на платки и табак.

Кажется, что больной немного утешен был сим увещанием.

БАСНЬ 18

КРЕСТЬЯНИН, ДРАКОН И ЛИСИЦА

Крестьянин, идучи по дороге, услышал жалостный голос, так, как бы кто находился в самой крайности. Он несколько оттого оторопел и оборотился, где слышан был крик. Тут находилась пещера, которая завалена была каменьями. Пришед к месту сему, услышал он весьма ясно следующие слова: «Сжалься на заключенного безвинно в сей пещере, в которой должен буду умереть, если не сделаешь мне избавления».

Сии слова повторены были несколько раз, и крестьянин приведен был тем в жалость так, что предприял намерение выпустить заключенного. Сие сделал он скоро, отвалив камень от пещеры, но вместо человека увидел он дракона, который хотел поглотить его в ту же минуту, чтоб утолить свой голод. Мужик стал на колена и представлял ему жалкими словами, сколь несправедливо он с ним поступает и такою ли благодарностию должен он своему избавителю? На что ответствовал ему дракон:

— Как! ты требуешь благодарности, той добродетели, которую люди совсем не наблюдают?

— Вы обвиняете нас тем весьма несправедливо, — говорил тогда крестьянин.

В самое то время пришла туда лошадь, которую просил он быть в сем деле посредницею. Дракон на то согласился. И как с обеих сторон все дело было лошади

рассказано, то посредница сия доказала собственным примером человеческую неблагодарность. Она объявила обоим им все свое приключение, какие услуги оказывала своему господину и как он принял намерение в старости ее уморить голодом. Дракон благодарил лошадь за доброе решение и разинул пасть свою, чтоб его проглотить. Крестьянин начал просить еще о своей жизни, сказывая, что лошадь поступила при сем случае с пристрастием, и, увидевши недалеко собаку, просил позволения у дракона быть ей другим посредником, на что дракон согласился. Собака решением своим подтвердила слова лошади. И крестьянин, конечно, поглощен бы был драконом в ту минуту, если б не пришла туда лисица. Она весьма удивилась, увидя крестьянина и дракона между собою разговаривающих, и спрашивала о причине. Потом рассказал крестьянин лисице, что с ним случилось, и просил ее, с позволения дракона, быть еще посредницею, сказывая, что более уже жизни просить не будет, если мнение лисицы будет согласно с решением прежних судей. После того как лисица принята была посредницею, отвела она крестьянина к стороне и спрашивала, что обещает он ей, когда избавит его от смерти? Крестьянин обнадеживал ее о свободном входе в поварню и что даст ей полную власть над всеми домашними птицами. Как крестьянин подтвердил обещание свое клятвою, то сказала тогда лисица, что не сомневается совсем о справедливости дела, но надлежит, прежде решения, осмотреть ей пещеру; потом продолжала она речь свою так:

— Мне совсем невероятны ваши речи, и я не думаю, — говорила она дракону, — чтоб в такую малую пещеру мог ты войти.

— Я докажу тебе, — сказал дракон, — что тут мне место было довольно велико.

Потом пошел он в пещеру для уверения посредницы, но как скоро туда он вошел, то лисица дала тотчас крестьянину знак, чтоб завалил опять пещеру камнем. Он то и учинил, и дракон принужден был в другой раз просить крестьянина, чтоб его выпустил, но то было уже напрасно. После сего крестьянин оставил лисицу,

подтверждая свое обещание; однако, как скоро пришел домой и рассудил, что обещал лисице во вред себе, то принял благодетеля своего так, что насилу бедная лисица могла спасти жизнь свою.

— Вот хорошее награждение, — сказала она тогда, — за мое благодеяние. Ничто не может более доказать человеческую неблагодарность, как сие приключение.

Басня сия учит, что благодеяния обыкновенно или совсем забвенны, или худо награждены бывают.

БАСНЬ 19

О ВОЛКЕ

Волк сделал некоторое преступление уже два раза, однако по просьбе друзей своих получил прощение. Потом осмелился он сделать то же и в третий, но наконец осужден был за то к смерти. Тогда сказал волк:

— Когда б не оставили в первые два раза моей вины без наказания, то б в третий сделать оное, конечно, не осмелился.

Басня сия доказывает необходимость наказания и что прощение часто бывает причиною к вящим преступлениям.

БАСНЬ 20

СЛОН И БОБР

Слон и бобр говорили между собою о течении света в рассуждении зверей и людей. Между прочим, спрашивал бобр слона, чего бы он более иметь желал: богатства или премудрости?

— Конечно б лучше премудрости, — отвечал слон, — если б я не знал, как ученые люди шатаются по миру без пропитания.

БАСНЬ 21

ОСЕЛ СУДЬЕЮ

Лисица встретилась некогда в лесу с ослом, который был в великой печали и чрезмерно тощ.

— Мне кажется, — говорила она ему, — что ты весьма много работаешь, но со всем тем не имеешь пропитания.

— То правда, — отвечал осел, — я служу крестьянину, который мучит меня работою и морит голодом.

— Но для чего ж, — говорила лисица, — не примешься ты за другой промысел?

— Невозможно, — отвечал осел, — натура лишила меня всех своих дарований.

— По крайней мере, — сказала она, — ты наблюдаешь честность.

— В том ты не обманываешься, — говорил осел, — но добродетель сия в свете ничего не помогает.

— Разве ты не слыхал, — сказала лисица, — что честность есть главное свойство судьи.

— И то правда, — отвечал осел, — но когда она соединена с разумом.

— Разум ничего тут не действует, — говорила она, — ведь нельзя сказать, чтоб то решение было несправедливо, которое определено от честного судьи. Главное дело состоит в том, чтобы ты не смотрел ни на кого и только сидел бы на стуле зажмурившись, когда слушаешь челобитные: тогда всякий назовет тебя судьею беспристрастным.

— Это легко можно сделать, — сказал осел.

— Хорошо! — говорила лисица. — Ты можешь сделать теперь же начало своего счастия: поверь мне, что скоро будешь столько жирен, сколько теперь тощ.

Лисица отвела его потом в пустое судебное место и просила его не более иметь попечения, как только сидеть на стуле, зажмуривши глаза, и потом пошла она домой от него в превеликом смехе. На дороге попался ей крестьянин, которого был тот осел. Он спрашивал ее, не видала ли она осла, который недавно от него ушел?

— Я теперь только его видела, — сказала лисица, — и вот он пошел в сей дом.

Крестьянин, вошед туда, увидел, что осел сидит на судейском стуле, зажмуривши глаза. Он закричал так громко, что судья, как ни был беспристрастен, однако отворил глаза свои.

— Который черт занес тебя сюда? — говорил ему крестьянин.

— Потише, — сказал осел, — ведай, что я судья.

— Мне кажется, — отвечал крестьянин, — что ты здесь зажмурившись дремлешь.

— Не дивись тому, — говорил осел, — правосудие должно быть всегда слепо. Мне о том сказала лисица.

— Я вижу, — говорил крестьянин, — что она умнее тебя, и ты достоин такой шутки.

После того стащил он судью со стула и проводил домой дубиною.

Баснь сия учит, что хотя честность есть знатнейшее свойство судьи, однако одною ею не можно сделать ничего, а надлежит, чтоб с оной соединен был разум.

БАСНЬ 22

ОБЕЗЬЯНА

Обезьяна, которой досталось в наследство великое имение, начала вести жизнь свою весьма великолепно. Она велела сделать себе богатую карету и, нарядясь как возможно лучше, стала на высоком месте. Другой зверь, который прошел мимо ее и увидев обезьяну в такой позитуре, сказал:

— Все сие служит только к тому, чтоб гнусность ее была тем более от всех примечаема.

Баснь сия доказывает, что в свете находится обезьян таких весьма много, которых глупость не прежде примечается, как разумному свету оказать себя захотят.

БАСНЬ 23

ВЫДРА ЛЕКАРЕМ

Волк некогда занемог лихорадкою. Выдра принялась лечить его, обнадеживая, что чрез несколько дней, конечно, оставит его лихорадка. Волк, услышав сие, охотно начал исполнять по всем рецептам нового лекаря; однако, несмотря на то, спустя один день он умер. Сие было причиною великой ссоры между выдрою и сродственниками умершего волка, которые уличали выдру, что действительно волк умер от ее лекарств. Выдра, напротив того, думала, что обещание свое она совсем исполнила.

— Я в своем слове, — сказала она, — конечно, устояла. Вы видите, что лихорадка его нимало теперь не трясет.

Баснь сия показывает, что таким образом обыкновенно вылечивают тяжелые болезни и выдра ответом своим себя оправдала.

БАСНЬ 24

О ДВУХ ОБЕЗЬЯНАХ

Две обезьяны стояли на берегу реки и играли между собою. Сия забава дошла до того, что одна другую столкнула в воду. Та, которая осталась на берегу, старалась как возможно избавить утопающую. Наконец то ей удалось, и она, вытащив ее на берег, сказала:

— Смотри, какой труд имела я избавить тебя от смерти.

— Я б тебя за то благодарила, — ответствовала та, — когда б не ты потрудилась столкнуть меня в воду.

Баснь сия учит, что тот не должен требовать благодарности, кто избавил ближнего от такого несчастия, в которое сам же его ввергнул.

БАСНЬ 25

ОБЕЗЬЯНА НРАВОУЧИТЕЛЕМ

Обезьяна приняла намерение толковать нравоучительную философию и изобличать все пороки, которым подвержены были звери. И как она начала производить предприятие свое в действо, то подошла к ней лисица, которая находилась в числе слушателей.

— Пожалуй, перестань, — сказала она ей, — говорить нравоучение и будь уверена, что это совсем не твое дело.

— Как! — ответствовала обезьяна. — Разве можешь ты сказать, что учение мое несправедливо?

— Оно, может быть, довольно хорошо, — говорила лисица, — но то худо, что учителем обезьяна.

Баснь сия учит, что нет смешнее того, как видишь, что пьяница трезвости научает.

БАСНЬ 26

КОРАБЛЬ В МЕСЯЦЕ

Обезьяна рассказывала о себе, что может видеть в месяце корабль. Сие привело всех зверей и птиц в такое смятение, что они, собравшись в одно место, нетерпеливо ждали восхождения месяца, однако ж никто из них, ниже самый рысь, у которого глаза всех быстрее, не могли видеть ни малейшего знака корабля. Итак, заключили, что корабль состоял только в одном воображении обезьяны, или что хотела она, по своему обыкновению, из того сделать одну шутку. Наконец, находился тут слон, который за большой свой разум был у зверей в великом почтении. Сей, по собственному своему воображению или думая заслужить себе тем славу, говорил, что примечает он в месяце нечто чрезвычайное. Потом сказал, что видит корабль в месяце уже очень ясно, и просил прочих зверей смотреть гораздо прилежнее на месяц. Что ж потом?

Один за другим увидели то, чего нет в натуре, и начали проклинать прежнюю слепоту свою. Крот, который был совсем уже слеп, доказывал, наконец, что не только корабль со всеми мачтами, но и якорь свободно видеть может.

Баснь доказывает, что если почитают кого много разумным, то может тот свободно привлечь других вступаться за свои мнения.

БАСНЬ 27

ОБЕЗЬЯНА И ОСЕЛ

Лев отдал приказ обезьяне и ослу, чтоб они вместе исправили некоторую работу. Всякий старался льву услужить тем по своей возможности, но работа ослова была гораздо хуже обезьяниной, которая, услышав сие, ожидала себе великого награждения, однако лев наградил обоих их равно. Обезьяна жаловалась всем на несправедливость львову, который ей сказал:

— Ты сделала все то, что должно было ожидать от разумной обезьяны, а он сделал более, нежели чего надеяться было можно от глупого осла.

Баснь учит, что кого более натура одарила своими дарованиями, от того больше и требовать должно.

БАСНЬ 28

КОШКА ФИЛОСОФСТВУЕТ

Как кошка опасно занемогла зубами, то определено было с общего согласия, чтоб журавль, который был в лесу лекарем, вырвал у нее зубы. Кошка почувствовала тогда превеликую боль и такое уныние, что вознамерилась оставить свет и ни в чем больше мышей не обижать. Сие услышав, обезьяна, которая

прежде была долгое время танцмейстером, но за подагрою отставлена от той должности, пришла посетить кошку; и как кошка рассказала обезьяне о причине перемены своего состояния, то и обезьяна ответствовала ей так:

— Не одна ты оставила светские суеты, я и сама сделала то же, ибо с тех пор, как я больна стала подагрою, никто не видал уже, чтоб я более танцевала.

Баснь доказывает, что большая часть людей не прежде оставляют свет, как уже свет их оставляет.

БАСНЬ 29

ЛИСИЦА И ХАМЕЛЕОН

Лисица встретилась некогда в лесу с хамелеоном, который, знав ее проворство в снискании добычи, начал стараться завести с нею дружбу, на что отвечала лисица:

— Я согласна на твое предложение, только не более как на сутки, ибо ты переменяешься всякий день так, что завтра будешь совсем не таков, как был сегодня. Из сего я заключаю, что сердце твое столько же переменчиво, как и твоя кожа.

Баснь учит, что не можно иметь твердого дружества с непостоянным человеком.

БАСНЬ 30

ЛЕВ, ЗМЕЯ И КРОТ

Как лев почувствовал слабость в своем здоровье, то велел призвать змею, которая почиталася искусною в медицине. Змея употребляла все свое старание по возможности, но то было без успеху, ибо здоровье львово не имело от ее лекарств нималого облегчения. Змея должна была претерпеть за то от прочих зверей великое

поношение, но никто не говорил с таким презрением о ее лекарствах, как крот, который хотя совсем не знал этой науки, однако отваживался говорить, что когда б лев посоветовал о своей болезни с ним, то б давно уже выздоровел. Сие лев услышал и, змею тотчас отпустив, определил крота на ее место. Никто не может сказать, какие лекарства употреблял сей последний доктор, но известно только, что лев скоро выздоровел, а крот в такую пришел чрез то славу, что змея на глаза его показаться не смела и довольна была только тем, что тайно о том говорила с своими друзьями.

— Львово исцеление, — объявляла змея, — должно приписывать только одному времени, а не доктору, ибо крот был принят в самое то время, когда сделался перелом болезни и натура начала действовать сама собою.

Сие поняли некоторые разумные звери так, что если кто таким образом получал болезни своей облегчение, то называли они сие кротовым лекарством, а большая часть зверей приписывали всю славу кроту, которому за то дан титул придворного лекаря.

Баснь сия доказывает, что последний доктор лечит обыкновенно удачнее первого.

БАСНЬ 31

ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Волк и медведь занемогли некогда одинакою болезнию. Волк выздоровел сперва и посетил медведя, которого болезнь еще не миновалась. Медведь весьма удивлялся, что волк так скоро мог от болезни своей освободиться, на что ему волк ответствовал:

— Мне кажется, происходит это оттого, что я боролся сам с своею болезнию, а тебе помогали доктора.

Баснь сия показывает, что часто натура действует лучше сама собою, нежели лекарства.

БАСНЬ 32

ПРИЧИНА НЕНАВИСТИ МЕЖДУ ВОЛКОМ И СОБАКОЮ

Лошадь, увидев, что волк и собака между собою дерутся, спрашивала верблюда о причине. Она думала, что они имеют более причины жить в дружбе, нежели в несогласии, будучи сходны друг на друга. На что верблюд отвечал:

— Сие-то великое сходство и главная причина их несогласия.

Баснь учит, что те, которые должны жить в дружбе, по большей части бывают между собою неприятели.

БАСНЬ 33

ОЛЕНЬ И КОШКА

Олень имел счастие быть в лесу от всех зверей любимым. Никто не мог понять справедливой причины такой к нему благосклонности, а особливо известно было то, что он к приобретению оной никогда не старался, а в поступках его еще было гораздо больше такого, в чем бы можно найти недовольствие, однако они или не хотели примечать его погрешностей, или оные извиняли. Наконец олень принял намерение произвесть такое великое дело, которое б еще больше его прославляло. Но как скоро оное совершилось, то все звери один перед другим старались, как возможно, уменьшать его славу и до того довели, что самые его добродетели признаны были от всех пороками. Олень, услышав сие, пришел в великое смущение и не мог понять, отчего сие происходит. Он объявил сомнение свое кошке, которая по старости своей довольно в свете могла осмотреться. Она, выслушав его речь, отвечала ему так:

— Я вижу, что ты не знаешь, какие следствия производит зависть. Ведай, что никто более не имеет опас-

ности потерять благосклонность зверей и людей, как тот, кто старается прославить себя добрыми делами.

Баснь учит, что нравоучение кошки весьма справедливо и что оное доказано множеством примеров, которые видим из разных приключений. Путь к добродетели хотя и весьма многие имеет затруднения, однако оных страшиться не должно, ибо иначе не можно быть добродетельным, как презирать все вредные следствия зависти.

БАСНЬ 34

ЛОШАДЬ ЗНАТНОЙ ПОРОДЫ

Разные лошади как большие, так и малые ведены были для продажи на площадь. Между оными находились две, которые были одного хозяина. Одна была бодра и имела статный вид, а другая казалась тоща и больна. Они проданы были за разные цены: первая за пятьсот, а другая за десять гульденов. Лучшая определена была на королевскую конюшню, а другая для работы на мельницу. Сия последняя жаловалася на так несходную цену и сказывала о себе, что она происходит по прямой линии от Пегаса и, таким образом, ни одному зверю в знатности не уступает, а та, которая оценена была дорогою ценою, родилась от крестьянской лошади. На что ответствовал ей купец:

— Мы никогда не смотрим на знатность вашу, и нам дело не до прадеда твоего, а до тебя самой.

Баснь учит, что не должно предпочитать знатность добрым качествам, ибо оная есть одна только химера.

БАСНЬ 35

ГОРДОСТЬ КРОТА

Я описал уже ту ссору, которая произошла между тигром и барсом, и что оная наконец превращена была в публичную войну; также упомянуто было и о том, что причиною сему было помрачение солнца. Как скоро дошли вести сии до крота, то сказал он:

— О, сколь великое безумие было тогда сих бедных тварей! Если бы я был при той их ссоре, то б, конечно, не допустил до кровопролития. Солнце померкло совсем не для них, а причиною тому нечаянная смерть моего старшего сына: я уже примечал несколько раз таковые знаки тогда, как бывали в фамилии моей печальные приключения, и за несколько дней пред смертию моей жены видел я на небе ужасную комету.

Баснь доказывает, что и самая малая тварь имеет о себе прегордые мысли.

БАСНЬ 36

РАЗГОВОР МЕЖДУ ВОЛКОМ И ЛОШАДЬЮ

Волк, отправив по обыкновению своему утренние молитвы, пошел искать добычи на крестьянский двор, где сделал великий вред овцам и ягнятам, после чего отправился оттуда на промысел в другое уже место. На дороге попалась ему лошадь, которая спрашивала волка о его обстоятельствах, на что он так ей ответствовал:

— Благодарю небу за мое пропитание, которое сегодня доставал я с великим успехом. Признаюсь, что поутру молился я с крайним усердием, и сие то было причиною всего моего счастия.

— Я бы не думала, — говорила лошадь, — чтоб волкова молитва имела такое действие. Ревность к молитве может быть довольно велика, но я думаю, что к исканию добычи приложил ты еще более усердия.

Баснь сия надлежит до тех, которые с молитвою идут па злодеяния.

БАСНЬ 37

ВЫДРА И ЛИСИЦА

Как некогда выдра увидела жестокий поступок лисицы против кур и гусей, то не могла терпеть, чтоб в том ее не обличить. На что отвечала лисица:

— Пожалуй, скажи, что тебя принуждает, сожаление или зависть, говорить мне такое нравоучение?

— Конечно, сожаление, — сказала выдра, — на меня ни один зверь в том жаловаться не может.

— Это твое счастье, — отвечала лисица, — что рыбы говорить не могут, а если б они язык имели, то б, конечно, могли доказать, что поступок выдры ничем не лучше лисицы.

Баснь учит, что когда кто осуждает в чем других, тот сам не должен в том быть виновен.

БАСНЬ 38

НЕОСНОВАТЕЛЬНАЯ ОБЕЗЬЯНИНА ЖАЛОБА

Бобр сочинил некогда комедию, в которой описал он весьма изрядно пороки зверей и птиц. Все хвалили его сочинение, ибо почитали оное не только за невинное, но еще и за полезное. Одна обезьяна тем была недовольна и думала, что в комедии той обидел ее автор. Таким образом, жаловалась она на сочинителя и спрашивала медведя, какое сделать за то бобру отмщение? На что он ей ответствовал:

— Не думай, чтоб автор хотел тебя тем обидеть, и рассуди то, что невозможно сделать комедии, когда в действующих лицах не будет обезьяна.

— Изрядно, — говорила она, — я отмщу за то бобру, конечно, и сочиню комедию сама.

— Перестань, пожалуй, — перервал медведь ее речь. — Ведай себе, что легче сочинить комедию на обезьяну, нежели обезьяне сочинить на другого кого.

БАСНЬ 39

МЕДВЕДЬ И ЛИСИЦА

Лисица некогда была обижена от медведя, чего ради старалась она, как возможно, то ему отмстить, а чтоб не подать подозрения медведю о своем намерении, то притворилась, будто она совсем уже забыла его себе обиду; потом, обходяся с ним мало-помалу с большею поверенностию, уведомила его о том месте, где может он сыскать себе добычу. Она повела его на крестьянский двор, в котором не было караульщиков. Медведь благодарил ей за такой добрый совет и принял намерение в следующую ночь туда идти, но лисица, с своей стороны, не преминула уведомить о том крестьянина, который, созвав своих соседей, стал гостя дожидаться, вооружась дубьем. Сие предприятие исполнено было удачно, и медведь так больно был от них бит, что насилу мог оттуда назад дотащиться. В таком состоянии встретилась с ним лисица, которая спрашивала его, смеявшись, какова была добыча? Медведь приметил после того тотчас лисицын обман, однако, чтоб не подать более причины радоваться своему неприятелю, сказал он ей так:

— Добыча была весьма удачна, и так меня там раскормили, что я весь оттого распух.

Баснь учит, что тот, кто от своего неприятеля обманут, не только не должен давать виду, что он тем недоволен, но еще и притворяться, будто обида совсем нечувствительна, в противном случае неприятель будет иметь двойную причину радоваться.

БАСНЬ 40

РАЗУМНОЕ ПРОШЕНИЕ ЖУРАВЛЯ

Прежде путешествия Юпитерова посетил уже Аполлон лес, чтоб удовольствовать зверей и птиц в их прошениях. Он пришел прямо в столицу Панову, куда

должны были явиться депутаты от зверей и птиц. Тут находились полномочными львы, медведи, орлы и проч., из которых каждый представлял обстоятельства своего рода. Некоторые просили против своих неприятелей силы, а другие желали получить счастие в искании добычи. Один только журавль говорил тогда, что не знает, чего ему просить, и оставляет на рассуждение богов пожаловать ему то, что, по их мнению, будет служить ему счастием. Аполлон так доволен был сими словами, что велел журавлю безбоязненно жить между людьми и зверями, а прочим зверям отказал за неосновательные их просьбы.

Баснь сия научает людей, каким образом предлагать свои прошения.

БАСНЬ 41

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ ЖУРАВЛЯ И ЯСТРЕБА

Павлин обещал награждение тому, который сочинит лучшую речь о известной нравоучительной материи. Разные птицы принялись проповедовать, но никто не говорил столь важно, как ястреб и журавль. Обе сии речи заслужили равную похвалу, так что большая часть слушателей не знали, кому из них дать преимущество. Наконец, определено дать награждение журавлю. Ястреб, услышав то, жаловался на несправедливость и говорил, что всякий беспристрастный судья припишет по крайней мере равенство его сочинению с журавлевым, но ему ответствовано было, что хотя обе речи стоят равного награждения, однако одна сочинена от невинного журавля, а другая от хищного ястреба.

Баснь учит, что проповедь того большее имеет действие, которого жизнь сходствует с его учением.

БАСНЬ 42

ДОСТОЙНОЕ НАГРАЖДЕНИЕ

Некоторый художник приехал в знатный город и объявил королю, что может он кидать горох в иглиное ушко с такою исправностию, что никогда не делает ошибки. Король удивлялся его искусству, видя сам оного опыт, но, приметив, что наука сия многотрудна и требует долговременного упражнения, притом же бесполезна, приказал дать ему в награждение только четверть гороху.

Баснь доказывает, что все те, которые употребляют время на обучение бесполезных наук, достойны презрения.

БАСНЬ 43

АССИДЕМОНОВЫ ЖАЛОБЫ НА ЗВЕРЕЙ

Выключая зверей, находились еще в лесу сатиры, которых звери почитали за своих неприятелей и называли их лешими. Предводитель их, Ассидемон, был столь страшен зверям, как дьявол людям. Они приписывали ему не только свое несчастие, но и собственные злодеяния, которые, как сказывали, делали они его наваждением. Таким образом, когда происходили у них убивства, грабительства и прочие злодеяния, тогда обыкновенно говорили, что тут, конечно, поиграл Ассидемон. Некоторые разумнейшие звери тому не верили и почитали оное за одну только отговорку, но они за то признаваемы были от прочих неверными. Ассидемон долгое время слушал извинения их с огорчением. Наконец, приметя, что оные отчасу умножаются, принял намерение жаловаться богу Пану за свою обиду. Сие рассказал он бобру, который несогласен был с простонародным мнением. Он советовал ему оставить свое предприятие, говоря, что он не имеет причины огорчаться, когда звери и птицы имеют о нем так высокое мнение, но еще должен для собственной славы утвер-

ждать оное. Бог Пан, продолжал бобр свою речь, гораздо более имеет причины жаловаться, ибо тем уничтожается власть его. Ассидемон после того следовал боброву совету и увидел, что не будет ему вредно суеверие зверей и птиц.

Баснь обвиняет тех людей, кои приписывают дьяволу великую силу, которой будто никак противиться не можно.

БАСНЬ 44

РАЗУМНОЕ БОБРОВО РЕШЕНИЕ

Рысь обвиняема была в учиненном ею злодеянии, но она хотела оправдать себя, предлагая, что причиною тому злой рок, который давно уже определил сделать ей такое преступление. Бобр, будучи судьею, решил дело сие так: обезьяна должна была выколоть ей оба глаза. «Причем, — говорил бобр, — что причиною сему не что иное, как злой рок, который определил непременно ей ослепнуть».

Баснь учит, что должно обвиняемому позволять проклинать дьявола за его наваждение, однако, несмотря на то, не упускать вины злодеям.

БАСНЬ 45

ОБ ОРЛЕ И МОЛОДЫХ ЛИСИЦАХ

Орел искал добычи для молодых своих детей, залетел в лисицыно гнездо, где похитил он несколько молодых лисят, и принес потом к своим детям. Молодые орлята хотели было сожрать их в ту же минуту, однако орел их уговорил.

— Подождите несколько, — сказал он тогда им, — по крайней мере до тех пор, пока молодые лисицы будут хотя немного побольше, а теперь они так

малы, что почти совсем не могут утолить вашего голоду.

Потом орел оставил свое гнездо для искания новой добычи, но как скоро возвратился, то увидел, что молодые лисицы, которые, между тем, стали сильнее, умертвили уже большую часть его детей.

Баснь учит, что самая осторожность бывает иногда причиною несчастия.

БАСНЬ 46

О ПЧЕЛАХ

В некоторый улей зашла нечаянно посторонняя пчела, где принята она была приятно. Между тем как она у них жила, не преминула осведомиться о их обстоятельствах, которые казались ей достойны сожаления. Она не могла приметить там ни малейшего знаку честолюбия, веселости и великолепия, а видела только бедные их жилища, которые были без всякого украшения. Словом, все, что ей ни представлялось, уверяло о их незнании и бедности. Чего ради не могла она с жалости от слез удержаться и дала знать им свое сожаление таким образом:

— Я нашла, — говорила она им, — жилище ваше не иначе, как пустою деревнею, в рассуждении прочих ульев, в которых царствует изобилие и благосостояние, плоды великого их свойства, то есть честолюбия.

Потом спрашивала она их: которых они богов и богинь почитают? На что ответствовали те, что живут под защищением богинь правосудия, смирения и спокойствия.

— Они-то и причиною всей вашей бедности, — говорила им пчела. — Оставьте их с покоем и примите на место их наших богинь, под защищением которых живем мы в благополучии. Они называются честолюбие, роскошь и богатство.

— Возможно ль тому быть? — отвечали они ей. — Мы ведаем, что сии богини привлекают оставлять добродетель и препровождать жизнь свою в пороках.

— Неправда, — говорила пчела, — то самое, что вы называете пороком, приводит нас на вышний степень благополучия.

Потом описывала она им благосостояние других ульев. Сим их она уговорила, и они согласились оставить богинь, которых почитали прежде. После чего было у них общее собрание, в котором определено принять новых защитителей, которых почитают соседние пчелы. Потом увидели они желаемые плоды, ибо улей их стал в скором времени сам себе неподобен, и с пороками начало возрастать богатство и мнимое благополучие. Торги, купечество и мануфактуры их пришли уже в цветущее состояние, так что они считали день тот блаженным, в который пришла к ним посторонняя пчела и отворила путь к благополучию. Но что ж потом? Спустя несколько времени начали уже примечать они плоды мнимого благосостояния, ибо богатству последовали тотчас зависть, грабительство, убивство и неизвестные до того им болезни, которые произошли от изобилия и прочих неисчетных для них несчастий. До сего жили они в бедности спокойно, но тогда терпели при всем своем богатстве недостаток, ибо желаниям своим не могли определить пределов. Словом, весь улей пришел в крайний беспорядок, так что ничего иного в нем найти было не можно, как только внешнее великолепие, а внутреннее отягощало их несчастие. Сие было причиною, что они оставили защищение новых богинь и прибегли опять к прежним, чрез что и улей пришел в прежний порядок.

Баснь изображает плоды добродетелей и пороков.

БАСНЬ 47

НАКАЗАНИЕ ГИЕРОФИТУ

Гиерофиты были некоторый род змиев, которые не имели жала, следовательно не могли никому сделать вреда. Один из них обвинен был в злодеянии. Он, хотя

и признавал свое преступление, но по крайней мере старался принести извинение и говорил, что имеет чистую совесть, а всему, в чем его обвиняют, причиною было его тело, то есть внешний сосуд, в котором хранится внутреннее, не имеющее совсем участия в злодеянии. Судья спрашивал его, где, по его мнению, душа его имеет пребывание? «В сердце», — ответствовал гиерофит. После чего учинено было решение, и с гиерофита содрали кожу, причем палач получил повеление как возможно стараться не повредить сердца, где хранилася невинная его совесть.

Баснь сия доказывает, что гиерофит получил достойное наказание.

БАСНЬ 48

О РЫСИ

Рысь, которая в лесу отправляла должность надсмотрщика, лишилась нечаянным случаем одного глаза. Все звери, которые были под ее надзиранием, радовались ее несчастию и думали, что после того не будет она поступать с ними строго. Сие услышав, рысь сказала им так:

— Перестаньте, бедные твари, радоваться собственному вашему несчастию: ведайте, что никто так исправно не может рассматривать, как кривые.

Баснь доказывает, что иногда радуются люди о таких приключениях, которые после бывают им вредны.

БАСНЬ 49

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЮСТИЦИИ

Юстиция была прежде сего в великом презрении. Ей не только для других, но ниже для себя невозможно было доставать средств к продолжению жизни.

Нищета ее столь была велика, что почти не имела она платья, чем бы покрывать наготу свою. Наконец начала она выдумывать разные способы, каким бы образом прийти ей, по примеру других наук, в лучшее состояние. Она открыла мнение свое нравоучительной философии; с общего с ней согласия, взяла она на кредит у купцов разное платье, галуны и прочие украшения, в которые тотчас нарядилась. Люди, увидев ее в таком великолепии, превратили презрение к ней в почтение. Платье ее было предлинное и такую имело силу, что, когда шлейфом своим касалося земли, тогда рождались от нее стряпчие, протоколисты, подьячие и прочие приказные люди. Таким образом, юстиция получила совсем иной вид и из крайней бедности пришла в благополучие. Полезно ли превращение сие человеческому роду, о том ведают те, которые имеют судебные дела.

БАСНЬ 50

НЕУДАЧНОЕ ЛИСИЦЫНО ПРЕДПРИЯТИЕ

Лисица, приметив великое множество уток близ лесу, легла на дороге, по которой им идти было должно. На том месте, где она лежала, стоял терновый куст, в который нечаянно так запутала свой хвост, что не могла сама того приметить. Как скоро утки начали проходить мимо ее, то некоторых она достала, а за другими, которые от нее побежали, хотелось ей погнаться. Тогда-то почувствовала она свое несчастие, однако со всем тем старалась как возможно оттуда выдраться. Сие предприятие производила она к действию очень неудачно, ибо принуждена была не инако оттуда свободиться, как оставя там свой хвост. Волк, увидя ее без хвоста, стал смеяться.

— Ты прибавила, — говорил он ей, — на одном конце то, что потеряла с другого.

Баснь доказывает, что часто бывает тут убыток, где должно было надеяться прибыли.

БАСНЬ 51

АПОЛЛОН ПОСЕЩАЕТ ЛЕС

Аполлон прибыл некогда в лес, чтоб видеть обстоятельства зверей, а особливо желал он знать, в каком состоянии были у них науки. Тогда показали ему две части леса, в которых жили философствующие звери. Сие место было более всех плодородно, того ради дано им оное было за их ученость. Аполлоново прибытие в первую часть их жилища почтили знатнейшие из них поздравлением и подали ему разные материи, о которых будут у них диспуты и которые состояли в следующем: как давно живет птица феникс? Также о цвете райских птиц, о естестве саламандры и о причине, для чего она живет только в огне? И еще о некоторых материях такого же свойства. Аполлон удивлялся, слышав сие, и говорил своим провожателям:

— Сии глупые звери, которые называются философами, недостойны иметь столь плодородную страну, ибо они упражняются в споре о таких вещах, которых нет на свете.

На что отвечали ему провожатели, что будет он, конечно, довольнее, когда увидит другую часть леса, где философы стараются уже о важнейших делах, а особливо о богословии. Аполлон принят был и там также с великою честию. Материи, о которых они имели споры, и вопросы, кои надлежало им всеми силами стараться решить, были важнее, нежели прежде, ибо касались они до небесных приключений. Напр.: Геркулес, Мом, Аполлон и Меркурий за одним ли столом кушают с Юпитером? Ганимед, кравчий богов, получает ли за службу свою от них жалованье? Юпитер завтракает ли или постится до обеда? Аполлон, услышав сие, пошел от них прочь и сказал, что первые философы глупы, а другие совсем сумасбродны. Потом исследовал он о состоянии зверей неученых и нашел с удовольствием, что некоторые из них были трудолюбивы и полезны. Тогда оставил он лес и рассказал Юпитеру обстоятельно о своем путешествии. После чего Юпитер отдал повеление богу Пану, чтоб плодородную страну отдать зверям неученым, а философам

песчаную, которую бы они принуждены были пахать сами, для своего содержания, и таким бы образом время свое препровождали полезнее, нежели в глупых спорах.

Баснь сия доказывает, что быть ученым есть совсем иное, нежели быть разумным, и что ученые часто бывают сумасброды.

БАСНЬ 52

КОШКА В КРЕСТЬЯНСКОМ ПОСТАВЦЕ

Бедный крестьянин спрятал сыр в поставец, в который вошла мышь и сыр несколько попортила. Крестьянин, увидя то, вздумал запереть туда на ночь кошку, чтоб отогнать мышей и тем сберечь свой сыр. Поутру встав, растворил он поставец и увидел, что сама кошка ночью весь сыр съела.

Баснь учит, что часто, избегая одной беды, попадаем в другую.

БАСНЬ 53

ЖАЛОБА ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

Юпитер сослал некогда Меркурия в лес, чтоб удовольствовать прошения зверей и птиц. Тогда собралось их к нему великое множество, и всякий из них имел нечто, в чем состояло его неудовольствие. Орел говорил, для чего не имеет он столь приятного голоса, как жаворонок? Жаворонок говорил, для чего он поет хуже соловья? Ястреб говорил, для чего не имеет он такого хвоста, как павлин? Павлин говорил, для чего у него не такие ноги, как у ястреба? Обезьяна жаловалась, для чего не имеет она львовой силы? Лев спрашивал, для чего у него не такие руки, как у обезьяны? Волк негодовал на то, для чего он не столь лукав, как лисица? А лисица хотела иметь тигрову ко-

жу. Бык жаловался, что голова его непохожа на бобрpremove. Бобр печалился, что не имеет он таких рогов, как у быка. После того как они принесли свои жалобы, сказал Меркурий:

— Вы должны все быть удовольствованы. Всякий зверь превратится в того, которого вид он иметь желает. Таким образом, орел будет жаворонком, ястреб павлином, павлин ястребом, волк лисицей, лисица тигром, и так далее, чтоб впредь никто не имел причины жаловаться на свое состояние и завидовать один другому.

После сих слов следовало общее молчание, и все звери стояли задумавшись, повеся головы. Они размышляли, что, получа чужие дарования, потеряют более своих. Орел прекратил сию задумчивость и начал говорить Меркурию:

— Позволь остаться мне в моем прежнем состоянии.

Тотчас все звери закричали Меркурию, что желают быть такими, как были прежде, и бедный крот говорил тогда, что доволен он своим состоянием. Тогда Меркурий употребил случай тот в пользу и обличал их в суетных желаниях, уверяя, что Юпитер впредь не так скоро услышит их прошения.

Баснь сия надлежит до тех, которые не знают, чего желают.

БАСНЬ 54

ЛИСИЦА СУДЬЕЮ

Лисица получила некогда чин судейский. Никто не сумневался о ее к тому способности, но весьма мало были уверены о ее честности. Тогда должна она была учинить присягу, что не будет взирать ни на знатность лиц, ни на подарки. Волк, услышав о сей присяге, говорил ей:

— Каким образом хочешь ты сдержать свое обещание? Я знаю тебя очень давно, и ты совсем неспособна наблюдать такое правосудие.

— Пожалуй, не печалься, — отвечала лисица, — когда принесет кто ко мне гусей или кур в подарок, то велю сказывать слуге, что я, с моей стороны, совсем взятков не беру, а ежели у них есть что лишнее, то относили б они моей жене и детям. Ведай себе, что совесть моя в таком случае, конечно, угрызения не почувствует.

Баснь доказывает, что в свете научились уже давно, каким образом прикрывать свою нечестность.

БАСНЬ 55

ЖАЛОБА ЛЯГУШЕК

Молодые дети бросали для препровождения времени каменья в болото, в котором жили лягушки. Сия забава продолжалася столь долго, что несколько лягушек было побито; таким образом, одна из них начала говорить детям:

— Перестаньте убивать нас, невинных. То, чем вы препровождаете теперь время, стоит нам, бедным, очень дорого.

Баснь доказывает, что часто люди обижают других без всякой своей пользы.

БАСНЬ 56

МЫШЬ В СЫРЕ

Кошка нашла мышь, которая так глубоко зарылася в сыр, что насилу можно было видеть ее голову. Кошка спрашивала ее, что она там делает?

— Я отреклась мира, — отвечала ей мышь.

— Хвалю твое предприятие, — сказала тогда кошка, — я и сама намерена тебе следовать.

После чего съела она сыр и с мышью.

Баснь доказывает, что много в свете таких мышей, которые отрекаются мира, чтоб утопать в роскошах.

БАСНЬ 57

РАЗГОВОР КРЕСТЬЯНИНА С КРОЛИКОМ

Крестьянин разговаривал некогда с кроликом и спрашивал его, в каком состоянии находятся у них в лесу светские дела? Кролик уведомлял его о том и говорил, что у них бессильные звери претерпевают весьма много от сильных.

— Сие самое делается и между людьми, — отвечал ему крестьянин.

— У нас, — говорил кролик, — ныне не много уже почитают добродетель и разум, ибо осел может равно прийти в лучшее состояние, как и разумный зверь.

— Тому я не дивлюсь, — сказал крестьянин, — у нас самих много таких ослов, которые отправляют должность разумного человека.

— Судьи наши, — говорил кролик, — обыкновенно наказывают злодеяния, чему сами всегда бывают виновны.

— Не можно отпереться, — отвечал крестьянин, — чтоб того и у нас не было.

— Глупость и суета, — говорил кролик, — возрастают у нас ныне со старостию.

— То самое бывает и с нами, — отвечал крестьянин, — у нас по большей части дураки бывают старики.

— Между зверьми, — говорил кролик, — есть еще такое дурачество, что некоторые хотят быть совсем иными, нежели как есть; напр., осел старается быть слоном, а сова соловьем.

— Как же в этом случае мы вам подобны! — сказал крестьянин. — У нас хромой всегда хочет ходить прямо.

— Что надлежит до браков, — говорил кролик, — то они у нас совсем бывают подобны торгам: о добродетели и разуме ничего тогда не спрашивают, а говорят только о том, богат ли жених и каково приданое у невесты? Для того-то мужья часто бывают и с рогами.

— Что ты мне ни говоришь о ваших светских обстоятельствах, — говорил крестьянин, — то не могут они никак быть сходнее с нашими.

После чего поговорили они еще о некоторых обстоятельствах, и крестьянин увидел ясно, что он в своем мнении не ошибся. Таким образом, пошел он от кролика, благодаря за его уведомление.

БАСНЬ 58

ПЧЕЛА И ПАУК

Спор зашел у пчелы и паука о том, кто из них в работе своей иметь должен преимущество? Паук хвалил только одно свое искусство, а пчела доказывала не только искусство, но и пользу своих трудов. Таким образом, паук должен был уступить преимущество пчеле.

Баснь учит пользу предпочитать искусству.

БАСНЬ 59

О СОВЕ

Некоторые недовольны были тем, что сова кричит столь неприятно, и просили ее в том быть умеренною, на что она ответствовала так:

— Я хотя совсем не имею охоты к пению, но чего не делается в свете в угождение другим?

Баснь доказывает, сколь много воображает о себе самая бедная тварь и что сова не меньше думает о приятности своего голоса, как и соловей.

БАСНЬ 60

ЛИСИЦЫНО НРАВОУЧЕНИЕ

Лисица, доказав многими опытами свое знание, получила позволение обучать зверей публично. Таким образом, сочинила она нравоучительные правила, кото-

рые изъясняла им всякую неделю по три раза. Сверх того оставалось ей время учить еще приватно. Она брала за сие двойную плату, и всякий был на то согласен, ибо учение ее приносило великую пользу, а особливо тем, которые хотят в свете сыскать свое счастие. Главные правила ее нравоучения состояли в следующем:

Не спускай ни в чем тому, кого сильнее ты, защищай себя от равного и уступай тому, кто тебя сильнее.

Не противься отнюдь сильному; когда же и случится тебе от него добрая оплеуха, то прими ее с благодарностию, чтоб мог отдать за то две тому, кого ты сильнее.

Будь подобен мельнице, которая учреждена так, чтоб с которой стороны ветер ни дул, всегда молоть была в состоянии.

Ни в чем правды не держись, когда желаешь найти в свете свое счастие.

Не говори того, о чем мыслишь, и старайся, чтоб всегда сердце с языком было несогласно.

Оставляй все те добродетели, от которых пользы получить надежды нет.

Самолюбие во всех своих предприятиях имей основанием.

Старайся всегда лучше казаться, нежели в самом деле быть, ибо быть тем, чем казаться, в свете совсем бесполезно.

О честности своей божись и уверяй как можно более, только в самом деле наблюдать ее совсем не надлежит тому, кто хочет быть благополучным.

Когда хочешь воровать, то промышляй столько, чтоб мог откупиться, для того что наказывают обыкновенно малых воров, а не больших.

Дари тех, от которых есть надежда получить вдвое.

Старайся похвалами привлекать на свою сторону тех, от кого можешь надеяться благополучия, и не жалей ни одного для них титула, ибо в числе оных, конечно, ошибиться не можно.

Будучи судьею, сам взяток не бери, а оставляй оное жене; таким образом, можешь сказать всегда, что руки твои чисты.

Увещевай свою жену к хранению верности и запирай двери от всех тех, которые за то пошлины платить тебе не в состоянии, но если кто из знатных намерен почтить твой дом, то отворяй ему ворота без всякого прекословия, ибо хотя будешь и с рогами, однако станешь носить рога золотые.

Старайся собрать по возможности богатство, каким бы то образом ни было: рубль всегда есть рубль, хоть краденый, хоть заслуженный.

Сие было лисицыно нравоучение, которое толковала она тем зверям, кто платил ей более за приватное обучение.

Она хотя в свет то выдать и не желала, однако дьявол, который еще полукавее ее, украл список и всеял силу ее нравоучения в сердца людей. Сие тем вероятнее, что видим уже ежедневно плоды сего полезного нравоучения.

БАСНЬ 61

ГУСЕВА СМЕЛОСТЬ

Лев должен был некогда решить весьма важное дело, чего ради велел он созвать к себе разных зверей, чтобы услышать, не подаст ли кто-нибудь из них ему доброго совету? Однако со всем тем никто не осмелился тогда в том ему советовать. Один только гусь говорил, что не находит он в том деле дальнего затруднения. Все те, которые знали гуся, удивлялись его смелости. Но сорока, услышав сие, говорила тогда так:

— Нечему дивиться, та самая надежда, которую имеет гусь на свой разум, довольно уже доказывает о его глупости.

Баснь доказывает, что глупые почитают обыкновенно себя способнейшими ко всему, ибо они не знают сами себя и, таким образом, не могут видеть важности дела, которую разумный человек всегда примечает.

БАСНЬ 62

ОБЕЗЬЯНА ЖИВОПИСЦЕМ

Обезьяна получила повеление от льва написать изображение богини Венеры. Она приложила все свое старание показать в том свое искусство и взяла модель с прекрасной обезьяны, которой лучше не было во всем лесу. Потом, как окончала она свою работу, показала ее льву, который со всем тем не великое показывал притом удовольствие.

— Краски довольно хороши, — сказал лев, — и работа изрядная, но то худо, что Венера имеет обезьянино лицо.

— Этому и быть должно, — говорила она, — я нарочно взяла в пример большую мою дочь, которой прекраснее нет во всем лесу.

— Какая гордость! — сказал тогда лев. — Разве думаешь ты, что обезьяна может быть примером небесной красоты? Вся твоя работа очень смешна, и она должна быть непременно переделана.

Обезьяна весьма рассердилась на львово неудовольствие и не хотела отнюдь переменить работу; таким образом, оставила она тогда и свою должность. Потом поставила тот портрет на публичном месте, чтоб все звери и птицы, которые были знатоки в живописной науке, могли его видеть и рассудить, что обвинена была она напрасно. Со всем тем не могла и тогда обезьяна избежать критики. Слон, который шел мимо, говорил, что живописец весьма ошибся в том, что забыл нарисовать у Венеры хобот. Бык недоволен был тем, что

обезьяна не сделала у Венеры таких рогов, как у него. Петух советовал портрет поправить и написать еще гребешок. Таким образом рассуждали и прочие звери, даже до самых лягушек, ибо всякий из них думал, что его вид должен быть примером красоты. Обезьяна приведена была тем в такой жестокий гнев, что портрет изодрала в куски и, посоветовав с лисицею, сделала другой, который сходен был со львицею. Лев, увидев его, не мог надивиться, как хорошо обезьяна изобразила Венеру, и дал ей за то богатое награждение.

Баснь доказывает, что всякая тварь почитает себя за наилучшую. Для сей-то причины европейцы изображают ангела светлым, а дьявола темным. Напротив того, африканцы — дьявола светлым, а ангела темным.

БАСНЬ 63

ГОРДАЯ СВИНЬЯ

Нет ни одного животного, которое бы не имело о себе гордых мыслей. Примером тому служит свинья, о которой рассказывают следующую баснь. Свинья, рассуждая о собственном своем состоянии, начала воображать, что весь свет создан для нее одной. Она видела всегда, что перед ее клевом восходит солнце, которое и заходит тогда, как приходит ей время покоиться. Таким образом, думала она, что сие учреждение определено только для ее способности. Она примечала также, что люди приходили к ней всякий день и пускали ее на поле, о которых думала, что они собственные ее слуги. Словом, почитала себя на свете первейшею тварью, но в самое то время, как была она в гордых сих мыслях, пришел к ней хозяин и вытащил ее насильно в бойню.

Баснь сия служит нравоучением для тех, которые воображают, что все создано для них. Таким образом, должны и они равно быть осмеяны, как гордая свинья.

БАСНЬ 64

О КОКУШКЕ

Кокушка созвала некогда птиц к себе для слушания ее голосу, однако ей не удалось и ее освистали. Со всем тем были еще некоторые птицы, а особливо сорока, которые думали, что кокушка обвинена несправедливо, ибо считали они голос ее довольно приятным. Орел, услышав сии слова, ответствовал так:

— Когда бы мы кокушку просили, чтоб она запела, тогда б, конечно, не так строго с ней поступлено было, но она сама созвала нас слушать своего пения, думая весьма много о своем голосе; таким образом, поступили с ней справедливо, когда ее освистали.

Баснь сия учит, что ничего не должно терпеть в рассуждении того, кто хвастает много своим знанием, и что в таком случае писателя, который принужден писать, не так строго критиковать должно, как таких дураков стихотворцев, которые пишут только для того, чтоб видим был в них стихотворческий дух.

БАСНЬ 65

ЮПИТЕР УЗНАЛ ТО, ЧЕГО НЕ ЖЕЛАЛ ЗНАТЬ

Меркурий был послан некогда от Юпитера в Афины отдать в переплет книгу. Но переплетчик ошибкою положил тогда в листы ее еще книжку, которая содержала в себе ужасную сатиру на Юпитера и изображение всех его пороков; таким образом Юпитер узнал то, чего не желал знать.

Баснь сия доказывает, что иногда нечаянно узнаем мы то, чего никто не хотел бы нам сказывать.

БАСНЬ 66

ОСЕЛ КАРАУЛЬЩИКОМ

Осел занемог подагрою и не мог исправлять обыкновенной своей должности, от которой получал он свое пропитание; таким образом, почитал он себя совсем бесполезным бременем света и приготовлялся уже умереть голодною смертию. В сем печальном состоянии увидел его волк, которому жаловался он на свое несчастие. Волк приведен был тем в сожаление и увещевал его, чтоб он не совсем отчаивался и что есть еще довольно средств, чем бы искать себе пропитания.

— Ты имеешь голос, — говорил волк.

— Это правда, — отвечал осел, — он у меня есть, и очень еще громок, да я не знаю, для чего никому не нравится?

— То нет ничего, — сказал волк, — только б действительно был он громок, а я, с моей стороны, постараюсь сыскать тебе в каком-нибудь городе должность караульщика.

Волк устоял в своем слове. И сказывают, что многие ослы последовали сему примеру, и уже несколько городов наполнены такими караульщиками.

Баснь учит, что нет в свете ничего столь бесполезного, которое бы во что-нибудь не могло употреблено быть.

БАСНЬ 67

ЛИСИЦЫНА И ВОЛКОВА ПРОПОВЕДЬ

Лисица и волк, которые были в лесу долгое время нравоучителями и с великою яростию обличали грехи, в коих звери и птицы приносили покаяние, начали некогда, по обыкновению своему, проповедовать, но в самый тот час, когда доказывали они, что ненасытное желание есть великий грех, пробежал мимо их баран. Волк, увидев его, сказал слушателям, что за краткостию времени более говорить ему не можно. Лисица

извиняла себя тем же и просила их собраться для слушания ее нравоучения в другое время. После того оба проповедники побежали к добыче, но, не хотя уступить ее один другому, начали они такую ужасную драку, что в сражении оба лишились жизни, а бедный баран избавился тем смерти.

Баснь учит не взирать на внешнюю кротость нравоучителей, а дожидаться случая, в который можно будет видеть действительный опыт их смирения.

БАСНЬ 68

УТКИ И ТЮЛЕНЬ

Несколько уток стояли на морском берегу и разговаривали между собою. Между прочим, говорили они с удивлением о приливе и отливе воды, ибо примечали они, что вода иногда прибавлялась, а иногда умалялась. В самое то время как они упражнялись в сих философских размышлениях, подошел к ним тюлень. Он имел великое понятие об астрономии, чего ради и утки надеялись от него услышать тогда нечто достойное примечания.

— Пожалуй, скажи нам, — говорили они ему, — что причиною приливу и отливу сей воды?

— Это происходит, — отвечал тюлень, — от той силы, которую имеет на земле месяц, ибо когда оная начинает свое действие, то вода поднимается до самых берегов.

Утки, услышав то, начали смеяться изо всей силы. Им казалось сие мнение весьма глупо.

— Мы видим, — говорили они, — что ты великий астроном.

Потом предложили они ему другой вопрос, то есть — для чего месяц прибывает и убывает? Тюлень, приметя, что с такими дурами не надлежит говорить важно, ответствовал так:

— Это оттого, что, когда месяц приходит в полное

свое совершенство, тогда отламывают от него некоторые части, и из тех обломков делаются звезды.

Утки, услышав сие, почли его ответ за весьма справедливый и благодарили за доброе наставление.

Баснь доказывает, что в свете есть еще такие, которые пренебрегают то, что почитать должно, а почитают то, что должно пренебрегать.

БАСНЬ 69

ОСЛОВА ГОРДОСТЬ В БЛАГОПОЛУЧИИ

Осел нашел великое сокровище, скрытое под драконом, который умер с голоду, не хотя оного оставить другому. Осел накупил себе богатых уборов и в новом наряде вышел в лес. Все звери и птицы довольно смеялись его глупости.

— Он изрядно делает, — сказал тогда слон, — ему более всех надобны чужие украшения. Если б я был осел, то б, конечно, без дальнего размышления сделал то же.

Баснь показывает, что всегда дурные стараются наряжаться как можно более, однако, несмотря на то, красота их нимало не прибывает.

БАСНЬ 70

ТЕЛЯТА И ОЛЕНЬ

Несколько молодых телят смеялись оленю, для чего он с рогами? Олень, обернувшись, сказал одному из них, который стоял подле него:

— Разве забыл ты, что у батюшки твоего были такие же рога, как и у меня, да и сам ты в скором времени носить их будешь.

Баснь доказывает, сколь безрассудно смеяться над тем, кто имеет неверную жену.

БАСНЬ 71

СОБАКА И ВОЛК

Собака вызывала волка на поединок. Волк не хотел с нею драться и извинялся ей, говоря:

— Еще неизвестно, кто из нас выиграет. Если я для отмщения одной твоей насмешки буду с тобою драться, а мне не удастся, то не только станут надо мною смеяться, но еще и здоровью моему вред чувствовать буду.

Баснь обвиняет нравы тех, которых самая безделица приводит в ярость, в которой они обиду свою не инако как убивством отмстить стараются.

БАСНЬ 72

ОСЕЛ БИБЛИОТЕКАРЕМ

Осел старался некогда быть библиотекарем. Причины тому были следующие: он сказывал, что часто носил книги с одного места на другое и тем довольно заслужил, чтоб прошение его не было уничтожено. Можно легко рассудить, что ему в том отказали, а как о том пронесся в лесу слух, то начали ослу звери смеяться.

— Между прочим, — говорила ему кокушка, — разве думаешь ты, что осел может быть библиотекарем? И разве к тому довольно того, чтоб носить книги с места на место?

— Я ведаю, — отвечал ей осел, — что многих, которые еще глупее меня, почитают учеными за то только, что имеют великие библиотеки, так для чего и мне не быть библиотекарем?

Баснь учит, что не можно доказать свое знание одною библиотекою.

БАСНЬ 73

СУДЬБА ИСТОРИИ

История отставлена была от своей должности. Причина же ее несчастию была следующая: никто не был доволен ее поступком, ибо описывала она различные слабости древних государей и князей, которым были они подвержены. Полководцы и министры недовольны были тем, что изображала она живо все их поступки. Льстецы ненавидели ее за то, для чего предостерегала она от их обманов. Педанты роптали на нее, что изобличала она их глупость, с какою яростию спорят они за самую безделицу и пишут о том, чего не разумеют сами. Купечество не могло терпеть ее за то, для чего открывает она их вымыслы, которыми стараются получить больший прибыток. Духовенство, читая описание ее о трудах и смирении отцов святых, которым подражать они должны, весьма за то ее ненавидели. Словом, все ею были огорчены, и, таким образом, не перестали они гнать ее до тех пор, как принудили ее оставить свою должность. История пришла чрез то в беднейшее состояние, так что принуждена была ходить по миру, опасаясь, чтоб не умереть с голоду. Потом, спустя несколько времени, некоторые сжалились на ее бедность и сделали ей чрез просьбу то, что позволили опять исполнять прежнюю свою должность, с тем только, чтоб подписала она договор, который состоял в следующем: впредь описывать ей не иное что, как только рождение великих людей, дни их крещения и прочие церемонии в торжественных праздниках, также и еще о некоторых приключениях, как-то: о пожарах и землетрясениях. Правда, ей позволено было описывать войны и баталии, но притом запрещено было ей делать рассуждения. Таким образом история пришла в такое состояние, как видим ее ныне, и для того-то имеем мы одни только сухие летописи.

БАСНЬ 74

О ЗАЙЦЕ

Заяц хотел иметь некоторую должность при дворе львовом и просил лисицу и гуся, которые там были в силе, чтоб о нем постарались. Они в том служить ему обещались, и гусь хвалил его разум, а лисица честность; но как привели зайца ко льву на аудиенцию, то сказал он ему так:

— Я б рад был принять тебя к себе в службу, когда б лисица выхваляла твой разум, а гусь честность.

Басць доказывает, что безрассудные просьбы чаще бывают во вред, нежели в пользу.

БАСНЬ 75

ДОГОВОР МЕЖДУ ЛИСИЦЕЮ И ВОЛКОМ

Волк и лисица заключили некогда мирный договор, а для утверждения дружбы волк отдал своих детей на воспитание лисице, а лисица своих волку. Действие же воспитания было следующее: молодые лисицы стали глупы, а волки лукавы, так что не можно было знать, какого кто поколения, выключая наружный вид.

Басць доказывает действие воспитания.

БАСНЬ 76

ОБЕЗЬЯНА И ЧЕЛОВЕК

Обезьяна встретилась некогда в лесу с человеком, которого спрашивала она:

— Правда ли то, что говорил философ, будто слон умнее всех зверей?

— Так, — сказал человек, — да и многие ученые в том согласны.

— А у нас, — говорила обезьяна, — все звери почитают разумнейшею лисицу.

— Это оттого, — отвечал человек, — что разум смешивают с лукавством, и для того-то лисица почитается у вас разумною.

Баснь обвиняет тех, которые разума не отличают от лукавства.

БАСНЬ 77

ЖАЛОБА ТИГРОВА

Тигр жаловался на краткость своего века и укорял судьбу, что повелела она жить долее его воронам и оленям. Осел, услышав то, сказал ему так:

— Есть еще больше причин негодовать на судьбу за то, для чего она и те годы жить тебе позволила, в рассуждении того, сколь ты вреден. Право, довольно для вас и того времени, и ты десятью доле живешь оленя, для того что десятью больше делаешь вреда, нежели олень.

Баснь учит, что многие напрасно жалуются на краткость века. Жизнь довольно велика, когда только препроводишь ее с пользою.

БАСНЬ 78

ДВА КОЗЛА

Два козла, которые почитались в лесу великими философами, так между собою повздорили, что вызвали друг друга на поединок. Баран, который видел их драку, подошед к ним, сказал:

— Не стыдно ли вам так драться? Ведь вы философы и увещеваете прочих скотов побеждать страсти, а сами теперь что делаете?

— Перестань, пожалуй, — отвечали оба козла еди-

погласно, — ведай себе, что мы философы только теоретические, а не практические.

Баснь надлежит до тех, которые воображают о себе, что они философы; напротив того, видим уже многие примеры, что науки их делают только ученее, а не лучше.

БАСНЬ 79

КРЕСТЬЯНИН И ПЕТУХ

Голодный крестьянин видел некогда во сне, что зван он был обедать на именины, и в самое то время, как стал садиться за стол, закричал так громко его петух, что крестьянин проснулся и лишился обеда. Он так рассердился за то на петуха, что побежал к нему и хотел свернуть тотчас ему голову. Петух просил его идти вместе к господину их, и какое он наказание определит, то обещался претерпеть оное без прекословия. Крестьянин приносил прежде свои жалобы и говорил, что петух не дал ему пообедать. Напротив чего тот извинялся незнанием и что пел он не с другого какого умыслу, как только по своему обыкновению.

— По крайней мере, — говорил ему крестьянин, — ты мог бы подождать до тех пор, как мы из-за стола встанем.

— Я с радостию б ждал, — отвечал петух, — ежели бы знал, что вы во сне видите. Да, пожалуй, скажи, — продолжал он свою речь, — не видятся ли вам иногда и дурные сны?

— И это со мною бывает, — отвечал крестьянин.

— Так, конечно, — говорил петух, — я иногда и услуги вам показывал и избавлял вас от таких снов, которые противны.

Посредник их, видев, что петух защищал себя справедливо, решил сие дело так: петух должен убит быть неотменно, когда впредь лишать будет крестьянина приятных снов, а, напротив того, крестьянин

должен петуху сказывать с вечера, что ему ночью во сне видеться будет.

Баснь доказывает, что глупые требования глупо и решить надлежит.

БАСНЬ 80

ЛИСИЦА И БЫК

Как лисица от старости ослабела и не могла доставать пропитания обыкновенным своим промыслом, то приняла намерение быть учителем. Ученики у нее были звери разных родов, из коих всякий по окончании учения платил ей договорную плату. Один только бык на то не соглашался и требовал еще назад у нее и задаток. В оправдание свое говорил он, что во все время ничего еще не выучил, чего ради между учителем и учеником сделалась превеликая распря. Бык спрашивал тогда совету у сороки, которая присудила ему подать челобитную о возвращении задатка и обещалась ему быть в суде стряпчим. Потом дело слушал слон, который решил оное так: хотя бык и ничего не выучил у лисицы, однако учитель не виноват, а виноват ученик, который был бык.

Баснь учит, что, конечно, учителя извинять должно, когда имеет он бестолкового ученика: не из всякого дерева можно вырезать Меркурия.

БАСНЬ 81

ССОРА У МЕТАФИЗИКИ С ЗЕМЛЕДЕЛЬСТВОМ

Метафизика с земледельством встретилась некогда в тесном переулке. Одна другой не хотела дать дороги, за что они тотчас начали браниться.

— Слушай, — говорила метафизика, — ты знаешь ли, кто я и кто ты?

— Знаю, — отвечало земледельство, — мне давно известно твое упражнение. Оно, помнится мне, сходно с тем, которое имел некоторый Цесарь, то есть он несколько часов мух ловил.

Сей острый ответ раздражил метафизику так, что она хотела было силою перебить у него дорогу, однако земледельство было гораздо крепче, нежели она. И, таким образом, предприятие ее было уничтожено. Сей случай не прошел даром: она пошла в суд к педантерии, которая тогда имела судейскую должность. Решение было следующее: земледельство, как последняя в науках, должна с того времени считаться только простым рукоделием и отнюдь не вступать в собрание наук высоких. Земледельство, которое так несправедливо было осуждено, не могло сего терпеть и тогда же добровольно оставило свою должность. Сие было не противно прочим академическим наукам. Они думали еще, что решение не довольно строго, ибо дерзость, которую земледельство имело против метафизики, казалась им повреждением общей их славы. Таким образом, торжествовала метафизика над своею неприятельницею, и с радости учредила она у себя богатый обед, но веселие их продолжалося недолго, ибо в следующий же год примечены были печальные тому следствия. Земля не приносила никаких плодов, так что сделался оттого чрезвычайный голод. Бедствие сие умножилось столько, что некоторые оттого уже и померли. Говорят, будто тогда и метафизика с логикой по миру таскались; для сей причины уменьшила она свою гордость и призвала опять земледельство в число наук первого класса, чрез что все пришло опять в прежнее состояние. Педантерию же за неправое решение столкнули долой с судейского места, а посадили на ее место критику.

БАСНЬ 82

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЛКОВО ЗАВЕЩАНИЕ

Волк, отягчен будучи долговременною болезнию и приметив скорую кончину, приказал призвать перед

себя детей своих, которых увещевал хранить добродетель и следовать стопам своим.

— Вы знаете, — говорил он им, — что я всегда богам десятую часть добычи приношу в жертву и, таким образом, умираю с доброю совестию.

Жена его, которая слышала сии слова, сказала ему так:

— Не трудись столько их увещевать и будь уверен, что они станут, конечно, тебе следовать как в жертве, так и в добыче.

БАСНЬ 83

ДЛЯ ЧЕГО ФЕНИКС НИКОГДА ПОЧТИ НЕВИДИМ?

Ворон с вороною разговаривали между собою о разных материях, между прочим и о птице фениксе, о ее виде, свойстве, а особливо, для чего она столь редко видима? Тогда прилетел к ним попугай; от него-то думали они то узнать, ибо жил он там, где птица феникс. Таким образом, спрашивали они его, что причиною тому, что редко ее видят?

— Много можно сказать вам на то доказательств,— отвечал попугай, — первое то, что ее нет совсем нигде.

Услышав сие, просили они попугая не сказывать более прочих доказательств, ибо и одного сего было для них уже довольно.

Баснь учит, что часто спорят и люди о таких вещах, о бытии которых сами еще не известны.

БАСНЬ 84

СОРОКА ОРАТОРОМ

Сорока созвала некогда разных зверей и птиц для слушания сочиненной ею речи, которая была хотя и довольно хороша, но притом наполнена такими околичностями, которые к материи совсем не надлежали. И как она начала употреблять оные в самой средине

речи, то забыла совсем материю, на чем она остановилась, и принуждена спрашивать о том слушателей, которые сами также того не могли ей вспомнить. Таким образом, сорока и речь свою не могла тогда окончить.

Баснь научает ораторов от сего остерегаться.

БАСНЬ 85

ОБ ОТЦЕ, КОТОРЫЙ ИСКАЛ СЫНА

Арист имел с Лукрециею трех сынов, одного из них увели разбойники. Сей урон для отца был почти нестерпим, и он предприял оставить жену свою и дом, чтоб искать уведенного сына. Жена его и друзья не советовали ему отнюдь ехать самому и говорили, чтоб он поверил то кому-нибудь другому, но Арист на то не согласился и начал путешествие. По трилетнем отсутствии возвратился он домой и вместо трех детей нашел уже четверых.

Баснь доказывает, что иногда, избегая одного несчастия, попадаем в другое. Можно поверить, что большая часть греческих героев, которые оставляли свои дома для отмщения за Менелаеву обиду, возвращались сами домой с рогами.

БАСНЬ 86

РИТОРИКА И ВЕТЕР

Риторика хотя имеет основание и гораздо слабее, нежели прочие науки, но пред несколькним временем переменила нрав свой и начала гордиться, а чтоб прибавить себе более почтения и славы, нежели чему она достойна, то сделала себе ходули и выступила на них в собрание многих наук. По несчастию ее, был тогда превеликий ветер, который так сильно в первый раз дунул, что у риторики юбка поднялась до колена. Сей

случай огорчил ее весьма, а особливо тем, что шел тогда мимо ее молодой кавалер, который изо всей силы тому смеялся; она рассердилась так за то па ветер, что начала его ругать, для чего не делает он почтения дамам, и особливо в присутствии кавалеров.

— Не прогневайся, пожалуй, — отвечал ей ветер, — я исполняю свою должность, и когда вам сделалась чрез то обида, то причиною тому не я, а ваши ходули. Напрасно хотелось вам быть на аршин выше, нежели каковы вы в самой вещи, а когда б ходили вы на своих ногах, то б нималого беспокойства я вам не сделал.

Баснь обличает суетность риторики и что греки и римляне напрасно приписывают ей такую же пользу, как прочим высоким наукам.

БАСНЬ 87

ОБ ОСЛЕ, КОТОРЫЙ ПРОГЛОТИЛ МЕСЯЦ

Несколько человек черпали из колодезя воду, а как в то самое время был на небе месяц, то видели они в воде тень его. Потом подошел к колодезю осел и стал пить из него воду. В самое то время как он ее пил, облак покрыл на небе месяц и стала темнота. Глупые люди вообразили себе тотчас, что осел проглотил тот месяц, который они видели недавно, чего ради тотчас они осла поймали и взрезали его для избавления месяца. Как скоро сделана была сия операция, то прошел тогда облак и месяц стал опять виден. Сие утвердило еще более их мнение, и они остались в том, что осел, конечно, проглотил тогда месяц.

Справедливость сего приключения доказывает один известный писатель, да и можно легко тому поверить. Мы видим примеры, что некоторые обходительные народы заражены такими же глупыми мнениями. Древние греки и римляне приписывали затмение месяца волхвованию, а китайцы и ныне еще думают, что дракон глотает месяц.

БАСНЬ 88

ЛИСИЦА И ОСЕЛ

Лисицу, которая была несколько лет судьею, отставили от должности за неверность и лукавство. Тогда пришло на мысль льву не определять ни во что тех, которые имеют острый разум, и рассудил лучше употреблять к тому глупых скотов, которые бы не знали прикрывать своего лукавства новыми вымыслами; и так посадил он осла на лисицыно место. Новый судья, не знав нимало решить дела, взял тотчас лисицу в свои секретари. И таким образом, что не мог делать осел, то делала лисица, которая, ставя на счет судейский свои собственные дела, ворочала ослом как хотела и не потеряла притом ничего, хотя из судей сделали ее секретарем.

Баснь доказывает, что лев сделал не лучше, хотя определил осла судьею на лисицыно место.

БАСНЬ 89

КОЗЛЕНОК ОТВЕЧАЕТ ВОЛКУ

Волк увидел на горе козленка, хотел иметь его своею добычею. Но как не мог он взойти на гору сам, то старался приманить его к себе лестными словами.

— Не бойся ничего, — говорил он козленку, — мне, конечно, совестно поступить с тобою худо и огорчить тем твоих родителей.

— Я б охотно тебе в том поверил, — отвечал ему козленок, — однако мне должно еще спросить у родителей моих, имеет ли волк совесть?

Волк, услышав то, не хотел дожидаться, что скажут козленку на его вопрос, и пошел со стыдом прочь.

Баснь учит детей не начинать ничего без родительского совету.

БАСНЬ 90

ЧЕРЕПАХА ЖЕЛАЕТ БЫТЬ СКОРОХОДОМ

Как заяц, который был в лесу скороходом, умер, то хотела заступить место его черепаха и подала о том челобитную. Мать ее, услышав то, говорила ей:

— Как можно тому статься, чтоб сделали тебя скороходом? Ты сама знаешь, что к тому неспособна.

— Полно, матушка, — отвечала ей черепаха, — разве не знаешь ты, каков ныне свет? Ведь не у одних зверей водится то, что дают должности совсем к тому неспособным, и по случаю осел садится на судейские кресла, а у меня есть еще такие приятели, которые постараются о моем деле. Так для чего же мне не быть скороходом?

Потом чрез просьбу добрых своих друзей достала она новый чин, и хотя была совсем без ног, однако скороходом.

Баснь описывает сие обыкновение для того, что оно есть не у одних скотов, и для того не называют уже должность бременем, но хлебом и благодеянием.

БАСНЬ 91

МЫШЬ И ПАУК

Мышь услышала однажды, что хотели чистить горницу, в которой был паук. Она, будучи подвигнута жалостию, говорила пауку, чтоб он спасался бегом. Спустя несколько времени проведал и паук, что хотят посадить кошку в ту горницу, где мышь имела свое пребывание. Он ей тотчас то рассказал и советовал ей убраться в лазею, а как она туда вошла, то сделал он перед входом лазеи той паутину. Кошка, вошед туда и увидев тут паутину, подумала, что в лазее совсем мышей нет, и для того не пошла искать их далее.

Баснь представляет пример благодарности.

БАСНЬ 92

ЖУРАВЛЬ ЛЕКАРЕМ

Журавль начал лечить, хотя совсем о медицине не имел понятия. Но смелостию своею и тем, что беспрестанно врал, дошел он уже до того, что несколько человек у него лечились и охотно платили за то деньги. Сие не могли терпеть прочие степенные звери и наконец довели до того, что лечить журавлю запретили. Журавль сам хотел оправдаться и говорил, что ни один еще больной, которого он лечил, на него не жаловался; на что ему ответствовали так:

— Это происходит оттого, что никто не вставал после твоих лекарств.

БАСНЬ 93

КОЗЕЛ И ЖЕМЧУЖНАЯ РАКОВИНА

Козел, увидев лежащую раковину, говорил ей так:

— Не стыдно ли тебе, что ты лежишь на одном месте без всякой пользы? А я сегодня от утра до вечера бегал беспрестанно на превысоких горах.

— Тем ты не хвастай, — отвечала раковина, — в то самое время как ты бегал и мучился напрасно, произошло из меня перло, которое гораздо более стоит, нежели тысяча таких козлов, как ты.

Басня доказывает, что те, которые в беспрестанных трудах, не могут иногда сделать столько пользы, как те, которые кажутся почти праздными.

БАСНЬ 94

ПОСОЛЬСТВО ЮПИТЕРА К ПАНУ

Юпитер намерен был некогда отправить посла к богу Пану. Павлин выбран был послом, а лисица секретарем. Прочие боги на то не соглашались, ибо

думали, что лисица должна быть послом, для того что имеет острый разум, но Юпитер доказал им, что мнение их несправедливо, ибо павлин выбран только для того послом, что имеет величественный вид, а дела все отправлять будет лисица.

БАСНЬ 95

НЕОЖИДАЕМАЯ ОБЕЗЬЯНИНА КОНЧИНА

Обезьяна, которая была несколько лет танцмейстером, но за старостию не могла тем более питаться, пришла наконец в отчаяние и приняла намерение утопиться. В сем предприятии взошла она на высоту берега, на стороне которого стоял терновник. В нем так запуталась обезьяна, что принуждена была повиснуть и тем окончать жизнь свою. Орел, который летел мимо и видел все сие приключение, сказал тогда так:

— Чему должно повиснуть, то, конечно, в воде не утонет.

Баснь учит, что никто не может избежать определенного роду смерти.

БАСНЬ 96

ОФИЦЕР И ХОЗЯИН

Гарнизонный офицер, который на войне никогда не бывал, пришел однажды на постоялый двор, где нашел несколько пьяных солдат. Он весьма за то рассердился.

— Пожалуй, скажи, — говорил он хозяину, — сколько ты перепоил у меня солдат?

— Столько, — отвечал хозяин, — сколько раз ваше высокородие на войне были.

БАСНЬ 97

ОБЕЗЬЯНА СТИХОТВОРЦЕМ

Обезьяна сочинила некогда стихи, которые прочие звери возвышали похвалами и клялись, что не помнят еще у себя в лесу такого стихотворца, за что и наградили обезьяну стихотворческим венцом и назвали ее Аполлоновым сыном, так что получила она от зверей все то, чего только желала, выключая пропитания, в котором терпела она сильный недостаток. Обезьяна приметила скоро, что все приписываемые ей похвалы — худая утеха голодному желудку. Наконец, опасаясь околеть с голоду, предприяла она оставить лес и искать убежища между людей, однако и тут нашла она то же награждение, как и у зверей. Для сей причины принуждена она была идти в услужение к одному стряпчему, у которого она имела ту должность, что чистила поваренную посуду.

Баснь показывает худую судьбу стихотворцев.

БАСНЬ 98

ЛИСИЦЫНА КРИТИКА О ПРОИЗВОЖДЕНИИ ДВУХ ОБЕЗЬЯН

В то время как звери говорить могли, были многие из них в услужении у людей. В числе тех находились две обезьяны; одна была портным, а другая живодером. После того как они промышляли таким образом несколько времени, оставили людей и возвратились в лес, где старались они получить важнейшие чины. Сие их желание было исполнено очень скоро, и первую произвели в судьи, а другую в докторы. Все те звери, которые знали, кто таковы у людей они были, смеялись весьма сему произвождению.

— Нечему дивиться, — говорила тогда лисица, когда обезьяна, которая была живодером, стала доктором. — Мне кажется, что сии две должности очень друг с другом сходны, и обезьяна осталась еще при преж-

нем своем убивстве. Что же надлежит до нового судьи, то весьма хорошо сделали, что определили им портного. Все знают, что юстиция наша стала вся уже в заплатах, так не худо быть при том портному.

БАСНЬ 99

ССОРА У МЕДИЦИНЫ С ХИРУРГИЕЮ

Медицина позвала хирургию в суд к ответу за все ее напрасные обиды, а особливо за то, что она ввязалась в ту должность, которая ей принадлежала, и так лишает ее пропитания, несмотря на то, что переморила уже бесчисленное множество больных. Хирургия не испужалась того нимало, но еще подала сама на медицину челобитную, обвиняя ее, что она старается более о собственной своей пользе, нежели о здоровье больных, и что все методические ее лекарства учреждены только для того, чтоб продолжать болезни, а за то более бы получать денег. Потом дело началось, и с обеих сторон помощников было великое множество, а особливо у медицины, за которую вступились все аптекари, не хотя упустить из рук того доходу, который получали они от рецептов и методических лекарств. Потом, как дело сие дошло до ушей натуры, то велела она обеих их призвать пред себя и увещевала оставить ссору.

— Вы сами совестно признайтесь, — говорила она им, — что большую часть болезней исцеляю я и что вы ничего притом более не делаете, как только затмеваете надлежащую мне славу. Если же ваша ссора будет еще не окончена, то, к большему вашему посрамлению, докажу мое право над целым народом.

Медицина и хирургия, услышав сие, взяли назад свои челобитные и перестали друг на друга более приносить жалобы.

БАСНЬ 100

СУД МЕЖДУ ПРАВДОЮ И ЛОЖЬЮ

Правда часто жаловалась на ложь и уличала, что она как тайно, так и явно старается о ее погибели. Сие представляла она иногда в разговорах начальникам гражданским; однако обыкновенно не получала она от них никакого ответу. Таким образом, правда принуждена была наконец идти против лжи судом, а в челобитной своей написала она, что ложь за бесчестные свои поступки недостойна пользоваться гражданским правом. Ложь довольно ведала, что сии жалобы были основательны, и опасалась весьма остаться виноватою; того ради просила совету у дьявола, что ей начать должно? Дьявол велел ей позвать стряпчего, который бы знал с корню все приказные дела. Он в суде защищал ложь с таким успехом, что, несмотря на ее бессовесть, была она оправдана, а правду принудили заплатить знатную денежную сумму в юстицию за неправое прошение. Ужасно смотреть было, как драли с нее судья и прочие приказные. Они, не удовольствовавшись ничем, стащили с нее еще и платье и оставили правду нагую, и так ложь получила уже явно привилегию исполнять прежнее свое упражнение. Не можно описать, в какой радости был тогда дьявол! Он учредил в день тот торжество и пир; сказывают, что и сам сатана, несмотря на свою древность и седины, проплясал тогда всю ночь.

БАСНЬ 101

ДОГОВОР МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЮ И МЕХАНИКОЮ

Философия имела свою столицу в Греции в некотором замке, который окружен был глубоким рвом, а в воротах его поставлен был караул, чтоб никто не мог туда иметь свободного входу. И таким образом жила она по примеру восточных королей, которые никому не кажутся, а живут только в обхождении с одними своими любимцами. Вид ее был всегда одинаков, ни хуже, ни толще. Она казалася здоровою, однако иногда бывал

с нею припадок, чего ради лекари советовали ей лечить оный по времени. Но она думала, что из того не будет дурного следствия, и, таким образом, не хотела употреблять лекарств. Но как припадок не уменьшался, то наконец согласилась сама она лечиться, для того что некоторые ее любимцы, которые, по их мнению, имели понятие о медицине, к тому ее уговорили. Однако их лекарствами болезнь не уменьшалась. В сем состоянии объявили ей, что в предместии живет одна честная жена, которая называется механикою, и обещает вылечить философию совершенно, когда только принимать будет ее лекарства. Потом привели механику, которая взяла с собою туда аптекаря, по имени эксперимента. Они начали лечить ее, и скоро примечено было удивительное действие лекарств их, ибо болезнь не только совсем была исцелена, но философия получила еще новую силу и новый вид, так что никак узнать ее пред прежним было невозможно. Чего ради почувствовала она столь сильную любовь к механике и эксперименту, что наконец совсем с ними соединилась и позволила им иметь пребывание в своем замке; потом так начала с ними жить дружно, что не могла ничего уже без них и начинать. Плоды же сего были те, что философия пришла в такое доброе состояние, как видим ее ныне.

Баснь показывает, что древние не могли иметь в философии особливого успеха для того, что старались более изъяснять только учение своих предков, а не изыскивать и чрез искусство более просвещать их. Они презирали также механику, о которой думали, что она к философии совсем неприлична. Но ныне видим, что механика причиною многих откровений в философии.

БАСНЬ 102

СПОР У НАУК О ПЕРВЕНСТВЕ

Республика учредила некогда у себя богатый обед для всех наук. Она отдала приказ своей гофмейстерине сажать гостей по их достоинству. При сем случае при-

мечено было, что с ученостию не всегда соединена добродетель, ибо за первенство начали они ужасную ссору, которая окончана была страшною дракою. Богословие хотела иметь первое место.

— Я бы вам, конечно, его уступила, — говорила она прочим наукам, — если б можно было то сделать без уменьшения моея чести.

Философия за здравое свое рассуждение не хотела уступить никому места. Но риторика употребила всю свою силу доказать свое право. Правда, она бы и взяла то своим криком, если б не выступила математика.

— Потише, — говорила она им, — все ваши споры напрасны. Когда рассудить по основанию наук, то без всякого прекословия первенство должно отдать мне.

Словом, никто из них не хотел уступить друг другу места. И наконец дело дошло до драки, в которой вытащили они друг другу по хорошему клоку волосов. Но никто не поступил при том столь храбро, как нравоучительная философия. Она перестала спорить тогда, как исцарапали ей всю рожу и изодрали платье в лоскуты. Таким образом окончен был пир у республики. Она, чтоб не пропало даром изготовленное кушанье, приказала наместо наук позвать солдат, матросов и земледельцев, которые отобедали у нее добрым порядком.

БАСНЬ 103

ЖИЗНЬ ПЕДАНТЕРИИ

Грамматика, знатная дама между учеными, почувствовала некогда слабость, о которой думали сперва, что то водяная болезнь. Но по точнейшем изыскании узнали не без удивления, что она брюхата, и слух пронесся, будто Аполлон был отец того ребенка и будто часто примечено было, что они сходились тайно на Парнасе. Но грамматика отнюдь в том не признавалась, но еще клялась, что она ни с одним мужчиною никакого не имела обхождения. Высокое мнение, которое имели все о ее добродетели, сделало то, что ей в том поверили, или по крайней мере притворились, что верят

словам ее. Таким образом, почли все дело сие пре-естественным, а особливо Аполлон старался по возможности утверждать всех в том мнении; потом родила она дочь, которую назвали Педантериею. Сия девица воспитывалась с великим рачением, и не было ничего такого опущено, что служило к умножению добрых ее нравов. Потом, обучаяся она наукам, имела в них довольный успех, а особливо в том, к чему она особливую чувствовала склонность, то есть в исследовании произведения слов, имен, родословных книг, исчисления лет известных примечательных дел, которые были или еще впредь ожидать должно, и прочее, а особливо любила она древности, чего ради получала она своим старанием великое знание о тех приключениях, которые были до потопу. Сие записывала она в особливую книгу под титулом «История преждепотопная». Но что же надлежит до истории нынешних веков, то она о них старалась не много, ибо находила более удовольствия в древностях; такой же вкус имела она в том, что надлежит до пяти чувств. В рассуждении обоняния, находила она более удовольствия в вонючем сыре, нежели в розе; вкус ее не меньше был того чуден, и она все то кушала охотнее, что сгнило и провоняло; голос кокушки был ей гораздо приятнее, нежели соловья, и мина школьного враля гораздо казалась ей лучше взора красавицы. Такая в ней редкость от некоторых была осмеиваема, а похваляема от тех, которые удивляются всему тому, что необычайно; но можно признаться, что не было ей подобной в точнейшем исследовании самых безделиц. Но сие не касалось до платья или нарядов, так, как то бывает у прочих девиц, ибо она ходила очень просто. Но надлежало то до ее тетрадей и книг в библиотеке: все ее письма были занумерены, а книги стояли в одном переплете, и как бы книга ни была полезна, однако не могла принудить себя ее читать, когда бумага нечиста и слова не хорошо выпечатаны; равным образом не могла она читать лучшие стихи, когда хотя маленькую увидит ошибку в рифмах; все, что ни было в горнице, в поварне и на дворе, означено было греческими и латинскими именами, собака ее называлась Константином, а кошка Феликсом. Вся-

кая курица имела латинское имя; одна называлась nomen, другая pronomen, третья verbum и так далее. Блюда и котлы различаемы были равным же образом, ибо, например, большой котел называла она syntaxis, а большое блюдо prosodia. Дюжина тарелок имели имена двенадцати небесных знаков; девять ложек — девяти муз, а семь стульев — семи планет. Таким образом, когда говорила она своей служанке: «Подай сюда Юпитера», то разумелись чрез сие большие кресла. Когда же говорила она: «Я хочу сесть на Сатурна», то ставили ей стул, который назывался Сатурном. Должно признаться, что никто не сделал еще такого опыта в точности, как она. Оттого-то большая часть ученых возвышают ее до облаков, а в школах и гимназиях воздвигнуты уже в честь ей столпы. Напротив того, в других местах была она осмеиваема и презираема. Но как свет не может быть долго постоянен, то приняли уже все ее в употребление, и оттого видим ее ныне в прежнем состоянии.

БАСНЬ 104

ЛИСИЦА ВОРОЖЕЕЮ

Лисица, которая по случаю лишилась пропитания, начала вымышлять средства, чем бы оное доставать по-прежнему. Она приметила, что некоторые ворожеи у людей получают за вранье свое такие доходы, что не только себя, но и жену с детьми тем содержат. Таким образом, приняла и она намерение промышлять так между зверьми. И как некоторые ее слова были не несправедливы, а иные и действительно сбывались, то прославилась она ремеслом своим и без нужды могла иметь довольное пропитание. Сие возбудило в товарищах ее к ней великую ненависть, и другая лисица старалась, как возможно, привести ее в бесславие и лишить ее тех доходов. Она была также угадчица и ворожила с таким успехом, что звери смотрели на нее все разиня рты. Между прочим, сказывала она, что прежняя ворожея в том же месяце умрет

от яду. Как скоро то услышала первая лисица, то опечалилась чрезмерно и не хотела в тот несчастный месяц ни пить, ни есть. Но как пост ее был очень велик, то наконец занемогла она от голоду и околела. Как скоро о сем приключении все в лесу узнали, то велели написать ей следующую надгробную надпись: *Здесь лежит лисица, которая, опасаясь умереть от яду, околела с голоду.*

Баснь доказывает, что и плут плута обманывает.

БАСНЬ 105

БЕЗРАССУДНЫЙ ОТВЕТ МОЛОДОГО КАВАЛЕРА

Один из молодых кавалеров, который не пропускал ни одной комедии и оперы, зашел по случаю в церковь. По возвращении спросили его, много ли было в церкви народу?

— Очень много, — отвечал он скоропостижно. — Партеры все были наполнены народом.

Баснь доказывает, что есть в свете такие люди, у которых что на уме, то и на языке.

БАСНЬ 106

ЛИСИЦА ПРИВЕЛА В СТЫД АСТРОЛОГИЮ

Астрология, шедши по дороге, вспоткнулась и упала в яму. Мимо ее бежала тогда лисица, которую просила она, чтоб помогла ей оттуда вылезти.

— Я бы охотно то сделала, — сказала лисица, — но сегодня точно тот день, в который ничего важного по правилам астрологии делать не должно. Таким образом, не могу и я вам оказать теперь мою услугу. А ежели желаете вы полежать в яме до захождения солнца, то, конечно, с удовольствием помогать вам обещаюсь.

Притом я не мало удивляюсь, — продолжала лисица свою речь, — как вы, узнавая судьбу других, не ведали сами, что сегодня лежать вам в яме.

Баснь показывает суетность астрологии.

БАСНЬ 107

ДЬЯВОЛ И ЛИСИЦА

Дьявол часто обманут был лисицею, и чрез то приходил он уже в презрение; того ради, не возмогши с нею ничего сделать своим лукавством, предприял вызвать ее на поединок. Лисица не испужалась угроз его, но еще назначила дьяволу день, в который бы им подраться. Все удивлялись лисицыной отважности. Сам дьявол тому смеялся и пришел с радостию на означенное место. Потом дожидался он там лисицы несколько времени, но напрасно. Того ради подумал он, что, конечно, ошибся — в тот ли день она его вызвала, и стал смотреть того в календаре. Невозможно сказать, как тогда дьявол рассердился, ибо увидел, что день тот был первое число апреля.

БАСНЬ 108

ЛИСИЦА И ВОЛК

Выше сего описал уже я лисицыно лукавство, которое употребила она, обманывая крестьянина, притворясь мертвою, хотя и вытерпела притом она несколько ударов плетью. Скоро потом встретилась она с голодным волком, которому рассказала, каким образом пользовалась лучшими товарами крестьянина, и советовала волку следовать своему примеру.

— Притом ты, — говорила лисица, — должен, конечно, вытерпеть несколько ударов тележною оглоблею, чтоб тем более утвердить крестьянина в мнении о твоей смерти.

Волк благодарил ее за доброе наставление и растянулся на дороге в самое то время, как ехал тот же мужик, которого обманула лиса. Крестьянин, у которого обман лисицын был еще в свежей памяти, увидев волка в таком образе, говорил ему так:

— Я уже обманут однажды, а в другой раз, конечно, дураком быть не хочу.

Потом ударил он волка оглоблею так, что затрещали у него все кости. Волк вытерпел два удара таких с геройскою твердостию, но как крестьянин ломать его оглоблею не переставал, то приметил волк, что обманула его лисица, и, подняв ноги, убрался скорее от ударов раздраженного крестьянина.

Баснь доказывает, что вред научает нас осторожности.

БАСНЬ 109

МОЛИТВА ВОЛКОВ

Пастух, идучи однажды мимо лесу, пришел к некоторой пещере, где услышал ужасный вопль и воздыхания. Потом спросил он волка, который при входе пещеры стоял караульщиком, что это значит?

— Не говори так громко, — отвечал волк, — теперь товарищи мои приносят богам свои молитвы, и я нарочно поставлен здесь не пускать никого, чтоб никто им не помешал.

Пастух, которому злой волчий нрав был известен, ответствовал ему:

— Такая молитва, кажется мне, совсем не сходствует с их делами, а мне бы весьма то было приятно, — продолжал он свою речь, — когда б избрали они лучшую жизнь.

— Намерение их не то, — говорил волк, — а молятся они теперь для того, что сии часы определены на покаяние, которое исполняют они обыкновенно один раз в неделю, а как скоро окончат свою молитву, то принимаются опять за свои промыслы.

— Да не лучше ли бы было, — сказал пастух, — чтоб им хотя не столько молиться, а препровождать жизнь свою порядочнее?

— Нет, — отвечал волк, — нам совсем невозможно молиться с усердием, когда сперва не нагрешим много, и чем более злодейство, тем ревностнее покаяние.

Потом пастух пошел от волка в великом смятении. «Нечему дивиться, — говорил он сам себе, — когда рассмотреть дело далее, то мне кажется, что крестьяне в нашей деревне делают то же самое».

Баснь показывает, что большая часть людей, при всем своем благочестии, делают великие злодеяния.

БАСНЬ 110

НОЧНАЯ ЖАЛОБА НА МЕСЯЦ

Ночь жаловалась некогда на месяц, говоря, что она и так обижена довольно солнцем, которое ей препятствует. Однако ей то еще несколько сносно, ибо оно по крайней мере делит с ней время на две части. Но месяц отнимает у нее уже и то, что уступило ей солнце. Юпитер советовал ночи оставить столь неосновательную жалобу. «Когда дело производить порядком, — говорил он, — то ночь совсем должна потерять свое бытие, ибо уличить ее можно, что она служит защитою ворам и разбойникам, а месяц, напротив того, им препятствует». Ночь, услышав то, перестала жаловаться, боясь остаться виноватою.

Баснь доказывает, что божеское провидение все человеку устроило на пользу и что месяц столь много помогает честным людям, сколь он вреден злым.

БАСНЬ 111

ПРЕВРАЩЕНИЕ ГУСЫНИ, СВИНЬИ И КОШКИ

Некоторый старик лишился в один год трех дочерей. Сей урон столь ему был чувствителен, что он от нестерпимой печали ожидал последнего издыхания. Юпитер сжалился над его бедным состоянием и велел Меркурию сказать ему, что первые три зверя, которые ему встретятся, превратятся для его утешения в прекрасных девиц; сие и действительно потом учинилось. Во-первых, встретилась с ним гусыня, которая тотчас превращена была в девицу. Другая была свинья, которая получила такой же вид, как и гусыня, а третья попалась старику кошка, которая превращена была таким же образом. Старик воспитал их всех трех с таким усердием, как бы собственных своих детей. Спустя несколько времени выданы были все три замуж. Отец их посещал потом зятей своих и спрашивал, довольны ли они своими женами?

— Я очень доволен нравом своей жены, — отвечал первый, — да только то худо, что она несколько простовата.

— Это нет ничего, — говорил старик, — ибо в этом она схожа на свою мать.

Другой его зять хвалил некоторые добрые свойства своей жены, но недоволен был тем, что она более всего любит грязь, так, как свинья.

— И это ничего, — говорил старик, — мать у нее была точно такова.

— Что надлежит до моей жены, — сказал третий его зять, — то может она быть совершенным примером добрых жен, да то только за нею худо, что как скоро ночью увидит мышь, то вскакивает с постели и гоняется за нею.

— Это не чудно, — говорил старик, — ибо у матери ее была такая же привычка.

Баснь доказывает, что естество не переменяется воспитанием.

БАСНЬ 112

ОБЕЗЬЯНА ЖЕЛАЕТ СМЕРТИ

Престарелая обезьяна, которая отягчена была болезнию, желала ежедневно себе смерти. Потом, как повторяла она некогда от утра до вечера сие свое желание, то пришла смерть в ту пещеру, где она была, и спрашивала ее, не знает ли она, где живет обезьяна, которую зовут мартышкою? Обезьяна, услышав сие, весьма испужалась.

— Здесь ее нет, — отвечала она с торопливостию, — а живет она далеко отсюда, в другой пещере.

— Не можно тому статься, — говорила смерть, — жалобы слышны были отсюда.

— Виновата я, — говорила тогда обезьяна, — когда вы слышали все, то признаюсь, что говорила это я, да только в шутках.

— Теперь я тебе прощаю, — сказала смерть, — только впредь этим отнюдь не шути.

> Баснь обвиняет тех, которые желают смерти, а как скоро она приходит, то бывают подобны сей мартышке.

БАСНЬ 113

НЕУДАЧНЫЙ ВОЛКОВ ОБМАН ПРОТИВ ОВЕЦ

Волк, проведав, каким образом кошка велела себя вычернить и тем обманула мышей, хотел также, по примеру ее, обмануть овец. Он обернулся потом в овечью кожу и лег на дороге, по которой овцам идти было должно. Овцы и действительно обманулись было его платьем и подошли к нему без страху. Волк конечно бы имел случай тогда пользоваться сею добычею, когда бы захотел молчать. Но как он начал было с ними разговаривать и хотел тем обмануть их еще более, то узнали они по голосу, что то волк, а не

баран. И так тотчас призвали они на помощь собак и прогнали волка.

Баснь учит, что многие теряют то непрестанным болтаньем, что б молчанием, конечно, получить могли.

БАСНЬ 114

ЮПИТЕР ПОСЕЩАЕТ ЛЕС

Юпитер приказал объявить Меркурию, что желает он посетить в лесу первых и достойнейших примечания зверей; того ради львы, слоны, барсы, тигры и прочие звери первого класса ожидали его прибытия. К сему делали они великие приготовления и хотели встретить его с честию. Юпитер первее пришел к лесному богу Пану и Силвану и приказал им проводить себя и показать дорогу. Они повели его потом туда, где жили знатнейшие звери и от которых боги паче всех почитаемы были. Первая страна, куда они пришли, называлась *жертвенная,* ибо тамо приносимы были богам и богиням ежедневные жертвы, и где виден был дым, восходящий до облаков.

— Я начинаю кашлять, — говорил Юпитер, — здесь дым так велик, что я далее идти не намерен.

— Сей дым, — сказал тогда Пан, — происходит от курения жертв, кои приятны богам и богиням и в которых состоит знатнейшее богослужение.

— Но кто это вам сказывал? — говорил Юпитер. — У нас на небе совсем о дыме и не знают, и он бы очень был несносен богам, а особливо богиням, которые хотят почитаемы быть совсем инако.

— Милостивый государь! — сказал тогда Пан. — Не одни звери почитают то богослужением, сами люди такого же мнения.

— Поэтому, — говорил Юпитер, — и они столько же глупы, как и звери. Посмотрим теперь, что-то делается в другой стране вашего жилища.

Потом пошли они далее, и Юпитер кашлял на дороге несколько раз от сильного дыму. Потом прово-

жатели привели его в страну *молитвенную.* Тут слышан был такой крик и шум, как в нынешних приказах.

— Это что за вздор? — спрашивал тогда Юпитер.

— Здесь приносят молитвы, — отвечал Пан.

— Пойдем от них прочь, — говорил Юпитер, — у меня начинает от этого крику голова болеть.

— Я не знаю, милостивый государь, — сказал тогда Пан, — куда более идти, ибо прочие жители леса состоят из бедных и подлых тварей.

— Это ничего, — отвечал Юпитер, — может быть, несмотря на то, они полезны.

Повеление его было исполнено, и он сделал честь своим присутствием бедным тварям, как-то: коровам, овцам, пчелам и прочим, которых нашел он добродетельнее, полезнее и трудолюбивее, нежели тех зверей, которые приносили жертвы и молитвы. Он хвалил сих презренных тварей и советовал им продолжать свои полезные труды, а по выходе своем объявил он их в лесу первыми жителями.

> Баснь учит, что богу не наружное благочестие, но внутреннее усердие приятно, и что те, которые кажутся беднейшею тварию, могут быть в рассуждении божеского правосудия достойнейшими.

БАСНЬ 115

МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ БЛАГОЧЕСТИЕМ И ФИЛОСОФИЕЮ

Благочестие и философия жили долгое время в несогласии, а неверие старалось, по возможности, приводить их в большую ссору, ибо оно ничего так не опасалось, как их соединения. Премудрость, которая обеим была добрая приятельница, приметила тотчас, что сие их несогласие не служит ни к чему иному, как только к утверждению неверия. Таким образом, начала она стараться помирить их, представляя обеим им опасное намерение неверия, то есть, что оно хочет возбудить

между благочестием и философиею ненависть, совсем низвергнуть первую и падением ее утвердить более свое владычество. Наконец обе согласились сделать мирный договор, который состоял в следующем: благочестие не должно ни на кого налагать того, что несходно с философиею и здравым рассуждением. Но философия, с своей стороны, не должна противоречить в таинствах, которых не может постигнуть разум. Сей договор утвержден был еще крепчайшим союзом, ибо, по совету премудрости, благочестие выдало свою дочь за старшего сына философии. Неверие, услышав сие, принуждено было от страху пустить себе кровь, ибо начало оно уже опасаться конечной своей погибели.

БАСНЬ 116

ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ СУЕВЕРИЕМ И НЕВЕРИЕМ

Как скоро дьявол услышал о помянутом примирении благочестия с философиею и приметил, что тем, конечно, уменьшится и собственная его сила, то советовал с отцом своим, сатаною, что начать в сем бедном состоянии.

— Надобно стараться, — говорил сатана, — чтоб между суеверием и неверием заключить мир и представить им, что обоих сила, конечно, уничтожится, когда благочестие с философиею согласились жить в мире.

— Не можно тому статься, — отвечал дьявол, смеявшись, — это сделать столь трудно и невозможно, как то, чтоб соединить огонь с водою.

— Посоветуем еще, — отвечал сатана, — я и сам признаюсь, что то трудно, но по крайней мере должно сделать опыт, и когда мое предложение благополучно окончается, то может оное, конечно, назваться славным делом.

И действительно, имел он причину назвать то делом славным, ибо невозможно вообразить ненависть и вражду, которая была между суеверием и неверием; и никакие еще ниже грамматические сражения столь жестоки не были, как сии, ибо с обеих сторон было вели-

кое множество помощников. Таким образом, никто из них друг другу не уступал, но неверие, когда и не в состоянии было взять силою, то старалось делать то обманом. Суеверие же могло поставить гораздо более войска, а особливо под командою генерала Энтузиазма, или ярости, которого силе и жару никто не мог противиться. Он одолевал и наступал на всех, и будучи слеп, не страшился нималой опасности и презирал все затруднения. Средство же, которое употребил сатана, чтоб между сими двумя неприятельницами заключить хотя перемирие, было следующее: сатана пошел сперва к неверию, которое нашел в великой печали о соединении философии с благочестием. Как скоро оно его увидело, то сказало:

— Теперь-то окружено я сильными неприятелями, которые грозят мне пагубою. Прежде сего истощало я и так все мои силы против соперника моего, то есть суеверия, но теперь имею я уже новых злодеев, которых сперва не страшилось, отчасти для того, что ссора между мною и философиею не так была важна, как теперь, а отчасти для того, что я, помощию твоего сына, возбуждало между ею и благочестием непрестанную ненависть. Того ради имели они и так довольно уже дела, когда защищали себя друг от друга.

— Поэтому теперь, — говорил сатана, — должно вам принудить себя помириться с суеверием, чтоб могли вы противиться новым неприятелям.

— Не можно тому статься, — сказало тогда неверие, — я знаю, конечно, что оно ни за что на то не согласится.

— Однако ж, я думаю, — говорил сатана, — что это дело не невозможное. По крайней мере уговорю я его заключить с вами хотя перемирие, когда представлю, что того требует собственная его польза и что благочестие, которое несколько с ним имело сходства, теперь стало уже ему явным неприятелем.

Неверие, получа от сих сатаниных слов некоторую надежду, что дело сие произведено быть может, обещало, с своей стороны, на требуемое, конечно, согласиться. Сатана пошел потом к суеверию, которому сделал он помянутое предложение. Сначала хотя и получил весьма строгий ответ, но как потом употребил

сатана всю свою лесть доказать ему, что в том состоит собственная его польза, то смягчило суеверие несколько гнев свой и требовало только времени собрать свой военный совет. Потом был оный собран и предложение всем сказано, но генерал Энтузиазм, который имел первое там место, как скоро сие услышал, то чуть было в тот самый час не сошел с ума. Пена текла у него из роту, и сам сатана принужден было бежать был тогда назад; однако со всем тем, по прошествии первого жару, начали рассуждать точнее о пользе сего перемирия и определили следующее: хотя и невозможно заключить мир между суеверием и неверием, однако для новых своих неприятелей благочестия и философии должно быть, конечно, перемирию. Таким-то образом сатана переменил совсем прежние обстоятельства. Но, однако ж, самое сие перемирие утвердило еще более союз между благочестием и философиею. И должно непременно надеяться, что благочестие всегда будет в состоянии противиться суеверию и неверию, когда только останется в согласии с здравым рассуждением.

Обе сии басни доказывают, что сила благочестия состоит в точнейшем соединении с здравым рассуждением и что ничему тому не должно верить, что не сходствует с общими и здравыми понятиями. Но притом разум должен непременно уступать в целях преестественных и отнюдь не опровергать непостижимого. Когда же с обеих сторон сие будет хранимо, то благочестие наилучше вооружится против всех своих неприятелей и может, конечно, противиться как суеверию, так и неверию.

БАСНЬ 117

ЛИСИЦА И ВОЛК

Как лисица достала некогда весьма великую добычу, которую надлежало ей нести в пещеру, то на дороге встретился с нею волк и оную у нее отнял. Лисица не

оказывала тогда нарочно ни малого знаку неудовольствия, однако думала весьма много об отмщении. Несколько времени потом спустя, велела она привязать себе на хвост великую рыбу и пошла навстречу волку, который был на льду. Волк спрашивал, где она взяла оную?

— Ты сам, — отвечала лисица, — можешь достать таких рыб сколько хочешь.

Потом показала она ему на льду прорубь, в которую, как она сказывала, опускала хвост свой и им таскала рыбу одну за другою.

— Ты можешь, — продолжала лисица, — сделать опыт, следуя моему примеру, и так не будет никогда у тебя в зимнем корму недостатку.

Волк благодарил ее за наставление и хотел употребить оное себе в пользу.

— Ты, конечно, — говорила лисица, — будешь тем доволен, но надобно тогда быть несколько терпеливу. Ты должен опустить в воду хвост свой на целый час до тех пор, как приметишь, что он совсем разгорится; тогда-то должно всею силою вытаскивать рыбу.

Сему наставлению следовал потом волк весьма точно, а между тем, предложил он ей и свои услуги.

— Это моя должность, — говорила лисица, — чтоб помогать ближнему по возможности, — и потом пошла она в путь свой.

Волк, пришед потом к проруби, опустил туда свой хвост, который, спустя час, жестоко разгорелся, и он думал, что пришло ему уже время тащить рыбу, но как хвост крепко в воде замерз, то первым движением ничего сделать он не мог. Таким образом, думал, что великая тяжесть рыб тому причиною, и начал снова тянуть хвост изо всей силы, так что наконец принужден был он его в проруби и оставить. Тогда-то приметил волк, что обманут он лисицею. Скоро потом, увидя она его в таком состоянии, спрашивала, какова рыба? Волк ругал тогда ее лукавство, однако тем нимало не досадил он лисице.

Баснь учит, что с великими политиками отнюдь дружества иметь не должно, а особливо ссоры, ибо они лестию и обманом могут отмстить гораздо чувствительнее.

БАСНЬ 118

ОБ ОСЛЕ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ БЫТЬ ПЕВЧИМ

Как некогда в лесу было порожнее певческое место, то между прочими осел подал прошение, чтоб определить его на сие место. После того как все в присутствии капельмейстера доказывали в том свое искусство, то похвалили все ворона, о котором думали, что может быть добрым басистом. Напротив того, ослов голос осмеян был от всех зверей, но он нимало не умалил гордых своих мыслей, которые имел о своем голосе, и приписывал сие презрение их незнанию. Он дал знать неудовольствие свое сове, которая ему ответствовала так:

— Не сердись, брат, за то, это бывало и со мною; очень жаль, что живем мы в такое время, когда не знают вкусу в хорошем искусстве.

Басня сия доказывает, что есть в свете такие люди, которые будучи о себе высокого мнения, часто самые свои пороки и незнание почитают за добродетель и искусство.

БАСНЬ 119

ОБЕЗЬЯНА, КОТОРАЯ ХОТЕЛА ЛОВИТЬ РЫБУ

Обезьяна, примечая долгое время, как рыбак удою ловил рыбу, думала сама в себе: «Разве не можно и мне делать то же самое?» А как она способна была подражать во многих делах человеку, то сыскала уду и зачала сама ловить рыбу. Но как сперва попалась ей превеликая щука, то потащила она обезьяну с собою в воду. Обезьяна, видев себя в крайней опасности, начала призывать в помощь небо.

— Помоги бедной мартышке, — кричала она, — и избавь ее от смерти!

Но как между тем, катяся с берегу в воду, успела она ухватиться за куст, то, обрадовавшись, сказала:

— Небо! Теперь мартышка не требует совсем твоей помощи.

Баснь сия учит, что большая часть людей не прежде, как в крайней опасности, начинают быть благочестивыми, а когда оная проходит, то возвращаются они опять на прежние злодеяния.

БАСНЬ 120

О КРОТЕ

Крот, будучи слеп, просил еще у матери своей себе очков:

— На что тебе они? — спросила его мать. — Поверь мне, что те очки, которые носят люди, тебе не годятся.

Баснь доказывает, что есть в свете такие люди, которые столь просты и безрассудны от натуры, что никакое учение исправить их не может.

БАСНЬ 121

ДЕВКА И ПОПУГАЙ

Некоторая девка имела у себя попугая, которого весьма любила. Попугай и достоин был той любви, для того что имел он изрядный вид, разумел музыку и говорил почти столь же разумно, как и сама девка. Но должно во всем иметь умеренность, чего при сем не было, ибо сия ее любовь была столь велика, что девка не могла быть без той птицы ниже в самую ночь, и она часто спала с ним на одной постели. Что же потом? Одним утром, как она проснулась, увидела, что попугай был уже полумертв от нестерпимого жару. Она весьма того испужалась.

— Что тебе сделалось, попугаюшка? — спрашивала девка.

— Мне ничто более не вредит, — отвечал попугай, — как только твоя ко мне сильная любовь, которая стоит мне жизни.

После того тотчас он умер.

Баснь учит, что должно иметь во всем умеренность и что пресильная любовь бывает иногда вреднее самой ненависти.

БАСНЬ 122

О ЛИСИЦЕ

Лисица нашла на дороге сосуд, наполненный кушаньем. Она, будучи не в состоянии отворить его своею силою, облизала только то, что было снаружи.

Баснь учит, что когда мы не можем проникнуть во внутренность тех наук, которые знать желаем, то должны по крайней мере не пропускать того, чем можем пользоваться.

БАСНЬ 123

СОЛОВЕЙ И СВИНЬЯ

Свинья спрашивала однажды соловья, для чего он, имея столь приятный голос, поет только в одно известное время года?

— Мне кажется, — говорила она ему, — что ты нарочно не хочешь делать тем удовольствия людям и зверям.

— Но это отчего, — говорил соловей, — что ты, имея так скверный голос, кричишь, не переставая, во весь год? Мне кажется, что ты нарочно хочешь досадить чрез то людям и зверям.

Никто из них не был тогда в состоянии ответ-

ствовать друг другу, и так они, ничего не говоря, разошлись.

Баснь учит, что тот всегда петь охотник, у кого дурен голос, и что те, кои не в состоянии говорить разумно, непрестанно болтают. Напротив того, те, которые действительно могут делать обществу удовольствие, как в том, так и в другом имеют умеренность, хотя никто не знает тому причины.

БАСНЬ 124

СВИНЬЯ И ХАМЕЛЕОН

Хамелеон, который шел мимо свиньи тогда как валялася она в грязи по своему обыкновению, говорил ей:

— Какая скверная тварь! Ты всегда сама себе подобна.

— А ты, — отвечала свинья, — еще меня хуже, для того что никогда сам себе не подобен.

Прочие звери, которые сие слышали, почли свиньин ответ основательнее хамелеонова.

Баснь учит, что нет в свете ничего бесчестнее, как быть непостоянным и переменять нрав свой так, как хамелеон переменяет кожу.

БАСНЬ 125

РЕШЕНИЕ НА МЕДВЕДЕВУ ПРОСЬБУ

Медведь, который долгое время был членом в судебном месте, подал наконец челобитную, чтоб повелено было наградить его чином за долговременную службу. Но как уже все о том знали, что, будучи судьею, ничего иного он не делал, как только сидел и брал взятки,

то в награждение велено было ему только пересесть с левой стороны на правую.

Баснь доказывает, что много в свете таких медведей, которые, будучи судьями, не столько стараются о правосудии, сколько о взятках.

БАСНЬ 126

КОШКА С КОТЯТАМИ

Кошка бранила своих детей, для чего они бегают и играют.

— Это очень глупо, — говорила она им, — надобно знать во всем меру, и вам, конечно, так резвиться не должно.

— А мы слышали, — говорили котята, — что батюшка наш, будучи молод, был такой же сорванец, как и мы.

— Это станется, — говорила кошка, — да теперь вы видите сами, что переменил он совсем свой нрав.

— Хорошо, — сказали тогда котята, — ежели и мы будем в таких летах, как он, то, конечно, также надувшись ходить станем.

Баснь учит, что родители, которые препроводили в молодости своей беспорядочную жизнь, не имеют причины воздерживать от того детей своих.

БАСНЬ 127

НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ СОРОКЕ

Сорока, которая непрестанно болтала и тем иногда веселила, иногда досаждала зверям и птицам, наконец умерла. Бобр, который был тогда лесным сатириком, написал ей следующую надгробную надпись: *Здесь ле-*

жит сорока... которая четвертого дня месяца килиана, слонового году, перестала врать, то есть околела.

Баснь учит, что есть такие люди, которые до смерти своей врать не перестают.

БАСНЬ 128

ОТЧЕГО ЗЛЫЕ ЖЕНЫ ПРОИЗОШЛИ В СВЕТ?

Некоторый человек ехал верхом мимо лесу, где услышал он крик, так, как бы кто был в крайней опасности. Он побежал тотчас туда, где слышан был голос; тут нашел он девку, которую изобидеть хотел черт. Проезжий, который был человек весьма жалостливый и особливую имел склонность вступаться за честь женского полу, вынул тотчас свою шпагу, чтоб срубить черту голову. Но как ярость его была необычайна, то одним махом срубил им головы обоим. Сию ошибку хотел он, как возможно, исправить скорее, но как тогда было уже поздно и, следовательно, не мог он различить голов, то схватил нечаянно чертову голову и поставил он ее на девкино туловище. Думают, что от нее произошли в свет злые жены.

БАСНЬ 129

О ДВУХ ВОРОНАХ. ПЕРСИДСКАЯ

Ворон хотел выдать дочь свою за сына другого ворона. Таким образом, договаривались они, что приданого будет за невестою. Отец обещал дать зятю десять полей пустых. Сие обещание понравилось другому ворону.

— Очень хорошо, — говорил он, — но не знаю, откуда тебе их взять.

— Когда господь продолжит жизнь нашему султану Магомеду, — отвечал тот, — то в пустых полях у нас, конечно, недостатку не будет.

БАСНЬ 130

СУДЬБА ПАСТУХА ДАМОНА

Дамон-пастух был любим как от зверей, так и от людей и птиц за приятность его сочинений. В лесу говорили о нем непрестанно все с похвалою, и несколько птиц и зверей знали уже наизусть некоторые стихотворческие его сочинения, а соловей и жаворонок могли их петь весьма прелестно. Дамон трудами своими приобрел новое достоинство, ибо произведен он был из пастухов господином. Потом продолжал он обыкновенные труды, но уже не с таким счастием. Все его стихи, в которых прежде ястребы, рыси и прочие остроумные твари не находили погрешностей, начали уже критиковать и самые слепые кроты. И как некоторые звери удивлялись сей перемене, то сказала лисица:

— Это происходит оттого, что сочинитель стал господин, а не пастух.

Баснь доказывает вредное действие зависти.

БАСНЬ 131

НАГРАЖДЕННАЯ ЛОШАДЬ

На олимпийских играх, которые были прежде сего в Греции, употребляемы были различные забавы. Некоторые там боролись, некоторые бегались, а иные упражнялись в других играх. Те, которые в них имели перед другими преимущество, получали в награждение венок. Диоген, который однажды смотрел сии игры, рассуждал, что не телесною силою, но добродетелью должно приобрести честь, и что если рассуждать по одной только силе, то медведь, конечно, не уступит в том Ахиллесу. Сей философ, увидев некогда, что две лошади между собою дерутся, надел венок на ту, которая одержала победу.

Баснь учит, что человек должен заслуживать себе почтение не иным чем, как добродетелью и разумом.

БАСНЬ 132

КРЕСТЬЯНИН ОТВЕЧАЕТ СОЛДАТУ

Крестьянин смотрел, разиня рот, на одного солдата, который за вину посажен был на деревянную лошадь. Сего не мог терпеть солдат.

— Что ты так на меня зазевался? — спрашивал он крестьянина.

— Когда то тебе противно, — отвечал мужик, — то изволь ехать на коне своем в другую улицу.

Баснь учит, что часто на вопросы получаем неожидаемые ответы.

БАСНЬ 133

МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА У МУРАВЬЕВ

Два соседние муравейника повздорили между собою так, что наконец объявили друг другу публичную войну. Причина тому еще неизвестна, для того что в лесной летописи ничего о том не упоминается. Часто пропускают достопамятнейшие дела, а, напротив того, о самых вздорах делают великие описания. Со всем тем, оставляя причину несогласия сих тварей, известно нам то, что, по объявлении войны, скоро обе стороны стали в ордер баталии, но как лишь только хотели они начать сражение, то нечаянно тогда пастух хлопнул своим кнутом. Сей удар почли они за громовой, который послан в наказание за их несогласие; и так с великим страхом тогда они разошлись.

Баснь доказывает, что великие предприятия уничтожаются иногда самою безделицею.

БАСНЬ 134

О ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УТОПИТЬСЯ

Молодой человек, будучи в крайней печали, принял намерение утопиться. Он пришел потом к речному берегу и хотел кинуться в воду. По счастию своему, забыл он дома колпак, в котором хотя и совсем не было нужды, однако вздумалось ему по него бежать, будто бы без колпака и утонуть было не можно. Между тем как он его искал, пришло ему на мысль здравое рассуждение, чтобы оставить свое предприятие.

Баснь учит, что от великого вреда удержать себя можно, когда не давать воли безрассудному гневу.

БАСНЬ 135

ЗЛОНРАВНАЯ СТАРУХА

Некоторая старуха имела привычку критиковать начальников, так что не щадила она и самых богов и роптала ежедневно на них с неудовольствием. Сие услышав, Юпитер велел сесть старухе на трон свой и на несколько времени поручил он ей все свое правление. Всякая тварь приходила тогда к ней с просьбами, и одна просила о солнечном сиянии в самое то время, как другая требовала дождя. Тогда просили некоторые восточного ветра, а иные южного, и ни одно их прошение с другим не было согласно. Старуха слушала их просьбу так нетерпеливо, что в крайнем сердце начала она уже в них кидать стульями.

— Это худо, старуха, — говорил Юпитер, — мне кажется, что ежели ты на этом месте еще час побудешь, то не оставишь на небе ни одной скамьи, ни лавки; теперь смотри, сколь безрассудно было твое роптание.

Баснь изобличает напрасное негодование тех, которые недовольны своими начальниками, хотя они, будучи на их месте, конечно, поступили бы не лучше.

БАСНЬ 136

ОСЕЛ-ДВОРЯНИН

Осел купил дворянство и начал гордиться тем пред своими товарищами. Сорока, услышав то, сказала:

— Невозможно тем гордиться такой глупой твари, и он со всем своим дворянством остается всегда глупым ослом.

БАСНЬ 137

РАССПРОС В ЛЕСУ

Когда звери, виновны будучи в злодеяниях, не хотели в оных признаться, то расспрашивали их тогда, чтоб исследовать правду. Но они совсем не такое должны были при том терпеть мучение, как у людей в застенках, ибо, напр., сороке запретили болтать, лисице определили связанной в средине стада гусей стоять, петух не должен был кричать поутру, и так далее. Сказывают, что сии расспросы имели точно такое действие у зверей, как застенок у людей.

Баснь учит, что наказание должно учреждать по свойству человека. Голландца, конечно, привесть можно в признание, когда лишить его трубки табаку, а датчанина, когда запретить ему есть масло.

БАСНЬ 138

ДЬЯВОЛ И ЛИСИЦА

Дьявол и лисица назначили некогда награждение тому, кто из них более кого обманет. Они определили уже и место, где б сделать опыт своего проворства. Лисица пришла в назначенное время, а дьявол не бывал. Сказывают, будто отец его, сатана, отговорил ему тогда, опасаясь лукавства сего зверя. Не можно описать, сколь великую славу получила чрез то лисица; ее почли все

за главного политика и объявили ей преимущество над всеми неприятелями, так что хотя дьявол и струсил, однако при всем том от лисицы остался обманут.

БАСНЬ 139

ЛИСИЦА СОВЕТУЕТ БОБРУ

Бобр был долгое время в услужении у другого бобра. Товарищи его были, между тем, награждаемы, но он обыкновенно оставался в прежней своей бедности. Он жаловался за сие прочим зверям, а особливо лисице.

— Что же причиною, — спрашивала она его, — такой к тебе холодности твоего господина?

— Я и сам не знаю, — отвечал бобр. — Но что надлежит до его ко мне поверенности и любви, то, конечно, могу сказать, что я в том счастливее всех прочих слуг.

— Сия-то чрезмерная любовь, — говорила лисица, — конечно, и причиною всего твоего несчастия. Я не знаю для тебя лучшего совету, как тот, чтоб с сих пор постарался ты прийти к нему в такое подозрение и ненависть, в какой поверенности и любви теперь у него находишься.

Бобр следовал ее совету, и желание его исполнилось в короткое время, ибо как господин уменьшил к нему свою поверенность, то определил его в другое место, которым был он гораздо довольнее, нежели прежним.

Баснь доказывает, что любимцы у своих господ, несмотря на любовь их, обыкновенно бывают беднее прочих.

БАСНЬ 140

ВОЛК ПРИНОСИТ ИЗВИНЕНИЕ

Волк обвинен был некогда в злодеянии, чего ради отвели его в суд для исследования оного. Он не смел отпереться от своего преступления, но однако приписывал всю вину лесному дьяволу Ассидемону, которого

наваждению, как он сказывал, никакой зверь противиться не может. Бобр, который был тогда судьею, хотя и не отрицал власти лесного черта, однако со всем тем учинил следующее решение: обезьяна, которая отправляла тогда в лесу должность палача, должна была волку отрезать ухо, который, если хочет, может просить другого у Ассидемона. Сие решение везде было в великой похвале, ибо наказание определено было такое, которое не противно учрежденным в лесу законам.

Баснь учит, что злодеям, ни на что невзирая, отпускать вины не должно.

БАСНЬ 141

ПРЕВРАЩЕННЫЙ ОСЕЛ

Крестьянин вел некогда за собою осла. Сие увидели два мошенника, которые приняли намерение у мужика взять осла обманом. Таким образом, пошли они тихонько за крестьянином, который, без всякой осторожности идучи, пел песни. Один из сих плутов снял с осла узду и передал тихо ее своему товарищу, который тотчас за мужиком и следовал, а между тем другой плут увел осла домой. Мужик, напротив того, не имея нималого подозрения, продолжал путь свой, но, наконец уставши, вздумалось ему сесть на осла верхом, но как обернулся он назад, то с великим страхом увидел вместо осла человека, который держал узду. Крестьянин, испугавшись, закричал изо всего горла, а плут кинулся вдруг на колена и начал благодарить небо за милосердие, что возвратило ему прежний его вид. Потом рассказал он крестьянину, какой судьбе был прежде сего подвержен и как он от одной злонравной колдуньи из человека превращен был в осла. Крестьянин был весьма тронут сими словами и пал также на колена, соединяя искренние свои молитвы с притворными того плута. После сего дал ему крестьянин несколько денег и отпустил его. Между тем как сие происходило, привел другой плут осла того на площадь для продажи. Тут случилось быть

тому крестьянину, которого они обманули и который тотчас узнал своего осла. Но вместо того чтоб начать справедливое дело, то начал креститься и, оборотясь к нему спиною, говорил:

— О проклятая колдунья, я вижу, что ты опять сделала зло с бедным человеком.

Сия история известна стала потому, что сами плуты рассказали ее в свою похвалу. Некоторый стихотворец написал о сем комедию под титулом *Превращенный осел*, которая принята была с таким же удовольствием, как и *Превращенный крестьянин*.

БАСНЬ 142

ЛЕКАРИ И СТРЯПЧИЕ

В то время, как звери и птицы говорить могли, было у них как добродетелей, так и пороков гораздо более, нежели ныне. Они были также подвержены и различным болезням, о которых нам совсем уже неизвестно. В одной только западной стороне леса, которая отделена была рекою, не слыхали тогда ни о каких болезнях, и звери жили там обыкновенно в согласии. Некоторые приписывали то перемене воздуха, но орел, который был всех старее, сказывал сам справедливую тому причину.

— Было и то время, — говорил он, — в которое звери находились здесь в болезнях, а поссорясь, бывали между зверей также и судебные дела. Но с тех пор как прежний начальник выгнал из страны сей всех лекарей и стряпчих, не слыхал уже никто ни о болезнях, ни о судах; следовательно, когда нет судебных дел, так и ссориться не за что.

БАСНЬ 143

БРАЧНАЯ СУДЬБА

Некоторый человек, будучи уже средних лет, хотя и в состоянии был содержать жену, однако не мог еще вознамериться вступить в брак; наконец был он уже к

тому уговорен от своих родственников. Но что надлежит до его свойств и нраву, то, совестно сказать, был он человек самый простенький.

— Изрядно, — говорил он своим друзьям, — я согласен жениться, когда только сыщете мне невесту, которою б я был доволен.

— Сосед наш, — говорил тогда один его друг, — имеет трех дочерей, из которых выбрать можешь себе ту, которая тебе понравится.

После того жених поехал прямо к соседу, и без дальней церемонии объявил он ему прямо, что желает жениться на его дочери. Отец скоро на то и согласился.

— У меня, — говорил он, — есть три дочери, которые друг на друга весьма похожи, равно добродетельны и равного воспитания.

— Когда так, — отвечал жених, — то я женюсь на большой твоей дочери.

Потом была к ним призвана невеста.

— Пожалуй, скажи, — говорил он, увидя ее, — довольна ли ты будешь таким мужем, как я? Не дивись этому, — продолжал он, — что я говорю с тобою столь чистосердечно, я совсем не люблю лишних церемоний и объявляю тебе без обиняков, что у меня на уме.

Девица весьма удивилась такому чудному вопросу и говорила, что требует она времени о том подумать.

— Изрядно, — сказал жених, — я даю тебе время на целый час.

Потом вышла она из той горницы, а он, положа часы свои на стол, стал курить табак. После того как приметил, что час уже прошел, просил он отца позвать опять к себе невесту; он начал повторять первое свое предложение так, без обиняков, как и прежде, а невеста, услышав от него такую глупость, ничего на то не отвечала. Жених был тем недоволен и хотел ехать домой. Но отец ее, уверен будучи о его богатстве, спрашивал, не хочет ли посмотреть он другой его дочери? Жених на то согласился, и средняя его дочь призвана была к ним. Она, приметив женихово чистосердечие, сказала ясными словами, что за него вытти согласна. Тотчас потом следовал их сговор, и жених поехал делать приуготовление

к свадьбе и взять венечную память. После того как отъехал половину дороги, вздумал он, что забыл спросить, как зовут невесту. Но, приехав туда, увидел перьвее всего большую дочь, которую почел он за свою невесту, ибо все три были друг на друга весьма похожи.

— Пожалуй, скажи мне свое имя, — говорил он тогда ей, — я, право, забыл о нем спросить.

Она, приметив его ошибку, употребила тотчас то в свою пользу и сказала ему, что зовут ее Марианною.

— Очень хорошо, — говорил жених и потом поехал в путь свой.

Спустя несколько времени, возвратился он для окончания дела и показал венечную память, в которой написано было имя Марианны. Тогда объявили ему, что должно на несколько времени отложить свадьбу и переписать венечную память, ибо написано в ней было имя большой дочери. Жених, услышав то, не знал, что начать. Наконец сказал, что женится на той, которая теперь скажет ему прямо, что желает за него вытти. Большая дочь, услышав то, согласилась быть ему женою, после чего и свадьба совершена была скоро.

Уверяют, что сие приключение действительно было в Англии; сим доказывается то, что браки божиим промыслом устрояются.

БАСНЬ 144

КОШКА ХВАСТАЕТ СВОИМ ДВОРЯНСТВОМ

Кошка начала гордиться своею природою. Она говорила, что первая кошка произошла в свет из львовой ноздри. Тигр, услышав сие, сказал ей:

— Это не мудрено, что порода твоя знатна, но тем гордиться нечем, а надобно заслуживать похвалу одною добродетелью.

Баснь учит, что знатность есть одна химера и она без добродетели не заслуживает почтения.

БАСНЬ 145

ЛЕВ ПРЕДПРИЯЛ ЖЕНИТЬСЯ

Лев сватался некогда на дочери одного крестьянина, в которую он весьма влюбился. Сие его предложение, как легко рассудить можно, не понравилось невестиным родителям, но, боясь льва, не смели ему в том отказать; итак, вымышляли они, каким бы образом от того удержать его. Они говорили льву, что он очень понравился их дочери, но она по молодости своей боится только когтей его и зубов. Лев, который заражен был любовию, отвечал, что препятствие сие легко можно уничтожить, и он охотно лишается своих зубов и когтей. А как на том договоре согласилась девка за него выйти, то велел он вырвать у себя зубы и отрезать когти, но родители ее, увидя, что лев стал уже бессилен и что не должно более его страшиться, отказали ему в сватовстве, и он пошел от них с великим стыдом и досадою.

Баснь учит, что не должно оставлять оружия прежде заключения мира.

БАСНЬ 146

ДРАКОН И КРЕСТЬЯНИН

Дракон, увидев некогда сияющий камень, почел оный за великое сокровище и лег на него по своему обыкновению. Прошло несколько дней, как лежал он на том месте, не принимая пищи; случилось идти мимо его крестьянину, который, увидев тот камень, почел и сам его драгоценным, а особливо потому, что драконы обыкновенно лежат на сокровищах и никому оного не уступают. Крестьянин долгое время думал, каким бы образом его достать; но однако усматривал, что не можно произвесть того в действо до тех пор, пока дракон не лишится своих сил. Наконец, как увидел мужик, что за недостатком пищи был дракон близ смерти, подошел к нему и говорил:

— Спасай теперь жизнь свою и оставляй сокровище,

которое столько будет для меня полезно, сколь тебе оно вредно.

Но как дракон его не слушал, то оба они остались на том месте, один — чтоб стеречь найденное сокровище, а другой — чтоб оное достать каким-нибудь образом. Итак, не хотел никто из них оставить места до тех пор, как оба с голоду умерли. Орел, который, будучи на дереве, видел сие приключение, рассказал оное одному пастуху. Он побежал тотчас искать мнимого сокровища, но вместо оного нашел совсем бесполезный камень. После чего схоронил он их в одной могиле.

— Когда оба они, — говорил пастух, — умерли одною смертию, то должно и схоронить их вместе.

БАСНЬ... ИЛИ ИСТОРИЯ 147

ИГРА КАРТ

Хотя книжка сия содержит в себе только одни нравоучительные басни, однако я не мог оставить, чтоб не описать здесь смешного приключения, которое происходило при владении аглинской королевы Марии. Она, ненавидя жестоко протестантов в Англии, отправила доктора Коле с комиссиею в Ирландию. Посланный приехал в Честер, стал на постоялый двор, где принят он был весьма приятно магистратским судьею, которому объявил он о порученном себе деле и, вынув из чемодана своего ящичек, говорил:

— Здесь лежит указ о кровопролитии всех ирландских еретиков и протестантов.

Хозяйка того постоялого двора, которая была ревностная протестантка и, сверх того, имела еще в Дублине брата сего же закона, приведена была в великий страх, услышав сие. Таким образом, начала она вымышлять о предупреждении несчастия, и как увидела, что доктор и магистратский судья уже заснули, то отперла она тихонько ящичек и вынула тот указ, а вместо его положила игру карт. Коле продолжал потом путь свой и, приехав в Дублин 7 октября 1556 года, где вошел он прямо в замок и уведомил губернатора о своей комис-

сии. Потом подал ему ящичек, в котором, по мнению его, лежал указ, и велел оный прочесть секретарю. Но с каким удивлением нашли они вместо указу игру карт, обернутую в бумажку! Доктор клялся, что был положен тут указ о кровопролитии протестантов и что не знает он сам, где его оставил и откуда взялися карты.

— Таким образом, должны мы, — говорил губернатор, — дожидаться от двора нового о том указу.

Коле возвратился после того назад с великою досадою и стыдом для получения нового указу. Но прежде нежели он в Ирландию приехал, королева Мария скончалась, а сестра ее, Елизавета, которая сама была протестантка, следовала ей в правлении. И как помянутая королева сведала о сем приключении, то велела она призвать к себе ту женщину, которая положила карты, и пожаловала ей за то ежегодную пенсию, ибо избавила тогда она от смерти всех ирландских протестантов.

Из сего приключения видно, что малым и смешным вымыслом отвращается иногда общенародное несчастие.

БАСНЬ 148

ДУХОВНОЕ ПОДАЯНИЕ

Как некогда в лесу сделалось несчастие, то для отвращения оного должны были звери собрать некоторую сумму денег. Все, до последнего червяка, охотно давали по своей силе от своего имения. Но никто не поступал при том столь щедро, как гиерофиты, или тэ змеи, которые почитались в лесу духовными особами, ибо подаяние их не из тленных вещей состояло, но из бесчисленного числа благословений, которых никакая денежная сумма превзойти не могла.

Баснь доказывает, что одно благословение духовныя особы принимается всего более.

БАСНЬ 149

ДВА МАРКИТАНТА

В некоторой армии находились двое маркитантов. Шатры их стояли тогда вместе. Один из них имел в своем шатре весьма хорошее пиво, которого продавал он кружку за четыре шиллинга. Другой, который продал почти все свое пиво, вздумал средство пользоваться торговлею своего товарища. Таким образом, провертел он буравом скважину в другом конце бочки, которая стояла подле самого шатра его, и закричал, что продает он пиво за три шиллинга кружку. После чего все начали покупать уже у него. Первый маркитант не мог понять, для чего тот убавил так скоро цену и отнял у него почти весь барыш. Он остался было на несколько времени при прежней своей цене, однако никто у него не покупал, чего ради начал он и сам продавать за три шиллинга. Но как стал осматривать он свою бочку, то увидел, что в ней не было пива ни капли.

Баснь показывает безопасное средство купцам торговать.

БАСНЬ 150

ТЩЕСЛАВИЕ

Некто рассказывал, что один глупый автор напечатал свое сочинение.

— Это для того он сделал, — отвечали на то, — чтоб и потомки его знали, что он был дурак.

БАСНЬ 151

СМЕРТЬ И КОТ

Смерть пришла к коту и объявила ему, что должен он уже оставить свет сей. Кот просил ее дать несколько времени на покаяние. Смерть на то согласилась и его

оставила. Кот простился со всеми своими друзьями и потом пошел прямо в ближний монастырь, где он, как ревностный кающийся, заперся в одну келью, в которой было множество съестных припасов, и проводил там время в покаянии. После того как с большого поста не уступал он в толстоте игумну того монастыря, пришла к нему смерть в другой раз. Кот просил еще несколько времени для окончания покаяния.

— Я вижу, — говорила тогда смерть, — что каялся ты и так весьма ревностно, незачем уже более жить тебе на сем свете.

Потом тотчас лишила она кота жизни.

Басснь показывает ложное покаяние лицемеров.

БАСНЬ 152

НАЙДЕННОЕ СОКРОВИЩЕ СКУПОГО

Старый скупяга, который не хотел давать денег на содержание собственного своего сына, спрятал все свое сокровище в кладовую, а к стене оной положил великое число денежных мешков. Сын его, который весьма тогда одолжал и не имел помощи от своего отца, пришел в такое отчаяние, что взял намерение удавиться. Он схватил веревку и хотел привесить ее к стене. Но как стал он приколачивать гвоздь, то попал в самое то место, где были мешки, которых он, оставя свое предприятие, не преминул поубавить. Потом вместо денег наполнил он мешки те кремнями и положил их на прежнее место, оставя тут веревку тому, у кого охота будет удавиться. Скоро потом вошел отец его в кладовую, где увидел вместо денег великое множество кремней. Тогда впал он в такое отчаяние, что повесился сам на той веревке, которую оставил его сын. Он, сведав о сем несчастном приключении, сказал тогда так:

— Я и в мыслях не имел лишить отца моего сокро-

вища, ибо положил на место оного другое, которое столько же, как и то, ему было полезно.

Баснь учит, что кремень и золото равно сто́ят, когда лежат в земле, и сын скупого правду сказал, что переменою сею отец его ничего не мог бы потерять.

БАСНЬ 153

КРЫСА И СМЕРТЬ

Смерть пришла некогда к престарелой крысе и объявила, что пришло уже время оставить ей сей свет. Крыса, хотя умереть и не отрекалась, но однако приносила она жалобу, для чего не было ей о сем прежде предвещания, чтоб могла она к тому совсем изготовиться. Смерть доказывала ей тогда, сколь неосновательна ее жалоба.

— Послушай, — говорила она, — ты дожила уже теперь век свой, видела, что товарищи твои, одна после другой, умирали, и имела пред глазами всегда кошку, а говоришь, будто не было тебе предвещания о смерти.

Крыса не могла ничего сказать против сего и предала себя смерти добровольно.

Баснь учит, что не должно жаловаться на нечаянную смерть, ибо всякий час имеем мы пред глазами то, что напоминает нам о ней непрестанно.

БАСНЬ 154

ВОЛК И ГИЕРОФИТ

Гиерофит, или священный змей, старался некогда волка обратить на покаяние. Он увещевал его целый час и представлял ему грубость его пороков, с тем чтоб впредь склонился он их оставить.

— Я обнадеживаю вас, честной отец, — отвечал

волк, — что я при всех моих грехах не имею дурных мыслей, а поступаю так только для того, чтоб последовать прочим моим товарищам, которые почтут меня за великую ханжу, когда от кротости пропущу случай достать добычу.

— Это не оправдание, — отвечал гиерофит. — Они такие же хищники, как и ты, и когда я говорю о твоих грехах, то разумею чрез сие общие ваши злодеяния.

— Поэтому, — говорил волк, — когда я говорю с духовной особою, то должно разуметь мне тогда и всю вашу братию, для того что вы все равно честные отцы.

— Что же ты тем сказать хочешь? — спрашивал гиерофит.

— Ничего, — сказал волк, — как только то, что всякий из нас ищет пропитания по своему роду. Мы гоняемся за овцами, да и вы имеете средства столь же позволенные.

— Исчезни, проклятый, — сказал гиерофит, — я вижу, что в тебе нет нималой искры совести.

— А у вас ее может быть столько много, — говорил волк, — что, конечно, за излишеством не может она иметь своего действия. Некоторые совсем не имеют совести, для того-то недостает у них и правил, по которым поступать должны, а некоторые имеют ее столь много, что она иногда делает уже и обременение. Да я хотел бы и то знать, — говорил волк, — что из сих двух достойнее наказания?

Гиерофит надулся после сих слов и не стал уже более продолжать своей проповеди.

Баснь учит, что тот, который хочет кого в чем обличать, не должен быть в том виновен сам.

БАСНЬ 155

РАЗГОВОР ВОЛКОВ С ДРУГИМ ГИЕРОФИТОМ

Как скоро услышали прочие гиерофиты, каким образом ответствовал волк одному их товарищу, то предприял еще другой, который был красноречивее, погово-

рить с волком. Сей их разговор был не меньше примечания достоин, как и прежний, и волк защищал в оном новыми доказательствами свою справедливость. Сначала гиерофит повторял речи прежнего нравоучителя, на что волк по-прежнему и ответствовал, то есть что должен он поступать так, как его товарищи, ибо всякому должно жить по своему состоянию; к тому же, говорил он, что поступок его против овец и гусей основан как на честности, так и необходимости.

— Что это, — сказал тогда гиерофит, — разве почитаешь ты то за честность, что лишаешь жизни невинную тварь?

— Конечно, так, — отвечал волк, — возьмем в пример людей, которые благороднее всех тварей, — что у них рассуждают о военном человеке, который, имея случай победить своего неприятеля, из милосердия оное оставит? Не почитают ли они такого трусом и нечестным человеком?

— Это иное дело, — говорил гиерофит, — ты говоришь о таких неприятелях, с которыми бывает справедливая война; но здесь речь о невинных овцах, которые вам никакого зла не делают.

— Так для чего, — говорил волк, — люди убивают невинных тварей, как-то оленей и зайцев, или, желая чужого имения, лишают они жизни сами один другого? Но что же до нас, — продолжал волк, — то нам не надобно делать овцам объявления войны для того, что никогда не было у нас с ними ни миру, ни перемирия. Следовательно, имеем право нападать на них тогда, как находим к тому случай. Перемирие между нами и овцами есть точно такое, как у турков и мальтийских кавалеров, и когда нас в том осуждают, так и они в сем случае повинны осуждению. Но однако в зверях считается то за погрешность, что хвалят в людях. Я хочу взять в пример великого Александра. Я, может быть, во всю мою жизнь не больше умертвил овец, как сотню. Напротив того, Александр в короткое время лишил жизни более ста тысяч человек; и он точно поступал так с невинными персами, как я с овцами. Справедливая причина моего поступка есть не что иное, как искание необходимого пропитания, а, напротив того,

основание его дел было одно только тщеславие. Но послушай, — говорил волк, — что о нас с ним говорят? Александр за свои дела почтен великим героем, а меня считают хищником. Если б натура определила нас лошадьми или волами, то б мы и поступали так, как теперь они, а если б нам были такие доходы и почтение, как гиерофитам у зверей, то б и мы жили так же беспечно.

Гиерофит пошел потом от него с превеликим гневом, а волк продолжал обыкновенный свой промысел.

Баснь учит, что хотя и не надлежит преступления свои извинять злодеяниями других, однако можно тем уличать таких, которые, не видя своих пороков, обличают в том других.

БАСНЬ 156

СОРОКА И ПОПУГАЙ

Ворон учредил некогда у себя обед, к которому пригласил он разных птиц, а между прочими сороку и попугая. После того спустя один день, посетила сперва ворона попугая, чтоб услышать, довольны ли были гости.

— Мы всем были довольны, — отвечал попугай, — но одна только сорока, которая подле меня сидела, беспокоила всех непрестанным своим болтанием.

Потом посетила ворона сороку, от которой получила она такой же ответ, то есть что были гости всем удовольствованы, но одно только было худо то, что приглашен тут был проклятый попугай, который враньем своим досаждал всем.

— А я того, — говорила сорока, — насмерть не люблю и рада очень, что обед недолго продолжался. Я не могу понять, как могут быть такие твари, которые до смерти врать не перестанут.

Баснь доказывает, что люди осуждают в других точно те пороки, которым подвержены сами.

БАСНЬ 157

ВОЛК И МЕДВЕДЬ

Как волк и медведь приметили, что умалялася в лесу ежедневно их добыча, то приняли они оба намерение идти для услуг ко двору львову. Они имели там неравное счастие, ибо медведь в скором времени достиг вышней степени благополучия и был уже у льва визирем, а волк остался в прежней бедной своей должности, которую имел еще сначала. Волк жаловался тогда на свое несчастие медведю, на что он так ему ответствовал:

— Ты жалуешься на свою судьбу и, кажется, завидуешь моему благополучию, но как одно, так и другое состоит только в воображении. Представь себе, что ты сам визирь, то будешь, конечно, ничем не менее меня.

Волк принужден был принять сие утешение и пошел от медведя с великим неудовольствием. Скоро потом пришел медведь в немилость и посажен был в тюрьму, а как пробыл он там восемь дней сряду без пищи и нечаянно увидел у окна своего волка, то говорил ему так:

— Что мне теперь делать? Я должен, конечно, умереть с голоду.

— Неправда, — отвечал волк, — все состоит в воображении; представь только себе, что сегодня кушал ты довольно, то будешь равно так сыт, как и я.

Таким образом, думал волк, что отмстил тем медведю, хотя утешение того имело некоторое основание, ибо волку легче было не быть визирем, нежели медведю не иметь пищи.

БАСНЬ 158

КОШКА И КОТЕНОК

Кошка увещевала некогда котенка, чтоб он оставил мотовство.

— Вспомни, — говорила она ему, — что и завтра будет еще день.

— Сии мысли будут у меня с летами, — отвечал котенок, — если я буду в лета моего батюшки, то, может быть, буду такой же скупяга, как и он.

Баснь доказывает, что скупость обыкновенно владеет стариками.

БАСНЬ 159

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОВЕТ

Молодой человек, получа в наследство некоторую сумму денег, спрашивал философа, что ему начать с ними? Который так ему ответствовал:

— Старайся сохранить деньги твои, отдавая оные заимодавцам, а доход, получаемый с того, употребляй на свое содержание; остаток же оного отдавай бедным людям, ибо промотать деньги или совсем их не употреблять будет равномерно тебе бесполезно.

Философ, утверждая свое мнение, рассказал следующий пример:

— Некоторый человек оставил трем своим детям знатную сумму денег. Большой сын, которого склонность состояла в искании большей себе знатности, не щадил своего имения и чрез неумеренную щедрость получал он ежедневно новые чины и произвождения, так что достиг он вышней степени достоинства, лишась совсем своего имения. Другой сын, которого главная склонность была к роскоши, расточал все свое имение, лишился чрез то своего здоровья и умер потом скоропостижно. Третий сын, которого склонность была к скупости, старался ежедневно сохранить свое имение, а никому добра не делал. По смерти их написали им следующую надгробную надпись: *Здесь лежат три брата, из которых один лишился жизни от честолюбия, другой от роскоши, а третий от скупости.*

БАСНЬ 160

ДАМОНОВА МОЛИТВА

Дамон влюбился в Филису, но при всем том был он очень набожен. На дороге, чрез которую ходил он к своей любовнице, была церковь. Тут, идучи к Филисе, всегда он останавливался и отправлял свою молитву; а как препроводил он время у нее по своему желанию, то заходил он опять в ту церковь и там благодарил за утехи в любви своей.

Басня надлежит до тех, которые роскошь мешают с благочестием.

БАСНЬ 161

ЗАИМОДАВЦЕВА КЛЯТВА

Молодой человек, который имел в деньгах недостаток, пришел к ростовщику занять денег. Ростовщик был человек добродетельный и обещал в том ему служить. Потом, как положил он на стол свои деньги и начал их считать, то говорил молодой человек о себе с великою похвалою и клялся, что честнее его нет во всем городе. Ростовщик, услышав сие, положил деньги свои к себе в мешок назад и говорил ему так:

— Когда без нужды кто божится о своей честности, то знак, что о нем должно, конечно, сомневаться.

БАСНЬ 162

КРОТОВА ГОРДОСТЬ

Крот спрашивал бобра, который имел при дворе некоторую должность, что говорят о нем во дворце львовом? Бобр на то ответствовал ему так:

— Я не приметил, чтоб кто-нибудь там знал то, что есть в свете зверь, который называется крот.

БАСНЬ 163

ВЕЛИКИЙ СТИХОТВОРЕЦ

Бобр стихотворческими своими сочинениями такую приобрел в лесу славу, что был он у зверей и птиц так, как Гомер у людей. Он сочинял такие стихи, которые почитались в лесу беспримерными. Пастухи их списывали, и ежедневно петы они были как в лесу, так и в около лежащих деревнях. Бобр в состоянии был самые сухие материи описывать громко и великолепно. Стихов его никто не мог разуметь, столь пышны и громки они были! В описании таких приключений, которые никогда не бывали или и совсем в натуре быть не могут, был он столь искусен, что превосходил греческих и латинских стихотворцев. Сие было причиною, что обыкновенно называли его *великим стихотворцем.* Неизвестно, в которой стране леса он родился. Четыре провинции ссорились за то так, как известные города о рождении Гомеровом, ибо всякая приписывала себе честь, что она произвела в свет великого стихотворца. Словом, бобр приобрел себе от всех славу и почтение. Но как честолюбие пределов не имеет, то и бобр тем не совсем был доволен. Он желал также, чтоб имя его известно было и в других странах. А как услышал он о некоем острове, отдаленном миль на десять от лесу, то велел себя перенесть туда птице страусу. Жители сего острова, которые состояли из разных зверей и птиц, одарены были натуральным разумом. Они старались только об одних полезных науках, а особливо хранили правду и не имели никакого понятия о поэзии. Напротив того, тот был у них в почтении, кто говорил ясно и разумно. Бобр принят был от них сперва довольно ласково, но как услышали они, в чем состоят великие его свойства, то есть лишать слов натурального порядка, речь делать темною и непонятною, описывать приключения, которых совсем никогда не бывало, и призывать богов и богинь в помощь, когда начнет залыгаться, то стали они бобра презирать и за такую бесполезную тварь считать, которая недостойна жить у них на острове. Наконец дошло уже и до того, что некоторые вздумали о бобре, что он сошел с ума, и приняли было

намерение связать его. Но потом большая часть голосов приговорили выгнать его из острова, что совершено было по-прежнему птицею страусом.

Баснь учит, что те самые вещи, которые в великой славе у одного народа, бывают у других в презрении.

БАСНЬ 164

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРОД БЛАГОПОЛУЧИЯ

Молодой человек слышал некогда об одном городе, в котором благополучие имеет свое пребывание. Таким образом, предприял он туда путешествовать, чему скоро потом сделал начало. Он, приближаяся к городу, который лежал на горе, радовался внутренне, смотря на красоту его. Но как при подошве горы той была прекрасная и наполненная плодами долина, то остался он тут на несколько времени. Потом, наполнив суму свою плодами, пошел с оными на гору. Но однако не мог он никаким образом на нее взойти и упал опять в долину. Тогда кричал ему тот, который стоял на верху горы:

— Друг мой! путь в город сей и так весьма труден, а ты думаешь идти по нем еще с целою сумою набранных плодов.

Баснь надлежит до тех, которые хотят идти добродетельным путем и достигнуть благополучия, однако роскошь препятствует их желанию.

БАСНЬ 165

МИЛОСЕРДАЯ ЛУКРЕЦИЯ

Лукреция, получа великое богатство, говорила:

— Я радуюсь тому, что пришла теперь в состояние помогать бедным.

В самое то время как она сие выговорила, подошла

к ней больная старуха и просила милостины. Лукреция в такую пришла тогда о ней жалость, что слезы появились на лице ее, и тотчас велела она подать ей кусок гнилого хлеба.

Баснь дает пример милосердия богатых.

БАСНЬ 166

ОСЕЛ И ЛОШАДЬ

Лошадь, которая долгое время училась в манеже, прыгала однажды с седоком своим на улице. Осел, увидев сие, стал смеяться изо всего горла:

— На что, — говорил он, — такие церемонии? Мне кажется, лошадь гораздо лучше могла б идти прямо.

БАСНЬ 167

О ГРЕНЛАНДЦЕ

Гренландец, который однажды приехал в богатый город и, между прочим, увидел одного берейтора, который обучал свою лошадь на манеже прыгать, сказал:

— Что за дурак сидит на лошади? Я вижу, хочется ему, чтоб лошадь летала. Ведь он видит, что у нее крыльев нет.

Сие приключение доказывает, что так называемые варвары почитают то за чудное, что в обыкновении у обходительных народов.

БАСНЬ 168

УТРЕННЯЯ АПИЦИЕВА МОЛИТВА

Апиций, будучи еще в молодых летах, не весьма наблюдал набожность и никогда не молился; однако, как вставал он поутру от сна, то обыкновенно, зевая, говорил:

— О небо!

Брат его, приметив сию его молитву, говорил ему:

— На такое холодное прошение не должен ты и ожидать внятного услышания.

БАСНЬ 169

ТЕРНОВНИКОВО ПРЕВРАЩЕНИЕ

Терновник, который стоял между высокими соснами, говорил:

— О, сколь несправедлива натура, что дала мне так дурной вид в рассуждении сих сосен!

Небо услышало сии жалобы и превратило терновник тот в сосну. Сие превращение причинило ей превеликую радость, но однако она была недолговременна, ибо как скоро потом шел бык, то начала та сосна опять приносить жалобы.

— Для чего, — говорила она, — мы, бедные деревья, должны стоять всегда на одном месте, будто бы к оному были прикованы? Для чего небо не дало нам таких ног, как у быка?

Сии жалобы были также услышаны, и дерево превращено было в быка, что было причиною столь великой радости, как и прежде. Но в самое то время, как бык стал благодарить небо за оказанное благодеяние, увидел он человека, который гнал кнутом великое множество быков. Тогда впал он еще в новую меланхолию и говорил:

— Какая разность между зверем и человеком! Какое неравенство учинил творец в разделении своих дарований! Сколь великим удовольствием наслаждается человек, различен будучи таким образом от прочих тварей!

Жалобы сии были также услышаны, как и прежде, и бык превращен был в человека. Новая премена! Новая радость, которая со всем тем продолжалась также недолго, ибо как человек сей слышал об ангелах, то начал негодовать на судьбу свою и приносил опять жалобы.

— Что есть человек, — говорил он, — в рассуждении ангела? Он должен иметь попечение о своем содержании и подвержен несчастиям, болезням и, наконец, смерти.

Коль часто он о сем ни рассуждал, то всегда чувствовал горесть и неудовольствие, для чего он не ангел? Сии жалобы также были приняты, и человек тот превращен был в ангела. Тогда казалось ему, что имеет он уже все то, чего только тварь желать может. Радость казалась совершенна, и новый ангел, признавая небесные благодеяния, приносил свою благодарность. Но как желания не могут иметь пределов, то после того стал он представлять себе, какая разность между властию небесною и им, и начал уже и в том оказывать неудовольствие. Но справедливое небо было тем разгневано и определило: твари, которая никакими благодеяниями не может быть довольна, прийти опять в прежнее состояние. Таким образом, ангел превращен был опять в терновник. Тогда начал он уже сносить терпеливо свое состояние, ибо из собственного примера увидел, что желания никаким образом удовольствованы быть не могут.

БАСНЬ 170

ШВЕЯ ПОТЕРЯЛА ИГОЛКУ

Швея, гуляя некогда по полю, потеряла иголку. Сей урон был по ее обстоятельству довольно чувствителен, и она говорила, что готова бы дать за ту иголку десять других. Таким образом, искала она ее, но то было напрасно. Со всем тем, вместо потерянной иголки, нашла она тогда перло, на которое могла купить более миллиона таких иголок.

Баснь показывает, что умеренный урон бывает иногда причиною великого прибытка.

БАСНЬ 171

ДВОЕ КУПЦОВ

Два соседа приняли намерение торговать. Один из них поступал в своей торговле с великою осторожностию. Но со всем тем несчастие следовало за ним повсюду. И сие было причиною, что все его полезные намерения были уничтожаемы. Другой был смел и отважен, но более счастлив, нежели разумен. Таким образом, при всех своих предприятиях оставался он с удачею. Все, которые сие слышали, должны были признаться, что осторожность ничего не помогает, и были еще такие, которые, видя пример сей, начали поступать в делах своих нерачительно. Между тем, первый продолжал прежнюю свою осторожность.

— Когда мои предприятия, — говорил он, — которые начинаю я с рассуждением, мне не удаются, то претерпеваю я только один убыток; напротив того, когда обстоятельства товарищей моих неблагополучно окончаются, то будут они терпеть вместе и стыд и убыток.

БАСНЬ 172

ДВА БРАТА

Некоторый человек имел двух сынов, из которых меньший приобрел великую славу своим знанием и разумом. Притом он был весьма молчалив. Напротив того, больший сын был глуп и не учен, но всегда говорил сам о себе с великою похвалою. И как некто, удивляяся о сем, разговаривал с отцом их, то отвечал он:

— Я поступками обоих моих детей доволен, ибо когда все говорят о меньшем сыне, а о большем никто, то, следовательно, меньший не теряет ничего своим молчанием. Напротив того, больший для того и говорит о себе сам, что никто о нем не говорит.

Баснь доказывает, что добрый товар похвалы не требует.

БАСНЬ 173

КИТАЙСКАЯ

Несколько мышей разговаривали между собою таким образом: «Сколь великолепен свет сей, в котором мы живем! Какой великий дом построен здесь для нас! Какое множество кушанья изготовлено для нашего удовольствия! Когда рассудишь точно, то должны мы, конечно, иметь преимущество пред всеми тварями. Правда, мы имеем кошку жестоким неприятелем, но сие самое служит к наставлению нас осторожности». Утки, стоящие на берегу, которые взирали прилежно на леса, луга и воды, говорили: «Не довольную ли имеем мы причину благодарить натуру, которая все сие создала для нас?» Осел, который шел мимо и видел в воде тень свою, радовался внутренне о красоте своей. «Кто может сомневаться, — говорил он, — что небо и земля созданы не для осла? Я вижу, что человек у меня всегда слугою; он меня чистит, приносит корму и делает мне по возможности услуги. Жестокость, которую против ослов имеют люди, происходит от одной только зависти за преимущество, которым небо нас наградило». Человек, услышав сие, говорил: «Возможно ли, чтоб бедный осел имел о себе так гордые мысли и чтобы не мог видеть, что небо и земля созданы для пользы человека! Человек определен владеть всем, и в рассуждении своего разума, конечно, того он достоин». Несколько ангелов, которые тогда простерли взор свой на землю, рассуждая о человеке, говорили так: «Какая то бедная тварь! Каким бесчисленным болезням и бедам она подвержена! Не должен ли человек для пропитания своего работать сам и посмеваем быть от мух и комаров? Жизнь его во мгновение окончиться может, а он еще так гордо о себе думает. Что есть человек в рассуждении нас, ангелов?» Тинг, китайский бог, услышав сие, велел созвать к себе всех людей и зверей и говорил им так:

— Не думайте, чтобы кто, выключая божеского существа, мог сказать о себе, что он совершен. Всякий должен быть тем, чем быть определен; вы все собрание одного несовершенства, и никто на судьбу свою жаловаться не должен.

БАСНЬ 174

РАЗЛИЧНЫЕ ЖЕЛАНИЯ ЛЬВА И ЛЬВИЦЫ

Лев и львица жили долгое время и были друг другом довольны. Оба они были добродетельны и всякий день в определенные часы отправляли свои молитвы. Но в прошениях своих были они совсем несогласны, ибо лев просил богатства и долгую жизнь, а львица молилась Юпитеру о всем том, что, по его рассуждению, может ей быть полезно. А как львица занемогла однажды столь жестоко, что отчаялась уже своей жизни, то говорил ей лев:

— Если бы ты молитвы свои располагала по-моему, то, конечно, могла бы жить долее.

— Но, может быть, — сказала львица, — жизнь моя была бы мне бесполезна, ибо мы не знаем о будущих нам несчастиях.

Сии были ее последние слова, после чего она спокойно лишилась жизни. Что же надлежит до льва, то остался он при прежних своих желаниях, которые были и услышаны. Он достиг глубокой старости и имел довольное изобилие в своем пропитании. Но как старость его умножалась от часу более, то становился он бессильнее и не находил уже ни в чем своего удовольствия. Наконец все члены его стали недействительны, так что не имел он почти движения. Как скоро прочие звери о сем услышали, то превратили почтение к нему в такое презрение, что вороны садились уже без всякого страху к нему на спину.

— Теперь я признаюсь, — говорил тогда лев, — что львицыно прошение было основательнее, нежели мое.

Баснь учит полагаться во всем на божий промысл, а просить у него только здравого духа в здравом теле.

БАСНЬ 175

ПОРОСЕНОК ХОРОШЕГО ВОСПИТАНИЯ

Некоторая девушка не любила держать постельных собак, а вместо их взяла она поросенка, которого велела украсить разными уборами. Она вызолотила у него

щетину. Словом, такое имела о нем старание, что не выпускала его никуда из своих покоев, для того чтоб не видал он прочих свиней и не мог бы иметь с ними обхождения.

— Все делается от воспитания, — говорила она, — которое может переменять и самую натуру людей и зверей.

Но как, со всем тем, однажды дверь у горницы ее была отворена, то выскочил оттуда поросенок и побежал на поле, где по долговременном искании нашли его в грязи. И как в сем состоянии приведен он был домой, то говорила девка поросенку:

— Не стыдно ль то тебе, что я приложила все мое старание к твоему воспитанию напрасно?

— То правда, — отвечал поросенок, — но что ни делай со свиньею, однако она всегда останется свинья.

Баснь доказывает, что натура не может перемениться воспитанием.

БАСНЬ 176
ПЕРЕМЕНА ПЛАТЬЯ

Некто путешествующий приехал в город, где женщины носили платье из самой тонкой кисеи, так что кто имел острые глаза, тот, конечно, мог увидеть то, что видеть и не должен. Он немало тому удивлялся и дал знать хозяину постоялого двора свое мнение, что почитает он сию моду за непристойную.

— То правда, — отвечал хозяин, — здесь за два года носили женщины преширокие платья, так что всякая была подобна кораблю с тремя парусами. Наконец то им наскучило, и тому платью сделали они перемену. Но как в оной не могли быть умеренны, то дошли уже женщины до такого дурачества, в котором он их теперь видит.

Баснь доказывает, что перемена модам никогда не бывает умеренна, а иногда доходит оная до великой глупости.

БАСНЬ 177

КОЗЕЛ ИЩЕТ ПРАВОСУДИЯ

Козел имел множество тяжебных дел, в которых обвинен будучи, вздумал, что богиня правосудия оставила их лес и, конечно, имеет уже пребывание у людей. Он принял намерение искать ее и пошел в ближний город, думая найти тут богиню и принести ей свои жалобы. На дороге попался ему крестьянин, которому рассказал он свое дело.

— Воротись лучше назад, — отвечал козлу крестьянин, — я сам долгое время был в том городе, куда ты теперь идешь, и знаю, что судей там очень много, но чтоб было тут правосудие, того я не мог приметить.

БАСНЬ 178

ЛЕОНОРИНЫ ФИЖМЫ

Леонора носила всегда превеликие фижмы, которые сделаны были из китовых костей. Леандр, муж ее, часто в том осуждал, но сие ничего не помогало. Наконец, как родила она сына, то спрашивали отца, какое имя дать новорожденному?

— Иона, — отвечал Леандр, — для того, что произошел он из чрева китова.

Сей ответ имел такое действие, что Леонора переменила потом свой наряд.

> Баснь доказывает, что остроумная шутка часто более имеет действия, нежели важное увещание.

БАСНЬ 179

ОТЛОЖЕННОЕ ПОКАЯНИЕ

Волк слышал однажды нравоучительную речь, которую говорил журавль и осуждал беспорядочную жизнь зверей и людей. Тогда волк пришел в признание, так что определил препроводить жизнь совсем уже иную,

и он определил уже известное время, когда начать покаяние, то есть по прошествии месяца. После того как предприял волк такое доброе дело, не оставил он еще до сроку продолжать прежний свой промысел. Но в самое то время, как прошел тот месяц и он хотел начать покаяние, напали на него собаки и его умертвили.

Баснь надлежит до тех, которые отлагают покаяние и не помышляют о том, что в один миг препятствие тому сделаться может.

БАСНЬ 180

МЕДВЕДЬ И КОЗЛЕНОК

Как медведь увидел козленка, который скакал на высокой горе, то сказал он сам в себе: «Разве не можно и мне сделать то же?» Надежда его была не тщетна, и он, хотя с великим трудом, однако взошел на самый верх горы.

— Что мне делать? — говорил тогда медведь, — как мне сходить отсюда?

Козленок, который знал то еще прежде, говорил медведю:

— Тебе должно было о том подумать прежде, нежели сюда взошел.

Баснь учит, что человек должен не прежде предпринимать дело, как уверится, что он может благополучно оное окончить.

БАСНЬ 181

РАЗНЫЕ ДОРОГИ В ГОРОД БЛАГОПОЛУЧИЯ

Трое путешествующих отправились в город благополучия. Они были одного нрава и предприяли охотно подвергнуть себя всем опасностям, которые на дороге случиться с ними могут. Но как в тот город были разные дороги, то не могли они согласиться,

которая из них ближе. Они спорили о том несколько времени, однако не были согласны, ибо всякий доказывал по возможности справедливость своего мнения. А как не могли они того спору окончить, то пошел всякий по своей дороге. Наконец сделалось то, что все они, хотя и чрез разные дороги, дошли в тот город благополучия.

Басня учит, что всякий, кто ищет истины и желает достичь блаженства, может наконец исполнить свое желание, хотя в неведении, и отступить несколько от правого пути. Таким образом, можно сказать, что разными путями достигаем мы благополучия.

•

БАСНЬ 182

ПОСЛЕДНЕЕ ЛИСИЦЫНО ПОКАЯНИЕ

Лисица препроводила уже много лет, обманывая зверей и птиц, а наконец достигла она глубокой старости. Потом, приметив, что жить ей осталось недолго, велела призвать к себе гиерофита для исповедания всех своих грехов и просила у него в оных разрешения. Гиерофит тронут был чистым покаянием и не мог препятствовать ее желанию, а особливо для того, что подарила она ему немало за труды его. Таким образом, гиерофит сделал разрешение лисицыным грехам сими словами:

— Теперь ты, — говорил он ей, — совсем уже безгрешна, ибо когда конец жизни имеешь столь чистый, то все твои грехи уничтожаются.

— Итак, я с радостию умираю, — говорила лисица.

Сказав сие, оставила она временный сей свет. В самое то время умерла овца скоропостижно, так что не успела она принести гиерофиту покаяния, как то сделала лисица. Тогда гиерофит не хотел разрешить грехов овцы, ибо рассуждал он не по жизни их, а по концу. Но лесной бог Пан решил дело совсем не так, ибо лесные летописи доказывают, что лисица по смерти своей, не-

смотря на разрешение грехов, кинута в преисподнюю, а овца определена жить вечно в лучшей стране леса.

Басня учит, что последнее покаяние не столь важно, как о нем думают, и что божеский суд совсем инаков, нежели человеческий.

БАСНЬ 183

ПАН ДЕЛАЕТ УЧРЕЖДЕНИЕ

Кроме обыкновенных ссор, кои были в лесу между зверей, случились еще и другие, происходящие от самолюбия и гордости. Звери, приписывающие себе по силе своей первенство, не могли терпеть того, что нижайшие хотят с ними равняться. Сие число составляли львы, барсы, слоны, орлы, ястребы и прочие. Они назначили день, в который бы собраться им для советования о сем деле. Сей примечания достойный день был в конце месяца Каски, змеиного года. Тамо жаловались они на гордость низких зверей, которая столь далеко простиралась, что все, даже до свиней, овец и ослов, воображали, будто солнце и луна созданы не для одних сильных зверей, но и для них, и что ветер веет и дождь идет равно как для льва, так и для осла. Сии и сему подобные мнения казались им несносными.

— Не довольно того, — говорил лев, — уже дерзают в первенстве спорить со мною крысы и мыши.

— Муха, — говорил тигр, — муха дерзает влетать ко мне в ноздри и хвастает еще тем, что она меня не хуже.

Слон жаловался на пчел, кои жалили его столь сильно, что он выходил из терпения. Крокодил оказал свое нечувствие на малого зверка ихневмона, который причинял ему великий вред. По выслушании сих жалоб на гордость низких зверей, предприяли они подать представление богу Пану и просить его об учреждении, по которому бы всякий зверь знать мог старшинство свое и сильнейших зверей почитали бы нижайшие. Сие было учинено. Пан сделал учреждение по их желанию.

Но он почел за справедливое давать старшинство не по природе, а по внутреннему достоинству добродетели и прилежанию, чрез что приносят они людям истинную пользу. Сие учреждение состояло в следующем:

Первый класс

1. Пчелы и шелковые черви
2. Овцы
3. Коровы
4. Козы
5. Лошади

Второй

1. Верблюды и ослы
2. Быки
3. Кошки

Третий

1. Черепахи
2. Куры, утки, гуси
3. Бобры
4. Голуби
5. Журавли
6. Петухи
7. Соколы и собаки

Четвертый

1. Муравьи
2. Пауки и другие художники
3. Соловьи, жаворонки и прочие поющие птицы

Пятый

1. Львы
2. Тигры
3. Слоны
4. Медведи
5. Барсы
6. Волки
7. Орлы
8. Ястреба
9. Мыши
10. Крысы
11. Змеи
12. Ящерицы
13. Клопы и проч.

Каждое животное по своей древности.

Сколь великую радость причинило сие учреждение низким зверям и птицам, столь много большим сделало

оно неудовольствия, которое доказали они новым прошением. Но Пан не хотел ни в чем переменить свое распоряжение.

— Я думаю, что оно столь справедливо, — отвечал им Пан, — что и сам Юпитер на то согласится, и ниже Момус в чем осудить его может.

Для приведения их в покой приложил он к учреждению своему следующее изъяснение: «Пчелы и шелковые черви для того включены в первый класс, что они не только великие художники, но и великую приносят пользу; овцы кормят и одевают человека; коровы и козы дают молоко, а лошади употребляются в работу. Звери второго класса, как-то: верблюды, ослы и быки также работают, а кошки очищают дома от мышей и других негодных тварей. Звери в третьем классе также несколько полезны. Журавль очищает садовые травы, петух бывает лесным стражем, соколы и некоторые собаки употребляются к охоте. Муравьи и пауки определены в четвертый класс; первые — для разумного домостроительства, а другие — для искусной работы, кои, хотя и бесполезны, однако приводят в удивление и равняться могут с стихотворцами, живописцами, гридоровальщиками, резчиками и другими великими художниками. Соловьи включены для приятного пения, которое других тварей увеселяет. Прочие же звери и птицы пятого класса проводят жизнь свою или совсем бесполезно, или еще и вредно». Сие учреждение подтверждено было Юпитером, который только ту в нем сделал перемену, что слонов включил в четвертый класс, что в других изданиях сего учреждения исправлено.

Баснь научает делать учреждение по естественной справедливости.

БАСНЬ 184

МЕСЯЦ

Месяц просил у своей матери нового платья.

— Оставь свою просьбу, — отвечала она, — ни один

портной платья тебе впору сшить не может, ибо ты каждый день переменяешься.

Баснь показывает, что бывают и люди столь непостоянны, что ничем им угодить невозможно, ибо ежечасно они переменяют свои мысли.

БАСНЬ 185

ТРУБОЧИСТ

Трубочист пойман был в воровстве и посажен в тюрьму, которая утверждена была крепкими дверьми и замками. На другой день определили слушать его дело, но тюремщик, вошед в тюрьму, не нашел уже колодника, ибо оный выбрался из тюрьмы чрез трубу.

Баснь учит учреждать темницы по свойству колодников; крепкая стена может заключить корову, овцу, козу, а не птицу, которой надобно обрезать крылья. Сие самое наблюдать должно и в рассуждении наказания, ибо что несносно одному, то легко другому. Сие правило не наблюдается теми, кои в наказание сажают рака в воду.

БАСНЬ 186

КУЛИК-ЛЕКАРЬ

Барс часто бывал болен разными припадками и лечился у журавля, который был придворным лекарем. Журавль ставил ему непрестанно клистиры, однако ничего не помогало. Наконец кулик объявил, что есть у него лекарство на все болезни, и действительно имело оно свое действие, и больной совершенно исцелился. Спустя несколько месяцев потеряло сие лекарство все свое действие, а лекарь лишился всей своей славы; все оному удивлялись. Между прочими кошка, которая в старину также была доктором, сказала:

— Не дивитесь тому, все сии лекарства действуют только в то время, когда продолжается воображение больного; бывало, деготь почитался лекарством на все болезни, а ныне мажут им колеса.

Баснь доказывает, что воображение больного служит к исцелению его более, нежели лекарства.

БАСНЬ 187

УЧЕНАЯ ЖЕНЩИНА

Несколько ученых людей собрались разговаривать о разных философских материях. В сем собрании находилась одна ученая женщина. Один из присутствующих, не зная ее и думая, что она пришла помешать их собранию, спросил:

— Quid Saul inter prophetas?

То есть: что Саул во пророках?

— Quaerit asinos domini sui,— ответствовала та.

То есть: ищет ослов господина своего.

Баснь показывает, что часто получаем мы неожидаемые ответы.

БАСНЬ 188

РАСПРЯ У ЗВЕРЕЙ

Между различными и друг другу противными учениями, кои у зверей известны были, находились два, причинившие в лесу великое разделение. Старое учение, или начальное, состояло в том, что Юпитер назначил некоторых тварей к благополучию, а других к страданию, что должно и добро и зло одному ему приписывать и что сам он подвержен страстям, как-то: гневу, отмщению и пристрастию. Сие учение было от других опровергаемо, кои впали в другую чрезвычайность, ибо отрицали они совсем действие Юпитера и других

богов. Сия распря продолжалась долгое время. Наконец, как дошло до того, что Пан опасался междоусобной войны, и для того представил сие дело Юпитеру с прошением, чтоб он сам сказал, которая вера подвержена осуждению. Юпитер пришел от сего в немалое смущение. Он собрал всех богов и требовал мнения у каждого. Некоторым отрицание Юпитера казалось достойно проклятия, а другие были иного мнения, а особливо Момус:

— Я бы лучше снес, — говорил он, — если б на земле сказали, что нет Момуса, нежели то, что я тиран и подвержен страстям.

Юпитер, подумав несколько, рассудил за благо оставить дело без решения.

БАСНЬ 189

СВОЙСТВО ТЕХ ЧЕРВЯЧКОВ, КОТОРЫЕ ЖИВУТ В СЫРАХ

Известно, что в те времена, когда все твари разумом и употреблением языка одарены были, лев присвоил себе власть над четвероногими, орел над птицами, а дракон над пресмыкающимися, даже до самых червячков. Уже сделано было описание каждого рода животных. Одни только червячки, живущие в сыре, были почти совсем неизвестны. Любопытный дракон принял намерение испытать свойство оных и отправил к ним миссионариями двух дождевых червей, дабы исследовали они точно о состоянии сего народа и по возвращении своем сообщили бы ему исправное описание. Посланные пробралися к крестьянину в клеть, ибо проведали они, что лежит тамо сыр весьма долгое время, наполненный червями. По прибытии туда дождевых червей хозяева приведены были в великий страх, видя величину пришедших, из коих каждый покрывал четыре большие их деревни. Но как чужестранцы объявили им дружеские свои намерения, то хозяева отложили весь страх и познакомились с ними столь коротко, что те получили о них совершенное понятие и

в состоянии были сообщить дракону исправное о том описание, которое состояло в следующем. Сии черви не имеют никакого правления. Они живут в натуральном состоянии, не завися друг от друга; одни только дети оказывают почтение своим родителям. Большая часть из них думали, что крестьянский сыр был тот великий и пространный мир, где они жить могут, и который содержал более миллиона червяков. Некоторые думали также, что сыр сей, названный от них миром, был от начала века и вечно продолжаться будет; но сии почти от всех почиталися еретиками, словом сказать, такими, какими у нас спинозисты, ибо большая часть сыр почитали сотворением и небесконечием. Того только знать они не старалися, кто его создал, с другими зверьми и людьми были они в том одного мнения, что свет их создан для них. Оба миссионарии старалися им изъяснить то, каким образом и от кого сыр был сделан, то есть что сделала его крестьянская девка. Сие показалося смешным большей части червяков.

— Невозможно, — говорили они, — чтоб столь сильное и великое было существо, которое бы могло создать столь ужасный клуб, питающий несколько миллионов тварей.

Ибо дождевых червей почитали они уродами. Со всем тем нашлись и такие, кои получили вкус в сем учении и наконец приняли оное из почтения к учителям. Дождевые черви, приметя, что иногда мышь или крыса портили сыр их, спросили, что они о том думают.

— Мы знаем, — отвечали они, — что многие наши провинции со всеми жителями погибают, но отчего оное бывает, того мы понять не можем.

— Есть еще, — говорили дождевые черви, — есть еще злое существо, которое старается о вашей погибели.

После сего уведомления червячки приняли положение о двух независимых началах, то есть о добром и злом; отсюда видно, что положение сие гораздо старее манихеев. Чего ради почли они за благо обожать оба сии существа. Первое обожание, то есть доброму, было знаком благодарности за создание, а другое, то есть злому, было для смирения врага своего. Что же касается до прочих свойств сих малых животных, то приме-

чали они, что, живучи на тучной земле, были они весьма ленивы, следовательно, различным болезням, а особливо скорбуту, подвержены. Сия тучность делала то, что имели они великую память и малое рассуждение. Не видно того было, что нравоучение им известно, по крайней мере наблюдали они сию заповедь: *чего себе не желаешь, не желай того другому.* Вот все то, что только сведать можно было о сем народе, имеющем пред глазами не что иное, как один клуб, в котором они, так сказать, погребены были. Посланные, отправя свое дело, возвратилися назад и уведомили о том, что они видели и слышали. Дракон слушал все сие с великим удивлением, ибо не мог понять, каким образом могут иметь сии свойства такие червячки, которые не включены еще были в число живущих тварей. Скоро потом собрал он всех пресмыкающихся, коим объявил описание сего путешествия и требовал от них мнения о том, можно ли сих червячков включить в число прочих ползающих тварей. Большая часть на то согласилась, и червячки вписаны в книгу животных.

Баснь сия показывает заблуждение тех, кои почитают за ненужное исследовать свойства некоторых малых зверей и насекомых, хотя сим одним достигаем мы знания в натуральных вещах, ибо каждое насекомое имеет особливый вид, обычай и порядки и особливое старание о содержании своем, в чем многие из них не только с благородною тварию равняются, но еще оную и превосходят.

БАСНЬ 190

СОРОКА И ШЕРШЕНЬ

Сорока стала однажды на берег для испытания, не можно ли поймать какую-нибудь рыбу. Сие приметил шершень и лег на спину, притворяся мертвым. Сорока кликнула еще двух сестер своих на помощь для получения добычи. Но как скоро подошла она к шершню, то потащил он ее клешнями. Прочие сороки разлете-

лись и рассказали о сем приключении другим птицам с великим удивлением, говоря, что не можно бы ожидать такой хитрости от столь глупого животного.

— Не дивитесь, — ответствовал орел, — те, которые мало говорят, обыкновенно больше думают.

БАСНЬ 191

ЖАЛОБА ДУБА

Дуб приносил жалобу о том, что простые птицы вьют на нем гнезда и что тем марают его листья. Тот, который слышал его жалобу, сказал ему:

— Не жалуйся более: Юпитер сам то сносит, что ласточки и другие птицы делают в храме его гнезда.

Дуб, услыша сие, престал приносить свои жалобы и успокоился.

Баснь показывает, что многие не терпят в домах ни малейшей нечистоты и со всем тем умалчивают о том, когда видят в сем беспорядке церкви и другие священные места.

БАСНЬ 192

S. T.[1]

Судья, получа недавно сей чин и не доверивая сам себе, просил совета у одного юриста, что делать с злодеем, который обвинен в великих преступлениях? Юрист исследовал дело и, нашед справедливость обвинения, сказал, что судья нимало опасаться не может, осудив злодея на жесточайшую казнь, ибо всякое наказание не довольным кажется для сего преступника.

— Когда так, — говорил судья, — то обвиняю я злодея к временной и вечной смерти.

[1] Sine titulo — без заглавия (*лат.*).

БАСНЬ 193

[ЖАЛОБЫ МЕСЯЦА]

Месяц жаловался однажды своей матери на собак, которые целый час на него лаяли. Он думал, что они обвинены за то будут зверьми и людьми.

— Напрасно так ты сердишься, — отвечала ему мать, — собаки более достойны сожаления, нежели ты. Они осипли, лая, а ты от них стоял далеко.

Баснь научает презирать брань слепых людей, ибо она никому не вредна.

БАСНЬ 194

ОБЕЗЬЯНЫ И МЕДВЕДЬ

Несколько обезьян искали воды для утоления своей жажды. Наконец пришли они к колодезю, который был столь глубок, что не могли они достать воды, и приходили оттого в отчаяние. С тем же намерением подошел к колодезю и медведь. Он советовал им, чтоб одна обезьяна взяла ушат для почерпления воды и каждая держалася бы друг у друга за хвост до тех пор, как последняя, которая держать будет ушат, спустится к воде. Намерение сие похвалили обезьяны, только думали они, что тяжело будет тому, кто держать будет всех и с ушатом.

— У меня самого довольно силы, — сказал тогда медведь, — я могу всех вас держать, хотя бы число ваше и вдвое еще было.

Наконец все на то были согласны. Медведь ухватился когтями за обруб колодезя. Первая обезьяна держалась за хвост его, а другие ухватились также за хвосты по порядку. В сей работе застала их лисица и спросила у них, что сие значит? Медведь рассказал ей все дело и говорил, что обезьяны тяжеле, нежели он думал, и что когти его пылают от жару.

— Отдохни немножко, — сказала лисица, — и подуй в когти.

Медведь последовал ее совету.

— Держитесь, друзья мои, — закричал он, — я устал и подую в когти.

Едва медведь сие выговорил, как он сам и с обезьянами попадали в воду и утопли.

Баснь показывает пример лукавства и глупости.

БАСНЬ 195

ЗЛЫЕ СТАРЫЕ БАБЫ

Купец заключил однажды такой договор с дьяволом, что если он несколько лет благополучно торговать будет, то по прошествии оных отдаст сам себя в дьявольские когти. От сего же купец избавляется в таком случае, если в сие время будет он иметь хотя один товар, который не сойдет с рук его. Несколько лет торговал купец благополучно и обогатился, а чтоб не допустить себя до дьявола, то привез он домой разные бесполезные товары. Со всем тем, сколь они ни худы были, однако с рук сошли. Сие привело купца в жестокую печаль, ибо срок приходил уже к окончанию. Наконец, в последнее путешествие привез он для продажи старых баб; на лицах их злоба была почти написана. Сей товар был один, который не сошел с рук его и чрез что свободился он от договора, учиненного с дьяволом.

Баснь показывает, что злые старые бабы всего несноснее на свете.

БАСНЬ 196

ДЬЯВОЛ И КОЗЫ

Дьявол получил от сатаны четырех коз для сохранения их в его отсутствие, но они столь были резвы, что, несмотря на все дьявольские предосторожности,

прыгали и его не слушали. По возвращении сатаны домой: «Возьми коз своих, — сказал ему дьявол, — я лучше соглашусь стеречь целый полк, нежели одну козу».

БАСНЬ 197

МЕДВЕДЬ — ГЛАВНЫЙ СУДЬЯ

Медведь пожалован был главным судьею. Сему нечаянному произвождению удивлялись все звери, и долгое время, кроме сего, ничего в лесу говорено не было. Иные совсем тому и верить не хотели. Между сими был волк, который спросил лисицу, правда ли то, что говорят о медведе?

— Правда, — отвечала она, — но он будет только брать тут одно жалованье.

БАСНЬ 198

ССОРА МЕЖДУ ЗВЕРЬМИ ОБОЕГО ПОЛА

Жестокая ссора произошла некогда между двумя супругами, то есть барсом и барсучицею. Оба они хотели присвоить себе главную власть. Барс ссылался на право, которое каждый его пола имеет по закону естественному. Барсучица, напротив того, ссылалася на ежедневные примеры, кои доказывали, что как у зверей, так и у людей ведет всю власть женский пол. Но как уже ссора сия во всем лесу между всеми зверьми распространилась и дружелюбно не могла кончиться, то заключено было представить о том богу Пану. Дело было слушано, и Пан произнес следующее решение: «Мужья должны, как и прежде, удержать имя и титул господина в доме, ибо имеют они сие от природы, а женам надлежит употребление власти».

Баснь показывает, что сие самое решение надлежит и до людей.

БАСНЬ 199

МЕДВЕДЬ

Медведь за преступление посажен был в маленькую и худую клеть, вместо темницы. Лисица, увидя сие, сказала тюремщикам:

— Вы стережете тюрьму, чтоб не ушел колодник; стерегите лучше колодника, чтоб и тюрьма не ушла с ним вместе.

БАСНЬ 200

ПРОКЛЯТАЯ КРЫСА

Крыса, живущая в монастыре, зашла к монаху в келью и повредила несколько молитвенников. Монах, увидя сие, предал крысу проклятию. Крыса, не хотя понести на душе своей толикое бремя, пошла к игумну того монастыря просить о разрешении, ибо, говорила она, канонник не бывал никогда в руках того монаха и что моль конечно бы повредила его не менее. По счастию, игумен был человек рассудительный, который разрешил ее от проклятия.

БАСНЬ 201

СВИНЬЯ И ПЕТИМЕТР

Один из тех молодых людей, которые называются петиметрами, ехал верхом. Свинья, выдравшись из навозу, шла по улице. Петиметр, нимало не щадя ближнего, наскакал на свинью. Вспоткнулась лошадь. Петиметр упал и задавил было свинью.

— Чтоб черт взял свинью! — вскричал петиметр. — Платье мое все в грязи от проклятой скотины.

— Чтоб черт взял этого сорванца, — сказала свинья, — щетина моя вся в пудре!

БАСНЬ 202

ДУХОВНАЯ ФЕОФИЛА

Феофил занемог сильно и, видя наступающий час смерти, сделал следующую духовную: «Филемон, друг его, должен заплатить все его долги, а Тимоклес, другой друг, должен не оставить жену и детей его». Оба друга радовались несказанно о сей доверенности, и духовную его почитали они великим сокровищем.

Баснь предлагает пример нелицемерного дружества.

БАСНЬ 203

О ВЕЛИКОМ ПОСЛАНИИ В ОСТРОВ АЦИРЕМУ

Между лесными тварями были некоторые, кои под именем гиерофитов разумелись, то есть род священных змиев, не имеющих жала, которым бы они вредить могли, чего ради были они от всех зверей любимы, и они-то решали в лесу все случающиеся споры. Главный их начальник назывался архигиерофит; он был между зверей точно то, что римский папа между людей, ибо все звери, даже до львов, подвержены были суду его. Когда требовал он, чтоб верили звери самым невозможным вещам, то без всякого сомнения отрицалися они от собственных своих мыслей, почитая оракулом все его слова. Главная вера, которую он в лесу распространил, состояла в том, что лесной бог Пан хотя и есть владыка всех зверей, но что надлежит почитать также Бебону и других жен, кои паки склонить могут к тому, к чему склонить они его хотят. Другой член веры, который почитался также весьма важным, состоял в следующем: надлежит без всякого размышления верить всему тому, чему велит верить архигиерофит, и повиноваться слепо его повелениям. Сии оба члены веры столь твердо были вкоренены, что никто уже не дерзал и помышлять о том, на чем оные основаны. Но в самое то время, как все было спокойно и архигиерофит ду-

мал, что все птицы и звери признают власть его, донесено ему было, что есть еще больший остров Ацирема, где живут разные твари, по большей части овцы, бараны, гуси, цыплята, зайцы, кролики и проч. Они имели законы совсем противные помянутым двум. Учение их состояло, во-первых, в том, что обожать должно одного только Пана, которого признавают лесным богом. Притом, думали они, что не надлежит подвергать себя власти гиерофитов; со всем тем стало и то известно, что сии звери, впрочем, вели жизнь спокойно и невинно.

— Все сие ничего не значит, — говорил архигиерофит, — когда у них нет правоверия.

Потом собрал он всеобщий совет для приведения заблудших овец на истинный путь. Тамо положено было отправить в остров Ацирему проповедников, коим повелено, сперва увещанием, в противном же случае строгостию, обращать грешников. Четыре лисицы и четыре волка, все благочестные особы, отправлены были для проповеди, а некоторым из больших птиц повелено было идти туда водою. По прибытии своем нашли они там все то, о чем им донесено было, чего ради и начали они немедленно проповедать. Но жители острова не хотели слушать нового учения, приметя, что проповедники не так живут, как жить учат. Некоторые думали, что будто проповедники для того не хотели оставить зверей сих в прежнем неверии, чтоб поправить достатком их свое состояние; но то, может, выдумали их неприятели. Известно только то, что они, яко ревностные учители, повиновались повелению своего архипастыря с великою точностию, ибо десятой доли жителей не осталося в живых. Оставшие подарены были животом с тем договором, чтоб принять спасительное учение и платить ежегодно некоторую сумму архигиерофиту. По возвращении их дерзнули некоторые доносить о злодейском поступке и корысти сих проповедников, ибо туда отправлены они весьма тощи, а оттуда возвратились толсты; но сие обвинение не было принято в уважение, ибо в первом всеобщем собрании ревность их была прославлена.

БАСНЬ 204

ЛИСИЦА И ДЬЯВОЛ

Лисица встретилась с дьяволом.

— Здравствуй, любезный товарищ, — сказала она ему.

Дьявол удивился, слыша сие.

— Почему я твой товарищ? — спросил ее дьявол.

— У нас одно ремесло, — отвечала лисица, — и мне кажется, что я с тобой у одного мастера обманывать училась. Ты проводишь людей, а я вожу за нос зверей.

Дьявол признался, что лисица говорит правду, и, видя, что она в титуле не ошиблась, сказал ей, прощаяся:

— Прости, любезный товарищ.

БАСНЬ 205

БОБР СУДЬЕЮ

Бобр препроводил несколько лет в исследовании естества и получил в оном такой успех, что свойства всех зверей, птиц, насекомых, дерев и семян ему известны были. Слава, которую он от сего имел, была причиною, что посадили его судьею в знатнейшее судебное место. Он не отрекся принять сию должность, почитая себя уже ко всему способным. Но все его решения были столь безрассудны, что все звери стали ему насмехаться; он скоро приметил сам свою неспособность и для того сложил с себя чин добровольно.

— Если б я, — говорил он, — прилагал менее старания узнавать свойство насекомых, а более узнавать себя, то бы никогда не был таким я судьею, которому смеются.

Баснь сия надлежит до тех, кои знают все, кроме себя самих.

БАСНЬ 206

ДВА КОЗЛА

Два козла почитались в лесу великими грамматистами, но как сей род тварей обыкновенно за безделицу войну имеет, то и не удивительно, что козлы подрались скоро. Должно и в том признаться, что сей спор их начался довольно важно: один козел отрицал семиколон(;) и доволен был колоном(:), а другой был противного мнения. Спор кончился дракою, так что, казалось, кому-нибудь из них надлежит остаться на месте. Многие звери сбежались смотреть сего сражения и хотели разнять их, но все то было тщетно. Оба они хотели до смерти защищать свои мнения и жертвовали животом семиколону. Большая часть зверей и птиц осуждали их за то и почитали самоубийцами, достойными вечной муки. Но те звери, кои в грамматике сильны были, почли их мучениками и вписали имена их в грамматическую мартирологию.

БАСНЬ 207

МИР ЖЕН, LA PAIX DES DAMES

Прежде сего описал я, как часто лисица обманывала черта, а особливо вызвала его на поединок в первое число апреля. Черт искал часто случая перелукавить сего зверя и часто оставлял соблазнять людей, чтоб искать случая отмстить лисице. Мать его, видя, что оставляет он важнейшие дела, сказала ему однажды:

— Сын мой, не пристало тебе вооружаться против столь малого зверя. Представь себе, что ты выиграешь или проиграешь. Если проиграешься, то будешь в вечном стыде, а ежели и выиграешь, то победа сделает тебе не много славы. Нет в свете поноснее для престарелого и заслуженного мужа, как связаться с какою подлою тварью, ибо всякий раз он, конечно, проиграет.

Черт, приметив, что слова его матери основательны, и для того просил ее вступить в договор. Она на то согласилась и договаривалась с матерью лисицы столь долго, что обе сии женщины утвердили следующее: черт и лисица не должны друг другу мешать ни в чем. Черт должен обманывать людей, а лисица зверей. Сей мир назван миром женщин, и думают, что он служил примером тому миру, который в последние времена заключен во Франции и известен под титулом: La paix des dames.

Баснь учит не иметь никогда дела и убегать от всякой ссоры с тем, кто тебя ниже, ибо во всяком случае выиграет неприятель.

БАСНЬ 208

ЛЬВУ СОВЕТУЕТ ЛИСИЦА

При дворе львовом казначейское место еще занято не было. Лев посоветовал о том с лисицею, кому бы поручить сию должность.

— Не поручай ни бедному, ни скупому, — отвечала она, — бедному сокровище нужно для того, что он его не имеет, а скупому для того, что он ничем доволен быть не может.

БАСНЬ 209

ХВАСТОВСТВО ЛЕАНДРОВО

Леандр хвастал тем, что каждый год причащается он по осьми раз.

— Не хвастай тем, — ответствовал один из его слушателей, — ты восемь раз в год даешь богу обещание исправлять жизнь и восемь раз в год его обманываешь.

БАСНЬ 210

РЕШЕНИЕ РЫБАКА

Две рыбы нашли на берегу устрицу, и каждая хотела оную себе присвоить.

— Я сперва увидела, — сказала одна.

А другая говорила, что сперва до нее коснулась. Сей спор взялся разрешить рыбак и, выслушав дело, почел за справедливое устрицу разделить на две равные части. По окончании сего разделил он им по раковине, а внутреннее взял себе, так, как судья за справедливое решение.

Баснь советует как возможно удаляться от судебных дел.

БАСНЬ 211

РЫБОЛОВ И ЛИСИЦА

Рыболов, увидя, что лисица заводит ужасное убивство между цыплятами, гусями и утками, сказал ей:

— Не стыдно ли тебе поступать так с невинною тварью?

— Я слыхала, — отвечала лисица, — как поступаешь ты с рыбами, и думаю, что флот столько тобою недоволен, сколько мною сухопутное войско.

БАСНЬ 212

МУЖ

Некто женился на девке и не нашел того, чего бы найти желал. Он проведал сам, что она несколько лет могла сама содержать себя своею красотою. Со всем тем надеялся он, что принесет она ему наследника. Надежда его столь была велика, что купил он заранее колыбель и пеленки. Питаясь сей надеждой, увидел он однажды, что дура девка хочет доить козла, чему стал он безмерно смеяться и рассказал о том своему соседу.

— Есть чему смеяться, — отвечал сосед, — и я смеялся не меньше, услыша, что к жениным родинам купишь ты колыбель.

— А для чего ж бы не купить мне? — спросил тот.

— Мне кажется, — отвечал другой, — что столь же невозможно от иных женщин ждать ребят, сколько от козла молока.

Баснь научает не смеяться другим, чтоб не быть самому осмеяну.

БАСНЬ 213

ДЕЙСТВИЕ СЛЕПОЙ ВЕРЫ

Путешествующий въехал в один большой город, где встретился ему нищий, который просил у него милостыни, сказывая, что терпит он гонение за веру и лишился вовсе пропитания.

— Я лучше хотел, — говорил нищий, — потерять все свое благополучие, нежели оставить правую реформатскую веру, в которой я воспитан.

Проезжий начал потом его спрашивать:

— Сколько богов?

— Два, — отвечал нищий, — разве я не знаю, а именно: старый и новый завет.

Путешествующий, оставя его, удивился тому, что человек лишается всего за того, о чем не имеет никакого понятия. Скоро потом встретился он с другим, которого вели на виселицу за то, что убил он родного брата, который принял реформаторскую веру. Сего убийцу имел он также любопытство спрашивать:

— Сколько таинств?

— Три, — отвечал тот, — отец, сын и дух святой.

Сие сделало в нем еще более удивления, ибо сей последний из ревности к вере, которой нимало не знал, принес на жертву тело и душу.

БАСНЬ 214

ВОЛК

Волк пришел вдруг в раскаяние и столь тронут стал добродетелью, что возненавидел всех других волков, почитал их злодеями и увещевал их оставить гонение на невинных овец.

— О свет! превратный свет! — кричал волк. — Когда обратишься ты на путь истинный?

Но как однажды был он в сих благочестивых мыслях, то на дороге нашел сенетные листы, которые проглотил с великою поспешностию. Листы служили ему вместо проносного, а сие имело такое действие, что все опротивящее ему показалось опять приятным, и он стал жить опять, как живут волки.

> Баснь показывает, что случаются иногда припадки, кои отвращают от света, но что есть и такие слабительные, кои исцеляют от сей болезни и делают свет опять столь же приятным, как и прежде.

БАСНЬ 215

ЗАВЕЩАНИЕ ЛИЗИМОНОВО

Лизимон имел трех законных детей и одного незаконного. Умирая, отдал он все свое имение первым, а последнему ничего не оставил. Все тому удивились, ибо знали, что он любил его более, нежели тех.

— На что ему деньги, — говорил Лизимон, — он счастлив по природе.

Уверяют, что обыкновенно незаконные дети счастливее.

БАСНЬ 216

АМЕРИКАНЕЦ

Прибывший недавно в европейский город американец увидел, что идут в церковь люди с шпагами. Он думал, что место сие назначено для сражения.

— Для чего не дерутся они на открытом поле? — говорил он.

Потом услышал, что в церкви запели, сие утвердило его в прежнем мнении о драке.

— Я думаю, что здесь великое кровопролитие, — сказал американец, — мне надобно отсюда скорее убираться.

Баснь изображает, сколь непристойно входить в церковь вооруженным.

БАСНЬ 217

ПРЕМЕНИВШИЙСЯ МИЛОСТЫНИ ДАТЕЛЬ

Леандр, бедный, но великодушный человек, давал каждую неделю нищим по талеру. Все удивлялись его щедрости, ибо знали, что сие выше его достатка. Скоро потом получил он наследство и начал давать в неделю по полуталеру. Сие привело также людей в немалое удивление.

— Нечему дивиться, — сказал тогда один философ, коему плоды богатства были известны. — Если Леандр получит еще наследство, то и ничего раздавать уже не будет.

Баснь показывает, что скупость прибавляется с богатством.

БАСНЬ 218

ХУДОЕ ИЗВИНЕНИЕ

Филокпат одевался поутру к обедне. Одеваяся, замарал он галстук и для того остался дома. Отец его, услыша сие, сказал ему:

— На одежды не взирает бог, любезный сын. Нет! он смотрит на чистое сердце, а твое сердце замарано больше, нежели галстук.

БАСНЬ 219

КОКЕТКА

Кокетка, которая имела много разума и мало добродетели, спрашивана была однажды о том, какого бы мужа иметь она хотела?

— Такого, — ответствовала она, — который бы имел все добрые свойства, выключая разум, для того что если он умен будет, то буду я глупее.

БАСНЬ 220

ЖЕНИТЬБА — ЛОТЕРЕЯ

Игнация советовала сыну своему жениться, но он в том ей не повиновался.

— Матушка, — говорил он ей, — женитьба есть не иное что, как лотерея, в которой пустых билетов очень много.

Мать замолчала, услыша сей ответ, который был более остроумен, нежели основателен, ибо знаю и то, что в лотерею часто столь много выигрывают, сколь много проигрывают.

БАСНЬ 221

НАДЕЖНОЕ СРЕДСТВО ПОЛУЧИТЬ ЖЕЛАЕМОЕ

При дворе львовом визирское место было не занято. Многие звери старались получить оное. Лисица одна, хотя и имела к тому великое желание, притворилась, будто великое к тому имеет она омерзение, и для того спряталась в пещеру, разглася, что она оттуда ранее не возвратится, пока который-нибудь зверь произведен не будет. Но сим самым вымыслом получила она то, чего бы никогда получить не могла, ибо лев думал, что честность лисицы чрез то явно открылась, и для того велел он ей указом выйти из пещеры и быть визирем.

БАСНЬ 222

ГОСУДАРЬ ИЗВИНЯЕТ СВОЕГО ГРАДОДЕРЖАТЕЛЯ

Государь приказал быть к себе двум своим градодержателям и привезть с собою все бумаги и доказательства того, что должность свою исправляли они порядочно. Первый, получа приказание, должен был отправиться немедленно, а другому дано три дни сроку. По прибытии их обоих нашлось, что первый забыл с собою взять бумаги и доказательства, а другой все повеленное привез с собою. Главный министр разгневался на первого и обвинял его нерачением в присутствии государя, который сам оправдал его.

— Невозможно требовать от них равной исправности, — говорил он, — ибо одному велено выехать немедленно, а другому дано три дни сроку.

Баснь обвиняет тех, кто внезапную смерть почитает наказанием; ибо в сем случае приписывают они богу некоторое пристрастие, не помышляя о том, что бог, яко праведный судия, конечно, от того потребует более, кто больше времени имел на покаяние. Никто сомневаться не может в том, что божеский суд совсем инаков, нежели человеческий.

БАСНЬ 223

ДВА КОРАБЕЛЬЩИКА

Два корабельщика, каждый с кораблем своим, отправлены были вместе. Один пришел к пристани ранее другого. Сие приписано было проворству одного, а нерачению другого. Но по исследовании дела нашлось, что первому послужило слепое счастие, а другому препятствовала буря, чего ради первый отпущен был, а другому поручили большой корабль.

БАСНЬ 224

ЖАЛОБА ЯСТРЕБА

Между различными узаконениями зверей и птиц определено было ястреба вдесятеро более наказывать, нежели журавля, если найдутся они в одинаком преступлении. Ястреб жаловался на сие определение, говоря, что за равное преступление равное и наказание быть должно. Но орел ответствовал ему так:

— Когда наказанием отвращаются твари от всякого злодейства, а ежедневные опыты научают, что умеренное наказание у некоторых народов столь же много действует, как и жесточайшее, то должно также для мытья ястребовой головы употребить более щелоку, нежели на мытье головы журавлевой.

Баснь научает учреждать наказание по свойству каждого народа.

БАСНЬ 225

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЛОШАДЬ И МАНЕЖНАЯ

Крестьянская лошадь шла мимо манежной, которая на улице делала такие скачки и движения, что народ остановился и смотрел на нее с удивлением. Крестьянская лошадь, не имея времени на нее смотреть, шла своей дорогой, а возвращаясь, увидела манежную в превеликом поте.

— Ты еще не дале? — спросила она манежной. — Я еще успею много сработать, пока ты будешь в другой улице.

Баснь надлежит до тех, которые в непрестанном движении и со всем тем ничего не делают.

ТОРГ СЕМИ МУЗ

Из Кригеровых снов. 13

Юпитер определил быть всеобщему собранию богов. Он объявил им, что любезнее ему всех животных люди, и для того предприял он сделать их вообще благополучными. Все на то были согласны и поручили о том стараться Аполлону. Таким образом, послал он семь Муз и удержал у себя только двух, чтоб одному не остаться. Каждая из них имела на спине короб, в которых были средства к человеческому благополучию. Первая носила разум, другая добродетель, третья здоровье, четвертая долгую жизнь, пятая мысленные увеселения, шестая честь, а последняя имела короб, наполненный золотом. Они сошли все вместе с Парнаса и отправились в город, когда в оном был день торговый. Там было великое множество народа, а особливо превосходило более число молодых людей, которые окружили Муз, когда стали они продавать свои товары.

«Я продаю разум, — говорила первая, — покупайте его. Я вижу, что в оном есть у вас недостаток; когда будете вы иметь его, то не будет вам нужды покупать более у сестер моих. Я уверяю, что разум — товар очень редкий». Тогда сделался в народе великий смех. Видно, что она девка веселая, говорили они тогда; жаль только того, что она не моложе. Муза, не продав там своего товару, пошла по улицам и объявляла еще, что

продает разум. Всякий смотрел на нее из окошка и, глядя на короб, смеялся. Она, приметив, что сей труд ее бесполезен, предприяла идти с товаром по домам, и, пришед в первый дом, поставила она короб с товаром своим на пол, чтоб отдохнуть несколько. По несчастию, бранилась тогда госпожа дому с своим мужем и, зляся на него, била всех своих слуг и служанок. Она, увидев Музу, спросила ее сурово, зачем она пришла? «Сударыня, — говорила ей Муза, — не изволите ль купить у меня разуму? Покупайте теперь его, он вам вперед пригодится: может быть, больше я в дом ваш не буду, а товар вам, поверьте, очень надобен; вы довольно имеете в себе достойного любви, и только недостает вам разума». — «Что за черт! — закричала госпожа. — Разве я дура?» — «Не прогневайтесь, сударыня, — отвечала ей Муза, — я от глупости вас избавить теперь хочу: вы видите, что продаю я разум». После сих слов госпожа, рассердясь жестоко, подняла руку, чтоб ударить Музу, и она бы отправила ее добрым порядком, когда бы Муза не убралась скорее из дому. Лишь только она оттуда вышла, то бежал за нею таможенный сборщик и кричал ей: «Что у тебя в коробе? Отдай за это пошлину». — «Я продаю разум», — говорила Муза. «Разум! — вскричал сборщик. — Что это за чудо! Я, мне кажется, сборщиком лет с тридцать, да не видывал сего отроду. Изрядно, друг мой, — продолжал он, — я короб твой запечатаю; мне надобно знать, не заповедный ли это товар?» Он сказал о том судьям, которые определили выгнать Музу из города, для того что разуму в нем довольно и граждане не имеют в том нималой нужды, да и непристойно за такой товар платить деньги. Таким образом выгнана была Муза из города и запрещено было ей являться туда по смерть.

Другая Муза, которая продавала добродетель, кричала также по всем улицам, но не нашла купцов, для того что все почли ее за дуру. Наконец сказал ей один разумный старик: «Любезная Муза! Товары твои здесь не в моде; сказывают, что они очень стары, а наши дамы смеются уже тем уборам, которые носили их бабушки. Ты лучше сделаешь, ежели перестанешь напрасно трудиться. Моды переменяются часто. *Добрый*

человек в старину был титул почтенный, а ныне значит то: *дурак»*. По счастию, имела Муза тогда с собою терпение, помощию которого получила она силу отнести назад свои сокровища.

Третья Муза, которая продавала здоровье, хотя и имела несколько купцов, однако были все почти такие, которые столь повреждены были беспорядочною жизнью, что помочь им никаким образом невозможно было. По несчастию, случился тут ученый доктор, которого больные увидя, оставили Музу и пошли все к нему, говоря: «Пойдем лучше искать помощи у него; мы знаем, сколь много вылечивает он от болезней своими рецептами, а эта дура советует нам пить колодезную воду». Таким образом, принуждена была Муза затворить свой короб; а из всего народа не больше было двух человек, которые выздоровели от ее лекарств, для того что никто не хотел хранить правил, которые она предписывала.

Четвертая Муза объявляла, что продает долгую жизнь. Лишь только она выговорила сии слова, то вдруг все, и больные и здоровые, окружили Музу. Богатые отдавали за сие половину своего имения и нарочно, чтоб не раскупили у нее прочие столь полезного товару, приставили они десятских отгонять палками простой народ. «Любезная Муза! — говорил тогда восьмидесятилетний старик. — Я, слава богу, имею шестьсот тысяч рублей денег, которые нажил я, сказать правду, и пóтом и трудами; мне хотя очень трудно беречь их в безопасности, однако умереть не хочется, да мне и досадно, что по смерти моей будут они промотаны детьми моими. Что бы ты взяла с меня, — продолжал он, — когда бы мне еще прожить можно было лет десятков восемь?» — «Я возьму с вас, — говорила Муза, — тысяч восемьдесят». — «Как! Восемьдесят тысяч! — отвечал старик. — Это шутка тебе кажется? Разве восемь тысяч, то бы несколько было еще сносно; вить надобно жить, да было бы чем прожить». — «Государь мой! — ответствовала Муза. — Знайте, что деньги, кои получаю я за товар сей, назначены для употребления людей разумных и добродетельных, которые обедняли, и ведайте, что бедным я ни в чем отказать

не могу». — «Пускай то будет, — говорил старик, — а что много, то много; изволь, быть так; я прибавлю еще сто рублей, итого будет восемь тысяч сто рублей серебряною монетою». — «Изрядно, — отвечала Муза, — я готова вам служить, да мне надобно еще сказать и то, что вам кроме сего должно купить у сестр моих разуму, добродетели и здоровья, а без них товар мой будет или совсем недействителен, или сделает вам жестокую печаль и будет бо́льшим еще бременем». — «Да где твои сестры?» — спросил старик. «Вы должны их искать, — отвечала она. — Я чаю, не вышли они еще из города. Капиталисты выходили по их сыскную, послали искать их по деревням, однако нигде найти не могли».

Пятая Муза, которая продавала забавы, окружена была таким образом от людей обоего пола, что не было уже сил ее стоять. Она упала и разбила короб. Люди напали с таким жаром на забавы, что разорвали их по клочкам, и никому не досталась совершенная забава; кто получил малую часть оных, тот тужил о том, для чего она не вся, и завидовал тому, который имел то, чего недоставало у него. Со всем тем, никто не хотел уступить другому. Муза не пеняла тогда за их чрезмерную жадность к забавам, для того что чрез сие они их стали лишенны, хотя она и даром им уступить их хотела.

Шестая Муза продавала честь. У нее покупали так жадно, что доходило до драки, а иногда убивали друг друга и до смерти. По счастию, поспешила туда строгая команда, которая привела ее в безопасность от блистающих мечей вокруг ее главы. Посреди толь великого безумства людей, отворив она свой короб, вынула из него истинную славу и наполнила его пустыми титулами. После того кричала она людям: «Прошу вас, будьте рассудительнее и подумайте, что истинная слава должна достигнуть вас сама собою». Однако на то не смотрели, и нашлись такие удальцы, что разогнали команду, напали на короб и начали ссору за пустые титулы, которыми он был наполнен. Я удивился, когда увидел, что тут были и такие люди, которые прежде сего казались кроткими и благочестивыми. Муза смеялась, видя их дурачество, и говорила сама в себе: «Пускай

дураки ловят пустые титулы, а истинную славу отдам я Аполлону, чтоб наградил он ею тех, которые ее достойны». В таких размышлениях вышла она из города и увидела у ворот почти в беспамятстве меньшую свою сестру, которая носила деньги. «Что ты здесь делаешь, сестрица? — говорила она ей. — Сколь жалко видеть мне тебя в таком состоянии». Наконец несколько отдохнула умирающая Муза и начала говорить с тяжкими воздыханиями: «Ах! сколь я благополучна, увидя еще тебя; ты возвращаешь мне жизнь, которой я казалась быть лишенною. Никогда я не думала, чтоб люди были столько безумны. Пойдем скорее от таких уродов в безопасное место. Я истинно боюсь, чтоб они на меня еще не напали». — «Да что они тебе сделали?» — спрашивала та. «Представь себе, — отвечала она, — тысячу волков, которые целую неделю ничего не ели и мимо которых идет человек и несет на спине ягненка: то будешь ты иметь точное изображение того, что сегодня случилось со мною. Как скоро вошла я в ворота, объявляя, что несу золото и буду раздавать тем, кои имеют в нем недостаток, то прибежало ко мне множество народа. Которые были в домах, те выскочили из окошек; они повалили меня с коробом и разломали его на мелкие части. Всякий рвал более к себе и, чего не мог захватить руками, то доставал ртом. Но как не осталось у меня больше в коробе, то сорвали они с меня платье и обыскивали по карманам, нет ли еще денег. Не нашед более нигде, оставили они меня; однако те, кои ничего не получили, хотели у других отнять силою и вцепились друг другу в волосы, так что, я думаю, у всякого расчесаны они были добрым порядком, и кто больше получил денег, тот более был бит».

После того как о сем объявлено было богам и увидели они, сколь жадны люди к забавам, чести и богатству, то определили отдать сии три вещи тем, которые имеют разум и добродетель. Исполнилось ли обещание их или нет, того сказать я не могу.

СИДНЕЙ И СИЛЛИ,
ИЛИ
БЛАГОДЕЯНИЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ

Аглинская повесть

К госпоже ...

Следуя воле твоей, перевел я «Сиднея» и тебе приношу перевод мой. Что мне нужды, будут ли хвалить его другие? Лишь бы он понравился тебе. Ты одна всю вселенную для меня составляешь.

Третьего дня был я, по обыкновению моему, в вольном доме. Тамо, истощив уже все разговоры о глубочайших политических делах, поискав способов к снисканию нашей пользы, подавая притом мир Европе, начали говорить о философии и философах. Одни вступились за Бакона, другие за Локка, иные за Невтона, и сей последний имел превосходнейшее число защитников; почти все согласились почесть его героем всех мудрых мужей великой Британии. Толстый человек, слушавший нас с некоторым родом критического равнодушия и посылавший нам к носу густые из дыму облака, положил на стул свою трубку и говорил нам спокойным видом:

— Господа, вы ни малейшего не имеете понятия о благоразумии и философии; по моему мнению, тот есть философ, который ближнему добро делать умеет,

а не те врали, которые становятся страдальцами сумасбродных систем своих. Пускай Исак Невтон будет человек великий, да я знаю человека еще более его.

Он не успел докончить сих слов, как взял опять свою трубку и стал курить с прежнею важностию. Последние слова его возбудили в собрании любопытство. Человек более Невтона! Кто б был толь редкий из смертных? Все к нему подходить стали, и один из собрания просил его с учтивостию сказать нам, кто б была сия чудная тварь, которая брала, по его словам, верх над философом, делающим честь нашему народу.

— С охотою, — отвечал он, — мне мило, когда добродетель толь явно почитают, и я не сомневаюсь, что мой философ будет и вашим... Малый! подай нам вина бутылку; не худо, господа, растворить вином повествование.

Искренность сего человека привлекла нас к вниманию; мы велели подать вина и, сев около его, просили начать повесть.

— Так, государи мои, — сказал он нам, опорожнив большой стакан,— я ласкаю себя надеждою показать вам, что такое есть прямой философ. Сколь много ложных! Я признаюсь, что с некоторого времени наскучили мне все ученые рассуждения. Годдам, [1] — говорил он, размахивая сильно своею трубкою, — не в том состоит добродетель, чтоб сочинять книги, а в том, чтоб делать добро, быть людям полезну и утешать их в злополучиях.

Сии начальные слова нас тронули...

— Какова вы меня видите, — продолжал он, — я читал не меньше других великое число важных дурачеств; я набил себе голову множеством великолепных глупостей, которые называются *знаниями;* я путешествовал, мне попадалось бесконечное число карлов, которые считали себя великанами, попадалось множество безумцев, которые премудрыми себя называли. Объехав дважды свет, встретился я в Восточной Индии с одним из наших земляков, называемым Сидней. Он был в сухопутной службе, богат, без гордости, без жестокосердия; словом, он был самый кроткий и честный человек. Я познако-

---

[1] Аглинская божба. *(Прим. Фонвизина.)*

мился с сим великодушным британцем. Вседневно находил я в нем новые добродетели, кои, убегая славы, были тем самым еще почтеннее. Я спешу начать повесть и умалчиваю о множестве таких дел, из коих бы и одно могло сделать ему похвалу несказанную. Вы услышите теперь добродетельное действие нашего согражданина точно так, как я слышал оное из уст вернейшего его друга, ибо сам он не желает того, чтоб узнал свет о его благодеяниях. Не дивитеся тому, что стану я рассказывать сию повесть с такою точностию: я написал ее своею рукою и знаю наизусть. По моему мнению, она сто́ит всех мнимых храбрых дел ваших Александров и Цесарей, которыми человеческая память толь бесплодно обременяется.

Сидней имел в Индии знатнейший воинский чин. У нас была тогда война с набабом. На одном сражении, на котором мы одержали победу, увидел Сидней между индейцами одного европейца, который сражался с яростию; он ворвался в аглинские полки, и, обагренный кровию, побил уже он много наших. В ту минуту, когда поражен им стал взор Сиднея, мучил он солдата, издыхающего уже от его ударов. Сие зверское действие возбудило в Сиднеевой душе удивление и ужас; он не мог себе представить, чтоб такое варварство было без причины: повелел схватить сего человека и привести его к себе живого. Приказание сие было исполнено. Схватили сего ожесточенного, оторвав его с трудом от добычи, и принесли его в Сиднеев шатер лишенного памяти и истекшего почти кровью. Согражданин наш подошел к сему исступленному и приметил в нем лицо благородное и любезное и черты, означающие душу честного человека. Сидней не мог согласить того, что обещает вид сего пленника, с тою яростию, с которою метался он во время сражения. С великим старанием велел он перевязать раны его.

— Несчастный, — вскричал Сидней, взглянув на него, — возможно ли иметь толь милый вид с столь жестокою и варварскою душою? Отчего могла родиться такая гнусная разность?

Раны пленника перевязали. Он открыл глаза свои.

— Я еще вижу свет, я еще людей вижу и не могу растерзать их сердце, не могу истребить их! О боже!.. — По сих словах силится он встать, упадает опять, затворяет глаза, рвется разорвать перевязки ран своих, но его не допускают, и он в другой раз чувств своих лишается. Жалость, им произведенная, возрастает. Сидней велел иметь о нем особливое попечение и приказал себе сказать, как скоро чужестранец опомнится.

— Надобно, — говорил почтенный наш согражданин, — надобно, чтоб сей человек терзаем был какою-нибудь жестокою страстию или чтоб лютые его несчастия родили в нем ненависть ко всему человеческому роду. Бешенство его преестественно. Нет такого сердца, которое бы, не волнуемо будучи никаким сильным движением, ввергалось само собою в толикую жестокость.

Доброе мнение, которое имел Сидней о пленнике, влекло его опять к сему несчастному; он еще не вошел к нему, как раненый, отворив умирающие глаза, покушался в другой раз разорвать перевязки. Великодушием исполненный Сидней удержал его руки:

— Что ты делаешь? — вскричал он. — Ты теперь не между дикими: агличане — люди.

— Люди! — отвечал чужестранец с видом мрачного отчаяния. — Я сих-то бы чудовищ и растерзать хотел! Если искра жалости в вас остается, если не все вы львы, не все вы тигры, то пустите умереть меня. Сего единого утешения от вас я ожидаю, когда уже не могу разрушить, когда не могу я истребить весь род человеческий. Небо! скончай ужасны дни... Твое старание бесполезно, — продолжал он говорить Сиднею, — несмотря на злодейские твои вспоможения, я знаю, как добиться смерти, которая будет мне первым на свете благодеянием. — По сих словах закрыл он подушками свою голову и стал жалостно стонать. Сие зрелище смягчало от часу более добродетельного Сиднея. Он имел такое о пленнике своем попечение, как чадолюбивый отец о собственном своем сыне.

Больной мало-помалу и как будто поневоле к жизни возвращался. Воздыхания его слышны были; часто проливал он такие слезы, каковые чувствительные люди,

различающие разные действия печали, признавают за слезы сердечные. Он сам подвигнут стал несказанным о нем попечением Сиднея.

— Как, государь мой, — говорил ему раненый в ту минуту, когда казался он спокойнее прежнего, — ты человек, а в тебе не каменное сердце! Ах! верь мне, что я чувствовать благодарность способен, но чего ты надеешься? Сохранить жизнь мою, жизнь, сей источник лютейших мне несчастий! Когда уже нашел я в тебе существо благотворное, то пусти умереть меня.

— Как, — ответствовал Сидней, взяв за руку пленника, — ты не хочешь любить меня? Я агличанин, ты мне кажешься рожденным во Франции; но для Сиднеева сердца нет на свете сем врага. Он тебя утешит, он друг несчастных.

— Есть друзья на свете? Ах, государь мой! я столько жил... Душа моя скорбию отягчена; ты видел меня в бешенстве, ты видел, как я метался на людей... Они сделали меня варваром. — По сих словах полился источник горьких слез из очей сего неизвестного человека. — Нет, я не злодей, — говорил он, — я не чудовище, я имею сердце... Я его имею, и вот мое несчастие... — Сидней его обнимает.

— Ободрись, — говорит ему, — душа моя тебе отверста; без сомнения, жестокость сия тебе неприлична; я усмотрел душевное свойство твое сквозь твоея лютости; оно изображено было на лице твоем, обезображенном текучею кровью.

— Далеко, государь мой, — отвечает ему чужестранец, — далеко от того, чтоб я был бесчеловечен; суди о моем отчаянии. Я принужден стал себя унизить до того, до того ожесточиться... Я сам себе ужасен. Люди, недостойные сего имени! Вы знаете, создан ли я был любить вас!

— Но скажи мне, — говорил Сидней, — где ты жил? Не в лесах ли между чудовищ?

— Ах, если б жил я только с ними! — прерывает пленник. — Но нет. Я жил между людьми, жил в самом Париже.

Великодушный агличанин нечувствительно привлек его к повествованию его несчастий.

Позвольте, господа, поднести вам по рюмке вина и выпить мне самому. Послушайте меня, вы узнаете Сиднея, прямого философа.

— Ты мне кажешься, — говорил ему пленник, — достоин того, чтоб я оправдался; узнай мои бедствия и рассуди, справедлива ль та ненависть, которую имею я и к людям и к себе.

Я родился в Париже. Родня моя жила в такой провинции, где дворянство не весьма достаточно. Отец мой приезжал ко двору искать себе места в военной службе. По многих затруднениях и досадах получил он желаемое и женился на благородной девице, которая была сколь прекрасна, столь и добродетельна. У них детей было много. Старший был я. Один из братьев моих умер с оружием в руках. Мать моя не могла перенести сей печали. Она оставила отца моего с сыном и дочерию в небогатом состоянии. О первых годах моих говорить мне нечего. Я родился чувствителен, и сие самое было основанием всех моих несчастий и печалей. Душа моя изображалась на лице моем и изъявляла нежность и человечество. Я воспитан был с такими мыслями, что добродетель, честность, чувствительность могут делать людей благополучными, что люди снисходительны и усердны утешать ближних, одолжать их и делать им вспоможение. Едва вышел я из младенчества, как стал иметь уже в руках моих книги. В сих-то обманчивых зерцалах учился я познавать род человеческий. Я читал в них, что есть на свете герои мудрые, сердца благодетельные, друзья ревностные, — словом, что есть люди, и душа моя восхищалась сей прелестною мечтою. С такими мыслями, с таким чувствием вошел я в свет. Природа моя, некоторый вкус к химерам, называемым науками, кои хотя в большей части людей умерщвляют чувствование, но во мне питали и умножали оное, желание мое нравиться другим, необходимость любить все то, что меня окружает, наконец, мое чистосердечие составляли титлы, кои принес я с собою в сообщество и коим придавал я некоторую цену. Я не много медлил поверить всем обманам жизни сея. Верил я великим людям, друзьям, благодетелям, честным людям, сердцам сострадающим, душам благородным, кои любят

добродетель для нее самой; словом, я верил всему, чему быть надлежало... и чего нет на свете. Весьма малый достаток отца моего истощался вседневно. Сестра моя вышла за дворянина, который, не будучи богат, наслаждался спокойным состоянием. С жизнию возрастало в душе моей отвращение к тому, что называется наукою делать свое счастие. Может быть, я и слишком разборчив был в способах снискивать благополучие, и я думал, что друзья мои (ибо в них я почти веровал) порадуются, видя во мне сие благородное свойство. Я старался заслужить их доброе обо мне мнение, которое они мне слишком и изъявляли; а особливо старался я заслужить собственное мое о себе самом удовольствие, которое, казалось мне, стóит не менее других. В знатнейшие дома вход мне был отворен. Я ничего не скажу вам о женщинах. Я на них менее жалуюся, нежели на мужчин: они умеют и самые величайшие свои недостатки украшать приятностями; легкомыслие их и ветреность извиняются их прелестьми; по крайней мере имеют они наружный вид человечества и кротости, который исправляет то, чем худые дела их возмущают. Еще любил я другую мечту. Думал я, что, будучи богату, не надлежит вкушать и знать иного счастия, как только то, чтоб быть другим полезну и делать благодеяния.

Я увидел, что мне и в самом деле подумать надобно было о моем состоянии; примечал уже я, что несчастие ко мне весьма приближается. Сказывали мне, что я имею некоторые дарования и что мне не трудно преодолеть несчастную мою судьбину. Что мне боле вам сказать, государь мой? Я дожил уже до той минуты, в которую люди представились моему взору в прямом своем виде. Отец мой уведомил меня, что он, потеряв свой иск, совершенно разорился, ибо в защищение свое имел он одну только справедливость. Мне не было нужды привлечену быть должностию к тому, к чему влекло меня сердце мое. Несколько лет удавалось мне иметь случай доставлять честным образом вспоможение отцу моему в убожестве. Он был беден и тем самым стал еще любезнее, еще милее сердцу моему. Я произносил священное имя родителя с почтением и горячностию. Имея

вход к знатным боярам, ласкался я привести их к сожалению. Не стыдясь своим состоянием и не имея той смешной гордости, которою иногда несчастные заражаются, открыл я им мое злое состояние; представлял я им почтенную старость и слезы отца моего. Они обещали мне помочь с видом милостивого снисхождения; открыли мне всю пышность, всю надменность покровителей, мне, который бы думал их тогда унизить, если б столь я был презрителен, чтобы мог согласиться иметь их покровителями. Безрассудный! Я любил их, а любить тех нельзя, с которыми считаешь себя внутренно неравным, ибо без равенства ни дружба, ниже веселие в сообществе быть не может. Сии придворные рабы имеют еще других рабов, сто раз бесчеловечнейших, нежели их недостойные милостивцы, и они-то заставили меня узнать прямое несчастие и унижение. Сие первое испытание возмутило дух мой. Возможно ль тому поверить, что некогда один из сих боярских тварей, услыша мою жалобу на лютое мое состояние, сказал таким же тварям: «Жаль бы мне было, если б этот человек сделал свое счастие. Он с жалобами своими очень забавен, и это самое дает такую силу его воображению, которая производит приятные замыслы». Не хотя быть позорищем, ни пищею жестокия праздности сих лютых тунеядцев, думал я найти в ученых людях то, в чем мнимые их меценаты мне отказали. Сии учители людей, говорил я сам себе, должны иметь все добродетели. Они всеминутно оные превозносят, на театре придают они им все прелести разума, всю силу остроты; чего ж надеяться нельзя от тех философов, от тех мудрых, кои заняты только счастием человечества, которые сему имени посвящают все свои рассуждения, все свои сочинения? Я шел к ним с благородною доверенностию, я пролил пред ними слезы, но слезы мои были бесплодны. С прискорбностию увидел я, что разум есть обманщик, приемлющий на себя все виды; что сии хвалители добрых дел были наемники, кои смеялись тому тихо, что вслух другим проповедовали; что, словом, были они суровы по принятому правилу; что все, кроме принадлежащего до их самих, до их славы и корысти, делали они, не следуя тому законодательству и той премудро-

сти, которой в книгах своих научали; что сами они терзаются завистию, суетою и самолюбием. Два рода людей представились мне совсем обнаженны. Не могу того сказать, кто из них был свирепее. Претерпел я от обоих несказанные суровости. Сердце мое чрезмерно уязвлено было, а сии столь глубокие, столь живые раны умножаются у несчастных до бесконечности. В рассуждении богатых... при сей единой мысли бешенство мое возгорается. Они вдались совершенно всем порокам, всем злодеяниям; одно их бесстыдство может только равняться с их бесчеловечием. Они уже и не берут труда скрывать окаменелость душ своих, вместо того что знатные бояре стремятся украсить свое жестокосердие наружною ласкою. Кажется, что богатый престает тот же час быть человеком, и зрелище, может быть самое приятнейшее и самое примачивое для сих подлых любимцев фортуны, есть не иное что, как страдание и слезы несчастного. Так, государь мой! Нет такой лютости между свирепейших зверей; и если несчастный захочет иногда иметь отраду своей горести, иметь в бедственном состоянии утешение, то пусть бежит он сообщества богатых, пусть лучше надеется он помощи от последнего из убогих. Они хотя об нем потужат, тем его утешат и остановят на несколько сердечные слезы.

Никто мне сказать того не дерзнет, чтоб я не видал в прямом виде тех чудовищ, коих богатство ожесточает. Сколь много я их ненавижу! Сколь много я гнушаюся ими! Мещане могли бы думать, могли бы чувствовать, если бы имели они довольно силы освободить себя от того подражания, которое делает их обезьянами знатных бояр и вкореняет в них склонность к роскоши, умерщвляющей чувствие честности. Они заняты бывают одним своим счастием, ибо в нем считают они всю свою славу, удовольствие и самое существо свое. Доходами своими исчисляют они степень своего блаженства и чести и живут, не зная, как прямо человек жить должен. Бедствие мое известно было немногим людям сего состояния, которое из всех могло бы почитаться первым, если б только в нем следовали люди одной естественной доброте сердца своего. Что же надлежит до простого народа, то оный есть не что иное, как одушевленная

грязь. Он ведет себя по одной своей корысти. Не трудно понять его грубую механизму. Он плачет о судьбе несчастного и в ту самую минуту пронзает его сердце, если смертию его может достать он полушку более того, что он выработывает. Наконец перешел я все состояния, стараясь найти человека. Сие чувствительное сердце, говорил я сам себе, найду я, конечно, между теми, кои, исторгнув себя от сует светских, проповедуют веру в бога благотворительного, кои, вседневно предстоя алтарю господню, исполняются чистым духом христианства. Сей последний удар мне еще был предоставлен. В них-то самых не нашел я нималого чувствования, в них-то нашел я прямое жестокосердие. Благочестивое бесчеловечие есть лютее всех прочих. Я получил от них утешения, жесточайшие всех обид на свете. Какое сострадание ложных богоугодников! Тогда в отчаянии, исполнясь мрачною яростию, упал я на колена пред отцом моим... «Дражайший мой родитель! — говорил я ему. — Мы оба погибаем. Я ласкал себя надеждою, что молодость моя тебе полезна будет; вся моя надежда исчезла, все сердца для слез моих затворились, и они для тебя только проливаются. Любезный и почтенный мой родитель! что с тобою будет?» — «Что угодно всевышнему, — ответствовал он мне. — Я без жалости расстаюсь с жизнию. Скоро скончаю я мое течение. Ты, сын мой, ты слезы мои извлекаешь! Жизнь мою, все счастие мое в тебе я полагаю, и я умираю, оставляя тебе в наследство мои слезы и несчастие! Думал ли я, дражайший сын мой, чтоб люди были толь нечувствительны!.. Не беспокойся моею судьбиною, старайся сохранить жизнь свою, которую почитаю я моею, и оставь меня на берегу бездны, в которую низринусь я без сожаления, если вышнее существо тем смягчиться может и сделает тебя на сей земле благополучнее». По сих словах обнял он меня, рыдая, прижал к своей груди... Ах, государь мой, сие доныне не выходит из памяти моей!

Тщетно сказывать вам о всех тех униженных предприятиях, на кои снисходить я принужден был; тщетно изображать вам терзавшую меня печаль, которая меня от часу более повергала в несчастие. Я видел только отца моего и его злополучие. Он один поражал взор

мой. Он один основанием был всему, что я ни начинал делать. В посредственном моем состоянии делал я множество услуг тем, коих считал я своими друзьями; едва стал я иметь один только вид несчастия, как все мои друзья исчезли и явили в себе людей неблагодарных и врагов, устремившихся на пагубу мою и отца моего. Один способ нам еще остался. Зять мой любил сестру мою, которая от отца моего имела многие знаки нежнейшей любви его. Я нимало не сомневался, чтоб она не уговорила своего мужа помочь нам в убожестве, которое готово было нас обременить. Сие мое намерение скрыл я от отца моего; я спешил к сестре моей. Она приняла меня с холодностию, которую дружество мое не допускало меня в ней сперва приметить; я сообщил ей причину моего прихода. При всяком слове лицо ее теряло черты прежния привязанности и дружбы; нечувствительность ее изменяла ей и распространялась на челе ее. Она отвечала мне, что муж ее строится, что у них дети. «Батюшка, — говорила она, — поступил со мною несправедливо: он делал одолжения сродникам, друзьям, кои ныне нас богатее. Пусть ищет он у них вспоможения, а ты, имея дарования, как ты до сих пор никакого не имеешь места? Ты о своем счастии, видно, никогда старания иметь не будешь». — «Я никогда не буду иметь толь каменного сердца, — вскричал я, — сердца сестры бесчеловечной! Прости, злодейка! Отец твой умирает в бедности! И ты его умирать оставляешь, ты, которую он любил так много! Бойся, чтоб дети твои не наказали тебя за твое преступление. Ты меня вовеки не увидишь... Я ничего себе не просил у тебя, сестра неблагодарная, я просил для...» В ту минуту выбежал я из сего проклятого дому, не в состоянии от слез ни слова промолвить. Я хотел скрыть от отца моего сию новую причину печали, но сердце мое ею обременено было, и она неволею из уст моих излетела. «Знаешь ли, дражайший мой родитель, — говорил я ему, — зачем на несколько дней я от тебя отлучался?.. Я думал, что ты имеешь еще дочь, что я сестру еще имею, но нет, я нашел бесчеловечное чудовище... Она... она отказала мне в малейшем вспоможении, и она тебе должна жизнию и своим состоянием!» — «Любезный сын, — отвечал он

мне, — без сомнения, верх нашего несчастия состоит в том, чтоб презренну быть от тех, которые жизнь свою от нас получили, но бог мой и ты, — продолжал он говорить, проливая горькие слезы, — примете последнее мое издыхание!.. Надобно простить сестре твоей... Она зависит от мужа, и дети ее...» — «Увы, — говорил я, — сие-то самое и должно заставить ее почувствовать все твои права!»

Все сие ничто в сравнении тех зол, кои случились потом... Отца моего, моего несчастного отца, повлекли в тюрьму. Я бросился на шею неупросимого заимодавца; он оттолкнул меня с лютостию, а я не исторгнул из него жизни! Несчастие делает нас каменными, а бедствие отца моего исполняло всю мою чувствительность. Я был поражен оною. Я просил вспоможения самого малого, самого священного, но и в том и другом мне было отказано. Я продал все, что я имел. Наконец, государь мой, представьте вы себе ужасное изображение, представьте отца моего в тюрьме, умирающего в нищете, не имеющего иныя надежды, кроме своего несчастного сына, сына, целым светом оставленного, всего лишившегося, окруженного чудовищами... Я... я, будучи благородно рожденный... имея душу, удаленную от всякой низкости... Но дело состояло в спасении старика, которого последнее воздыхание, казалось, мною одним и удерживаемо было... Я принес себя на жертву, смирил себя, услышал глас природы, она мне вопияла; я для несчастного отца моего предприял принять на себя самую низкость... — При сих словах пленник от слез и воздыхания не в состоянии был перевести духа. — Великодушный агличанин, — продолжал он, — поверишь ли ты сему, что я приведен был жестокосердием людским к тому, чтоб просить милостыню несчастному отцу моему! Я ожидал ночи и гласом, от слез ослабевающим, гласом мрачным, произношением нестерпимыя печали просил я милости у тех чудовищ, которых грудь я растерзать хотел.

По окончании сих последних слов Сидней, проливая слезы, обнял пленника.

— Ах! сколь любезно твое сердце, — говорил ему Сидней, — сколь достоин ты друзей!

— Я, — продолжает незнакомый, — считал собранную милостыню. Какое слово! Я ее считал, и при всяком подаянии отрывалась часть моего сердца. Толь малым и толь постыдным вспоможением мог я по крайней мере остановить последнее издыхание отца умирающего! Я не довольно еще был несчастлив, не довольно бедностию замучен: меня взяли под караул, как человека, который просит милостыню, ленясь работать; я кричал тиграм, меня окружающим: «Я для отца моего... для отца моего снизшел на такую низкость; он в тюрьме, и жизнь его зависит от моея поспешности подать ему вспоможение. Ради человечества...» Но меня не слушали и кинули меня в некоторый род подземельной тюрьмы. Я требовал, чтоб меня отвели к судье; привели меня к нему. Сперва принял он на себя вид суровый и допрашивал меня как строгий судия. «Увы, государь мой, — говорил я ему, — вам сказали правду... Я просил милостыню, и, конечно, не создан я быть в сем низком состоянии; я человек благородный и, может быть, умел бы умереть лучше другого... Но мой отец в крайней теперь бедности, он в тюрьме, и для него хожу я по миру, хожу для моего родителя...» Судья сжалился, велел меня выпустить и обещал мне свою помощь, но он умер сам, и я потерял всю мою надежду. Наконец старость отца моего была его избавительницею. Законы отверзли ему двери темницы. Он из нее вышел. Я достал себе на купеческом корабле место, которым я сам насилу мог прокормить себя. Первое мое чувствие было, без сомнения, к отцу моему. Я взял его в мои объятия и отвел на корабль. «Пойдем, — говорил я ему, — дражайший и несчастный мой родитель, оставим сию злодейскую землю, оставим диких европейцев. Может быть, азийские тигры не будут столь люты. Когда я сам себя пропитать могу, ты можешь еще жить... Увы! кроме тебя единого, друзей у меня нет; забудем и самое имя моего отечества; несчастным неприлично любить...»

Я рассказал только одну часть моего бедствия; сердце мое испытало еще другие, и, без сомнения, жесточайшие, если исключить те, кои чувствовать заставило меня состояние отца моего. Несчастные имеют душу

способнейшую, нежели благополучные, к почувствованию нежности; несчастие влечет за собою ужасную тоску, которая есть, так сказать, мать страстей жесточайших... Итак, имел я дерзновение влюбиться. Я не скажу вам тех обстоятельств, кои мне удалять надлежит. Я влюбился в молодую девицу, которая была одна у своих родителей и ожидала в рассуждении богатства такой судьбины, которая запрещала мне мыслить о том, чтоб когда-нибудь мог я быть ее мужем. Рассудок, честность молчать мне повелевали и запрещали питать склонность, которую и вселять мне не надлежало. Не внимал я ни рассудку, ни моему состоянию, внимал единой страсти. Юлия (так называлась моя любовница) предупредила некоторым образом мое открытие, и мы сказали друг другу о любви нашей, не помышляя о следствиях. Любовь прерывала мои слезы и помогала мне сносить бремя моей жизни. Сия одна была тайна, которую скрывал я от моего родителя. Родственник ее приметил нашу страсть; молодые люди не много умеют притворяться. Он требовал, чтоб я с ним поговорил наедине. «Государь мой, — говорил он мне, — я начну разговор мой такою доверенностию, которая вас раздражить не может. Я почитаю вас достойным почтения всех честных людей. Вид ваш и природа привлекают каждого взять вашу сторону. Я приметил к вам склонность моей племянницы; я не сомневаюсь, чтоб вы не имели души нежной и просвещенной в рассуждении должностей, налагаемых на нас честию; вы очень бедны, а племянница моя ожидает со временем...» — «Довольно, государь мой! — перервал я речь его с живостию. — Вы предписываете мне должность мою: вы показываете мне мои несчастия, и вы меня узнаете». Я бежал потом написать следующее письмо к Юлии в сию самую минуту, когда оставлял я с отцом моим ту часть света, где любовь моя осталась:

«Я тебя люблю, дражайшая Юлия, и никогда другого к тебе чувства иметь не буду. Чрезмерная любовь моя извинит меня перед тобою в том, что открыл я тебе сердце, которое должно быть исполнено единою прискорбностию о том, что не могу владеть тобою. Я беден:

не хочу иметь суетности, говоря с тобою. Я несчастнейший в свете человек, следственно и нельзя быть мне твоим мужем. Забудь меня, владычица души моей... Ах, что я говорю? Но мне сказать то надобно: извлеки, любезная Юлия, извлеки образ мой из своего сердца, сделай благополучными своих родителей и того... которому счастие велит быть в твоих объятиях. Я еду, оставляю Европу... покидаю Юлию. Не старайся ведать, что со мною будет там, куда влечет меня несчастие. Если буду я иметь силу жить еще на свете, то мне дозволено будет иметь и душу мою, наполненную тобою: после Юлии кто мною владеть может? Прости... прости... еще тебя прошу, забудь меня, сего требует должность твоя, моя честь... твое счастие».

Письмо сие орошено было моими слезами. Я хотел еще много к нему прибавить... Наконец поехал я с отцом моим, который соединил в себе всю мою горячность, все мои старания, и уже во время сего путешествия признался я ему в несчастной моей страсти. Отец мой был мне друг: он пролил вновь слезы о моей судьбине. Мы окончали наш путь. Один из злодеев, влеком будучи единою своею злобою, лишил меня моего места, и я впал в ужаснейшую нищету. Я вопиял о помощи, пред всеми проливал горькие слезы, все видели почтенную старость отца моего, никто не тронулся отверстым его гробом, все очи свои от меня отвратили, все сердца окаменели! Нет на земле человечества. Индейские чудовища столько были люты, как и европейские. Наконец остались мы в пещере на берегу моря. Там бедность, там голод терзали моего несчастного отца. Я лобызал его, держал в моих объятиях, призывал на помощь природу, обновлял жизнь его некоторыми травами, из коих сок выжимал я на иссохшие и умирающие уста его. Я увидел его испускающего последние воздыхания. Скоро отчаяние, бешенство овладели всеми моими чувствами. Я выбежал из пещеры; ярость дух мой исполнила. Вдруг увидел я индейцев, сражающихся с европейцами, сии-то особливо возобновили мою к себе ненависть и отвращение. Я знал, что они считают себя просвещенными воспитанием, знающими долг есте-

ственный, и первыми людьми... Вы свидетели были моего бешенства, моего исступления: я хотел разрушить всю природу... Отец мой, конечно, умер... умер, конечно, с голоду... Ах! для чего спасли вы жизнь мою? Дайте избавиться мне от сего несносного бремени: вы знаете теперь все мои несчастия. Как мне облегчить их, как не умереть мне! Ты кажешься мне непохож на людей, на сих варваров; кажется, знаешь ты сожаление: оставь умереть меня, ты большего благодеяния сделать мне не можешь...

— Я не допущу умереть тебя, — вскричал Сидней, обнимая его, — ты нашел теперь сердце, нашел друга; не думай, чтоб все люди были бесчеловечны: ты увидишь, что есть из них нежные и чувствительные. Я хочу быть тебе вместо отца... Скажи мне свое имя...

— Силлием называюсь я.

— Любезный Силли, ты будешь моим сыном...

— Ах! дражайший благодетель! Отец, отец мой!.. Но увы! уж нет его на свете.

Сидней удвоил старание свое и горячность возвратить сему несчастному жизнь, которой он избежать старался; уже два дня здоровье его укрепляться начинало.

— Пойдем, — говорил ему Сидней, — я хочу помирить тебя с родом человеческим; пойдем, друг мой, подай мне руку. — Он повел его к ближнему шатру.

— Какое зрелище! Дражайший родитель, тебя ль я обнимаю! — вскричал Силлий. Приключение сие таково было, каковых описать невозможно. Силлий упал на шею старика, который ничего произнести не мог, кроме сих слов: «О сын мой! любезный сын мой!» То обнимал он его, то лобызал Сиднеевы руки.

— Ты мне сына возвращаешь, великодушный чужестранец! Ты одну душу другой возвращаешь! Наслаждайся сим зрелищем. Оно самих богов достойно; оно приятное дело твоего благотворения.

Силлий отверзает очи.

— Любезный родитель, я еще тебя вижу, ты живешь!..

— Я был столько счастлив, — говорил Сидней, — что мог подать тебе сей знак моего дружества. Я сам

ходил в ту пещеру, о которой ты мне сказывал; я нашел там почтенного твоего родителя в руках одного банианца, который укреплял ослабевшие его силы и который принес ему пищу. Ты видишь, что в Индии есть люди. Я велел его перенести сюда. Живите оба, чтоб меня любить...

— Чтоб обожать тебя, как первого нашего благодетеля, — перервал старик. — Так, сын мой, — говорил он Силлию, — я ему должен за жизнь и за то удовольствие, которое имею я, тебя объемля; я умирал; я открыл глаза, искал тебя; незнакомый человек предстоял мне. Он лил мне в уста питие, дух мой оживившее; он дал мне пищу, силы мои утвердившую; но я не видел еще тебя, любезный сын! Вот второй жезл моея старости, — продолжал он говорить, простершись к Сиднеевым ногам.

— Что ты делаешь? — сказал великодушный наш согражданин. — Я вас гораздо благополучнее: я одолжаю два честные сердца; почитайте меня с сих пор за вашего верного друга. Агличане, — говорил он с ласковою усмешкою, — не всегда неприятели французам.

Силлий с отцом своим не находили довольно слов к выражению своея благодарности. Когда видели они Сиднея, когда с ним говорили они, тогда давали волю слезам своим, сим приятным слезам, кои считаются сердечною данию. О Сидней благополучный! сколь много ты сего счастия достоин!

— Я ничего еще не сделал, друзья мои! — сказал он им однажды. — Не довольно того, что сохранил я вам жизнь вашу, но надлежит, чтоб вы мне же должны были за то состояние, без которого жизнь наша есть бремя. Дело мое дошло только до половины, и я стремлюсь его окончить. Не сказывал ли ты мне, — говорил он молодому Силлию, — что любишь ты девицу, достойную твоея преданности?

— Любовь, — отвечал тот, — любовь должна умереть в сердце моем; я не хочу иметь другого чувствия, другия страсти, другого бытия, кроме единыя благодарности. Пусть она исполнит мое сердце, которое одно не довольно еще за все то, чем я тебе обязан.

— Любезный сын! — ответствовал Сидней. — Ибо я равно тебя с отцом твоим люблю; я повторяю тебе то, что хочу я сделать тебя благополучным; а можешь ли ты быть счастлив, не владея тем, чем ты страстен? Ведай, что я сам узнал нежность, и прелести ее, и мучения. Я возвращаюсь в Европу, поеду в Париж, и поеду туда с вами.

Они оставили Индию. Видя старание и благодеяние Сиднеево к сим французам, всякий подумать мог бы, что старик — его отец, а Силлий — брат его. Часто Сидней примечал, что сей последний взирал на море, тоскуя и проливая слезы. Образ Юлии в душе его сильнее возобновлялся. Чем ближе становился он к отечеству, тем больше терзалось его сердце. «Куда я еду? — говорил он сам себе. — Быть свидетелем счастия другого, который Юлиею владеет и который любим ею? Не должно ли мне было навек от Франции удалиться? Не должен ли я был последовать за моим благодетелем в Англию? Имею ль я отечество другое?.. Как! Я не могу бежать от тех брегов, которые должны быть мне ненавистны? Я хочу видеть Юлию. Но к чему сие, несчастный? Разве не устал ты еще от бедствий? Какое бешенство влечет тебя к смертельному удару, тебя ожидающему?.. А если Юлия не замужем... могу ли я быть ее супругом? Мне ли во зло употреблять Сиднеевы милости? То ли благодарность, чтоб искушать вновь его благодеяния?» Он произнес вслух сии последние слова.

— Нет, — говорил ему Сидней, которого он не видел за собою. — Нет, ты не должен бояться обременить дружбу такого человека, которого вы же одолжили, подав ему способ доказать свою чувствительность.

— Так ты, — вскричал Силлий с восхищением, — так ты небесное создание!

— Я ваш друг, — ответствовал Сидней.

Они приехали в Париж. Влюбленный смертно, Силлий полетел к Юлиину жилищу; сказали ему, что умер отец ее, что все дела их сильно расстроены и что Юлия с материю своею живет в крайнем убожестве и в жилище неизвестном. Он стал о них наведываться, узнал место их уединения. Какой вид явился его взору!

Юлия, дражайшая его Юлия, в беднейшем одеянии работает для продолжения несчастной своей жизни и жизни своей матери.

— Ах, дражайшая Юлия! — вскричал Силлий, упав к ее ногам.

Она узнала своего любовника, вскричала и упала в руки своея матери, которая стала неподвижна от радости и удивления.

— Это ты! — говорила она ему. — В каком состоянии ты нас находишь!

— Я увидел вас, — прервал Силлий, — достойнейшими моего почтения и обожания. Как! И любезная Юлия стала жертвою несчастия?

Между тем, Юлия опомнилась. Невозможно изобразить восхищение двух сердец, пронзенных любовию нежнейшею и жесточайшею, соединяемых еще более узами несчастия. Мать и дочь рассказали Силлию все свои бедствия. Оставленные своими родственниками, вверженные в прямую нищету, не имели они такого человека, который бы тронулся их слезами. Иногда говорили они о Силлии, и сие имя услаждало их горесть. «Увы! — говорила Юлия, — если он жив, то сердце его, конечно, нами исполнено; он почитает меня благополучною».

— Ах, Силлий! присутствие твое велит забывать нам наше горестное состояние. Ты видишь, что руки мои должны работать для сохранения жизни моей матери и собственной моей, которая нужна ей.

— Я вижу, — говорил Силлий, — что Юлия в несчастии стократно прекраснее, почтеннее и обожания моего достойнее. Ах, любезные друзья! простите мне за мои душевные выражения; так, есть на свете такие существа, на коих судьбина весь гнев свой изливает! Непостижимый рок! Сердце мое есть сердце ваше; так, я отру слезы очей ваших... извлеку вас из сего ужасного состояния...

Он бросился к отцу своему, который был с Сиднеем.

— Родитель, великодушный друг!.. я нашел Юлию несчастную прекраснейшею и любви достойнейшею... — Он рассказал им о их злополучии, изобразил им лиющиеся их слезы, к которым и свои он соединил.

— Пойдем, друг мой, — перервал Сидней речь его с поспешностию, — удали от себя толь плачевное изображение. Твое намерение не в том ли состоит, чтоб иметь Юлию твоею супругою?

— Супругою! — ответствует Силли. — Я хотел бы возвести ее на трон всея вселенной, если б я сам был толико счастлив; но как судьбы наши соединиться могут?.. О небо! мы иных союзов и знать не должны, кроме единого несчастия. Ах, если б хотя мог я извлечь ее из сего горестного состояния!..

— Но в чем ты сомневаешься? — отвечал почтенный наш согражданин. — Разве забыл ты, что Сидней тебе друг?

— Если ты ее увидишь, великодушный благодетель, если увидишь ты Юлию, ты узнаешь все достоинство, все владычество несчастия!

Сидней ужинал с Силлием и с отцом его; то он их объемлет, то взирает на них с видом той преданности, которая составляет душу дружества.

— Вспомните, — говорил он им, взяв их за руки, — что вы меня обязываете; я могу быть полезен честным людям! Что сего благополучнее! И я вам должен... Любите меня, не скрывайте от Сиднея сердец ваших, его пред вами отверсто будет вечно. В Англии, — говорил он старику, — иметь ты будешь нежного и почтительного сына, а ты, любезный Силлий, верного брата и ревностного друга. — Прежде нежели он их оставил, держал он стократно обоих в своих объятиях и, проливая слезы, говорил им: — Какое удовольствие вы заставили меня чувствовать!

На другой день, как готовились они идти к своему благодетелю, Силлий получил следующее письмо:

«Дела мои зовут меня в отечество; я отъезжаю, друзья мои, оставляя вам некоторые знаки той дружбы, которую я сохраню до гроба. К тебе, юный Силлий, обращаю теперь речь мою: ты благоразумен, научен несчастием, тебе легче будет стать рассудительным и узнать цену той посредственной жизни, в которой можно истинные чувствовать веселия, сохраняя добродетель. Будь ты супругом Юлии, живи с отцом своим и другом;

составьте вы честную семью, которая послужит примером всем людям. Я просил бы тебя повести меня к Юлии, но того опасаюсь, чтоб присутствие мое не было им толь неприятно, сколь их мне чувствительно; они несчастны, а несчастие требует уважения, которое тебе не неизвестно. Простите, друзья мои! Вы обо мне слышать всегда будете, а я вас всегда любить буду, куда бы меня ни завела судьбина. Не говорите мне ничего о благодарности: я вам ею должен, если вы имеете толь доброе обо мне мнение, чтоб малые мои благодеяния сочли вы собственным вашим благом.

Ваш друг *Сидней.*

P. S. Завтра поутру принесут к вам пять тысяч фунтов стерлингов».

Силлий не успел еще окончить чтение письма, как принесли к нему столько денег, сколько в оном обещано.

Молодой человек и отец его не могли ни слова промолвить от радости, удивления и благодарности.

— О божественное сердце! — возопиял Силлий. — Ты удаляешься от нашего обожания, от слез наших! Но ты исполняешь ядом все свои благодеяния, лишая нас веселия простертися к ногам твоим, обожать тебя, как образ благодетелей... Сердца наши последуют повсюду за тобою.

— Душа ангельская! — говорил старик. — Ах, любезный сын! какого мы узнали человека! Он не такое существо, как все люди! Сидней! мы хотели бы от благодарности умереть у ног твоих...

Правда, что если нет таких благодетелей, каков Сидней, то нет также и толь благодарных и чувствительных сердец, каковы были те, коих он одолжил. Можно себе представить, с каким восхищением молодой Силлий сказал сию ведомость своей любовнице; он наслаждался счастием, делая благополучие той, которая ему была всего на свете дороже; он на ней женился, купил малую деревню, куда поехал жить с отцом своим, с женою и с ее матерью. Каждый день, каждая минута прибавляла их благополучие и благодарность умножала; он благо-

словлял вышнее существо и Сиднея во всем том, чем он владел; все воспламеняло его к своему благодетелю.

Часто получали они письма от Сиднея и в ответах своих изъявляли ему исполненные нежнейшим чувствованием сердца свои. Сидней ездил в другой раз в Индию. Переписку свою не могли они вести с такою точностию, и сии толь чувствительные, толь благодарные люди возмущались о судьбине своего друга; все агличане им любезны были. Но какой удар вдруг поразил их! Они услышали, что Сиднея нет более на свете. Молодой Силлий и вся семья обременены были жестокою печалью; старик не снес толь ужасной вести, он занемог и стал близ смерти. Сын, окруженный своею женою и детьми, иногда их от себя отталкивал и только умереть желал. Сиднеево имя было одно токмо выражение его мрачного отчаяния; жена его показывала ему всю семью, которая в нем одном всю свою надежду полагала. Он ожил, но для того, чтоб терзаться лютейшею тоскою и чтоб искать мест удаленнейших.

Однажды ушел он в средину рощи близ большой дороги. Сидя у тени древа, потупя к земле голову, обремененный печалию и самою смертию, возопил он:

— Сидней! уже я с тобою не увижусь! уже не могу иметь тебя в моих объятиях, я, которого сердце пронзенно твоими благодеяниями! Ты слез моих не видишь! Ты слов моих, ты стенанию всей моей семьи не внемлешь! Где ты, дражайший Сидней?

— В объятиях твоих, — ответствовал некто, бросаясь к Силлию; и сей-то был сам Сидней.

— Сидней!.. — Более сего Силлий вымолвить не мог: он лишился памяти; а тот, проливая источники слез, говорил ему так:

— Любезный Силлий! ты видишь своего друга, пришедшего от конца земли наслаждаться зрелищем дружества, обнять тебя и делать тебе новые услуги. Я весь мой обоз послал к тебе; а мне сказал теперь крестьянин, что ты пошел в сей лес, и я хотел иметь удовольствие привести тебя нечаянным моим прибытием в восхищение...

Силлий опомнился...

— Дражайший Сидней! тебя ль я обнимаю?.. Поди, смотри на то, чему ты стал причиною... Дети мои суть твои дети... — Он кликнул одного из слуг своих, находившегося на большой дороге. — Беги скорей ко мне... Мой благодетель... Пусть отец мой, жена, дети кинутся к ногам его... Мой друг! какая радость! Я тебя обнимаю!.. Но почто поразили меня сею ужасною вестию?

— Я скажу тебе причину, — ответствовал Сидней,— поспешим видеть твою семью.

Они пришли туда почти в одно время с крестьянином. Вошли в покои к старику; он мог только протянуть руки свои к Сиднею.

— О дражайший сын! Мой достойный друг!

Прекрасная Силлиева жена, которой не было еще двадцати пяти лет, трое детей, из коих старший был шести, сам Силлий упали к Сиднеевым ногам, обнимали колена его со слезами, и, рыдая, не могли они промолвить, кроме сего единого слова: «Дражайший наш благодетель!» Сидней, подняв их, обнимая и плача, говорил:

— Вот зрелище, коим добродетель наслаждается! Вот ее награда!

— Любезная Юлия! любезные дети! — вскричал Силлий. — Вы зрите перед собою отца своего. Он творец вашея жизни, вашего счастия, коим вы наслаждаетесь, — почитайте его: сим самым почтете вы бога в его подобии... О дражайший Сидней! вкушаешь ли ты радость благотворения? питаешься ли ты ее приятностьми?

Сидней хвалил красоту и прелести Юлиины. Она была добродетель под образом любви. Он брал сих младенцев, сих невинных тварей к себе на руки: они улыбались с тою приятностию, которая принадлежит только к первым прекрасным дням природы. Старший, ласкаясь к нему с милым и приманчивым видом, говорил ему:

— Нам велел батюшка всякий день за вас молиться богу; и мы, отдав ему наше сердце, просим у него тебе долголетней жизни... ты также наш отец... — Какое приношение, какое удовольствие для геройския души

нашего любезного британца! Легко видеть можно, что вся Силлиева семья важнейшее свое упражнение полагала в приношении Сиднею своея благодарности.

Несколько недель остался он с своими друзьями; старик выздоровел и пришел несколько в бодрость своих прежних лет. Они рассказали друг другу взаимно дела свои. Сидней сказывал, что он жестоко был болен и что считали его уже мертвым, а сие и было причиною ложному о смерти его слуху. Силлий вошел в дела с своим благодетелем: по нашему примеру взялся он за коммерцию для приобретения себе приличного состояния. Он был француз и дворянин, однако не постыдился предпочесть сие состояние тому, которое избрали подчиненные твари, изверги передних комнат знатных бояр и любимцев фортуны. Ежедневно Сидней вкушал новые удовольствия. Силлий открыл ему свою душу, показал ему спокойство и тишину, коими она наслаждалась. Уже не был он тот свирепый нелюдим, враг человеческого рода; уже был он философ просвещенный, благодарящий непрестанно в сердце своем бога и Сиднея. Он был столь благополучен, что и сестра его имела наконец нужду в его щедрости, и он вкусил наиприятнейшее отмщение: он сделал ей одолжение. Дом его имел благородную простоту души его. Время свое разделял он между должностию и утехами своими, из коих приятнейшие состояли в том, чтоб любить жену свою, воспитывать детей своих, вкоренять в них все свои и супруги своей добродетели и единодушную любовь к добродетельному Сиднею. Накануне его отъезда сделали они для него обед с большим приготовлением. По окончании стола принесли большое блюдо. Силлий просил Сиднея открыть его; он его открыл и увидел великое число луидоров: удивление его было несказанно. Силлий кинулся к нему на шею.

— Дражайший Сидней, — говорил ему, — вот те пять тысяч фунтов стерлингов, которые дал ты мне в заем толь великодушно; они столь мне полезны были, что я ими нажил состояние, в котором желания мои исполняются. Сия малая деревня принадлежит мне, и я имею чем воспитать любезных мне детей, которые любить тебя будут до последнего издыхания.

— О превосходные создания! — вскричал Сидней. — Колико достойны вы счастия вашего, и столь ли я благополучен, чтоб мог к оному вам подать способы!.. Ах, друзья мои, я сам получил воздаяние! Сии пять тысяч фунтов стерлингов столько мне принесли, что прибыток с них я сам заплатить вам должен. — Он не успел еще окончить сих слов, как всю сумму разделил на три части, и каждую отдал он трем младенцам, говоря им: — Друзья мои, возьмите ваше собственное; в сей только раз будьте вы отцу своему преслушными; не откажите мне в том, не рассердите меня тем и обоймите меня... — Силлий, отец его, жена, чувствуя в сердцах своих истинную к нему благодарность, хотели принудить Сиднея к принятию сей суммы, но он, отрекшись от того, снял еще с руки своей перстень и надел Юлии на руку. — Мой друг, — говорил он ей, — позволит вам носить сей малый знак моего дружества. — Перстень сей стоил двух тысяч гиней.

Он несколько уже раз переходил Силлиевы покои; вдруг отворил он дверь по одну сторону его спальни. Сидней увидел там свой портрет, увенчанный цветами с сею надписью: *Благодетель наш*. Он кинулся в объятия Силлия.

— Что я видел!

— Ты видел, — ответствовал тот, — ты видел предмет искреннейшего моего по боге обожания. Каждый день отец мой и вся моя семья приходят сюда воздавать тебе свое истинное почитание и произносить сердечным гласом: «Се творец истинного существа нашего и счастия, коим мы наслаждаемся». Любезный Сидней! сей есть храм благодарности, и дети мои каждое утро цветами оный украшают. Китайцы почитают память Конфуция; для чего же нам не почитать образ добродетельнейшего из смертных? В первое путешествие твое во Францию старался я удержать у себя малый твой портрет, который я нашел между бумагами, а с него и сей большой уже сделан. Всеминутно воспоминает он мне моего друга, почтенного Сиднея...

— Так, — говорил отец и жена его, вошедши к ним в ту минуту, — сей есть предмет богослужения дружеству, а ты божество наше...

Сидней их обнимает, проливает слезы, слезы истинной и небесной радости.

— Ах! — вскричал он. — Вы ангелы земные! Сколь много душа ваша моей превыше! Вы еще и меня чувствительнее! Не разлучимся более, друзья мои! У меня нет ни жены, ни детей, будьте вы семья моя, дети мои, дети сердца моего. Я съезжу только в Индию и возвращусь в объятия ваши.

Сидней сдержал свое слово. Он приехал к ним жить в их прекрасную деревню; он не мог престать хвалить *свою любезную семью:* так он называл тех, коих чувствования умножались всегда благодарностию и нежностию.

Все собрание единогласно назвали Сиднея героем сердец благодетельных.

— Но Невтон, — сказал один из друзей наших, — Невтон со всем тем останется всегда великим человеком.

ИОСИФ

В ДЕВЯТИ ПЕСНЯХ
СОЧИНЕНИЯ г. БИТОБЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Г. Битобе, творец сего сочинения, известен ученому свету переводом своим Гомера. Упражняясь долгое время в познании красот древних авторов, написал он сам «Иосифа», в котором подражал он древним весьма удачно.

Намерение мое не в том состоит, чтоб написать здесь похвалу сему сочинению, ибо оному от всех знающих французский язык отдается справедливость. Я весьма уверен, что б оно и в переводе на наш язык, конечно, понравилось, если б не знал я слабости сил моих и если б не встречались мне затруднения, о которых здесь нечто предложить намерен.

Все наши книги писаны или славенским, или нынешним языком. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что в переводе таких книг, каков «Телемак», «Аргенида», «Иосиф» и прочие сего рода, потребно держаться токмо важности славенского языка, но притом наблюдать и ясность нашего; ибо хотя славенский язык и сам собою ясен, но не для тех, кои в нем не упражняются. Следовательно, слог должен быть такой, какового мы еще не имеем. «Телемак» переведен славенским, а в «Аргениде» нашел я много наших нынешних выражений, не весьма, кажется, сходственных с важностию сея книги. Итак, главное затруднение состояло

в избрании слога. Множество приходило мне на мысль славенских слов и речений, которые, не имея себе примера, принужден я был оставить, боясь или возмутить ясность, или тронуть нежность слуха. Приходили мне на мысль наши нынешние слова и речения, весьма употребительные в сообществе, но, не имея примеру, оставлял я оные, опасаясь того, что не довольно изобразят они важность авторской мысли.

Сколько возможно мне было, я старался, преодолевая сии затруднения, не удаляться от автора. Благосклонное принятие моего перевода почту я себе ободрением к продолжению трудов моих.

Г. Битобе, как я уже упоминал, переводил Гомера, и для того начинает он «Иосифа» следующим образом:

«Долгое время дерзал я повторяти бранный глас того песнопевца, который с высоты Геликона, где царствует он, древнейшими увенчан лаврами, воспламеняет и воина и кто поет дела его; ныне, новою оживлен смелостию, не буду более заимствовати гласа моего: дело приятнейшее, и равно величественное, зовет меня и восхищает».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Славлю мужа непорочного, проданного своими братьями, из единого бедства в другое низверженного, возведенного потом из бездны зол на верх величества и власти, благодетеля той страны, где носил оковы, и в цветущей своей юности, во дни счастия и бед своих, явившего себя совершенным мудрости примером.

О смертные! неужели добродетель толь мало вам любезна, что дело, мною воспеваемое, может явиться пред вами песней недостойно? Воспламененные героичною трубою, поражающею слух ваш шумом оружия, воплем и битвами, куда по большей части вы не бываете призваны, неужели сердца ваши бесчувственны будут к сему сладкому и пленяющему согласию мирных добродетелей, в которых можете и вы участие прияти?

О ты! который предал нам сию жалостную повесть, изобразя творение света, безобразный хаос, приемлющий законы, возжженное единым словом на тверди солнце, чин звездный, начавший светлое свое течение, землю, облекшуюся дерном, растениями и цветами, древеса, листвия своя пустившие, горы, до облак досязающие, реки, в глубоких пределах своих текущие, воду, воздух и землю, жителями населенную, и, наконец, человека, среди оных возвышающегося, яко царя их и всея природы; о ты! который мог воспламенить души Милтона[1] и Геснера,[2] священный песнопевец, воспевши спасение народа, тобою освобожденного, буди вождем моим ныне; да сей божественный огнь, тебя объемлющий, внидет в разум мой и сердце; да сия простота благородная, твоя верная спутница, и в тебе величества источник, в песнях моих не будет возмущенна! По чреде восприму свирель и трубу героичную. Последуя тебе, Авелев певец, свободное слово мое возвышенным стихотворства языком вещати будет! О, если б я возмог, отвергнув тяжкое бремя, успети с тобою равно и прияти степень с песнопевцами!

Иосиф в юности своей приведен был в рабское состояние. Отторженный от своего отечества, от Иакова, отца чадолюбивейшего, от многого числа ближних своих и от возлюбленной Селимы в тот самый час, когда брак готов был увенчать их взаимную любовь, преселен он стал в отдаленную страну. Как среди зеленого луга цвет, другими цветами окруженный, возлагая на них колеблющийся стебль свой, приемлет в себя и приятное их благоухание и ласки тихого зефира, когда бурный вихрь внезапно исторгает его от цветов, окрест его стоящих, от зефира и дерна, который прежде был его вместилищем, — тако Иосиф отлучен был от дому отца своего. Вседневно ищет он уединения и стадо свое на отдаленнейшее место Нилова брега водит. Величественное течение сея прекрасныя реки, поля, украшенные

---

[1] Милтон — аглинский стихотворец, творец «Погибшего рая». *(Прим. Фонвизина.)*

[2] Геснер — немецкий стихотворец, написал в прозе «Смерть Авелеву». *(Прим. Фонвизина.)*

древами, растениями и цветами нового рода, на коих паслись стада, всех прочих красотою превосходнейшие, огромные домы, сада, великолепный вид Мемфиса, и пирамиды, с башнями сего гордого града нераздельно стоящие, — словом, все сии виды не привлекали к себе внимания Иосифова и скорби его не облегчали: они смятенно очам его представлялись, подобно легким снам, кои, не оставляя в человеке никакого впечатления, летают будто по душевной поверхности. Между тем, ни самые жесточайшие беды не могли поколебати кроткого души его свойства; не изъявлял он своего отчаяния и в самых жалобах знал меру полагати. Лежащий на бреге почти бездыханен и устремя взор свой на реку, коей единообразное течение питало паче лютую тоску его: «Великий боже! — возопил он (и сей глас слышен первый из уст его от начала его пленения). — Великий боже! Так должен я здесь и жизнь мою скончати... Приятная свобода! У меня ты похищенна... Свершилось ныне все, никогда не узрю отца моего... не узрю его вовеки... не буду более утешати его старость... А ты, возлюбленная Селима! Когда брачная сень наша поставлена была, когда рука твоя меня цветами увенчала...» Воздыхания прерывают глас его, и он погружается паки во мрачную тоску.

Потом, возведя слез полные очи на стадо свое: «А ты, — рек он, — стадо, врученное мне отцом моим, стадо мне любезное, играющее окрест меня, как бы в веселии моем участие приемля, когда воспевал я творца всея природы, где ты ныне? Чья рука пасет тебя? Неужели и ты стало жертвою моих братий?» Слова сии вещал он слабым, скорбным и прерывающимся гласом.

Несчастие его умалило несколько сияния красоты его, но она тем была прелестнее. Белые власы его распущены были по плечам пренебрежно; очи его подобны были небесной лазури; слезы, коими они стали ныне омоченны, естественную их приятность умножали; печаль, от коей увядал румянец ланит его, привлекала всех обращать внимание на черты лица его; но он сохранил благородный, хотя непринужденный вид свой, а несчастия его являли еще более начертавшуюся в нем добродетель и невинность.

Бутофис, главный над всеми Пентефриевыми рабами, рожден был в жарчайших степях ефиопских. Лев, дышащий тем жаром, коим солнце в сих местах пылает, и рыкающий среди знойных страны сея песков, не страшен толико странникам, колико неукротимый сей начальник рабам своим был страшен. Цвет кожи и влас главы его подобны были темной нощи; гнев ярости блистал в его очах, как молния во мраке; ревущий глас его внушал злобу и угрозы. Все в нем, даже до цвета его, было новым Иосифу видом и душу сего несчастного юноши страхом исполняло. Предавшись своей скорби, смятенные стопы своя направлял он под дикие удаленные камни, кои, не устрашая дух его, в развалинах своих погребсти его грозили. Тамо настоящие свои бедствия сравнивает он с прошедшим своим счастием, воспоминает то блаженное время, в которое, исполненный веселием и приемля участие в тишине всея природы, упреждал он пришествие теней и спешил гнати с поля стадо свое, видети отца своего; узрев его ожидающа при входе сени своей, устремлялся он к нему; Иаков отверзал ему свои объятия, и страстная Селима восхищалася сим зрелищем. Ныне, вместо сего приятного союза и вместо сих нежных изъявлений сердечного чувства, обретает он начальника страшного, который единым своим видом ужасает и который грозным оком созерцает его стадо. Заключенные с ним невольники были жестокие и грубые люди; тщетно соболезнуя об общем их несчастии, обращает он на них жалостное око: бесчувственным душам их невнятен сей язык; все, кажется, на него стало вооруженно; вся природа плачевный токмо образ ему представляет: прежде пение его гласы птиц предупреждали славити пришествие дневного светила, ныне зрелище сие единое скорби чувствование в сердце его возбуждает, и благоуханная вечерняя роса горести его усладити не может. Когда предается он сим печальным размышлениям, тогда неприметно ему настает нощная темнота. Уже пастыри, на едином поле с ним пасущие, пригнали в дом стада свои. Нетерпящие овцы его окрест его бродят, к нему приближаются и, соединяя гласы свои, извлекают наконец его из глубокого уныния; ведомый ими во мраке, предстает он своему

свирепому начальнику, который сим невольным медлением грозно его упрекает.

Между тем, рачение его о должности своей, чистосердечие, на челе его начертанное, и скорбь, сокрытая и удержанная, поражающая паче сердце человеческое, начинают преклоняти к сожалению о нем Бутофиса; и скоро представился случай, в коем сие его чувствие стало еще явнее.

Между всеми рабами Итобал преклонил к себе внимание Иосифово: он был с ним единолетен, рожденный такожде в высшем состоянии, был он прежде воин, и в битве, где храбрость его была явленна, взят он в плен и заключен в неволю. Гордость благородныя души, приобретенная им в сражениях за отечество, производила в нем ко бремени сему жесточайшую ненависть. В единый день за малую вину Бутофис хощет его в темницу заключити: уже мощные руки его обременяются оковами; трепещет он от уничижения, и из очей его слезы ярости лиются; множество рабов, несмысленнее того стада, которое зрит единого из своих на заклание влекома, на зрелище сие взирали равнодушно. Иосиф, одолевая страх, вселяемый в него Бутофисом, повергается к ногам его и подъемлет к нему и руки и лицо свое, омоченное слезами: никогда сожаление не являлось под видом толь любезным. Бутофис, прежде удивленный, не может сопротивляться долго сему кроткому молению: по малом колебании ярость его стала укрощенна, и слезы Иосифовы смягчают его лютость. Все рабы объемлемы стали удивлением, а Итобал, от оков освобожденный, обращает к своему избавителю благодарные взоры и в восхищении его объемлет.

С того часа не может он жити с ним в разлучении. Часто смущаяся печалию, в коей младый невольник погружен быти казался, разрушал он его уединение и, видя текущие его слезы, взирал на него с нежным сожалением и простирал к нему слово свое. Глас дружества приносит некую отраду душе, не чувствующей ни единыя прелести природы; в прежесточайшем своем бедствии Иосиф тяжкосерд не был и не возмог от сообщества людей бежати навеки. Является он среди пастырей: прелестная гласа его сладость дикий слух их

удивляет и пленяет; естественное красноречие из добродетельного и чувствительного сердца его проистекает, подобно чистому источнику, который, с приятным шумом вниз сбегая, легким наклонением цветы зеленого луга орошает.

Во единый день, когда солнце, достигнув до средины лазуревого свода, испускало пламенные лучи свои наисильнейшим образом, вся природа казалась от толикого огня быти разрушенна; зефиры едва на неподвижных листвиях дышать уже могли, древа расширяли слабо свои ветвия, и птицы, имеющие их своим приятным жилищем, укрываясь под густейшие их листвия, прекратили свист и пение свое: слышен был единый шум потоков, возмущенных стадами, утоляющими в них свою жажду. Невольники, став в сообществе с Иосифом чувствительнейшими, стенали от бедственного своего состояния и, устремя очи свои на спокойные стада, завидовали тайно их судьбине; Иосиф погружен был в глубокое уныние. Итобал, прервав наконец молчание: «Что пользы нам в стенании? — рек им. — Мы сами творим плен наш вечным. Или создан человек быти рабом человеку и пресмыкатися у ног сего бренного властолюбца? О други! свобода наша в мышцах наших; когда я за отечество сражался, то могу равно сразиться и за спасение наше от рабского ига; помогите токмо бодрости духа моего. Или еще какая есть опасность, вас остановляющая? Или страшитесь вы неусыпности Бутофисовой? Да будет он наша первая жертва; я первым ударом его хощу поразити, хощу имети славу свободити вас от рабства».

Слух внемлющих ему рабов пленяется единым именем свободы; радуются они о храбрости Итобаловой, и уже руки их готовы были к пролитию крови, когда восстал Иосиф; добродетель, хотящая усты его вещати, является в очах его. «Вы можете прибегнути к убивству,— рек он им,— и вы лучше возлюбили быти убийцами, нежели рабами! Итобал! сердце твое могло ли сие намерение прияти, а вы могли ли внимати ему не ужасаясь? Увы! может быть, и паче вас желаю я свободы: рожденные большею частию в рабстве, все вы окружены здесь своими ближними, подающими слад-

кую в несчастии вашем отраду. А я пред несколькими днями токмо лишился той свободы, о коей сердце ваше страждет, и... судите о судьбе моей... Сие зло есть легчайшее из тех, кои терзают мою душу... Но я жестокости рока моего повинуюсь. Великий боже! если бы, кровию покрытый, дерзнул я внити в дом отца моего, печалющиеся ныне о моем отдалении, не приемля меня во свои объятия, отвергли бы меня со ужасом. Вам хотя едину тень счастия вкушати здесь возможно. Добродетель делает честными рабские оковы в то самое время, когда подлый убийца, скитаясь по земле, везде рабом бывает, и, окованный раскаянием, терзается он, судии грозного страшася. Природа может утешительным гласом своим ободрити дух ваш; сия тень, сии цветы могут скорби вашей чувствие прервати. Бутофис укрощен быти может, стрежа с большим тщанием врученные вам стада, преклоните и вы к себе его сердце. И почто нам о них не рачити? Чем сии невинные твари достойны стали быти жертвою нашего бедствия? Итобал! я возмог укротить строгость к тебе Бутофисову; могу ли я отвлещи тебя от нападения на жизнь его? Но если тщетны мои моления, идите, оставьте несчастного, я пребуду один в сем плачевном жилище, или паче узрите меня стремящегося на помощь Бутофису, и я тяжкою необходимостию привлечен буду сражаться с вами, со участниками моего бедствия!» Сие ему вещающу, мало-помалу укрощается их лютость, и Аврора благополучия их взоры поражает. Гордый Итобал, отвергая жестокую храбрость свою, потупляет очи, смягчается, упадает к ногам Иосифовым и колена его объемлет. Тако ангел, коего превечный поставил над водами, возвышает глас свой среди бури; громы свой страшный треск вдруг остановляют, облака на самый край горизонта утекают, вихри в пещеры свои низвергаются, и волны, до небес восходящие и ревом своим небесные круги устрашающие, опадают и текут наподобие тихого источника.

Дружество, которое сии невольники имели ко Иосифу, влекло их часто возмущати его уединение. Он для того искал отдаленнейшего места, где бы мог свободно размышляти о друзьях своих, от коих он чтил

себя навек отриновенным. Входит он в лес темный, во обитание нощи и тоски; остановляется тамо, и место сие угодно стало его скорби. Два старые пальмовые древа, согбенные единое к другому и соединяющие сучья свои, сплетенные друг со другом, внезапу на себя его взоры обращают; возросли они в сем тесном союзе; ветвия их, расширяяся вокруг, касалися земле и как бы сами собою сень составляли. «Увы! — рек Иосиф, пораженный печальным воспоминанием. — Тако в дому отца моего две пальмы соплетенны, привлекшие меня воздвигнути брачную сень мою; руки мои оную поставили; в ней жизнь моя должна была тещи соединенна с жизнию возлюбленной Селимы... Плачевное изображение, но могущее питать скорбь моея души... хощу сих ветвей сплетение докончить. Когда уже должно мне скончати здесь несчастную жизнь мою, то посвятим сень сию дражайшему моему чувствованию; в сем месте предамся я един моей печали; не буду здесь жити я с Селимою, но она всегда в мыслях моих присутствовати будет». В тот самый час исполняет он сие предприятие. Соплетает без труда гибкие ветви, кои, ростя единая к другой, преклонялись сами к сему соединению. Потом собирает он цветы, кои земля окрест сих древес производила изобильно, и ими сень свою украшает. Посреди своего дела воспоминает он блаженное то время, в которое, равное сему жилище созидая, посвящал он его не слезам своим, но счастию. Тогда он остановляется, воздыхает, и слезы очей его на цветы и ветвия лиются. По окончании сего дела устремляет на оное с нежностию взор свой и чает видети брачную сень свою. Она той была подобна совершенно: токмо здесь господствует нерачение, изъявляющее душевное страдание.

Скоро предался различным размышлениям: «Неужели, —вещает он,—неужели оставлю я себя единому чувствию печали, и, посвящая жилище сие возлюбленным друзьям, забуду ли я бога отцов моих?» Тогда поставляет он близ сени своея алтарь, подобный тому, который воздвигнут был на месте его рождения; хотя сотворен он был из единыя земли и покрыт дерном, смешанным с цветами, но, невзирая на простоту его,

был он священнее и величественнее всех гордых храмов идолам служащего Египта.

В сие убежище приходил он каждый вечер до отшествия с поля врученного ему стада. Тамо, из глубины уединенныя сени, то возводит он печальный и алчущий взор свой на места, где восходит солнце и где ближние его слезы проливают, то, устремляя очи свои на Нил, сквозь древес оттуда видимый: «Река! — вещает он. — Почто воды твои не в ту страну текут, в которой я родился! Я мог бы с тобою послати хотя некий знак несчастного бытия моего. Я на древе начертал бы: «Иосиф рабом во Египте», предал бы я сие бренное древо течению вод благоприятных: может быть, достигло бы оно до дому отца моего; может быть, Селима, седящая на бреге и плачущая о своем возлюбленном, остановила бы сие древо, долженствующее возвестить им о бедствиях моих: коликими б слезами она его оросила! Не умедлила б она своим ко мне пришествием разделити мои несчастия со мною; может быть, за нею последовал бы и сам Иаков. О, коль тогда плен мой был бы мне приятен!» Таковы суть мысли, в кои скорбь его погружает. То, вперив наконец мысль в самого себя, с живостию воображения, чувствованием воспаленного, представляет он себе черты лица почтенного старца, от коего он жизнь свою имеет, черты лица Селимы и Вениамина, простирает к ним слово свое и как бы иногда видит их и слышит. Но едва оставляет его вдруг приятное сие мечтание, едва обретает он себя среди нощныя тени и зрит всю природу, вокруг себя безгласну, уже рыдает неутешно и скорбным вопиет гласом. Потом исходит он из сени и, возложа на алтарь чело свое, орошает оный слезами, единым приношением, которое ему скорбь его воссылати дозволяет. Наконец подъемлет он на небо и очи и руки свои; уста его не могут еще изобразити смятение его душевного чувствия. По долгом молчании восклицает: «Боже отцов моих! я всего уже лишился, отца, невесты, братей... Увы! имел ли я братей и в самом дому отца моего?.. Ты един мне остаешься, ты ныне мой отец; сжалься над оставленною моею юностию... Прешло время, когда, окруженный моими

ближними, приносил я тебе песнь веселия и слезы радости. Ныне, изгнанный раб, часто, вместо всего моления, единое горестное воздыхание к тебе воссылаю... Увы! не я един несчастен: не остави отца моего, не остави Селимы, кои, равно как и я, обливаются слезами... Да возлюбят братия моя друг друга паче нежели меня они любили! Да возмогут они, став меня благополучнее, утешити старость Иакова и разгнати скорбь, уязвляющую их!» Во время сего моления слезы его не с таким уже стремлением лиются; он ощущает оживляющуюся души своея бодрость и, в приятнейшую грусть погруженный, от сих мест удаляется.

Египет оплакал уже вола Аписа,[1] и день настал, в который новый бог должен был заступити его место; украшенный цветами, ожидал его великолепнейший храм Мемфийский. На пути были хижины Пентефриевых пастырей. С первыми лучами Авроры приходит сей бог, на великолепной везомый колеснице. Красота его разительна: природа, точный во всем размер наблюдая, белую его кожу черными пятнами испещрила; роги его позлащенны и обвешаны цветами; окруженный жрецами, одеянными в ризы белы, провождается он бесчисленным народом; испускает страшный рев, коему внимало множество людей с благоговением и страхом, в самое то время, когда приношением и воплем своим самого его они устрашают; со звуком священных орудий все усты вещают: «Се, се бог Египта». При виде оном рабы Пентефриевы ниц упадают. Иосиф, объемлемый печалию и удивлением, уклоняется от сего торжества злочестивого и в свое убежище отходит. Приступив к алтарю, который посвящен от него был существу всевышнему: «Великий боже! — рек он, проливая слезы. — Когда имя твое приписуется волу, поля пожирающему, восприими тогда здесь должное тебе служение: мои единые уста в сем жилище тебя призывают, и я тебе всегда пребуду верен». Рек он и начинает размышляти, между тем, о просвещении узников, с собою заключенных.

---

[1] Апис — вол, в которого, по мнению египтян, прешла душа Озирида. *(Прим. Фонвизина.)*

Он требовал от них почтения к своему убежищу. На другой день сего праздника, влекомый возмущенною горячностию, Итобал следовал за ним издалека. Желая туда внити, усматривает он сквозь густые листвия Иосифа близ сени и слышит тяжкие его воздыхания. Когда сие возмущает дух его, тогда Иосиф произносит единую из молитв, исходящих часто из непорочного и несчастного его сердца; слова его пронзают глубину души Итобаловой. Как исходящий из ужасной степи человек, где зрел он едины камни, льдом покровенные, и слышал един рев зверей лютых, внезапу пренесен бывает в страну веселую и блаженную, к листвиям, смешанным с цветами, откуда веянием благорастворенного воздуха разносится глас, пленяющий слух, тогда объемлет его удивление и радость: тако младый раб, устремя очи свои на сие прекрасное жилище, возмутился молением Иосифовым. Неподвижим приводит он еще себе на мысль сии нежные выражения, когда друг его удаляется и в сень свою отходит.

Во едино утро, когда свежею росою стада напоялись, отводит он от них Иосифа, и оба они приемлют место на верху единого холма. По некоем молчании Итобал обращает к нему слово свое. «Надлежит мне отверсти мое сердце пред тобою, — рек он. — С того времени, как познал я прелести добродетели, все для меня переменилось. Творение природы, на кое прежде взирал я равнодушно, рождает во мне ныне множество таких чувствований, от коих я всегда с прискорбностию отвлечен бываю. Открыться ль мне тебе в моем дерзновении? Терзаем будучи печалию твоею, пошел я единожды за тобою в твое уединение. Едва вступил я в рощу, уже стенания твои стали терзати мое сердце, и скоро потом произнес ты молитву, коея воспоминание поднесь в умиленной душе моей пребывает. Возлюбленный Иосиф, все слова твои меня пленяют, но ты в сию минуту возмутил дух мой паче прежнего: казалось мне, что ты возобновляешь во мне то живое действие, которое производил во мне прекрасный вид творения природы. Какое то чувствие? Вещай мне. Какое то существо, на кое возвергал ты печаль свою и которое воздыхания твои утишало постепенно?»

Сие вещая, взирал он тщательно и робко на Иосифа, который, обратив на него веселый взор свой, возопил: «Блаженно дерзновение твое, возлюбленный мой друг! Естество вещало сердцу твоему: к чему потребен тебе другой еще наставник? Воззри на сие зрелище: не внемлешь ли ты со всех стран священные тебе поучения, и должно ль с сим языком соединити глас свой смертному? Увы! сии прежде прельщающие меня виды не приносят боле никакого душе моей удовольствия; но горе мне было бы тогда, если б не зрел я в них начертанную величайшую и паче всего утешительную истину!» В то же время указует он ему великолепное явление, взору их предлежащее. Пламенный круг солнца восходил с величеством на горизонт, когда бесчисленные звезды, царствовавшие с толиким сиянием во время нощи, бледнели постепенно, и, готовые угаснуть, казалися они идущими вспять и сокрывающимися в неизмеримом небес пространстве. Все естество как бы от глубокого сна восставало; казалось, что в ту самую минуту одела поля свежая зелень. Человек разделял с небесами невидимое приношение, исходящее из земли оживотворенной: быстрые лучи дневного светила увенчевали верхи гор высоких, играли по росе, блестящей на лугах, и, проницая во ужас лесов темных, в сие последнее убежище нощи, возбуждали тамо согласное пение. Раздающийся по долинам рев пасомого стада умножал приятность и прелести лесного пения.

Два младые невольника озирали в молчании сии прельщающие виды. Иосиф отвращал иногда от них очи свои и, обращая на своего друга, наслаждался теми чувствованиями, в кои он погруженным быти казался. Когда Итобал рассматривал величественное течение большого светила, тогда мысль о боге, как солнце в сей вселенной, исходит пред очами его из глубокия нощи. «Конечно, — возопил он с восхищением и не отвращая взора своего от зрелища природы, — конечно, новый свет меня просвещает... Сильнейший глас вещает яснее сердцу моему... Есть существо, сотворившее солнце сие, определившее течение сих звезд, излившее на землю все ее сокровища и поставившее на ней самого меня... Сей бог, призываемый моим другом... Вся при-

рода кажется в сию минуту его славити; а я еще медлю воздати первое мое ему приношение!..» В то время он простирается на землю. Иосиф стремится в его объятия. «Друг возлюбленный! — возопил он. — От начала моего пленения се первые мои слезы радости. Раб себе подобным, ты был еще рабом животных, тобою обожаемых; ныне гнусное отвергнув бремя, ты стал паче добродетельного дружества достоин».

Тогда взял он его за руку и повел в свое уединение. Тамо, показав ему сень свою: «Здесь, — вещает он, — мое дражайшее жилище в сем бедном пребывании; се алтарь, посвященный мною богу, познанному тобою ныне. Первый человек, исшедший из рук создателя, воздвигнул ему алтарь, сему подобный, и тамо, именем всея природы, воссылал он к нему простые и священные молитвы; иногда слышен ему был и самый глас превечного; сие служение единыя с миром древности, и коему толико стояти подобало, колико камни и горы на земли стояти будут, скоро разрушенно стало злодеяниями, умножившимися с родом человеческим. Прародитель мой возобновил оное, и я, последуя стопам отцов моих, обожаю в сих местах господа мира». Рек он, и восхищенный благоговением Итобал пред алтарем простирается и тамо обновляет моления свои существу всевышнему.

Они оставляют сие жилище и, держа един другого за руку, последуют в молчании мыслей своих стремлению. Когда Иосиф, как бы удивленный веселием сердца своего, отдает скорби своей прежнее над собою владычество, тогда друг его предается множеству новых чувствований. Добродетель ему кажется драгоценнее, рабство не толь тягостно, дружество любезнее и самое зрелище природы величественнее. Как странник, влекомый разносящеюся славою, желает видети царя, достойного той славы и коего благодеяния, подобно плодоносной реке, текут с высоты его престола во все пространство его владения; как странник сей, приходя к пределам блаженной той страны, остановляется и ощущает некое в себе почтение к народу и царству, таковым государем управляемому, — тако младый пастырь видит природу, украшенную сиянием божества, сотворившего ее.

Скоро свет сей в сердца всех узников распространяется; они ко гласу природы преклонны стали. Тогда лютость их нравов умягчается; друг пред другом усердствуют они к исполнению должностей своих, и Бутофис день ото дня являет менее свирепства. Иосиф вкушает некое утешение, когда в торжественные дни все пастыри последуют за ним в его уединение и, окружа поставленный руками его алтарь, призывают они единогласно бога всея вселенныя. В самое то время, как весь Египет погружен был в суеверие и гордые его вельможи падали ниц пред гнусными животными, тогда рабы, в сем забвенном жилище, возносили к небесам свои моления, человека достойные. Ангелы, разносящие по земле веления господни, остановлялися в сей роще, и, удивленные неизвестным языком в сей служащей идолам стране, отвращали они взор свой от градов и храмов языческих и устремляли оный на алтарь, окруженный непорочными рабами.

Блаженство и добродетель призывают в сие жилище согласие песней: рожденное в пастырских хижинах, явилось паки оно в них в прелестной простоте своей. Сперва пастыри птиц пению подражают; скоро, возвышеннейшие составляя гласы, своих учителей сами научают. Сооружая сельские себе лиры, соглашают оные с пением своим. Таковое согласие возбуждает чувствительность сердец и рождает непорочную и нежную любовь. Цветы, увядавшие прежде на лугах, украшают ныне пастухов и пастушек.

Один Иосиф не берет лиры, не украшается цветами и ни одной пастушке любви не предлагает. Он радуется о блаженстве их, сам не пользуяся оным. Многажды, во время сладкого и невинного их веселия, воспоминает он те счастливые дни, в кои, наслаждаясь подобным блаженством, собирал он свежие цветы для возлюбленной Селимы или гласом своим прельщал ее сердце. Тогда и нехотящу ему в очах его является тоска. Едва пастыри примечают оную, уже радостные их песни прерываются, и, соглашаяся с состоянием души его, гласы их единую печаль изображают. Иосиф с удовольствием преклонял слух свой к сему плачевному пению, забывал принуждение и давал волю тещи своим слезам; но, вышед вдруг

из приятной сей задумчивости и видя руки свои слезами своими омоченные, упрекает он себя возмущением веселия прочих пастырей, восстает и ищет уединения.

Между тем, Далука, жена Пентефриева, шествует мимо его убежища из Мемфиса на великолепной колеснице. Египет, толь славный прелестию жен своих, не имел ни единыя красоты, ей подобныя. Она была в тех годах, в кои природа, пекущаяся привести в совершенство наилучшее свое творение, не может ничем уже те прелести умножить, кои она с нарочною медленностию производит. Цветы, кои являет в себе Ириса,[1] сотворенная из солнечных сокровищ, не толь прекрасно оттененны, ниже толикую в себе имеют живость, каковы белизна и румянец лица ее. Черные власы распущены с искусством по белой ее груди, подобны теням, возвышающим сияние светлыя картины. Приятности и величество, толь редко совместные, соединялись в лице ее и стане. Два сильные тирана, славолюбие и корысть, соделали тогда узы ее брака. С чувствительнейшим сердцем, среди двора блистающего, от всех обожаемая, никогда она любви не ощущала; колико гордость ее, толико и должность привлекали отвергать нежность любовников, и в самое то время уклонялася она от их ревностного старания приобрести ее любовь и от тех торжеств многолюдных, где празднуется союз, который она неволею заключила.

Недалеко от Мемфиса, посреди миртовыя рощи, где цветы и зелень никогда не увядали и где все дышало роскошью, был храм, Венере посвященный.[2] Повествуют, что из всех богов, укрывшихся в Египте от гнева титанов,[3] сия богиня прияла здесь первое приношение; народы, красотою ее пораженные, воздвигли в честь ее храм сей и поставили образ ее пред алтарем, на коем курится непрестанная жертва. На стенах изображены все торжества сея богини, смертные, герои, боги и вся природа, подвластная ее владычеству; стыд изгнан от

---

[1] Посланница Юноны. *(Прим. Фонвизина.)*

[2] Смотри примечание при конце третия песни. *(Прим. Битобе.)*

[3] Титаны — внучаты небес, пораженные Юпитером. *(Прим. Фонвизина.)*

сих изображений; красота непокровенная являлася тамо, а изнутри храма исходил нежный глас, изъявляющий воздыхания и восхищения любовников. Далука прежде брачного союза приведена была в сие место тайным сердца своего смущением. Приступя ко алтарю, устремила она взор свой на образ Венеры, и когда весь храм исполнен был курением жертвы, приносимыя трепещущею ее рукою, тогда она сии слова вещала: «О ты, которую все смертные обожают и которая едина велит им познавати счастие прямое, разгони мрак, объемлющий жизнь мою; непрестанно страждущее сердце мое воздыхает; может быть, оно любити хощет. Богиня! подай мне во браке моем обрести любовь, с долгом моим согласную, да с меньшим отвращением заключу я брачные узы».

Когда непорочное сердце ее приносит о браке моление Венере, тогда сладострастный дух, под образом младенца, летает окрест богини, держа в единой руке образ юноши, как бы самими начертанный грациями; крылатый Купидон снисходит на алтарь и образ сей Далуке представляет. Она отвращает взор свой от богини и устремляет оный на сие прелестное изображение; вдруг неизвестный огнь возгорается в сердце ее и по всем членам ее распространяется. Как баснию представленный Нарцисс, в воде себя узрев, желает с сим преходящим изображением соединитися, так Далука образ сей очами пожирает. В то самое время любовь впечатлевает оный в сердце ее неистребимыми чертами. С того часа божество сие казалось ей приносити непрестанно пред нея сии черты, и когда принужденные должностию уста ее клялися любити супруга, тогда все ее клятвы к сему единому образу стремились.

Достигая до жилища Пентефриевых рабов, чудится она, внимая прелестному некоему гласу, приближается к оному и видит издали пастухов и пастушек, цветами украшенных и соединяющих с лирою песни свои. «Неужели, — вещает она, — неужели зрю я тех невольников, которых жестокостию поражен был слух мой и которых судьбину облегчити я хотела? Увы! они стократно блаженнее меня; сердца свои предают они единым склонностям природы, и, став один другим благо-

получны, в любви своей себя они не принуждают!» Сие вещая, на них она взирает, проливает слезы и скоро потом, воздыхая, удаляется оттуда.

Пред очами своими видит она темную и уединенную рощу; надеясь тамо обрести более спокойства, стопы своя она туда направляет. Предавшись стремлению своих мыслей, вступает она в средину тоя рощи, как вдруг представляется взору ее сень, украшенная благоуханными цветами; при входе в оную сидел юноша, красоты пречудныя; сей был Иосиф, белые власы его касалися до самого дерна, он стенал и очи свои устремил горестно на небо; вокруг его бродило стадо. Узрев его, Далука пораженна стала сильнейшим удивлением; она видит в сем юноше все черты представленного ей образа в Венерином храме. Внезапное смущение колеблет ее чувства; трепещет ее сердце; весь огнь, излиянный в ее жилы любви богом, возобновляется, и пламень сей ее объемлет. Пребыв неподвижна, взирает она долго на Иосифа; чем более зрит его, тем паче смущается; воспламененное око ее не может от него удалиться, и она ощущает себя как бы окованну в сем жилище.

В сей вечер Иосиф, не хотя торжествовать с прочими прибытия жены Пентефриевой, остался в своем уединении; тщетно друзья его привлекали его отерти слезы своя и глас свой соединити с их пением; не могли они разгнать его печали. У ног его лежала лира, принесенная в сень сию Итобалом. Иосиф устремляет на нее очи свои и приемлет ее в руки. Скоро воспел он сии плачевные слова, провождая оные гласом лиры:

«Желают видети меня цветами увенчанна, веселую песнь воспевающа и приятно играюща на лире!.. Увы! сей радостный глас для несчастного ли создан?.. Эхо, окружающее место моего рождения, ты прежде оному внимало, ты прежде оное любило повторяти!.. На сих брегах отдаленных, что мне воспети должно? Прославлю ль я приятности любви и сыновнюю горячность? Дражайшие и священные имена! вы токмо скорбь мою обновляете!.. Восхвалить ли мне прелести природы, сию рощу, сии цветы, сии источники, лишенные для меня всех своих приятностей и не видящие более моего благополучия?.. А ты, о высшее существо, владеющее миром,

коему иногда дерзал я посвящати глас молитвенный, могу ли я в несчастии моем воспеть тебе песнь достойную?.. Лира! ныне ты безгласна пребудешь или единые токмо изобразишь стенания... Сей глас до гроба моего не пременится... Теките, слезы мои, помогайте, если можно, терзаемому сердцу... Почто не могу я в сей час последнюю принести жалобу, последние пролити слезы!..»

Хощет продолжати играние, но струны, слезами омоченные, не отдают более звону, ослабел глас его, и рука, подражающая непрерывно течению его чувствия, не ходит более по лире. Сим приятным и пленяющим гласом, сею песнию, всю скорбь души его изъявляющею, сими стенаниями и сим молчанием, еще паче выражающим, возмущенная Далука не может удержати слез своих; птицы стали неподвижны, и стада, окрест сени бродившие, остановляются и кажутся быти пораженными. Подобно как в лесу несчастный соловей, видя свою возлюбленную мертву, долгое время стенает втайне, и плачевнейший глас его не довольно печаль его изобразити может; но когда прерывает он наконец свое молчание, тогда первая песнь его бывает толь плачевна, что возмущенные тем птицы прерывают свои гласы, и если между ими несчастная любовница смятенный полет свой в лес направляет, то сама она престает произносить жалобную песнь свою и оставляет ему изображати собственную скорбь свою.

Далука продолжала взирати на Иосифа; она готова была приступити к нему и вопросити о причине слез его, но некое тайное смущение ее удерживает, и, доколе она пребывает нерешима, он удаляется. Прибыв в уединенное свое жилище, чает она еще его видети, чает пение его слышати; нощь не может разгнати сии мечтания, и если сон затворяет на единую минуту ее очи, прелестное видение паки оные ей возвращает.

Наутро вопрошает она, кто сей юный пастырь, удаляющийся в средину леса проливати слезы? Ответствуют ей, что он раб Пентефрия; хвалят ей красоту его, приятность и добродетели; повествуют ей о том, что мог он преклонить к себе живущих с ним лютейших невольников и самого неутолимого Бутофиса; что с ним блаженство вселилось между пастырей, но что, распростра-

няя оное окрест себя, один он им не наслаждается и в мрачную тоску себя повергает; что ни одна пастушка не могла пленити его сердца и что самые возлюбленные ему други не могли из него извлещи его таинства.

Далука с удовольствием внемлет хвалам, приписуемым Иосифу; но едва слышит она о тоске сего несчастного, уже очи ее мраком покрываются. Она сама себя о причине смущения сего вопрошает и уверяет себя, что оное есть единое сожаление. «Печаль, — вещает она, — изображенная на челе Иосифа, не выходит из мысли моея: кто бы не смутился оною! Толь млад и толь несчастен! Он умрет жертвою своего молчания... Без сомнения, он рода знатного; в естественной простоте его видно благородство; сами боги в рабское состояние приводимы бывали... Един он из всех пастырей любви не ощущает!.. Хощу зрети пред собою отверсто его сердце, хощу простерти к нему благодетельную руку».

Рекла, и прежде нежели солнце путь свой окончало, исходит она одна из своих чертогов, и стопы ее, как бы сами собою неслися прямо к роще. Иосиф, седящий в уединенной своей сени, воздавал скорби своей обыкновенную дань слезами, как вдруг Далука при входе сени предстала. Удивленный восстает он, сокрывает воздыхания свои и хощет отерти слезы свои. «Несчастный юноша, не смущайся, — вещает она колеблющимся гласом, — Пентефриева супруга прекратит твои бедствия. Что принуждает тебя искати уединения, уклонитися от приятной любви и от невинных забав, приличных твоим летам? Не устрашаешься ли ты вверити мне свое таинство? Я сама несчастие познала, и если б я возведена была на самый верх благополучия, сердце мое и тогда б к страданию твоему бесчувственно не было. Слезы твои преклонили меня на жалость: лицо твое являет мне, что род твой далеко от сего низкого состояния; который варвар возмог ввергнути тебя в порабощение? Вещай: не состояние ли твое, толь много тебя недостойное, терзает твою душу? С сего часа ты волен; свобода твоя есть самое меньшее благо, тебе уготовляемое: руки мои отрут слезы твои, слезы, текущие из очей твоих в последний уже раз».

Сими словами восхищенный, Иосиф уступает надежде видети конец своему бедствию и предприемлет открыти те злодеяния, которые хотел он предати вечному молчанию.

Солнце являлося пламенно позади сени сквозь густых листвий, когда противуположенная ему луна начертывала серебряный круг свой в небесах и на колеблющихся Ниловых водах. Постепенно пение птиц утихало, и листвия древес тише помавали; еще слышен был рев довольного стада, удаляющегося с паства своего, но скоро все умолкло, и тишина стала всеобщая. Далука, седящая с Иосифом при входе сени, устремляет взор на сего юного раба и преклоняет к нему слух свой; вся природа кажется в молчании внимати ему, вещающему тако:

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

«Я рожден не в рабском состоянии. Иаков, отец мой, есть изобилующий паче прочих пастырь страны Ханаанской, состояние здесь, конечно, презренное, ибо оное рабам оставляется, но в лоне добродетели и свободы, всегдашних своих спутниц, бывает оно блаженно и почтенно. Когда народы погружены были в идолопоклонство, тогда праотец мой наставляем был гласом самого бога; хотя был он простой токмо пастырь, но, подобная древу, покрывающему многие роды своею тению, святая добродетель его должна служить примером будущим векам. Сын его был сея добродетели наследник и предал оную отцу моему. Увы! должна ли она угаснуть с ним в том доме, который зрел ее рождающуюся!

Первые мои годы были соборищем дней благополучных. Я долго ожидаемый был плод приятного союза. Отец мой, достигая до старости, чтил меня драгоценным залогом нежнейшия любви, а братия моя, не смущаясь о том подозрением, изъявляли мне друг пред другом усердие свое. Иногда ходил я за ними в поле, где малое стадо овец они мне поручали; я играл с ними: младенческая рука моя украшала их цветами или гладила мягкое их руно. Прости мне повествование толь

маловажных обстоятельств, кои напоминают мне дни моего счастия.

Они исчезли подобно весне, сокрывающейся со всеми прелестьми своими; цветы, один за другим рождающиеся, песни, завсегда в рощах переменяемые, благорастворенный воздух под чистым и светлым небом и приятное радование сердца, цветущего с оживленными цветами, — словом, все сие похищается быстрым часов течением до тех пор, когда человек до последнего из сих дней, стеная, достигает; тако мое разрушилось блаженство. Увы! кто бы мог помыслить, что оно непрочно? Слабый виноград единую токмо лозу обвивает, а я мог десять братий иметь в объятиях моих! Колико помощников юности моей! Любити друг друга казалось мне и легко и приятно, и дружество мое к ним возрастало с моими летами.

И можно ль было чаять?.. Они... братия моя приключили все мои несчастия; уста моя хотят умолкнути, и я желал бы преступления их сокрыти от тебя, но они весьма с повестию несчастной моей жизни сопряженны.

Главный источник моего счастия стал началом всего моего бедствия: горячность Иаковля ко мне возбудила зависть в моих братиях. Правда, что любовь его ко мне казалась сильнее, может быть, оттого, что зрел он во мне отрасль своея дражайшия супруги и приятный плод своея старости; иль, может быть, подобен древу, поспешающему произрасти новую ветвь свою, когда произращение старых ветвей еще неприметно. Отец мой особливо старался открыти рождающийся во мне разум: может статься, мнил он видети мою к себе любовь паче всех моих братий.

О, коль жестокою поражен был я скорбию, когда престали они таить свою ко мне злобу! Желая сокрыть слезы мои от Иакова, ходил я один плакати в рощу, бывшую прежде свидетельницею одних моих забав; не ведал я еще сего болезненного чувствия, вход радости в сердце затворяющего; назначенный судьбою проливать слез реки, удивлен я был первыми слезами, печалию извлеченными; вопрошал я сам себя, истинно ли то, что братия моя более меня уже не любят. «О отче мой! — возопил я. — Когда горячность твоя ко мне

произвела такую злобу, то должно ль мне хотеть лишитися ее!»

Между тем, Иаков вверил мне пасти стадо свое. Сей день празднован был по обычаю. Отец мой возложил на главу мою венец от цветов и дал в руку мою посох, знак пастырского владычества. В то время обнял он меня и, проливая радостные слезы: «Благословлю тя, небо, — возопил он, — продолжившее жизнь мою до сего дня! Иосиф! ты более не младенец: уже добродетели, посеянные мною в сердце твоем, должны произвести прочные плоды. Ты не сотворишь себя недостойным моего рачения, и, может быть, небо подаст мне утешение видети дражайшие семена сии дающими плод, се единая награда, которой я желаю!» Таково было его моление.

Увенчанну сущу рукою отца моего, предшествующу моему стаду и ближними моими мне препровождаему, шел я при гласе лир и свирелей в пространную долину. Весь день сей посвящен был веселию: сами братия моя казалися не помнящими неправедныя злобы своея, и я ласкал себя видети возвратившиеся дни счастливого моего младенчества.

Пребывая с моими братиями, зрел я нерачение их о своих стадах, видел я непрестанно злочестивые их праздники, в коих не чтили они ни бога отцов своих, ни самих отцов своих, ни собственного своего родителя. Коликими ранами сердце мое было уязвленно! То, пася стада их, равно как мое, старался я исправити их нерачение. То в песнях моих прославлял я творца природы, добродетели предков моих, приятности сыновния любви и братского дружества; казалось мне, что желание мое подвигнути сердца их извлекало из моего сердца жалостнейший глас и слова паче всех уверяющие. То, наконец, со слезами просил я их не оскорбляти почтеннейшего старца. Но они и старание мое, и песни, и моления со гневом отвергали. «Иди от нас, — вещали они мне, — хвали Иакову свое тщание, воспой ему ту приятную песнь, которою пленил ты его сердце, и пусть слезы твои, его рукою отираемые, скажут ему о делах наших». Я отходил от них, и, вместо того чтоб слезы мои явити отцу моему, осушал я их веянием

зефира, который не уносил с собою печали, дух мой возмущающей.

В сие время мать моя разрешилась от утробы вторым сыном, приключение, паче горести нежели радости исполненное и коего воспоминание, в самом несчастии моем, велит мне еще проливати слезы. Я чаю еще видети сию нежную матерь, держащую в слабых руках своих дражайшего младенца. «Забываю скорбь мою, — вещает она Иакову, — возлюбленный супруг! Ты меня не совсем еще лишаешься, я второго Иосифа даю тебе, се черты лица его...» Потом, обратив ко мне умирающее око: «А ты, дражайший сын, — рекла мне, — тебе даю я брата... любите друг друга...» По сих словах воззрела на меня с горячностию и затворила очи свои навеки. Возможно ли изобразить скорбь Иакова и скорбь души моея? Оба мы орошали слезами оледеневшее тело моей матери и рожденного младенца. Между тем, видел я с удовольствием возрастающего Вениамина (сие было имя его). Я благословлял небо о брате моем, с коим мог я вкусить приятность взаимного дружества.

Вещать ли мне о случае, не весьма внимания достойном (и возможно ли, увы! чтоб таковой сон послан был с небес?). Видел я среди подобной сей величественной нощи, видел я солнце, луну и единонадесять звезд, отторгающихся от небесного свода поклонитися мне. Братия моя чаяли предвидеть в сем сновидении предсказание своего будущего унижения и моего величества: тщетное мечтание! О звезды! вы сами свидетельницы ныне бесславию моея судьбины.

Изо всех братий моих Симеон и Рувим паче всех были ко мне злобны; я медлил описати их тебе, и если б мог я сокрыти дела их, не стал бы я и о свойстве их вещати. О, коль много жалею я Симеона! Сколь ни люты мне мои несчастия, но с его страданием равнятися не могут. Первые мои годы текли хотя в веселье, но он с самого рождения своего, кроме горести, другого чувствия не знает; удаленный от дражайших друзей моих, размышляю я о взаимной нашей горячности, и в бездне зол моих вкушаю я еще приятности любви; но дружество никогда смягчити не могло Симеона, никогда очи его не проливали тех радостных

слез, кои сердце предпочитает смехам. Всегда мрачен, всегда скорбен, ищет он уединения; черные власы его умножают природную его бледность; в юности видны на челе его морщины; никогда не воспевал, никогда не брал он в руки свои лиру; взирал на цветы и на восход Авроры без сердечного веселия. Хотя он и не старший был из моих братий, но толикую имел в них силу, что все они чли его своим начальником. Рувим, старший из всех, ненавидел меня с большею хитростию.

Прости слезам моим, коих я сдержати не могу: я достигаю еще до единого случая, коим я навек должен был стать благополучным.

В тот самый день, когда торжествован был описанный мною праздник, в тот самый час, когда отец мой увенчал меня цветами, пришла в дом наш младая пастушка, именем Селима; лицо ее было покровенно, но стан ее и хождение привлекли на нее всех взоры. Она приступила ко Иакову. «Почтенный старец! — вещала она. — Неволею смущаю я твое веселие, ты видишь пред собою несчастную сироту, происшедшую от колена Нахорова, брата Авраамля. В пеленах сущи лишилась я своего родителя; ныне затворила я очи матери моей. Не столько ее веление, сколько слух о добродетели твоей привлекает меня в сии места; дерзаю я просити тебя: буди помощником юности моей. Отрешь ли ты слезы мои, и, соглашаясь облегчить печаль мою, позволишь ли ты мне отцом моим тебя називати?»

От произношения гласа ее вострепетало мое сердце; алчущий взор мой хотел проникнути покрывало ее, видети уста, толь нежно нам вещающие. Но в какое пришел я изумление, когда, слыша Иаковле согласие, открыла она лицо свое! Цвет, который слезами Авроры орошен, расцветает и являет вдруг и прелести и благоухание свое, есть слабое изображение того, чем представилась нам юная Селима. Слезы ея, как сребряный источник, текли по ланитам на грудь ее; прекрасная рука ее отирала их белыми власами. Первый взор ее обращен был ко Иакову; потом очи наши встретились друг с другом, и возмутился дух наш. Я, приступя к ней, вещал: «Небеса исполнили все мои желания, я часто просил у них сестры». Между тем, сие приятное

имя уста мои произнесли неволею, и я приметил, что оное изъясняло слабо мое чувствие. Она проводила нас к долине, где праздник мой был торжествован; тамо очи наши часто друг на друга устремлялись, и, когда она свои потупляла, я еще на нее взирать не переставал; лира моя осталася в руках моих безгласна. До сего дня сердце мое знало токмо сыновнюю любовь и братское дружество; не знал я, какое было сие новое во мне чувствие, но оно мне толь приятно и толь властительно казалось, что я не ведал уже сам, любил ли я что-нибудь на свете до сего дня».

При сих словах Далука не могла скрыть смущения своего сердца. «Я во зло употребляю милость твою, — рек ей Иосиф, — но я предаюсь воспоминанию то лютых моих зол, то прешедшего блаженства».

«Продолжай, — вещает она с притворным спокойством, — не оставляй ни единого обстоятельства... Я страшусь того, чтоб Селима не была источником всех твоих бедствий... Но, может быть, вселенная ею в тебя страсть продлилася недолго?» В то же время устремила она на него взор свой, в коем беспокоющее ее любопытство изображалося.

«Близ нашего дому, — повествует Иосиф, — есть сокрытая долина, окруженная холмами, с коих рука моя собирала множество цветов прекрасных; чистый источник под прелестною древес тенью протекал сию долину: тамо было мое дражайшее убежище; я стал чаще ходить в него с тех пор, как душа моя новым чувствием смутилась. В единый день, когда стадо пасомо было по брегу сего источника и когда предался я приятному размышлению, взял я лиру мою и хотел воспеть по-прежнему цветы, кустарники или самую Аврору, но я не мог ничего произнести, кроме воздыханий, лира моя выражала оные, и имя Селимы как бы само собою приходило во уста мои; сии воздыхания и сие имя составили новый и пленяющий глас, повторяемый источником во своем течении. Когда, устремя очи мои на текущий поток, сей глас я произносил, тогда вдруг узрел я в прозрачных водах образ Селимы; самый источник казался мне тещи с меньшим стремлением, не хотя возмутить сего дражайшего изображения; приятное

восхищение меня объяло; я возвел очи мои и увидел самую Селиму: прелестный румянец украшал ее ланиты, пленяющая робость написана была на очах ее; сия была та счастливая минута, в которую клялся я любить ее вечно и приял из уст ее таковую же клятву.

По прошествии нескольких дней созвал Иаков всех своих сынов: мы вошли в сень его и увидели к некоему великолепному торжеству приготовление. На свежих листвиях положены были наилучшие плоды, усыпанные благоуханнейшими цветами; млечные источники текли в большие сосуды, и един от козлищ принесен был на жертву; неизреченная радость сияла на челе отца моего; среди сих плодов и млеком исполненных сосудов два венца из цветов поставлены были. Мы все друг на друга с удивлением воззрели; очи Селимы, встречаясь с моими непрестанно, то страх, то надежду изъявляли. По начатии торжества сего, Иаков, седящи между мною и юною пастушкою, не мог сокрыти движения души своея; прияв оба венца в руку: «Иосиф, — вещал он, — возлюбленный сын мой! почто скрываешь ты от меня твои чувствования? Я познал сердце твое: ты любишь Селиму; она непорочна, она будет твоею супругою прежде, нежели в роще соловей престанет воспевати». Потом, обращаясь к ней: «А ты, — рек он, — коея чувствительному сердцу угодно было нарещи меня отцом своим, буди ныне дщерь моя. Иосиф! Селима! о, если бы я мог до смерти моей видети сынов ваших, вам во всем подобных!» По сих словах соединил он наши руки. Восхищенный приятным восторгом, жал я прекрасную руку Селимы, и, обняв отца моего, ощутил я текущие по ланитам моим слезы, извлеченные из очей его веселием и горячностию.

Посреди сих приятных чувствований Симеон, смятенный яростию, восстает и выходит из сени. Иаков, пораженный удивлением, уклоняется от моих объятий, оставляет упасть из рук своих венцы, последует стопам моего брата и, призывая его громким гласом: «Сын мой! — вопиет он. — Сын мой! Тако ли приемлешь ты участие в нашем удовольствии? Куда влечет тебя слепая твоя ненависть? Се забыти ее случай». Ветр упо-

сил слова его, и Симеон в отчаянии от нас удалялся. Всем нам причина сему была неизвестна, но гнев моего брата смутил веселие праздника нашего.

Скоро узнал я источник сего несчастного гнева. В един день, когда пошел я в рощу, вдруг поражают слух мой громкие гласы; я приближаюся к тому месту, откуда слышен был сей шум, и сквозь густого листвия усматриваю я всех моих братий, кроме единого Вениамина. Симеон, бледнея и от ярости трепеща, возносился пред ними, подобен гордому древу, которое, громом пораженно, движет свои ветви и еще не престает колебатися. «Нет, — вещал он им (и я чаю слышати сей страшный глас, раздающийся по всей роще), — нет; очи мои никогда не узрят его счастия. Недоволен, лишив меня горячности родительской, хощет он еще похитить от меня и сердце Селимы... Вы чудитеся сему: так, я люблю ее. Я сражался с склонностию, толь мало гордости моей приличною, и в самое то время, когда страсть моя к Селиме в высочайшей была степени, не смел я открыти вам моего таинства. Судите, коль страсть моя сильна: с тех пор как она в молчании возрастает, сам ощутил я, что порицаемая от всех непреклонность духа моего уже во мне ослабевает: может быть, жестокосердие мое некогда и могло бы укротитися. Но нет, не для меня Селима рожденна; Иаков не мог познати тако сердце мое, как познал он сердце своего возлюбленного сына, а если б он и проникнул в мои чувствования, не должно ль бы мне было истребити оные? Вы все свидетели обиды моея; в присутствие ваше исторгнул он Селиму от меня и отдал ее сему вероломному брату. Свершилось ныне все: я удалюся от дому нашего, не вниду я в него вовеки. Хощете ли вы последовати мне или продати меня по примеру Иосифа? Но можно ль вам забыть и ваши собственные обиды? Не предпочитает ли его Иаков всем своим сынам? Рувим! или не помнишь ты более того, что ты старший изо всех и что прежде ты сам имел первое в сердце его место? Пойдем, не устрашимся оскорбити Иакова отшествием нашим: или он не утешит себя о нас в объятиях Иосифа? А если вы толико слабы, что не можете оставить навеки родительского

дому, то по крайней мере поищем случая не быти свидетелями торжеству ненавистного мне брака».

Рек он, и последовать ему все приносят клятву. От сих слов, от сея клятвы оледенела кровь в моих жилах.

В тот час братия мои пошли все ко Иакову; я следовал за ними, и во единый почти час вошел я с ними в сень. Рувим простер слово ко отцу моему: «Долгое время, — вещал он Иакову, — обвиняешь ты нас нерачением о стадах наших; позволь нам гнати их на тучные сихемские паствы». На сие Иаков соглашается, прияв прежде от них слово возвратитися в дом свой к назначенному дню моего брака. В то время с ним они прощаются. Симеон приступает к нему злобным оком; Иаков взирает на него с строгостию и тотчас объемлет его нежно, но Симеон сохраняет свой мрачный вид и в объятиях родительских.

Коль безмерна была моя тоска! «Как! — вещал я сам себе. — Нежнейшие узы становятся навеки зол моих источником! Симеон, почто не могу я жертвовать тебе Селимою! О, коль я злополучен, если счастие мое губит моего брата!» Сии были мои жалобы. Селима меня утешити старалась; прелестный ее глас разгнал мою печаль; я мнил, что отсутствие уменьшит лютую злобу Симеона и любовь, которую хотел он погасить в ее начале; я ни о чем более не мыслил, как о единой Селиме и о приуготовлениях ко браку моему.

По одну сторону сени Иаковли стояли два прекрасные пальмовые древа, совершенно подобные сим, составляющим жилище мое, посвященное слезам, и кои, казалось, нарочно под тень свою меня призывали. Часто, сидя под сими древесами: «Растите, о ветви! — воспевал я. — Расширяйте ваши листвия; свидетели нежныя любви, соединяющей меня с Селимою, вы будете некогда нашим возлюбленным жилищем». Сии ветви возрастали, их листвия расширялись, и я достигал уже до дня, в который всем моим желаниям свершиться надлежало. С каким усердием уготовлял я брачную сень мою! Мягкие ветви сгибались по воле моей, и цветы, кажется, собою сами под тень подбирались. Здесь взираешь ты на подобие того жилища, которому толь блаженну быти подобало. Поставя сень, привел

я в нее Селиму; присутствие ее придавало новое сияние цветам и зелени; увы! мы видели токмо единую минуту жилище, в коем должны были мы навек соединитися.

Наставшу дню моего брака упреждал я Аврору; еще царствовало в дому нашем молчание; нетерпящий взор мой возводил я к тем местам, где восстает солнце; наконец оно явилось, обремененно густым облаком, которое едва лучами своими могло оно проникнуть; темнота, казалось, хощет продолжить свое царство. «Увы! — вещал я. — Ясное небо не хощет украсити дня моего благополучия!» Произнеся слова сии, тайным неким предвещанием смущалось мое сердце; сам я, удивленный толь малым чувствием моея радости, упрекал себя равнодушием. Я к Селиме устремился, и, едва ее узрел, смущение мое уже разгнанно стало. Я украшал ее цветами, собранными мною; она венец надела на меня, на коем наши имена были означены; но я то приметить мог, что цветы, составляющие оные, слезами ее были орошенны.

Мы вошли в сень Иакова, который обнял нас с горячностию. Между тем, братия мои еще не возвратились; отец мой для изъявления им своего нетерпения их видети восхотел идти во стретение им.

Мы оставили сень нашу; Иаков единую руку подал мне, а другую Селиме; предшествующу Вениамину, прошли мы весь дом наш, среди радостных восклицаний по пути, который жены и дети моих братий свежим листвием устлали. Я возводил довольный взор мой и на сих добродетельных жен, и на сих младенцев, не приемлющих нималого участия во злобе отцов своих, и на сии многочисленные сени, новыми украшенные цветами. Мы отошли уже некое расстояние от дому нашего, Иаков приемлет место под кедром, а Селима, Вениамин и я восходим на холм возвестити ему пришествие моих братей.

Солнце свершило уже половину своего течения, и смущенный отец мой начал страшитися, не приключилось ли сынам его некоего бедствия; упрекал он себя, почто согласился на отшествие их, и хотел идти сам помощи им или утешити их. Но я, подозревая весьма истинную вину сего медления, зрел всю мою надежду

исчезающу. «Успокойся, — рек я Иакову, — я иду искати моих братий».

«И ты, — отвещает он, — и ты меня оставить хощешь! Так должно мне лишитися всех моих сынов!.. Знаю, что послать тебя в Сихем или шествовать мне самому туда есть то же самое; любовь твоя к братиям твоим мне уже известна... Но если и тебя должен я так же долго ожидать, как и их сюда прибытия! Я не весьма от смерти удален; если умру, не дав тебе моего благословения, и если не ты затворишь мои очи!..» Сии слова смягчили сердце мое. С другой стороны, Селима просила меня нежнейшими словами не разлучаться с нею. Сердце мое пресильно колебалось, но братское дружество и долг мой все преодолели. Я обнял моего родителя, а он, прижав меня к груди своей, стенанием своим смущал мою душу; я обнял Селиму и младого Вениамина, который, общей нашей последуя печали, простер ко мне свои руки и проливал слезы.

Плачущая Селима последовала стопам моим. «Я не могла свободно вещати тебе в присутствии Иакова, — рекла она. — Куда ты идешь? Иль забыл ты злобу своих братий? Не чаешь ли ты привесть их в дом наш? Сей день должен быть в жизни нашей благополучнейшим; если б ты меня любил, то мог ли б ты еще отлагати брак наш?»

«Я люблю тебя, — ответствовал я ей, — но любовь моя к тебе погасит ли дружбу, которою я должен моим братиям? Благополучие мое не возмутится ли их отсутствием? Или чаешь ты, что, смущенный судьбою их, Иаков соединит нас до их сюда прибытия? И любовь и дружба велит мне спешити их возвращением».

Окончив сии слова, оставил я нежные объятия Селимы и от них удалился. Часто обращаясь, возводил я очи мои на сих нежных другов, кои с своей стороны взором своим меня препровождали. Но едва потерял я их из глаз моих, уже объяла мой дух жестокая тоска. Я обратился было к ним, желая еще их видети; они приближались ко мне с тем же намерением; мы простерли руки наши и несколько минут взирали друг на друга с безгласным изъявлением нашея горячности. «О чем лиются слезы их? — вопрошал я сам себя. —

Но почто и мое терзается сердце? Я разлучаюсь с ними на единый день токмо видети братий моих».

Мысль о долге моем возобновилася во уме моем, я в последний раз взглянул на Иакова, Селиму и Вениамина и, устремя взор мой на дом родительский, видимый мною с холма того, узрел я брачную сень мою. «Прости, — вещал я, — блаженное жилище! Прежде нежели украшающие тебя цветы увянут, надеюсь я под тению твоею разгнати мое сердечное смущение». В то же самое время продолжал я путь свой.

Чем далее я шел, тем паче успокоивалось сердце мое желанием обняти моих братий. Я ласкал себя тем, что не возмогут они противитися моему молению и нежному дружеству, которого искренность явна им будет в очах моих, в прошении моем, во гласе и слезах.

Тако размышляя, достиг я до Сихема в самый тот час, в который стада паству оставляют; в надежде встретиться с моими братиями, прешел я стремительно пастырские хижины, но ни единого из них не видел. Вопрошал я, где сынове Иаковли? Ответствовали мне, что несколько дней тому, как сии дети, недостойные отца толь добродетельного, вышли из своего дому, что новое их убежище неизвестно никому, но что видели их в ближний лес идущих. Сии слова извлекли из меня тяжкое воздыхание, и я смятенными стопами пошел в поле; уже нощная темнота приближалась. О, колико дух мой колебался! Продля мое отсутствие, оскорблю я отца и возлюбленную, которых я сам видети желал, но мог ли я возвратитися к ним, не провождаемый моими братиями? Как возвестити мне Иакову, что нет боле их в Сихеме, что никто о месте их пребывания не знает? Предприял я паче жертвовать собою, нежели не привести в объятие Иакова всех его сынов. Я не ожидал солнечного возвращения. Нощь распростерла уже свою мрачную завесу, я вошел в лес и, не ведая куда иду, вопиял: «Сынове Иаковли! братия моя! где вы?» Глас мой слышен был подобен гласу агнца, лишенного своея матери».

«Как! — прерывает речь его устрашенная Далука. — Ты был один, среди темного леса, в ужасе мрака?

Я страшусь, чтоб лютые звери на тебя не напали!» — «Они бежали пред лицом моим, — отвещает Иосиф, — и я должен был обрести в братиях моих еще лютейшие сердца...

Странник некий притек на вопль мой и возвестил мне, что сынове Иаковли были в Дофаиме; я чаял его быти ангела, сошедшего мне на помощь. «Ах! если идешь ты мимо дому Иаковля, — рек я ему, — вниди в сень его, разгони страх его и Селимы, с которою бы ныне уже я соединен был без некиих гибельных нам обстоятельств, вещай им, что я медлю к ним прийти, следуя стопам моих братий».

Я продолжал путь мой и, шедши всю ночь, прибыл я светающу дню в поля дофаимские. Скоро узрел я идущее многочисленное стадо; верные их псы прибегли и ласкалися ко мне. «Итак, — возопил я, восхищенный радостию, — итак, скоро объиму я моих братий!» В то же самое время устремился я на стретение первого, который был Симеон. Ярость, возгоревшая в очах его, возвестила мне, что он познал меня. «Дерзновенный! — рек он. — Ты последуешь мне в места, где убегаю я твоего присутствия! Украшенный сим противным мне венцом, соединяющим оба имена ваши, хощешь ты еще принудить меня быти свидетелем твоего счастия!» По сих словах отревает он меня. Признаюсь, что хотел я победити сию злобу; несмотря на его силу, взял я его в мои объятия и, не могши произнести ни единого слова, прижал я его к груди моей с таким принуждением, которое единым токмо дружеством может извинитися.

Но, не смягчась моим объятием, он паче воскипел. «Сим являешь ты любовь или ненависть? — рек он мне. — Слабый враг! победивши меня хитростию, или мнишь ты победить меня и силою?» Произнеся сии слова, сопротивляется он мне, исторгает себя из рук моих, извлекает нож свой и на сердце мое его подъемлет. Я ему не противился нимало, но Рувим притек и удержал руку брата моего.

В тот час все они меня окружили и я внимал им, судящим о моей судьбине. Ярость Симеона не могла ничем быти укрощенна. Он разорвал венец, надетый

на меня Селимою, и, не допуская умоляти себя, повлек меня и вкинул в ров безводный.

Солнце достигало до среды своего течения, и братия мои радовались тогда, когда я почти бездыханен лежал на знойном камне и ожидал смерти. Вдруг является Симеон на бреге рва того, повелевает мне изыти из него и подает на помощь свою руку. Хотя та же ярость в очах его горела, но я мнил, что сожаление подвигло его душу.

Я последовал ему, трепеща, до того места, где братия мои были собранны: тамо с удивлением узрел я чужестранцев, считающих им злато. Но скоро, узнав несчастную мою судьбину, обращал я повсюду мои очи искати Рувима, который тогда от них уклонился. Прежде воздыхания мои прервали глас мой; наконец победил я скорбь мою и к сыновьям Иакова обратил сие слово: «Если б взоры, воздыхания и слезы братии могли смягчить сердца ваши, я вас не стал бы упрекати. Сия ли награда мне за дружество мое, которое изъявлял я вам с самого моего младенчества? Я оставил дом отца моего возвратити вас в него; не пашед ни единого в Сихеме, следовал я до сих мест за вами и последовал бы еще далее: я не хотел праздновать брак мой, не окружен будучи моими братьями, не возвратя их к себе горячности; и се мзда моего усердия! Дружество мое к вам лишает меня всего моего счастия!.. Но скажите, правда ль то, что вы имеете ныне жестокосердие похитить меня от родителя, невесты... от братий; ибо не могу я еще того забыти, что имеем мы единого отца! Можете ли вы продати собственную кровь вашу? Или злато в очах ваших большую имеет цену, нежели приятные и священные узы братского дружества?.. Симеон! почто воспрепятствовал тебе Рувим меня умертвити? Но здесь нет уже его, прими паки нож свой, вот грудь моя, мне приятнее умрети, нежели быти рабом и жити удаленным от возлюбленных... Если не смягчаетесь вы моими бедствиями, если, не проливая слез, представляете вы стенания мои, разлуку мою с ближними и ужас рабства моего, то неужели бесчувственны будете вы и к скорби Иакова? Хощете ли вы видети слезы отца своего и во гроб его повергнути?.. Но что?

Или все вы на меня вооруженны?.. Неффалим! дражайший Неффалим, который в веселиях моих брал всегда участие, который от природы кротчайшее имеет свойство, или доволен ты единым слез своих пролитием?.. Симеон! брат мой! (сие единое имя должно тебя смягчити) ты некогда любил меня; я тебя не ненавижу и после твоего ко мне злодейства. Предупреди раскаяние, которое терзати будет твою душу, возврати мне свободу, и я все забыти обещаю; ни отец мой, ни самая Селима не исторгнут от меня сего несчастного таинства; я отру слезы мои, объиму тебя, мы возвратимся в дом наш, и взаимное наше дружество усладит старость Иакова и жизнь его продлит».

Сие вещая, простирал я к нему руки, и взоры мои, умоляя его, уверяли о моей к нему горячности. Большая часть моих братий смягченными казались; Неффалим хотел меня защитить; сами чужестранцы, купившие меня, подвигшися на жалость, были нерешимы. Но коль велика сила злата над сердцами! Симеон, уступя несколько цены, преклонил их на свою сторону. Потом, воззрев свирепо на всех моих братий, грозил Неффалиму равною судьбиною со мною. В то же время совлекли с меня ризу, истканную руками Селимы на день моего брака, и надели на меня рабское одеяние.

Тогда, не видя ни малыя надежды: «Несчастная минута, — возопил я, — в которую, чая найти здесь братий, оставил я родителя, в которую сопротивлялся я твоему прошению, о возлюбленная Селима! Ныне был бы уже я твоим супругом, вкушали бы мы счастие оба под сенню единой... Ты всечасно меня ожидаешь, ты, может быть, собираешь цветы на главу мою; предай оные ветрам: ими украшатися я уже не буду...» Потом, обращаяся к моим братиям: «Впоследние, — рек я, — заклинаю вас алтарем, поставленным рукою Авраамлей, гробницами праотцов наших, старостию Иакова, супругами, детьми вашими, всею природою и богом, вами почитаемым, богом всея вселенныя, создавшим нас всех братиями, начертавшим в сердцах наших священные законы братского дружества и взирающим на нас с высоты небесныя... Тщетные моления! Я не о себе вас умоляю. Возвратитесь в дом родительский;

вы не узрите тамо брата, вам ненавистного; да не будет Иаков имети скорби, лишася всех сынов своих... помогайте старости его...»

Неффалим устремляется тогда в мои объятия; мы соединяем наши слезы и рыдание. «Я еще брата обретаю! — рек я ему. — Минута, смешанная с радостию и ужасом!.. Внемли: уже не чти меня в живых и воспомни последнюю волю мою... не проливай более слез. Если тронут ты моим несчастием, клянись не оставить отца моего, буди жезлом его старости, утеши, если можно, скорбь его; да вечно не познает он творцов моея гибели: он не снесет толь страшного удара... Тебе Селиму поручаю... Помоги мне: бремя зол моих меня отягощает... Не остави Вениамина...» Я хотел было еще продолжати слово мое, но Симеон исторгает из рук моих Неффалима, братия мои удаляются, и чужестранцы влекут меня с собою. Казалось мне, что рвут они сердце мое, прерывая вдруг толикие союзы; имя Иакова, Селимы и Вениамина исходили из уст моих; слезы мои текли рекою, я призывал на помощь небо, вопиял жалостно; но скоро померк свет очей моих, колена мои престали мне служити, и я упал на землю. Тогда благословлял я вышнее существо, чая в самый тот час умрети, но горячность сердца моего возвратила мне жизнь мою. Отверзя очи мои, звал я отца моего и Селиму и узрел себя окруженна презрительными мздолюбцами, торгующими человеческою свободою.

Мы отправилися в путь; ни единый вид не поражал моего взора; тщетно старались со мною начати слово; душа моя повержена была во единое чувствие скорби. Погруженный в уныние и не ведая, куда мы идем, приведен я стал наконец к Бутофису, который принял меня в число своих рабов.

Се повесть лютых зол моих. Исполненное печалию сердце мое и не хотящее до сего часу никому поведати свое мучение, хотя сие утешение несчастным едино остается, изъявило пред тобою все свое страдание. Я открыл тебе злодеяния братий моих. Между тем, не сумнюсь я, чтоб ныне раскаянием они сами не терзались; добродетель восприяла конечно в душах их владычество свое... Ты плачешь о бедствиях моих. Коликое

блаженство предвещает мне твоя чувствительность! Ты оживишь скорбную жизнь мою и возвратишь веселие в дом отца моего».

Иосиф умолкает. Приятное действие, произведенное в нежном сердце тишиною после сладостного пения, есть то самое чувствие, которое Далуку исполняет; она предается нежнейшему сожалению; слезы ее, неприметно ей самой, лиются из очей ее; все, кажется, сокрылось от ее взору, она не видит уже и самого Иосифа. Наконец, вышед из сего глубокого уныния, восстает она, обещает юному рабу скончати бедствия, толь неправедно его терзающие, и шествует к своим чертогам. Успокоенный ею, Иосиф отирает свои слезы и в сень возвращается.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Далука, возвратившаяся в свои чертоги, успокоиться хотела, но образ Иосифа, не исходящий из ее мыслей, отгонял сон от очей ее: казалось ей, что, будучи еще в сени несчастного, устремляя на него взор и пленяя слух свой приятным его гласом, внимала она прежалостнейшей повести; она чаяла еще зрети текущие слезы Иосифовы: тогда, не могши сама от слез удержаться, находила удовольствие проливати оные, воображая, что с ним купно она плачет. Но едва воспоминает ту часть его повествования, которая изображает толь живо нежнейшую любовь его, уже слезы ее остановляются, смертный яд терзати ее начинает, прелестная скрывается мечта, она обретает себя едину и страшится вопросити смущенную свою душу.

«Кое смятение, — рекла она потом, — кое невольное смятение объемлет мое сердце? Возмущенная истинным о нем сожалением, хотела я познати несчастия Иосифовы; мне бедствия его казалися моими; он исполнил мое желание; я могу оные окончить: наутрие будет он свободен, я возвращу его... Кому?.. Объятиям Селимы?» От сея единой мысли она вострепетала.

«Несчастная! — рекла потом. — Так истинно сие, ты любишь! Се тот самый смертный, о коем, не зная его,

воздыхало твое сердце, коего требовала ты от всея природы и коего отсутствие вселяло в тебя отвращение ко всем прочим веселиям... О, коль судьба моя несчастна! Я уклоняюсь от торжеств ненавистного мне брака и прихожу в сии места спокойствия искати; надеялась я, приемля участие в тишине сего уединенного жилища, обрести более здесь владычества над моим сердцем; но в сем самом жилище спокойству моему встречаются новые препятствия, и я пылаю огнем, противным долгу моему!.. Сколь позорно сие признание! Ты, которая отвергла любовь целого двора, забыв ныне гордость твоея природы, ты унижаешь себя воздыхати о рабе своем. Но что вещаю я? Иосиф в рабстве ли родился? Если он, как я себя ласкала, не рожден от бессмертных, то не достоин ли он родитися от них? Предки его были мирные цари, окруженные детьми и стадами своими. Если боги и привели его в неволю, то, может быть, сие для того сотворили, чтоб привести его в мои объятия; но хотя бы он простый токмо был раб, кое увенчанное чело более приятностей имеет? Кто подобен ему, кто может соединити в себе толико благородства с толикою простотою?.. Куда ведет тебя твое безумие? Иль ты уже забыла, что сердце твое не в твоей более власти, что ты навеки отдала его другому, что честь и добродетель велят сей огнь тебе тушити? Но что! Или пламень сей не может быти невинен? Или тот уже преступник, чье сердце любовь ощущает? Строгие законы брака воспретят ли мне имети удовольствие видети и утешати несчастного, внимати из непорочных уст его повествованию несчастной его жизни, преклоняти слух мой ко гласу его лиры, слезы мои соединять с его слезами, с ним купно воздыхати, вещати ему о любви моей, прияти уверение о нежности его... Ах! что рекла ты? Или забыла уже то, что он другую обожает? Тот, коего чтила я нечувствительным, сколь нежно признавался предо мною в любви своей! Но ведает ли он, что я его люблю? Дерзает ли он и помыслити о сем? Не мне ли должно победити робость его, и могу ли я единую минуту в том усумниться, чтоб он не жертвовал мне своей Селимой!» Таковы были смятенные чувствования, коими терзалася Далука.

Пришед в сень свою, Иосиф отер слезы свои, кои чаял впоследние проливати о несчастии своем. Он заснул, ласкаяя себя приятнейшею надеждою, и от начала его рабства сей был первый раз, в который сон затворил спокойно его очи: уже лестные видения приводили его в объятия родителя и возлюбленной. Среди сих радостных изображений он пробуждается и выходит из сени своея.

Солнце восходило позади черныя кедровыя рощи и оную, казалося, златом лучей своих зажещи. Вся роща, небесным огнем оживленная, дышала благоуханием, которое зефиры по полям разносили, а из среди сего убежища слышно было приятное птиц пение, исходящее как бы с того краю горизонта, где дневное рождается светило. Сие прелестное и величественное зрелище пленяет сердце Иосифово; он устремляет на оное взор свой и в то же время обоняет умащенный воздух и пению внимает. Как некто, мнящи свобождатися от долговременныя и жестокия болезни, чает видети всю природу с собой оживляющуюся, предается тем видам, на кои долго взирал он нечувственным оком, и, между тем, не ведает того, что наслаждается он единым только блеском здравия, — тако Иосиф предается тем чувствованиям, для коих душа его долгое время была затворенна. «О солнце! — возопил он с восхищением. — Ты, кое освещаешь последний день моего пленения, я могу на первые лучи твои ясным воззрети оком; я могу, не проливая слез, зрети тамо твое сияние, где ближние мои собранны. Приятная Аврора! ты не явишься более, не внемля моим песням!»

Между тем, день сей почти уже протек, и нетерпеливый Иосиф в пустынной своей сени ожидал еще того, что придут разрешити его оковы; хотя нощь распростерла уже свои мрачные завесы, но он, казалось, хощет еще продолжити день тот, который чтил он днем своей свободы. Он не прежде удалился, как самая глубокая темнота на земли воцарилась. Наутрие томлен он был равным ожиданием. Множество протекло дней, а он еще рабом остается. Наконец исчезает его надежда, погасает в сердце его радость, и мрачная тоска объемлет паки его душу; но поступок Далуки казался

ему дивен. «Увы! — вещает он. — Так и самые слезы суть обманчивы, залог чувствительныя души к нашему бедствию!»

Далука, не возмогши укротити жестокую страсть свою, испытывала силу отсутствия. Не может она оставить своего сельского жилища, но, заключа себя в чертоги и сада свои, убегает она тех мест, где могла бы встретиться с юным невольником. Тщетные старания! Сей приятный образ последовал за нею и в самое дальнейшее уединение. Зефиры, на листвиях играя, производят ли тем приятность ее слуху, — она чает слышати прелестный глас Иосифа. Если во время нощныя тишины соловей жалостно вспевает или источник с томным протекает журчанием, то кажется ей, что жалобы и воздыхания Иосифа слух ее пронзают; тогда упрекает она себя в том, что, вместо прекращения толиких бедств, она их умножает и новые слезы ему приключает. Часто, не ведая сама, идет она к Иосифовой сени, но, вдруг в себя пришед, возвращается оттоле. В единый вечер, достигнув до самыя тоя рощи, восхотела она бежати сего места, но вдруг непобедимою силою тамо удержана стала; душа ее, как бы исчерпанная многими колебаниями страстей, силе любви уступает. Трепещущими стопами приближается она к уединенной сени; луна освещала робкое ее хождение. «Богиня! — возопила она, устремя взор на сие светило. — Несмотря на бледный огнь свой, непорочна и свирепа, не могла и ты от любви защититься; ты сошла с небес, и пастырь привлек тебя ощутить все ее приятности. Я, равно как и ты, мое величество слагаю и простого люблю пастыря. Способствуй моим желаниям: ты оными сама исполнена была; сотвори, да не будет мой нечувствен любовник».

В самое то время приближилась она к сени; несмотря на природную гордыню сердца своего, трепещет она в присутствии невольника. Внезапное ее пришествие удивляет Иосифа. «Конечно, — рек он ей, — приходишь ты ко мне возвестити мою свободу. Прости моим подозрениям: я чтил себя забвенным тобою».

Далука молчит единую минуту, воздыхает. «Сколь далеко от сего, чтоб я тебя забыла! — вещает она. —

Несчастия твои не исходили из моей памяти... Но, — рекла она, запинаяся и потупя свои очи, — или не можно скончать твои бедствия без того, чтоб не имети нам, лишась тебя, печали? Ты сам забудешь ли нас без всякого сожаления? Ты имеешь здесь друзей; иль хощешь ты уже навеки их оставить?.. Есть, может быть, сильнейшие узы, нежели родство: они могут усладить и жесточайшую неволю... Когда же ничто удержать тебя не может, то неужели не страшишься ты сетей, поставляемых тебе вероломными братиями? Или мнишь ты, что они, видя торжествующего тебя над их злобою, не помыслят на жизнь твою? Они прольют кровь твою... Трепещу от сей единой мысли... и я сама, дав тебе свободу, предам тебя их лютости. Но хотя ты от нее и можешь избежати, то я далеко буду от тебя, не услышу о твоей судьбине, и возмущенная душа моя представлять себе будет завсегда сей кровавый образ...»

«Ничего не устрашайся, — прерывает с горячностию Иосиф, — я уже рек тебе, раскаяние живет в сердцах моих братий; слезы и отчаяние Иакова, Селимы и Вениамина и самое братское дружество, в душе их обновленное, — словом, все возвратило мне мою братию. Но хотя бы я в них обрел мою погибель, я пылаю желанием видети отца моего и возлюбленную. К чему продолжати мне без них несчастную жизнь мою? Обняв их, умру, если то необходимо, и умру с меньшим сожалением. Но нет! Братия мои согласятся на мое блаженство. Не медли оным, и милости твои из памяти моей не будут истребленны; никогда солнце не достигнет до конца своего течения прежде, нежели воспою оные в песнях моих; после творца всея природы, ты первая получишь праведную дань моея благодарности; и отец мой и Селима, исполненные равно со мною твоим благодеянием, гласы свои с моим соединят».

«Селима!.. — рекла разгневанная Далука. — Селима!..» Потом, смягча свой голос: «Так ты пылаешь токмо ею?.. А если ты здесь найдешь другую Селиму?..»

«Кто возьмет ее место? — рек Иосиф. — Которая из смертных?..»

«Ты зришь ее пред собою, — прерывает Далука. — Сие слово неволею излетело из уст моих... Престань дивитися... К чему тебе вещати, что я тебя люблю? Взоры мои, воздыхания, страх, слезы не могли ли о том поведати тебе? Я не стараюся восхвалити тебе твою победу, но я презрела любовь множества вельможей знатнейших и без тебя не знала бы сей страсти: от гордости ль единой или оттого, что сердце мое себя предоставило тебе, было оно нечувственно доныне. Привлеченная неволею к алтарю, клялась я о том, что, не могши любити моего супруга, ни един смертный душою моею владети не будет. Тщетные клятвы! С тех пор как я тебя узрела, ты владеешь ею, и я живу тобою. Почто боги не привлекли меня сюда прежде моего брака? Не внимала б я тогда ни знатности рода, сей сильной гордыне, ни корысти, ни родительскому честолюбию; тебе вручила бы я сердце мое, последовала бы я повсюду за тобою. Но не смотри на сии узы, неволею заключенные, ты один владеешь моим сердцем; я могла испросити у супруга моего, чтоб, довольствуясь единым привлечением меня ко алтарю, не смущал он моего уединения. Еще ли хощешь ты шествовать отсюда? Еще ли меня оставити ты хощешь? Предпочтишь ли ты мне вероломных братий, и любовь моя не превышает ли горячности твоего родителя? Что вещать мне о Селиме? Может ли она тебя любить так, как я тебя люблю? Избирай свою судьбину. Хощешь ли ты, чтоб знатность моя поставила тебя на единую чреду со мною? О, коль приятно мне будет соделати твое счастие! Доволен будучи единою любовию, хощешь ли ты остатися рабом? Я сниду до тебя; величество, о коем я прежде ревновала, будет тебе на жертву принесенно, сень, где ты толикие проливал слезы, превратится в жилище твоего благополучия: она будет моею храминою и единою свидетельницею нашея нежности». Произнося сии слова, устремила она пламенный взор свой на Иосифа. Все казалося с ее желанием согласно: приятный свет луны, освещая ее прелести, умножал красоту ее; движимая тень листвия то скрывала, то открывала прекрасную грудь ее, поднимающуюся от нежных воздыханий; любовь, в коей она открылась, еще в очах ее являлась.

Вся роща и цветы, украшающие сень, дышали ароматами, и соловей сладким своим пением к любви лесных жителей и смертных казался призывати.

Младый невольник, чрезмерным объят удивлением, молчал долгое время. Далука заключала из сего нечто, пламени своему полезное; взоры ее оттого прелестнее становились; она чаяла, что воздыхание победу ее кончит, но он с кротостию ей отвещает: «Ты, конечно, не требуешь того, чтоб скрыл я от тебя мои чувствования, и язык мой на лесть не может преклонитися. Не могу я ответствовать твоей нежности. Великий боже! я стал бы неверен добродетели, возле алтаря, тебе посвященного! О праотцы мои! О родитель мой! я вас стал бы недостоин! А ты, возлюбленная Селима! я изменил бы клятве моей на том месте, на коем вседневно о тебе слезы проливаю и которою изображает мне твой образ и брачную сень мою! Но ты, прости дерзновению моему, ты сама не соединенна ли с супругом? Я верен союзу любви, но брачные узы еще ль и оного не священнее? Когда таковой приятный союз уже заключен единожды, то можно ль иметь другие еще желания? Соединение двух сердец, сие толь вольное соединение, неужели здесь принужденно, и день, видящи рождение оного, неужели видети будет и разрушение его! Если страна сия и таковые имеет нравы, то я не изменю долгу Селиме и господину моему. Раб и всего лишенный, сохраняю я еще добродетель, единое оставшееся мне сокровище; но ты почтишь ее сама: если то правда, что некоторую ко мне ты нежность ощущаешь, то сей самой нежностию тебя заклинаю; если жив еще отец твой или уже во гробе заключен, воспоминание его любезно сердцу твоему, то заклинаю я тебя именем его скончать мои бедствия и возвратити сына своему родителю».

Сие ему вещающу, изображенная в очах Далукиных любовь в стыд и ярость пременялась; черты ее лица изменялись постепенно; пленяющая усмешка от уст ее скрывалась; то потупляла свои очи, то воспламененные гневом взоры на нечувствительного невольника бросала; и как страшный гром прерывает вдруг в лесу приятное птиц пение, так после сладкого Иоси-

фова гласа сей страшный слышен глас: «Неблагодарный! раб презренный! ты недостоин счастия, мною тебе предложенного. Сердце твое толико низко, колико подло твое состояние. Люби свою Селиму. Она едина может содеяти твое счастие; тщетно ты о ней воздыхати будешь: ты в рабстве состареешься, и очи твои не узрят ее вечно». В то время выходит она из сени во гневе прелютейшем. Иосиф остается безгласен и трепетен, и последние слова ее поражают еще слух его. Обремененный сим нечаянным ударом, возвращается он в жилище свое косными стопами.

Между тем, предается Далука ревнивой своей ярости. Как огненная нощию комета носится по неизмеримому небес пространству и пламенный хвост ее, робких устрашая поселян, летает вдали по темному своду, так Далука оком, блестящим от мрачного огня, возжженного любовию и злобою, оставя ветрам растрепанные власы свои, среди нощныя темноты смятенные стопы к садам своим направляет. Вдруг она остановляется. «О стыд! О унижение! — вопиет она. — Мне ли презрение терпети, презрение от раба моего! Или забыла я гордость моего пола, собственную мою гордость, сан мой, долг мой для того, чтобы слышати ненавистное имя Селимы! Предпочтить мне поселянку и мне самой о том вещати!.. Потушим любовь недостойную, восприимем прежнюю гордость мою, оставим места, покою моему вредные... Ты хощешь восприяти гордость, и себя уничижаешь! Куда ты пойдеши? Нося еще в сердце зрак раба своего, предстанешь ли ты супругу своему? Не все ли узрят стыд на челе твоем? Те, коих ты нежность отвергла, не посмеются ли твоему бесславию?.. Но что мне в оном: после испытанного мною бесчестия чего мне более страшиться? Бежим, лишь бы очи мои не зрели более неблагодарного, все места для меня равны. Пусть останется он с пастырями, пусть он стенает тамо, пусть горькие проливает слезы... Слезы! Увы! Он станет меня благополучнее; он над мучением моим торжествовати будет; избавясь от ужаса видети меня перед собою, не устрашится он того, чтоб я пришла возмутить его уединение; он туда каждый вечер приходити станет; тамо, представляя свою Селиму,

он будет посылати ей те воздыхания, кои мне давати он отрекся!.. Разрушим ту сень, которая ей от него посвященна и где зрела я себя уничиженну; повергнем алтарь, призванный им на оправдание своего ко мне презрения; слабо сие отмщение, но сердце его тронет, и, может быть, научен он будет страшитися той, которую презирает».

Рекла и к исполнению своего намерения устремляется. Луна преносила в другую половину круга приятное лучей своих сияние, и глубочайшая темнота поля покрывала; тишина воцарилася в лесах, в полях, в долинах; лютейшие звери, устав страшный испускати рев, спали в своих пещерах; противящийся сну, победителю всей природы, единый в роще соловей начал сам к нему склонятися, и пение его, постепенно ослабевающее, уже более слышимо не было. Далука одна, смущенна, разгневанна, повелевает сень Иосифову разрушить. Повелениям ее повинуются. Ходящая во мраке, слышит она с радостию стук, от сечения секирами раздающийся и эхом повторяемый. Под частыми ударами два пальмовых древа потряслися, скрипнули и с страшным упали шумом; трепещущая земля от того восстенала; птицы, свившие гнезда свои под сей мирною тению, питавшиеся от руки несчастного юноши, веселящиеся в его жилище и хотевшие облегчити его страдание, испустив скорбный глас свой, отлетают. Далука среди ярости своей некое ощущает веселие; но Иосиф, которого сон начинал замыкать слабые очи и коего слезы не были еще осушенны, пробуждается во ужасе. Тако во граде, долговременною осадою в крайность приведенном, когда несчастные граждане, предавшися покою, забывают наконец свои бедствия, — вдруг подземною осадою подрытая, упадает башня; весь град, от глубочайшего своего основания до самыя высоты валов своих, престрашно потрясается, и когда враги внемлют ужасному смятению с восторгом варварския радости, — тогда гражданин пробуждается с трепетом и неминуемую свою зрит гибель пред очами.

Приятная Аврора, украсившаяся розами, испускающими благоухание свое по всей поверхности земли, начала являться на востоке, когда Далука, от ярости

трепеща, уклоняется от сельских своих чертогов и стыд свой в стенах Мемфиса сокрыти отходит.

Иосиф слышит с удовольствием об ее отшествии. Ввечеру упреждает он час, в который прежде ходил он во свое уединение. Он в несчастии своем чает по крайней мере свободно размышляти о Селиме и посвящаемые ей минуты провести, не смущаяся от ревности соперницы ее.

Исполненный сими мыслями, достигает он до своего убежища. Кое удивление и скорбь объемлют его душу, когда узрел он поверженный алтарь, разрушенную сень и украшающие оную цветы, рассыпанные по дерну! Как вечером жаждущий успокоения земледелец ведет тихо в дом свой волов со плугом обращенным и представляет себе радость встречающей себя жены своей и ласку нежную детей своих, но вдруг громовая стрела свергается с небес, он зрит дом свой, пламенем объятый, слышит умирающие гласы жены и детей своих, бледнеет, ужасается, неподвижим пребывает, — тако Иосиф долгое время устремляет свои очи на зрелище сие. Он бросается потом на сии остатки, объемлет оные и, орошая слезами: «Возлюбленная сень! — вопиет он. — Ты, которую посвятил я нежнейшим воспоминаниям, нет, не вихри разрушили тебя; небеса не лишили бы меня единого утешения, коим в сих местах дух мой наслаждался; здесь познаю я удар раздраженныя соперницы». Рек он и долгое время над сокрушенною сению слезы проливает.

Между тем, добродетели Иосифовы, соделываемые им прежде сего под тению рощи, подобно парам благоуханным, кои, восходя с полей, не мешаются с нечистым градским воздухом, разве вихрем туда бывают заносимы, — сии кроткие и мирные добродетели становятся знаемы в Мемфисе и достигают до самого Пентефрия. Сей великодушный и человеколюбивый вельможа хощет разрешить оковы добродетельного невольника и в чертоги свои его призывает. Иосиф от сего веления в глубокую повергается печаль. Не оставя еще пастырских хижин, возвращается он в пустынное свое жилище. Тамо, устремя очи свои на место своего уединения: «Прости, — рек он, — прости, алтарь, толиками

слезами орошенный, прости, возлюбленная сень, коей и остатки еще мне драгоценны. Исторгают меня от сих мест, прежде нежели возмог паки восставити тебя. Я чаял расстатися с тобою токмо для того, чтобы видети дом отца моего, а ныне в средину града иду второе терпети рабство. Может, поставят мне тамо новые сети, и добродетель моя... пребудет вечно та же. Возлюбленная Селима! клянуся на сих остатках алтаря и сени, клянуся быти вечно тебе верен!»

Произнеся сии слова, взирает он еще на места сии слезящимися очами; ноги его не хотят служити ему, удаляющемуся от сего жилища. Наконец он отходит, и кажется ему, что в другой раз отторгают его от отца и Селимы. После сего прощается он с друзьями своими, объемлет их нежно, обещает приходити иногда к ним, утешатися их беседою; приятные слезы дружества текут из всех очей. Он восприял путь свой к Мемфису тихими стопами.

Отсутствие, соединенное с силою добродетели, которая, в первый раз еще поколебавшись, с большею восстает крепостию, начало исцеляти сердце Далуки, подобное юному пальмовому древу, которое, уступив ветрам и коснувся земле горделивым своим верхом, вдруг восстановляется, ожесточает против их пень и ветвия свои, устремляет глубже корень свой в землю и, возгордясь сим первым успехом, самого Борея презирает. Всеедневно старалася она от любви своей исходатайствовати отшествие несчастного Иосифа. Предприяв наконец сие великодушное намерение, побеждала уже она последние свои воздыхания, как вдруг Иосиф ее очам явился. Сим видом возмутилася душа ее; не смеет она воззрети ни на супруга своего, ни на юного раба, который, с своей стороны, не может также видети ее без смущения. Пентефрий долгое время взирает на Иосифа. «Сколь много судьбина погрешила, — рек он, — подвергнув тебя бремени рабства! Не ведая сего, брал я сам участие в ее неправосудии; живи со мною, я хощу наградить твое терпение и одарити тебя благодеяниями». По сих словах хотел Иосиф изъяснити свою благодарность, но кроме воздыхания ничего

не мог произнести; терзающееся сердце Далуки с ним купно воздохнуло.

Любовь восприяла в нем все свое владычество. Вседневно зрит она Иосифа, в единых с ним живет чертогах; не смеет с ним промолвить, но взоры ее непрестанно на нем остановляются; пресчастлива тогда, когда встречает его очи! Трепещет она от единыя мысли лишитися сея слабыя отрады; не сражаясь более с той страстью, которую она победить была уже готова, уступает она всем ее прелестям и кроме любви ничего не ощущает. Иногда ласкает себя тем, что Иосиф, удаленный от того жилища, где все воспоминало ему Селиму и дом родительский, слабо станет ей сопротивляться. В сем ложном мнении тем паче она себя утверждала, что сам он, тронутый несчастием любви, обращал иногда к ней жалостные взоры; сие изображение чистосердечного сожаления принимала она за действие рождающейся страсти. Ходя в саду близ своих чертогов, воображает она нежные его взоры, сие единое любви своей возмездие, питающее в сердце ее огнь, коим она была снедаема.

Иосиф, негодуя быти стенами окруженный и желая бежати смятения, шествовал в сей великолепный сад и тамо не обрел природы. Вместо сих цветов, искусством учрежденных, очи его хотели зрети зеленый луг, на коем из среды богатого дерна восстает как бы лес цветов прекрасных, среди коих веселится взор наш и которых прельщающий очи блеск укрощен основанием приятныя зелени. Узрев древеса, коим определено то расстояние, куда ветви свои дерзают они распростерти, удивленный Иосиф остановляется. «Увы! — рек он. — Человек не един покорен человеку, и вы также рабства моего участники. Где вы, блаженные кедры, предложившие мне во убежище вольную сень свою, под которою я свободою наслаждался?» Предався таковому размышлению, узрел он быстрые водные токи, кои, исторгаясь из недр земных, бьют в воздух с шумом, высочайший лес превышают и пенящимися верхами своими кажутся поражати свод небесный. Паче удивлен, нежели тронут сим зрелищем, воздыхает он о источнике простом, следующем естественной своей

преклонности, истекающем из зеленыя рощи, светящемся в долинах и несущем с приятным журчанием свои ясные и хладные воды.

Светило дневное достигло до средипы своего течения, и воздух и земля казались от лучей его зажженны. Далука удалилась в миртовую рощу, как бы нарочно любви посвященную. Ковер из мягкого и душистого дерна устилал землю. В самом конце рощи видна была Венера в объятиях Марса: хладный мармор изображал весь жар их страстного восторга; слыша листвия, тихо помавающие, слыша прерывающееся течение источника, мнится, слышати воздыхание и приятное трепетание сих бессмертных; мирт пустил внити туда свет нежнейший света лунного; прелестное дыхание зефиров казалось дыханием любви, и птицы, привлеченные в сие убежище, услаждали тамо свое пение.

Изнеможенная любовию, лежала Далука возле сего образа и на оный алчный взор свой устремила; воздохнув из глубины сердца: «Богиня! — рекла она слабым и трепещущим гласом. — О, коль блаженна ты, имея возлюбленного в своих объятиях; а я едина воздыхаю, и мое собственное желание мое сердце ставит преступлением... Но ты тщетное терзание совести истребляешь. Я могу быти равно тебе благополучна. Богиня! внемли молению моему: ты родила во мне огнь, показуя мне образ сего нечувственного смертного; если б ты мне и сама не повелела, я и без того любила бы его; но прежде, нежели я его узрела, ты сей жестокий яд излила в сердце мое; ты, конечно, сама скорбела о моем мучении, и, без сомнения, смягчила ты гордейливейшую душу; коликую страсть должна ты в него вселити, наказуя холодность его сердца! Скончай победу над сим суровством, толь долго супротивляющимся».

Едва изрекла она сии слова, уже Иосиф, уклоняющийся от солнечного жара, приближается к той роще. Взирая на сии места, предается он сладкому унынию, и воздохнуло его сердце. «Венера! молитва моя услышана тобою, — рекла Далука, — ты сама ведешь его ко мне».

Приступив к ней, поражен он стал удивлением. Лежащая на дерне, где черные власы ее по цветам развевались, возвела она на Иосифа взор свой, в коем царствовало то восхищение пламенной души, то сладострастное изнеможение. Она была тогда прекраснее всех дней: любовь оживляла увядший ею цвет ее лица; воздыхания, подъемля прекрасную грудь ее, отверзали ее и, умирая на румяных устах ее, восприяти себя призывали; все прочие прелести покровенны были легким флером, который зефиры, играя, возвевали; тако дыхание их открывает сокровенную красу рождающейся розы, тако изображается Наяда,[1] одеянная во единый кристалл колеблющихся вод.

Несмотря на толикие прелести, Далука не смеет еще ласкати себя, чтоб оные одни торжествовали. Она указует Иосифу Венеру, с Марсом нежно соединенную. «Воззри на сие зрелище, — рекла она, — се боги предстоят очам нашим; они любят друг друга, любовь составляет их главное блаженство; мы можем вознестися до их счастия, подражая сим восторгам... Приди...» Вещая сие, отверзает ему свои объятия, и вся любовь, владеющая ее сердцем, входит в ее взоры.

Иосиф взирает то на жену Пентефриеву, то на мармор, нежностию дышащий, то на сии волшебные места. Толикими сетьми окружает его роскошь! Полдневный зной вселял в душу приятное изнеможение; птицы, под тень сию уклонившиеся, предаваяся любви, прерывали свои песни; мирты, казалось, веселие их ощущали и листвия свои тише помавали; зефиры остановили свое непостоянство, и цветы от ласки их уже не отрывались; в сей общей тишине единый язык сердца был внимаем. Иосиф чувствует себя остановленна в сем жилище, очи его смягчаются; Далука торжествует; но вдруг непорочность и образ Селимы обновился в сердце сына Иаковля; он, свирепым воззрев на нее оком, стремится бежати от сетей толиких. Она хощет удержати его за ризу, но он утекает, и риза его осталася в руках жены Пентефриевой.

---

[1] Наяда — нимфа, в реке обитающая. *(Прим. Фонвизина.)*

Смущенна, неподвижна, долгое время в молчании пребывает. Внезапу мрачная ярость возгорелась в очах ее и воскипела в ее груди, колеблющейся прежде от любовных воздыханий. «Венера! — возопила она страшным гласом. — Ты зриши: пред образом твоим прияла я сие поношение. Отмсти меня, казни неблагодарного... Но я накажу его сама: он умрет, я пролию токмо кровь рабскую».

Иосиф, бежащий от сих мест, встречается с Пентефрием. Он упадает к ногам его и, объемля колена его, рек ему: «Если б не имел я тесного союза, не могущего сердцем моим разрешитися, то все бы желания мои ограничены были только тем, чтоб до конца жизни моея служити толь добродетельному мужу. Но я имею отца, и юная Селима владеет моим сердцем; в день брака моего я продан был моими братиями. Сжалься над бедствием моим, над юностию моею, над старостию Иакова, над слезами Селимы: возврати меня дому родительскому; отец мой даст тебе цену моего искупления; а если отречешься ты исполнить мое моление, то хотя повели мне возвратитися к твоим пастырям: странно мне жилище градское; я на сих полях обрящу единое блаженство, коим наслаждаться я могу, удаленный от Селимы и родителя».

Нежное человечество составляло свойство души Пентефриевой. Подвигнутый прошением и слезами Иосифа: «Возможно ли, — вещает он ему, — чтоб, думая наградити твои заслуги, извлекши тебя из низкого состояния, усугубил я тем твое мучение! Неволею я лишаюся тебя; но, блажен соделоваяй счастие твое и ближних твоих, возвращаю я тебя в дом, где все то соединенно, что тебе любезно. Ты раздражаешь меня, предлагая мне свое искупление, или не чаешь ты во мне способности к действию бескорыстному, или собственные твои заслуги не свобождают еще тебя от рабства? Кое злато сравнится с тою ценою, которую платили мне твои добродетели? Возьми единого от верблюдов моих, иди объяти отца твоего, иди отерти слезы Селимы. О, коль блажен Иосиф! Ты нежно любим будешь!»

Сим словом пришел Иосиф в восхищение; отверстые уста его не могут изобразити множество тех чувствований, коими сердце его было отягченно: он устремил очи на своего благодетеля, и слезы, текущие по ланитам его, были единым изречением его благодарности. Пентефрий простирает к нему руку, восставляет его и, прешед расстояние, поставленное гордынею между рабом и господином, отверзает ему свои объятия. Иосиф в оные стремится и не может с ним проститися иначе, как прерывающимся гласом.

Далука, лежащая еще под миртами, помышляла об отмщении, когда вошел к ней супруг ее. «Ты зришь еще слезы мои, — рек он ей, приближаяся. — Иосиф свободен, я с ним уже простился; в сию минуту он от нас отходит и в дом отца своего возвращается... Но отчего гневом воспаленны твои очи? Какое смятение объяло твою душу?.. Чья сия одежда? Я познаю ризу Иосифову...»

Душа Далуки терзалась огорчением и яростию недолго, но тем сильняе восколеблясь, победила ее злоба. Принужденная к собственному своему обвинению или к возведению на Иосифа ненавистного злодеяния, раздраженная, зря его мести ее избегающа, ярость исторгает сии слова из глубины ее сердца: «Иосиф! Неблагодарный! Дерзновенный! Он торжествует, он удаляется, отмсти мою обиду... Сия риза и бегство его не довольно ли тебе все наглости его являют?»

Пентефрий от удивления и гнева стал неподвижим. Способен воскипети вдруг ревностию, обожал он супругу; которая, не отвещая его страсти, была до сего непорочна и брачные узы чтити казалась. Воображает он бегущего Иосифа, бледна, тороплива. «Великий боже! — возопил он. — Толико притворства возможет ли внити в человека! Когда проливал я слезы о вымышленной бедств его повести, когда похвалил я его непорочность, когда я обнимал его, сей вероломный!.. Сей подлый раб!.. Но я клянуся тем, что есть всего священнее на свете, клянусь не попустити зла сего без отмщения!» В самое то время стремится он в свои чертоги и, познав путь Иосифа, послал воинов гнати за ним вслед.

Иосиф отшествием своим не медлил. Сидя на

верблюде, приближался он к полям с поспешностию и бежал с веселием жилища, толь шумного, коль несчастного. Он противополагал ему приятности мирного обиталища, где жизнь свою вести будет неразлучно с отцом и супругою и где всё, даже до самого раскаяния братии его, поможет ему непорочность сохранити. Он твердо предприял не приносити им ни единыя жалобы и не поведати вечно ни Селиме, ни Иакову истинной повести своего несчастия. Когда, предався приятному таковых мыслей течению, чает он каждою стопою приближатися ко своему блаженству, вдруг пришли ему на мысль други его, оставленные в пастырских Пентефриевых хижинах; прежде отшествия своего хощет он обняти их, поведати им о своем счастии и воззрети еще на жилище своего пленения: есть некие узы, привлекающие чувствительных людей к тем местам, где они о бедствии своем слезы проливали.

Не весьма отдаленный от пастырей, шествует он к ним; едва туда вступает, уже все они окружают его и радостные изъявляют восхищения. «О други! — рек он. — Вы зрите меня в последний уже раз, все бедствия мои скончались. Пентефрий, добросердечнейший вельможа, пролил слезы о моем несчастии, отверз мне свои объятия, я ощутил нежное человечество, в трепет сердце мое приведшее; он возвестил мне мою свободу. Сколь ни истинна радость моя, но я оставлю вас не без сожаления. Дружба, добродетель и несчастие суть священные узы, нас соединившие. Я отхожу и вас в рабстве оставляю! Но я ласкаю себя тем, что ваши оковы не будут вечны. Продолжайте посвящати труды ваши господину, жалеющему о судьбе несчастных и знающему награждати добродетель». По сих словах прежде скорбь на челах их изобразилась, но скоро потом, забыв себя сами, приемлют они участие в удовольствии Иосифовом; слезы их остановляются, они радуются, объемлют его, но он всех доле в объятиях Итобала остается.

Во время нежного их разлучения приближается к ним множество людей вооруженных, коих свирепый взор возвещает жестокое веление. Они окружили пастырей, и единый из них обращься ко Иосифу: «Раб,

недостойный милости господина своего! — рек ему страшным гласом. — Обратися в ничтожество; Пентефрий повелевает тебе последовати нам во мрачнейшую темницу». Рек он, и все радостные и нежные восхищения пресеклись; Иосиф, как бы громовою стрелою пораженный, падает в руки пастырей, с ним равно возмущенных; сладкое веселие исчезает в очах его, и румянец лица его переменился вдруг в смертную бледность. Тако юный герой, отходя с места сражения, на коем явил храбрость свою, приемлется у врат градских с восторгом, как среди нежного объятия сограждан и ближних сокрытый за рощею враг поражает его смертным ударом; он падает на землю, дерзость победы гаснет в умирающих очах его, кровь течет по лаврам, увенчавающим чело его, и сплетенные руки, радость и нежность прежде изъявляющие, вместо единыя подпоры ему служат.

Пришед в себя, Иосиф: «Что слышу я! — рек он слабым гласом. — Сие веление, исторгающее меня вдруг от счастия... Слезы ваши утверждают оное... О други! престаньте смягчатися судьбиною моею... Без сомнения, ужасно... Но сердце мое создано к бедствию... Простите... Чаял ли я тако проститися с вами!..» Воздыхания прерывают глас его.

Пастыри, пришед в себя от первого удивления, обращают на него взор свой, как бы для познания из очей его, истинно ль он обвиняем, но невинность и добродетель, являющиеся на всех чертах лица его, разгнали те подозрения, кои могли произвести Пентефриевы милости. Тогда стенания свои соединяют они с воздыханиями друга своего. Прежде восхотели они удержать его силою: Итобал, паче прочих, невзирая на моления Иосифа, отличал себя своею дерзостию; но вся сила их стала бесполезна, и когда изъявляли они отчаяние, соединяя роптания свои с гласом скорби своея, тогда множество вооруженных исторгают из рук их несчастного и влекут его за собою.

Прежде напечатания сей книги многие люди, имеющие вкус, прочитав сию третию песнь, учинили мне такое возражение, на которое ответствовать я за должность почитаю. При-

зывание Луны, говорили они, и образ Венеры с Марсом украшают твои картины, но надлежит оное переменить, ибо сии боги у египтян не были известны. Я готов был с ними согласиться. Между тем, читал я Геродота, и на каждом листе вторыя книги нашел я то, чем оправдать могу мои вымыслы. Я не намерен внести сюда кроме малого числа таковых мест.

«Первые египтяне нашли имена двунадесяти богов, и греки оные имеют от египтян; они первые воздвигали богам алтари, делали их кумиры, строили им храмы».

«Почти все имена богов пришли в Грецию из Египта. Я нашел сию истину тогда, когда осведомлялся о том, правду ли иные говорят, что оные пришли к нам от варваров».

«В Протеевом храме был жертвенник Венеры».

«Египтяне имеют оракулы Геркулеса, Аполлона, Дианы, Марса, Юпитера, Латоны».

«В городе Саисе бывают праздники в честь Минервы, в Гелиополе в честь Солнцу, в Папиме в честь Марсу».

Мне можно бы еще на прочие места сослаться. Если имена богов идут от Египта, то можно думать, что большая часть басен от них же происходит: в толь глубокой древности трудно познать прямое их начало. Я не думаю, чтоб захотел кто уничтожать здесь Геродотово свидетельство, ибо в приятном и вымышленном сочинении может и оно иметь довольную важность.

(Прим. Битобе.)

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Иосиф шел посреди воинов в глубоком молчании; угасшие его очи слез не проливали, бледные и трепещущие уста его ни единыя не вещали жалобы, вся скорбь его в сердце углубилась; вопль и стенания пастырей, проницая слух его, умножали паче души его смущение; он к ним обращается и взорами своими изъявляет им свою благодарность. Скоро не слышит он более их вопля и окрест себя зрит единых лютых стражей, вооруженных сверкающими мечами; он испрашивает помощи у острия мечей сих и хощет, чтоб, в грудь его обращенные, свободили они его от сего тяжкого бре-

мени. Тако, стражею окруженный, вошел он в Мемфис. Все очи стали на него обращенны. Юность, кротость, невинность, на лице его светящиеся, и уныние души его смягчают сердца всех зрителей; многие из них слезы проливают.

Между тем, приходит он к темнице, коея мрачные башни подобны были изображающимся при входе в тартар; тамо слышен был такожде звук цепей тяжких, подъемлемых несчастными; темничный страж, коего свирепый взор возвещает быти начальника казней, отверзает двери темницы глубокия. Воззрев на сие страшное жилище, подобное черным пучинам земли сея, вострепетал Иосиф от ужаса; но принужденный туда снити, слышал он затворяющиеся за ним железные врата и узрел потом единого себя среди мрачныя нощи. Почти бездыханен упадает он на бедный одр, очи его затворяются, оледеневшая кровь течет в жилах его тише, и от безмерной его скорби прекратилось несколько лютое его страдание.

Неподвижим, остается он до утрия в таковом состоянии, и вместо сна объемлет его нечувственность смерти. Начав приходити в себя и отверзая слабые очи, зрит он единую страшную темноту, стенает, и стон его, по глубоким сводам жалостнейшим отзывом повторяемый, кажется скорбным гласом и долженствующим умножати ужас несчастного, в сем жилище заключенного. «Великий боже! — рек он наконец. — Не сон ли страшный терзает мою душу, к плачевным мечтаниям издавна приобыкшую?» В то время ослабевшие руки его осязают очи его, одр и стены темницы. «Увы! — продолжает он слово свое прерывающимся гласом. — Бедствия мои въяве совершаются... Когда, чая все мои несчастия скончати, спешил я, исполненный радостию, к родителю и возлюбленной... Се жилище злодеяния!.. И я в нем обитаю!.. Я, бежащи сетей, поставляемых моей непорочности!.. И сей удар идет от тебя, Пентефрий великодушный, от тебя, который прервал мои оковы, который обнял меня искренно и, прощаяся со мною, проливал слезы!.. Неужели оскорбленная любовница привлекла тебя к сему жестокосердию? Но может ли любовь привести к толикой злобе и умерщ-

вляют ли того, к кому сердце любовь ощущает?» Скорбь прервала здесь мыслей его течение.

Долгое время пребывает он в молчании. Стенания и вопль несчастных, заключенных в сем жилище, пронзают разделяющие его с ними стены и слух его поражают; тако раздается по темному лесу рев зверей лютых и крик нощныя птицы. «Не о тебе токмо я жалею, — рек он паки, — о сень, поставленная на месте моего рождения, от коей удаленный, не могу я вкушати блаженства; я о тебе еще жалею, о сень, в которой претерпевал я рабство, почитаемое мною соборищем всех зол... Жалею я о вас, возлюбленные други, трудившиеся отгнати печаль мою и в коих обрел я нежность братския любви... Жалею о тебе, жилище, посвященное воспоминанию любви несчастной и где вкушал я приятность проливати слезы... И ты, чужое стадо, кое собственного место заступило и, подвигнувшись моим страданием на жалость, ходило окрест меня печально, и ты приемлешь некое в тоске моей участие... Ныне живу я в уединении, страшнейшем всех степей ужасных: жив заключен я во гробе... Может быть, восходит днесь Аврора, но не для меня восход ее; исторженный от всея природы, окружен я вечною нощию... Где вы, о птицы, собранные в мое жилище, верные грусти моей соучастницы и коих сладкое пение способствовало току слез моих?.. Где вы, благоприятные зефиры, вы, кои во время изнеможения моего от скорби, ко мне прилетая, несли отвсюда ароматы и томное мое дыхание оживляли?.. Ныне я окружен нечистыми парами, коими дышат лютые злодеи!..» По сем во мрачное и безгласное уныние паки Иосиф упадает.

«О братия моя! — вдруг возопил он. — Бедствия мои превзошли, конечно, те, кои вами мне определенны! Если б вы еще ненавидели меня, если б вы желали моей смерти, вы бы и тогда, слыша повесть зол моих, возрыдали!.. Но я ласкаю себя быти от смерти недалеко. Гроб, злачное место людей несчастных! Когда я окружен буду мирною тению твоею? Ты будеши отцом моим, моею возлюбленною, и я в недрах твоих спокойствие обрящу... Но я не буду погребен возле праотцов

моих, Иаков не затворит очей моих, Селима не приимет последнего моего воздыхания, умирающие взоры мои не обратятся на Вениамина, не узнают братия мои, что я их прощаю, не окропят они гроб мой слезами своего раскаяния, и дражайшие мне руки не усыплют его цветами; он будет удален, подобно как бедные... Ах! что вещаю я, несчастный? Имею ли я еще родителя? Имею ль я любовницу? Иаков! Селима! могли ли вы снести толикие скорби! Увы! мы все уже погибли; днесь дыхание, меня еще оживляющее, угасает, но рассыпанный прах наш тщетно соединен быти хощет!»

Таковы были плачевные мысли, в кои погружается душа его. Ныне все свои бедствия он стал воображати: то следует он их течению, от первыя искры ненависти братей своих до сего последнего злоключения, — тако несчастный, низринутый сверху гор Алпийских, катится из бездны в бездну до самыя страшныя пучины, которая, кажется, до средния точки земли достигает, где око смертного последовати ему уже не может и где никто вопля его более не слышит; то бедствия его, как стекшиеся волны разъяренного моря, представляются вдруг воображению и погрузити его кажутся, — тогда душа его, могущая едва сносити представление каждого зла своего, становится слаба противу страшного вида, всех их купно соединяющего; он бросается с одра своего, метается по земле, и темничные своды вопль его повторяют; ужасное молчание последует сему воплю; скоро потом оживляется отчаяние во глубине его сердца и на уста его исходит. Вдруг, как бы чрезмерною своею скорбию устрашенный, он остановляется. «Великий боже! — вопиет несчастный. — Мои ли уста вещают роптание, слух мой поразившее! О тень Авраама и Исаака и ты, может быть, тень отца моего! Если носитеся вы окрест меня зрети, коль бодрственно сношу я мое страдание, что помышляете вы о малодушии, которому сын ваш ныне предается?»

Сие ему изрекшу, внезапу из глубины темницы является ему светлое видение: сей был почтенный старец; кротчайшая добродетель и многих веков мудрость

изображенны на лице его; сквозь начертавшихся на челе его морщин сияет спокойное веселие; важность его взора, величество хождения его и седая брада, до пояса досязающая, вселяли истинное к нему благоговение. Приступив ко Иосифу, возводящему на него робкие очеса свои: «Ты зриши, — рек он ему, — тень Авраама, пришедшего судити и укрепити твою непорочность. Не изнемогай, сыне мой! Восприими прежнюю души твоея крепость. Сам познах бедствия, возмогох победити оные. Но ты не останавляй взора своего на единыя смертных добродетели, призови творца своего; от небес снидет в душу твою непобедимая твердость: он гласу твоему внемлет, хотя бы ты воззвал его из самых глубочайших пропастей земли».

Сие вещая, старец, и устремя на Иосифа очи свои, в коих по череде царствовало сожаление и твердость, подает ему руку и подъемлет его. «Возлюбленная тень! — возопил несчастный. — Потщуся быти тебя достойным». Хощет продолжати слово свое, но видение исчезает.

Иосиф не ведает, истинно ли явление сие или было оное действием души, смятенныя скорбию. Но он гласу сему повинуется и, простершись на землю, где изъявлял прежде свое отчаяние, приносит усердную молитву.

Далеко от миров, ходящих в неизмеримом пространстве, стоит возвышенный престол превечного, откуда оные таковым кажутся прахом, каковый летает в воздухе при солнечных лучах; престол сей окружен небесными умами, славящими создателя; моление мудрого, проницая крепчайшие пределы, доходит до сих мест и соединяется с сим небесным пением тогда, когда мольбы строптивых вихрями бывают разносимы и на земле исчезают.

Моление Иосифа восходит к престолу величия и совокупляется с небесными песньми; превечный ему внемлет. Тогда утешение с нежным и жалостным оком, с ясным челом надежда и нерушимый мир, спутник невинности, сходят на благоуханном облаке, побеждают темничные своды и несчастного окружают. Тако в тишине прекрасного вечера каплет с небес сладкая роса,

которая, удобряя поля, несет ароматы, прохлаждает сень земледельца, отягченного трудами, и спокойный сон ему уготовляет. Иосиф в сердце своем неизвестную ощущает силу; бремя, его отягощающее, постепенно уменьшается; он стал свободнее дышати, удивляется тому, что слезы проливати может. Скоро сон, склоняя его очи, слезный ток остановляет и приносит ему блаженное всех зол его забвение.

Между тем, Далука хощет торжествовати и мщением своим насладитися, но сама она чудится своим чувствованиям, хотению сему сопротивляющимся. Как огнедышащая гора из пучины бурного моря бросает пламень, не могущи от возмущенных погаснути вод, тако сердце ее пылает и колеблется между раскаянием и яростию. «Могу ли я жалость ощущати, — рекла она, — жалость к неблагодарному, к рабу, зревшему стыд на лице моем!.. Но сей раб, сей неблагодарный есть Иосиф, единый из смертных могущий сердце мое тронуть... Ах! что я сотворила? Я стала убийца невинности! Виновна пред супругом и возлюбленным; вместо подражания чистейшей непорочности, я ее оклеветала! Несчастные люди суть священны, но ни бедствия его, ни приятность, ни юность, ни все его прелести не могли спасти его от моея злобы! Поди, несчастная, поди, вонзай кинжал в сердце его, насыщай кровию его очи свои и зри его, без слез испускающего последнее воздыхание... О Селима! ужели приведена я завидовати красоте твоей, состоянию и самой твоей скорби? Ты оплакиваешь своего возлюбленного, но ты им любима, и несчастия его не суть дело твое... Может быть, в сию минуту он умирает, может быть, нет его на свете, и смерть исторгла его от моея лютости».

Рекла, хощет видети несчастного и не смеет предстати его взору. Часто, во время нощныя темноты, исходит она из своих чертогов и шествует к темнице, но едва к оной приступает, уже остановляется, чает слышати стенания Иосифа, леденеет кровь ее, и, объятая страхом, бежит она от темницы. Тако нощию несчастный убийца, привлеченный как бы неволею на гроб убиенного им человека, предается отчаянию, терзающему сердце его; вдруг чает он слышати стенания жа-

лующиеся тени, трепещет, власы его воздымаются, вспять страхом отревается, кровавая тень кажется ему из гроба восстающа и гоняща его во мраке.

Между тем, во единый вечер, покровенная завесою, предприемлет она внити в темницу; отверзаются пред нею страшные врата. Входит она, держа в трепещущей руке светильник, едва густоту мрака пронзающий. Приближается робкими стопами: злодеи, обитающие в сем месте, никогда толикого ужаса не ощущают.

Иосиф, успокоенный призыванием превечного, сном сладким наслаждался; на ланитах его видны еще были слез его следы, ими омочен был одр его; смертная бледность впечатленна была на устах и челе его, но и тогда не лишенны они были всех своих прелестей.

Далука, обращая повсюду свои очи, обретает Иосифа; останавляется она; потом, приступив несколько ближе, зрит на лице его цвет смертный, чает его мертва, ужасом вспять отревается, и светильник в трепещущей руке ее готов был угаснути. Но скоро потом, приближася ко одру, зрит его спяща. «О, сила непорочности! — рекла она слабым голосом. — В жилище ужаса вкушает он покой, а я в моих чертогах без сна пребываю!» В то же время очи свои насыщает она сим любезным видом, и слезы ее лицо Иосифово орошают.

В тот час прелестное сновидение услаждало его чувства. Казалося ему, что возлюбленная его Селима вдруг предстала пред него, почти бездыханна лежащего. «Тебя ли вижу я, о смертный, обремененный бедствием! Я пришла оное с тобою разделити, скончати дни мои с тобою в сей темнице». Таковы были слова, кои чаял он слышати из уст ее. В сем мечтании оживляются черты лица его, украшаются они восторгом благодарности, на устах его приятная любви усмешка была изображенна; чая простирать к Селиме свои руки, простер оные к Далуке. Терзаема безызвестием, Далука не знает, ей ли являет он сии любви свидетельства; никогда толь нежным возмездием она не утешалась! Иосиф пробуждается и зрит пред собою жену, станом Селиме подобную; упоенный сладким мечта-

нием, не входит то в мысль его, что восстает он от сна, все, что ни слышит, что ни зрит, въяве быти чает. «Селима! — вопиет он. — Возлюбленная Селима предстоит очам моим! Ты, которой вручил я сердце мое, се оно, ты вечно будешь им владети...» В тот час приступает он к ней с распростертыми руками. Но, о страшный Иосифу удар! Он зрит под завесою лицо жены Пентефриевой. Объятый ужасом, повергается он на одр свой, и смертная бледность на челе его паки распростирается.

Тогда возгорел гнев в Далукиных очах. «Безрассудный! — рекла она ему. — Так ничто уже тебя от возлюбленной твоей не может отлучити? Образ ее и в сии места последует за тобою, изображается во сновидениях твоих, и самое присутствие мое служит к обновлению оного во уме твоем!.. Внемли: в последний раз вручаю тебе сердце мое; ты зриши силу мою: я низвергла тебя в сию темницу... Ты трепещешь... Я не оправдаю себя силою моея к тебе любви: если б чувствовал ты хотя единую искру равного со мною пламени, то б душа твоя не совсем сие оправдание отвергла. Но если б ведал ты, колико стражду я с той несчастной минуты, то, несмотря на свои бедствия, пожалел бы ты и о моем мучении. Всегда терзаемая раскаянием, чертоги мои страшнее мне сея темницы стали, и я во страдании моем твоей завидую судьбине; избави меня от толикого ужаса... согласись, чтоб любовь наградила все зло, собою причиненное... Может быть, некогда буду я имети более над сердцем моим владычества. По крайней мере должно мне приуготовить себя к престрашной мысли о твоем отсутствии: не могу разлучитися с тобою в сии лютые минуты... в кои я тебя гнала, в кои не мог ты одолети своей ко мне ненависти и в кои понесешь ты с собою от меня единый злобный мой образ... Почто не могу я жити с тобою в сей темнице! Она в моих очах была бы пресчастливым жилищем; но злато обольстити стражу твою может, я могу тебя похитить от очей моего супруга, могу вести тебя в прекрасные места, где ты окружен будешь цветами, источниками, рощею, от гласа твоего прилетят туда игры и смехи, ты примешь свою лиру... Если ты хощешь, любовь

приведет в забвение все твои несчастия; вместо здешнего рабства, тамо будешь ты в сердце моем царствовати; пожалей о юности своей... о прелестях своих. Когда дни твои текут в сем мрачном жилище, когда слезы безобразят черты прекрасного лица твоего, тогда зеленые поля и долины тебя призывают, эхо глас твой хощет повторяти, и источники желают образом твоим украшатися... Наконец, сжалься надо мною: душа твоя толь чувствительна, ты простил братиям, ненавидящим тебя, тяжкосерд ко мне единой; неужели не простишь ты мне зло, приключенное тебе любовию моею? Сердце мое ощущало все удары, коими я тебя разила; если ты умрешь, и я оставлю свет; но я не могу того токмо обещати, чтобы мое прекратилось мщение... Ах! что вещаю я? Возлюбленный Иосиф! мне ли тебе еще угрожати? От тебя зависит слышати слова приятнейшие!» Сие вещающей Далуке ярость, ревность и нежность оживляли попеременно черты ее лица. Она проливает слезы, кои огнь ее гнева осушает; скоро потом текут они с новым стремлением. Между тем, сие страшное жилище, темные своды и слабый свет умножали сияние красоты ее. Тако в недрах черных камней украшенный солнечными лучами и слезами Авроры цвет испускает благоухание, коего дикий камень не может обоняти.

«Мой жребий уже избран, — отвещает твердым и свирепым гласом Иосиф. — Коль ни страшно сие жилище, но я стократно блаженнее здесь с непорочностию моею, нежели мог бы я быти в объятиях самой Селимы, если б я стал преступником. О возлюбленная Селима! хотя бы я жесточайшими еще отягчен был бедствиями, если лютее сих на земли быти могут, то клянусь и тогда быти тебе верен!» Слова сии произносит он со гневом.

«Кому клянешься ты? — разгневанная прерывает Далука. — Может быть, единая токмо тень осталася Селимы, а если она еще живет, кто может клятися тебе, что брат твой ею не владеет? Кто может клятися тебе, что Иаков, оставленный тобою близ своего гроба, видит еще свет?»

От сих слов Иосиф бледнеет и трепещет: скорбь и ужас заградили уста его; некая надежда в сердце

Далуки обновилась. «Колико искусства ты имеешь,— отвещает ей потом, — колико искусства возмущати мою душу! Когда вооруженные воины, отторгая меня от друзей моих, влекли в сие место, когда услышал я затворившиеся за мною сии страшные врата, и тогда менее ощущал я ужасу, нежели в сию самую минуту, в которую представляешь ты очам моим умирающих Селиму и Иакова!.. Но если б Иаков и жизнь свою окончил, если б и не имел я печальныя надежды оросити гроб его моими слезами, то наставления его и память с ним купно не угаснут. А ты, если живешь еще на свете, о возлюбленная Селима, ты, конечно, меня любишь; а если нет более тебя, то клянусь тени твоей сохранити тебе прежнюю мою клятву!» Рек он, и слезы его ручьями лилися по ланитам.

Тогда ярость сердца Далуки прошла во все черты ее лица. «Ты предпочтил мне сию темницу! Буди тако, — рекла она, — ты в ней погибнешь непременно». Своды повторили сии страшные слова. В тот час, исполненна злобою, отходит она спешно. Иосиф во мраке остается; врата и замки с шумом заключаются, и казалось ему, что они заключаются навеки.

Между тем, странник некий скитался окрест темницы; он стенал и проливал слезы, яростным оком взирает он на сие неприступное жилище, хощет страшные врата сокрушити, но они силе его сопротивляются. Раздраженный препятствиями, притекает он к темничному стражу и просит впустити его в темницу; страж прошение его свирепым оком отвергает. Тогда странник упадает к ногам его, слезы его лиются из очей рекою. «Ты зриши, — рек он, — что нет никоего оружия со мною; я пастырь, друг Иосифов, хощу его обняти. Если сердце твое ощущало некогда сладость дружества, если познал ты сам несчастие и ежели возлюбленная тебе рука отирала слезы твои, то не буди тяжкосерд к моему молению».

Душа темничного стража, смягченная гласом и слезами дружества, в первый еще раз на жалость преклонилась. Он повелевает ему идти за собою, отверзает врата темницы, пастырь стремится в сие мрачное жилище и объемлет Иосифа на одре его; оба они на

долгий час умолкают. «Великодушный утешитель! — рек наконец Иосиф. — Душа благородная, едина о страдании моем воскорбевшая! Вещай, кто ты? Какие те нежные узы и воздыхания, кои глубину сердца моего пронзают?»

«Или не познаешь ты друга своего? — отвещает пастырь. — Того, который жити без тебя не может, который пришел прияти участие в скорби твоей и извлещи тебя из сего пагубного места?»

«О сладкое слово дружества! — рек Иосиф. — Колико трогаешь ты сердце мое, ставшее почти нечувствительным от бедств! Дражайший Итобал! который дух благотворящий отверз тебе сии страшные врата?.. Но для меня нет уже никоего на свете блага; скоро темница сия будет моим гробом. Поди, возвратися к пастырям, да будут други мои счастливы; почто пришел ты смущати свой покой видом моей гибели?»

«Мы счастливы! — отвещает Итобал. — Увы! с той жестокой минуты, в которую варвары тебя от рук наших отторгли, печаль и сетование царствуют посреди нас; сокрушенны наши лиры; мы более не украшаемся цветами, не украшаются более и сени наши ими; любовь от нас изгнанна; мы собираемся токмо твое оплакивати бедство; самые стада бродят печально по лугам, вся природа кажется нам престрашною темницею; мы вошли в первое наше состояние и стали паки бедные рабы... Но вещать ли мне еще? Уже не зрю я бога, явленного мне тобою, разве сквозь некое облако густое. Милость, научал ты меня, есть существо его и источник всех дышащих; по сим знакам сердце мое его познавало; но если благ он, почто же терпит, зря непорочного друга моего утесненна? Или подобен он тем смертным богам, кои царствуют над нами? Неужели он благ купно и свиреп? Неужели милость его ко умножению зол наших служит? Возлюбленный Иосиф, с тех пор как мы тебя лишились, лежит повержен алтарь его...»

«Что слышу я? — прерывает слова его Иосиф, печалию сраженный. — Несчастие мое, о, коль лютое имело действие! Погруженный в сию темницу, удаленный от алтаря, поставленного мною, чаял я иногда (и сия

мысль услаждала мои бедствия), чаял я, что вы его воздвигли и что вы, окружая его, невинные свои руки простираете на небо. Итобал, престань меня любити, если дружба отторгает тебя от творца всея природы! О друг мой ослепленный! или забыл ты, что есть обонпол нашего гроба, есть спокойное и блаженное жилище, безопасное невинности убежище? Если несчастные дни мои должны в сей темнице окончиться, то мы узрим друг друга тамо; тамо стекутся други, равно тебе усердные, и гонители мои не возмогут меня лишити того, что мне драгоценно. Преносясь мысленно в страну сию, подобен тому, кто в лютую зиму воображает прелести весны приближающейся, забываю иногда сию мрачную темницу и престаю слезы проливати... Ты крепости моей чудишься; не всегда была она непоколебима, ею должен я богу, мною призываемому; прибегните к нему и тую же крепость в себе ощутите».

«Возможно ли! — рек Итобал восхищенный. — Когда пришел я облегчить твое страдание, ты сам меня утешаешь!.. Но терзающаяся душа моя не может твоей равнятися крепости. *(Стремительно.)* Нет, ты не погибнешь в сей темнице; ведай, что не хощем мы толь жестокому служити господину; я умру или от ярости его тебя избавлю, сражуся за тебя и непорочность; гнусным о тебе небрежением не приму я участия в неправоте твоих гонителей. Иди, остави сию бездну; может быть, в сей единый раз отверст мне вход в сие место; нет со мною оружия, но чего не может содеяти храбрость, дружеством воспламененная! Иль мнишь ты, что забыл я день тот, в который меня, влекомого в темницу, спасли слезы твои? Тогда ты меня еще не знал и единое человечество тебя восхищало; а я, чтобы изменив вдруг и дружеству, и благодарности, и богу, мне тобою явльшемуся, и добродетели, тобою же в мое сердце вкорененной, чтобы я оставил умрети тебя в сем страшном жилище! Но слезы не избавят тебя от твоих тиранов: разве не зрели они их, из очей твоих лиющихся? Кровь, кровь пролити долженствует! Иди: бог сам сразится за невинность». Сие изрекши,

взял он в восторге руку Иосифа повлещи его из темницы.

Иосиф отъемлет руку свою от Итобала. «Если, — рек он, — хощете вы уменьшити бремя зол моих, то сносите с твердостию оные. Пребудьте все вы верны Пентефрию: он невинен. Возвратися в свои хижины, принеси туда мир и постоянство. Постави паки алтарь, воздвигнутый мною, приведи к нему всех пастырей; пока я жив пребуду, из сего мрачного жилища моления мои соединяться будут с вашими. Благочестие снидет с небес посреди вас, и слезы ваши отрет ее десница. Возьмите ваши лиры, собирайте цветы с полей ваших, да непорочная любовь наградит вас за скорби, дружеством произведенные; мысль о вашем счастии остановит иногда слез моих течение... *(С негодованием.)* Хощеши ли ты, чтоб я, ушед отсюда, преступником явился, чтоб бежал я, яко раб недостойный, уклоняющийся от казни, чтобы слух о возлагаемых на меня злодеяниях дошел со мною до дому отца моего и чтобы не дерзал я объяти возлюбленных моих, не отвергнув от себя толь тяжкия укоризны?»

«Повеждь мне, — отвещает Итобал, — вину твоего бедствия. До сего дня чтил я твои таинства, неведомы мне твои прежние несчастия; утешь и свое и мое сердце и излей в душу мою настоящее твое прискорбие». Вещая сии слова, жал он его руку с горячностию.

«Ты знаешь долг сердца благодарного, — рек Иосиф. — Чем должен я мужу великодушному, то самое не дозволяет мне открыти тебе ненавистныя истины... Друг мой возлюбленный! прости в последний раз. Когда смерть мои желания исполнит, собери, если возможно, прах мой, принеси оный в сие уединенное жилище, под развалины той сени, где лилися мои слезы; не могши быти погребен в дому отца моего, пусть друзья мои окружат мою гробницу; напиши над нею: *Здесь покоится мирный прах несчастного.* Приходи иногда сам на место сие, да возлюбленная рука твоя усыплет цветами гроб мой; не орошай его слезами. Воспомни ты тогда, что смерть есть то сладчайшее убежище, которое мог на сей земли обрести друг твой.

Если некто из вас отягчен будет некиим бедствием, да приидет он в сие посвященное слезам уединение: тамо принужден он будет признатися, что зло, его терзающее, не равняется с тем, от коего увял цвет моея юности, и, может быть, тень моя приидет укрепити души его твердость».

Рек он; сплетенные имея руки, были они оба на одре распростерты. Итобал не мог себя из рук его исторгнуть и слезный проливал источник; смягченный сим, Иосиф стенал и воздыхал. Тако прощаются двое братия, любящие друг друга с горячностию, из коих один приступает ко вратам смерти; долго сей хотел утешити брата своего, но смерть приближается, он более не зрит его, чувствует себя еще в его объятиях и слезами своими его омывает; тогда почти оледеневшее сердце его вкушает еще раз сладчайшее дружбы чувствование, и очи его, навеки затворяяся, последние свои слезы проливают.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Иосиф, оставшися один, погружен был долгое время в глубокое уныние, но вдруг некиим шумом привлечен он стал ко вниманию; скоро потом темничные отверзаются врата, и два узника приводятся в темницу: един Аменофисом, другий Дарбалом назывались; они в багряные ризы облеченны, злато и камни драгоценные, украшающие их одежду, блистают в сем мрачном жилище. Плачущие от ярости и смущения, хотели они сокрыти свои слезы. В них видна была гордыня, с низкостию смешанная: то взирают они грозным оком на воинов, их окружающих, то просят смиренно их покровительства; но дерзость и прошение их равно были тщетны, заключенных в темнице долгое время слух их поражен был торжествующим криком множества

людей. Они бледнеют и, сокрыв в сердце своем злобу, умолкают.

Но наконец отчаяние устами их изъявляется. То взаимными упреками они себя обременяют, то каждый обращает свою ярость на самого себя. Дарбал виновнее еще Аменофиса, который им вовлечен стал в сию бездну, подобен был вепрю, удержанному в сетях; он скрежетал зубами, пена покрывала горящие уста его, очи его блистали пламенем во мраке, и вопль его по темничным сводам раздавался. Оба они не терпели быти заключенны с рабом во единую темницу.

Между тем, Иосиф, спокоен в несчастии, ни единыя не произносил жалобы, иногда слышны токмо были его воздыхания. Смягченный отчаянием двух преступников, забывает он собственные свои бедствия, хощет их утешить, и, обращая к ним глас свой, коего приятность могла бы тигров умягчити: «Уже долгое время, — рек он им, — обитаю я безвинно в сем жилище...»

«Невольник! — прерывает Дарбал страшным гласом. — Или дерзаешь ты сравнитися с нами? иль много место сие разнствует с тою хижиною, в которой ты жил прежде? Избавясь от работы, еще ли не блажен ты, могущи здесь покоем наслаждатися?»

Умолкает Иосиф. «Невзирая на их злодеяния, — рек он сам в себе, — я жалею о судьбе их, но они на гонимую не сжалятся невинность! Где ты, сладкий глас дружества, изливающий в сердце мое некую отраду, где и вы, о нежные узы, подкрепляющие трость слабую, колеблемую вихрем?» Сие ему вещающу, слезы из очей его лиются.

Но превечный, с высоты того престола, с коего единою точкою вся кажется вселенная, остановляет на сей земле взоры свои, проницающие паче дневного светила, коего лучи пронзают глубочайшие бездны. Небесные круги, подобные стене, непрестанно движущейся, не закрывают от него ни единого вида, и во звучном оных гласе, составляющем единую песнь с бесплотными, слышит он воздыхание каждого насекомого и падение листа в сем отдаленном круге. В сей час не взирает он ни на царские чертоги, ни на окровавленные трофеи, ни на красоту природы, ни на

бедную сень, на которую он часто взор свой обращает, ни на самого мужа праведна, живуща во блаженстве. Величайшее зрелище привлекает его внимание: добродетель сражается с несчастием и над оным торжествует. Когда Аменофис и Дарбал ругаются Иосифу, тогда превечный взирает на сие сквозь непроницаемые темничные своды. Малое для зрелища место, но для такового зрителя пространнейшее всея вселенныя! В самое то время разительные виды представляют Иосифа небесному воинству; оно услышало его воздыхания и узрело его слезы. Настает велия тишина на небесах, прекращается пение, приятное сожаление объемлет всех бессмертных, и из всех очей текут такие слезы, каковые в блаженном жилище проливаются. По сем едином воззрении превечного Иосиф престает воздыхати, остановляются его слезы, и удивленному его взору представляется отверстый вид пути веселого; тако при первых лучах светила, оживляющего мир, оживотворяется природа, преходящие тени отлетают, веселие в рощи возвращается, и каждую минуту восхищенное око зрит новую приятность.

Между тем, бессмертное воинство, подъемля очеса свои ко престолу превечного, об Иосифе моления приносит. Скоро облака, окружающие светозарный престол, разверзаются и дают путь приятному свету, веселящему всю природу, и глас, несравненно сладостнейший пения бессмертных, произносит сие слово: «Восхотех премудрость искусити несчастием, восхотех поведати земле, что в юности может человек быти непорочен, и явити небесам, что умаленный от ангелов человек может им быти равен, если он в злополучиях своих невинность сохраняет. Ныне силою, из небытия в бытие свет приведшею, да превратится злое во благое, и да познают ропщущие десницу мою, никогда праведного не оставляющую». Рек он и ходатайствующего Египту духа, Итуриила, к себе призывает.

В средине Абиссинии, окруженный неприступными каменными горами, подобными уединенному, древнему и листвия лишенному лесу, пребывал сей дух близ Нилова исходища. Как прекрасное древо, творящее плоды, утоляющие жажду, возвышается едино в пустыне и под

тень его приходит иногда мудрый, градского бегущий шума, наслаждатися тишиною, — тако сей источник плодовитый протекал среди неплодных камней. Никогда не проницал туда смертный, и дух, по примеру божества, невидим был человеку, дарами его обогащенному. Дикие камни, журчащие воды, кои не обращают на себя несмысленного человеческого ока, открывают ему величество создателя; сии камни, по виду неодушевленные, изобилуют живыми тварьми, и из исходища сего все сокровища Египта истекают. Иногда, разрушив существа даже до их первых стихий, парит он вверх и носится по пространству всея вселенныя; потом, прияв отдохновение от пути, человеком неизмеримого, и спокоясь у вод Ниловых, око его теряется в мире, равно неизмеримом, в мире малейших произведений природы.

Внемля гласу превечного, возлетает он быстро к небесам, достигает до престола величия и пред оным простирается. Прияв вышнее веление, распускает крылия свои и ввергается в бесконечное пространство, отверстое стопам его. Прелетает вселенную и, колико видит миров, толико важных мыслей вдруг в нем рождается. С высоты солнца, где на един миг остановился, зрит он сей шар, покрытый густою тьмою суеверия и злодеяния, зрит он смертных, ходящих в сем мраке, терзаемых лютыми страстьми, подобных мравиям, в темных расселинах камня движущимся. Он слетает с солнца и сиянием своим кажется сам отторгшеюся светила сего частию. Между тем, окруженный облаком, достигает он до темницы Иосифовой; едва тамо он является, уже темничные отверзаются врата; входит он; некий блеск освещает мрачные своды, и благоухание в сем жилище распространяется; казалось, что Аврора, поля в ту минуту освещая, принесла в сие страшное место свой приятнейший свет и сладчайшие свои ароматы. Он приближается к Иосифу, спящему спокойно, взирает на него; провидящее око его не остановляется на той бренной поверхности, на которой любопытство наше претыкается, но, как видим мы злато, катящееся по дну чистого ручья, тако видит он добродетели Иосифовы в их источнике; он зрит оные,

разливающиеся в непорочном его сердце, текущие некиим образом во всех жилах его и все существо его оживляющие; чудится сему зрелищу: никогда не знал он смертного толикого целомудрия и великодушия; потом обращает он очи свои на Аменофиса и Дарбала, не толь спокойным сном тогда уснувших.

В сие время, не много от младенчества света удаленное, когда бог удостоивал людей своим явлением, в сии последние следы дней благополучных, когда человек забывал, что небо от земли удаленно, сны часто священными предвозвестниками были: они награждали слепое наше невежество, будущее изображалось в них под некиими известными знаками; и когда чувства обременяемы были сном, подобием смерти, тогда душа казалась оставляти оживляющееся ею тело, возлетати к небесам и судьбе смертных и царств поучатися.

Иосиф, приобыкши восставать с Авророю, отверзает очи свои и, видя приятный блеск и сладкое обоняя благоухание, чает пренесен быти в некую веселую рощу. Оба его союзники еще не пробуждались: сон радостный являлся Аменофису, но Дарбал в печальное мечтание быти ввержен казался. Оба они восстали в единое время. «И самая нощь, — рек Аменофис, — умножает мое несчастие, изображая мне дни моего благополучия. Видел я во сне моем виноград пред собою, в винограде же три леторасли. Гроздия оного изжал я в чашу цареву и дал я в руку его, следуя сану моему. В самое то время, как обратил на меня царь веселое око и принимал чашу из рук моих, я пробудился, и суди о моем отчаянии: я обрел себя паки в сей темнице!» Едва он слова сии окончал, уже стоящий возле Иосифа Итуриил произнес некие слова сладостным гласом своим, подобным приятному веянию тишайшего зефира, коим листвия едва восколебатися могут.

Иосиф, удивленный новыми мыслями, в разуме его рождающимися: «Сон твой поразил меня толико, — рек он Аменофису, — что я не сумнюся об откровении мне в сию минуту будущего, посредством некоего вышнего ума. Я радуюся, ныне возмогши разгнать души твоея смущение. Три леторасли суть три дни, по скончании

коих возвратит тебе царь милость свою и поставит тебя на прежнее достоинство». По сих словах Аменофис, восхищенный радостию, забывает гордость свою, устремляется к невольнику, объемлет его и клянется ему извлещи его из темницы в тот самый час, когда возможет он творити людям благо своею у царя силою.

Тогда Дарбал, престав страшитися и ласкaя себя подобным счастием: «Юный снов толкователь, — рек он Иосифу, — внемли моему сновидению. Видел я три кошницы, наполненные хлебом, на главе моей; птицы небесные слеталися к ним отвсюду; воздух возмущен был их сражением, и страшный крик их поражает еще слух мой». Рек он и толкования нетерпеливо ожидает.

Итуриил открывает в другой раз будущее Иосифу, который, бледнея и жалостию терзаясь, умолкает. Дарбал побуждает его вещати таинство. «Не вопрошай меня, — рек младый невольник, — опасно иногда проницати мрак, закрывающий судьбу нашу!..» — «Я хощу сего, я повелеваю, — прерывает Дарбал речь его, — вещай, хотя бы ты и смерть возвестити мне был должен». — «Не всегда приходим мы ко смерти путем, цветами испещренным!» — отвещает умиленный Иосиф. Тогда гордый Дарбал, вознося грозный глас свой: «Если ты помедлишь еще единую минуту, — рек он, — то извлеку дух твой». — «Ты хощеши сего! — отвещает с кротостию Иосиф. — Ведай... что по трех днях... постигнет тебя казнь». Произнося сии слова, кажется он судиею, исполненным человечества, который, осуждая преступника, воздыхает. Дарбал бледнеет, трепещет, колеблется и упадает к ногам юного невольника, который раздражаем был его гордостию. Итуриил сокрылся; с ним отлетает блеск, темницу освещающий, подобно вечерней заре, во мраке угасающей. Протекли три дни, Аменофис восприемлет прежний сан свой, а Дарбал отводится на казнь.

Иосиф, оставшися один, чудится исполнению своего толкования. Он мнит, что превечный, будущее ему открывая, не вовсе его еще оставил. Между тем, хощет он проникнуть мрачную нощь, собственную его судьбу сокрывающую. Аменофис, упоенный новым своим благополучием и отвлеченный веселием и забавами

от несчастного, забыл обещание свое Иосифу, но Итуриил стал уже сам ходатаем его.

Нощь, разделяющая с солнцем владычество мира, приближалась тихо, и горы, долины, пастырские хижины и града, смешанные во мраке, представляли тогда взору вид печальный и единообразный. Царь Фараон в глубокий сон был повержен; чертоги его, окруженные стражею, для смертных были неприступны; но ангел Египта, нося божественное веление, проницает сквозь стражу во внутренние чертоги и, не видимый никем, приближается к спящему монарху и под страшными изображениями будущее ему представляет. Устрашенный царь пробуждается и не может на одре своем обрести покою. Смущение его не разгнало пришествие дневного светила; он восстает в тот час, в который сон бежит от очей селянина, и призывает к себе Пентефрия и всех знатных вельмож своих.

В средине Ливии стоит храм, древностию всех прочих превосходящий; оный был суеверия жилищем; нечистое сего чудовища дыхание пременило сии прекрасные места на знойные пески, оно избрало сие уединение для того, чтобы лучше сокрыти обман свой и привлещи к себе смертных силою любопытства. Гордость, страх и лукавство суть служители его владычия. Тусклый огнь горит в его очах. Смущенно, беспокойно, и зная, что, некогда изгнанно сущи от земли, повергнется паки во ад, из коего оно вышло, держит в руках своих темную завесу, коею очи смертных покрывает, и о средствах власть свою продолжити помышляет. В то время люди ходили во Египет принимати его предвещание, и из недр сея пустыни разливался яд по всей поверхности земли. Часто возле самых царей сидело оно на престоле.

Едва познало оно смущение Фараоново, уже всех сказателей и столпов своего владычества во едино место собирает. Все они шествуют к царским чертогам, одни, смеяся безумию людскому, а другие, погрязши в предрассудке, сами собою обмануты были. Вступают они в дом царя своего, и он унижает себя поведати им сны, душу его возмущающие.

Но, о чудо! мертвеют сказатели; уста их, толико лестию изобилующие, долгое время не отверзались: подвигнуты силою Итуриила, в первый раз воздают они истине свидетельство и признаются, что непроницаемая завеса будущее от них сокрывает. Тогда дух возбуждает воспоминание об Иосифе в душе Аменофиса, который, приступя к царю, возвещает ему, что заключенный во единую темницу с ним и Дарбалом невольник, который, кажется, никоему не причастен злодеянию, поведал им судьбу их из снов, ими виденных. Тогда повелевает царь привести к себе невольника.

Иосиф, забыв Аменофиса и сны, истолкованные собою, погружен был в первое свое уныние. Внезапу отверзаются темничные врата, приближаются к нему воины и вещают ему волю цареву: вести его в тот самый час ко престолу. Удивление и страх возмущают его душу, но, принужденный повиноватися, колеблющимися стопами выходит он из темницы, многочисленные воины его препровождают; бренное око его, к темноте приобыкшее, едва может взирати на слабый свет рождающегося дня.

Фараон, седя на златом престоле, окружен был знатнейшими двора своего; чело его увенчано было блистающим венцом, скипетр держал он в своей деснице. Входит Иосиф в чертоги и трепетен ко престолу приближается. Страшится он того, чтоб не возложили на него новыя вины, и некое время был он ослеплен сиянием величества. Но, невинностию своею укрепленный и ободренный ходатаем Египта, который невидимо летал над ним во облаке, вещает он сам в себе, что сие великолепие украшает токмо смертного; мыслию своею возвышается он от единого мира к другому, до самого царя вселенныя, и тогда видимая им пышность кажется ему единою мечтою. Как некий из умов небесных, если б в виде человеческом сошел на сию землю, сохранил бы он тогда вечную юность небесных жителей, пленил бы сердца приятностию своея юности и приял бы почитание, приносимое старости, — тако Иосиф, юн сущи, но бедствием наученный, является пред сим многочисленным двором. Царь взирает на него: колико гордость и лукавство видны были на лицах сказателей,

толико истина и кротость на лице Иосифовом блистали. Суеверие, ласкающее себя возвышением славы своея, возмутилось и в недра своея пустыни побегло. Все очи на него стали обращенны; видя его, забывают, что видят раба пред собою, и толико в сердцах сильна непорочность, что казался тогда Иосиф сам быти государем. Но никто видом его толико поражен не был, колико Пентефрий. Прежде он не познал его, и сколь велико было удивление и гнев его, раба своего видя! Младый израильтянин, сретя взоры его, познал его в тот самый час; он становится неподвижим, и чувствования дружества и скорби терзают его душу.

Наконец прерывает царь сие долгое молчание. «О ты, — рек он, — одаренный от небес премудростию паче всех смертных и претерпевший лютейшие несчастия! Вещай, открывай нам будущее таинство. Присутствие твое утверждает справедливость славы твоея, и на устах твоих истина обитати кажется. Небеса послали мне в нощь сию два сновидения. Казалось мне, что я, по брегу Нилову гуляя, видел исходящих из реки седьмь крав тучных, добрых видом и белизны прелестныя. Но другие, черные и безобразные и толь иссохшие, как смерть, последуют за ними, пожирают их и сохраняют еще ужасный вид свой. Восстал я, видением сим устрашенный, уснул паки, и вторый сон возмутил мою душу. Класы златые, цветущие и зернами своими согбенные, исходили из единого стебля. Другие, неплодные, пустые и истонченные знойным ветром, израстают по них, поглощают их и неплодными и тонкими остаются. В самое то время некий глас возвестил мне, что сны сии от бога суть и что счастие царства моего от них зависит. Вещай! Если дело идет о спасении народа моего, то, может быть, благодетельное божество разум твой на пользу нам наставит».

Тако вещал Фараон, и молчание долгое время ничем не прерывалось. Как тот бессмертный ум, друг небес, который, устремляя на звезды алчные свои взоры и горя желанием иметь преславное имя вселенныя гражданина, кажется хотящим возвыситися далеко от земли и носитися со всеми сими мирами в блистающем их течении; но вдруг, просвещенный, может быть, некою

небесною силою, созидает он новые чувства и сотворяет чудесную трубу, притягающую ко взору его вселенную, — тако Иосиф зрит будущее как бы в пространстве неизмеримом, мрачном и от коего слабые некие излетают искры, когда Итуриил подъемлет густую завесу, отделяющую то, что есть, от того, чему быти долженствует; в то время юный израильтянин видит свет истинный, и, устремяся на обонпол миров, читает он книгу судеб превечного. «Царю! — наконец вещает он. — Истину реку: божество восхищает дух мой, не бессильные боги, Египтом почитаемые, но существо всевышнее, великое, создатель и господь природы. Будущее для него есть то самое, что для нас настоящее; единым взором объемлет он все веки и всю вселенную; он вещает тебе в сию минуту, а я слабый токмо воли его предвозвестник. Сии тучные кравы, исшедшие из Нила, и сии класы цветущие знаменуют лета плодоносные; но иссохшие кравы и класы истонченные являют великий глад, последующий изобилию».

Рек он, и смятение распростирается на челе царя и знатнейших вельмож его. «О ты, коего небеса просвещают! — рек Фараон Иосифу. — Не возможешь ли ты предложити мне средства к отвращению сея на нас казни?»

«Да поставит царь над Египтом, — отвещает Иосиф, — да поставит мужа разумна и праведна, который в лета плодоносные да соберет часть земных произращений для охранения народного от глада».

Кроткое уверение усты его вещали. Совет сей удовольствовал царя и вельмож его: большая оных часть толь славным ласкают себя саном. Народ! Народ несчастный! Уже насыщаются они мысленно пищею твоею, и, вместо спасения твоего от глада, уже готовы они были явити нищету твою в плодоносные лета! Когда о сем они размышляют, Фараон обращает тогда слово свое ко Иосифу: «Тебя над Египтом поставлю, — рек он, — все подданные мои чтити будут твои повеления, и единый токмо я превыше тебя буду. Где могу я обрести мужа праведнейша и мужа тебя премудрейша? Без сомнения, бог, усты твоими вещающий, посылает тебя сюда для отвращения грозящия нам казни. Я воле его пови-

нуюся; блаженны цари, могущие свой скипетр таковым вверяти подданным! Какую вину на тебя могли возложити? Все в тебе являет непорочность; сами небеса тебя оправдывают; нет, невинен ты ни в чем, когда тебе они открывают свои тайны». Вещая сие, снимает он перстень с руки своей и подает оный Иосифу, который от удивления безгласен стал и неподвижим. Вельможи, ожидающие сего великого сана, терзаются завистию, но притворная тишина и лестное удовольствие на лицах их являются: тако бывает иногда спокойная поверхность океана в самое то время, когда во глубине морской ужасная подъемлется буря.

Иосиф, прервав наконец молчание: «Милости твои, — рек он, — удивляют меня и восхищают, но я не могу оные прияти. Я не знаю, какую на меня вину возлагают. Клянуся богом, открывшим мне будущее, клянуся сим священным престолом, где царствует истина, клянусь, что я невинен. Как возмог ты, Пентефрий великодушный, внимати клевете и из объятий своих отяготить меня бременем гнева твоего? Повели ввергнути меня паки в темницу, исследуй дела мои, принеси свет во глубину моего сердца, и если винен я, да накажет меня царь, пред коим я сие вещаю. Если обрящешь ты меня невинна, я не желаю величества, возврати доброе обо мне свое мнение, твое ко мне дружество, и я в дом отцов моих спокойно возвращуся. А если сия милость велика для меня, ежели я всегда несчастен быти должен, повергни паки меня в рабство; дни мои скончаются в слезах, но я тебе пребуду верен, и вся жизнь моя удостоверит тебя о моей невинности». Произнося сии слова, проливал он слезы.

Возмущенный сими словами, царь обратил на Пентефрия грозное око; сами придворные вельможи тем тронуты были. Тогда из облака, коим ангел Египта окружен был, исходит луч светлый, который, непроницаем оком смертных, снисходит на супруга Далуки и мрачное подозрение от души его отгоняет. Внезапно прежнее дружество ко Иосифу возбуждается в сердце его; он обращает на него свои взоры; пораженный его чистосердечием и великим духом, упадает он к ногам его, и реки слез сии его слова препровождают:

«Великий боже, так было злобно сердце мое! Я возмог невинность утеснити! Иосиф, друг мой возлюбленный! (если смею я тебя сим именем назвати). Душа моя терзается... раскаяние до гроба последует за мною и возмутит прах мой... Ты раб мне! Буди мне начальник! Восходи на чреду, на которую зовет тебя добродетель, и казни меня... Я зрю в твоих очах, что ты меня прощаешь. Фараон! царям гонимую невинность отмщати подобает: яви милость свою Иосифу и казнь мою вещай».

По сих словах гнев царский укрощается. Иосиф восставил господина своего; в очах его, долговременною печалию отягченных, блистает радость, с нежностию смешанная. «Свидетельство твое, — возопил он, — свидетельство о моей непорочности и жестокое твое раскаяние велят забыти мне все мои несчастия. Среди мрачныя темницы сохранял я воспоминание твоих благодеяний; суди о настоящем моем чувствии, видя господина моего у ног моих лежаща! Ныне другия милости я не желаю, если только возвращен буду на место моего рождения. Колико уз сердце мое туда привлекают!.. Отец, старостию отягченный... Возлюбленная... Если еще живут они на свете!.. Братия... Коликие слезы я отерти долженствую! Мне ли, пастырю овец, мне ли царством управляти? О царю! да не раскаешься ты впредь о дарах своих».

Рек он, и большая часть вельможей, коих любочестие затворило путь в сердца их чувствованиям природы и которые не знали сего кроткого смиренномудрия, стали удивленны и довольны сим отрицанием. Между тем, Пентефрий привлекает Иосифа ко принятию награды истинным его добродетелям. Фараон удвояет свое о том моление. Тогда, подобно слабым источникам, отриновенным далеко от своего течения великою рекою и соединенными своими водами обливающим каменную гору, к небесам возвышающуюся, все вельможи, премення любочестие на лесть, единогласно с царем стараются смягчить сердце юного чужестранца. Иосиф лютые ощущает души своей колебания. Умоляемый царем, могущим употребити власть вместо прощения, чает он внутри сердца своего слышати зовущий

его глас Иакова и Селимы. Побеждала природа и, уже к отшествию готовый, удалялся он от престола и Пентефрия смягченного, когда божественный глас простирает к нему сие слово, слышимое им единым: «Не удаляйся от сих мест; бог, явивый тебе будущее, повелевает тебе остатися в Египте. Зри страну сию, одержимую ужасом глада и корыстолюбия вельможей; ты должен отвратити от нее обе сии казни; превечный в том помощник тебе будет. Ты устремляешься обняти отца своего, — буди здесь отцом народа». Тако вещал Итуриил. Иосиф остановляется, возвращается, приближается к престолу, и, обращаяся к царю: «Угодно небесам, — рек он, — остановити сладчайшее мое удовольствие; я воле их повинуюся и жертвую тебе своим блаженством. Доколе продолжится глад, я отсюда не отъиду, но, когда казнь сия престанет, позволь мне внимати гласу единыя природы». Рек он, и среди сея победы, когда величество души его изображается на всех чертах его лица, слезы из глаз его лиются: от сего неизреченного соединения величества и нежности можно было видеть, что он есть простый токмо смертный. Веселящися царь возлагает свой перстень на руку Иосифа, златая гривна украшает его выю, и червленная риза простирается до ног его. Пентефрий объемлет его, исполненный веселием.

Между тем, изнутри царских чертогов распространяется повсюду слух о снах царевых и о толковании Иосифа. Смятение, как быстрый пламень всеобщего пожара, от единого дому к другому сообщается. Забывается изобилие, долженствующее предшествовати гладу, и, зря бледность граждан, можно бы рещи, что начал уже он терзать сию страну.

Фараон повелевает воздати приношение добродетели в торжестве великолепном и явити народу избавителя Египта. К чертогам приближается колесница, которая движущимся кажется престолом и где злато помраченно было сиянием камней драгоценных; шесть коней, белизны пречудныя, везут оную тихо; позади правосудие, окруженное знаками, держит в руках своих венец. Восходит на колесницу Иосиф, которая, стражею окруженна, рассекает тесноту людей множества.

Тако входили в Рим побеждающие герои, но они предшествуемы и последуемы были кровавыми трофеями, окованными пленники и корыстию убивства, а здесь торжествуют мирные добродетели.

При взоре его разгнался ужас всего народа: премудрость и человечество, впечатленные на лице его, будущее возвещают благополучие, скорбь от всех сердец удаляют; все упадают ниц пред своим избавителем, радость у всех в очах сияет, и восклицания по всему граду раздаются.

Иосиф, хотя из самого вышед унижения, не ослепляется сим великолепием; сия гордая колесница, сей перстень драгоценный, сия светлая риза веселят мало дух его, но он пленяется восхищением народа; не имеет он грубости тех вельмож, кои, чая достойны быти обожания народного, нечувственны к оному бывают. Между тем, не обыкши оставляти дражайшего своего воспоминания, среди сего величества представляет он себе дом отца своего: тогда очи его наполняются слезами; не зрит он более множества людей, его окружающих, не внемлет более громким восклицаниям: народ, судия единыя наружности, чудится, зря его проливающа слезы в день, толь для него славный.

Между тем, Далука ходила в языческие храмы и всех египетских богов на помощь себе призывала. В сию самую ночь была она в той роще, где Иосиф имел свое убежище; тамо, простершись пред алтарем, руками его поставленным, и оросяего слезами, вещала она сию молитву: «Божество моего возлюбленного! принеся бесплодные моления нечувственным кумирам, тебя я обожаю; может быть, ты единый бог всея природы; сему научают меня верить добродетели несчастного, мною толь люто гонимого. Без сомнения, тебя призывает он в сию минуту, и я вкушаю сладость звати единого с ним бога и глас мой соединяти с его гласом. Удали от сердца моего любовь, меня терзающую, а если и ты бессилен сие сотворити... удали от меня моего возлюбленного». Рекла и вдруг устрашается того, чтобы не отмстило божество сие утесненную невинность. В смятении души ее кажется ей, что сей алтарь восколебался, что подвиглись древеса рощи сея и что потряс-

шаяся земля страшный некий глас испускает. Трепеща от страха и хладным орошена потом, бежит она от сего места, возвращается в Мемфис и в чертоги свои себя заключает.

Настает день; запретила она прерывати свое уединение; бледнея и ужасаясь, не зрит она того, на что смятенное ее око устремляется; кажется, что невидимая рука непрестанно представляет ей изображение всех ее злодеяний; любовь и раскаяние, смешанные в душе ее, терзали вдруг ее всем тем, что они в себе ужасного имеют. Вдруг внемлет она радостному крику и слышит имя Иосифово. «Какое мечтание! — рекла она. — Сие имя, в сердце моем впечатленное, готово всегда поражати слух мой; неужели оно и в радостных раздается восклицаниях?» Едва окончила она сии слова, уже слышится ей то же самое имя внятнее. Смущенна, изумленна, тороплива, пребегает она все пространство своих чертогов и повсюду обращает взоры, смятение души изображающие. Внезапно имя Иосифово, повторяемое людей множеством, гремит во ушесах ее, и в ту самую минуту зрит она его на торжественной седяща колеснице. Какое зрелище! Быстрое ее воображение представляет ей как бы в единой мысли все ее злодеяния, ее казнь, ее славу оскорбленную, весь народ кажется ей ужасающимся от ее взору; отчаяние в очах ее возгорается, и багровые пятна на бледные ланиты ее исступают. Но скоро некое благоприятное облако от нее скрывает все виды, она не внемлет более радостному крику, возмущающему ее душу; каждую минуту бледность ее усугубляется, и она, почти бездушна, упадает.

Ярость гнева ее возвратила ей память на единую минуту. Желая упредити пришествие своего супруга, заключает она себя в своих чертогах. Тамо приемлет Иосифову ризу, ризу, в руках ее оставшуюся и воспоминающую ей всю жестокость ее страсти и презрение, коим она была награжденна. Прежде орошает она ее слезами, потом, взирая на нее отертыми очами: «Одежда, — рекла она, — служащая некогда к раздражению моея лютости, буди ныне свидетельницею смерти моея! Законы брака и любви, вы будете отмщенны!.. Иосиф

торжествует, он смеется днесь моему безумию; чем славнее свидетельство, воздаваемое его непорочности, тем паче покрываюсь я бесчестием; весь Египет познает, что я рабом была воспламененна! Который бог извлек его из темницы? Я не имела удовольствия от оков его избавити, я истребляла сие желание, нередко душу мою исполнявшее, и не могу более ничем наградить мои злодеяния! Без сомнения, удалится он отсюда, заключит нежнейшие узы и похвалится пред Селимою о своем ко мне презрении... Не могу ли я последовать за ним в дом отца его, умертвить Селиму пред очами его и тем же кинжалом грудь его поразити?.. Безрассудная! ты казнь его вещаешь, когда твоя уготовляется!.. О, если б нашел он Селиму уже мертву! А ежели их брак уже необходим, то да соберет он в себе толико ужасу, коликим мой исполнен! Спеши, тень моя! Последуя их стопам, возмути их блаженство, всели мрачную в сердца их ревность, а если, на сие невзирая, они блаженны будут, то зри их соединение и продолжи по смерти страдание свое. Да вооружится некогда Египет противу рода их и да поженет его от земли и моря! Тогда в первый раз некую тишину ощутит тень моя...» Кинжал, коим она себя поразила, прерывает ее слово. Она упадает, кровь течет из ее груди и ризу возлюбленного ее обагряет. Насытя ярость свою, леденеющее сердце ее горит еще любовным пламенем, образ Иосифа мечтается в угасающих очах ее, бледные уста ее произносят имя Иосифово; хладеюща и умирающа, не может она изрещи более сие дражайшее имя и воссылает к нему последнее свое воздыхание.

Между тем, младый израильтянин, по великолепном торжестве своего возвышения, приближается к чертогам Дарбаловым, кои царем ему определенны. Он сходит с колесницы, вступает в чертоги; искусство изобиловало в них всеми сокровищами натуры. О странность приключений! Дарбал! когда в темнице гордость твоя над невольником ругалась, предвидел ли ты, что все свое богатство для него ты собирал?

Иосиф, желая единого покою, множество рабов своих от себя удаляет. Пренесенный в сии чертоги из темницы, взирает он окрест себя видети, не все ли сие сон

есть. Но скоро, подобный собравшимся волнам, пред коими поставленный разрушен стал оплот, все чувствования, заключившиеся во глубину сердца его сим смятенным зрелищем, устремляются на уста его. Он повергается на землю, и в первый еще раз в жилище сем имя превечного слышимо было. «Великий боже! — рек он. — Ты, ты извлек меня из темницы... Где я? На самой высоте величества!.. Несчастный! Я все принес ему на жертву; неужели гордость заразила мое сердце? Если истинно сие, почто не умер я в темнице?.. Но ты, о боже мой! сию велел мне жертву... Сердце мое еще кровию от того обливается... Повинуюся твоей всемогущей деснице, которая моею судьбиною управляет. Ныне, если в несчастии моем сохранилась моя добродетель, не дай ей поколебатися на чреде, на кою ты меня поставил». Таковы мысли исполняют его до тех пор, пока сон начал по всем членам его распространятися и приносити душе его спокойствие.

Едва дневное светило претекло горизонт, не терпящий лености Иосиф восстает, и уже готовится он преходити Египет ради отвращения угрожающия ему казни. Но прежде учреждения порядка государственного хощет он сердечное свое разгнати смущение. Он призывает единого из рабов своих. «Иди в землю Ханаанскую, — рек он ему. — При входе в сень Иаковлю обрящешь ты приятную долину, по которой чистый источник протекает. Тамо, может быть, узришь ты юную пастушку: Селима ее имя, ты познаешь ее по лиющимся слезам ее; скажи ей, что я еще живу, сокрой от нее мои несчастия: она и без того довольно слез горьких проливала: вещай ей о верности моей, скажи, что, если б небеса не повелели мне посвятить несколько лет благополучию целого народа, я предпочел бы сим чертогам брачную сень нашу... Вниди в дом наш, виждь, еще ли жив отец мой, не отягчен ли он бременем старости и скорби. Если нет его на свете... собери на лугах несколько цветов, приди на гроб его, рассыпь на нем сии цветы и рцы: «Иосиф, сын твой, их тебе приносит...» Виждь, жив ли юный брат мой Вениамин и вся братия моя. Иди, спеши, все счастие мое зависит от тебя». Рек он, и невольник удаляется.

Удовлетворя естественным своим чувствованиям, хощет Иосиф долг дружеству воздати, и прежде путешествия его по Египту колесница его везома была к тем пастырским хижинам, где претерпевал он рабскую неволю.

Тогда было то самое время года, в которое природа воспринимала красоту первыя своея юности. Блестящая зелень покрывала леса, долины и луга, цветы благоухание свое повсюду испускали, а слух поражаем был журчанием источников, входящих во брега свои, и прелестным птиц пением. Какое пленяющее для Иосифа зрелище! Мало ослепленный сиянием величества, исходя из темницы, прельщается он простою красотою природы. С восхищением зрит он рощу, поля и источники, сходит с своея колесницы; рука его собирает цветы рождающиеся, кои он слезами орошает, и жажду свою быстротекущею водою утоляет.

Слава не возвестила еще между пастырями Пентефриевыми о возвышении Иосифа. Они, печальны, унылы, беседовали между собою о его несчастиях, как вдруг великолепную узрели колесницу; не отвратились они ею от плачевныя вины своего слова. Внезапу Итобал, из глубокого уныния в неизреченную пришед радость, к колеснице устремляется, удивленные пастыри последовали за ним очами, когда облеченный в порфиру и кротость с величеством соединяющий юноша стремится с колесницы в объятия Итобала: познавают они Иосифа. Прежде от удивления становятся неподвижны, потом текут они к двум другам, окружают их и радостным восклицанием воздух наполняют. Как несчастные дети, облеченные уже в одежду сетования, видят вдруг отца своего, коего чаяли убиенна быти на сражении; пораженные ужасом, сомнятся они, не тень ли его видят, и обнять его страшатся, но скоро победившая страх сей природа влечет их в его объятия, всех радость восхищает, все печальную слагают одежду, — тако пастыри сии предаются своему восхищению. Иосиф более радуется о сем свидетельстве их усердия, нежели о великолепии, с коим Мемфис торжествовал его возвышение. Здесь не видно было той завистливой гордости, которая в роптании повергается, не слышно восклицания

шумного народа: здесь дружество жертву приносит и приемлет.

Между тем, хотят они слышать повесть сих странных приключений, кои его на сию чреду поставили. Седя с ними купно, угождает он их любопытству и сию чудную повесть им вещает. Удивление и радость в очах их попеременно изображаются, едва могут они удержати свое восхищение, которое по окончании слова его тем сильнее изъявляемо было.

Но среди их радости он от них уклоняется и в уединенное свое жилище отходит. Тамо по велению его восставил Итобал алтарь разрушенный и покрыл его цветами; он ниц пред ним упадает, и, объемля остатки сени своея: «Дражайшее убежище! — вопиет он. — Я еще возмог тебя узрети! тебя, которого видети никогда не чаял и где ни гроба моего обрести не уповал. Ты представляешь мне некое подобие дому отца моего. Колико воздыханий отсюда воссылал я к тем, кои мне любезны! Колико души наши, невзирая на разделяющее нас расстояние, в сем месте соединялися; в сем месте раздавались имена их, часто образ их мечтался мне между сими древесами. Образ мне священный! Приди обитати в сие уединение, яви мне паки свое приятное мечтание и утоли скорбь мою».

Рек он, и, устремяся к пастырям: «О други, — вещает он им, — посвятим несколько минут к обновлению сени моея. Иногда приду я в сие жилище, где был я невольником, приду слагати оковы величества, приносити жертву творцу вселенныя и под сею тению воздыхати».

Едва он сие изрек, уже все пастыри спешно текли к роще. Одни восставляют остатки сени, другие собирают с лугу новые цветы, иные ломают сучья, коих листвия младые услаждают обоняние. Иосиф приемлет сам в деле сем участие, тщетно пастыри в том препятствуют ему. «Гордость и праздность, — вещает он, — были бы для меня бесславнее тех упражнений, среди коих я родился и которые рано или поздно восприяти я долженствую». Но тайно еще он размышляет: «Могу ли я презирать труды, которые я для Селимы предприемлю?» Оживляемые примером Иосифа и желанием угодити ему, поставляют они сень добрую, как бы из

самыя земли исходящую и которая кажется делом единыя минуты.

Посвятя несколько дней дружеству, оставляет Иосиф поселян и приятное свое жилище ради путешествия своего по Египту и ради попечения о делах государственных. Судно, украшенное живописным искусством, цветами и знаменем червленого цвета, веющим тихо по воздуху, ожидает его у Нилова брега, благоприятный ветр дует в парусы. Пастыри до реки провождают Иосифа, он их объемлет, входит в судно свое, повелевает сняти якори и в путь свой отправляется.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Как во владычестве морей движимый корабль единым повинуется ветрам, тако судно рассекало Ниловы воды, не понуждаемо веслами.

Скоро представляются взору Иосифа три неизмеримые пирамиды, дело множества веков. Оставя искусство, с коим они созданы, можно бы почести их твердыми каменными горами, кои от начала сего мира касаются небесам и землю бременем своим отягощают. Мармор, из коего они составлены, сохранил светящуюся белизну свою. Многочисленные знаки, первые образы мысли человеческой, возбуждают к ним благоговение.

Иосиф вопрошает, кто был зиждитель сего гордого здания? Гермес, отвещают ему, единый от царей, а ныне единый от египетских богов.

Долго взирает он на сие дерзновенное здание, которое твердостию и величеством своим кажется превзыти искусство смертных и достойно свободитися от поглощения времен, продолжаясь равно с миром, исключенно суще от обыкновенныя судьбы дела рук человеческих. Не веря, чтоб маловажное намерение таковые чудеса произвело, хощет он проникнути во внутренность единыя пирамиды. Приводят туда его подземными и тайными путями; египтяне возвещают ему, что вход туда им навеки запрещен; не принуждает он их следовати за собою, и един он вошел во мрак глубочайший.

Как те бесстрашные люди, кои, исторгая злато от земли, идут в темные недра ее, подвергая себя опасности обрести гроб свой в сем источнике сокровищ, — тако Иосиф, исполненный желанием научитися, ходил в сем мрачном лабиринте.

Долгое время бродящий в темноте, зрит он издалека свет слабый и угасающий. Он направляет туда стопы свои. Первый вид, поразивший его очи, был умащенный труп, освещаемый надгробным светильником, померкнути готовым; облеченный в порфиру, коего чело венцом украшено было, живость в нем была толикая, что оный казался быть одушевлен и ничего жизненного не лишен, кроме единого движения. Близ трупа был старец, мало от смерти удаленный; согбенный древностию, досязал он до земли белою брадою и тонкостию своею подобен был смерти, корысть свою стрегущей. Многочисленные мумии, окружая ту, которая была увенчанна, казалися рабами, ожидающими ее веления; печальное молчание царствовало в сем жилище.

«Кто ты, — рек старец возмущенный, — какое дерзновение привлекло тебя проникнуть в сии страшные места? Вещай: или пришел ты мертвых возмущати?» Во глубине сего здания повторились слова сего плачевного гласа.

«Не устрашайся, — отвещает Иосиф, — если здесь жилище мертвых, я прах их почитаю. Но повеждь мне, к чему все сии учреждения и какой долг остановляет тебя в сем страшном месте?»

Тогда старец, возводя на него померклое око: «Сладость гласа твоего, — рек он, — и человечество, на лице твоем являющееся, разгоняет страх мой. Ты зришь тело последнего египетского царя и тела его служителей, кои, назначенны умрети во служении его, последовали за ним в сие место. Я всех несчастнейший! Уже все они жизнь свою скончали, последний погребен руками моими; я один в сем жилище смерти, я тщетно ее призываю, и когда избавит она меня от бремени жизни моея, никто последнего не воздаст мне долгу, погибнет прах мой, и я лику сего собою не умножу».

Объятый удивлением и жалостию, Иосиф умолкает. Он обращает очи свои на сей царский призрак, беспо-

лезным украшенный великолепием, на сих рабов, кои еще обожати его кажутся, и на сего старца, который о том плакал, что не возмог с ними скончатися купно. Он поражен был бесчеловечною гордостию сих монархов, кои, утесняя, может быть, народ свой, распространяют и по смерти свое варварство и приносят еще жертву своему самолюбию, когда уже нет самих на свете. Но другое чувствование возбуждается внутри его сердца: сей старец, на коего устремил он свои очи, возобновляет в уме его образ его родителя; кажется он ему испускати последнее воздыхание, призываяй смерть и страдаяй о том, что рука возлюбленного ему сына очес его не затворяет. Омыв лицо свое слезами, преклоняет он старца изыти из сего жилища. «Не могу, — ответствует несчастный, — я должен буду умрети с мучением и бесчестием. Когда уже я состарился в сем гробе, то в оном я и жизнь свою окончу. Долгое время окруженный трупами, не могу я с живыми пребывати, и приобыкшие к смертным теням очи мои сияния солнечного пренести не возмогут... Я ласкаю себя скончати скоро мое мучение: уже колеблющиеся ноги мои не могут более меня ко входу сего места носити для приятия пищи, определенной на продолжение несчастной жизни; уже слабые руки мои не соблюдают более сего бледного свету; с ним скончаются дни мои; мрак, в который я погружен буду, станет мне сладчайшим предвестником смерти... Скоро во гробе сем не будет ни единого живого человека...» Рек он, и когда Иосиф взирает на него нежными очами, светильник угасает и старец последнее испускает воздыхание.

Иосиф, жалости и ужаса исполненный, удаляется; идет он паки среди мрачныя нощи, усугубляющей ужас того зрелища, коему он был свидетелем. Вышед наконец из сего жилища, остановляется он пред пирамидою и повелевает истолковати себе единую из примечательнейших надписей, состоящую в сих словах: «О люди! не здесь жилище смерти: из недр сего здания, до облак досязающего, вознесусь я к небесам и тамо буду божеством, о вас ходатайствующим». «Цари! — возопил тогда Иосиф. — И самая смерть вас не научает! Какою пресмыкающеюся гордостию разделяете вы

божескую честь с последними животными и воздвизаете здания, свидетельствующие величество ваше купно со слабостию? Должно ль, чтоб гробы ваши помрачали чертоги, вами обитаемые!» Окончав сии слова, удаляется он от сих пирамид, кои, обремененные знаками, суть сами собою не иное что, как самое разительнейшее свидетельство суетности человеческой.

Он входит в судно и плывет близ брега, исполненного мумиями, где, кажется, мертвые были различного вида. Колико расстояния занимают они в сих пространных пирамидах, толико их ряды, стесненные на сем неизмеримом бреге: на каждом шагу надлежит ступить по некоей жертве лютыя смерти, в самое то время, когда в сих гробницах теряется человек, ищущий праху, в них заключающегося. Здесь погребенны целые роды; одни места, часто занимаемые, и гробы, другими гробами поглощаемы: два ряда мертвых тел составляют узкие и многочисленные пути подземных мест, сего владычества смерти. На сих пустых полях, от места до места, видны были низкие пирамиды, доказывающие то, что гордость знатных вельможей имеет всегда своих подражателей. Иосиф, плывя близ сего брега, следует душевной своей склонности и в приятную грусть себя повергает.

Судно продолжает плавание, и сим мрачным видам последует зрелище поражающее, удивлением и чудом Египта назватися могущее. Сие было Меридово озеро, ископанное в диком камне неутомимою рукою человека и помогающее Нилу, приемля его в свои недра, когда изливается он с излишеством, или соединяяся с ним рвами, когда бывают малые его воды. О цари! вы кажетеся иногда богами естества! Сей камень в океан превратился. Среди озера воздвигнуты великолепные чертоги, окруженные обелисками, зрящимися в водах, подобных чистому стеклу; тамо во время летнего жару царь с своим двором наслаждается свежим воздухом: тако на дне вод представляется жилище морского бога, окруженное тритонами[1] и бурею почитаемое. Между тем, сии чертоги и обелиски, смешанные вдали с

---

[1] Тритоны — морские полубоги. *(Прим. Фонвизина.)*

гробницами, суть живый образ пышной суетности человеческой и того порога, о который разбивается мнимое величество.

Иосиф продолжает путь свой, и величайшее зрелище предстало его взору: Египет в неизмеримом пространстве предлагает ему все свои сокровища. Нил, победив многочисленные препятствия своему течению, низвергается с ревом и как бы во гневе с высоких камней ефиопских; потом течет он тихо между двумя рядами гор, кои Египет ограничивают и, препровождая реку до моря, кажутся принуждати ее к орошению сея великия страны. Брега сея реки до подошвы гор покрыты цветущею жатвою, густым дерном и плодовитыми древами, кои составляют сад неизмеримый, предлагают во всей величине страны сея дары свои путешествующим и спасают их от солнечного зною. Как в большом лесу дуб, вяз, сосна и тополь, соплетая различные свои ветви, растут в сладком согласии, без всякия помощи рук человеческих, — равно здесь, приятно между собою смешанные, рождаются померанцы златовидные, свежие оливы, желтые лимоны, мшистые персики и яблоки прозрачные; единое древо кажется вдруг носити все сии плоды, — толь тесно ветви их сплетенны; ослепляется око живостию цветов толиких, и ароматы их суть то же самое для обоняния, что для вкусу приятный ананас, соединяющий в себе всех прочих плодов приятность. По некиим местам пальмовые древа и кедры, кои кажутся быти леса сего прародителями, возносят над ними гордые верхи свои и от лучей дневного светила их защищают. Тут видны были древа и травы, для сей страны природою сужденные: смоковница, равныя высоты с величайшим дубом, лотос, подавший мысль о божественной амврозии, папир, из власатого верха своего широкие испускающий листвия, на коих Орфей писал первые стихи свои в сих местах волшебных. Птицы, сиянием перьев своих прельщающие, летают в сем лесу приятном, когда, светящиеся от солнечных лучей, многочисленные водные жители плавают по Ниловой поверхности. Среди сих садов великолепных, кои кажутся для единого созданы человека, гуляют стада красоты пречудныя и до половины травою

сокрываемые: природа имела, кажется, в деснице своей кисть, толь прекрасно они были испещренны. Пастырские хижины, грады, храмы и пирамиды, коих образ в Ниле начертавается, пременяют зрелище: сии здания, под ясными сотворенные небесами, сохраняют первую юность свою, и Египет, вместилище художеств, почитает еще оных произведения и в отдаленнейшее предает потомство. Но с обеих стран различное положение мест украшает явление. Здесь черные и неплодные камни, составляя тысящи чудесных видов, возвышаются к облакам, отревают оные и силу ветров разбивают, дабы тихое и безоблачное небо в длину сея страны царствовало вечно; тамо сквозь прерванных рядов гор высоких видны пространные пустыни песчаныя Ливии. Египет, пораженный сим зрелищем, уверил себя, что боги избрали его в жилище свое. Тако изображал он еще поля Елисейские: в них видна была Лета, виющаяся, подобно Нилу, зримая в прелестном своем течении; тамо обитала тишина, забвенны были бедствия, и, равным образом, вечными камнями от тартара сие жилище разделялось.

Иосиф, подобен жителям сих стран благополучных, забывает на единую минуту свои несчастия; он становится недвижим от удивления, когда око его озирает с жадностию и хощет объяти все сие великолепное изображение; между тем, душа его возносится ко творцу всея природы. Но среди сих чувствований усматривает он во всех странах языческие храмы: здесь обожают крокодила; по одну сторону ихневмон, враг его, людские моления приемлет; тамо упадают ниц пред лающим животным; в конце ливийския долины древнейшее стоит капище, столица суеверия, из недр коего, как бы из пропастей, касающихся аду, распространяются все злочестивые богослужения, поверхность земли покрывающие. Иосиф оскорбляется тем, что, толиками окруженные сокровищами, люди истинного бога познати не могут и что языческие капища оскверняют сей прекрасный храм природы, где все привлекает ему единому жертву приносити.

Но вид разительный влечет к себе Иосифа. Оставляя Мемфис, зрел он зеленеющую жатву; чем более

к Ефиопии приближается, тем паче видит оную желтящуюся до совершенного своего позлащения. Леса плодовитых древес равное представляют ему изображение; мало-помалу цветы уступают место плодам, кои, прияв прежде цвет зеленый, оттениваются постепенно и наконец в живейшем своем блистают виде. Спокоен во своем плавании, наслаждается он зрелищем неизмеримого луга, где пред восхищенным оком росли те дары, кои природа непроницаемо для нас сотворяет; тамо, когда зеленая жатва класится, выходит из плодоносных земных недр и тяжестию желтых класов к земле клонится; древеса, распуская приятную зелень свою, покрываются вдруг цветом и скоро потом обременяются плодами, коих быстрому рощению едва око последовати может; сей есть прямый образ создания света, когда вселенная, исходя из хаоса, явилась в краткое время украшенна своими произведениями, бесконечно различными.

Иосиф удален еще был от Ефиопии, и уже слышим стал рев водных порогов; чем ближе он приходит, тем паче шум усугубляется; целый ряд гор каменных, возносящихся до облак, наподобие амфитеатра, представляется весьма ясно его взору. Как многие соединенные громы, с яростию по верху Алпийских гор гремящие, проливают реки воспламененной селитры на дымящиеся камни, когда эхо страшный рев еще продолжает; или как источник океана, с шумом в земных недрах текущий и, устремяся из глубоких своих пропастей, умножающий морские воды и возвышающий оные к небесам, откуда упадают они в отверстую средину сего шара и основание его колеблют, — тако Нил низвергается с высоты гор каменных; пенистые воды, в тончайший прах раздробленные, далеко оный мещут. От сего страшного реву трепещущими крыльями птицы отлетают и лютейшие звери бегут в свои пещеры. Когда Иосиф предается важным мыслям, произведенным сими видами, тогда сокрытый до половины в облаках человек упадает с сими быстрыми водами; в единый миг прелетает он неизмеримое пространство: тако изображаются стопы бессмертных; суевер, видя в первый раз сие зрелище, помыслил бы, что бог сея реки снис-

ходит во Египет. Иосиф, пораженный сожалением и ужасом, чает быти мертва сего несчастного, но вдруг зрит его на плоту привязанна и последующа тихо течению вод Ниловых.

Снимают парусы, и судно, оставляя по себе следы, речному наклонению последует. На некиих местах пристает ко брегу: везде Иосиф вопрошает о земных произращениях и повелевает привозити к себе в Мемфис пятую часть жатвы.

В сей град возвращается он при радостных восклицаниях народа, который был уверен, что сие путешествие произведет общее благополучие. Но в чертогах своих не предается он праздности. По его велению во всем государстве искапывают кладези и при вратах Мемфиса пространное здание для сохранения хлеба воздвигают.[1] Иосиф не созидает, подражая знатным людям, гордую себе гробницу, но труды, посвященные человеческому благополучию, суть знаки его славы. Египет прейдет к другим государям; грек, римлянин, аравитянин подавати ему законы свои будут; но когда сии пирамиды, побеждающие время, не возвестят потомству о гордом прахе, в себе заключенном, тогда воспоминание о Иосифе, благодетеле Египта, жити будет посреди всех сих народов; они почитати станут следы его трудов, и десница благодарности начертает имя его на каждом камне сих преславных остатков. О други художеств! преходите моря зрети сии величества знаки и, если чувствительны сердца ваши, идите также воздохнути среди сих драгоценнейших остатков, воздайте оным дань некиими слезами; довольно есть знаков великолепия и рачения человеческого, и коль мало имеем мы знаков его благодеяния!

Но в самое то время, когда сии труды производимы были, Иосиф помышляет о важнейшем предприятии. Прежде возвращения своего в Мемфис следовал он течению Нилову даже до моря. Сия река, при входе своем во Египет побеждающая толь высокие камни, что кажется она с небес низвергатися, обретает при исходе

[1] Остатки оного видны в Египте и доныне. *(Прим. Битобе.)*

своем новые препятствия: колико быстра она, сходя из Ефиопии, толико тихо возмущенные воды ее извиваются здесь по илу, собранному ею, по сей тенистой земле, коея пространство око не может обняти; сей растущий ил мог бы со временем составить оплот, реку остановляющий. Иосиф прежде всего помышляет способствовати Нилову течению. Но сия мысль, яко семя плодовитое, растет и к важнейшим делам его приводит; он погружается в глубочайшее размышление, как добродетельный музам друг в прекрасный вечер обращает стопы своя на зеленое поле зрети красоту природы; она единая пленяет прежде все его внимание, но скоро потом предприемлет он воспети в пленяющих стихах творца всея природы и вселити в людей добродетель; уже дух его воспламеняется и громкий глас производит: тако Иосиф, помышляющий токмо способствовати течению Нила, пространнейшее восприемлет предприятие. Хощет он, осушив сие неизмеримое блато, новым государством увеличити Египет; в сем намерении зрит он менее на распространение земли, нежели на неожидаемое от глада вспоможение; превосходный в очах его огнь возгорается; уже кажется ему страна сия покрытою драгоценнейшими произращениями, и он напредь наслаждается уже тем блаженством, которое народу доставить желает. Сими мыслями исполненный, входит он в Мемфис.[1]

Он предстает Фараону и рек ему, что, не довольствуясь единым учреждением порядка в государстве его, хощет он еще расширити оного пределы. Удивленный царь прерывает речь его. «С которою страною, — вопрошает он, — войну начати хощешь?»

«Войну! — отвещает Иосиф. — Сие страшное бедствие, стыд человечества, разрушающее государство в самое то время, когда укрепляти оное кажется! Чтоб убивство обагрило руки мои, чтоб оросил я кровию жатву, цветы, чистые источники и спокойные сени! Я лучше восприму посох и буду жертвою сея казни,

---

[1] По древнему аравитскому преданию, собранному ученым отцом Кирхером, коим и я воспользовался, приписуется Иосифу сих земель осушение. *(Прим. Битобе.)*

нежели возжгу сей пламень пожирающий. Позволь, о государь! вещати мне чистосердечно: воспитанный между пастырями, не знаю я искусства притворяться, и несчастия не ослабили дух мой. Престол твой должен подобен быти древу, покрывающему своею тению все твои народы и дающему безопасное соседям твоим убежище; привлекай их кротостию твоего государствования: се твердейшия победы. Я хощу распространити Египет, не проливая ни единыя капли крови». Тогда восприятое свое намерение он ему повествует.

На сие царь с удовольствием ему отвещает: «Познаю твою премудрость и веселюся, внемля гласу человечества, вещающему усты твоими. Удивленный внезапу твоим предприятием, устрашился я того, чтоб величество не вселило в тебя сего жестокого любочестия, которое часто целый свет претворяло на убивственное зрелище. Я весьма удален от того, чтоб воздвигнути престол мой на окровавленных развалинах. Иди; все воины мои тебе подвластны, они велениям твоим послушны будут и произведут в действо толь великое и полезное предприятие». Тако вещал Фараон.

Иосиф немедля выходит из Мемфиса с многочисленным войском, вооруженным орудиями, приличными его предприятию. Прибыв ко брегу сего пространного блата, воины обращают вдаль сомнящийся взор свой. «Египтяне! — рек им Иосиф. — Вместо сражения с неприятелем, способствуйте вы реке, благотворящей стране вашей и зовущей вас пользоватися тою землею, которую она толико веков для вас составляет. Я не удаляю вас от отечества вашего; отсюда зрите вы башни Мемфиса, ободряющего вас сотворити его столицею величайшего государства. Сии поля, услаждая ужас глада, воздадут вам с лихвою за труды ваши. Спешите вы сию страшную казнь предупредити».

Рек он; подобные героям, кои в час сражения горят начати осаду, сии воины нетерпеливо желают исполнить повеленное Иосифом. Вдруг начинают рыть седьмь рвов, кои послужат пределами реке, разлившейся по сей поверхности; оплоты делу сему способствуют. Прежде рвы касаются друг другу, но, приближаяся к морю, они разлучаются,

Между тем, Итуриил, который от начала света и с самой той минуты, когда исходище Нилово истекло из недр земных в первый еще раз, упражнялся в сотворении нового Египта и до краю государства сего посылал тот ил плодоносный, который должен был оное увеличить, помогает ныне превосходному сему предприятию. Он возвышается на воздух, пребегает весь Египет, прелетает Ниловы пороги, страну черных ефиопов, и в Абиссинию приходит. Тамо остановляет он быстрину исходища; воды с меньшим шумом стремятся с камней ефиопских; река тише Египет протекает, и люди, упражняющиеся в ископании рвов, зрят с удивлением и радостию Нил, помогающий их работе. Сим ободренные, усугубляют они силу свою; присутствие Иосифа их поощряет; все делу сему способствует; наконец касаются они морскому брегу и, узрев сию стихию, толико срадуются ей, колико пловец по долговременном своем плавании, узрев землю, восхищается.

Делание рвов совершается, и оные ожидают той реки, которую в океан нести им долженствует. Отверзают оплоты, и Нил, оставляя поле, в седьми рвах своих течет. Каждая часть делателей, стоя пред тем реки сея пределом, который ископала, наслаждается сим зрелищем; опершись на заступы, следуют они оком водному течению. Скоро река, прияв новый путь, себе предписанный, открывает земли его сотворенные; се был образ дня того, в который покрывающие земли воды от гласа божия побегли в пучины, для них определенные. Делатели отвращают от Нила взор свой и на рождающиеся поля оный устремляют. О Александрия, основанная победителем как бы за опустошение целой Азии! ныне зрится место, на коем воздвигнутся твои гордые башни, соперницы мемфийским! Великий Каир! неизмеримое то пространство, где ты соберешь свои сокровища, кажется в сию минуту исходити из воды! А ты, о Помпей! уже ныне соделано то место, где гробу твоему быти суждено!

По окончании сих трудов Иосиф с воинами своими в Мемфис возвращается. Сия победа не слезами приобретенна стала; отец, старостию отягченный, вкушает веселие видети паки сына своего; нежная супруга, имея

в руках своих плод своей любви, трепеща от радости, объемлет своего возлюбленного в самое то время, когда младенцы сему приятному подражают восхищению.

Иосиф предстает царю, и, возвестя ему об успехах своего предприятия: «Ныне, — рек он, — повели, чтоб Египет, обремененный жителями, послал некую часть оных в новую сию страну».

Исполненный благодарностию монарх его объемлет. «Благодетель Египта! — ответцает он. — Победитель добродетельный! О, если бы цари твоему примеру подражали! О, если бы они, вместо опустошения стран просвещенных, творили плодоносными те земли, коих они себя лишают сами и оные лютым зверям оставляют! Скончай дело свое; подай нужные к тому свои повеления и царствуй един над страною, коей ты становишься зиждитель».

Тогда Иосиф ведет туда жителей и оным землю разделяет. Рожденная из речныя тины и толь долго водами Нила покровенная, земля сия производит с удивительною скоростию семена, ей вверенные. Когда украшается она зеленью, цветами, богатою жатвою, удрученными плодом своим древами, тогда пастырские хижины и грады воздвизаются. Как делатель прекрасного сада зрит довольным оком на растущие древеса, рукою своею насажденные, наслаждается первою их сенню и, окруженный ближними своими, восхищается тою приятною мыслию, что скоро соберет плоды своего дела, — тако Иосиф обтекает сию веселую страну; весь Египет с своими сокровищами, от самого Мемфиса до Ниловых порогов, не представлял ему толь пленяющего зрелища. Ангел, над морем поставленный, веселится на сих цветущих берегах, тамо забывает он бури и кораблекрушения; океан почитает поля сии, и ходатай Египта, летая в сих местах, чудится сему виду и радуется о деле своем. Когда Иосиф устремил очи свои на единое место, красотою своею пленяющее и которое предоставлял он царю, не предвидя блаженную оного судьбину, тогда восхищен он стал согласным шумом, произведенным беседою двух ангелов; не ведает он, эхо ли произносит глас сей неизвестный, зефиры ли составляют оного приятность или из уст бессмертных сей божественный глас

исходит. Исполненный сим волшебным звуком, идет он ко вратам Мемфиса полевые собрати сокровища. От самых камней ефиопских до брега морского виден был долгий ряд колесниц, везущих к стопам его богатство.

Среди сих упражнений возобновляются в сердце его неразлучные с ним чувствования. Не видя еще посланного им раба в дом отца его, предается он жесточайшему страху; не чает быти в живых Иакова и Селиму и мнит, что смерти их ему не смеют возвестити. «О ты, — возопил он тогда, — ты, который здесь остановил стопы моя в то время, как шел я обняти дражайших мне людей или воздати им последний долг мой, не ропщу я о том, но дай ты мне силу к пренесению толикия скорби!» Часто вопрошает он себя, не похищен ли от него и юнейший брат его; образ Вениамина предстоит очам его, и кажется ему зрети еще братнее дружество, впечатленное на устах его. Иногда мыслит он, что, рожденный с ним от возлюбленной Иакова супруги, подвержен может быть и он равной с ним судьбине, что братия его не терпели в нем крови Иосифа, что отдалили они его от родительского дому и повергли в рабскую неволю. Наконец толикое его смятение разгоняется подозрением, которое, сколь он ни отвергает, рождается в нем паче: чает он, что братия его, продолжая к нему злобу свою и страшася, чтоб их не открылись злодеяния, удалили раба его от очей Иакова и, может быть, оковами его обременили. Тогда он упрекает себя в том, что един из смертных от него становится несчастен; он слезы о нем проливает, свое воспоминает рабство; хотя и желает он другого из рабов своих послати в дом отца своего, но сие желание истребляет, и когда знатные вельможи презирают кровь людей, им подчиненных, и целый иногда народ приносят неправедным страстям своим на жертву, он того не помышляет, чтоб сан его и дражайшие природы чувствования давали ему право жертвовать последним из всех смертных.

Между тем, народные несчастия, занимая чувствительность сердца его, затворили от него некиим образом вид собственных его бедствий. Житницы наполненны были хлебом, и земля зрелась дарами своими покровен-

ная, когда, подобна военным предприятиям, рождающимся в царских чертогах, в то время как спокойный земледелец чает делати землю свою для самого себя, наставала та страшная казнь, которой приближения ласкающий себя народ еще не ожидал.

Ангел, посланный превечным казнити народы, слетает с кругов небесных. Рек он, и потряслася земля, и возмутился океан. Внезапу восстают в степях ливийских страшные вихри, носящие во мрачных недрах своих бесплодие и знойный прах, и когда горящее их дыхание иссушает Египет, сами они тогда отдаляют облака, собравшиеся над Абиссиниею. В пространных воздушных полях сражение творится. Прежде противостают полуденные ветры; облака, гонимые двумя сопротивными силами, биются друг о друга, тысящи молний их объемлют, и вдруг слышны стали в едино время гремящие вихри, гром и Ниловы пороги; соседственный с Ефиопиею поселянин, приобыкший к шуму водных источников, от сего страшного звука ужасается. Наконец ливийские ветры торжествуют; отреваются облака и, как бы в бездну вод низверженные, сокрываются они от горизонта. Обманчивая ясность царствует в неизмеримом небес пространстве. Ангел Египта зрит побегшие облака со всеми сокровищи государства сего; ни едина завеса небесных кругов от него не сокрывает, но сие пленяющее зрелище не может утешити его о готовящейся казни. Он обращает очи свои на исходище Нилово, и, вместо того что в сие время он, небесными увеличенный водами, должен был стремиться с необычною быстриною и побеждати горы, стал он иссыхати постепенно и наконец тещи подобно потоку, слабое журчание произносящему и коего слабое течение легким препятствием прекратитися может. Уже рев водных порогов утишается, кажутся они отреянными и гремящими вдали; эхо умолкает; наконец скрываются воды, и в сих шумных местах царствует глубокое молчание. Птицы и лютые звери, коих водный шум исполнял страхом, ныне сею тишиною стали устрашенны. Жители соседних пастырских хижин исходят со страхом из сеней своих; от виду сих нагих и знойных камней ужасом они исполняются; казнь, им грозящая,

представилась их мыслям, и глад казался им под образом страшного призрака, сложенного из единых костей, сходящего с высоты сих камней, откуда прежде текло изобилие.

Когда они предчувствовали казнь сию, весь Египет, погруженный в веселии, наслаждался тогда последними приятностями плодородия. Нил исполнял еще свои пределы, и уменьшение вод его было тихо и непроницаемо. Но узрев убывание оных вместо разлития из брегов своих, целое государство таковым же объемлется смущением. С обеих стран и во всем реки пространстве брег исполнен был множеством людей, кои, устремляя на исчезающую воду мрачные и угасшие очеса свои, возмущаясь духом, слезы проливали. Между тем, тщетно поля ожидают вод, их удобряющих; уже увяли нежные цветы, травы, сильнейшие оных, потупляя унылые верхи свои, кажутся умоляти Нил в самое то время, как кедры и пальмовые древа, покрытые еще своим листвием, казались хотящими презрить сию страшную казнь; но наконец, подобны зданиям, возвышенным рукою человека для потомства, кои, одолея несколько веков, равно как и воздвигнувшая их рука, уступают хищению времени, сии гордые леса теряют всю красоту свою; листвия, коими они вечно украшались, увядают, упадают и обнажают мертвый пень и неплодные лозы. Земля не совсем еще лишилась зеленого дерна, на брегах видны еще были некие оного следы; но скоро все разрушается, и всеобщая наступает гибель. Можно бы помыслить, что неисчетные прузи пожрали все до последнего корня или пламень алчного пожара обнял всю сию страну. Весна и осень, кои, держа за руки друг друга, в сих прекрасных местах поставили престол свой, казались оные оставити навек: лето, окруженное губительными огнями, учреждает тут свое владычество. Нет более сени от солнечного жару; земля зноем пожирается, дыхание зефира огненно, и зажженный Нил ни единого свежего пара не испускает. Поселянин, стенящий и согбенный, собирает плоды, упадшие с древес, дражайший и последний дар, который прежде собирал он с цветущих ветвей. Потом взирает он со страхом на поля опустошенные, устрем-

ляется делати оные; не смея более вверити семя поверхности земной, раздирает он ее и обращает в надежде более плодородия обрести в ее недрах; он орошает ее и пóтом и слезами и идет черпати воду, которая прежде туда текла сама собою; не приобыкшая к таковым трудам, печальная супруга оные с ним разделяет, когда, не зная будущего, счастливые их младенцы окрест их играют и соединенными своими руками слабо направляют заступ в землю неблагодарную; мать взирает на них с усмешкою, смешанною с печалию, а отец, в уныние поверженный, работу свою усугубляет; но тщетные труды! Природа отвергает вспоможение искусства; Ниловы воды лишили их плодоносия, и пот человека не может удобрить омертвевшую землю; если же иногда некая слабая трава из пашни изникает, вдруг при очах же земледельца пламень солнечный пожигает оную. Он плачет, зря надежду свою уничтоженну, и, привлеченный жити в недействии, тем паче о своем несчастии размышляет.

Когда большая часть вельможей заключили себя во внутренних своих чертогах для удаления от очей своих, а если б можно и от мысли, сея жестокия казни, тогда Иосиф выходит из Мемфиса и шествует в поля, в сей страшный театр бедствия народного. Какое зрелище поражает взор его! Вместо сего блаженного жилища, где природа щедро изливала свои сокровища, зрит он единообразный вид всеобщия гибели, Египет, столь же неплодный, как и окружающие его пески и камни, Нил, почти иссохший и кажущийся нести воды своя в страны благополучнейшие, водных жителей, на дне умирающих, песни, в лесах прекратившиеся, птиц, неплодные поля клюющих или тщетно между знойных ветвей ищущих себе убежища, овец, преклонивших к земле главы своя и без пастыря бродящих, и бледных земледельцев, идущих в молчании смятенными стопами. Сим зрелищем устрашенный, Иосиф остановляется и не может слез своих сдержати. Он ободряет народы и обещает им свою помощь. Они верят словам и слезам его, сим неложным знакам чувствительности сердца его: обновляется надежда и до самых ефиопских брегов, от единыя сени до другой, распространяется.

Оттуда идет Иосиф в земли, его старанием осушенные. Как жатель, прия серп в свою десницу, приходит жати класы, кои вечером он зрел процветшими, но в самую ту нощь острый град поразил оные до корня и вихри похитили до последния былинки; объятый ужасом, не узнает он полей своих, и бесполезный серп упадает из руки его, — тако Иосиф возмущается видом сего опустошения. Нил в седьми рвах своих уже более не извивается, сии поля восприяли прежнее свое неплодие; от места до места видны токмо были пастырские хижины, кои являли то собою, что есть во стране сей несчастные люди.

Многие из них, собравшись под знойные кедровые ветви, при тени единого токмо пня, расседшегося от жару, нося на челах своих вид отчаяния, указывали перстами на сии поля и рвы, руками их соделанные. Роптание начиналось уже во устах их, когда они Иосифа узрели. Радуга, тмами цветов испещренная и сияющая во облаке мрачном, где прежде гремел гром, не изливает толикия тишины в природу и в душу земледельца. Исчезает страх сердец их; опустошение, живущее в полях, от взору их сокрывается, и плодородие обновлятися кажется.

Но Иосиф не довольствуется ободряти народ едиными словами, он спешит бедство их самым делом отвратити. Не возвращается он в свои чертоги, где бы несчастных вопль слышен был токмо издалека, а часто бы и совсем не был допускаем. Уже во внутренности полных житниц он обитает; чертоги его суть то место, где является он благодетелем народа. Ведая, что знатные слагают с себя бремена свои и оным слабых отягощают, хощет он сам надзирати раздаяние собранных им благ. Блажен земледелец! не погибнешь ты гладом, зря в руках богатых хлеб, соделанный тобою!

Пентефрий оставил свои чертоги ради вспоможения во трудах Иосифу. Но кого избрати для отправления при сем должностей различных? Где найти людей не развращенных, коих бы жадность не иссушила единого кладезя изобилия? Иосиф умел сотворити сердца их добрыми; не ищет он их по граду, он обретает их в пастырских хижинах: они были те самые, с коими

он претерпевал рабство. По воле Пентефриевой собирает он их при вратах Мемфиса. «О други! — рек он им. — Я принимал участие в оковах ваших; разделите вы со мною истинное удовольствие вышнего сана соделовати благополучие людское. Нет более для вас ни цветущих лугов, ни лесов зеленых, ни желтеющихся класов; привлекая к другим трудам, исторгну я вас от печального зрелища. Когда же вас природа в поле будет призывати, тогда вы ее гласу повинуйтеся; между тем, мы все купно жити будем, и я узрю те обновляющиеся дни, в кои дружество несчастия мои услаждало».

Рек он, и, усердием исполненные, посвящают они себя новым должностям своим. Счастливое согласие великия души и крепкого тела было между Иосифом и его друзьями; единый дух вещал и исполнял повеления. Правосудие, которое чли от земли изгнанным, явилось туда паки и казалося в сем месте воздвигнути престол свой. Бедному равно с богатым угождаемо было, и если иногда весы несколько колебались, то разве было сие в пользу робкого и страждущего человека. Тако изобилие царствовало во время глада. Одни знатные вельможи, принуждены будучи умерить излишнее, терпели от сея казни, и можно было зрети бедного довольна и богатого скорбяща. Редкое зрелище в народном бедствии!

Когда гибли все животные в лесах и в иссохших Ниловых пределах, тогда птицы, благополучнейшие оных, собирались облаками окрест того здания, где жито раздаваемо было: зерны, на землю упадающие, немедленно были их добычею. Они платили Иосифу своим пением, единым веселием, которое ему представляла природа, лишенная всех своих прелестей.

Но ангел Египта из исходища Нилова возвышается на верх высочайшего камня, откуда око его всю защищаемую им страну объемлет. Подобен нежной матери, которая, восхотя питати младенца своего и нашед источник млека иссохший, взирает болезненно на плод своей любви, смотрит он на страну сию, рожденную из тины, удобренную Ниловыми водами и ныне гладом опустошаемую. Но вид утешающий соединяется с сим бедственным видом. Он зрит у мемфийских врат как бы

новый источник, откуда во весь Египет течет изобилие; он зрит Иосифа, управляющего течением оного; он мыслит, что сей добродетельный смертный есть ныне ходатай дух сего государства; доволен летит в сии места и стрежет сии сокровища.

Между тем, народы приносят Иосифу все свое злато; лишася оного, вручают ему стада свои, наконец оставляют они в руки его и земли свои. Положась на его благоразумие и щедроту цареву, не страшатся они потеряти навеки собственного своего владения, они отдают ему оное залогом и знаком своея доверенности. Между тем, питал он их и скот их и стал на земле живым образом провидения божия, который един господь и един правитель мира держит его, владеет оным и всеми заключающимися в нем дарами дает человеку наслаждатися.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Когда Египет, оставленный рекою, его удобряющею, питаем был руками Иосифа, тогда, подобно быстрому источнику, который, удержан став оплотом, в другую страну устремляется, — глад за пределы сего государства распространялся. Уже ангел, посланный в мир с сею казнию, прибыл на брег Чермного моря: неплодие достигает даже до сих брегов; океан стремление оного не остановляет. Ангел, прешед море, касается плодоносным полям аравийским; почти единым ударом разит он небеса и землю; скрываются облака или становятся неплодны, и земля свое теряет плодородие; внезапу гибнут обильные аравийские произведения; удивленное море не приемлет более обыкновенныя дани аромат, которые волны его покрывали и кои, оживляя путешествующего, привлекали забывати свое отечество.

Ангел продолжает свое страшное течение, и, преходя путь, превечным ему повеленный, приходит он во страну Ханаанскую, в дом Иакова. Узрев сие жилище, где почитаем был творец всея природы, он остановляется и желает быть ходатаем оного; входит он невидимо в сень сего старца и зрит его, проливающа слезы;

столь ни был он подвигнут там на жалость, но, невзирая на сие, принужден он был повиноватися велению, которое он проникнуть не может. Тогда семена, вверенные земле, умирают в ее недрах, питательные соки, как бы иссохшие источники, уже более на травы и на верхи древес не исходят.

Сень Иаковля обнажается своего листвия: не цветы в ней увядают, ибо оными давно более она не украшалася. Возле ее мертвеет сень, воздвигнутая Иосифом и в которой ныне Селима обитала. Весь дом сей равное сему представляет зрелище.

Иаков, который, лишася возлюбленного сына, исходил редко из своего жилища, исторгнут был из оного сим несчастным случаем. Ведомый Селимою и Вениамином, трепещущими стопами шествует он во своя хижины; согбенную главу свою подъемлет, и очи его смятенно озирают сии плачевные виды. По долговременном молчании: «Сень Авраамля! — рек он. — Наконец прежнее твое сияние затмевается... Сень погибшего сына! ты кажешься с нашею печалию согласна, и я зрю последние твои листвия упадающи... А ты, алтарь священный! с того времени, как тебя воздвигнул Авраам, се в первый раз не примешь ты начатков плодов земных... Мог ли я чаяти того, что должен я еще другие оплакивати бедствия и что с новою скорбию сниду я во гроб? Так мало для меня лишение дражайшего мне сына: надлежит мне еще, умирая, видети погибающих всех моих ближних!..» Потом, устремя на Селиму и Вениамина нежные очи: «А вы, — рек он, — дщерь моя! сын мой! вы, утешая стенящую старость мою, вы, которым должно сомкнуть очи мои...» Скорбь препятствует ему продолжати свое слово.

Селима объемлет его, слезами омывая. «Дражайший отче мой! — рекла она. — Если купно снидем мы во гроб, то сим исполнится мое первое желание. Каждый день прошу я у небес прекратити жизнь мою во единый час с твоею. Приобыкшая слезы мои соединять с твоими, каждую минуту буду я искати тебя в сени твоей, и, не нашед тебя тамо, сердце мое может ли перенести толикия скорби, и довольно ль будет слез моих к оплакиванию отца и возлюбленного? Что может быть

приятнее для нас, как мыслити о том, что будем мы соединены с тою непорочною душою, о которой мы страждем непрестанно, что примет она участие в первом восторге нашея радости, быв толь долгое время свидетельницею скорби нашея!» Сии слова, произнесенные жалостным гласом, смягчают Вениамина и приносят некое утешение Иакову.

Между тем, другие его дети, собравшися вне дома, обращают очи на плачевные свои жилища и на поля опустошенные, потом друг на друга взирают они с ужасом, ни единого не произнося слова. Свирепее и бледнее всех своих братий, Симеон не устремляет очей своих ни на дом свой, ни на поля; погруженный во мрачное уныние, потупил он к земле грозное око свое. «Раскаяние, терзающее меня день и ночь, — вдруг возопил он, — так ты малое еще мне наказание! Се предстоит жесточайшее; нет в том уже сомнения, сынове Иаковли, я един обращаю казнь сию на главы ваши! Я привел вас на злодеяние, я един продал брата моего, без меня бы дружество, веселие и изобилие обитало в нашем доме. Если б я един терпел казнь сию, не приносил бы я тогда ни единыя о сем жалобы; но сие мстительное небо, коего тщетно умоляю я поразити громом меня единого, хощет скорбь мою увеличити, хощет, чтобы я совершил погибель отца моего, вашу, Селимы и всех моих ближних; я должен видети всех своих мертвых и смерти их виною себя признавати; я рожден на разрушение потомства Авраамова до самого его корени; тщетно бог обещал ему многочисленное племя: я осквернил его собою, оно должно быти истребленно... Свершилось все теперь, вам более меня не можно удержати, иду открыти все Иакову, хощу, чтоб он наказал меня, чтоб он умертвил меня, чтоб избавил вдруг свой дом от братоубийцы и от всех бед, привлекаемых туда моим злодеянием». Рек он и, нося на челе своем знаки отчаяния, устремился бежати от своих братий.

«Постой, — возопил Рувим, — постой, или мы сами последуем за тобою и скажем то Иакову, что все его виновны дети. Несчастный, ты, себе желая смерти, умерщвляешь своего родителя!»

Симеон трепещет, остановляется, и все они входят печально в дом свой. Издалека зрят они почтенного старца, возлежащего на персях Вениамина и Селимы, зрят слезы, из очей его лиющиеся. «Не пойдем далее, — рек Неффалим, рыдая. — Блаженна Селима, блажен Вениамин! вы с ним купно слезы проливати можете». Все они стали неподвижны. Симеон ужасается: как убийца, узревший жертву, пораженную им слабым ударом, ощущает трепетание сердца своего, хладный пот его орошает, тако шествует он упасти к ногам Иакова и сложити с себя страшное бремя своего злодеяния; но вдруг, как бы жестоким вихрем отреенный, от ужаса вспять обращается.

В самое то время повсюду распространялся слух о мудрости Иосифа. Между небом и землею летает ангел, возвещающий людские добродетели. Когда ложная слава служит гордыне и честолюбию, тогда он простые токмо и смиренные добродетели дает познавати; единая истина исходит из уст его, достигает до небес и, невзирая на роптание смертных, слышится иногда и на земле. Чаще всего направляет он полет свой далеко от больших градов и летает над бедными пастырскими хижинами. Ныне у врат неизмеримого града почерпает он повествования, достойные внимания земли и небес. От мемфийских башен возвышается он, с единого круга на другий, даже до престола божия, и повсюду возвещает премудрость, которою Иосиф от глада Египет избавляет; в сих бесчисленных кругах, текущих разными путями, раздается вдруг имя Иосифово; небесные умы остановляют свое пение и внимают сей важной песни, посвященной добродетели. Оттуда ангел снисходит быстрым полетом до дому Иаковля. Тамо возвещает он премудрость египетского правителя, кротость его, порядок и изобилие, сохраняемое им в сем государстве, и чувствительность его к несчастным и бедным поселянам.

Сим повествованием Иаков возмутился. «Таково, — рек он, — таково было душевное свойство моего несчастного сына. О Селима! и я такожде хощу тебя утешити. Блажен сын мой, не могущий зрети угрожающего нам бедствия; чувствительная душа его не могла

бы перенести толикого удара, и он бы всегда исторжен был из объятий отца своего».

Но повествование ангела вселяет смятение и ужас в сердцах сынов Иаковлих: кажется, что толиких добродетелей описание обличало их жестокость. «Сей муж, — рек Симеон сам в себе, — сей муж странным помогает, а я брата моего принес на жертву!»

Между тем, Иаков призывает к себе всех своих сынов. Они убегали всегда от лица его, и каждый раз, когда он собирал их, страшилися они обрести его сведуща о их злодеянии; ныне, почитая себя виною сея казни, ужасались они и паче присутствия своего родителя. Трепеща, входят они в сень его; старец на них взирает, а они потупляют свои очи. «Вы зрите, — рек он им, — какое бедствие объемлет всю сию страну. Скорбь, паче старости, ведет меня ко гробу, и я не хотел бы продолжити еще несчастную жизнь мою; лишася сына моего, потерял я то, что мне жизни драгоценнее. Но Селима живет еще; Вениамин, подобие сына, о коем я рыдаю, Вениамин видит еще свет, и вы, дети мои, вы мне также драгоценны. Египет хотя гладом и опустошен, но житом изобилует, и он сими сокровищами должен премудрости своего правителя; падите к ногам его, принесите ему сие злато; он, вещают, милосерд к поселянам и несчастным, молите его о милости к дому нашему. Если б я не удерживаем был старостью и если б не хотел я оплакати сына моего на месте его рождения, я сам пошел бы во Египет; не знаю, что привлекает меня любити сего мужа, о коем слава гласит по всей земле. Насладитесь удовольствием видети его, взирайте на его добродетели: да несколько смягчит сердца ваши его кротость и чувствительность. Уже давно приношу я жалобу на ваше жестокосердие: вы оставляете скорбети отца своего; хотя и видел я вас проливающих слезы, но кажется мне, что вы еще не довольно оплакиваете Иосифа и что не угодно вам беседовати о брате вашем. Идите и не единое спасение от глада с собою принесите: принесите вы с собою добродетель; по возвращении своем возвестите о сем премудром муже. Но чтоб не лишился я всех моих сынов, Вениамин останется со мною». Рек

он, и Симеон радуется тайно, обретая случай отвратити бедствие, которого вину на себя возлагает.

Иосиф продолжал, между тем, надзирати Египет; он простирал такожде изобилие и в соседственные земли. Увы! когда питает он чуждые народы, не ведает тогда, что сродники его глад и смерть видят пред очами!

Фараон, уведав о порядке, с коим жито раздаваемо было, истинное удовольствие вкушает; он призывает к себе Иосифа и, удаляя от лица своего всех своих вельможей, изображает ему благодарность свою сими словами: «Добродетельный помощник мой в правлении, достойный разделяти со мною скиптр мой! Чем воздам тебе за твои услуги? Воздвигну ли кумиры тебе и пирамиды? Но ты таковую почесть презираешь, которая, гордыне воздаваема, не может быти тебя достойна; ты предпочитаешь зрети образ свой во всех сердцах живущий, и дела твои суть выше и тверже всех великолепнейших зданий. Зиждитель единыя части сего государства, ты стал избавителем целого Египта, и самые будущие роды тобою жити будут: ты даешь им жизнь, питая их отцов. Умножи свои благодеяния; не возмогши ничем тебе воздати за содеянное тобою, даю я тебе достойное воздаяние, отверзая новый тебе путь быти полезным моему государству. Глад не единое есть бедство, его опустошающее; язва, древнейшая и паче всего распространившаяся, усугубляет вседневно свои лютости: сия язва есть суеверие. Добродетели твои извлекли меня из заблуждения; ты дал мне познати господа миру; не возможешь ли ты просветить и народ мой? Стыжуся управляти смертными, весьма мало отличающимися от животных, пред коими они повергаются; хощу быти царем человеков. Затворим языческие храмы, коими земля отягощается; да сокроются ложные боги от твоего гласа, и когда единый бог царствует вселенною, да будет и у смертных единое ему служение».

Иосиф, по некоем молчании, воздыхает. «Колико желал бы я того, — рек он, — чтоб не одни бессловесные твари воздавали свидетельство существу всевышнему и чтоб род человеческий обожал его общим гласом! Коль приятно бы мне было разделяти с ним

преимущество, коим пользуются ближние мои, преимущество лестное, но вкупе и прискорбное чувствительному сердцу! Тогда люди, признавая единого отца и не разделяемы различными богослужениями, были бы все братия. О, коль приятно то согласие, которое основано на естественной склонности! Но сие блаженное время еще не наступило, и намерение твое обрело бы великие препятствия. Дружество, общие несчастия и всегдашнее обхождение помогли мне вселити свет в сердца пастырей, бывших со мною в рабстве, но просветить народ, погруженный в бездну суеверия, есть дело несказанно тягчайшее: можно отвратить течение источника, но быстрая река и наводнением увеличенная не хощет оставити глубокие пределы, собою изрытые. Египет есть отец суеверия и тем паче в оное повергается; он утверждается в своих заблуждениях, сообщая оные всем народам. Я привожу на память тот самый день, в который странник некий, без злого намерения убив крокодила, не мог от разъяренного народа спастися ни моею, ниже твоею властию; невзирая на стражей твоих, предан был он смерти. Во всем пространстве земли твоея не поклялись ли люди твои во время глада питатися паче кровию человеческою, нежели плотию животных, ими обожаемых? Чего не должно ожидати, если всех богов мы от них похитим. Возмущение и война соединилися бы с гладом и ужас бы оного усугубили. Алтари, воздвигнутые существу всевышнему, обагрилися бы человеческою кровию. Нет, не принудим людей к богослужению, которому из сердец исходити подобает, и будем подражати естеству, возвещающему господа кротким и уверяющим гласом. Не мни, чтоб отрицался я помощи намерениям, кои давно уже я сам предпринимал, но толь закорененному суеверию медленное потребно врачевание; очистим древо, но не истребим его. Сам господь не восхотел первее призывати к познанию своему людей, кроме моих праотцов. Следуя его примеру, призовем мы добродетельнейших смертных к нашему служению, а дабы не возмутить тщетно народы, то да будет служение сие покровенно некиим таинством. Да содержит Египет, бывший до сего времени убежищем суеверия, да содержит в себе

дражайшие семена правыя веры, и когда народ ложных от него богов требовати будет, тогда да придут мудрые от всех стран познати в наших таинствах существо всевышнее, до того времени, когда, исправившися, род человеческий объимет сие познание и утвердит оное навеки». Рек он и, похваленный царем, исполняет немедля свое предприятие.

Тогда воздвигнут был в Мемфисе храм, который величеством своим затмевал все египетские капища и, назначенный идолопоклонству, не был еще оным осквернен; Иосиф исторгает сей храм от злочестия и превечному оный посвящает. Он избирает малое число мужей добродетельных для сего служения. Потом, призвав Итобала: «Мой друг! — рек он ему. — Ты не рожден в неволе, изыди из сего состояния. Я не предлагаю тебе величества, не вручаю меча, коим храбрость твоя вооружалась; спокойное ныне твое отечество не призывает тебя к битвам, и война Египта не смущает; наслаждайся блаженством, не проливая крови. Первому тебе открыл я творца всея природы; тобою я хощу народы просветити. Буди начальником над теми, коих избрал я к богослужению, приличному человеку; сразися с пороком и ложным предрассуждением, постави царство добродетели. Друг достойный! изливай повсюду чувствительность сердца твоего, председи священному дружеству, соединяющему сие новое сообщество мужей просвещенных и непорочных. Не к бесплодному познанию будешь ты людей призывати, учи их правоте и благодеянию; да вожди рода человеческого не заблуждают с ними во мраке; соделывай царей, мудрых законодателей. Иди, Пентефрий для меня дал тебе свободу; а я, сняв оковы с того, который, шествуя сам на смерть, хотел извести меня из темницы, удовлетворил и дружеству и благодарности». Произнеся слова сии, сердце его смягчается, восхищенный Итобал упадает к ногам Иосифа, который восставляет его и объемлет.

Провождаемый теми непорочными мужи, над коими начальствовал, идет Итобал от объятия Иосифа во храм, посвященный творцу всея твари. Царь первый туда шествует и, вступая в число людей, хранящих сие таинство, просвещается. Сему примеру подражает

Пентефрий. Уже храм сей ожидает к себе мудрых от всех концов вселенныя. Орфей! песни твои станут в нем священнее. Ликург! Пифагор! вы почерпнете добродетель из сего божественного кладезя. Из недр сего жилища, о чудный Сократ! достигнет до тебя преходящее от единого философа к другому познание о боге, которое вселит в душу твою ту непоколебимую твердость, коею возвышен будеши над врагами своими, имущими принести тебя на жертву!

Иосиф, не довольствуясь единым исполнением сего предприятия, хощет еще и того, чтоб пирамиды, посвящаемые прежде гордыне и ложным таинствам, имели на себе почтенные знаки нового служения. Сим придает он более величества древним оным зданиям. Мудрые, на них взирающие, не единому чудному искусству дивятся. Сии гробницы вещают им о боге и бессмертии; они суть книги их, после той, которую им природа предлагает. Тако Иосиф, питая народы, их просвещает.

Посреди сего дела искал он иногда уединения, размышляти во оном о своих возлюбленных. Сие едино прерывало токмо важные его упражнения. Время быстро пролетало, а он не мог еще исполнити главнейшего своего желания, как во единый день, когда воображение его, паче всех дней, представляло ему ближних его, возвещают ему о прибытии чужестранцев, желающих от него купити пищи. Они немедленно ему представляются, в чертоги его входят и, повергнув себя к ногам его, преклоняют чело свое к земле; старший из них простирает свое слово: «Не остави, — рек он, — не остави погибнути людей несчастных, кои, быв некогда в изобилии, ныне гладом истаивают. Мы пришельцы, и хотя приносим к тебе злато, но не имеем права наслаждатися плодом твоего старания; слава возвестила в дому нашем твои добродетели, и мы не устрашаемся призвати на помощь нашу защитника несчастных».

Гласу сему внемлет тщательно Иосиф. Взирает он на пришельцев: един из них пленяет его внимание. Он был бледен необычно и казался виновен быти в страшном некоем злодеянии, и мрачное око его изъявляло души его смущение. Иосиф познает Симеона; неволь-

ный страх его объемлет; в самое то время зрит он Неффалима, Рувима и прочих своих братий. Он становится неподвижным от удивления. Первое его чувствование было простити вину их; он отверзает им свои объятия, и уста его готовы уже были нарещи имена их, но, хотя ведати таинство сердец их, укрощает он с трудом сии движения. Он озирает своих братий, как бы стремяся проникнути во внутренность их душ; очи его, встретясь с Неффалимом, исполняются слезами, и он тщетно ищет в них Вениамина. Между тем, они, устрашася его взоров и объятые смущением, кое преступники, зря непорочность, ощущают, не смеют они возвести на него очей своих и ожидают того, чтоб он прервал молчание. «Жив ли ваш родитель?» — рек он им смущенным гласом. «Жив», — ответствует Рувим. Иосиф возводит к небесам очи, омоченные слезами благодарности. «Так вы все его оставили? — продолжает он. — Кто помощник его старости?» Произнося сии слова, едва мог он сокрыти свое смятение. «Селима, которую он чтит своею дщерию, — рек Рувим, — и Вениамин, юнейший сын его, вспомоществуют ему бремя старости носити».

Тогда Иосиф, не возмогши удержати смятенные чувствования сердца своего, исходит вон от них, и слезы его рекою лиются из очей его. «Они живы! — возопил он. — Они все еще живы... а я медлю их видеть! Пойду отселе, отвращу от них глад; они ближние мои, они должны быти мне драгоценнее чуждого народа...» Он устремился идти и вдруг остановляется.

«Но что! — рек он. — Или чужд мне сей народ? Или не мне препоручил бог блюсти его? Могу ли я отыти от него без вышнего веления, и оставлю ль я дело мое не совершенно?.. Так и счастие мое с скорбию смешенно!.. Но я должен повиноватися воле того, кто подал мне толикие знаки своея благости: отселе могу я лучше отвратити казнь, погубляющую дом родительский. По крайней мере могу я усладить таковое жертвоприношение. Селима! необходимо надлежит тебе быть неразлучною с тем, который тебя чтит утешением и радостию своею; буди ему вместо меня до того времени, как прииду я разделити с тобою сие приятное упражнение;

но ты, Вениамин, прииди в мои объятия, прииди облегчить мне последние дни толь несчастного изгнания».

Он отирает слезы свои и идет к сыновом Иаковлим, кои, ожидая его с нетерпеливостию, страшились слышати моление свое отверженно. «Я даю вам жито, — рек он им, — спешите изыти отселе, спешите на помощь к своему родителю... и Селиме... Колико желал бы я видети Иакова!.. Мне знаем сей старец непорочный... По крайней мере желаю я зрети всех его сынов. Я хощу оставить здесь единого из вас, пока приведете вы ко мне Вениамина... Не имеете ли вы еще другого брата?..» В то время устремил он на них взор свой.

Возмущенные сим вопросом, безгласны они стали; Симеон бледнеет, воздыхает Неффалим, кажется им всем, что сей великий муж проницает во глубину сердец их. «Нас было дванадесять братий, — рек Рувим, запинаяся, — но мы не ведаем, что с одним из нас приключилось».

Между тем, взирали они друг на друга, желая вопросити един другого, кому в земле чуждой остатися должно. Тогда Симеон тихим гласом им вещает: «Небеса не престают гнати нас, — рек он, — вы знаете, кто виновнее всех. Идите, возвратитесь в дом Иакова, я остаюся здесь; все места для меня равны, повсюду сердце мое терзаемо раскаянием будет». Рек он; объемлют братия его и обещают ему немедля изыти для избавления его от плену.

Видя раскаяние Симеона и расставание его с братиями, едва не открыл Иосиф того чувствования, которое в душе его было заключенно; уже очи его слез полны были; но ангел Египта, который такожде был ходатай Иосифов, восхотев велением превечного наказати Симеона, продолжити терзание совести вероломных его братий и сотворити суд с гонимою добродетелию, взял за руку Иосифа и отвел его от братий. Они шествуют в свой путь, Симеон, печален и уныл, един остается.

Иосиф, как бы от смятенного сна пробудяся, хощет знати, где пришельцы, требующие его покровительства; возвещают ему о их отшествии; тогда предается он печали, вопрошает себя, въяве ли зрел он ближних

своих, почто не устремился он в их объятия. «Жестокосердый! — возопил он. — Ты мщением пылаешь!» Он хощет видети хотя Симеона и шествует в то место, где его оставил, но тамо его не обретает и не ведает того, что ангел Египта повел его во храм, посвященный творцу всея природы, во храм, служащий пристанищем и гонимой добродетели и злодеям, пришедшим в раскаяние.

По некиих днях, седящий пред сению своею Иаков с Вениамином и Селимою зрит прибывших сынов своих; они сходят с верблюдов и полагают у ног старца вретища свои, наполненные житом. Он стретает детей своих с горячностию, но, обняв их, обращает окрест себя смущенные очи. «Где Симеон? — рек он. — Я не зрю его».

«Не смущайся, — ответствует Рувим, — достойно хвалят правителя египетского: когда устрашало нас его величество, тогда снисхождение его ободряло дух наш. Он жалостлив к несчастным, и ему любезна добродетель. Мы зрели его при имени твоем смягченна и проливающа слезы о бедствии твоем; ты знаем от него; он вопрошал о всем том, что тебе любезно, и казалось нам, что он чтит тебя и любит. Хощу, рек он, видети всех сынов Иаковлих. Вся строгость его к нам состояла токмо в том, что оставил он у себя Симеона, доколе не приведем к нему Вениамина...»

Сии слова поразили Иакова. «Жестокосердые! — прерывает он. — Так вы стремитесь похитить от меня всех моих детей. Я лишился Иосифа; поднесь сердце мое о нем терзается; не вижу более Симеона, и вы мыслите исторгнути из рук моих Вениамина! Нет, не ласкайте себя, чтоб я его вам предал». В то же время держал он его в своих объятиях.

Сынове Иаковли возмутились и умолкли. Рувим наконец простер слово свое. «Чего страшишься? — рек он. — Правитель Египта явит милость свою Вениамину. Я двоих детей имею: умертви их, если не приведу его к тебе».

«Но привел ли ты ко мне Иосифа? — рек разгневанный Иаков. — Или нет во Египте ни лесов, ни зверей лютых? И думаешь ли ты, что кровь внуков моих

утешит меня о гибели детей моих?» Рувим ему не смеет отвещати.

Они отверзают в молчании вретища, исполненные житом, и первее всего видят в них злато свое, врученное Иосифу; они пораженны стали удивлением. Но старец, в глубокое уныние погруженный и размышляющий еще об опасности, которой подвержен будет Вениамин в отшествии своем, взирает на злато сие без удивления.

До того времени, как было у них жито, не помышлял Иаков послати сынов своих паки в Египет; он сожалел о Симеоне, но не мог с Вениамином разлучитися. Как птица, сохраняя птенцы своя, раздает им щедро пищу, которой она лишается сама, тако сей чадолюбивый отец, не отвергая ни в чем желания детей своих, претерпевал сам часто нужду, дабы сим несчастным отшествием помедлити. Между тем, глад продолжал опустошати землю, жито уменьшалось, и уныние со ужасом вселилось в дом Иакова. Сыны его, предприяв погибнути не принося жалобы, не терзали его воплем своим, но жены их и дети скитались окрест сени его, и молчание их довольно погибель их изображало. Старец считает наконец число дней, в кои может он еще питати своих ближних, и устрашается, видя, что в скором времени возлюбленная его Селима, сын, коего он страшится потеряти, и все дети его снидут купно во гроб; если медлити еще, то не будет уже времени идти во Египет, искати помощи от глада; он ужасается от сей мысли. Потом вопрошает он себя, сын ли ему Симеон, воспоминает то время, когда зрел его, лиющего слезы об Иосифе, которого он прежде ненавидел. Тотчас исходит он из сени, исходит из нее един и идет искати сынов своих, удивленных его видом: трепещущие руки его несли злато, виноград, мед и мирты; он старается удержать слезы свои. «Идите, — рек он им, — идите к мужу тому, который детей у отцов похищает; невзирая на нашу нищету, принесите ему сии произрощения, наилучшие в стране нашей; принесите ему сугубое количество злата, которое он отвергнул; да оставит он у себя злато мое и возвратит мне детей моих! Наконец... если то необходимо... возьмите брата своего и идите. Поведайте сему сильному мужу о моем несчастном состоянии, скажите

вы ему, что я лишился сына, о коем вседневно слезы проливаю, что время не могло исцелити раны сея, что новым ядом исполнил он ее, удержав Симеона, что я, лишась Вениамина, не могу пренести скорби моея; возвестите вы ему, что Вениамин, плод старости моея и единый оставшийся залог дражайшия моея супруги, имеет все черты лица погибшего сына моего и место его приял в сердце моем. Низринет ли он во гроб того, который, древностию лет отягченный, благословлял его издалека, любил о нем беседовати и благодарил небо за такового покровителя Египту и ближним его? Если ожидание мое тщетно будет, скажите вы ему, что, невзирая на старость мою, я сам, я сам пойду искати Вениамина, что узрит он слезы несчастного отца и что, если он неумолим пребудет, узрит мертва меня у ног своих лежаща... Рувим! ты приносил мне клятву, воспомяни о ней, тебе вручаю я брата твоего; удали от него и самый вид опасности; да будет он посреде вас священным залогом, о коем вам мне должно отвещати; окружите все его и ему защитниками будьте; когда станете вы преходить леса, преклоняйте слух ваш и обращайте очи повсюду, дабы возможно было избавити его от лютых зверей и не подвергнути его судьбине Иосифовой. Я не возобновляю вам прежние мои жалобы, но ныне ничем себя оправдать не можете; вы не скажете мне того, что были от него вы удаленны, что вы не слыхали его воплю, что я не поручил его вашему попечению: я вам его вверил, и если не возвратите вы его моим объятиям, то клянуся небом не прикасатися житу, которое будет ценою его крови... Идите; да бог мой и бог отцов моих поможет вам обрести милость пред лицем мужа сего и да отвратит от вас всякую опасность! Между тем, я останусь один и буду помышлять, что лишился я всех моих сынов!» Сие ему вещающу, слез своих сдержати он не может.

«Я обещаю тебе, — рек Рувим возмущенный, — обещаю брата моего привести в твои объятия; если сего не исполню, то чти меня его убийцею и накажи меня своим проклятием». Все они равную приносят ему клятву.

Иаков в свое жилище возвращается, юный Вениамин, узрев его издалека, устремляется на стретение его и с нежнейшею ласкою его приемлет. Смущенный старец объемлет его, не произнося ни единого слова, и, держа его за руку, тихо в сень свою входит. Тамо возвещает ему о приуготовлении его к отшествию. При сих словах источник слезный лиется из очей Селимы. «Увы! — рекла она. — Вы хощете меня лишить Вениамина! Вениамин! брат мой! истинное подобие супруга, о коем я рыдаю! Я размышляла иногда, что, если я прежде Иакова умру, Вениамин будет помощник его старости; если Иаков предъидет мне во гроб, то мне останется хотя Вениамин. Хощете ли вы лишити нас взаимного помощника нашего?» В самое то время взоры ее привлекали Вениамина с молением ее соединитися.

Но он, отерши слезы, непрестанно из очей его лиющиеся, и взяв за руки старца и Селиму: «Коль несносно мне разлучитися с вами! — рек он. — Но когда юный Исаак, един будучи у Авраама, возлег на жертвеннике кротко, то есть ли какое еще бедствие, коему бы я с радостию себя не подвергнул для избавления вашего от глада? Я объиму колена сего славного мужа и молити его буду, чтоб позволил он мне с вами оплакивать смерть моего брата, и надеюсь обрести благодать пред лицом его».

«Сын мой возлюбленный! — возопил Иаков. — Надежда во мне обновляется: ангел спас Исаака. Ангел господень направит такожде стопы Вениамина». Рек он, но Селима еще слезы проливала.

Наставшу дню отшествия Иаков берет Вениамина из рук отчаянной Селимы; он орошает слезами сына своего, возводит на небо очи свои и призывает бога отцов своих; все умолкают, и рыдание прерывается; потом вручает он отрока своего Рувиму. Вениамин в слезах, подав единую руку старейшему из братий, а другую Неффалиму, выходит из сени. Все сыны Иаковли окружают его при очах огорченного старца; они удаляются. Иаков и Селима последуют за ним очами и препоручают еще Рувиму сей залог драгоценный. В сию минуту печальное воспоминание представляет

им тот лютейший час, в который зрели они удаляющегося Иосифа; они изображают взором сие чувствование, и слезы их с большим стремлением лиются.

Между тем, Иосиф с нетерпением ожидал своих братий. Как по страшной буре наслаждающийся блаженной тишиною пловец ощущает с веселием дыхание ветров, несущих его к отечеству, усматривает наконец башни того града, где родился, и, трепеща от радости, узрев дражайшую свою супругу, пришедшую на брег его прияти, простирает к ней руки своя, но вдруг страшный треск, исшедши из глубины океана, поражает слух его, день в единую минуту в нощь пременяется, вихри, раздирая воздух, обновляют бурю, корабль далеко от пристани отревается, и башни сокрываются купно со брегом и нежною супругою, — тако Иосиф зрит удаляющуюся минуту своего блаженства и чает иногда быти с своими разлучен навеки. Во смятении души своей шествует он в поле и громким гласом созывает он свою братию. Смущаяся паче судьбою Симеона, страшится отчаяния, в которое он повержен быти казался; возвестили ему, что он не соединился с сынами Иакова; вопрошает себя, кто отвещати им будет, когда придут они свое обещание исполнить. «Несчастный! — возопил он. — Неужели и ты у отца похитил сына!»

Во единый вечер, когда погружен он был в сие печальное размышление, Итобал восхищенный к нему приходит. «Мой друг! — рек он ему. — Ты сокрыл от меня таинство свое, оно мне уже известно... Добродетели твои равны величеству зол твоих...» Удивленный Иосиф словам его внимает.

«Недавно, — продолжает Итобал, — недавно вошел во храм наш некий странник, бледен, смущен, как бы мстящим некиим божеством гонимый и носящий на челе своем вид злодеяния и раскаяния, которое следует за тем обыкновенно; изумлен и трепетен, не может он возвестити нам, кто привел его в сие священное жилище; он оставлен в чертогах, назначенных для тех, кои должны от тяжких грехов очищатися; по некиих днях вопросил я его, он нарек имя свое: он брат твой Симеон...»

«О, весть приятная! — прерывает Иосиф. — Мой друг! не знаешь ты, коль сильного смущения меня ты избавляешь; иди, направи стопы моя, да объиму несчастного Симеона...»

«Постой, — отвещает Итобал, — и чти устав, самим преданный тобою. Ты ведаешь, что преступник, к нам пришедши, равно как и всякий, желающий в наше внити таинство, осужден бывает на долговременное уединение и молчание. Симеон поведал мне о всех своих злодеяниях, они привели меня во ужас; он терзается отчаянием, но надлежит, чтоб, раздраживши добродетель и священнейшие природы узы, исторгнут был на некое время от сообщества людей; когда станет он тебя более достоин, я приведу его к тебе; друг твой возвратит тебе твоего брата. Но я требую того, чтоб ты и тогда открыл себя не вдруг: ты знаешь злобу победити; я испрашиваю у тебя большия жертвы; удержи нежность свою и принуди сердце свое вселити страх в души братий твоих: сие последнее им будет наказание; необходимо быти тому должно, чтоб глас раскаяния сильнее поразил Симеона и чтоб ты сам был оному свидетель; надлежит, чтоб все сынове Иаковли добродетельми своими стали некогда утешением его старости». Иосиф соглашается неволею с намерением Итобала и препоручает ему облегчити несчастную судьбину Симеона.

Часы и дни в бездну веков погружаются. Наконец возвещают Иосифу о прибытии чужестранцев, кои, покрыты еще потом и пылию, хотят его видети. Он повелевает их к себе ввести в ту же самую минуту. Они входят с принесенными дарами. Узрев Иосиф свою братию, восхищается веселием; нежные очи его устремляются на Вениамина, который прежде взирает на него робкими очами, а потом в приятном восторге.

Рувим, неся в единой руке злато и держа другою юнейшего брата своего, предшествует всем сынам Иакова; все они упали ниц пред Иосифом, который вопросил их: «Жив ли еще отец ваш и Селима?»

«Они живы, — отвещает Рувим, — и отец мой посылает к тебе с сими дарами сугубое количество злата, прежде нами к тебе принесенного; мы не ведаем того, каким случаем оно на верху наших вретищ обретено;

возврати нам Симеона: мы исполнили веление твое, мы привели к тебе юнейшего сына Иаковля». В то же время предложили они ему и дары своя.

Иосиф, устремя очи свои неподвижно на Вениамина: «Чадо, — рек он нежным гласом, — бог да будет милосерд тебе!» И вышел от них сокрыти слезы своя. Вениамин возмущается и вопрошает себя, почто он более нежности, нежели страха ощущает.

Но Иосиф единого из служителей своих к себе призывает: «Поди, — рек он ему, — спеши ко Итобалу, скажи ему, чтоб он жертвовал мне несколькими днями и не удерживал более известного мне странника, что пришли его братия, что они ожидают его... что я, равно с ними, желаю его видети, наконец, скажи ему, что если он не придет ко мне на помощь, то невозможно мне будет соблюсти устав, от него предложенный».

Изрекши сие веление, входит он к братиям своим, и скоро Итобал приводит Симеона, который стремится в объятия сынов Иаковлих. Иосиф, свидетель их восторга, хощет в оном участие прияти; сей был первый раз, в который ощутил он некую зависть к своим братиям; но взоры Итобала его остановляют и не позволяют ему еще себя явити.

Между тем, великолепное пиршество приуготовляется, два стола поставляются: единый для Иосифа и друга его, другий для братиев его, кои по старшинству своему места свои прияли; Вениамин угощается с большим рачением. «Ах, почто, — рек он, — не можем мы разгнати страх Иакова и Селимы и возвестити им о благости правителя Египта!»

При сих дражайших именах, произнесенных устами Вениамина, смущается дух Иосифов. Итобал берет его за руку и приемлет участие в тех чувствованиях, которые он укрощает. Они внимали их беседе, и, взирая на них тщательно, остановляли они очи свои с веселием на младом Вениамине, который един, в сонме их, изъявлял радость, приятную невинности спутницу.

Наступает нощь, и с первыми лучами Авроры сынове Иаковли, желая прекратить страх отца своего, готовы были к отшествию. Иосиф, по совету Итобалову, дает тайное служителям своим повеление. Вениамин,

разлучаясь с ним, не мог удержати слез своих, и если б не остановляем был почтением, то устремился бы он в его объятия.

Сынове Иаковли удалялися от Мемфиса и приближались к полю, беседуя о благосклонном принятии правителя Египта и о веселии, которое отец их ощутит, узрев Вениамина и всех своих сынов; вдруг Симеон остановляется. «Нет, — рек он им, отчаянным взирая на них оком, — нет, я твердо предприял, я не последую за вами в дом Иакова. Влекомый как некиим умом небесным, шествовал я во храм священный, где царствует добродетель и где, поверите ль сему? где обрел я служение превечному. Я хотел отвергнуть от себя бремя моих преступлений, и я открыл им оные; я зрел их ужасом объятых; они вели меня в жилище отдаленное и осудили меня на уединение и молчание; тамо беспрепятственно одно раскаяние терзало сие злодейское сердце. Сии добродетельные мужи сжалились наконец о моей судьбине: вседневно приходили они ко мне утешати меня, но, вместо облегчения моего страдания, умножили они его, призвав меня к добродетели, и я чувствую, что мне дотоле еще терзатися должно, доколе не воздам возмездия за мое злодеяние.

Внемлите моему намерению: я хощу, скитаяся по всем странам, искати Иосифа. Может быть, он пребывает во Египте; но если я не обрящу его тамо, то пойду повсюду, где токмо обитают невольники; нет таких лесов, нет темных долин, где бы очи мои искати его не стали и где бы не призвал его глас мой. Если я буду имети счастие обрести его, устремлюся к нему, скажу ему: не бойся, не пришел я тебя умертвити, остави меня прияти место твое, избави себя от злодейского вида моего и спеши оживити томную жизнь отца своего. Идите от меня, возвестите Иакову, что нет более меня, что свободился он сына недостойного... не противьтесь моему желанию. Или хощете вы, чтоб вся жизнь моя текла в злодействе? И если б Иосиф очам Иакова явился, если б имели вы его в объятиях ваших, восскорбели ль вы тогда о Симеоне? Хотя и не могу я имети участие в сем радостном восторге, но в недрах самого рабства не приятно ли мне будет размышляти,

что разгнал я мрачное облако, навлеченное мною на дом родительский, что небеса не взирают более гневным оком на жилище Авраамово, что я исторгнул от гроба отца моего, в который рука моя его повергла, что Селима не крушится более, слезы проливая?.. Но нет, я не могу быти толико счастлив, чтоб возмог я обрести Иосифа; конечно, погиб он в скорби и в тяжкой работе, уж нет его на свете, и раскаяние до смерти терзати меня долженствует; по крайней мере я исполню все то, что в моей состоит власти, для исправления моего преступления; по крайней мере стенания Иаковли не возмутят моей души, и не будет он пред очами имети проклятого убийцу сына своего; я удаляюся от алтаря священного, от почтенных гробниц, кои осквернил я моим присутствием. Несчастная юдоль дофаимская! к погибели моей ты без меня была; когда ни обращал я взор мой на холмы, тебя окружающие, всегда хладный пот орошал тело мое и казалось мне, что земля трепетала под ногами моими; о сынове Иаковли! приимите последние мои объятия; не проливайте слез; я изменил природе и братскому дружеству, недостоин я имети ни отца, ни братий. Может быть, скоро скончают небеса несчастное бытие мое; может быть, камень, обрушась на меня, сокроет от очей людских злодея и гробом мне послужит, иль, может быть, река, пожрав меня в своей пучине, помчит далеко от градов и сел и на брега необитаемые труп мой извергнет».

Удивленные и возмущенные намерением Симеона, колебалися они между страхом его лишитися и надеждою обрести Иосифа; но в очах Вениамина видна была сия сладкая надежда, побеждающая скорбь. «Клянусь небом, — рек он Симеону, — что я не злобствую на тебя с того часа, как узнал я твое раскаяние, но я зрю, что не можешь ты быти счастлив, не обретши Иосифа, и что ведаешь ты сам, коль далеко утекло с ним спокойство дому нашего. Я твоей не противлюсь добродетели. Иди, последуй сему великодушному чувствованию; если б не страшился я умножити отчаяние Иакова, я сам последовал бы за тобою. Да будет вождем твоим бог, вселивый в тебя мысль сию, и да приведет он тебя пред Иосифа! Но не мню, чтоб несчастный обременил

тебя своими оковами: он погибнет паче сам в неволе. Спеши искупити его всем нашим златом, и сам приведи его в дом родительский с собою. Если же тщетно будет твое искание, приди посреде нас и не сотвори того, чтоб мы двух лишенны были братий».

Симеон приемлет злато, и когда все рыдали, он один объемлет их во мрачном молчании. Едва исторгнул он себя из их объятий и косными стопами от них удалялся, уже единый Иосифов служитель приходит к ним спешно. «Стой, — вопиял он Симеону, — и вы все стойте! Почто, злом платя за благое, взяли вы с собою чашу моего господина?»

При сих словах все они объяты стали удивлением, и слезы их тещи перестают. Рувим, приступя с негодованием: «Умертви из нас того, — рек он, — кто обретется чашу сию взявый». Тогда слагают они вретища, но едва отверзают Вениаминово, уже чаша сия всех взоры поражает. Они бледнеют, вопиют, ужасаяся, и одежду свою раздирают. Служитель Иосифов повелевает им следовать за собою к своему господину.

Пришед пред лицо его, повергаются они пред ним на землю; чела их касаются земле, орошенной их слезами. «Мы невинны, — вопияли они. — Но можно ль оправдаться... Конечно, казнит нас бог за другое злодеяние... Мы все твои рабы».

Иосиф, возмутяся, как нежный отец, принужденный наказати детей своих, хощет им себя явити, но, удержанный Итобалом, бывшим при оном: «Нет, — рек он им с притворною твердостию, — тот един останется рабом моим, у кого чаша стала обретенна, а вы возвратитесь с миром к отцу вашему».

От сих слов вострепетал Рувим; он возводит на Иосифа скорбные очи, хощет прервати рыдание свое. «Молю тебя, — рек он, — для имени отца почтенна паче бедствием, нежели старостию... Препоручив мне сей последний залог своей любви, вещал он мне: «Поведай сему сильному мужу о моем несчастии, скажи ему, что я лишился сына, о коем вседневно слезы проливаю, сына, коему во всем подобен Вениамин, заступивший место его в сердце моем. Если он его похитит от меня, то, невзирая на бремя лет моих, сам пойду во Египет,

и он узрит меня мертва у ног его лежаща». Ах! если б видел ты его страдание и скорбь, когда разлучался он с дражайшим своим сыном, если б зрел ты слезы неутешимыя Селимы, которая любит в нем супруга, о коем сокрушается, — ты не мог бы сопротивлятися сему жалостному зрелищу. Хощешь ли ты и нас лишити сего брата?.. Иль мало мы несчастны, Иссифа лишася?.. Варвары исторгли его от родительского дому... Зрит небо, коль истинно наше о нем сожаление, мы возвратили бы его Иакову ценою крови нашея... Может быть, он ныне раб... Должно ли единую судьбу имети с ним Вениамину? По сем вещать ли мне и о самом себе? Я отвещаю за сего толь возлюбленного ему сына; если не приведу я его в объятия старца, то проклятию его тогда подвергнусь. Я имею дражайшую мне супругу, имею детей, возрастающих к моему удовольствию, и стоящий при дверях гроба Иаков восхощет, чтоб рука старейшего сына его затворила его очи; но отторгни меня паче от моей супруги, от детей моих, отца, от всех моих ближних и удержи меня рабом наместо Вениамина; я не могу слышати проклятия Иаковля... Если ты отца имеешь, если ты знаешь узы братского дружества... Ты слезы проливаешь, и я зрю на челе твоем изображающееся кроткое человечество, составляющее души твоея свойство».

Рек он, и юный Вениамин простер к нему слово свое: «Нет, — вещает он Рувиму, — я не терплю того, чтоб ты мне жертвовал собою. Я невинен, но если небеса послали на единого меня сие бедствие, то я един оное и должен претерпети». Потом обращся ко Иосифу: «Я не требую совершенной вольности, — рек ему, — но отвергнешь ли ты моление мое? Ради старости отца моего, согласись ныне на мое отшествие; увы! печаль его скоро во гроб его повергнет! Я не умножу скорби его и не возвещу ему о судьбе моей; забыв сам себя, буду я оплакивати с ним брата, коего воспоминание толико мне любезно; но когда Иакова более не будет и когда орошу я гроб его слезами, то клянусь богом неба и земли, клянуся прийти к тебе и быти рабом твоим; без сомнения, прискорбно мне будет разлучитися с Селимою и братиями, но я и с тобою разлучался

не без сожаления, и самая строгость твоя не могла истребити чувствования, меня к тебе влекущего». Он произнес сии слова, проливая слезы и с видом истинного чистосердечия.

Иосиф, пораженный толикою добродетелию, упрекает себя в оскорблении невинности; сия мысль терзает его сердце; он не может более сопротивлятися стремлению своему, влекущему его в объятия Вениамина, и уже притекал к нему, когда Симеон, восстав от земли, на коей он лежал распростертый, устремляется ко Иосифу; мрачные очи его слез не проливают, вид его жесточайшее изъявляет отчаяние, и он кажется влекомым фуриею ко престолу судии своего. «Се, — он вопиял, бия в перси свои, — се злодейское сердце, се варвар, продавший брата своего; почто другия искать жертвы? Я привел их в искушение, я навлек на них все бедствия, казни единого меня; свободи Иакова от сына, несущего ему бесславие; я изменил Иосифу, спасу Вениамина, пусть шествуют они, пусть я рабом останусь, если того могу быти достоин, когда Иосиф, самая добродетель, страждет во оковах».

Рек он, и более не мог Иосиф сопротивлятися сердцу своему; очи его встречаются со взором Итобала, который сим зрелищем смягчается; тогда, подобно источнику, ничем не держимому, лиются слезы его, и из глубины сердца своего восклицает он гласом, удивившим всех его братий; он устремляется в объятия Симеона и вопиет: «Я брат ваш Иосиф!» От сего слова все стали неподвижны: они возводят на него взор свой и, познав его, хотят радость свою изъявити, но внезапный страх пресекает их восхищение. Единый Вениамин радостный испускает глас. Симеон трепещет в объятиях Иосифа, отторгается из рук его, уклоняется от ласки, коей себя чтил он недостойным, и к ногам его упадает. Иосиф восставляет его. «Я брат ваш, — рек он им. — Рувим! Неффалим! и все вы, восстаните, приближитесь ко мне, я вам прощаю. Богу угодно было мое несчастие, да возмогу помощи Египту и дому родительскому; колико я блажен! Я вкушаю удовольствие спасти жизнь вашу!.. Симеон! почто не приемлешь ты свидетельства горячно-

сти моей? Един вид твоего раскаяния велел мне все уже забыти, не устрашися обняти брата своего». .

Тогда Симеон проливает источник слез из очей, в коих прежде горел отчаяния огнь; еще не смеет он воззрети на Иосифа, но токмо держит его в своих объятиях, прижав к трепещущей груди своей. Все сыны Иаковли приближаются и обоих братий окружают. Вениамин берет руку Иосифову и слезами своими ее орошает. Иосиф оставляет тогда Симеона и устремляется к юнейшему брату; долгое время держат они в объятиях друг друга, раскаяние не возмущало сии нежные их ласки. Наконец Иосиф объемлет всю свою братию, каждого своими орошает слезами; вдруг слышится и радостный крик и рыдание скорби, смешанные с приятным именем брата, кое всех уста единогласно повторяют.

Сии гласы проницают стены сих чертогов. Пентефрий и все Иосифовы други притекают на сие нежное зрелище, и слезы их лиются со слезами сих братий; Вениамин паче всех пленял их зрение. Сынове Иаковли в живости своего чувствования не видят зрителей, их окружающих. Иногда глас раскаяния исходит из сердец, исполненных дружеством, и объятия их возмущает; Симеон биет в перси своя, и каждый из них упрекает себя в участии, которое приял во общем злодеянии. Но Иосиф взирает на них нежными очами. Уразумевают они язык его, прерывают свое раскаяние и слезы свои остановляют.

ПЕСНЬ ОСЬМАЯ

Нощь, навлекающая тени и отверзающая тем взору нашему великолепное зрелище вселенныя, царствовала на поверхности земли, и спокойная луна, окруженная пленяющим своим величеством, к небесам тихо восходила. Сынове Иаковли наслаждались упокоением; единый Иосиф с Вениамином сну еще не предавались. Держа един другого руки и искав места уединенного, шествовали они в поле, вкушали по сильном восхищении тишину приятную, и души их без помощи слова

изъяснялися безгласным дружества языком, подобным языку умов небесных; нощное молчание сему чувствованию вспомоществовало.

Иосиф, начав наконец слово свое: «Дражайший Вениамин, — рек ему, — я стал уже известен о том, что мне всего драгоценнее: скорбь не умертвила Иакова и Селиму; братия мои, поверженные в жесточайшее раскаяние, не удалили раба того, коего послал я в дом родительский; сей несчастный, конечно, погиб на пути своем; но ты, может быть, не ведаешь того, что во время твоего младенчества происходило, или, может быть, слабое токмо воспоминание об оном сохраняешь. Ты слов моих силу разумеешь: я хощу знати, как отец мой и Селима свое несчастие познали; трепещу я, страшась, не ведает ли Иаков вину своих сынов: жестокосердо было бы вопрошати мне о том моих братий; в присутствии Симеона не хотел я часто повторяти и имя моей возлюбленной, но оное неволею из уст моих исходило. К тебе я обращаюсь: невинно сердце твое, ты никогда не изменил бы братскому дружеству, и ты можешь вещать о преступлении, не терзаяся стыдом. Нощь приближается, и воцарившаяся окрест нас тишина ко сну зовет смертных, но сладость ее не толико мне любезна, колико беседа о возлюбленных нам людях».

«Я могу твоему удовлетворити желанию, — отвещает Вениамин. — Воспоминание о сих несчастных временах начертанно в моей памяти, а Неффалим поведал мне о том, чего я сам не видел; Неффалим многажды вещал мне сию жалостную повесть».

Тогда приемлют они место на едином холме; все, что их ни окружает, все с печальною их беседою согласно: природа, лишенная прелестей своих, казалася в тоску быти погруженна; высокие кедры, листвия своего обнаженные, помрачают небеса черными и неподвижными своими ветвиями, и сияние луны от мрачных облак ослабевает. Иосиф преклоняет слух свой, и когда звезды в молчании преходят свое течение, тогда Вениамин рек ему с видом кроткого чистосердечия:

«Если б я должен был вещати сию повесть прежде, нежели обрел тебя, скорбь прервала бы глас мой и не

позволила бы мне следовати порядку сих плачевных происшествий; и ныне часто я рыданием моим буду прерываем. Колико крат вопрошал я себя, истинно ли то, чтоб я брат был лютых твоих гонителей! Боже! ты зриши, хощу ли я их злодеяние увеличити! Коль мало подражал бы я тогда твоему великодушию! Но как возмогу я без ужаса поведати действие их злобы?

Я начинаю с той несчастной минуты, когда жестокие мадианиты, отторгнув от объятия Неффалима, повлекли тебя... По нескольких часах Рувим, уклонившися от них, приходит ко своей братии. Как растерзавший добычу свою лев, долгое время ярость свою сохраняя, страшные испускает рыкания, — тако Симеон трепетал еще во своей лютости; пламенные очи его, то бледный, то оживленный его вид, тяжкое дыхание, черты его лица, движения, смятенные стопы его, — словом, все возвещало в нем мщение и гнев; подобные сему чувствования, но в нижней токмо степени, видны были на лицах прочих сынов Иакова; единый Неффалим проливал слезы. Удивленный Рувим вопрошает их о причине сего смятения и в самое то время притекает ко рву, в коем не обретши тебя, раздирает своя ризы. Тогда Неффалим повествует ему о твоей судьбине. Рувим, хотя и не любил тебя, но не желал похитить ни жизни, ни вольности твоей; размышляя паче о собственной своей пользе, нежели о твоей погибели: «Несчастный! — возопил он. — Что со мною будет? Иаков от старейшего сына своего требовати Иосифа станет». Тогда молением и страхом привлекал он их сказати себе о пути твоем. Симеон, тем паче раздраженный, чем более он был обвиняем, запрещает всем своим братиям ему поведати о том, а Неффалим, коего он удалил тогда, сам того не ведал. Рувим, оставя их, потек твоего искати следу, и Неффалим, уклоняся от них, с ним соединился. Многие дни проводили они во тщетном искании и покровенные пылию и пóтом возвратилися.

Тогда Рувим, обращая к Симеону слово свое: «Я зрю, — рек он, — что изображенная в очах моих скорбь исполняет тебя радостию, веселишься ты о успехе твоего злодеяния; но я долго внимал твоей ярости, я возвращаюсь в дом родительский; зри, хощеши

ли ты последовать за мною; на какую бы казнь я ни осужден был, не могу я оставити отца». Слабый Неффалим, видя брата своего, помогающа ему, рек им, что и он последует Рувиму. Прочие дети Иаковли не хотят такожде разлучитися навек с местом своего рождения. Симеон трепещет от гнева, но, устрашаяся того, чтоб не возложили на него сего злодеяния, если он один не явится пред очами Иакова, соглашается он с общим желанием, и все они к дому родительскому идут.

Странник, с коим стретился ты нощию в лесу, пришел от тебя возвестити Иакову, что братия твоя в Дофаиме и что для того принужден ты единым днем умедлити твое к нам пришествие; сия весть извлекла воздыхания из сердца отца моего и Селимы. В день, назначенный для твоего прибытия, пошли мы трое на стретение тебе, но Селима и Иаков, как бы мрачным предчувствием возмущаемые, шествовали в глубоком молчании. Настает вечер, но мы еще тебя не зрим; обращая един на другого сомнящиеся взоры, не смели они страх свой изъяснити; я старался разгнати их смятение младенческою ласкою, но в первый раз обрел я их нечувственных ко мне. Наконец нощная тень принудила их возвратитися в дом свой. Шествующий посреде их, дал я им руки, и мы шли во мраке; слышно мне было рыдание Селимы и воздыхания Иакова, и я сам, возмущаяся, проливал слезы. Мы достигли до сени нашея; Иаков хощет утешити Селиму, но слова на устах его умирают. Тщетно стараются они заключити скорбь в сердцах своих. Часто молчание сие прерывалося гласом Иакова. «Еще не идет сын мой! — вопиял он. — Неужели он, братиям своим внимая, не страшится огорчити отца своего?.. Может быть, преходя нощию сей лес, лютые звери... Великий боже! трепещет мое сердце; да будет тщетно сие жестокое предчувствие, коим душа моя терзается!.. Но что! Еще не идет сын мой!.. Еще ни единого не зрю из сынов моих!» Селима, с своей стороны, многажды изъявляла свое смятение. Всю нощь провели мы, не смыкая очей своих.

Едва первые солнечные лучи явилися, уже были мы все трое вне нашея сени; исполнясь нетерпением, обращали мы очи наши на место, откуда тебе прийти надле-

жало; жены и младенцы братий моих, равным горящие нетерпением, скитались печально окрест дому нашего и вопрошали у Иакова о супругах своих, об отцах своих, об Иосифе...

Между тем, братия мои приближались к дому косными стопами, и в свирепом молчании стенал Рувим, Неффалим рыдал неутешно, Симеон, раздраженный их печалию, метал на них грозные взоры. Но едва достигли они до подошвы холма, на коем был дом наш, едва сень Иаковля поразила очеса их, уже все они вдруг останавляются, бледнеют, и трепет их объемлет. Сам Симеон неволею бледнеет и трепещет; кажется ему, что с высоты холма того превечный вещает им гласом грома своего. По долговременном молчании: «Вы зрите, — рек им Рувим, — что не можем мы воззрети на сень Иаковлю: что будет, когда его узрим самого? что скажем ему? что будем отвещати ему, когда он нас об Иосифе вопросит?» Сии слова умножают их смущение и ужас.

Но Симеон, хотя разгнати страх, коим он и братия его терзалися: «Риза Иосифова, — рек он, — осталася у нас: или не можем мы предложити отцу своему ее окровавленну, дабы паче его уверити, что зверь лютый пожрал сына его?» Все они соглашаются на сие предприятие, и смятение их казалось быти уменьшенно; единый Неффалим продолжал взирати на сень Иакова исполненными слез очами.

Тогда Симеон приемлет ризу твою, расстилает по земле ее, отторгает юного козлища от питавшей его матери; тщетно со страхом она притекает; он безгласную тварь поражает, и кровь лиется по ризе твоей. Тако сие невинное животное, вместо того чтоб возложенну быти на алтаре бога вышнего в день рождения сына или в день другого радостного происшествия, стало ныне жертвою злодейския руки и закланно при случае погибели брата!

Обагрив кровию ризу твою, начинают они прение о том, кому принести ее Иакову. Симеон хощет, чтоб сие решил жребий, но Рувим тому сопротивляется. «Да кончит дело свое тот, — рек он, — кто оное начал». Неффалим трепещет от ужаса при единой мысли

о таковом исполнении. «Я, — рек Симеон отчаянным гласом, — я принесу ризу сию Иакову». В то же время показует оную братиям в руках своих, омоченную кровию, и скорыми стопами от них удаляется. Сия кровавая одежда, сие скорое шествие, сей смятенный вид и сия багровая бледность, которую раскаяние впечатлевает на челе злодея в самый час злодеяния, явили бы в нем убийцу, и, может быть, Иаков обвинил бы его в пролитии крови Иосифовой; но вдруг Симеон останавливается, страшным колебанием дух его терзается; наконец возвращается он бледнее и мрачнее прежнего; он идет мимо братий своих, не воззрев ни на единого из них, и, обращаяся к стражу своего стада: «Иди, — рек ему, — и ризу сию принеси Иакову». Пастырь приемлет оную и к дому нашему приближается.

Между тем, Иаков, не возмогши пренести более смущение души своей: «Я, — рек он, — возьму в объятия мои единого оставшегося мне сына и пойду сам искати Иосифа и всех моих сынов. Без сомнения, приключилось с ними некое жестокое несчастие, а если горячность их ко мне уменьшилась, то, может быть, возбудит оную в сердцах их присутствие родителя». Сие ему изрекшу, исходит он из сени, при входе коея ожидали нас два верблюда. Уже огорченная Селима готова была последовать стопам его, как вдруг узрели они вдали юного пастыря. Тотчас луч радости разгоняет страх, и они себя ласкают, что зрят самого тебя. Внезапу Селима возопила и почти бездыханна упала к ногам Иакова, который, ужасом и удивлением объятый, хощет помощи ей, но, узрев сам окровавленную ризу твою, оставляет Селиму, притекает к пастырю и трепещущими руками приемлет сию несчастную одежду; смягченный пастырь не может вещати ему ни единого слова. «Великий боже! — вопиял отец мой. — Сын мой мертв... свершилося предчувствие... Зверь лютый...» В самое то время смертная бледность покрывает чело его, он колеблется, пастырь ему спомоществует. Жены и дети братий моих прибегают и, устремя очи на ризу твою и на старца, жалостным гласом воздух наполняют. Я, смятенный сим зрелищем, притекал от Селимы ко Иакову и от Иакова к Селиме...»

В сем месте рыдание Вениамина и Иосифа прерывает повествование; оба они объемлют друг друга, и, соединяя долгое время слезы свои, Вениамин продолжает свое слово.

«При вступлении сынов Иаковлих в дом свой трепет объял сердца их. Идут они тихо и мимо сеней своих проходят; повсюду царствует уединение и тишина плачевная: во злодеянии своем кажется им, что вина их уже открыта и что жены и дети их убегают от них со ужасом. Симеон, неволею последуя своим братиям, шел позади их в некоем расстоянии.

Скоро зрят они жен и детей своих, собравшихся пред сению Иакова. Они сами туда шествуют. Рувим и Неффалим, проникая сквозь сие собрание, приближаются к старцу; прочие мои братия, виновнее их, сокрываются во множестве своих ближних: они трепещут пред отцом своим и не смеют на него воззрети. Но Симеон стоял удаленный от сего страшного зрелища.

Между тем, Иаков, бывый долгое время окамененный скорбию, отверзает свои очи: он зрит всех своих ближних окрест себя, взирает на Неффалима, Рувима и всех своих сынов, во смятении своем ищет он еще Иосифа посреде их, вопрошает о нем: «Увы! — рек он. — Все сынове мои возвратилися в дом наш, а ты, который должен им предъити, ты, который паче всех изъявлял мне свою горячность, ты еще не в объятиях моих!..» Мы все молчали, но, воззрев вдруг старец на окровавленную ризу твою, прерывает сам слово свое рыданием и воплем, раздирает свою одежду и посыпает перстию главу свою. От сего жалостного вопля Селима, лежащая до сего почти бездыханна, отверзает свои очи, устремляется она к ризе твоей; все трое мы ее приемлем, орошаем ее слезами; руки наши обагряются кровию, мы от ужаса трепещем, слышится токмо единое рыдание наше, и окружающий нас сонм, взирая на сие несчастное зрелище, был безгласен...

Но, сохраняя долгое время почтение к скорби Иакова, все ближние его желают наконец утешити его. Жены братий моих приближаются и простирают к нему слово свое. «Престаньте, — отвещал он им, — престаньте удерживать скорбь мою; неужели завиствуете вы

Иосифу о слезах, по нем лиющихся? Скорбите паче и вы о нем со мною; он всех вас любил чистосердечно, и сколь ни млад он был, но, если б смерть меня похитила от вас, он служил бы вам отцом... А я! Я чего в нем не лишился! Нет боле сына моего!.. Великий боже! восхотел ли ты поразить сердце мое жесточайшим ударом?.. Он любил добродетель, он украшал ее, ему предал я мудрость Авраама и Исаака, он был честию, утешением и жезлом старости моей, он новый свет проливал на последние дни мои, единый он утешал меня за холодность ко мне прочих сынов моих и соединял в сердце своем всю горячность, которую имел я право ожидати от братий его... Возлюбленная супруга! коея прах, может быть, в сию несчастную минуту возмущается, он был истинное твое подобие... А я о нем не восстенал бы! Если б я не возрыдал о нем, сии камни пролили бы слезы. Я дотоле плакати о нем буду, доколе к нему во гроб не сниду». Сии были его жалобы. Но, воззрев вдруг на братий моих, гнев возгорел в очах его. «Дети жестокосердые! — возопил он. — Се радость, которую я должен был ожидать от вашего прибытия! Для возвращения вас в дом мой Иосиф жертвовал собою; если б не оставили вы отца своего, Иосиф жил бы и доныне; вы, вы меня его лишили, вы виновны в его смерти». Все они от сего негодования бледнеют.

Селима посреде вопля сего вещала прерывающимся гласом: «Великий боже!.. При самом заключении нашего союза!.. В день моего брака!.. Одежда, которую исткала я на украшение моего супруга, я зрю тебя кровию обагренну, и ты стала покровом мертвого его тела!.. А ты, сень брачная! вместо того чтоб при звуке орудий вести меня под сень твою, он с лютым зверем сражается, упадает, терзается... Зверь трепещущими его членами насыщается... Если бы хотя, сладчайшею уснув смертию, скончал он жизнь свою в моих объятиях, подобен цвету увядающему, если б душа его на единую минуту остановилась на устах его и если б могла я восприяти последнее его воздыхание... Ежели б еще могла я погребсти труп его, нечувственна ко всем прелестям природы, вседневно преходила бы я источники, луга и холмы приити на гроб его; я имела бы его

в объятиях моих, воздыхание мое и слезный источник проникнули бы сей прах драгоценный; он не мог бы сего не ощущати; смерть не вечно бы нас друг со другом разлучила, и когда бы я уже более о нем слез не проливала, тогда соединилася бы я с ним во единое жилище...» Рекла и биет в перси свои и срывает цветы, украшающие главу ее.

Между тем, Иаков, не видя Симеона, вопрошает, не обоих ли сынов он уже лишается. Тогда окружающий старца сонм раздвизается, и сей несчастный стал виден отцу своему, поверженный в глубокое уныние. Иаков зовет его: глас божий, вещавший Каину по убиении Авеля, не вселил в сию злодейскую душу толикого страха. Симеон трепещет, колена его преклоняются, он хощет бежати, но Иаков еще его призывает; внимая сему почтенному гласу, несчастный приближается косными стопами. Приступя ко отцу своему, потупляет очи свои, лицо его всеминутно изменяется, и если б не сокрывал ты пред Иаковом злобы к тебе Симеоновой, едино бы смятение его изобличило. «Несчастный! — рек ему старец. — Или знаешь ты о судьбе Иосифа более всех своих братий?.. Ты не любил его... Ты смущаешься его погибелью... Но не возмог ли ты помощи ему? Не внял ли ты воплю его? Он бы на твое защищение, конечно, устремился... Где погиб он? Который лютый зверь пожрал его? Не принес ли ты с собою хотя окровавленных его членов?» Симеон поведал после братиям своим, что при каждом из сих слов казалося ему, что под ногами его колеблется земля, что паче погружается он в бездну и что, в первый раз ощутив весь раскаяния ужас, готов уже он был громким гласом возопити: я, я сей лютейший зверь.

Наконец Иаков в сень свою отходит; тамо нежное зрелище сему страшному последует. Он хощет утешити Селиму. «Иосиф не несчастен, — рек он. — Не забудем того в скорби нашей, что оставил он отца приближитися к отцу всея твари, что обитает он в самом непорочности жилище, кое было толь любезно его сердцу...» Посреди сего утешения он остановляется и слезы проливает. Тогда я притек к нему и, весь слезами омоченный, хотел я отерти его слезы, но, воззрев на лицо мое,

которое, конечно, представило ему образ твой, возрыдал он неутешно; взирая на меня долгое время, приял он меня в свои объятия, и, подъяв к небу: «Великий боже! — рек он. — Внемли молению злосчастного отца: я не всего лишился, Вениамин мне еще оставлен, он имеет все черты лица своего брата, да будет он ему и в добродетелях подобен! Да будет он мне вторым Иосифом!.. Вениамин! хотя ты младенец, но да не исходит день сей вовеки из памяти твоей; воспомни, что тебе место его прияти надлежит. А ты, которая должна была соединитися с сыном, о коем я рыдаю, я хощу, колико я могу урон твой наградити, буди дщерь моя, вручаю тебе стадо Иосифово, живи в той сени... которую созидал он вести с тобою жизнь благополучную». Рек он; Селима упадает к ногам Иакова, мы объемлем его оба, и сладчайшие имена отца, дщери, сына с нашим рыданием соединяются.

Сколь жестокая скорбь поразила Селиму, когда в первый раз вошла она в сень твою! Я чаю еще зрети ее срывающу цветы, украшавшие сие веселое жилище, и одевающу оное черным кипарисом; солнце не может туда более проникнути, и зефиры не колеблют уже листвия, царствует тамо печальная тишина и мрачная нощь. Самое плачевное древо среди сени поставляется ее руками. Потом, взяв лиру, которую строил ты на торжество своего брака, взирает на нее мрачными очами и обвешивает ее на ветви кипарисные. При корне древа сего поставляет она ковчег, в котором хранима была риза твоя. Тако превращает она во гроб брачную сень твою, где сама погребает себя со образом твоим; вседневно приходила она пред ковчег, отверзала его и слезами своими его орошала.

Но Иаков, недовольный исполнением сего суетного долга, исходит един из своей сени; он не вещает никому из нас о намерении своем, преходит своя хижины, запрещает последовати за собою, и, удаляся от жилища отцов своих, идет он до того леса, где провел ты нощь, шествуя в Дофаим. Скитаясь по сему неизмеримому лесу, призывает он тень своего сына, ищет следов твоея крови и, не страшася приближитися к обитанию зверей лютых, хощет обрести несчастное тело твое и предать

его погребению. «Тигры! — вопиял он. — Когда имели вы его в когтях своих, неужели и вы тогда не были смягченны? Всю ли свою добычу вы поглотили?» Между тем, чая стретити окровавленные члены твоя, трепещет он от сея единыя мысли, но по тщетном искании, истощенный хождением, старец входит тихо в дом свой. С того времени не исходил он из сени своея, разве токмо приносити превечному начатки плодов земных; скорбь и сетование в жилище нашем воцарились, и казалось, что нет уже на свете самого Иакова: редко призывал он сынов своих, кои, с своей стороны, страшились его присутствия...»

В сем месте Иосиф прерывает слова Вениамина. «Ободримся, — рек он, — твое повествование пронзает глубину моего сердца, и я зрю самого тебя смягченна». Они некое время в молчании предаются разным чувствованиям, исполняющим их души. Потом Иосиф, обратяся к брату своему: «Скончай слово свое, — вещает ему, — и поведай мне о несчастном Симеоне; уже первое его раскаяние возмутило дух мой». Рек он, и Вениамин сими словами скончивает свою повесть:

«Симеон паче прочих моих братий убегал Иакова. Вседневно возрастало в сем виновном сердце страшное раскаяния жало. Он пылал любовию к Селиме, но, смятенный тою лютою скорбию, в которую он ее повергнул, не токмо не вещал ей о любви своей, но и не смел явитися пред нею. Когда вне своея памяти притекал он к сени твоей и отца моего, тогда стенания старца и Селимы, поражая внезапу слух его, терзали смущенную его душу; он бежал, подобно человеку, за следами коего стремится ревущий источник, прервавши свой оплот, и когда в дальнем расстоянии хощет дыханием своим собрати силы своя, тогда чает он слышати еще сии стенания и паки бегство начинает. Когда шествовал он мимо алтаря, воздвигнутого Авраамом и где приносим мы превечному наши жертвы и моления, тогда мнил он сему страшному внимати гласу: «Не оскверняй собою сих священных мест, иди, беги и не ожидай того, чтоб пожрал тебя огнь небесный». Если он ко гробам отцов наших приближался, то чаял тогда зрети исходящие из земли мстительные тени. Иногда, устрашенный

лютейшим еще образом и став бледен подобно человеку, ангелом смерти пораженному, вопиял он, что окровавленная тень твоя последует стопам его. Вдруг, во смятении души своея, вопрошал он, не восколебалась ли земля, не потряслись ли леса и горы? Желая бежати самого себя, шел он от дому нашего в средину темного и уединенного леса; тамо вопль его соединялся с ревом зверей лютых; братия мои, следуя за ним издалека, слышали его вопиюща: «Каин! Каин! ты во мне оживаешь... Боже отмщений! Тако ли и я казнюся, как был казним Каин? Впечатлел ли ты на челе моем знаки моего злодеяния? Кажется мне, что отец мой, Селима, что все взора моего ужасаются, что стада не хотят пастися на траве, по коей я скитаюсь, что не пьют они из источников, из коих знойну я жажду утоляю, и что повсюду, где ищу покоя, внимаю я единому роптанию природы». Сии были слова сего несчастного. Иаков помышлял, что Симеон, убегая его присутствия, не хощет умножити скорби отца своего, представляя ему врага сыну тому, о коем он рыдал. Селима знала паче всех злобу к тебе сего неправедного брата, но добродетельные сердца питают редко подозрение о толь свирепых злодеяниях; между тем, всякий раз, когда она взирала на него, невольное трепетание терзало сердце ее.

Внемли, что любовь соделовати может. В конце сени твоея стояло вязовое древо, которое долженствовало покрывати брачную сень твою. Селима вырезала на древе сем имя твое. Во единый день, когда исполненными слез очами взирала она тщательно на сии дражайшие знаки: «Если б я могла, — рекла она, — начертати здесь, так же как имя его, и некие черты его лица!» Едва пришла мысль сия, уже рука ее изображает уста твои; но, важнейшее восприяв намерение, отсекает она ветви древа и единый токмо пень его оставляет. Никто не смущал ее в сем уединении, и мы не ведали о ее предприятии, но во единый вечер призвала она в сень свою меня и Иакова. Коль велико было удивление наше! На месте древа мы образ твой узрели; по языческому повествованию, люди некогда превращались в древеса, но здесь бездушный пень оживлялся под десницею Селимы. Се твои черты, стан, се сам ты пред-

стоишь взору нашему; ты был в том образе, в каковом зрели мы тебя в несчастную минуту разлучения нашего; ты простирал к нам руки, и слезы лилися по твоим ланитам. Иаков, пораженный удивлением и радостию, чаял, что в сию минуту приходит тень твоя нас утешати. Я устремляюся к сему дражайшему изображению, все трое мы его объемлем и слезами своими его орошаем. «Коликого плача стоило мне сие приятное упражнение! — рекла нам Селима. — Чем более я в оном успевала, тем сходнее были сии черты с теми, кои врезаны в сердце моем, тем паче возмущался дух мой. Иногда среди дела сего внезапная мечта уверяла меня, что зрю я моего супруга пред собою. «Иосиф! — вопияла я, — куда ты от нас сокрылся? Как возмог ты оставити меня?» Тогда железо упадало из рук моих, и я не исходила из сего мечтания в ином виде, как объемля сие нечувственное древо». Тако нам вещала Селима. В сем священном уединении, устремя очи на твое изображение, мы беседовали о тебе едином. Тайным входом приходил отец мой из сени своея в сие посвященное слезам место; казалось нам иногда, что носится окрест нас тень твоя и что образ твой смягчается от гласа скорби нашея.

Между тем, чем более возрастал я, тем паче лица моего черты твоим подобны были. Время умножало сие сходство, и Селима, иногда взирая со Иаковом нежными на меня очами: «Се глас его, — вещали они, — се чело его, уста, власы». Радовался я о сем подобии, и в чистом источнике любил я зрети в себе образ твой. Часто, в умилении души своей, нарицал меня отец мой именем Иосифа. Как прекрасные плоды на чуждое прививаются ветвие, тако в душу мою преселял он твои добродетели.

Я видал редко братий моих: Симеон паче прочих, не терпя, без сомнения, сходства моего с тобою, убегал моего взора. Неффалим токмо любил со мною быти, ты един был виною нашея беседы. Во единый день рек он мне, что хощет поведати некое важное мне таинство, и, удалясь от всех со мною, вещал он мне несчастий твоих повесть. Коль возрадовался я, услышав, что ты еще живешь на свете! Но коликая скорбь прерывала

сие веселие! Ты был мертв для нас, как прежде. Суди о моем страдании: мне надлежало заключити таинство сие в сердце моем; возвестив о сем Иакову и Селиме, обновил бы я, а может быть, и усугубил бы их отчаяние, и сколь ни ужасен казался мне Симеон, но довольно был он уже казним своим раскаянием и без того, чтобы навлещи родительское на него проклятие.

Иосиф, возлюбленный мой брат! почто я толико юн был, когда повергался ты злобе сынов Иаковлих! Я последовал бы стопам твоим, и если б я должен был прияти участие во твоем бедствии, я един воспротивился бы бесчеловечному их сонму. Колико крат, искав уединения, размышлял я о тебе! Сердце мое тебя призывало, я простирал к тебе руки, очи мои в наидальнейшие устремлялися страны. «Где живет он? — вещал я. — Неужели он от полуденного истаивает зноя? Или среди вечныя зимы погибает?» Я на все страны обращался, просил тебя от небес и от земли. Часто я готов был отторгнутися от объятия Иакова, искати тебя в самых варварских странах, и если б небеса мне тебя не возвратили, не мог бы я долго сему сильному желанию сопротивлятися».

Рек он, и отягченный всеми чувствованиями Иосиф, кои тогда сердце его испытывало, устремляется в объятия Вениамина. Скорбь, радость, любовь, детская горячность, братское дружество и общее сожаление вдруг царствуют в душе его; он еще предается надолго в объятия сего возлюбленного брата; наконец они друг друга оставляют, и сон сии смущенные движения успокоевает.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

По некиих днях, проведенных во уверении взаимного дружества, Вениамин рек своим братиям: «Когда предаемся мы веселию, обретши Иосифа, забываем мы тогда, что Иаков и Селима еще о нем рыдают: не должно ль нам спешити к ним и радость нашу с ними разделити?» Тотчас делают они приуготовление ко своему отшествию. Коль ни усердно желает Иосиф разгнати

скорбь отца и возлюбленной, но видит с сожалением, что минута разлучения своего с братиями приближается. Едва он их узрел, уже должен был присутствия их лишитися! Колико желает он последовати им! Шествуя на опустошенные поля и на брег Нила, истаивает он со всею природою. «Река! — возопил он. — Когда зримы будут воды твои? Земля! когда произрастишь ты первый цвет, сей приятный знак моего отшествия? Сколь будет он в очах моих прелестен! Ароматы его толико благоуханны будут, колико дыхание Селимы».

Посреди сего чувствования повелевает царь пред себя его призвати. Он является пред ним с видом сердечныя печали. «Ты обещал мне, — рек Фараон, — не оставити Египет, доколе глад продолжится; но почто, облегча и разделя несчастия наши, почто не насладитися тебе с нами временем благополучнейшим?.. Не возмущайся, я не требую более жертвы от твоей чувствительной души. Братия твои прибыли во страну сию; я знаю о бывшем твоем веселии и о настоящей твоей скорби. До сего дня не возмог я достойно увенчати труды твои: душа твоя превыше всех величеств и сокровищ; но в предлагаемом мною даре надеюсь я обрести путь твоего сердца. О ты, великий муж! ты, посвящая свое счастие блаженству моего народа, ты, страдая един от самой той казни, от коей нас избавляешь, уже довольно приносил ты себя добродетели на жертву. Ты о ближних своих воздыхаешь, но Египет и царь твой не хотят тебя лишитися. Возьми моя колесницы, да приидет в землю сию отец твой и все ближние твои; я даю тебе, или паче возвращаю тебе землю, соделанную тобою, землю Гессенскую, плодоноснейшую во всем царствии моем. Тако, в объятиях отца своего, будешь ты еще жезлом престола моего, и все тобой блаженны будем: я, народ мой, ты и все сродники твои».

Иосиф, от мрачныя скорби в неизреченную преходя радость, повергается на землю пред лицом царя своего, и, объемля колена его: «Истинно слово твое, — рек он, — что обрел ты путь сердца моего, и, конечно, не возмог ты драгоценнейшия мне награды предложити...» Слезы изъявляют паче его благодарность. Потом спешит он к братьям своим. Они уготовляли тогда тихо свое

отшествие, когда узрели его вдруг, текуща к ним в радостном восторге; все они объяты стали удивлением. «Я не удерживаю вас более, — рек он им, — шествуйте немедля, спешите ко отцу моему... восхищение смущает дыхание мое... скажите вы ему, чтоб он сам пришел сюда, что сын его Иосиф ожидает его, что царь дает ему плодоносную Гессенскую землю, чтоб пришел он сюда с Селимою, Вениамином, со всеми детьми и со внуками своими. Почто не может он пренести с собою весь дом наш, сени наши, священный алтарь и гробницы праотцов наших!» Сие ему вещающу, братия его устремились в его объятия и восклицали радостно.

Тотчас избирает он колесницу Иакову и Селиме и собирает множество других для пришествия своих ближних. Он награждает дарами свою братию; горячность и щедрость его являются паче всех к Вениамину, и пять колесниц исполнены были драгоценнейшими произведениями Египта, кои посылает он отцу своему и возлюбленной. Он провождает своих братий, объемлет их и увещевает их согласие хранити. Имея еще в объятиях своих Вениамина: «Не порази, — рек он ему, — не порази чувствительно сердца Иакова и Селимы, уготови их к сей благополучной вести, да возмогут пренести они нечаянную радость по толь долговременной печали». По скончании сих слов разлучается он с возлюбленным братом.

С исполненными слез очами шествует он ко вратам мемфийским и тамо, продолжая супротивлятися гладу, трудами своими уменьшает нежное свое сожаление. Между тем, Итуриил предприемлет вдруг и труды его наградити и остановити чувствования, кои толь великую силу над сердцем его восприяли.

Иосиф, проходя Египет и достигая до пределов сего государства, где Нил с высоких низвергается камней, восхотел познати исходище сея благотворныя реки, не из праздного и бесплодного любопытства, но желая возвыситися ко творцу своему, испытывая природу. «Возвестите мне, — рек он провождающим его, — в коих местах река сия рождается, коими блаженными странами распространяет с водами ее плодоносие, почто обильнее тех рек, кои в недрах своих злато сохраняют,

становится Нил отцом изобилия, и, подобен птице, покрывающей птенцы свои, произрощает он произведения земли тоя, которую потопляет в самое то время, когда другие реки, разливаясь, поля опустошают». Отвещают ему, что до сего времени Нил сокрывает свое начало толико, колико изъявляет себя своим благодеянием. Иосиф устремил очи свои на сию реку, и если б присутствие его не нужно было благополучию Египта, он одолел бы сии камни и восшел бы к речному исходищу.

Препятствиями любопытство его возрастало; часто, шествуя по брегу, предается он сим мыслям, — тако чувствительная и великая душа, воззрев на природу, хощет парити до недр божества, до сего превечного начала, океана всех существ, коего преходящие волны спираются и в бездну времени протекают. Седящему на бреге Ниловом, обремененному трудами и предавшемуся сну, отяготившему очи его, ангел Египта сии слова вещает: «Известно мне твое желание: душа твоя хощет испытати глубину природы, и вид твоего любопытства есть едино из величайших чудес ее; два славные победители,[1] обагрив всю землю кровию, возгорят равным сему желанием и согласятся жертвовать свои царства и все текущие под областию их реки единому преимуществу видети Нилово исходище и испытати вину его плодородия; толь познание земли сея превыше есть побед! Но я не удовлетворю их желанию; почто природе сообщати таинства тем, кои стремятся к ее разрушению? Блаженны воды сии, текущие свободно в толь дальнем от них расстоянии и не обагряемые человеческою кровию, лиющеюся повсюду, куда токмо они приходят! О ты, коего душа более истинного величества имеет и который, не навлекая на землю казни, отвращает оную и над нею торжествует, иди, последуй на воздух за мною, природа хощет тебе открыти все свои таинства».

Рек он, и чает Иосиф возвышатися по следам сего духа; кажется ему, что земное тело от него отпадает и он облекается в существо воздушное, в сие бессмертное одеяние бессмертныя души; он взирает на воздух как

---

[1] Александр и Кесарь. *(Прим. Битобе.)*

на такую стихию, где ему жити долженствует, и быстрый полет орла, упадающего на агнца, не может сравнитися с быстротою сего течения. Все, что он ни зрит, все представляется ему толь истинным природы изображением, что мечтание сие нимало не разнствовало с вещественностию. Во единую минуту претекают они Египет, знойную Ефиопию и остановляются в Абиссинии на камнях, кои, возвышаяся до небес, кажутся хотящими сокрыти от всех заключаемые в себе сокровища. Тотчас приятное журчание поражает слух Иосифов, и он зрит два чистые источники, текущие из пещер, окруженных зеленью и цветами; баснь веселой кистию своею не дала толь прелестного убежища наядам; сии оба источника стекаются в единый пространный кладезь, который, став верным небес зерцалом, представляет то быстрый бег облаков, их сильное друг о друга ударение и молнии, их раздирающие, то спокойную лазурь небесного свода, где, подобные белой волне, летают туда и сюда легкие облака, коих краи солнечными лучами позлащенны. Стада не утоляют никогда в сих водах жажды своея; вихри не возмущают ее поверхности, и ни единое насекомое не обрело тамо своего гроба; ныне спокойный зрится тут источник, но когда небесными водами бывает оный увеличен, тогда одолевает камни, хотящие сопротивитися его течению, и становится рекою, стремящеюся из пределов своих, коея рев слышим вдали и которая в ярости своей ни единым оплотом не может быти удержана. Иосиф, уверенный о том, что зрит Нилово исходище, устремляется на край кладезя, и он был первый смертный, коего образ изобразили сии чистые воды.

«Не довольно сего, — рек ему ангел, — что проникнул ты в сие место, ты зрел еще единую токмо поверхность видов природы; иди, я хощу другие чудеса тебе открыти, привед тебя к первому началу сего источника». Едва окончил он сии слова, уже под стопами их земля растворяется и они в сей мрачный путь вступают. Тако желающие быти причастны таинству просвещения «initiotion», когда оное не было еще баснею поврежденно, скитались долгое время в темных безднах, чаяли касатися вратам адским, слышати свист змей на лютых фуриях,

зрети кровавые свещи их и трехглавного Цербера, изрыгающего пламень. Прежде, подобно как в жилище смерти, является им густая нощь и тишина страшная, но чем далее шествует Иосиф, тем более сие явление пременяется. Реки пламенные с ужасным ревом текут у ног его; внезапу океан низвергается на сей пламень, и вихри кажутся хотящими терзати землю до самой ее внутренности, зрелище ужаснейшее баснословныя борьбы Вулкана и Ксанфа на полях троянских; страшные молнии блещут на волнах возмущенных, и нощь и день быстро исчезают; сравненная с сею непогодою яростнейшая буря есть подобие тишины совершенныя; наконец глухой рев исходит из недр земли, отягченныя сим сражением; она колеблется, разверзается и в дыму изрыгает селитру, металлы и камни раскаленные.

Иосиф не устрашается сего великого зрелища. Между тем, Итуриил приемлет его руку и ведет в места злачные, где огнь приятнейший солнца сияет и лучи его, из средины земли испущенные, семена жизни отверзают. Тамо на драгоценных камнях текут с согласным журчанием златые и сребреные источники, коих волны соединяются иногда без смешения; сияние свое не помрачают они, просеяваяся сквозь песок нечистый; яшмы и алмазы преломляют лучи огненные, помогающие их сотворению. Тамо природа, всю власть свою распространяя, созидает дражайшие семена существ, кои с водными ключами и металлами даже до поверхности земли протекают. Тамо рождаются источники всех рек, преходящих сию землю. Итуриил ведет Иосифа пред исходище Нилово и, поведав ему о причинах его плодородия, являет ему бесчисленное множество тел чувственных, движущихся в недрах его. Здесь Иосиф избирает место отдохновения, и уже тягости столь трудного пути более он не ощущает.

Наконец исходят они из сего места и зрят паки свет дневный. «Днесь, — вещает ангел, — зри облака, помогающие плодоносию Нила». Сие ему изрекшу, возвышается он даже до небес, и, подобен птенцу орлю, приобыкшему вверятися воздушной пустоте и равняющемуся орлу в полете, Иосиф претекает толикое же расстояние. Тамо зрит он облака, набросанные едино на

другое, подобно безобразным камням или движущимся горам, равно как Осса на Пеликоне во время осады небес изображается. Тамо Итуриил являет ему, как солнце вытягает жидкую стихию и полевые сокровища, кои, подверженные всем солнечным лучам, почерпают в их пламени жар и жизнь и плодоносною росою возвратно на землю упадают.

По рассмотрении всех сих видов: «Вождь божественный! — рек Иосиф. — Приведши меня к пределам, разделяющим небеса и землю, должно ль почитати сии пределы, и может ли дерзати смертный возвышатися к странам воздушным?» Вещая сии слова, взирает он робким видом на ангела, но в очах его зрит он ответ благосклонный, и уже дух воспарил обонпол облак. Иосиф не медлит за ним последовать, а Итуриил, подав ему руку свою, помогает ему в сем быстром летении. Они остановляются на едином созвездии, кое кажется погруженно быти в солнечном пламени. Тамо ангел изъясняет юному смертному, чудящемуся сиянию вселенныя, како небесные тела, держащиеся собственною своею тягостию, движутся различно, сохраняя равновесие, текут величественно единое к другому и в непрестанном течении своем повинуются двойственному закону, притягающему их и отревающему. Оттоле, превождаемый Итуриилом, летит он к той стране, где звезды кажутся касатися единая другой: толь щедрою рукою они насеяны тамо. Наконец удаляются они от сих мест и стремятся возвыситися до последних пределов мира; внезапу божественное пение, издалека слышимое, поражает слух Иосифов; в самое то время зрит он свет, коего сияние в сравнении с пламенем всех возжженных на небеси светил помрачило бы оный так легко, как солнце луну затмевает. «Остановим течение наше, — рек Итуриил, — не может смертный приближитися к сему другому миру; зримый тобою есть единая токмо тень сего незерцаемого; ты не далее стоишь от дому владычия, как земля стоит от нас, и сие пение, коему внемлешь ты единым умирающим слухом, есть пение бессмертных». Ангел умолкает. Иосиф преклоняет слух свой; трепещущее сердце его не может преносити долее ни зрелища сего, ни того чувствования, которое сим

сладостным пением в нем произведенно; восхищенный, ослепленный и не видяй ни звезд, ни солнцев, сквозь коих ангел направляет свой полет, предается он своему вождю, исходит до облак, покрывающих наше полукружие. Тамо, начиная познавати себя: «Великодушный толкователь природы! — рек он. — Ты поведал мне все ее таинства; сия земля кажется в очах моих малейшею точкою; между тем, ни чудеса, в недрах ее заключенные, ни величество вселенныя не погасили во мне чувствования, прилепленные к существу моему; скончай дело свое: удовольствуй толико сердце мое, колико ты просветил мой разум; не возмогут ли, помощию твоею, слабые очи мои узрети дом Иаковль?» По окончании сих слов ощущает он некую вышнюю силу, оживляющую его очи, и зрит ясно место своего рождения и отца своего, седяща с Селимою пред сению своею; оба они, поверженные в грусть, слезы проливают. Смягченный Иосиф простирает к ним руки, и слезы из очей его лиются, но, не возмогши пренести толь великого смятения, пробуждается; все сокрылось от него: и вид кругов небесных, и ангел, и дом родительский; он обретает себя лежаща на бреге Ниловом и землю, орошенную слезами своими. Но божественная сила распространяется в сердце его; разум его стал паче просвещенный, и он восстает для восприятия трудов, посвященных благосостоянию Египта.

Между тем, Иаков ожидал с нетерпением сынов своих. Протекло время, назначенное к их пришествию, и родительское сердце его исполнялося смущением; он считал часы и минуты; седящий с Селимою на месте, слезам посвященном, и объемлемые равные страхом, беседовали они о Вениамине. «Увы! — вещал он часто, взирая на образ Иосифов. — Может быть, от обоих сынов моих единый сей образ мне остается; может быть, на сем месте буду я плакати о всех моих сынах!» Сии были слова Иаковли. Тако юные птицы призывают слабым гласом матерь свою, коя в дальние страны отлетает для искания им пищи; вдруг, внемля ее гласу и узрев ее сквозь ветвей парящу на высоте небесной, тоскливый глас свой пременяют они на радостный и младыми крыльями своими на стретение ей летети порываются.

Во единый день, когда Иаков и Селима изображали друг другу тоску свою на том же месте, внезапу услышан был во всем доме стук текущих колесниц и топот верблюдов бегущих. Иаков умолкает, преклоняет слух свой, и во оном шуме познает он гласы сынов своих. Он восстает и хощет идти во стретение им, но вдруг зрит их самих, идущих к его сени; ныне все они дерзают внити в сие убежище. Вениамин прежде всех устремляется в объятия отца своего, который, прижав его к персям своим: «Когда я тебя узрел, — рек он, — я ни о чем более небес не умоляю и сниду во гроб с меньшею скорбию». Он объемлет потом всех своих сынов и тем любезнее приимлет Симеона, чем долее удален он был от родительского дому. Селима, узрев Вениамина, восхищается. Между тем, в очах юнейшего сына Иаковля сияла чрезмерная радость; сколь ни старался он ее умерить, но, вырываяся из сердца, исходила она на чело его, на лицо и очи. «Дражайший отче мой! Селима! — рек он. — Возвращение наше есть самая малейшая вина тоя радости, которую мы вам приносим ныне». — «Но кое удовольствие мог бы я еще вкусити? — отвещает Иаков. — Или странствие твое, любезный сын, разгнало прежнюю тоску твою? А я доныне в равной страдаю скорби, и токмо возвращение ваше могло на несколько остановити оную». — «Иль не осталось, — рек Вениамин, — нималой нам надежды узрети Иосифа?» — «Увы! — отвещает старец. — Исчезла вся моя надежда, звери лютые отдают ли когда корысть свою?» — «Не возмог ли он спасти себя от них?..» — прерывает Вениамин, и очи его оживляются, и чувствования, кои он хощет заключити в душе своей, исходят на лицо его, как солнечные лучи легкое проницают облако. «Если б не погиб он, — вещает Иаков, — неужели бы небеса не возвратили его в мои объятия?.. Но кая радость исполняет твою душу? Никогда не произносил ты имя Иосифово без пролития слез; ныне... все дети мои исполнены веселием... Я знаю, что Иосиф в тебе оживляется, но, увы! уже нет его... Или был ты боле нас счастлив и видел тень его?» Во время сея беседы Селима, воздыхая, устремила очи свои на образ возлюбленный. Тогда Вениамин, не возмогши своего восторга одолети: «Блажен

отец мой! — возопил он. — Тщетно хотел я тебя уготовити... Собери силы свои пренести радость неизреченную: жив сын твой Иосиф». В то же время все сыны Иаковли возопили: «Жив сын твой Иосиф!»

Как глас ангела, остановившего руку Авраама, подъятую на сына его, вселил радость в скорбящее сердце сего смущенного отца и оживил всю природу, стенящую о таковом жертвоприношении, — тако сии повторяемые толикими устами слова проницают сердце Иаковле и весь дом его. Селима, сильнейшим объята удивлением, прерывает свои воздыхания, отвращает вдруг очи свои от образа Иосифова; восхищенна, но колеблющаяся между сомнением и надеждою, пребывает она неподвижна, безгласна, простирающа руки и устремляюща взоры свои на Вениамина, алкая проникнути все слова, кои из уст его изыдут. Но скоро Иаков, не хотяй верити сынам своим: «Неужели вы старости моей ласкати восхотели, — рек он, — неужели согласились вы сим вымыслом утешити последние дни мои? И ежели то так, оставьте вы меня слезы проливати, мне скорбь моя любезна, и я предпочитаю ее уверению о таком счастии, коего нет со мною... Если б жив был Иосиф, кто бы возмог удержати его удаленна от меня». — «Он ожидает тебя, — отвещает Вениамин, — сей сильный и добродетельный муж, коего весь Египет почитает, коего премудрость нам была прославляема, который желал слышати о тебе и Селиме, который питал весь дом наш, возвратил злато наше, не возмог отпустити от себя всех твоих сынов, возжелал зрети меня...» — «Вещай! — рек Иаков. — Скончай слово свое. Великий боже! благословлю неисповедимые судьбы твоя...» — «Сей муж, — отвещает Вениамин, — сей есть сын твой Иосиф».

По сих словах Селима возопила гласом радости, но, не возмогши пренести своего восторгу, она бледнеет, упадает, очи ее затворяются; тако сопротивляющийся долгое время свирепым вихрям цвет увядает внезапно от луча солнечного; имя Иосифово к жизни ее призывает. Но Иаков долгое время ни единого слова не вещает; поверженный в глубокое молчание и желая разгнати последнее облако, подъемлющееся в душе его: «Возможно ль быть сему? — рек он. — Великий боже! возможно ль,

чтоб мне возвращен был сын мой?.. Возлюбленные дети! я готов верити словам вашим... хощу сего... но толь внезапная весть... счастие толь неожидаемое... прости, Вениамин, если я еще в оном сумневаюсь. Страшусь увериться на толь малых доказательствах; если же все сие мечта, в какую бездну я паки повержен буду! Многое велит мне познавати сына моего в правителе Египта, но во многом не зрю я Иосифа! Как! Он предпочтил нам величество! Уклонился в чужую страну от отца своего и Селимы! Оставил нас проливати слезы, наслаждаясь сам блаженною судьбою! Отпустил вас прежде, не познав! Не возвестил мне о жизни своей!..»

«Прииди, — рек тогда Вениамин, — виждь колесницы и дары, тебе посланные. Он тебя в Египет ожидает; царь дает тебе плодоносную Гессенскую землю. Все твои сомнения разгнанны будут. Бог, приведший Иосифа к престолу Фараонову, восхотел его тамо удержати; брат мой, долгое время несчастный и возведенный наконец на чреду сию, послал к нам единого из рабов, который погиб на пути... Прочее уведаешь из собственных уст его...»

Слово сие прервал старец, который в провождении Селимы и всех своих детей приближается, поспешает слабыми стопами и выходит из сени своея. Но едва узрел он колесницу и дары Иосифовы, уже радость неизреченная является на лице его, он весь трепещет, возводит очи и руки на небо, не произнося ни единого слова; некие слезы текут по лицу его. «Я ничего более не желаю, — рек он наконец, — когда сын мой жив, я иду и узрю его прежде, нежели умру». Рек он и вне себя от радости объемлет Селиму, которая в восхищении своем прижимает его к трепещущей груди своей; радость вселяется во весь дом; жены и младенцы исходят из сеней своих и сень Иаковлю окружают; имя Иосифово всеми усты произносится, эхо повторяет сей блаженный глас. Все идут, стесняются, каждый хощет быти свидетелем веселия старца и Селимы.

Но Иаков, начав слово свое: «О возлюбленные дети! — рек он. — Не хощу я возмущати нашего восторга! Сей день должен быти днем праздника нашего: я обрел сына моего, а вы своего брата; но в безмерной нашей

радости забудем ли того, кто нам возвратил его? Излишняя чувствительность может преобратитися в самую неблагодарность. Когда сердца наши исполненны еще истинным веселием, пойдем пролити оное на алтарь бога Авраамля и, не довольствуясь единым приношением начатков земных благ, предложим ему приношение сладчайшего нашего чувствования». По сих словах они отверзают ему путь, и старец, провождаемый всеми своими, величественными стопами удаляется от сени; вместо радости, коей он предавался, видна была тогда на челе его спокойная ясность.

Среди всех пастырских хижин дому Иаковля кедры и пальмы, коих верхи касались облакам, окружали в пространном месте и на едином холме алтарь, сотворенный от земли и дерном покровенный; Авраам собственными руками своими поставил оный и насадил древеса сии; храм сей был его и Исааков; сквозь сих ветвей возвышалось к небесам моление и курение их жертв; хор любящих сие уединение птиц воспевал тут вечно сладостные песни. При вступлении в сие место понятие о всевышнем существе, тамо обожаемом, простое и чистое ему приношение, воспоминание о почтенном начальнике сего служения, древняя и священная сень, где некогда ангели соединяли с смертными гласы свои, вся природа, свидетельница сему наиторжественнейшему человеческому действию, и мысль о том, что во всем пространстве земли и в неисчетном множестве храмов сие едино место посвященно господу вселенныя, — словом, все возбуждало тамо важные чувствования и поражало душу страхом благочестия.

Иаков восходит на холм, который, вседневно орошаемый по его велению и охраняемый от умов небесных, избавлен был казни, сию страну опустошающей. Как те страшные горы, коих возвышающиеся выше облак верхи, безопасны от вод и грому, сохраняют под всегдашнею ясностию неба вечную зелень, когда подошвы их льдом покровенны, — тако здесь кедры и пальмы сохраняют древнюю сень свою, алтарь одеян был дерном и цветами, зефиры казалися обитати в сем едином месте, и все птицы, убегая стран опустошенных, в сие приятное убежище преселились. В средину оного

вступает Иаков; по единую страну предстоит ему Селима, по другую юнейший сын его, и все ближние его алтарь окружают. Все на долгий час умолкают, каждый радость свою вперяет в сердце свое, все, даже до младенцев, подражают благоговению Иаковлю, который возвел очи свои на небо, и, держа в руке своей козлище: «Боже Авраамов и Исааков! — рек он. — Ты еси бог Иаковль, ты возвращаешь веселие дому нашему, ты оживляешь родительское сердце, пораженное скорбию и летами, ты мне сына возвращаешь, сына, коего я оплакивал толь долго, ты исторгнул его от зверей лютых, десница твоя извлекла его из гроба. Ныне молю тебя о единой токмо благости: да узрю я прежде смерти моея, да объиму сего возлюбленного сына! Приими сие свидетельство нашия общия благодарности и последнюю жертву, в сих местах тебе приносимую... Цветы! воссылайте к небесам сладчайшее свое приношение! Птицы! соединяйте со гласом моим песни свои! Кедры! пальмы! изображайте радость мою своим трепетанием! Да поможет мне вся природа! И вы, дети мои! вы не будете бесчувственны к сему, примите и вы участие в моем восторге!» В самое то время поражает он жертву; кровь течет па алтарь, и радостные слезы лиются из очей старца и соединяются с жертвенною кровию. Тогда Селима, не возмогши заключати более чувствования в сердце своем, простирается пред алтарем, объемлет его и возводит к небесам свои взоры; уста ее безгласны, но благодарность никогда толь сильно не изображалася; слезы ее орошают грудь ее, и с курением жертвоприношения, восходящим до облак, соединяет она чистое приношение своих воздыханий. Между тем, цветы испущают ароматы свои, птицы воспевают нежные песни, кедры и пальмы движут свои ветвия, вся природа кажется чувственна к восторгу отца чадолюбивого, и все ближние его произносят глас радостный. Но сердце Симеоново было возмущенно. «О небо! — вещал он втайне. — Достоин ли я приступити ко алтарю сему и согласити моление мое с молением добродетельного старца? Благословлю тебя, исправившего мои злодеяния и пославшего радость в сердца, исполненные прежде горести виною моею. Но могу ль я надеятися, что ты меня про-

щаешь и что я вечно не буду раскаянием терзатися!» Таковы были его моления, и, призывая небеса, не смел он возвести на них очес своих.

По окончании жертвы Иаков со всеми своими возвращается в сень свою. Тогда дети его и их младенцы приемлют в руки свои дары Иосифовы и приносят оные отцу своему и Селиме, кои, обняв сии дары: «О день! блаженный день! — возопили. — День, разнствующий неизреченно с тем, в который узрели мы окровавленную его одежду!» Потом Иаков уготовляет для всех своих великолепное пиршество: по отсутствии сына своего он первый еще раз созывает своих ближних. Во время праздника сего беседовали все о едином Иосифе; старец усугубляет о нем свои вопросы. Он хощет ведати, каким образом приведен сын его во Египет. Все они умолкают, и Симеон едва смущение свое таити может. Рувим простер наконец слово свое: «Иосиф, — рек он, — без сомнения, не хотяй обновити скорби нашея... мало вещал нам о сих несчастных временах... Лютые варвары... поразив его многими удары... продали мадианитам... кои повлекли его в неволю». Симеон бледнеет от сих слов, Иаков и Селима воздыхают. Ввечеру, вошед в жилище свое, Селима остановляется пред ковчегом, хранящим ризу ее возлюбленного, она отверзает его и слезами радости ныне орошает. Потом спешит она сняти кипарис, одевающий сень ее, и сон, приводя к ней веселые изображения, прерывает смятенный восторг, коему предалося ее сердце.

Едва Аврора луга освещати начинала, уже старец пробуждается веселием души своея; он восстает и, желая един предатися толь новым для него чувствованиям, идет в рощу, стоящую близ сени своея. Размышляя об Иосифе и ласкаяся надеждою узрети его, приходит он на место рощи тоя, которое священно было; тамо зримый был единый великий камень, но тогда нечувствительнейшее творение природы было знаком благочестия. Воззрев на сей камень, воспоминает Иаков о том, что истребило из памяти его радость и желание обняти Иосифа; приводит он на мысль свою, что на сем месте явился ему ангел господень, слова сии вещая: «Землю сию, дарованную богом Аврааму, дает господь тебе

и семени твоему». Ангел сокрылся, а Иаков излиял масло и вино на оный камень. Он воспоминает о сем происшествии, и кажется ему, что глас бессмертный, слышимый еще во ушесах его, повелевает ему навсегда в сей стране обитати. В самое то время чает он внимати Аврааму, вещающему тако: «Ты хощешь оставити сей дом, где утвердил стопы мои превечный, сей алтарь, мною ему посвященный, сию сень, руками моими воздвигнутую, прах мой, отца твоего и супруги твоея! Кости твои возле их костей не опочиют! Что будут сии многочисленные знаки божия благости и нашего ему благодарения? Так все сие исчезнет, и дети твои смешаются с языческим народом! Имя божие затмится на земле, и скитающаяся тень моя тщетно искати будет моего племени и чтущих превечного!»

Иаков вострепетал от сего изображения: с какою горячностию ни желает он обняти Иосифа и скончати при нем свое течение, но вера имеет более владычества в душе его, нежели родительская горячность. Между тем, он воздыхает, стенает и, преклоненный на камень, орошал его слезами, вопия: «Иосиф! Иосиф! или обрел я тебя, не вкушая утешения зрети тебя, или десница твоя не затворит очей моих?» Во время душевного его колебания приближается сквозь древес блестящий образ; камень стал освещен оным; чело его увенчанно было венцом, который казался быти сложенным из солнечных лучей, а одежда его казалася исткаппа багряницею рождающейся Авроры; злато и сафир на крылиях его блистали, спокойное веселие, подобие вечныя весны, на небесах царствующей, умножало красоту лица и величество его особы. Старец, подъемля очи, познает ангела, явившегося ему на сем самом месте от господа; он преклоняется пред ним и, между тем, страшится того, чтоб веление, душу его возмущающее, не было обновленно.

«Отжени смятение души своея, — рек ему ангел, и окрестное эхо повторяло сладостный звук сего гласа. — Не прихожу осуждати твоего желания: приими на сей земле воздаяние от бога твоим добродетелям, предай сердце свое родительской любви, иди обняти сына своего. Вся вселенная есть храм всевышнего; ты можешь

повсюду воздвигати алтари ему, и взор сына твоего будет тебе и ближним твоим сладчайшим знаком его благодеяния. Иди, принеси ко престолу языческому, принеси служение чистое и священное существу всевышнему; да распространится на полдень свет, восток просветивши. Племя твое с сим чуждым не соединится, и если ты еще сетуешь о сем жилище, то приили, последуй на сей холм за мною, и я открою тебе будущее».

Старец повинуется и, восшед на высоту холма, обращает очи свои на юдоль пространную. Он зрит детей своих умножившихся во Египте, яко песок морский, и колено Иосифово почтенно от царей и от народов; внезапу восстает тиран, приводящий оное в неволю. «Так все они подвергнутся судьбине Иосифовой! — возопил Иаков. — Но кто есть сей юноша красоты разительной, утешающий их, увещевающий и ободряющий? Он кажется быти не раб, но с ними единого языка!»

«Сей будет вторый Иосиф, — отвещает ангел, — преданный от рождения своего водам и воспитанный во дворе царском, в сем океане, паче всех вод волнующемся, сокрушит он гордость их и будет спасителем народа своего. Ныне обрати сюда очи свои».

Тогда зрит Иаков неизмеримое море, коего возмущенные волны до небес восходили; но вдруг настает тишина велия, разверзается океан, и движимые волны, отвердев, составляют с обоих стран из себя непоколебимую стену. Народ многочисленный шествует по пути сему. Иаков, познав своих потомков, ужасается. Скоро слух его поражен стал шумом труб и оружия; он взирает и видит гордого царя седяща на колеснице, предъидуща храброму своему воинству, гоняща племя Израилево; по всему морю раздается звук от колесниц, коней и страшного вопля; усугубляется страх Иакова. Но он зрит детей своих, исходящих на брег, и египтян, в морской еще пучине готовящихся к сражению; внезапу глас божий слышится на водах, и вихри носятся по оным быстрыми крылами; тотчас обе стены колеблются, и, подобно зданию, потрясшемуся во своем основании, волны с великим шумом упадают, соединяются, и бездна сокрывается. Тогда из недр пучины и сквозь шуму волн возмущенных восходят стенания и вопль,

и море во единую минуту покрывается остатками колесниц, оружия, коней и всадников, борющихся с водами. Между тем, сынове Авраамли воспевали на бреге песнь священную. Иаков, возвед очи и руки своя на небо, с сею песнию свой соединяет глас.

Применяется явление, и он зрит гору, до облака досязающую; от воспаленной вершины ее исходят молния и громы; слышится священный глас небесныя трубы, и все предъявляет присутствие божества истинного. Потомки Иаковли гору окружают. Вопрошает он, кое зрелище предстоит его очам. «Се вещает сам превечный, — рек ангел, — вещает он законы, впечатленные им в сердца смертных, в сердца движимые, яко воды: о, если б хотя ныне не забыли они его гласа!»

Наконец Иаков зрит племя свое, возвратившееся в жилище отцов своих; алтарь, поставленный рукою Авраама, применяется во храм великолепный; народы притекают во множестве на сию священную гору, и он познает место, на коем были гробы праотцов его. Едва отвращает он око свое от сего вида, уже не зрит более ангела, но, исполненный радостию, сходит он с холма и повелевает сынам своим уготовлятися к отшествию.

Тотчас настает смятение во всем доме: приготовляют колесницы. Тако слышен в улье шум юных пчел, кои, разверзая крылия свои, оставляют место своего рождения основати новое селение.

День весь в сих трудах препровождается, и уже нощь распростирала по земле свои первые тени, как Иаков, собрав всех своих ближних, повелевает им последовать за собою.

Во исходе пастырских хижин была приятная роща, которую вихри почитали, где эхо гласу своего не произносило и где все привлекало к единому покою; всегда свежий дерн покрывал тамо землю, и бесчисленные цветы вечно исполняли воздух своими ароматами. Авраам приходил часто в сию рощу для успокоения, и, взирая на смерть как на спокойный сон, оканчивающийся прекрасным утром, избрал он сие злачное место ко своему погребению. Тамо зримы были древнейший гроб его и Исаака; гордость не поставила столпов на оном месте, ни начертала надписания, но, вошед под

сию тень, смертный объемлем был благоговением; казалось, что самая добродетель зрелася, седяща на сих гробницах, и самые древеса, в коих некая часть сих священных прахов обращалася, были от всех почтенны.

Провождаемый всеми своими и несящи в руках своих цветы, на алтаре собранные, Иаков приходит в сие место, орошаемое повседневно по его велению и не пострадавшее от всеобщия казни. Луна изливала приятный свет свой сквозь тихие листвия; старец остановляется пред гробом Авраама: «Тень почтенная! — рек он, и все на долгий час умолкли. — Приими последнее мое приношение; возродятся цветы, и уже рука моя не рассыплет их более на сей гробнице. Разлучаюсь с нею видети сына моего, единое благо, оставшееся мне на сей земле, сына моего, в котором твои обитают добродетели; но, когда сон смерти затворит очи мои, тогда с тобою соединюся, и прах мой с твоим купно покоиться будет». Рек он и, трепещущими руками рассыпав цветы на гробе, оный объемлет. Все ближние его, и самые младенцы такожде, прощаются со священным прахом своего прародителя. Но когда Симеон приступает к сей гробнице, куда по злодеянии своем он еще не приходил, тогда, подобен пленнику, коего влекут на жертву ко гробу победителя, бледнеет, трепещет, не смеет обняти гробницу Авраама; но присутствием отца своего и ближних стал он принужден оное исполнить: преклоняется на гроб, и вдруг кажется ему, что оный колеблется и его отревает; вздымаются власы его, и он восстает, ужасом объятый.

Иаков со всеми своими идет потом на гроб Исаака, на коем, такожде цветы рассыпая, возмущался духом. Наконец приходит он на место, на коем Рахиль погребенна. Он на единую минуту умолкает; живейшее чувствование пронзает его душу. «Возлюбленная супруга! — рек он. — Я иду зрети сына твоего, истинное твое подобие. О, если б прах твой, став менее бесчувствен, возмог прияти участие в веселии моем!» По сих словах преклоняется он над гробом, и когда руки его цветами оный осыпают, тогда он слезами его орошает; потом долгое время держит его во своих объятиях; все ближние его возмутились, и слезы текли из очей Вениамина

и Селимы. Удовлетворя сим приятным чувствованиям природы, устремляет он еще единожды взор свой на сии гробы и на сие мирное уединение, в коем он желал бы пребывати, если б не хотел видети сына своего, и потом в сень свою отходит.

Нощь не скончала еще своего течения, и Селима, не возмогши ожидати часа, назначенного ко отшествию, оставляет одр свой; молчание царствовало еще в пастырских хижинах; не хотя возмутить сон Иаковль, приступает она тихо к его обитанию и вдруг зрит его оттуда исходяща. Она устремляется в его объятия, и скоро потом приходят все его сыны, жены их и младенцы со многочисленными колесницами.

Тогда Селима входит на единую минуту в свое обитание. «Прости, — рекла она, — посвященное скорби моей место; прости, сень, бывшая жилищем слез и сетования; я не наслаждалася сиянием твоим, и уже не для меня оживятся твои листвия; свидетельница моея печали, не будешь ты свидетельницею взаимныя радости нашея. Приими последние слезы, извлеченные воспоминанием прежния моея горести». Рекла, и очи ее омоченны были некиими слезами. Но, исшед из сени, едва узрела она Иакова и Вениамина, седящих на колеснице, уже слезы ее стали осушенны, веселие оживляет черты ее лица; она восходит спешно на колесницу по единую страну старца. Тогда все ближние Иакова такожде восходят. Все двинулись с места своего, и колесницы бесчисленными стадами провождаемы были. Иаков взирает в последний раз на сень свою, и хотя шествует он зрети сына своего, но не может без жалости оставити жилище отцов своих. Каждый смущенные очи обращает на прежнее свое обитание. Воздыхают мужи, и очи жен исполняются слезами, а младенцы, радуяся об отшествии своем в чуждую страну, веселым гласом восклицают; сии смешанные звуки, соединенные со гласами ревущих волов и овец блеющих, раздаются в сенях опустевающих, даже до самых недр тех гробниц, кои едины на месте оном остаются.

Между тем, Иосиф ожидал с нетерпением пришествия ближних своих. Как во время долгия и мрачныя нощи, претекающий движимые пески африканские

и внемлющи единому грому, смешанному с рыканием львов страшных, узрев наконец лучи Авроры, услыша глас человеческий и восшед на твердую землю, страшится еще, чтоб оная под ногами его не обрушилась, чтоб не ввергнулся он паки во мрак нощи и чтоб лютые звери не похитили корысть свою, — тако Иосиф, видяй многажды себя с высоты блаженства низверженного в бездну зол, некиим объемлется страхом: колико уже крат исторгнут он был от своих в самую ту минуту, когда чаял он имети их во своем объятии! Дерзнет ли он верити и ныне той лестной надежде, и может ли он уверен быть в том, что счастие его ничем не возмутится и что наконец узрит он себя возлюбленными своими окруженна?

Между тем, во единое утро восстает он с радостию, каковую долгое время сердце его ощущало, и ангел, летящий между небом и землею и возвещающий скоряе славы редкия добродетели и оных награду, внушает сии слова Иосифу: «Приходит твой родитель». В ту самую минуту устремляется он с одра своего, облекается в одежду свою, повелевает колесницу себе уготовить, восходит на оную и спешит в поле на стретение родителю. Когда быстро катится колесница, тогда он алчный взор свой вдаль устремляет. Наконец гласы многочисленного стада поражают слух его, и в конце горизонта зрит он густое пыли облако; как некое божество во облачных недрах снисходит с небес на помощь смертным, тако Иаков со всеми своими приближается. Тогда летят быстро кони Иосифовы; очи его хотят проникнуть сквозь пыль, сокрывающую от него возлюбленные ему виды; сердце его трепещет, и самые малейшие препятствия нетерпение его раздражают. Но прешед расстояние, разлучающее его с своими, входит он во облако и может хотя слабо различити от прочих отца своего и возлюбленную; он спешно сходит с колесницы и бежит к Селиме, текущей на стретение его. Несколько минут остается он во объятиях ее, но сыновняя горячность любовь одолевает; они отторгаются друг от друга и, вспомоществуя Иакову, негодующему на медленность своея старости, сводят его с колесницы. Тогда все трое, соплетя руки свои, как единою душою оживотворялись,

соединяли долгое время воздыхания свои, слезы и слова прерывающиеся. Иаков, не оставляя имети в руках своих дражайшего сына, возводит к небесам очи, в коих сердечная сияет благодарность. «Великий боже! — возопил он. — Так истинно сие... Так я не пустый уже образ сына моего объемлю... Я умру доволен». По сих словах Иосиф с большею силою объемлет старца; противясь толиким бедствиям, готов он был пасти под бременем веселия; он в восторге произносит сладчайшие имена отца и супруги, и чувствования любви и детской горячности, не ослабевая, соединяются в душе его. Селима безгласна, трепеща, восторгом изумленна была в объятиях Иосифа; видно было биющееся сердце ее; едва от радости могла она дышати; то слезы ее лилися рекою, то вдруг они остановлялись, и вся ее чувствительность вперенна была во внутренность души ее. Не выпускали они из рук един другого, как бы страшася каждый лишитися еще толь любезного ему вида. Между тем, окружены они были всеми ближними своими, кои взирали смущенными очами на сие нежное зрелище. Наконец они отторгаются от сих приятных уз и взирают друг на друга с изображением истинныя горячности; скоро потом возобновляют они свои объятия: Иосиф от отца своего к своей возлюбленной преходит и паки к старцу возвращается. Когда удовлетворил он сему первому восторгу, тогда шествует он к ближним своим; повсюду зрит он или братей, или жен их, или их отраслей; он нетерпению их угождает; единая его чувствительность может довольна быти на толь долгое изъявление дружества; слышен был шум приятный, соединенный с радостным криком. Иаков и Селима были свидетелями сего общего удовольствия, кое на челах их так изображалось, как солнечные лучи во глубине водной сияют.

Но Иосиф, соединяся с отцом своим и Селимою, возводит их на свою колесницу и сам на оную восходит; все приемлют паки места свои и шествуют к Мемфису. По прибытии их туда народы от конец Египта стекаются зрети почтенного старца, рождшего избавителя сего государства; царь хощет сам некое ему воздати приношение, и сын приводит Иакова пред трон своего государя. Украшенный седыми власами и добродетельми

своими, обращает на себя старец внимание монарха и приемлет от него дань почитания.

Иаков благословляет царя, который о летах его вопрошает. «Я странствую, — отвещает он, — сто тридесять лет; время жизни моей кратко и прискорбно и не сравнилося со временем жизни отцов моих».

Между тем, Египет достигает до конца своего бедствия, и природа начинает украшатися всеми прелестьми своими, как бы для торжества сего блаженнейшего брака. Отверзаются небеса и посылают на землю свое благословение: снисходит ангел, служитель их благодеяния; он повелевает облакам и буре; ливийские вихри заключаются, и с полудня приближается величественно долгий ряд облаков, приносящих изобилие. По сем счастливом знаке ходатай Египта прилетает паки ко исходищу Нилову. Тогда потоки, подобные многим рекам соединенным, с небес упадают; уже в недрах диких камней текут благотворящие воды, умножаясь всеминутно; восприемлют они прежний путь свой; скоро народы, ближайшие к порогам, ощущают колебание земли и внимают страшному шуму, равно как бы некое созвездие ударило в потрясшийся шар наш. Вдруг они объемлются страхом, но, узрев низринувшийся Нил во свои знойные пределы, ужас свой на радость пременяют; чем ближе он притекает, тем с большим криком радости народы его приемлют. Ныне он воздымается, побеждает свои пределы, и, алкая орошати землю, толь долго им оставленную, проливает он повсюду свои быстрые воды: весь Египет есть пространное море, на коем, подобны малым островам, зримы были грады и пастырские хижины. Едва река входит в пределы свои, уже цветы и травы возрастают, оживляется Египет, и можно бы рещи, что исходит он из вод украшенный всею красотою, — тако изображают царицу любви украшенну всеми ее прелестьми, исходящую из вод, где она родилась. Народы взирают с восхищением на зрелище сие; уже птицы прилетают паки в оживленные рощи, уже стада исходят на луга, все торжествует сие обновление природы, и человек песни свои с их гласом соединяет.

Тогда Иосиф, коему египтяне поручили земли свои и все имение, возвращает оное первым их владетелям;

бывый сам рабом и познав права человечества, не хощет он покорити целые народы; он ведает, что безопасность престола и счастие людей состоит во блаженном согласии власти с вольностию; возвращает им стада их и все сокровища, коих был он толь долгое время божеством сохраняющим.

Потом, с согласия Пентефриева, хощет он прежних своих союзников из неволи свободити, но с того времени, как возмог он облегчити их судьбину, предпочитают они ее высшему состоянию; они усердствуют господину своему, любят стада свои, и уже очи их на цветущие поля обращаются.

Удовлетворя своему долгу, предается он сладчайшим чувствованиям. Уже уединенная сень его, где он свои оплакивал несчастия, покрывается зеленым листвием; друзья его посвящают украшению сего жилища первые цветы, кои в сей стране произрастают; тамо хощет он заключити узы своего брака; привед туда ближних своих, внемлет он сим словам Селимы: «Почто не можем мы соделати сей благополучный союз во брачной сени, приготовленной руками твоими в родительском доме!» Иосиф на сие ей не отвещает, но, когда они вошли в рощу, тогда Селима приятным удивлением стала пораженна, видя сени тоя совершенное подобие. Иаков упадает ниц пред алтарем, воспоминающим ему алтарь Авраама.

Между тем, отводит он от всех Иосифа и Селиму. «Возлюбленный мой сын, — рек он, — для тебя оставил я отцов моих жилище; я не скорблю о том, я узрел тебя; последние мои дни, тобою оживленные, посвященны будут тебе, подобно впадающему в море источнику, который совращает на единую минуту свое течение веселый оросити луг. Но, когда рука твоя затворит мои очи, почто быти мне в чуждой земле погребенну? Обещай мне в сей торжественный день, обещай пренести туда прах мой, где покоится прах Авраама, Исаака и Рахили, дабы некогда возможно было нам восстати купно от персти земныя... Но сердце твое не предъузнает ли моего желания?..» — «Так, — отвещает Иосиф, исполняя слезами свои очи. — Воздав тебе сей последний долг... обещаю я, что смерть не долго нас разлучит; хощу,

чтоб, удаленный от пирамид и великолепных египетских гробниц, прах мой положен был возле священных гробов моих праотцов... Возле твоего гроба... Тако не буду я исторгнут вовеки от родительского дому, и, когда разверзнется земля возвратити нас свету, тогда встретятся первые взоры наши и я в твои объятия устремлюся». Селима и старец от сих слов смягчаются. Потом вопрошает он сына своего о приключении, приведшем его во Египет. «Вещай, — рек он ему, — и удовлетвори наконец моему желанию. Не страшися зрети текущие слезы мои: они последние из очей моих прольются, и уже сердце мое единое чувствование радости вкушати будет».

Иосиф возмутился; язык его едва мог на притворство преклониться, как вдруг исходит Симеон из рощи, где с братиями своими внимал он сей беседе, и простирается к ногам старца; некое время пребывает он безгласен, трепещет и от слез едва дыхати может. Иаков и Селима взирают на Иосифа, который, устрашась действием брата своего, удержать его хощет. Но Симеон, прервав молчание: «Тщетно твое старание, — рек он, — ты простил меня, но я более не могу снести раскаяния моего, если не простят мне родитель и Селима. Отец злосчастный, коего спешил я низвергнути во гроб! Ты хощешь знать, который варвар поразил твоего сына, — ты зришь его перед собою...» Иаков бледнеет. Тогда Иосиф упадает к ногам его и гласом и слезами своими испрашивает прощение брату своему. «Великий боже! — возопил старец. — Я мог родить таковог сына!» Но, зря слезы Иосифа и раскаяние несчастного Симеона, который, простершись на землю и не смея возвести очей своих, стенал и вопиял, подает ему руку. «Восстани, — рек он ему, — последуя брату твоему, я тебя прощаю». Селима тож ему вещает. Восстает Симеон, не смеет еще приступить ко отцу своему, но Иосиф приводит его во объятия Иакова.

Тогда уже ничто веселия их не возмущает. Они шествуют пред сень брачную, где ожидало их сельское пиршество. Пентефрий, Итобал и пастыри к оному приглашаются; все прияли места свои окрест великия трапезы; посреде был седяй Иосиф и Селима во брач-

ном одеянии и старец, коего седые власы цветами были увенчанны, все предаются веселию; сам Симеон забывает свое раскаяние. Во время торжества Селима предлагает Иосифу лиру, соделанную им праздновати брак свой и которая руками супруги его обвешана была на ветвях кипарисных. Тогда царствует глубокое молчание. Иосиф воспел сии слова, прерываемые часто его восхищением: «Долгое время, мраком смерти покровенный и как бы во гроб заключенный, я более уже не воспевал и, подобен жалующимся теням, стенал и воздыхал; цветы, распускаясь, исполняли воздух сладчайшим своим благоуханием, и глас мой не прославлял оное; Аврора украшалася прелестными цветами, и я нечувствен пребыл; казалось, что цветы окружали хладный прах мой и что Аврора гроб мой освещала... Но, о превечный! ты разгоняешь мрак смерти, ты меня к жизни призываешь, ты отверзаешь уста мои и влагаешь лиру в руки мои... Приими первый звук ее, посвященный мною веселию; тщетно пустыни и горы разлучали меня от моих возлюбленных, ты сокрыл пустыни и уравнил горы; леса преклоняют пред тобою свои гордые верхи, ревущий океан от гласу твоего остановляется; речешь, и звезды совращают течение свое, вся природа обращается в ничто и паки велением твоим оживляется... Источник радости! ты сердце мое исполняешь; я окружен всем тем, что мне любезно; куда ни обращаются очи мои, везде стретаю я или отца, или супругу, или любящих меня братий, или возлюбленных друзей моих. Роща уединенная, где некогда чаял я видети их образ! Ныне не мечта взор мой обольщает, я зрю Иакова, Селиму, Вениамина и всех моих ближних... Сень, скорби посвященная, ты во брачную сень стала превращенна! Листвия, орошенные слезами моими, трепещите от радости! Стада, приявшие в печали моей участие, играйте ныне... А ты, лира, обвешанная на плачевном древе, внуши брачные песни в сей веселый день; кипарис в мирт преобращается; струны твои прославят не сияние величества, не пышность престола, но добродетели Иакова, прелести Селимы, сладость братския любви, дружество, цветы, источники, рощи и все то, что ныне блаженству моему спомоществует».

По сей песни слезы радости из всех очей лиются. Сердца Иакова и Селимы, не слышавших толь долгое время Иосифова гласа, плепяются оным неизреченно. По окончании пиршества оба супруга ведомы были в сень на одр, усыпанный благоуханными цветами, где в объятиях друг друга забывают все свои бедствия. Между тем, луна посылает лучи свои сквозь листвия; птицы, о сне не помышляя, собираяся на ветвиях, составляющих сие жилище, восхищение их воспевают, и Нил течет приятно пред сими блаженными местами.

По некиих днях, проведенных в сей роще, приводит Иосиф всех своих ближних в веселую Гессенскую страну. Если б последовал он единому сердцу своему, то жил бы в сих спокойных местах со Иаковом, рука его восприяла бы посох, и из чертогов своих снизшел бы он в сень простую, но, бесчувствен к гордыне и любочестию, не может он быти таковым к молению царя своего и к слезам целого Египта. Он остается на чреде, на кою возвышен был, и возвращается в Мемфис с Селимою. Оба они препоручают Иакова Вениамину, и часто, желая, по важным трудам, насладитися спокойством, приходит он в объятия своего родителя.

КОММЕНТАРИИ

ОТ РЕДАКТОРА

Первая попытка издать полное собрание своих сочинений, предпринятая Д. И. Фонвизиным еще при жизни, кончилась трагически: полиция не разрешила издание, а приготовленные рукописи бесследно пропали. В последующем выходило несколько серьезно подготовленных собраний сочинений Фонвизина, опиравшихся на полученные от наследников автографы писателя. Но, к сожалению, собранные редакторами драгоценные рукописи в дальнейшем исчезали. Исследователи не имели возможности проверить точность воспроизведения текста, устранить явные ошибки.

Последнее авторитетное собрание сочинений Фонвизина вышло более ста лет назад и давно перестало удовлетворять научным требованиям. Вот почему настоящему изданию предшествовала работа по собиранию и изучению рукописного наследия писателя. В итоге разыскано двадцать пять новых произведений Фонвизина (художественные, публицистические, письма, переводы и т. д.), которые никогда ранее не печатались в собраниях его сочинений. Обнаружены в различных архивах отдельные автографы ранее печатавшихся произведений, что позволило проверить некоторые тексты, дополнить их, освободить от многочисленных искажений. Найден проспект собрания сочинений, подготовленного самим писателем, отражающий его волю. Тем самым вопросы истории издания, текстологии и атрибуции приобрели особое значение. Они освещены в специальной статье «История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследства».

В произведениях Фонвизина, особенно в письмах, упоминается множество имен. Для удобства все необходимые сведения об исторических лицах вынесены из примечаний в анно-

тированный указатель. Расшифровка их под строкой принадлежит редактору. Переводы иноязычных текстов даны под строкой. Отточия в квадратных скобках в текстах, главным образом в письмах, означают пропуск в оригинале, дефект в рукописи или неразобранное слово.

Редактор счел себя обязанным привести собрание сочинений Фонвизина в соответствие с нормами современной орфографии и пунктуации.

Все условные написания, восходящие к устаревшим нормам правописания и не отражающиеся на произношении слов, заменены современными. В случаях, когда у Фонвизина обнаруживалось колебание в правописании некоторых слов (архаическая или современная форма), редактор выбирал форму, совпадающую с современной. Но у Фонвизина оказались формы, отразившие еще не установившуюся грамматическую норму, отчего одно и то же слово писалось различно. В этих случаях сохранялось авторское написание. Также сохраняются морфологические и лексические особенности языка эпохи и автора, имеющие стилистическое значение. В частности, сохраняется написание некоторых слов, отвечающих нормам произношения того времени (в особенности в соответствии с авторским замыслом в драматических произведениях). Например: *вить* (вместо *ведь*), *ровный* (в современном значении *равный*), *помочь* (просторечная форма слова *помощь*), *робенок, выработывать* (вместо *вырабатывать*), *иттить, противуборствовать, противуположенный, два дни, сумнение, женисся* и т. д.

Сохраняется старинная форма родительного падежа местоимений и прилагательных женского рода, например: *общия* безопасности, *сея* погибели, *оныя* милости, *твоея* власти и т. п.; но притяжательное местоимение *ее* пишется по современной орфографии; *ее* императорского величества (вместо *ея*).

Окончание именительного падежа множественного числа прилагательных даются по современным нормам. Например, *многие* (вместо *многия*). Однако в сочетаниях с необычными словообразованиями для лучшего понимания смысла сохраняется старая форма окончания прилагательного; например, прилагательное *божие* (множественное число) в сочетании с не существующим в современном языке во множественном числе существительным *величия* дается в старом написании: войти в *величия божия.*

Отдельные иностранные имена и слова даются в старом написании: *Дидерот, Невтон, Людвиг* (вместо *Людовик*), *агличане, аглинский, полус, магазейный, неутралитет, штафета* и т. п.

Сохраняются авторские написания географических названий (и прежде всего в тех случаях, где сознательно воспроизводятся особенности произношения того или иного действующего лица; например, *Питербурх*).

Наибольшее скопление архаических слов и грамматических форм мы наблюдаем в переводах и политических произведениях, что связано с намерением писателя создавать «слог российского витийства». Особенно архаизирован перевод «Иосифа», где обилие славянизмов объясняется стилистическими особенностями произведения, специально оговоренными переводчиком в предисловии. В то же время, как показало сличение всех изданий поэмы, Фонвизин сознательно осуществлял славянизацию непоследовательно и на равных правах использовал формы: *един* и *один, своя* и *свои, братий* и *братей, сомнение* и *сумнение* и т. д. Краткое причастие Фонвизин писал и с двумя и с одним *н* (*лишенны* и *лишены, огорченны* и *огорчены* и т. д.). Наблюдаются и случаи ошибочного образования славянских форм (особенно это проявляется при использовании флексий). Оттого текст перевода сохраняется в том виде, как его печатал Фонвизин, и сохраняются все те устаревшие лексические и морфологические формы, которые в других произведениях приведены в соответствие с современными требованиями.

ДРАМАТУРГИЯ

КОРИОН

При жизни Фонвизина комедия не печаталась. Впервые поставлена в 1764 году.

БРИГАДИР

Комедия написана в 1769 году. Точное время выхода первого издания «Бригадира» неизвестно, предположительно называют две даты: 1783 и 1786.

Стр. 48. *Читать? Артикул и устав военный; не худо прочесть также инструкцию межевую...* — *Артикул* — собрание узаконений, главным образом воинских, с описанием процесса судопроизводства, находящееся в книге: «Артикул воинский купно с процессом, надлежащим судящим». «Артикул» написан Петром I, «изображение процесса» — Э. Ф. Кролтеном. Впервые книга была издана в 1715 году. *Устав воинский* — многократно переиздававшаяся книга «Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов, всего генералитета и прочих чинов». *Инструкция межевая.* — Имеется в виду «Инструкция о межевании земель во всем государстве».

Стр. 49. *Паче всего изволь читать уложение и указы.* — Советник, так же как и Бригадир, читает только служебные книги-инструкции. Он рекомендует книгу «Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государство производятся: сочиненная и напечатанная повелением царя Алексея Михайловича». «Уложение» многократно переиздавалось в XVIII веке.

Стр. 50. *Я — бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их ему.* — *Бригадир* — воинское звание в русской армии XVIII века, впоследствии отме-

ненное; по табелю о рангах считался чином пятого класса; промежуточное звание между полковником и генералом.

Стр. 52. *...экстракты сочиняют без грамматики...* — *Экстракт* — на канцелярском языке XVIII века значит краткое изложение какого-либо служебного дела.

Стр. 57. *Керовая дама* — дама червей.

Стр. 63. *Или думаешь ты, что у господа в книге животных...* — Церковь учила, что существует такая «животная книга», в которой указана продолжительность жизни каждого человека.

Стр. 78. *Я хочу, чтоб меня ту минуту аркибузировали...* — *Аркибузировать* — расстрелять.

НЕДОРОСЛЬ

Комедия написана в 1781 году. Впервые представлена в театре 24 сентября 1782 года. Первое издание «Недоросля» вышло в 1783 году.

Указом 1714 года Петр повелел всем дворянам служить в военной или гражданской службе. Но не получившие образования дворяне на службу не принимались, и им запрещалось жениться. Так правительство насильно заставляло дворян учиться. «Недорослями» официально называли молодых дворян, еще не получивших свидетельства об образовании, без которого нельзя было поступить на службу.

Стр. 117. *...каковым изображен наместник в учреждении...* — В 1775 году Екатерина издала «Учреждение для управления губерний». Во главе каждой губернии стоял губернатор и его помощник — вице-губернатор. На 2—3 губернии назначался наместник, который должен был представлять особу государя и осуществлять верховную власть. При нем было наместническое правление; членом его и состоял Правдин. Ссылка на «Учреждение» носит издевательский характер. В своем «Учреждении» Екатерина демагогически повелевала наместнику быть «оберегателем изданного узаконения, ходатаем за пользу общую и государеву, заступником утесненных». Наместники имели право «пресекать всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, обуздывать излишества, беспутство, мотовство, тиранство и жестокость». Получив необъятную власть, наместники использовали ее в своих корыстных целях. Огромные административные округа, вверенные

им для управления, они превратили в свои вотчины. Одним из таких наместников был фаворит Екатерины Г. А. Потемкин. К году появления «Недоросля» уже было хорошо известно, что такое «государевы наместники». Фонвизин внушает зрителю мысль — как легко можно было бы, даже без особых усилий, без реформ обуздать тиранствующих помещиков, *если бы* Екатерина хотела использовать то, о чем демонстративно заявляла, *если бы* наместники были действительно такими, как это изображено в «Учреждении». А для этого надо было не так уж «много», как говорит Правдин, — надо, чтоб наместник был «честный человек» и «помогал страждущему человечеству».

Стр. 136. *Нет, братец, ты должен образ выменять господина офицера...* — то есть купить икону с изображением того святого, имя которого носит офицер.

Стр. 159. *...в роде своем не последний.* — Ироническое использование официальной формулы дворянских родословных.

...ни в какой герольдии не отыщешь. — В сенате существовал департамент герольдии, занимавшийся делами дворян (выдавал документы о происхождении, о предках, о прохождении службы, о получении наград и т. д.).

Эдак вы нас уверите, что он старее Адама... — В библии рассказывается, что бог сотворил мир в шесть дней. В шестой день с начала сотворения были созданы звери, а уж потом Адам. Правдин иронически намекает зрителю, что Скотинин произошел не от человека (Адама).

Стр. 172. *...да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?* — «Указом о вольности дворянской», изданном в 1762 году Петром III, дворяне освобождались от службы, получали новые льготы и привилегии.

...повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни. — Брать в опеку имения помещиков, то есть вмешиваться в отношения дворян с крестьянами с целью ограничения прав представителей «благородного сословия», может только истинно просвещенный монарх. Таким монархом Екатерина не являлась, но им был в свое время Петр I, который специальным указом и ввел опеку правительства над имениями помещиков-тиранов. В пору своего показного либерализма Екатерина в «Наказе» (1767) в статье 256 напомнила об этом: «Петр I узаконил в 1722 году, чтоб безумные и подданных своих мучащие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение, а последнее для чего без действа

осталося неизвестно» («Наказ», СПб., 1793, стр. 89). Фонвизин отважно свидетельствовал — указ Петра сознательно не выполняется Екатериной II, она не хочет его применять, и потому, значит, она виновата в преступных действиях Простаковых и Скотининых.

ДОБРЫЙ НАСТАВНИК

Отрывок комедии при жизни Фонвизина не печатался. До нас дошло два явления. Второе — переделано в сатирическую сцену «Разговор у княгини Халдиной» и включено в журнал «Друг честных людей, или Стародум», который должен был выходить в 1788 году. Фонвизин неоднократно жаловался на то, что головные боли затрудняют его работу над большими произведениями. Потому он и отказался от работы над комедиями и в 80-е годы стал переходить к прозе, создавая небольшие по размеру произведения. «Добрый наставник», видимо, писался после «Недоросля» — в 1783—1784 годах. Но путешествие за границу (1784—1785), болезнь (1785—1786), новое путешествие для лечения (1786—1787) помешали кончить Фонвизину «Доброго наставника». Подготавливая осенью 1787 и весной 1788 года прозаические статьи для журнала «Друг честных людей, или Стародум», Фонвизин и воспользовался отрывком неоконченной комедии.

Стр. 183. *Первые осьмнадцать, сидя дома, служил я отечеству гвардии унтер-офицером.* — Указом Петра I каждый дворянин обязан был служить, и при этом начинать службу военную с рядового, гражданскую — с писца. Богатые дворяне обходили этот указ. При Елизавете Петровне дворяне начали записывать своих детей в полки капралами, унтер-офицерами и сержантами и держали их дома до совершеннолетия. Производство же в чины считалось с момента записи в полк. Подобные незаконные действия, как говорит Сорванцов, требовали вознаграждения, — вот почему родные его регулярно отправляли «посылки» полковому секретарю.

Стр. 184. ...*сетелева* — карточный термин.

...*из моего цуга выпрягли четверню и велели ездить на паре.* — В сословном дворянском государстве и выезд определялся в соответствии с знатностью и служебным положением того или иного лица. Дворяне первых классов (по табелю

о рангах) могли запрягать в экипажи шестерку или четверку лошадей. Только четверка полагалась шестому — восьмому классу. Следующие чины ездили на паре, а не чиновные, бедные дворяне и люди «низкого звания» имели право ездить только на одной лошади. Таким образом, количество лошадей, запряженных в карету, являлось внешним показателем знатности дворянина. Сорванцов самовольно ездил четверней. Когда ему это запретили, он решил быстро получить такой чин, который бы позволял вновь ездить на четверке.

ВЫБОР ГУВЕРНЕРА

Комедия при жизни Фонвизина не печаталась, поскольку не была окончательно завершена. Писатель работал над ней в последние годы жизни (1790—1792). Впервые напечатана в 1830 году в издании сочинений Фонвизина под редакцией П. П. Бекетова.

«Выбор гувернера» — последнее драматическое сочинение больного писателя, замечательное свидетельство идейной верности Фонвизина своим просветительским убеждениям. Упрекать в художественной слабости эту пьесу, как это делает К. В. Пигарев («Творчество Фонвизина», М., 1954, стр. 254—255), бессмысленно, потому что, несомненно, комедия не завершена. То, что дошло до нас, не более как краткий набросок идейных и сюжетных событий будущей комедии. Писатель крупно обозначил столкновение просветительски настроенной группы дворян (Сеум, Нельстецов) с аристократами (княгиня Слабоумова, графиня Самодурова), тщательно сформулировав идейную программу своих положительных героев. Конспективность комедии проявилась и в отсутствии индивидуализации речи, и в отказе от подробного раскрытия характеров в действиях, поскольку автор задался целью лишь начертить линию идейного конфликта. Особенно отчетливо эта конспективность проявляется в условных, немотивированных появлениях на сцене Нельстецова, Самодуровой и учителя Пеликана. Следует помнить также, что комедия дошла до нас не в полном виде: в ней недостает важной части — идейного спора Сеума с князем во втором действии.

Сохранившаяся редакция комедии «Выбор гувернера» важна прежде всего для понимания идейной позиции Фонви-

зина после французской революции 1789 года. Существующее в науке мнение (см. указанную книгу Пигарева), что Фонвизин отступился от своих просветительских убеждений и стал с реакционных позиций осуждать революцию, — несправедливо. Прежде всего следует помнить, что, как просветитель, Фонвизин никогда не принимал революционного пути и всегда выступал пропагандистом идеи воспитания. «Выбор гувернера» тем и интересен, что он показывает, как даже после Французской революции Фонвизин не изменил своим убеждениям и счел необходимым выступить с программой просветительских действий в новых политических обстоятельствах.

Сравнение «Выбора гувернера» с «Недорослем» показывает, что драматург ни в чем не отступил от своих взглядов. Устами Стародума Фонвизин заявлял о государственной и политической важности воспитания. Забота о воспитании, говорил он, — главная забота государя. Цель воспитания, по Стародуму, — «возвеличить души своих подданных». Нельстецов — главный герой «Выбора гувернера», как и Стародум, — независимый человек, дворянин, штаб-офицер в отставке, имеет достаток, который принесла ему честная служба отечеству. И все же он собирается заняться воспитанием, ибо воспитывать для него значит исполнять свой гражданский долг.

Фонвизин в новой комедии восстает против сословно-дворянских представлений о том, что достоинство человека состоит в происхождении, в «породе». Признавая, как и все просветители, разделение общества на сословия, Фонвизин указывает, что не может быть равенства состояний. Именно так следует и понимать следующие слова Нельстецова: «Но равенства состояний никогда достигнуть не могут, какие бы законы они ни сделали, ибо всегда одна часть подданных будет принесена на жертву другой. Вот что я думаю о нынешнем законодательстве французском». В этих словах нет ничего реакционного, — реальный политик Фонвизин отлично видел, что новое революционное законодательство не принесло Франции обещанной свободы и равенства состояний. Видя на примерах истории и современности, что равенства состояний не существует, что его нет даже в революционной Франции, Фонвизин не проповедует права угнетения одного сословия другим. Ему ненавистно порабощение человека человеком. Оттого он и выступает против того политического строя, при котором один человек, одно сословие

приносится в жертву другому человеку или другому сословию. Развивая мысль о равных должностях каждого человека в обществе, Фонвизин в «Выборе гувернера» излагает свое понимание неравенства. Подданные должны жертвовать своими интересами, но не для *пользы* таких же, как они, *людей*, а *для блага отечества*. Нельстецов так формулирует фонвизинскую мысль: «Необходимо надобно, чтоб одна часть подданных для блага целого государства чем-нибудь жертвовала».

ПОЭЗИЯ

ЛИСИЦА-КОЗНОДЕЙ

Басня написана в 1762—1763 годах. Широко распространялась в списках. Впервые напечатана в 1787 году в журнале «Распускающийся цветок».

ПОСЛАНИЕ К СЛУГАМ МОИМ

Стихотворение написано в начале 60-х годов. Впервые напечатано в 1769 году в книге «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность». «Послание» адресовано к реальным лицам: Михаил Шумилов — дядька и наставник Фонвизина, живший в его доме в Петербурге; Шумилов — человек грамотный, писавший отлично челобитные и прошения не только чужим людям, но и для самого писателя; Ванька — кучер; Петрушка — домашний парикмахер. Как свидетельствуют письма Фонвизина к родным из Петербурга, писатель часто беседовал со своими слугами (см., например, письмо от апреля 1766 года).

ПОСЛАНИЕ ЯМЩИКОВУ

Неоконченное стихотворение; при жизни Фонвизина не печаталось.

К УМУ МОЕМУ

Стихотворение не окончено; при жизни Фонвизина не печаталось.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ [К РОМАНУ ТЕРАССОНА «ГЕРОЙСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ, ИЛИ ЖИЗНЬ СИФА, ЦАРЯ ЕГИПЕТСКОГО»]

Напечатано в первом томе романа, вышедшего в Москве в 1762 году.

ОПЫТ РОССИЙСКОГО СОСЛОВНИКА

Впервые напечатано в журнале «Собеседник любителей российского слова» за 1783 год (ч. I, IV, X). Термином *«сослово»* Фонвизин перевел синоним (sinonime), дав такую мотивировку: «Мне кажется, буде наш язык терпит такие составные слова, как сотоварищ, соучастник, соправитель, для чего же бы не сказать и сослово?» «Сословник» — словарь синонимов.

Занимаясь в течение ряда лет переводами, Фонвизин еще в 70-е годы проявил интерес к проблемам языка, участвуя в составлении французско-русского словаря (см. примечания к письму Я. И. Булгакову из Монпелье). «Опыт российского сословника» — своеобразное по жанру произведение, где под предлогом филологических разысканий читателю преподносилась политическая сатира. При подготовке «Опыта» Фонвизин использовал «Словарь синонимов» французского аббата Жирара. Из ста пяти слов, объясненных Фонвизиным, почти буквально перевел он из словаря Жирара следующие: робкий, трусливый, полно, довольно, проступок, вина, помогать, пособлять, совершить, правота, всегда, влюбленный, мир, тишина, покой. Перевод этих нейтральных слов как бы прикрывал группы синонимов, совершенно отчетливо трактовавших политические темы, иллюстрированные сатирическими примерами.

ПРИМЕЧАНИЯ НА КРИТИКУ «ОПЫТА РОССИЙСКОГО СОСЛОВНИКА»

Во второй части «Собеседника любителей российского слова» было напечатано письмо Любослова с возражением «касательно стройности мысли и расположения слов» в державинской оде «Фелица» и фонвизинском «Опыте российского сословника». В третьей части журнала Фонвизин поместил свои «Примечания на критику».

НАЧЕРТАНИЕ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНО-РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА

Написано в сентябре 1783 года. При жизни Фонвизина не печаталось.

[В ЗАЩИТУ «НАЧЕРТАНИЯ»]

Письмо впервые напечатано в 1803 году в журнале Карамзина «Вестник Европы» (№ 19), куда его передал О. П. Козодавлев. Карамзин снабдил письмо своими примечаниями, которые и воспроизводим:

Стр. 252. *Как примечания, так и резоны.* — «Разумеется, что Фонвизин не употребил бы слова резон, если бы писал для публики и для печати».

Стр. 254. ...*как у Сенюшки есть денежки, сказано бедному Семену*... — «Кто любопытен знать, что бедному Семену сказано, тот может заглянуть в «Собрание русских пословиц». В «Собрании» пословица читается так: *у Сенюшки две денежки — Сенюшка Семен, а у Сенюшки ни денежки б.... сын Семен.*

Стр. 256. ...*аберрация и перигей, многим нехронологам знакома эпакта*... — «Смысл аберрации выражается русским словом уклонение, следовательно, можно и не ставить латинского слова; но греческие эпакта и перигей должны, без сомнения, войти в лексикон».

Стр. 257. ...*то буде луда и тундра очень хороши*... — «Сибирское слово тундра должно быть в русском лексиконе, ибо никаким другим мы не означим обширных, низких, безлесных равнин, заросших мохом, о которых может говорить поэт, географ, путешественник, описывая Сибирь и берега Ледовитого моря, но в луде, кажется, нет большой нужды».

Стр. 259. ...*из словаря аналогического шестьдесят членов Российской Академии ни в пять лет не сделают словаря этимологического.* — «Это отчасти справедливо; но все ли догадаются, что надобно искать, например, облака в литере В. Многие должны рыться во всех аналогических таблицах, чтобы отыскать это слово».

ПЕРЕВОДЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

БАСНИ НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ГОЛБЕРГА

Перевод басен крупнейшего датского писателя Гольберга Фонвизин делал с немецкого языка. В 1761 году Фонвизин выпустил сборник в составе 183 басен. В 1765 году вышло второе издание с добавлением 42 басен. Среди них такие, как «Пан делает учреждение» и «Свойство тех червячков, которые живут в сырах». Печатаются по последнему прижизненному изданию 1787 года.

ТОРГ СЕМИ МУЗ

Впервые напечатано в журнале Московского университета «Собрание лучших сочинений к распространению знаний и к произведению удовольствий» в 1762 году.

СИДНЕЙ И СИЛЛИ, ИЛИ БЛАГОДЕЯНИЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ

Перевод впервые вышел в Москве в 1769 году.

Стр. 404. *«Посвящение к госпоже...»* — В «Чистосердечных признаниях» Фонвизин рассказал о своем серьезном и глубоком увлечении одной замужней женщиной. Сначала он встречался с нею в Москве, а затем вместе с ней и ее сестрой провел лето в 1769 году в подмосковной деревне. «Тут проживши с неделю, — вспоминал Фонвизин, — так я в нее влюбился, что никогда оставить ее не мог, и с тех пор во все течение моей жизни по сей час сердце мое всегда было занято ею. Ибо страсть моя основана на почтении и не зависела от разности полов».

ИОСИФ

Впервые поэма вышла в Москве в 1769 году. В ней дается довольно точный пересказ библейской легенды об Иосифе.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

Г. П. Макогоненко. Жизнь и творчество Д. И. Фонвизина V

ДРАМАТУРГИЯ

Корион 3
Бригадир 45
Недоросль 105
* Добрый наставник 179
Выбор гувернера 187

ПОЭЗИЯ

Лисица-Кознодей 207
Послание к слугам моим 209
Послание к Ямщикову 213
Эпиграмма 215
К уму моему 216

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Предисловие [к переводу романа Терассона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского»] 221

---

[1] Звездочкой обозначены произведения, впервые печатаемые в составе собрания сочинений Д. И. Фонвизина.

Опыт Российского сословника 223
Примечания на критику «Опыта Российского сословника» 237
* Начертание для составления Толкового словаря славяно-российского языка 240
* Способ, коим работа Толкового словаря удобнее... производиться может 248
[В защиту «Начертания»] 252

ПЕРЕВОДЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Басни нравоучительные Голберга

1. Путешествие голубя в чужие края 263
2. Крестьянин и собака 263
3. Кот сделался пустынником 264
4. Лисица показывает опыт своего лукавства . . 265
5. Об осле, который принял на себя докторскую должность 266
6. О терновнике 266
7. Козел философ 267
8. Нравоучение жаворонка 268
9. Хамелеон и кошка 269
10. Военный суд над зайцем 271
11. Лисица требует осла в суд 272
12. Война у барса с тигром 273
13. О козле, который велел выбрить себе бороду 274
14. Мнение козла сего о свадьбе старого мещанина 274
15. Которая тварь пред всеми имеет преимущество 275
16. Война зверей против людей 275
17. Утешение в несчастии 278
18. Крестьянин, дракон и лисица 279
19. О волке 281
20. Слон и бобр 281
21. Осел судьею 282
22. Обезьяна 283
23. Выдра лекарем 284

24. О двух обезьянах 284
25. Обезьяна нравоучителем 285
26. Корабль в месяце 285
27. Обезьяна и осел 286
28. Кошка философствует 286
29. Лисица и хамелеон 287
30. Лев, змея и крот 287
31. Волк и медведь 288
32. Причина ненависти между волком и собакою 289
33. Олень и кошка 289
34. Лошадь знатной породы 290
35. Гордость крота 291
36. Разговор между волком и лошадью 291
37. Выдра и лисица 292
38. Неосновательная обезьянина жалоба 292
39. Медведь и лисица 293
40. Разумное прошение журавля 293
41. Нравоучительные речи журавля и ястреба . 294
42. Достойное награждение 295
43. Ассидемоновы жалобы на зверей 295
44. Разумное боброво решение 296
45. Об орле и молодых лисицах 296
46. О пчелах 297
47. Наказание гиерофиту 298
48. О рыси 299
49. Превращение юстиции 299
50. Неудачное лисицыно предприятие 300
51. Аполлон посещает лес 301
52. Кошка в крестьянском поставце 302
53. Жалоба зверей и птиц 302
54. Лисица судьею 303
55. Жалоба лягушек 304
56. Мышь в сыре 304
57. Разговор крестьянина с кроликом 305
58. Пчела и паук 306
59. О сове 306
60. Лисицыно нравоучение 306
61. Гусева смелость 308
62. Обезьяна живописцем 309
63. Гордая свинья 310

64. О кокушке 311
65. Юпитер узнал то, чего не желал знать . . . 311
66. Осел караульщиком 312
67. Лисицына и волкова проповедь 312
68. Утки и тюлень 313
69. Ослова гордость в благополучии 314
70. Телята и олень 314
71. Собака и волк 315
72. Осел библиотекарем 315
73. Судьба истории 316
74. О зайце 317
75. Договор между лисицею и волком 317
76. Обезьяна и человек 317
77. Жалоба тигрова 318
78. Два козла 318
79. Крестьянин и петух 319
80. Лисица и бык 320
81. Ссора у метафизики с земледельством . . . 320
82. Последнее волково завещание 321
83. Для чего феникс никогда почти невидим? . . 322
84. Сорока оратором 322
85. Об отце, который искал сына 323
86. Риторика и ветер 323
87. Об осле, который проглотил месяц 324
88. Лисица и осел 325
89. Козленок отвечает волку 325
90. Черепаха желает быть скороходом 326
91. Мышь и паук 326
92. Журавль лекарем 327
93. Козел и жемчужная раковина 327
94. Посольство Юпитера к Пану 327
95. Неожидаемая обезьянина кончина 328
96. Офицер и хозяин 328
97. Обезьяна стихотворцем 329
98. Лисицына критика о произвождении двух обезьян 329
99. Ссора у медицины с хирургиею 330
100. Суд между правдою и ложью 331
101. Договор между философиею и механикою . . 331
102. Спор у наук о первенстве 332

103. Жизнь педантерии 333
104. Лисица ворожеею 335
105. Безрассудный ответ молодого кавалера . . . 336
106. Лисица привела в стыд астрологию 336
107. Дьявол и лисица 337
108. Лисица и волк 337
109. Молитва волков 338
110. Ночная жалоба на месяц 339
111. Превращение гусыни, свиньи и кошки . . . 340
112. Обезьяна желает смерти 341
113. Неудачный волков обман против овец 341
114. Юпитер посещает лес 342
115. Мирный договор между благочестием и философиею 343
116. Перемирие между суеверием и неверием . . 344
117. Лисица и волк 346
118. Об осле, который хотел быть певчим . . . 348
119. Обезьяна, которая хотела ловить рыбу . . . 348
120. О кроте 349
121. Девка и попугай 349
122. О лисице 350
123. Соловей и свинья 350
124. Свинья и хамелеон 351
125. Решение на медведеву просьбу 351
126. Кошка с котятами 352
127. Надгробная надпись сороке 352
128. Отчего злые жены произошли в свете? . . . 353
129. О двух воронах. Персидская 353
130. Судьба пастуха Дамона 354
131. Награжденная лошадь 354
132. Крестьянин отвечает солдату 355
133. Междоусобная война у муравьев 355
134. О человеке, который хотел утопиться 356
135. Злонравная старуха 356
136. Осел-дворянин 357
137. Расспрос в лесу 357
138. Дьявол и лисица 357
139. Лисица советует бобру 358
140. Волк приносит извинение 358
141. Превращенный осел 359

142. Лекари и стряпчие 360
143. Брачная судьба 360
144. Кошка хвастает своим дворянством 362
145. Лев предприял жениться 363
146. Дракон и крестьянин 363
147. Игра карт 364
148. Духовное подаяние 365
149. Два маркитанта 366
150. Тщеславие 366
151. Смерть и кот 366
152. Найденное сокровище скупого 367
153. Крыса и смерть 368
154. Волк и гиерофит 368
155. Разговор волков с другим гиерофитом 369
156. Сорока и попугай 371
157. Волк и медведь 372
158. Кошка и котенок 372
159. Экономический совет 373
160. Дамонова молитва 374
161. Заимодавцева клятва 374
162. Кротова гордость 374
163. Великий стихотворец 375
164. Путешествие в город благополучия 376
165. Милосердая Лукреция 376
166. Осел и лошадь 377
167. О гренландце 377
168. Утренняя Апициева молитва 377
169. Терновниково превращение 378
170. Швея потеряла иголку 379
171. Двое купцов 380
172. Два брата 380
173. Китайская 381
174. Различные желания льва и львицы 382
175. Поросенок хорошего воспитания 382
176. Перемена платья 383
177. Козел ищет правосудия 384
178. Леопорины фижмы 384
179. Отложенное покаяние 384
180. Медведь и козленок 385
181. Разные дороги в город благополучия 385

182. Последнее лисицыно покаяние 386
183. Пан делает учреждение 387
184. Месяц 389
185. Трубочист 390
186. Кулик-лекарь 390
187. Ученая женщина 391
188. Распря у зверей 391
189. Свойство тех червячков, которые живут в сырах 392
190. Сорока и шершень 394
191. Жалоба дуба 395
192. S. T. 395
193. [Жалобы месяца] 396
194. Обезьяны и медведь 396
195. Злые старые бабы 397
196. Дьявол и козы 397
197. Медведь — главный судья 398
198. Ссора между зверьми обоего пола 398
199. Медведь 399
200. Проклятая крыса 399
201. Свинья и петиметр 399
202. Духовная Феофила 400
203. О великом послании в остров Ацирему . . . 400
204. Лисица и дьявол 402
205. Бобр судьею 402
206. Два козла 403
207. Мир жен 403
208. Льву советует лисица 404
209. Хвастовство Леандрово 404
210. Решение рыбака 405
211. Рыболов и лисица 405
212. Муж 405
213. Действие слепой веры 406
214. Волк 407
215. Завещание Лизимоново 407
216. Американец 407
217. Пременившийся милостыни датель 408
218. Худое извинение 408
219. Кокетка 409
220. Женитьба — лотерея 409

221. Надежное средство получить желаемое . . . 409
222. Государь извиняет своего градодержателя . . 410
223. Два корабельщика 410
224. Жалоба ястреба 411
225. Крестьянская лошадь и манежная 411
Торг семи муз 412
Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность . . 417
Иосиф 443

Комментарии 609

Д. И. ФОНВИЗИН

Собрание сочинений, т. 1.

Редактор Р. Софронова
Художественный редактор
Л. Чалова
Технический редактор
Л. Крючкина
Корректор И. Кузнецова

Подписано к печати 20/III 1959 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ — 21,25 печ. л.=
=34,85 усл. печ. Уч.-изд. л. 30,65+
+1 вкл.=30,69 л. Тираж 75000 экз.
Заказ № 413. Цена 9 р. 75 к.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград. Невский пр., 28.
Ленинградский Совет
народного хозяйства.

Управление полиграфической
промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор»
им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.